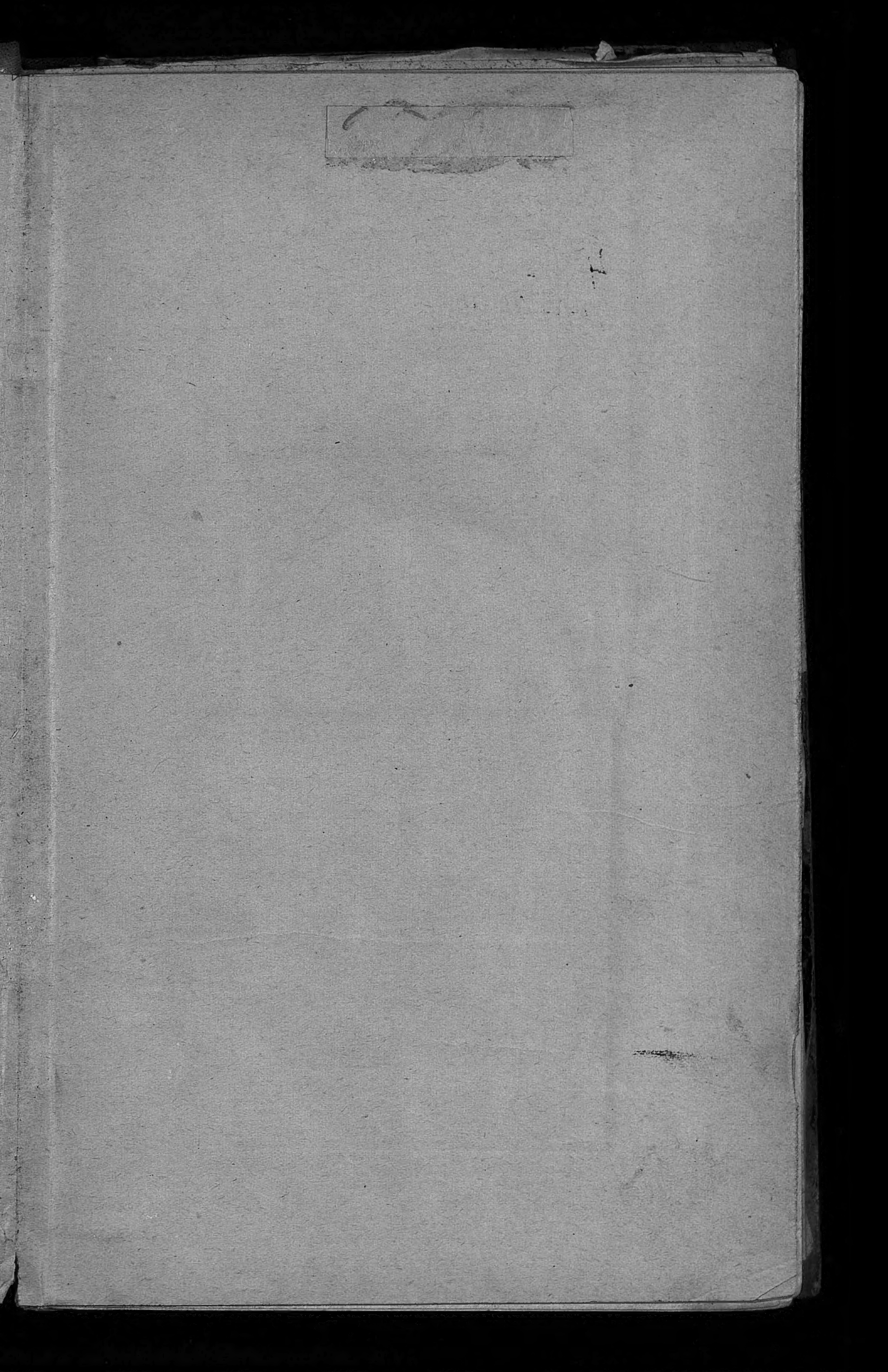
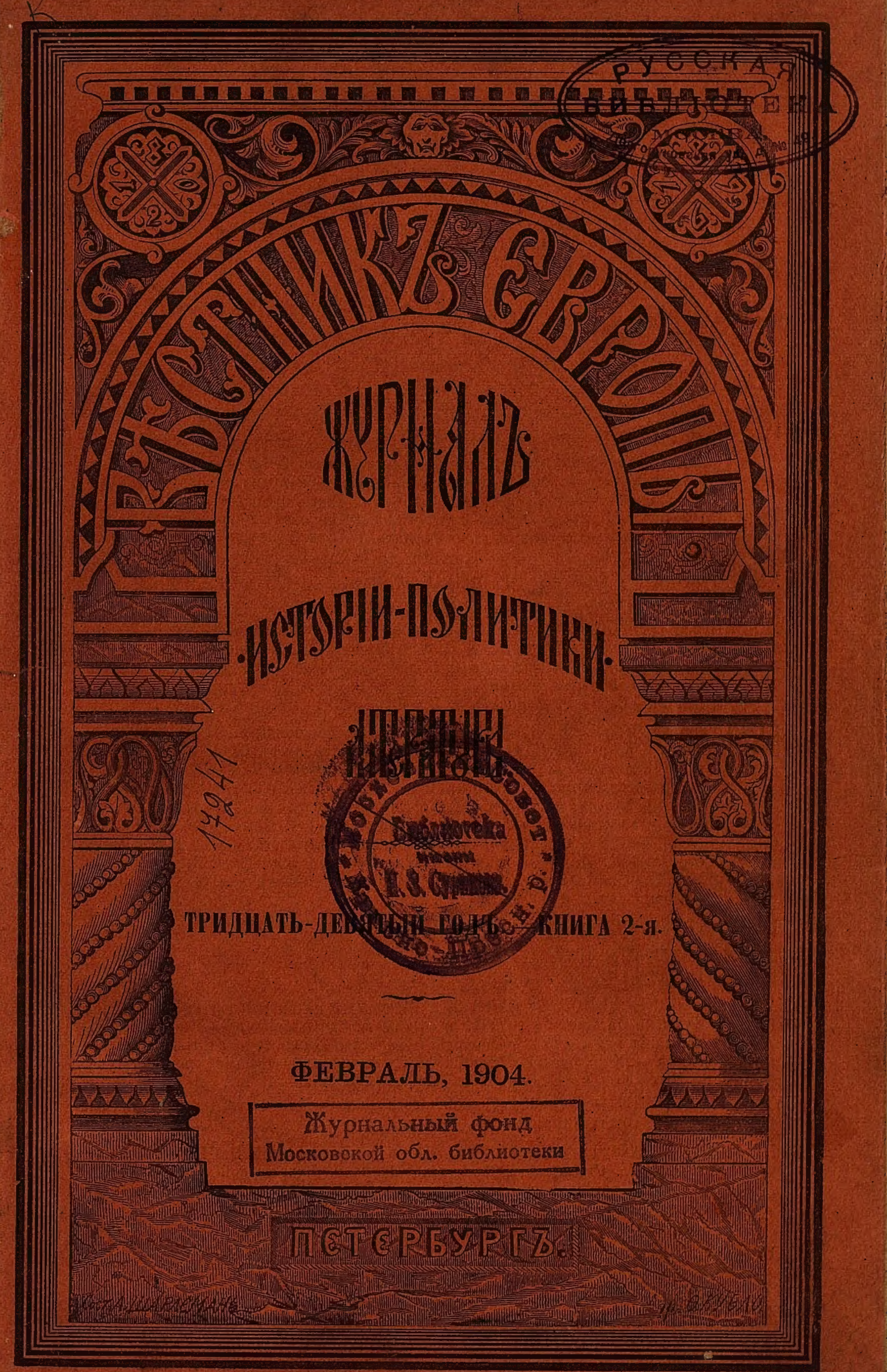

ккррр!» и благословляетъ опять бубн
разъ публика отвѣчаетъ на этотъ воз
Послѣ этого бѣжитъ къ дверямъ юрт
трели *орбой* по жердямъ, послѣ обря
водою черезъ трубу, — поетъ арію
няясь къ нимъ, то поворачиваясь, то
запно выскакиваетъ изъ юрты. Тамъ
гласахъ, круженіяхъ, бряканьяхъ,
рахъ бубна онъ совѣщается съ *тѣсь-*
наговоры его полезны и дѣйствител
лечить больную или нѣтъ? Получивъ
вскакиваетъ въ юрту, бѣгаетъ кругом
и объявляетъ присутствующимъ это
ставитъ у дверей юрты на лѣвой сто
на правой 3-хъ холостыхъ татаръ, т
рядъ, дѣвицъ лицомъ къ мужчинамъ
діи безъ словъ или свои унылыя пѣс
такту его бубна и звукамъ его голоса
по срединѣ ихъ, перевертывается

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1904.

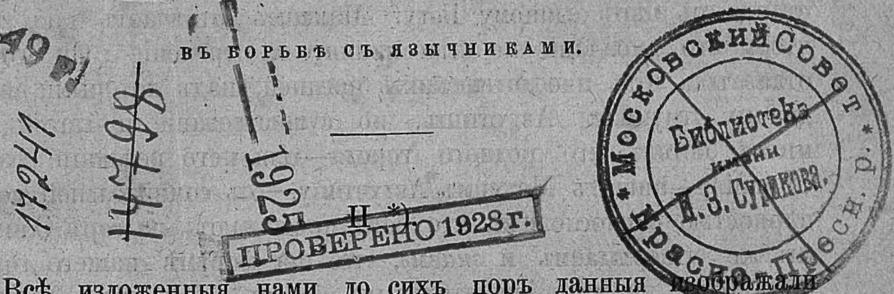
Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1904-го года
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЯЗЫЧНИКАМИ.

II *)

Всѣ изложенныя нами до сихъ поръ данныя изображали Августина въ его борьбѣ съ язычниками и выясняли его отношеніе къ жгучему въ то время вопросу о сверженіи идоловъ. Но кромѣ этой практической стороны, борьба съ язычествомъ представляла еще другую, теоретическую. И послѣ уничтоженія идоловъ язычество продолжало жить въ умахъ и сердцахъ своихъ поклонниковъ: образы языческихъ боговъ не покидали ихъ воображенія, и доводы ихъ философовъ противъ христіанскихъ вѣрованій и таинствъ не утрачивали для нихъ своей убѣдительности.

Признавъ великимъ дѣломъ ниспроверженіе идоловъ *внутри* человѣка, Августинъ не упускалъ случая вступать въ сношеніе съ выдающимися или вліятельными язычниками, чтобы опровергнуть ихъ доводы въ пользу язычества или устранить ихъ сомнѣніе относительно христіанства. То онъ отвѣчалъ на обращенные къ нему запросы, то самъ вызывалъ противника или скептика на обмѣнъ мысли. Кромѣ значенія, которое имѣетъ эта переписка для исторіи христіанской догматики, она интересна для характеристики язычества въ эпоху его паденія и для во-

*) См. выше: янв., 5 стр.

проса о вліяніи христіанства на паденіе римской имперіи. Самый ранній образчикъ такой переписки представляютъ собой письма, которыми обмѣнялись Августинъ и старецъ Максимъ, грамматикъ (литераторъ) въ Мадаурѣ, гдѣ учился Августинъ. Письма эти относятся къ 390 году, когда Августинъ еще не принималъ священства и жилъ въ Тагастѣ, по сосѣдству съ Мадаурой. Это было еще до суровыхъ законовъ Валентиніана II и Θеодосія, поставившихъ язычество въ положеніе гонимой религіи, что̀ и отразилось на самоувѣренномъ и ироническомъ тонѣ восьмидесятилѣтняго старца, взявшагося защищать вѣрованія своей юности, которымъ онъ не хочетъ измѣнить.

Изъ письма Максима видно, что Августинъ уже не разъ къ нему обращался, обличая языческихъ боговъ и призывая ученаго старца къ вѣрѣ единому Богу. Максимъ отвѣчаетъ для того, чтобы его „молчаніе не было принято за отреченіе“. Онъ готовъ отказаться отъ миθологическихъ бредней, надъ которыми, повидимому, глумился Августинъ, но существованіе и благой промыслъ боговъ его родного города—для него реальный фактъ. „Греція,—пишетъ Максимъ Августину,—съ сомнительной достовѣрностью баснословила, что боги проживаютъ на горѣ Олимпѣ: мы же утверждаемъ и *знаемъ*, что на форумѣ нашего города обрѣтается не мало спасительныхъ боговъ“. Но вѣра въ нихъ не препятствуетъ Максиму признавать надъ ними того же Бога, о которомъ ему писалъ Августинъ: ибо кто же настолько „безуменъ, настолько лишенъ здраваго смысла, чтобы не считать несомнѣннымъ существованіе единаго, верховнаго Бога, безначальнаго и бездѣтнаго, но отца величайшаго. Его свойства, проявляющіяся въ міротвореніи, мы величаемъ разными именами, потому что никто изъ насъ не вѣдаетъ настоящаго его имени. Ибо Богъ (Deus) есть имя общее всѣмъ религіямъ. Такимъ образомъ, взывая къ нему различными мольбами, мы почитаемъ его въ его цѣлости и единствѣ“.

Затѣмъ Максимъ изъ оборонительнаго положенія переходитъ въ наступательное и возвращаетъ христіанамъ упрекъ въ многобожіи: „кто,—восклицаетъ онъ,—можетъ стерпѣть, чтобы Юпитеру-громовержцу предпочитали какого-то *Мигдона* [1]), Юнонѣ, Минервѣ, Венерѣ и Вестѣ—какую-то *Санаю*, а всѣмъ безсмертнымъ богамъ—о, ужасъ!—архимученика *Нимфаніона* и безчисленныхъ другихъ, съ ихъ ненавистными богамъ и людямъ именами,

[1]) Мигдонъ или Мигикъ—имя одного изъ африканскихъ мучениковъ, неточно сохранившееся въ рукописяхъ.

—которые въ сознаніи нагроможденныхъ ими нечестивыхъ преступленій, потерпѣли—подъ видомъ славной смерти — конецъ, достойный ихъ скверныхъ нравовъ и дѣйствій. Ихъ-то пепелища, покинувши храмы, забывъ могилы своихъ предковъ, глупые люди посѣщаютъ... И мнѣ представляется, какъ будто въ наше время вновь возгорѣлась война у Акціума, и что египетскія чудища снова дерзаютъ потрясать копьемъ, грозя римскимъ богамъ—впрочемъ ненадолго".

Языческій риторъ, сравнившій поклоненіе мученикамъ съ нашествіемъ варварскихъ восточныхъ суевѣрій, чувствовалъ, однако, не малое смущеніе передъ духовнымъ оружіемъ христіанскаго апологета: „Объ одномъ прошу тебя, мудрѣйшій мужъ, — продолжалъ Максимъ,—чтобы ты, отложивъ въ сторону силу краснорѣчія, которымъ ты всѣмъ извѣстенъ, а также Хризипповы доводы, которыми ты привыкъ сражаться, и ту діалектику, которая старается ухищреніями уничтожить всякую твердую точку опоры,—показалъ намъ того Бога, котораго вы, христіане, присвоиваете себѣ, какъ бы вашего собственнаго Бога, притворяясь, что вы видите его наяву въ скрытыхъ мѣстахъ. Мы же явно возсылаемъ нашимъ богамъ благочестивыя молитвы и во всеуслышаніе и на глазахъ у всѣхъ смертныхъ пытаемся умилостивить ихъ угодными имъ жертвами, стараясь, чтобы все это видѣли и знали".

Уклоняясь по дряхлости отъ продолженія полемики съ человѣкомъ, принадлежавшимъ не къ его толку, Максимъ выражаетъ опасеніе, что его письмо будетъ предано пламени, но прибавляетъ, что если это случится, то погибнетъ только бумага, а не оригиналъ письма, которое онъ сохранитъ навсегда для всѣхъ религіозныхъ людей. Въ заключеніе, Максимъ выражаетъ желаніе, чтобы боги охраняли Августина, тѣ боги, черезъ посредство которыхъ совокупность людей на землѣ почитаетъ, въ согласномъ разногласіи, на тысячи ладовъ общаго своего отца.

Письмо Максима давно обратило на себя вниманіе историковъ, но нужно замѣтить, что многіе изъ нихъ влагали въ него тотъ смыслъ, который подходилъ къ проводимой ими точкѣ зрѣнія на дѣло. Вольтеръ въ своей борьбѣ съ католицизмомъ идеализировалъ язычество эпохи паденія и видѣлъ въ Максимѣ представителя широкаго философскаго деизма. Возражая противъ этого, Буассье усматриваетъ въ письмѣ Максима идеи и языкъ тѣхъ *умѣренныхъ* язычниковъ, которые мечтали о примиреніи язычества съ христіанствомъ, или, по крайней мѣрѣ, о способахъ обезпечить имъ мирное сосуществованіе. Ферреръ также

видитъ въ письмѣ Максима „драгоцѣнное свидѣтельство тѣхъ попытокъ къ примиренію, которыя тогда предпринимались", но не хочетъ, какъ Буассье, считать Максима *мудрецомъ*, а съ своей апологетической точки зрѣнія ставитъ на видъ язычнику Максиму всю „тщету его усилій". Письмо Максима изъ Мадауры для насъ любопытный образчикъ настроенія языческой *интеллигенціи* въ IV-мъ вѣкѣ. Какъ въ самомъ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, она крѣпко держится за *мѣстную* святыню, за боговъ своего форума, или куріи, но она не даромъ проникнута римскимъ образованіемъ: она почитаетъ своихъ мѣстныхъ боговъ въ *греко-римскомъ* обликѣ, и ея отчужденіе отъ національнаго, варварскаго элемента характерно проявляется у Максима въ непониманіи именъ мѣстныхъ христіанскихъ мучениковъ. Тѣсная связь этой интеллигенціи съ языческимъ Римомъ особенно проявляется въ ея монотеистическихъ представленіяхъ. Римъ объединялъ „языки" (gentes), соединяя ихъ боговъ въ своемъ пантеонѣ. Это политическое объединеніе боговъ въ общемъ отечествѣ представляло благопріятную почву для духовной реформы политеизма, для философскаго объединенія боговъ въ идеѣ общаго божественнаго начала или единаго, верховнаго Бога, безначальнаго и бездѣтнаго. Но этотъ политеистическій деизмъ далекъ отъ строгаго монотеизма, который проводитъ Августинъ. Кромѣ того, Максимъ выставляетъ свой деизмъ не для того, чтобы найти въ немъ примиреніе съ Августиномъ, а чтобы оправдать многобожіе, которое по его мнѣнію и есть единственно возможное поклоненіе единому, но невѣдомому Богу. Примиренія съ христіанами Максимъ вовсе не желаетъ. Завзятый врагъ іезуитовъ былъ совершенно правъ, когда въ этомъ отношеніи увидѣлъ единомышленника въ Максимѣ. Для послѣдняго христіане гораздо дальше отъ почитанія единаго Бога, чѣмъ язычники, ибо вмѣсто „безсмертныхъ боговъ" они покланяются безсчетному числу „смертныхъ",— „потерпѣвшихъ справедливую казнь за свои злодѣянія въ жизни".

Что же отвѣтилъ Августинъ на эти обвиненія?

Трудно сказать, чѣмъ Августинъ былъ болѣе возмущенъ, содержаніемъ или тономъ письма Максима? Въ своемъ отвѣтѣ онъ дѣйствительно опустилъ обычное въ письмахъ того времени обращеніе съ цѣлымъ рядомъ почтительныхъ или любезныхъ эпитетовъ въ превосходной степени: „Серьезное ли между нами обсуждается дѣло,—спрашиваетъ онъ Максима,—или тебѣ угодно шутить? Не знаю, по причинѣ ли твоей немощи, о которой ты упоминаешь, или изъ любезности ты обнаруживаешь больше игривости, чѣмъ дѣльности. Ты начинаешь сравненіемъ Олимпа

съ вашимъ форумомъ; къ чему это—не понимаю: для того развѣ, чтобы напомнить мнѣ, что на той горѣ Юпитеръ снаряжался въ походъ противъ своего отца, какъ гласитъ исторія, которую ваши люди тоже называютъ священной; или же чтобы напомнить мнѣ, что на этомъ форумѣ два идола Марса, одинъ нагой, другой вооруженный, и что поставленная напротивъ его человѣческая статуя съ протянутыми къ нему тремя пальцами сдерживаетъ этого враждебнаго гражданамъ демона" [1])... Все это хорошо для шутки, но такъ какъ ты этихъ боговъ величаешь частицами единаго великаго Бога, то я очень прошу тебя воздерживаться отъ такихъ кощунственныхъ остротъ... Я многое еще могъ бы сказать по этому предмету: ты самъ понимаешь, сколько укоровъ вызываютъ твои слова, но я воздержусь, чтобы ты не подумалъ, что я въ бесѣдѣ съ тобой болѣе прибѣгаю къ реторикѣ, чѣмъ ищу правды".

Переходя къ нареканіямъ на христіанъ со стороны Максима, Августинъ выражаетъ изумленіе, что этотъ „африканецъ, въ письмѣ къ африканцу", могъ избрать предметомъ насмѣшекъ пунійскія имена. И что же смѣшного въ имени Нимфаніона? Вѣдь оно обозначаетъ человѣка, у котораго „счастливая нога", т.-е. приходъ котораго приноситъ счастье; и у Виргилія Эвандръ приглашаетъ Геркулеса прибыть на жертвоприношеніе „pede secundo"! Августинъ всегда охотно прибѣгалъ для обличенія языческаго ученаго къ авторитетамъ языческой литературы. Такъ, въ томъ же письмѣ онъ снова ссылается на стихи Виргилія и на Цицерона, доказывая, что почитаемые язычниками боги были также когда-то людьми. Воздавая за насмѣшку насмѣшкой, Августинъ перечисляетъ цѣлый рядъ римскихъ божествъ, надъ которыми предлагаетъ Максиму насмѣяться—бога Стеркуція, Венеру Клоацину, Венеру Лысую, бога *Страха*, богиню Лихорадку, которымъ римляне строили храмы; „если ты надъ ними поглумишься, то пренебрежешь *римскими* божествами, а между тѣмъ, смѣясь надъ пунійскими именами, ты выдаешь себя за почитателя римской святыни".

По поводу обвиненія, что богослуженіе у христіанъ совершается тайно, Августинъ напоминаетъ Максиму о культѣ Вакха, на мистеріи котораго немногіе допускаются. А публичность языческаго культа, которою хвастается Максимъ, въ чемъ же она заключается, какъ не въ томъ, что декуріоны и аристократы

[1]) И въ настоящее еще время въ Италіи тремя протянутыми пальцами предотвращаютъ вражескую силу.

города, „бѣснуясь“, проносятся по улицамъ города? „Если это бѣснованіе ниспосылается божествомъ, то вы сами знаете,—говоритъ Августинъ, — какое божество лишаетъ людей разсудка! Если же это напускное бѣснованіе, то что сказать о такомъ позорномъ обманѣ“?

Въ самомъ концѣ письма, Августинъ касается вскользь главнаго обвиненія Максима, что христіане замѣнили поклоненіе богамъ культомъ своихъ мучениковъ. Предостерегая Максима отъ кощунственной напраслины и ссылаясь на христіанскую общину въ самой Мадаурѣ, Августинъ заявляетъ, что христіане не почитаютъ ни одного покойника, не возводятъ въ божество ни одно твореніе, а покланяются лишь единому Богу, который все сотворилъ. Объ этомъ Августинъ согласенъ побесѣдовать въ другой разъ, если убѣдится, что Максимъ желаетъ къ этому серьезно отнестись.

На этомъ, нужно думать, переписка между Августиномъ и Максимомъ прекратилась. Совсѣмъ иной характеръ носитъ отрывочная переписка между Августиномъ и другимъ языческимъ философомъ, Лонгиніаномъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ и жреческія должности. Въ сохранившемся до насъ письмѣ, Августинъ приглашаетъ его высказаться, какимъ способомъ слѣдуетъ почитать Бога (изъ котораго духъ человѣка почерпаетъ возможность быть праведнымъ). Августинъ ставитъ этотъ вопросъ, зная, что относительно необходимости почитать Бога Лонгиніанъ не сомнѣвается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Августинъ какъ бы влагаетъ въ уста Лонгиніану отвѣтъ, котораго онъ отъ него ожидаетъ. Онъ напоминаетъ ему изреченіе Сократа, что тому, кто ничего другого не желаетъ, какъ быть праведнымъ человѣкомъ, вся прочая мудрость легко дается. Но есть,—прибавляетъ Августинъ,—другое, болѣе древнее пророческое слово, не только предписывающее человѣку быть прежде всего праведнымъ, но и указывающее, какимъ образомъ этого достигнуть. И Августинъ приводитъ ветхозавѣтные тексты: „Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣми силами твоими и люби ближняго какъ самого себя“. Кто усвоилъ себѣ это слово, тому не только вся прочая мудрость легка, но тотъ уже и обладаетъ всею спасительной мудростью. Августинъ еще спрашиваетъ у Лонгиніана, что онъ думаетъ о Христѣ; ему извѣстно, что онъ его высоко цѣнитъ; но онъ хочетъ знать, считаетъ ли Лонгиніанъ путь, указанный Христомъ, единственнымъ путемъ къ блаженной жизни, хотя бы онъ еще и не собрался пойти по немъ;

или же ему извѣстенъ другой и лучшій путь? Августинъ ставитъ ему этотъ вопросъ изъ любви къ нему!

Отвѣтъ Лонгиніана представляетъ собой другой любопытный образчикъ религіозныхъ понятій образованнаго язычника въ эпоху отживавшаго свой вѣкъ политеизма. Онъ отвѣчаетъ, что Августинъ задалъ ему тяжелую задачу, обратившись съ такими вопросами и въ такое время къ язычнику. Онъ, однако, не скрываетъ, что для разрѣшенія обсуждаемыхъ между ними вопросовъ существуютъ не только изреченія Сократа и немногія ветхозавѣтныя, но гораздо болѣе древнія—*орфическія и трисмегистическія* изреченія, возникшія въ вѣка еще грубые подъ наитіемъ боговъ, въ то время, когда Европа и Азія еще не получили своего имени, а Африка еще не обладала человѣкомъ, подобнымъ Августину. Лонгиніанъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы высказать, что онъ никогда не встрѣчалъ въ книгахъ, не видалъ и не слыхалъ отъ другихъ о человѣкѣ, который бы, подобно Августину, такъ всецѣло стремился постигнуть Бога, былъ бы такъ способенъ на это, благодаря чистотѣ душевной, и уже обладалъ познаніемъ Бога въ такой степени—не въ шаткой вѣрѣ, а въ надеждѣ на совершенное познаніе.

Такому человѣку,—продолжаетъ Лонгиніанъ,—лучше извѣстно, какой путь ведетъ къ Богу; но и онъ готовъ сказать, что самъ объ этомъ думаетъ, держась священнаго преданія. Лучшій путь—тотъ, по которому грядетъ благочестивый человѣкъ, чистый, справедливый и правдивый въ словахъ и дѣйствіяхъ, заслужившій покровительство боговъ, т.-е. силъ (potestates) единаго, міроваго, непостижимаго, невыразимаго, неустаннаго творца, „которыя вы, христіане, справедливо называете ангелами". Здѣсь мы опять видимъ, что какъ „грамматикъ" Максимъ, такъ и жрецъ Лонгиніанъ опредѣленно выражаютъ свое намѣреніе совокупить самый возвышенный монотеизмъ съ своимъ традиціоннымъ политеизмомъ. И какъ будто Лонгиніану было мало такого признанія въ политеизмѣ,—онъ прибавляетъ: „это тотъ путь, по которому грядутъ люди сильные духомъ и тѣломъ, очищенные по благочестивымъ предписаніямъ древнихъ обрядовъ святыми искупительными жертвами и строгимъ соблюденіемъ воздержанія". Это значитъ, что Лонгиніанъ признавалъ необходимымъ для человѣка, вѣрующаго въ единаго Бога, не только поклоненіе языческимъ богамъ, но и соблюденіе языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній.

Отъ отвѣта же на второй вопросъ, что онъ думаетъ о Христѣ, Лонгиніанъ уклонился, считая „слишкомъ труднымъ говорить о томъ, что невѣдомо".

Августинъ не былъ возмущенъ отвѣтомъ языческаго жреца; онъ даже похвалилъ его за умѣренность, побудившую „язычника" воздержаться отъ какого-либо отрицанія Христа. Августинъ выражаетъ свою готовность выслать Лонгиніану свои сочиненія, касающіяся этого вопроса, и дать ему всѣ нужныя разъясненія, но предварительно требуетъ устраненія противорѣчія, въ которое впалъ Лонгиніанъ относительно языческихъ обрядовъ и жертвъ. Для чего же нужно человѣку, грядущему по истинному пути къ Богу, очищеніе посредствомъ этихъ обрядовъ и жертвъ? Если оно ему нужно, то это значитъ, что онъ еще не чистъ; а если это такъ, то нельзя сказать, что онъ ведетъ образъ жизни благочестивый, справедливый и цѣломудренный! Въ виду этого Августинъ ставитъ Лонгиніану четыре вопроса: долженъ ли человѣкъ жить хорошо, чтобы очищаться обрядами и жертвоприношеніями, или онъ очищается, чтобы жить хорошо; далѣе, достаточно ли праведной жизни для блаженства въ Богѣ безъ помощи обрядовъ и жертвоприношеній, или же праведная жизнь уже включаетъ въ себѣ жизнь обрядовую? Августинъ ждалъ на эти вопросы скораго отвѣта, но отвѣтъ, если и былъ посланъ, до насъ къ сожалѣнію не дошелъ. Сожалѣть объ этомъ можно потому, что Августинъ, очевидно, собирался въ своемъ отвѣтѣ не только доказывать безполезность *языческихъ* обрядовъ и жертвоприношеній, но, какъ вѣрно замѣтилъ Вильменъ [1]), коснуться вопроса о значеніи обрядовъ въ религіозной жизни вообще.

Не всѣ язычники, однако, такъ осторожно обходили вопросъ о Христѣ, какъ Лонгиніанъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ переписка Августина съ Волузіаномъ, которую издатели относятъ къ 412 году. Переписка представляетъ еще тотъ интересъ, что знакомитъ насъ съ умственными интересами и отношеніемъ къ христіанству извѣстной части высшихъ сановниковъ въ римской имперіи. Несмотря на явное недоброжелательство императоровъ, Граціана и Ѳеодосія I, къ язычеству, многіе сенаторы и государственные сановники въ Римѣ всѣми силами поддерживали языческую традицію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ неоднократныя ихъ попытки добиться возстановленія въ сенатѣ статуи Викторіи, отзывы современныхъ имъ христіанъ и недавно открытыя въ Римѣ надписи, упоминающія о возстановленіи языческихъ храмовъ и культовъ. Къ этой языческой служебной аристократіи принадлежалъ и Волузіанъ. По своей матери онъ былъ въ близкомъ родствѣ съ родомъ Цеіоніевъ-Албиніевъ, которые произ-

[1]) Villemain. L'éloquence chrétienne au IV sc., p. 470.

водили свой родъ отъ Клодія Албина, соперника императора Септимія Севера. И императоръ Юліанъ по матери былъ въ родствѣ съ этой фамиліей. Изъ стихотворенія поэта Рутилія можно заключить, что Волузіанъ былъ проконсуломъ Африки; въ 423 г. онъ былъ префектомъ Рима, т.-е. занималъ самую почетную должность въ западной части римской имперіи. По просьбѣ матери Волузіана, Августинъ писалъ ему, приглашая его читать Священное Писаніе и, если встрѣтитъ при этомъ затрудненія, обращаться къ нему за разъясненіями. Въ отвѣтъ на это Волузіанъ сообщаетъ Августину о кружкѣ друзей, въ чьихъ собраніяхъ онъ участвуетъ, и перечисляетъ вопросы, которые тамъ поднимаетъ каждый „сообразно съ своими занятіями и вкусами“. На первомъ мѣстѣ поставлены вопросы, относящіеся къ главному предмету тогдашняго образованія—къ риторикѣ; другіе вопросы касаются поэзіи, въ особенности метрики, или различныхъ философскихъ школъ и ихъ направленій. Среди такой бесѣды однимъ изъ присутствовавшихъ, ко всеобщему изумленію, было высказано желаніе, чтобы ему разъяснили его сомнѣнія относительно христіанскаго ученія о воплощеніи: какъ Господь, котораго вселенная не можетъ объять, могъ укрыться въ тѣльцѣ плачущаго младенца? Какъ могъ правитель міра ограничить свою заботу о немъ одною его частицею? Въ чемъ же проявились въ то время признаки воплощенной божественности?— Вѣдь излеченіе больныхъ, возвращеніе къ жизни умершихъ— дѣла не великія для Господа. Прося разрѣшить эти сомнѣнія, Волузіанъ прибавлялъ, что если невѣдѣніе другихъ священниковъ по этимъ вопросамъ не можетъ послужить къ ущербу христіанства, то этого нельзя сказать въ тѣхъ случаяхъ, когда обращаешься къ такому святителю, какъ Августинъ. Отклонивъ отъ себя похвалы Волузіана и сославшись на неисчерпаемую глубину христіанской литературы, Августинъ отвѣчаетъ ему обстоятельнымъ посланіемъ. Онъ доказываетъ Волузіану, что высказанныя имъ сомнѣнія основаны на слишкомъ матеріалистическомъ пониманіи природы и божества и напоминаетъ ему Цицероновское слово—„дѣло великаго ума — подняться духомъ надъ чувствами (sevocare mentem a sensibus). Вѣра открываетъ разуму путь къ этой цѣли, невѣріе его заграждаетъ. Развѣ вся природа не полна чудесъ? Сколько на свѣтѣ такихъ чудесъ, которыя мы, привыкнувшіе къ ихъ виду, попираемъ ногами и которыя привели бы насъ въ изумленіе, еслибы мы ближе къ нимъ присмотрѣлись“! Для примѣра Августинъ указываетъ на чудесную силу произрастанія, заключающуюся во всѣхъ сѣменахъ; затѣмъ—на

чудо, представляемое союзомъ души съ тѣломъ: недоумѣваютъ, какъ божественное соединилось въ Христѣ съ человѣческимъ; но развѣ не соединяется ежедневно душа съ тѣломъ, образуя единую личность въ человѣкѣ?

Невѣрующимъ мало чудесъ, совершенныхъ Христомъ; они пренебрегаютъ меньшими, а главныя отвергаютъ; они вѣрятъ, что Христосъ возвращалъ къ жизни покойниковъ, потому что приписываютъ это и другимъ; но въ воскресеніе Христа и вознесеніе къ вѣчной жизни не вѣрятъ на томъ основаніи, что ничего подобнаго еще не бывало.

Но чудесность христіанства находитъ подтвержденіе не только въ природѣ, а также и въ самой исторіи. Августинъ вкратцѣ излагаетъ исторію божественнаго промысла въ судьбѣ еврейскаго народа и затѣмъ въ судьбѣ христіанства. Въ послѣдней главѣ, особенно назидательной для римскаго сановника, Августинъ поднимается до высокаго, увлекающаго краснорѣчія, трудно передаваемаго на другомъ языкѣ.

Скудные числомъ христіане разсыпаются по міру, съ поразительной легкостью обращаютъ народы, среди враговъ умножаются, отъ преслѣдованій крѣпнутъ; тѣснимые и гонимые распространяются до края свѣта... Изъ среды невѣжественныхъ и опозоренныхъ христіанъ возникаютъ, просвѣщаются и пріобрѣтаютъ славу великіе умы, образованные ораторы; умныхъ, краснорѣчивыхъ и ученыхъ язычниковъ они подчиняютъ игу Христову и обращаютъ на проповѣдь благочестія и спасенія... Отверженный за невѣріе еврейскій народъ изгоняется изъ своей колыбели и разсѣевается по міру, чтобы повсюду разнести Священное Писаніе и свидѣтельства пророковъ... Храмы и идолы демоновъ и кощунственные обряды постепенно одинъ за другимъ, согласно предсказанію пророковъ, уничтожаются.

И развѣ не говоритъ въ пользу христіанства его торжество надъ язычествомъ на благо міра? „Какія разсужденія любыхъ философовъ,—продолжаетъ Августинъ,—какіе законы любыхъ государствъ могутъ идти въ сравненіе съ двумя предписаніями, которыя, по словамъ Христа, заключаютъ въ себѣ весь законъ и пророковъ:—Возлюби Господа всѣмъ сердцемъ твоимъ и полюби ближняго, какъ самого себя“... „Въ этомъ суть физики, ибо причина всѣхъ причинъ въ Господѣ-творцѣ; въ этомъ вся этика и въ этомъ вся логика, ибо истина и свѣтъ разумной души заключаются въ Богѣ. Въ этомъ и спасеніе государства, ибо лучшія основанія и охрана его—въ вѣрѣ, въ твердомъ согласіи, въ любви къ общему благу; а эта любовь не что иное, какъ

истинный Богъ, въ которомъ *тогда* искренно другъ друга любятъ, когда любятъ ради Него".

Волузіанъ не рѣшился отвѣтить на это письмо; но по его просьбѣ одинъ изъ близкихъ ему людей, императорскій трибунъ Марцеллинъ, обратился къ Августину съ новыми недоумѣніями и возраженіями язычниковъ противъ христіанства. Это былъ тотъ самый Марцеллинъ, который былъ предсѣдателемъ на съѣздѣ православныхъ и донатистскихъ епископовъ въ Кароагенѣ и игралъ видную роль въ преслѣдованіи донатистовъ. Августинъ высоко цѣнилъ Марцеллина и старался спасти его, когда онъ сдѣлался жертвой политической интриги. Марцеллинъ былъ христіанинъ, и ему также мать Волузіана поручила своего сына. Они ежедневно видались и бесѣдовали; предметомъ этихъ бесѣдъ были главнымъ образомъ философскіе и религіозные вопросы. По этому примѣру можно судить, что еще въ началѣ V вѣка между христіанами и язычниками существовали самыя дружескія отношенія и обмѣнъ мыслей безъ всякаго фанатизма. Желая извлечь Волузіана изъ подъ вліянія смущавшихъ его язычниковъ, Марцеллинъ сообщаетъ Августину новыя недоумѣнія и проситъ ихъ устранить.

Эти недоумѣнія выразились въ трехъ вопросахъ: почему Господь отрекся отъ Ветхаго Завѣта и, пренебрегая прежними жертвоприношеніями, пожелалъ новыхъ? Не есть ли это признакъ непостоянства и непослѣдовательности? Второе возраженіе заключалось въ томъ, что христіанское ученіе о невоздаяніи зломъ за зло несогласно съ „обычаемъ" государства,—и наконецъ, что христіанскіе императоры причинили государству большой вредъ.

Замѣна Ветхаго Завѣта Новымъ, какъ доказательство несостоятельности перваго, было любимымъ аргументомъ манихеевъ, и потому отвѣта Августина на первый изъ сдѣланныхъ ему вопросовъ можно здѣсь не касаться; тѣмъ болѣе, что его отвѣты на остальные два вопроса заслуживаютъ особеннаго вниманія. Соображенія, высказанныя по этому поводу Августиномъ, имѣютъ значеніе не только для одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи римской имперіи,—но и для нашего времени, такъ какъ неправильное пониманіе евангельскаго „непротивленія злу" и теперь еще многихъ смущаетъ.

Приводя возраженіе язычниковъ, какъ дозволить врагу безнаказанно себя обижать и не отплатить войной за опустошеніе римской провинціи,—Августинъ замѣчаетъ, что, имѣя дѣло съ образованными собесѣдниками, онъ можетъ кратко на это отвѣтить. Онъ ограничивается вопросомъ, какъ же могли управлять республикой и расширять ея предѣлы тѣ, кто, по свидѣтельству

Саллюстія, предпочитали прощать, а не преслѣдовать; какъ могъ Цицеронъ восхвалять Цезаря словами, что онъ ничего не забывалъ, кромѣ обидъ [1])?

Въ устахъ Цицерона это была великая похвала или великая лесть; если похвала,—значитъ это была правда; если только лесть, то Цицеронъ, ложно приписывая Цезарю незлобивость, хотѣлъ этимъ сказать, что таковымъ *долженъ* быть глава государства. Но что же собственно значитъ не воздавать зломъ за зло, какъ не отказываться отъ того удовольствія, какое доставляетъ месть?

Когда язычники встрѣчаютъ этотъ принципъ у своихъ авторовъ, они приходятъ въ восторгъ; когда встрѣчаютъ его у христіанъ, какъ божественное предписаніе, они толкуютъ, что оно приноситъ вредъ государству. Но еслибы,—восклицаетъ Августинъ,—они слѣдовали этому предписанію, то лучше бы устроили, укрѣпили и увеличили государство, чѣмъ это сдѣлали Ромулъ, Нума, Брутъ и всѣ прочіе великіе люди Рима.

Ссылаясь на опредѣленіе государства, какъ „сонмъ людей, связанныхъ общимъ согласіемъ", Августинъ доказываетъ, какъ много евангельское предписаніе содѣйствуетъ такому необходимому согласію. Имъ достигается то, что въ дурномъ человѣкѣ зло побѣждается добромъ и человѣкъ освобождается отъ зла не внѣшняго, а скрытаго въ немъ самомъ.

Такое внутреннее перевоспитаніе должно быть соблюдаемо даже тогда, когда приходится фактически прибѣгать къ насилію. Еслибы земное государство соблюдало христіанскій завѣтъ, самыя войны велись бы съ бо́льшимъ милосеріемъ. Этотъ завѣтъ не воспрещаетъ войны, ибо въ этомъ случаѣ въ Евангеліи было бы сказано воинамъ, чтобы они побросали оружіе. Между тѣмъ (Лук. III, 14) Христосъ приказалъ воинамъ лишь никого не обижать, не клеветать и довольствоваться жалованьемъ.

„Поэтому,—заключаетъ Августинъ,—пусть тѣ, кто утверждаетъ, что ученіе Христа враждебно государству, дадутъ намъ такихъ воиновъ, какими они должны быть по словамъ Христа; дадутъ такихъ подданныхъ, такихъ мужей, такихъ женъ, такихъ родителей и дѣтей, такихъ господъ и рабовъ, такихъ царей и судей, такихъ плательщиковъ податей и такихъ сборщиковъ, какимъ велитъ имъ быть христіанское ученіе; и пусть они тогда дерзнутъ сказать, что оно враждебно государству! Пусть тогда сомнѣваются, что это ученіе, если ему станутъ слѣдовать, будетъ спасеніемъ для государства"!

---

[1]) Въ рѣчи за Лигарія.

Въ такомъ же смыслѣ Августинъ писалъ около 418 года Бонифацію, который въ качествѣ военнаго трибуна усмирилъ африканскихъ варваровъ: „Не думай, чтобы военный человѣкъ не могъ быть угоденъ Господу". Августинъ указываетъ на примѣръ Давида въ Ветхомъ Завѣтѣ, а въ Новомъ—на капернаумскаго центуріона и на Корнелія, къ которому былъ посланъ ангелъ. Замѣтивъ, что Богу угоднѣе, конечно, люди, отрѣшившіеся отъ всякой земной дѣятельности и служащіе ему въ воздержаніи, Августинъ продолжаетъ: „и такъ, другіе ратуютъ за васъ молитвою противъ невидимыхъ враговъ, вы же трудитесь за нихъ, сражаясь противъ враговъ видимыхъ. Такъ какъ въ этомъ вѣкѣ граждане царства небеснаго поневолѣ обрѣтаются среди заблуждающихся и нечестивыхъ, то не слѣдуетъ до времени желать общенія съ одними святыми и праведными. Когда будешь вооружаться на войну, думай прежде всего о томъ, что твоя тѣлесная сила—даръ Божій. Желать надо мира, но война нужна для того, чтобы Господь сохранилъ миръ. Поэтому пораженіе вооруженнаго врага проистекаетъ изъ необходимости, а не по охотѣ. Но если бунтующему и сопротивляющемуся врагу отплачивается насиліемъ, то побѣжденный или плѣненный имѣетъ право на милосердіе".

Обращаясь къ третьему замѣчанію Волузіана, что нѣкоторые христіанскіе императоры сдѣлали много вреда Риму, Августинъ возражаетъ, что это—клевета. Можно было бы привести многое и изъ исторіи языческихъ императоровъ въ доказательство того, что вредъ происходитъ по винѣ людей, а не ихъ вѣры; происходитъ часто по винѣ не императоровъ, а тѣхъ, безъ помощи которыхъ не могутъ управлять императоры. Августинъ ссылается на Саллюстія, чтобы доказать, какъ давно пороки проникли въ римское общество, и ссылается на Ювенала, противопоставлявшаго честные нравы бѣдной старины своему времени, когда „одолѣлъ развратъ и отомстилъ (римлянамъ) за порабощеніе міра".

Изъ этого омута міръ былъ выведенъ и спасенъ крестомъ Христовымъ, подъ сѣнью котораго вновь процвѣли добродѣтели. На примѣрѣ же богатой и славной имперіи римской Господь хотѣлъ показать, какое значеніе имѣютъ гражданскія доблести хотя бы и безъ истинной вѣры, съ появленіемъ которой люди становятся гражданами другого царства, которое имѣетъ своимъ царемъ истину, своимъ закономъ—любовь, а удѣломъ—вѣчность.

Въ письмѣ къ Августину Марцеллинъ просилъ также обратить вниманіе на возраженіе язычниковъ, что Аполлоній и Апулей

съ своей магіей превзошли чудеса Христа. Августинъ отвѣчаетъ, „что это сопоставленіе достойно лишь смѣха; но оно все-таки предпочтительнѣе сопоставленія Христа съ языческими богами, ибо надо признаться, что Аполлоній много достойнѣе того развратника, котораго язычники называютъ Юпитеромъ“. Подробнѣе Августинъ распространяется объ Апулеѣ, который какъ „африканецъ болѣе извѣстенъ африканцамъ“. Напомнивши обстоятельства его жизни, Августинъ указалъ, что Апулей при всей своей магіи ни до чего не дошелъ. Впрочемъ онъ самъ краснорѣчиво защищалъ себя противъ обвиненія въ магіи. „Такъ пусть же тѣ, кто на него ссылается, поразмыслятъ, они ли даютъ ложное показаніе, или онъ ложно защищалъ себя“?

Августину приходилось и кромѣ приведенныхъ случаевъ полемизировать противъ возраженій язычниковъ. Такъ, по его словамъ, однимъ изъ его „друзей“, котораго онъ хотѣлъ обратить въ христіанство, ему были присланы изъ Карѳагена, въ 408 или 409 г., для разрѣшенія шесть вопросовъ, поставленныхъ философомъ Порфиріемъ. Августинъ полагалъ, что это не тотъ Порфирій изъ Сициліи, который прославился, какъ неоплатоникъ и отъявленный противникъ христіанства. Эти вопросы, или вѣрнѣе недоумѣнія, касались воскресенія Христова и его слишкомъ поздняго для спасенія людей появленія на землѣ; почему христіане осуждаютъ приношеніе язычниками въ жертву животныхъ и ѳиміама, когда самъ Господь установилъ такія жертвы въ Ветхомъ Завѣтѣ? Какъ понимать текстъ: какою мѣрою мѣрите—и вамъ будутъ мѣрить“? Дѣйствительно ли Соломонъ сказалъ, что Господь не имѣетъ сына?—Послѣдній вопросъ касался судьбы пророка Іоны, которая всегда возбуждала глумленіе среди язычниковъ.

Изъ объясненій, данныхъ Августиномъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ отвѣтъ на второй вопросъ: въ немъ проявляется замѣчательная широта не только историческаго, но и богословскаго взгляда. Почему Христосъ пришелъ такъ поздно? Почему Римъ столько вѣковъ пребывалъ въ невѣдѣніи Его закона? Что̀ сталось съ душами тѣхъ римлянъ, которые до самыхъ временъ императора Калигулы были лишены Христовой благодати?

Отвѣчая на это, Августинъ ставитъ вопросъ: была ли людямъ какая-нибудь польза отъ языческихъ боговъ? Если они были безполезны для спасенія души, то пусть язычники признаютъ это и вмѣстѣ съ христіанами разрушатъ храмы ихъ. Если же язычники захотятъ ихъ защищать, то онъ спроситъ, что̀ же сталось съ тѣми людьми, которые жили до установленія языче-

скаго культа? И если тѣ люди инымъ способомъ спасались, то почему этотъ способъ не сохранился; почему явилась необходимость установить новую святыню? Если же противники скажутъ, что языческіе боги всегда существовали, но только, сообразуясь съ различными условіями времени и мѣста, требовали себѣ поклоненія въ различныхъ формахъ, то почему язычники не примѣнятъ такое разсужденіе и къ христіанской религіи? Почему они не признаютъ, что различіе религіозныхъ формъ несущественно, если только то свято, что составляетъ предметъ почитанія, — подобно тому, какъ безразлично, какими звуками на разныхъ языкахъ выражается одна и та же истина? Такъ, независимо отъ обрядовъ, которыми они почитали божество, праведники исполняли волю Божію. А воля Божія всегда была достаточно извѣстна для обезпеченія праведности и благочестія смертныхъ. Поэтому, заключаетъ свое разсужденіе Августинъ, съ самаго возникновенія человѣческаго рода тѣ, кто вѣрили въ Бога и жили праведно и благочестиво, согласно съ Его предписаніями,—когда бы и гдѣ бы то ни было,—безъ сомнѣнія, Имъ спасены. „Вѣдь мы же,—возвращается къ своей мысли Августинъ,—не укоряли язычниковъ за то, что Нума Помпилій ввелъ почитаніе новыхъ боговъ, или что во времена пиѳагорейцевъ появилась новая мудрость, ранѣе невѣдомая или скрывавшаяся среди немногихъ посвященныхъ, но державшихся разныхъ обрядовъ; споръ у насъ съ ними идетъ о томъ, истинные ли ихъ боги и слѣдуетъ ли имъ покланяться, и о томъ, полезна ли ихъ философія для спасенія души? Вотъ въ чемъ мы сомнѣваемся, вотъ что мы нашими возраженіями хотимъ опровергнуть. Такъ пусть же они перестанутъ ставить намъ въ укоръ то, что можетъ быть сказано о всякомъ толкѣ, о всякой религіи. Вѣдь извѣстно, что вѣка чередуются не случайно, а по волѣ Провидѣнія: но знать то, что пригодно для каждаго вѣка, превышаетъ разумѣніе человѣка.

Однако же, съ самаго начала жизни человѣчества возникали, по усмотрѣнію Божественнаго Промысла, пророчества, то болѣе, то менѣе явственныя, и появлялись праведники, вѣровавшіе въ Бога,—какъ въ самомъ народѣ израильскомъ, такъ и у другихъ народовъ до воплощенія Христа. Вѣдь въ священныхъ книгахъ еврейскихъ упоминаются уже во времена Авраама таковые праведники, не принадлежавшіе ни къ его племени, ни къ пришельцамъ, принятымъ еврейскимъ народомъ; такъ почему бы намъ не вѣрить, что такіе же праведники бывали тутъ и тамъ у различныхъ другихъ народовъ, хотя о нихъ и не упоминаютъ

ихъ писанія? Итакъ, спасеніе въ нашей вѣрѣ, въ которой обѣщано истинное спасеніе, всегда бывало удѣломъ тѣхъ, кто былъ его достоинъ; а если не было, то потому, что не было достойныхъ его.

Въ связи съ этимъ, чтобы объяснить позднее появленіе Христа, Августинъ высказываетъ мысль, недостаточно отмѣченную писателями, касавшимися его философіи исторіи. Тотъ фактъ, что ученіе Пиѳагора было не всегда и не вездѣ извѣстно, язычники объясняютъ тѣмъ, что Пиѳагоръ былъ человѣкъ. Но еслибы Пиѳагоръ и обладалъ способностью являться на землѣ, гдѣ и когда бы ни захотѣлъ, и еслибы, при этомъ, онъ обладалъ предвѣдѣніемъ, то, конечно, появился бы лишь тогда и тамъ, гдѣ нашелъ бы людей, готовыхъ принять его ученіе. Согласно съ этимъ, Августинъ,—оговариваясь, впрочемъ, что можетъ быть за этимъ кроется и другая тайна Божьяго Промысла, и что можетъ быть мудрые люди найдутъ и иное объясненіе,—высказываетъ предположеніе, что Христосъ сошелъ на землю тогда и тамъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, найдетъ людей, которые увѣруютъ въ него. Если и теперь еще на свѣтѣ много людей, которые не хотятъ въ него вѣрить, несмотря на то, что съ такою очевидностью исполнились относящіяся къ нему пророчества,—что же мудренаго, если въ вѣка, предшествовавшіе Христу, міръ былъ такъ полонъ невѣрующими, что Христосъ не захотѣлъ явиться тѣмъ, о которыхъ зналъ, что они не повѣрятъ ни его словамъ, ни его чудесамъ.

Слова эти особенно замѣчательны тѣмъ, что Августинъ здѣсь какъ будто признаетъ самостоятельность человѣческой воли въ дѣлахъ вѣры и спасенія. Ими, поэтому, и воспользовались семипелагіанцы города Марсели въ защиту своего ученія, и Августину пришлось, когда это дошло до его свѣдѣнія, истолковывать свои слова въ томъ смыслѣ, что пришествіе Христа совершилось тогда, когда онъ зналъ, что найдетъ „избранныхъ", предназначенныхъ стать вѣрующими, еще до сотворенія міра.

Въ то время, пока Августинъ велъ борьбу съ язычествомъ въ своей провинціи, совершилось событіе, побудившее его перенести борьбу на другую почву и повести ее на глазахъ всего міра. Это событіе—взятіе и разореніе Рима, въ 410 г., готскимъ конунгомъ Аларихомъ [1]).

[1]) См. „Вѣстн. Европы" за январь 1891 г.

Неожиданное паденіе царствующаго града, которому его поэты сулили вѣчное владычество надъ міромъ, произвело на этотъ міръ потрясающее впечатлѣніе. Тому содѣйствовало еще участіе, какое вызывали страданія римскаго населенія и личная судьба нѣкоторыхъ знатныхъ жертвъ. Но дѣло не могло ограничиться жалобами и соболѣзнованіями. Разореніе города, создавшаго римскую имперію, казалось нарушеніемъ мірового порядка и должно было вызвать вопросы и разсужденія о томъ, почему это случилось,—въ особенности со стороны язычниковъ, тѣснѣе связанныхъ съ прошлымъ величіемъ Рима. Приписывая паденіе Рима христіанству и ниспроверженію идоловъ, язычники стали съ „бо́льшимъ, противъ обычнаго, ожесточеніемъ и горечью хулить истиннаго Бога". Но и христіане недоумѣвали: слишкомъ многіе изъ нихъ пострадали и были оскорблены въ самыхъ чистыхъ своихъ чувствахъ.

Августину, стоявшему, по своему авторитету и краснорѣчію, во главѣ западнаго христіанства, нельзя было оставить безъ отвѣта ни эти укоры, ни эти сомнѣнія, и онъ принялся за поставленную себѣ задачу обдуманно и систематично, соотвѣтственно важности вопроса. На этотъ разъ было недостаточно краснорѣчиваго посланія съ діалектической полемикой противъ язычниковъ и съ патетическимъ воззваніемъ къ вѣрующимъ. На очереди стоялъ міровой вопросъ, и для разрѣшенія его Августинъ далъ міровое, по своему вліянію, твореніе. Онъ далъ въ немъ первую монотеистическую тэодицею, во всякомъ случаѣ превзошелъ первыя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи. А такъ какъ онъ имѣлъ дѣло съ историческимъ фактомъ и сталъ разыскивать его корни въ отдаленнѣйшемъ прошломъ, то въ своей тэодицеѣ онъ далъ и первую философію исторіи.

Надо было дать отпоръ язычникамъ и утѣшить христіанъ. Августинъ искусно избралъ своей исходной точкой одинъ фактъ, который могъ ему послужить одновременно для обѣихъ цѣлей. Когда Аларихъ предоставилъ своимъ готамъ на разграбленіе богатую столицу древняго міра, онъ, помня свое христіанство, приказалъ пощадить всѣхъ, кто сталъ бы искать убѣжища въ базиликахъ апостоловъ Петра и Павла и въ „мѣстахъ мучениковъ". Такимъ образомъ, тысячи римлянъ спаслись отъ смерти, увѣчій и оскорбленій, и даже отъ потери своихъ драгоцѣнностей. Въ ихъ числѣ были и язычники, которые „не избѣгли бы гибели, еслибы не притворились слугами Христа".—„Такъ спаслись многіе, которые теперь поносятъ наступленіе христіанскаго вѣка и

свои бѣдствія приписываютъ Христу; добро же и спасеніе жизни, которое получили во славу Христа, не ему приписываютъ“.

Укоряя ихъ въ неблагодарности, Августинъ предлагаетъ имъ привести изъ исторіи другой такой примѣръ, когда побѣдитель приказалъ пощадить побѣжденныхъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ своихъ боговъ. Съ своей стороны онъ приводитъ стихи Виргилія, изображавшіе разореніе Трои, и указываетъ, что тамъ храмъ Юноны послужилъ не убѣжищемъ для троянцевъ, а складочнымъ мѣстомъ награбленныхъ греками имуществъ. Онъ приводитъ также изъ Саллюстія слова Катона, изобразившаго въ сенатѣ страшную картину того, что, по обычаю, всегда происходитъ въ городѣ, который взятъ приступомъ. Августинъ не умалчиваетъ и о гуманномъ Марцеллѣ, который оплакивалъ судьбу осажденнаго имъ города Сиракузъ и запретилъ своимъ солдатамъ касаться *свободныхъ* женщинъ. Если римская исторія сохранила въ памяти этотъ фактъ, то она, конечно, не преминула бы упомянуть и о запрещеніи римскихъ полководцевъ убивать или забирать плѣнныхъ въ храмахъ. Но если выразившееся въ распоряженіи Алариха благотворное вліяніе христіанства могло служить утѣшеніемъ для христіанъ, то не для всѣхъ. Велико было число тѣхъ, которые не успѣли укрыться въ базиликахъ; многіе изъ нихъ претерпѣли мученія, увѣчья и смерть; еще больше было число потерявшихъ все свое добро и ставшихъ нищими; нѣкоторые изъ нихъ умерли съ голода; иные потерпѣли оскорбленія, которыя представлялись тяжелѣе самой смерти. Августинъ взялъ на себя нелегкую задачу сказать всѣмъ имъ слово утѣшенія; входя въ подробности, онъ впадалъ въ казуистику; но все-таки его страницы многимъ принесли утѣшеніе и удовлетворили всеобщей потребности въ христіанской тэодицеѣ.

Принципъ этой тэодицеи былъ высказанъ еще апостоломъ Павломъ: „Любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу“. Не трудно было, съ этой точки зрѣнія, утѣшить тѣхъ, которые при разореніи Рима потеряли свои земныя богатства. Если они пользовались ими такъ, какъ будто они не имъ принадлежали, то и утрата ихъ не могла ихъ огорчить; если они пристрастились къ нимъ, то ихъ утрата должна была научить ихъ, насколько въ этой страсти было грѣха. Но нѣкоторые христіане были подвергнуты пыткѣ и мученіямъ для того, чтобы заставить ихъ выдать свои сокровища. Если они предпочли пытку выдачѣ нечестивой маммоны, то они не были добрыми христіанами. Имъ пытка была полезна; пусть претерпѣвшіе ради золота тѣ муче-

нія, которыя слѣдовало бы понести изъ-за Христа, научатся цѣнить блага нетлѣнныя.

Но пыткѣ подвергались и такіе, которымъ нечего было выдать; можетъ быть они были бѣдны, но не по волѣ своей; въ такомъ случаѣ ихъ страданія были искупленіемъ ихъ алчности; если же они были бѣдны потому, что не искали богатствъ, то, исповѣдуя въ мученіяхъ святую бѣдность, они исповѣдовали Христа.

Иные потерпѣли смерть отъ голода; голодъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій земной жизни, какъ смерть избавила бы ихъ отъ какой-нибудь болѣзни; тѣхъ же, которыхъ голодъ не довелъ до смерти, онъ научилъ жить скромнѣе и дольше поститься.

Много распространялся по этому поводу Августинъ о смерти, доказывая, что она предпочтительнѣе жизни, постоянно обуреваемой смертью: смерть въ безчисленныхъ видахъ ежеминутно угрожаетъ человѣку; не лучше ли претерпѣть ее одинъ разъ, чѣмъ постоянно опасаться ея?

При такомъ множествѣ убитыхъ при взятіи Рима многіе остались непохороненными. Августинъ приводитъ въ утѣшеніе стихъ Лукана, что небо служитъ покровомъ тому, кому не досталась погребальная урна.

Многіе христіане были уведены въ плѣнъ: Августинъ указываетъ на примѣры чудеснаго спасенія изъ плѣна въ Священномъ Писаніи. Судьба Іоны вызываетъ насмѣшки язычниковъ, и потому Августинъ заставляетъ ихъ смолкнуть указаніемъ на честнаго Регула, котораго боги не спасли изъ плѣна, хотя онъ былъ усердный ихъ почитатель. Регулъ въ плѣну лишился отечества; христіане же, считая себя скитальцами въ своемъ отечествѣ, и въ плѣну живутъ въ ожиданіи своего небеснаго отечества.

Наиболѣе толковъ и сомнѣній вызвала судьба женщинъ и дѣвушекъ, которыя, при взятіи Рима, подверглись насиліямъ,—многія изъ нихъ были инокинями. Августинъ, въ утѣшеніе имъ, утверждаетъ, что чужой грѣхъ не можетъ быть имъ вмѣненъ въ вину, и отсюда выводитъ, что онѣ не должны изъ-за этого лишать себя жизни. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ наперекоръ традиціонному римскому понятію о женской чести, которое находило себѣ выраженіе и поддержку въ прославленіи Лукреціи. Разбирая поступокъ Лукреціи, Августинъ замѣняетъ этическій идеалъ язычниковъ христіанскимъ. Обобщая затѣмъ осужденіе самоубійства, Августинъ и по отношенію къ Катону разбиваетъ языческій идеалъ, доказывая несостоятельность Катона, который считалъ

дли себя позорнымъ жить подъ властью побѣдителя - Цезаря; сыну же своему приказалъ жить и надѣяться на милосердіе Цезаря. Августинъ строго осуждаетъ даже самоубійство, совершаемое христіаниномъ съ тѣмъ, чтобы предупредить какое-нибудь преступленіе или спастись отъ грѣха. Въ этомъ нравоученіи его нѣсколько стѣсняетъ примѣръ женщинъ, которыя, въ эпоху преслѣдованій, желая избавиться отъ грозившихъ имъ насилій, бросались въ рѣку и за это почитались въ церкви мученицами. „Можетъ быть,—говоритъ онъ,—церковь, признавая ихъ мученицами, руководилась какими-нибудь божественными указаніями; можетъ быть, онѣ сами совершили это не по человѣческому заблужденію, а по божественному наущенію, подобно тому, какъ то нужно предположить относительно самоубійства Самсона.

Отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ бѣдствій, постигавшихъ христіанъ при разграбленіи Рима, Августинъ поднимается къ разрѣшенію общей моральной проблемы, которую выдвигало это плачевное событіе, почему несчастія обрушиваются на людей, не взирая на то, заслужены ли они, или нѣтъ. Подвергаются бичеванію и праведные, поясняетъ Августинъ, когда Господу угодно покарать нечестивыхъ земною карою; подвергаются они этому бичеванію не потому, чтобы ихъ жизнь была въ такой же степени нечестива, но за то, что и они любятъ земную жизнь, которую имъ слѣдовало бы презирать. Но на самомъ дѣлѣ вѣрующихъ и благочестивыхъ ничто дурное не можетъ постигнуть, ибо все дурное обращается имъ на благо, если они исправляются и удостоиваются жизни вѣчной?

Въ этихъ словахъ заключается оправданіе зла въ мірѣ или тэодицея Августина; въ нихъ же заключается залогъ новаго воззрѣнія на міръ и на исторію человѣчества. Утѣшеніе поклонниковъ истиннаго Бога не обманчивое, но оно не заключается въ надеждѣ на блага непрочныя или увядающія; земными благами они пользуются, какъ скитальцы, не привязываясь къ нимъ, а несчастія обнаруживаютъ ихъ добродѣтель или ихъ исправляютъ. Вотъ почему они никогда и не ропщутъ на мірскую жизнь, такъ какъ она служитъ имъ *наставленіемъ* для жизни вѣчной (vita temporalis, in qua eruditur ad æternam).

Утѣшивъ христіанъ, Августинъ отвѣчаетъ на обвиненіе язычниковъ, что всѣ эти бѣдствія, происшедшія при взятіи Рима готами, не представляютъ собою ничего новаго: то же самое совершалось сотни разъ, ибо вытекаетъ изъ обычая войны, а что ново и необычно — это гуманность дикихъ варваровъ относительно пощаженныхъ: „Кто не видитъ, что это нужно вмѣнить

въ заслугу Христу и христіанскимъ временамъ, тотъ слѣпъ; кто это видитъ и не прославляетъ — тотъ неблагодаренъ; тотъ, кто возражаетъ противъ прославленія—безуменъ". И Августинъ съ гордостью отмѣчаетъ аналогію между этимъ событіемъ, ознаменовавшимъ начало христіанскаго періода въ исторіи Рима и начальнымъ событіемъ его языческой исторіи. И Ромулъ, и Ремъ, устроили убѣжище, гдѣ всякій преступникъ могъ найти себѣ пріютъ. То, что тогда сдѣлали строители города, то же самое сдѣлали и разрушители его. Но тѣ поступили такъ, чтобы умножить число своихъ гражданъ, а эти — чтобы сохранить число своихъ враговъ.

Этотъ отвѣтъ „клеветникамъ христіанства" былъ лишь вступленіемъ къ обширному труду, предпринятому Августиномъ для посрамленія язычества. Въ началѣ этого труда, получившаго потомъ названіе: 22 книги о „Божьемъ градѣ", Августинъ задался двумя цѣлями: опровергнуть мнѣніе, что многобожіе нужно для благоденствія Рима, а запрещеніе его вызвало бѣдствія, обрушившіяся на римскую имперію, и затѣмъ доказать ошибочность мнѣнія тѣхъ, кто соглашается, что бѣдствія всегда бывали на землѣ и въ самое время процвѣтанія язычества, но что почитаніе боговъ необходимо въ интересахъ загробной жизни.

Простая мысль, что и прежде бывали бѣдствія, оказалась плодотворна послѣдствіями: она преобразила традиціонную исторію Рима, создала новую философію римской исторіи и вызвала полную переоцѣнку римскихъ гражданскихъ и политическихъ идеаловъ. Работая надъ этой задачей, Августинъ хотѣлъ руководиться систематическимъ планомъ; но на самомъ дѣлѣ онъ его не придерживался и постоянно отъ него отступалъ. Эпизодическій характеръ его сочиненія, однако, ему не повредилъ, а напротивъ, облегчилъ современникамъ его чтеніе и увеличилъ интересъ къ нему. Намъ понятно, что викарій Африки, Македоній, получивъ первыя три книги сочиненія Августина, писалъ ему: „Я прочелъ твои книги: онѣ такъ живы и интересны, что не позволили мнѣ предаться другимъ занятіямъ: онѣ захватили меня, оторвали отъ всѣхъ другихъ заботъ, приковали мое вниманіе, и я не знаю, чему болѣе удивляться, совершенству ли богословскаго знанія, философской учености, обилію историческихъ свѣдѣній или достоинствамъ изложенія, которое такъ увлекаетъ даже малообразованныхъ, что они не могутъ оторваться отъ книги, пока ея не кончатъ, а когда кончатъ, начинаютъ перечитывать".

Къ этимъ достоинствамъ, которыми Македоній объясняетъ

успѣхъ сочиненія Августина, нужно прибавить еще одно его свойство—новизну проводимой имъ мысли. Для образованныхъ людей того времени римская исторія была повѣстью о величіи римскаго народа, о его тріумфальномъ шествіи на протяженіи вѣковъ: если въ ней и встрѣчались пораженія, то они бывали только поводомъ къ новымъ побѣдамъ. Августинъ изображаетъ римскую исторію въ новомъ освѣщеніи, болѣе гармонировавшемъ съ подавленнымъ настроеніемъ, какое вызвало вездѣ паденіе Рима. Для него это паденіе не единичная, небывалая катастрофа: оно только послѣднее звено въ цѣломъ рядѣ бѣдствій, составляющихъ римскую исторію. Эта исторія излагается, чтобы доказать три положенія, одно съ другимъ тѣсно связанныя: бѣдствія постигали Римъ и до воспрещенія идолопоклонства; языческіе боги всегда были безполезны для римлянъ по своему безсилію: „не идолъ охранялъ своихъ поклонниковъ, а поклонники должны были охранять идола“. Наконецъ боги приносили вредъ римлянамъ, внося въ ихъ жизнь безнравственность. Перечисленіе бѣдствій, постигавшихъ Римъ, и доказательства безсилія боговъ сливаются у Августина въ одно повѣствованіе. Онъ начинаетъ его издалека—съ легендарнаго происхожденія римской святыни. Среди римлянъ давно укоренилось преданіе, что ихъ предки происходятъ отъ выходцевъ изъ Трои, и этимъ преданіемъ воспользовался для прославленія первой императорской династіи знаменитый поэтъ, котораго еще во время Августина учили наизусть во всѣхъ латинскихъ школахъ. Августину оно послужило средствомъ для посрамленія римскихъ боговъ, ибо римляне имѣли неблагоразуміе перенести къ себѣ троянскихъ боговъ, не съумѣвшихъ отстоять Трою, и расчитывали, что они будутъ оплотомъ Рима. Стихами самого Виргилія Августинъ изображаетъ, какъ Понтъ, жрецъ Аполлона, вынося на рукахъ „побѣжденныхъ боговъ“, съ безумной поспѣшностью спасался съ ними изъ храма.

Гибель Трои представляетъ Августину еще другой поводъ поглумиться надъ вѣрованіями язычниковъ. Почему,—спрашиваетъ онъ,—боги, которымъ одинаково поклонялись и греки, и троянцы, допустили разрушеніе Трои? Говорятъ, что Пріамъ поплатился за грѣхи своего отца Лаомедонта, не отдавшаго Аполлону и Нептуну условленной между ними платы за постройку этими богами стѣнъ Трои. Августинъ выражаетъ удивленіе, что Аполлонъ, котораго чтутъ какъ прорицателя, принялъ на себя такую тяжелую работу, не предвидя, что ничего за это не получитъ! Да и Нептуну какъ Гомеръ, такъ и Виргилій приписываютъ

способности прорицанія. Августинъ думаетъ, что обманывать такихъ боговъ, можетъ быть, менѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ вѣрить въ нихъ. Впрочемъ, едва ли Гомеръ считалъ причиной разрушенія Трои клятвопреступленіе Лаомедонта, такъ какъ у него Аполлонъ сражается за троянцевъ. Какъ бы то ни было, тотъ, кто вѣритъ въ эти басни, долженъ стыдиться такихъ слѣпыхъ боговъ, а тотъ, кто имъ не вѣритъ, не можетъ объяснять гнѣвъ боговъ клятвопреступленіемъ троянцевъ. Иначе ему пришлось бы изумляться, почему боги троянцевъ покарали за клятвопреступленіе, римлянъ же за это поощряли? По этому поводу Августинъ напоминаетъ и о заговорѣ Катилины, и о томъ, сколько римскихъ сенаторовъ, и какъ часто, оказывались клятвопреступниками; какъ часто весь народъ грѣшилъ тѣмъ же, нарушая клятву при подачѣ голоса на форумѣ и на судѣ. Древній обычай присяги сохранялся въ Римѣ не для того, чтобы удерживать людей отъ преступленій страхомъ боговъ, но чтобы къ числу прочихъ преступленій прибавилось еще клятвопреступленіе.

„Впрочемъ,—продолжаетъ Августинъ,—разрушеніе Трои объясняютъ также преступленіемъ Париса, похитившаго Елену у Менелая. Если это такъ, то богамъ слѣдовало бы строже отнестись къ римлянамъ, чѣмъ къ троянцамъ, такъ какъ сама Венера, мать Энея, совершила такое же преступленіе. Или развѣ разница въ томъ, что въ первомъ случаѣ Менелай пришелъ въ озлобленіе, Вулканъ же отнесся равнодушно къ невѣрности жены, такъ какъ боги, повидимому, не ревнуютъ своихъ женъ къ людямъ? Мнѣ замѣтятъ, что я смѣюсь надъ языческими баснями! Я готовъ не считать Энея сыномъ Венеры, но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и Ромула признавать сыномъ Марса и считать основателя города Рима полубогомъ. Если же мы откажемся вѣрить въ то, что Марсъ былъ отцомъ Ромула, у насъ не будетъ никакого предлога оправдывать мать Ромула, такъ какъ она была весталка, и богамъ слѣдовало бы строже покарать римлянъ за совершенное ею святотатство, чѣмъ троянцевъ за преступленіе Париса. Вѣдь сами древніе римляне виновныхъ весталокъ заживо погребали, виновныхъ же въ нарушеніи брака женъ хотя и наказывали, но не смертью“...

Такъ пользовался Августинъ преданіями о Троѣ, чтобы наносить римской святынѣ ударъ за ударомъ. Онъ вспомнилъ, что Троя еще разъ была разрушена, и на этотъ разъ самими римлянами подъ командой маріянца Фимбріи. Это разрушеніе было еще бѣдственнѣе, чѣмъ первое: въ первый разъ многимъ троянцамъ удалось бѣжать изъ города; Фимбрія же приказалъ никого

не щадить и сжегъ городъ со всѣми его жителями. Троя потерпѣла это не отъ грековъ, которыхъ она раздражила своей неправдой, но отъ Рима, которому дала начало своимъ паденіемъ. Итакъ, троянскіе боги, которыхъ приняли къ себѣ римляне, опять оказались безсильными помочь Троѣ! Или же всѣ боги, „покинувъ храмы и алтари, удалились", какъ гласитъ не разъ приводимый Августиномъ стихъ? Если удалились, то почему? Они имѣли на это тѣмъ менѣе права, чѣмъ болѣе правы были жители второй Трои, затворившіе ворота передъ Фимбріей, чтобы сохранить городъ Суллѣ, который стоялъ во главѣ лучшей части Рима.

Въ другомъ мѣстѣ Августинъ, по поводу этого вторичнаго разоренія Трои, замѣчаетъ, что кто-нибудь, пожалуй, захочетъ объяснить это тѣмъ, что троянскіе боги проживали въ Римѣ. Такъ можетъ быть, — возражаетъ Августинъ, — эти боги проживали въ Троѣ, когда Римъ былъ взятъ и сожженъ галлами? А такъ какъ у нихъ очень тонкій слухъ, то они на голосъ гуся быстро вернулись, чтобы, по крайней мѣрѣ, спасти Капитолій? Конечно, въ другихъ случаяхъ ихъ слишкомъ поздно приглашали возвратиться для защиты!

Не менѣе, чѣмъ отецъ и мать Ромула, послужилъ Августину поводомъ къ обличенію языческихъ боговъ и самъ Ромулъ—въ особенности его братоубійство. Если бы боги карали людей за преступленія, убіеніе Ромуломъ брата должно было сильнѣе озлобить ихъ противъ римлянъ, чѣмъ обманъ Елены противъ троянцевъ. Августинъ не хочетъ входить въ разсмотрѣніе того, было ли это убійство совершено по приказанію Ромула или самимъ Ромуломъ, что „многіе безстыдно отрицаютъ, многіе изъ стыда подвергаютъ сомнѣнію, многіе со скорбью скрываютъ". Даже если это всѣмъ вѣдомое убійство чуждо самому Ромулу, то виновна въ немъ вся община, умертвившая своего отца и основателя города; во всякомъ случаѣ приходится недоумѣвать, почему это преступленіе вызвало не гнѣвъ боговъ, какъ въ Троѣ, а ихъ благосклонное попеченіе о Римѣ?

Братоубійство сближаетъ Ромула съ Каиномъ, строителемъ перваго на землѣ „града"—„архитипа", какъ выражается Августинъ, того города, который сталъ столицей и властителемъ надъ народами. Самъ Ромулъ сдѣлался черезъ это первообразомъ земного владыки, исполненнаго тщеславія и властолюбія. Оба брата искали славы въ основаніи города, одинаково полагая, что эта слава можетъ достаться лишь тому, кто останется одинъ. Ища славы во власти, каждый изъ нихъ желалъ имѣть

всю совокупность власти, и для этого Ромулъ устранилъ своего брата и товарища. То, что̀ случилось съ Ремомъ и Ромуломъ, показываетъ, какъ неизбѣжны раздоръ и междоусобія въ земномъ государствѣ. Такъ продолжалось и въ Римѣ. Не желавшій допустить совладычества родного брата, Ромулъ былъ потомъ принужденъ принять въ товарищи на царство царя сабинянъ, Тита Тація; но могъ ли онъ стерпѣть его, если не стерпѣлъ соправителемъ брата и близнеца? И онъ снова, посредствомъ убійства, обезпечилъ себѣ единодержавіе. Такъ же искусно освѣщены Августиномъ и прочія событія изъ жизни Ромула, чтобы усилить впечатлѣніе насилій и неправдъ, совершенныхъ при возникновеніи Рима. Онъ упоминаетъ о томъ, какой *народъ* Ромулъ собралъ въ построенныхъ имъ стѣнахъ—то были люди, которыхъ страхъ наказаній за совершенныя ими дѣла побуждалъ на дальнѣйшія преступленія. Подробно останавливается Августинъ на томъ, какимъ способомъ римляне добились браковъ, и съ драматическимъ паѳосомъ описываетъ положеніе похищенныхъ сабинянокъ, которыя должны были ласкать побѣдителей, обрызганныхъ кровью ихъ отцовъ, братьевъ и мужей.

Какъ происхожденіе Ромула, такъ и конецъ его становится для Августина поводомъ къ обличенію языческаго Рима. Оффиціальное преданіе о принятіи Ромула на небо въ число боговъ Августинъ считаетъ басней, вызванной лестью. Для доказательства онъ ссылается на извѣстный разсказъ о томъ, что сенаторы, убившіе Ромула, успокоили роптавшій противъ сената народъ вымысломъ о его обожествленіи и воспользовались для этого солнечнымъ затменіемъ, которое народъ приписывалъ заслугамъ Ромула. Какъ будто, прибавляетъ Августинъ, такое затменіе, если бы оно случилось, не служило бы подтвержденіемъ того, что Ромулъ на самомъ дѣлѣ былъ убитъ и „плачъ солнца“ былъ вызванъ отвращеніемъ свѣтила къ преступленію. Августинъ ссылается также на разныя мѣста Цицерона, изъ которыхъ можно было заключить, что и по его мнѣнію обожествленіе Ромула скорѣе повѣрье, чѣмъ фактъ. Но съ другой стороны Августинъ порицаетъ юриста Лабеона, который причислялъ Платона къ полубогамъ, наравнѣ съ Геркулесомъ и Ромуломъ. Августинъ находитъ, что Платона слѣдовало бы поставить выше не только полубоговъ, но и самихъ боговъ, за его нерасположеніе къ поэтамъ—хотя мы, прибавляетъ онъ, не только не считаемъ Платона богомъ, но не приравняемъ его даже ни къ ангеламъ, ни къ пророкамъ, ни къ мученикамъ, ни даже къ простому христіанину.

Впрочемъ, „чудесный“ конецъ Ромула до извѣстной степени тревожилъ Августина, какъ апологета христіанства, въ виду аналогій между основателемъ Рима и созидателемъ Царства Божія, на которыя наводило это преданіе. Такъ Цицеронъ, обсуждая преданіе о вознесеніи Геркулеса и Ромула на небо, пояснилъ, что тѣло ихъ осталось на землѣ, такъ какъ было бы противно природѣ, если бы то, что взято отъ земли, не осталось на землѣ. На это Августинъ возражаетъ, что еще большее чудо представляетъ въ природѣ тѣсная, взаимная связь между духомъ и тѣломъ. Въ другомъ мѣстѣ Цицеронъ видитъ поводъ къ прославленію Ромула въ томъ, что вѣра въ его обожествленіе утверждалась не въ отдаленное время, когда люди были невѣжественны и легко вѣрили въ вымыслы, а менѣе, чѣмъ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху, когда люди были высоко образованы (docti) и нерасположены вѣрить въ басни. Августинъ ничего не имѣлъ возразить противъ такой оцѣнки эпохи Ромула; онъ самъ держался мнѣнія, что Ѳалесъ былъ современникъ Ромула, и дѣлалъ отсюда заключеніе, что въ эпоху основанія Рима людское общество было гораздо болѣе культурно, чѣмъ въ эпоху Гомера, когда слагались и распространялись басни о богахъ.

Но за то Августинъ старается умалить значеніе обожествленія Ромула. „Кто же внѣ Рима считалъ Ромула богомъ?—спрашиваетъ онъ; а Римъ былъ тогда совсѣмъ не великъ“. А потомъ суевѣріе это впитывалось римлянами съ молокомъ матери и съ ростомъ Рима охватило, подъ вліяніемъ страха, и другіе народы. И хотя Августинъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ самъ оговаривается, что „смѣшно вспоминать о ложномъ обожествленіи Ромула, когда идетъ рѣчь о Христѣ“, онъ, однако, не отказывается сопоставить основателя языческаго Рима и Христа — основателя „вѣчнаго и небеснаго града“. Въ проводимой между ними параллели указывается, что Римъ уже послѣ построенія сталъ почитать своего основателя въ храмѣ; небесный же Іерусалимъ основанъ на *вѣрѣ* въ своего основателя, Бога-Христа, и въ этой вѣрѣ будетъ рости. Ромулъ не былъ предсказанъ пророками; литературные памятники говорятъ о вѣрѣ въ его обожествленіе, но не удостовѣряютъ самаго факта. Христосъ же предвѣщенъ цѣлымъ сонмомъ божественныхъ пророчествъ и пришествіе его удостовѣрено длиннымъ рядомъ чудесъ. Кто когда-либо предпочелъ смерть отреченію отъ вѣры въ божественность Ромула?—божественность же Христа *удостовѣрили* толпы свидѣтелей-мучениковъ по всему земному кругу; ихъ „заключали въ

оковы и въ темницы, били, мучили, жгли, терзали, умерщвляли,— а они все размножались".

На другого рода соображенія наводитъ Августина преданіе о второмъ римскомъ царѣ, Нумѣ Помпиліи. Римляне чтили этого царя—въ противоположность Ромулу,—какъ свѣдущаго въ божественныхъ дѣлахъ устроителя религіозныхъ учрежденій и какъ миролюбца, затворившаго ворота Януса и поддерживавшаго миръ съ сосѣдями во время всего своего 43-лѣтняго правленія. Августинъ съумѣлъ найти въ благочестіи и миролюбіи Нумы новый поводъ къ обличенію языческой старины. Пользуясь долголѣтнимъ миромъ и не вѣдая истиннаго Бога, Нума сталъ, по словамъ Августина, на досугѣ раздумывать, какихъ бы еще боговъ привлечь для охраны Рима, и придумалъ ихъ такое множество, что по смерти своей самъ не удостоился обожествленія, такъ какъ въ этой толпѣ боговъ для него самого не оказалось мѣста. Августинъ укоряетъ Нуму за губительную любознательность и въ подтвержденіе приводитъ извѣстный разсказъ, что когда на Яникулѣ была впослѣдствіи найдена гробница Нумы и оттуда извлечены древнія книги этого царя, въ которыхъ были объяснены причины установленныхъ имъ обрядовъ, то сенатъ приказалъ сжечь ихъ. Эта суетная любознательность только отвлекла Нуму отъ исканія истиннаго Бога. Такимъ образомъ, миръ Нумы ни къ чему не послужилъ. Конечно, миръ—великое благодѣяніе, но это благодѣяніе истиннаго Бога, который ниспосылаетъ это благо, какъ солнечный свѣтъ, дождь и прочія блага жизни, безразлично и неблагодарнымъ, и негоднымъ людямъ. Языческіе же боги тутъ были ни при чемъ; ибо если бы это зависѣло отъ нихъ, то почему они никогда не давали Риму мира до эпохи Августа, за исключеніемъ одного года, послѣ первой пунической войны, когда ворота Януса были заперты?

За долгимъ миромъ снова послѣдовала кровавая сѣча. Римъ посягнулъ на Альбу, которая была ему матерью и ближе, чѣмъ сама Троя. Вопросъ былъ рѣшенъ единоборствомъ трехъ Горацієвъ и Куріяцієвъ. Въ трагическомъ столкновеніи патріотизма и родственнаго чувства, побудившаго побѣдителя Горація убить сестру за то, что она оплакала побѣжденнаго врага, который былъ ея женихомъ, Августинъ беретъ сторону сестры, восклицая, что ему „человѣчное чувство этой женщины симпатичнѣе чувства всего римскаго народа"; ея слезы не были преступны. Онъ ссылается на Виргилія, у котораго Эней жалѣетъ объ убитомъ его рукою врагѣ, и на консула Марцелла, проливавшаго при осадѣ Сиракузъ слезы при мысли, что этотъ красивый и

славный городъ будетъ обращенъ имъ въ развалины. Но почему пала Альба? Паденіе Трои пытаются объяснять прелюбодѣяніемъ Париса; но тутъ ничего подобнаго не было. Августинъ приводитъ слова Саллюстія, объяснявшаго войны, которыя вели персы и греки, „властолюбіемъ". Такъ было и въ Римѣ. Побѣжденный этою страстью къ власти, Римъ гордился своей побѣдой надъ Альбой и называлъ своею славой то, что было его преступленіемъ. „Но пусть мнѣ не говорятъ: великъ тотъ или этотъ, потому что онъ побѣдилъ такого-то! Побѣждаютъ и гладіаторы; восхваляются также и ихъ изувѣрства! Но почему же боги остались равнодушными зрителями и убійства сестры Горацiемъ, и разрушенія Альбы"? Отвѣчая на это, Августинъ еще разъ глумится надъ богами, мѣнявшими свое мѣстожительство и бѣжавшими изъ Трои въ Лавиніумъ, а оттуда въ Альбу; но надоѣла имъ, должно быть, и Альба, и понравился Римъ, гдѣ Ромулъ убилъ своего брата; и вотъ они снова — въ третій разъ — „покинули всѣ храмы и алтари и направились въ Римъ, чтобы принять его въ свое попеченіе".

Не останавливаясь на дѣяніяхъ другихъ царей, Августинъ касается только „ужаснаго конца" Тулла Гостилія, Тарквинія старшаго и особенно Сервія. Послѣдній былъ убитъ своимъ зятемъ, Тарквиніемъ Гордымъ. Но за это страшное преступленіе его не покарали ни люди, ни боги. Напротивъ, римляне сдѣлали его своимъ царемъ, и если они его потомъ изгнали, то не за отцеубійство, а за преступленіе, совершенное его сыномъ безъ его вѣдома и въ его отсутствіе, и даже не узнавши, какъ онъ отнесется къ преступленію сына. Римляне прозвали Тарквинія не жестокимъ и не преступнымъ, а *гордымъ*, изъ чего Августинъ заключаетъ, что причиной его изгнанія была скорѣе всего *гордыня* римлянъ, вслѣдствіе которой для нихъ стало нестерпимо высокомѣріе этого царя.

Что же касается до боговъ, то они не побрезгали капитолійскимъ храмомъ, который былъ выстроенъ Юпитеру отцеубійцей на средства, добытыя войной; развѣ кто-либо скажетъ въ ихъ защиту, что они остались въ Римѣ для наказанія римлянъ, искушая ихъ суетными побѣдами и изводя ихъ тяжелыми войнами! Впрочемъ, по разсчету Августина, въ хваленое время царей, Римъ сдѣлалъ мало успѣховъ; за 243 года римскія побѣды, купленныя такою кровью и такими бѣдствіями, расширили область Рима не болѣе, какъ на разстояніе 20 миль отъ города, такъ что она не можетъ идти въ сравненіе по объему даже съ областью какихъ-нибудь африканскихъ гетуловъ. Политическій пе-

реворотъ, имѣвшій послѣдствіемъ установленіе римской республики, не вызываетъ со стороны Августина никакого сочувствія; съ своей религіозно-нравственной точки зрѣнія онъ равнодушенъ къ формамъ правленія. Онъ руководится отзывомъ Саллюстія, что въ Римѣ господствовала справедливость и умѣренность только пока тамъ опасались возвращенія Тарквинія и продолжалась война съ его союзниками, этрусками. Съ своей стороны, онъ называетъ первый годъ республики „похороннымъ“ годомъ, въ виду того, что въ теченіе его перебывало во власти пять консуловъ. Особенно нерасположенъ Августинъ къ національному герою римлянъ, Юнію Бруту. Августинъ ставитъ ему въ вину изгнаніе его товарища, Луція Тарквинія Коллатина, участвовавшаго въ изгнаніи Тарквинія Гордаго. Его можно бы было, по мнѣнію Августина, заставить отречься отъ рода Тарквиніевъ, но несправедливо было лишать его консульскаго сана и отечества. Подвигъ Брута, казнившаго сыновей за участіе въ заговорѣ въ пользу Тарквинія Гордаго, Августинъ не одобряетъ. Онъ ссылается на самого Виргилія, который хотя и почтилъ Брута стихомъ въ похвалу за то, что онъ покаралъ сыновей ради „прекрасной свободы“, однако же призналъ его „несчастнымъ“ и объяснялъ его поступокъ любовью къ отечеству и безмѣрной страстью къ похвалѣ. Въ гибели Брута Августинъ видитъ возмездіе за его „непохвальную неправду“.

Слѣдующая за смертью Тарквинія эпоха характеризуется у Августина словами Саллюстія, что съ этой поры патриціи стали порабощать плебеевъ, расправляться съ ними по способу царей, отнимать у нихъ земли, разорять ростовщичествомъ, отягощать податями и постоянными войнами, пока наконецъ плебеи, вооружившись, не ушли на священную гору или на Авентинъ и не добились трибуновъ и иныхъ правъ; послѣ чего начались взаимные раздоры, окончившіеся лишь во время второй пунической войны. „Для чего же,—восклицаетъ Августинъ,—терять мнѣ время на описаніе этой эпохи и утомлять читателя“! И дѣйствительно, онъ почти всю эту эпоху обходитъ молчаніемъ, лишь вскользь воспрошая: Гдѣ же были боги, когда изгнанниками и рабами былъ занятъ Капитолій? когда городъ страдалъ отъ голода и Спурій Мелій, прокормившій голодающую толпу былъ убитъ Кв. Сервиліемъ“? Гдѣ они были, когда римляне десять лѣтъ осаждали Веи, когда галлы взяли, ограбили и сожгли Римъ? когда два консульскихъ войска прошли подъ игомъ въ Кавдинскихъ ущельяхъ; когда Римъ такъ пострадалъ отъ моровой язвы, что былъ принужденъ привести изъ Эпидавра Эскулапа—въ виду того,

что Юпитеру, такъ давно возсѣдавшему на Капитоліи, грѣхи юности помѣшали научиться врачеванію? Однако во время войны съ Пирромъ опять пошелъ моръ на беременныхъ женщинъ, и Эскулапъ, вѣроятно, оправдывался тѣмъ, что онъ архіатеръ, а не повивальная бабка".

Переходя къ эпохѣ пуническихъ войнъ и напоминая, сколько за это время погибло городовъ, армій, кораблей и людей, Августинъ не хочетъ входить въ подробности, чтобы „не сдѣлаться простымъ историкомъ". Для него интереснѣе выставить на видъ, къ какимъ пустымъ и смѣшнымъ средствамъ обращалась смущенная бѣдствіями римская республика и какъ мало пользы принесли ей боги. Онъ разсказываетъ между прочимъ о большомъ пожарѣ, когда огонь охватилъ храмъ Весты, гдѣ почитался „неугасаемый огонь". Испуганныя весталки не были въ состояніи спасти тѣхъ роковыхъ боговъ, которые погубили уже три города, и лишь первосвященнику Метеллу удалось вынести ихъ изображенія, причемъ онъ самъ на половину обгорѣлъ; такимъ образомъ человѣкъ больше сдѣлалъ для богини Весты, чѣмъ она для него.

Изъ фактовъ гражданской исторіи этой эпохи Августинъ выставляетъ судьбу Сагунта и Сципіона. Трагическая участь, о которой страшно читать, а еще ужаснѣе писать, постигла сагунтинцевъ за то, что они остались вѣрны союзу съ Римомъ. Такъ пусть же не говорятъ, что боги спасли Римъ отъ Ганнибала, напугавши его грозой и молніями, когда онъ подошелъ къ стѣнамъ его. Почему же эти защитники Рима не помогли Сагунту и дали ему погибнуть изъ-за союза съ Римомъ? Что-нибудь одно: если боги гнѣваются на тѣхъ, кто сохраняетъ вѣрность союзу, то пусть ихъ считаютъ клятвопреступниками; если же при ихъ расположеніи могутъ погибать люди и цѣлые города, то почитаніе ихъ безполезно для благоденствія. Подобнымъ образомъ и печальная судьба Сципіона, принужденнаго уйти въ добровольное изгнаніе и не захотѣвшаго даже быть похороненнымъ въ „неблагодарномъ отечествѣ", ставится у Августина въ укоръ богамъ, храмы которыхъ спасъ Сципіонъ; они не отблагодарили его, хотя ихъ чтутъ только ради земного счастья.

Слѣдуя вообще Саллюстію въ его пессимистическомъ изображеніи римской исторіи, Августинъ критикуетъ его вездѣ, гдѣ имѣетъ случай представить положеніе дѣла въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ. Такъ Саллюстій восхвалялъ „добрые нравы и согласіе римлянъ" въ эпоху между второй и третьей пунической войной. Августинъ возражаетъ, что, однако, именно въ это время

проникла въ Римъ азіатская роскошь, которая была хуже всякаго врага. Онъ напоминаетъ, что послѣ тріумфа Манлія надъ галлами въ Римѣ появились бронзовыя кровати и дорогія настилки, танцовщицы, плясавшія во время обѣда, и подобная развращенность. Тогда же былъ изданъ законъ Воконія, воспрещавшій по завѣщанію назначать женщину полной наслѣдницей, хотя бы она была единственной дочерью. „Не знаю, что можно признать или придумать болѣе несправедливаго“,—восклицаетъ Августинъ. Въ виду этого онъ полагаетъ, что похвала Саллюстія имѣла только относительный смыслъ по сравненію съ другими эпохами Рима.

Какъ и для языческихъ историковъ Рима, такъ и для Августина, началомъ гражданскихъ бѣдствій были смуты, вызванныя аграрными законами Гракховъ. Августинъ одобряетъ намѣренія братьевъ: они хотѣли раздѣлить между народомъ земли, которыми владѣлъ нобилитетъ, не имѣя на нихъ права. „Но,—прибавляетъ онъ,—весьма опасно стремленіе устранить уже укоренившуюся неправду, а какъ оказалось на самомъ дѣлѣ, оно было даже гибельно для Рима. На томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ Кай Гракхъ, сенатъ постановилъ соорудить храмъ „Согласія“. Но развѣ это не насмѣшка надъ богами,—спрашиваетъ Августинъ,—ставить храмъ этой богинѣ, при которой, еслибы она на самомъ дѣлѣ была въ Римѣ, республика не была бы растерзана раздорами? Или же, виновная въ томъ, что покинула души гражданъ, Конкордія была, въ наказаніе за это, заключена въ своемъ храмѣ, какъ въ темницѣ? Болѣе соотвѣтственно положенію дѣла было бы соорудить храмъ Дискордіи. Вѣдь римляне ставили же храмы „лихорадкѣ“, на ряду съ храмомъ „здоровья“. Августинъ не даромъ выставилъ на видъ неумѣстность сооруженія храма Согласія; за этимъ послѣдовали „еще худшія времена — самыя худшія въ римской исторіи“ и цѣлый рядъ гражданскихъ войнъ. Изъ событій этой эпохи Августинъ отмѣчаетъ роковой для римлянъ приказъ Митридата убить всѣхъ находившихся въ то время въ Азіи безчисленныхъ римскихъ гражданъ. „Къ чему убитымъ послужили боги, которыхъ они вопрошали авгуріями, передъ тѣмъ какъ отправиться по дѣламъ въ Азію? Вѣдь тогда вопрошать боговъ не было воспрещено закономъ! Но это не помогало. Почему же теперь жаловаться на это воспрещеніе“?

Кратко касается Августинъ войны союзнической, когда всѣ почти италійскіе народы, которымъ римская держава особенно обязана своей силой, были сокрушены подобно дикимъ племенамъ. Подробнѣе изображаетъ Августинъ войны и проскрипціи

Марія и Суллы, когда продавались съ аукціона, подобно частнымъ вилламъ, цѣлые города, а одинъ изъ нихъ былъ, какъ обреченный на казнь преступникъ, уничтоженъ со всѣми жителями. И это было сдѣлано *послѣ* войны, по наступленіи мира. Римскій миръ состязался въ жестокости съ войной и превзошелъ ее. „Какая ярость чужеземныхъ народовъ,—спрашиваетъ Августинъ,—какое изувѣрство варваровъ можетъ быть уподоблено этимъ побѣдамъ гражданъ надъ гражданами? Что было для Рима горше, ужаснѣе, пагубнѣе—вторженіе галловъ и недавній набѣгъ готовъ, или ярость Марія и Суллы и другихъ прославленныхъ мужей ихъ партіи? Галлы избили тѣхъ сенаторовъ, которыхъ нашли внѣ Капитолія; готы даже не *ограбили* столько сенаторовъ, сколько было загублено проскрипціей Суллы".

Послѣднюю эпоху республики Августинъ изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, ссылаясь на авторитетъ жившаго тогда Цицерона и на отзывъ Саллюстія, который назвалъ республику того времени „негоднѣйшей и преступнѣйшей". Что же касается до Цицерона, то Августинъ приводитъ то мѣсто изъ „Республики", гдѣ авторъ, сравнивъ современное ему римское государство съ превосходной, но поблекшей отъ давности картиной, жалуется, что его вѣкъ не заботился не только о томъ, чтобы освѣжить ея краски, но даже и о сохраненіи ея очертаній. „Мы сохранили,—заключилъ Цицеронъ,—только имя республики, на самомъ же дѣлѣ давно ее утратили". Еслибы, прибавляетъ къ этому Августинъ, въ то время, когда это сужденіе было произнесено, уже существовала христіанская вѣра, то кто изъ язычниковъ не сталъ бы ей приписывать этихъ бѣдствій?

Такъ продолжалось дѣло до цезаря Августа, который исторгъ у римлянъ, по ихъ собственному признанію, не увѣнчанную славой свободу, а буйную, пагубную и увядавшую,—все подчинилъ царской волѣ и обновилъ изнемогавшее отъ дряхлости государство.

Обзоръ римской исторіи долженъ былъ убѣдить читателей Августина въ безсиліи языческихъ боговъ—предохранить своихъ поклонниковъ отъ голода, мора, плѣна, избіенія и вообще отъ такихъ золъ (mala), которыя, по выраженію Августина, дурными (malis) людьми считаются единственнымъ зломъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ обзоръ служилъ основаніемъ и для другого обвиненія боговъ: они не охраняли языческіе народы отъ нравственнаго зла. „Гдѣ, — спрашиваетъ Августинъ, — слышали римляне какія-либо предписанія боговъ о сдержкѣ жадности, объ обузда-

нiи тщеславiя, о стѣсненiи разврата; гдѣ эти несчастные научились тому, чему училъ Персiй"? [1]).

„Можетъ быть, кто-нибудь укажетъ намъ, по этому случаю, на школы и диспуты философовъ; но все это,—возражаетъ Августинъ,—не римское, а греческое; и если даже считать это римскимъ на томъ основанiи, что Грецiя стала римской провинцiей, то все-же это—человѣческiе помыслы, а не божественныя предписанiя.

„Если же философы,—продолжаетъ Августинъ,—сдѣлали что-нибудь для установленiя нравственной жизни, то насколько было бы справедливѣе оказывать *имъ* самимъ божескiя почести! Насколько было бы лучше и честнѣе читать въ храмѣ Платона его сочиненiя, чѣмъ въ храмахъ демоновъ увѣчить жрецовъ (Gallos), посвящать увѣченныхъ, проливать кровь изступленныхъ и совершать обряды жестокiе или позорные, или же и жестокiе, и позорные?

„Еслибы боги,—замѣчаетъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ,— дали римлянамъ какiя-либо правила жизни и нравственности, имъ не пришлось бы заимствовать законы у аѳинянъ"! При этомъ Августинъ хвалитъ римлянъ за то, что они не приняли законовъ Ликурга; хотя послѣднiй и увѣрилъ лакедемонянъ, что изданные имъ законы внушены ему Аполлономъ,—римляне благоразумно этому не повѣрили.

„Но, можетъ быть,—спрашиваетъ Августинъ,—боги потому не дали римлянамъ законовъ, что, по словамъ Саллюстiя, правда (jus) и добро господствовали у нихъ не въ силу законовъ, а были имъ прирождены"? Августинъ отвѣчаетъ на это перечисленiемъ цѣлаго ряда неправдъ, совершенныхъ римлянами: похищенiе сабинянокъ, изгнанiе Коллатина, неблагодарность къ Камиллу, завоевателю Вей. Ему не трудно было привести рѣзкiе отзывы о нравахъ римлянъ и изъ самого Саллюстiя, который объяснялъ добрые нравы и согласiе между римлянами въ эпоху между второй и третьей пунической войной—ихъ страхомъ передъ Карѳагеномъ.

Въ особенности нуждались римляне въ божественныхъ правилахъ для жизни и нравовъ въ ту эпоху, когда, по указанiю историковъ, римская республика погибала отъ пороковъ. Что же сдѣлали тогда для римлянъ боги-хранители, которые почитались ими въ столькихъ храмахъ, съ такимъ количествомъ жрецовъ разныхъ разрядовъ и жертвоприношенiй, съ такими многочислен-

[1]) См. стихи Персiя: „Discite, o, miseri" и т. д.

ными празднествами и роскошными зрѣлищами? Демоны, однако, ничего для нихъ не сдѣлали, помышляя лишь о своемъ интересѣ, нисколько не заботясь объ образѣ жизни своихъ поклонниковъ, даже стараясь, чтобы они хуже жили, лишь бы подъ вліяніемъ страха оказывали имъ всякаго рода почести. „Если же боги дали римлянамъ какія-либо правила жизни и законы, то пусть мнѣ покажутъ,—восклицаетъ Августинъ,—тѣ данные богами законы, коими пренебрегли Гракхи, вызвавшіе всеобщую смуту, или Марій и Цинна, когда изъ-за самыхъ несправедливыхъ причинъ начали междоусобную войну, или же Сулла, жизнь и дѣянія котораго—въ описаніи Саллюстія и другихъ историковъ—кого не приводятъ въ ужасъ“?

Судьба Марія и Суллы вообще служитъ Августину поводомъ къ обличенію безнравственности языческихъ боговъ. „Оба они являются любимцами боговъ и доказательствомъ того, что боги потворствуютъ дурнымъ страстямъ, а не обуздываютъ ихъ. Марію, человѣку безродному, кровожадному, виновнику гражданскихъ войнъ, боги помогли сдѣлаться семь разъ консуломъ, и на седьмомъ консульствѣ дали спокойно умереть отъ старости, чтобы онъ не попалъ въ руки побѣдителя Суллы. Если же не они ему помогли, тогда станетъ очевиднымъ, что такой человѣкъ, какъ Марій, можетъ достигнуть высшаго въ глазахъ язычниковъ земного счастья, пользоваться богатствомъ, почестями и долговѣчностью, имѣя противъ себя боговъ; а достойный человѣкъ, какъ Регулъ, можетъ подвергнуться плѣну, рабству, страданіямъ и мучительной смерти при полномъ къ нему расположеніи боговъ. Что же касается до Суллы, то потворство боговъ въ его жизни всѣмъ извѣстно. Уже когда въ первый разъ онъ повелъ войско противъ Марія, ему во время жертвоприношенія, по свидѣтельству Ливія, было послано такое благопріятное знаменіе, что гаруспексъ Постумій ручался жизнью, что всѣ желанія Суллы будутъ, съ помощью боговъ, исполнены. Затѣмъ, въ Азіи, Юпитеръ два раза предупреждалъ Суллу, черезъ воиновъ, которымъ являлся, что онъ побѣдитъ Митридата и своихъ враговъ въ Италіи. Въ Тарентѣ его ожидало новое, необыкновенное знаменіе. Наконецъ, къ нему явился „глашатай Беллоны“, предсказывая побѣду и пожаръ Капитолія,—и на третій день, дѣйствительно, получилось извѣстіе, что Капитолій сгорѣлъ. Демону легко было и предвидѣть это, и быстро объ этомъ извѣстить Суллу. Но демонъ этотъ не потребовалъ отъ Суллы, чтобы онъ воздержался отъ преступленій, которыя тотъ совершилъ послѣ побѣды; ибо боги болѣе опасались исправленія Суллы, чѣмъ пораженія его;

поэтому они старались, чтобы побѣдитель гражданъ былъ побѣжденъ и заполоненъ непотребными пороками и черезъ это еще болѣе подчиненъ демонамъ".

Для доказательства того, что языческіе боги не только относились равнодушно къ порокамъ и преступленіямъ людей, но и намѣренно портили ихъ своимъ примѣромъ, Августинъ разсказываетъ слѣдующее происшествіе, которое, какъ ему передавали, случилось въ Кампаніи во время гражданскихъ войнъ. Началось съ того, что въ воздухѣ послышался сильный шумъ, затѣмъ многіе видѣли въ теченіе нѣсколькихъ дней сражающіяся двѣ арміи, а по окончаніи сраженія можно было усмотрѣть слѣды людей и коней, какъ послѣ большого сраженія. Если то было сраженіе между богами, то этимъ оправдываются междоусобныя войны людей; но каковы же въ этомъ случаѣ злоба или бѣдственное положеніе такихъ боговъ! Если же боги только притворялись, что сражаются, то какая могла у нихъ быть иная цѣль, какъ не убѣдить римлянъ своимъ примѣромъ, что междоусобная война—не преступленіе! Незадолго передъ этимъ, въ началѣ междоусобныхъ войнъ, произвелъ сильное впечатлѣніе слѣдующій случай: воинъ, снимавшій въ сраженіи доспѣхи съ убитаго врага, узналъ въ немъ родного брата и, проклиная междоусобныя войны, закололся надъ трупомъ брата. Для того, чтобы сгладить произведенное этимъ впечатлѣніе, преступные демоны, которыхъ язычники почитаютъ богами, и захотѣли освятить человѣческую неправду божественнымъ примѣромъ.

Особенно богатый матеріалъ для темы, что боги развращали людей своимъ примѣромъ, представляла, конечно, греческая миѳологія. Нужно, однако, сказать, что Августинъ пользовался этимъ арсеналомъ довольно умѣренно. Онъ приводитъ стихи Теренція о юношѣ, который, при видѣ изображенія Данаи, пришелъ въ восторгъ отъ Юпитера. Но для обличенія безнравственнаго вліянія языческаго культа Августину не нужно было заходить такъ далеко назадъ. Онъ описываетъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, зрѣлище, которымъ онъ самъ въ юности наслаждался, —торжественное омовеніе „небесной богини" въ Карѳагенѣ: во время этой церемоніи „безпутные актеры" распѣвали такія слова, которыя, какъ онъ выражается, „не слѣдовало слушать не только матери боговъ, но и матери любого сенатора или порядочнаго человѣка; не слѣдовало слышать даже родной матери самихъ этихъ пѣвцовъ". У себя дома эти самые актеры постыдились бы произносить такія слова и представлять такія сцены, какія они разыгрывали въ присутствіи матери боговъ и огромной толпы

обоего пола. Какія же еще могутъ быть святотатства,—спрашиваетъ Августинъ, — если этотъ обрядъ надо считать священнодѣйствіемъ; какое еще можетъ быть оскверненіе, если то признавать омовеніемъ?

Это совершалось въ Карѳагенѣ; но нѣчто подобное происходило въ самомъ Римѣ, съ тѣхъ поръ, какъ во время второй пунической войны тамъ былъ введенъ культъ Кибелы, азіатской матери боговъ. Сенатъ тогда избралъ для этой цѣли „лучшаго человѣка", тогдашняго первосвященника, Сципіона Назику, который собственноручно принялъ и привезъ въ Римъ идола. Этотъ Сципіонъ, конечно, былъ бы очень доволенъ, еслибы его родной матери за какія-нибудь заслуги оказали божескія почести. Но еслибы его спросили, желаетъ ли онъ, чтобы ее чтили подобнымъ способомъ, какъ матерь боговъ, онъ, конечно, воскликнулъ бы, что предпочелъ бы смерть матери, чѣмъ вѣчную жизнь ея въ видѣ богини, принужденной слушать такія слова, отъ которыхъ она при жизни заткнула бы уши и бѣжала, чтобы не заставить краснѣть за себя родственниковъ, и мужа, и дѣтей.

Августинъ не допускаетъ возраженія, что языческіе боги, хотя въ публичномъ культѣ и допускали безнравственныя слова и церемоніи, въ тайномъ ученіи наставляли людей честной жизни. Онъ не хочетъ прислушиваться къ „шопоту", который достигаетъ слуха немногихъ посвященныхъ, не хочетъ знать о „притворномъ цѣломудріи избранныхъ", когда кругомъ и открыто происходитъ соблазнъ и совращается толпа. Въ тайной проповѣди языческой морали Августинъ видитъ обманъ и коварство со стороны демоновъ. Такъ велика сила нравственной чистоты, что природа человѣка ей охотно поддается, и не настолько эта природа порочна, чтобы утратить всякое чувство порядочности; поэтому, въ язычествѣ,—восклицаетъ Августинъ: — „decus latet et dedecus patet"—позорное выставляется наяву, а приличіе держится въ тайнѣ. Послѣднее дѣлается для того, чтобы привлечь порядочныхъ людей, которыхъ немного, а первое—ради того, чтобы негодное большинство не исправлялось. Обвиненіе языческихъ боговъ въ совращеніи людей у Августина основано въ особенности на сценическихъ представленіяхъ въ честь боговъ. Объ этомъ Августинъ говоритъ такъ, какъ будто содержаніемъ всѣхъ трагедій и комедій было изображеніе распутства боговъ. „Въ театрѣ (ludis) гнуснѣйшіе актеры воспѣвали и представляли совратителя стыдливости, Юпитера, который былъ хуже любого римлянина, не одобрявшаго его продѣлокъ".

Августинъ, правда, приводитъ слова Цицерона, „что всѣ про-

дѣлки боговъ—вымыслы Гомера, который переносилъ на боговъ людскіе нравы, а лучше было бы, еслибы онъ божественное переносилъ къ намъ". На это Августинъ возражаетъ, что еслибы это были вымыслы, Юпитеръ гнѣвался бы за нихъ; если же онъ наслаждался представленіемъ даже вымышленныхъ своихъ преступленій, то кому онъ служилъ, какъ не дьяволу? „Такъ пусть,—обращается онъ къ Цицерону,—почтенный мужъ вооружается не противъ вымысловъ поэтовъ, а противъ предковъ, которые ввели въ культъ боговъ сценическія представленія"... Что это совершилось по настоятельному требованію боговъ—для Августина не подлежитъ сомнѣнію. Для доказательства этого онъ приводитъ то, что во время моровой язвы боги приказали устроить для нихъ театральныя представленія, а также извѣстный разсказъ изъ преданія о Коріоланѣ, что боги внушили крестьянину Титу Латину, которому три раза являлись, пойти въ сенатъ и заявить, что они требуютъ *инставраціи* (возобновленія) игръ. То, что сценическія представленія не были изобрѣтены римлянами, а заимствованы у грековъ, не побуждаетъ Августина къ снисходительности. Онъ, напротивъ, къ римлянамъ строже, чѣмъ къ грекамъ, ставя имъ въ упрекъ ихъ непослѣдовательность относительно театра. Греки, допуская на сценѣ безцеремонное отношеніе къ богамъ, дозволяли то же самое и относительно людей, и не только такихъ политическихъ дѣятелей сомнительнаго достоинства, какъ Клеонъ, Клеофонтъ и т. п., но и по отношенію къ Периклу. Древніе же римляне запрещали на сценѣ всякую похвалу или хулу современника, и законъ 12-ти таблицъ въ числѣ немногихъ преступленій, за которыя полагали смертную казнь, включалъ сочиненіе стиховъ къ безчестію другого лица, а между тѣмъ тѣ же римляне допускали на сценѣ свободное издѣвательство надъ богами. Затѣмъ, греки чтили актеровъ наравнѣ съ жрецами и допускали ихъ къ высшимъ почестямъ въ государствѣ, римляне же считали занятіе актеровъ безчестнымъ и исключали ихъ изъ трибъ, т.-е. лишали гражданскихъ правъ. „Это истинно-римское постановленіе,—замѣчаетъ Августинъ,—достойное народа, жаднаго до славы; но какой же смыслъ въ томъ, что лицедѣи не допускались къ гражданскимъ почестямъ, а самое лицедѣйство происходило въ честь боговъ? Пусть этотъ споръ разсудятъ между собой греки и римляне. Греки станутъ доказывать, что если боги достойны почитанія, то почтенны и люди, участвующіе въ ихъ культѣ; римляне будутъ утверждать, что такіе люди, какъ актеры, ни въ какомъ случаѣ не достойны почета. Изъ этихъ посылокъ христіане выведутъ заключеніе:

„слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ боги не достойны почитанія“.

Въ виду строгаго осужденія театра, особеннымъ благоволеніемъ Августина пользуется первосвященникъ Сципіонъ Назика, который, при введеніи въ Римѣ сценическихъ игръ, не допустилъ постройки для нихъ постояннаго театра, и убѣждалъ сенатъ не дозволять греческой развращенности губить стойкіе нравы отцовъ, вслѣдствіе чего сенатъ запретилъ ставить скамейки въ театрѣ, которыя уже издавна тамъ допускались. „О, какъ охотно,—восклицаетъ Августинъ,—этотъ достойный мужъ отмѣнилъ бы и самыя театральныя представленія, еслибы дерзалъ противиться авторитету тѣхъ, кого считалъ богами, не понимая, что это—вредные демоны, а если и понималъ, то думалъ, что лучше ихъ умилостивлять, чѣмъ пренебрегать ими.

Августинъ находитъ, что римлянамъ скорѣе слѣдовало бы оказывать этому Сципіону божескія почести, чѣмъ самимъ богамъ, ибо онъ много ихъ лучше. Боги потребовали для прекращенія чумы, губившей тѣло, введенія сценическихъ представленій; первосвященникъ же воспротивился построенію театра, чтобы воспрепятствовать чумѣ охватить людскія души. „Но коварство нечестивыхъ духовъ, предвидя, что плотская чума скоро прекратится своимъ чередомъ, наслали на людей другую, болѣе тяжкую язву, которая такою тьмою ослѣпила души несчастныхъ римлянъ и осквернила ихъ такою скверной, что даже теперь,—это покажется невѣроятнымъ нашимъ потомкамъ,—по разграбленіи города Рима, бѣжавшіе оттуда въ Карѳагенъ, ежедневно безумствуютъ въ театрѣ, споря изъ-за актеровъ“. Послѣдняя черта, выхваченная изъ жизни, придаетъ реальность и жизненность часто весьма риторическимъ филиппикамъ Августина противъ языческихъ боговъ. Жертвоприношенія имъ были давно запрещены, храмы ихъ стояли пустые, но идеи, образы и страсти языческой эпохи еще господствовали въ душѣ многихъ, называвшихъ себя христіанами.

На ряду съ обличеніемъ боговъ проходитъ черезъ весь обзоръ римской исторіи у Августина принципъ новой культуры, новаго міровоззрѣнія, выражающагося въ переоцѣнкѣ римскихъ гражданскихъ и политическихъ идеаловъ. Мы уже имѣли случай упомянуть, какъ съ этой точки зрѣнія утрачивали свое значеніе Лукреція, идеальный типъ честной римской матроны, и Катонъ, идеалъ свободолюбиваго республиканца, не пожелавшіе пережить крушеніе своего личнаго или общественнаго идеала. Болѣе высокое представленіе о грѣхѣ и равнодушіе къ полити-

ческимъ формамъ побудили Августина предпочесть имъ смиреннаго христіанина, который не дерзаетъ въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ покончить съ своею жизнью, дарованной ему Богомъ. Съ новой точки зрѣнія теряетъ свою цѣну и Цицеронъ, знаменитый „академикъ", за то, что онъ отрицалъ существованіе несомнѣнныхъ истинъ,—и высоко возрастаетъ значеніе Сципіона Назики, противника театральныхъ зрѣлищъ.

Но измѣняется не только освѣщеніе отдѣльныхъ личностей,—весь римскій народъ въ его исторической дѣятельности подвергается переоцѣнкѣ. Та національная черта, которую римляне считали высшею доблестью своего народа, которую они называли любовью къ отечеству и признавали причиной достигнутыхъ Римомъ успѣховъ,—становится поводомъ къ осужденію римлянъ. По мнѣнію Августина, столь часто восхвалявшіеся „старые добрые нравы" римлянъ не выдерживаютъ этической критики; въ самомъ основаніи римской доблести уже лежитъ порокъ, а именно—властолюбіе (libido dominandi). Помимо другихъ человѣческихъ пороковъ,—говоритъ Августинъ,—этотъ порокъ глубоко коренился во всемъ римскомъ народѣ: послѣ того какъ властолюбіе обуяло немногочисленныхъ вельможъ, оно овладѣло всѣми остальными римлянами и поработило ихъ себѣ. И какъ могло оно угомониться въ душѣ горделивыхъ людей, пока они поднимались по лѣстницѣ почестей до народной власти? Самая возможность добиваться почестей не установилась бы въ Римѣ, еслибы тамъ не господствовало честолюбіе. Честолюбіе же не могло бы такъ развиться, еслибы народъ не былъ испорченъ корыстью и распущенностью; а корыстенъ и распущенъ сталъ римскій народъ вслѣдствіе успѣха и счастья. Такимъ образомъ, римскій народъ, съ точки зрѣнія Августина, находился съ самаго начала въ безвыходномъ кругѣ: властолюбіе толкало его на путь завоеваній, а завоеванія питали властолюбіе и другіе пороки.

Августинъ, правда, въ другомъ мѣстѣ отличаетъ отъ властолюбія любовь къ славѣ, какъ бы допуская, что не всѣ римляне руководились однимъ властолюбіемъ. Любовь къ славѣ благороднѣе и можетъ служить нравственною сдержкой; ибо тотъ, кто дорожитъ людской похвалою, старается не навлекать на себя осужденія людей; тотъ же, кто безъ любви къ славѣ и уваженія къ мнѣнію людей алчетъ власти, тотъ большею частью стремится достигнуть цѣли, хотя бы и открытыми преступленіями.

Но и любовь къ славѣ ненадежна, ибо тотъ, кто слишкомъ ею увлекается, стремится весьма часто къ господству надъ людьми.

Затѣмъ, хотя тотъ, кто дорожитъ славою людскою, идетъ часто „путемъ правды“, но иногда онъ только притворяется добрымъ. А такъ какъ тотъ, кто искренно ищетъ славы, не можетъ въ этомъ увѣрить людей, которые захотѣли бы заподозрить его намѣренія, то истинно доблестный человѣкъ пренебрегаетъ и славой. Но тотъ, кто пренебрегаетъ славой и въ то же время алчетъ власти, тотъ превосходитъ даже животныхъ жестокостью или распущенностью. „Таковы были римляне“. Съ осужденіемъ властолюбія, коренного мотива политической дѣятельности римлянъ, въ глазахъ Августина теряетъ всякую цѣну и плодъ этой дѣятельности—римское государство. Это государство было въ двухъ отношеніяхъ предметомъ гордости римлянъ и изумленія другихъ народовъ—какъ политическое учрежденіе и какъ всемірная держава—въ видѣ республики и въ видѣ имперіи. Августинъ порицаетъ съ своей этической точки зрѣнія римское государство и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Представитель побѣжденной Греціи, Полибій, восхищался мудростью политической организаціи Рима,—тѣмъ болѣе имѣли поводъ ею дорожить римскіе патріоты, какъ Цицеронъ, въ глазахъ которыхъ республика была на самомъ дѣлѣ „res publica“—общее *дѣло* и общее благо, которому граждане желали служить. Августинъ ссылается на того же Цицерона, чтобы обличить несостоятельность политическаго идеала римскихъ патріотовъ. Онъ пользуется для этого политическими разсужденіями Цицерона, вложенными въ уста Сципіона Африканскаго и его друзей. По поводу высказаннаго однимъ изъ собесѣдниковъ мнѣнія, что государствомъ нельзя управлять безъ несправедливости (geri sine injuria non posse), Сципіонъ доказывалъ, что слово республика означаетъ *дѣло* народа (res publica—res populi), народъ же есть „общество людей, связанныхъ общимъ правомъ и общимъ интересомъ“,—поэтому тамъ, гдѣ народъ несправедливъ и нарушаетъ общее право, тамъ нѣтъ народа, нѣтъ, слѣдовательно, и республики. Присоединяясь къ этимъ разсужденіямъ, Августинъ дѣлаетъ выводъ, что римская республика не только была, по отзыву ея историка, государствомъ плохимъ и преступнымъ (pessima ac flagitiosissima), но и, по мнѣнію лучшихъ политическихъ людей ея, вовсе не заслуживала названія государства (omnino nulla erat).

Въ этомъ знаменитомъ мѣстѣ Августинъ противополагаетъ идеальному принципу античнаго государства—справедливости—другой, высшій идеалъ—„истинную справедливость“ (праведность), которая можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ основателемъ и правителемъ государства—самъ Христосъ. Это—то государство,

о которомъ гласитъ Священное Писаніе въ словахъ псалма: „Славное возвѣщается о тебѣ, градъ Божій". Съ точки зрѣнія этой „высшей правды" теряютъ свое значеніе и цѣну интересы земныхъ государствъ. Земное государство, стремящееся ко власти и къ порабощенію народовъ, само порабощено порокомъ властолюбія. И какое же преимущество представляетъ государство, далеко расширившее свои предѣлы кровопролитіемъ, передъ государствомъ мелкимъ по объему? Августинъ, напротивъ, отдаетъ предпочтеніе послѣднему, то приводя въ параллель, что человѣкъ средняго сложенія крѣпче человѣка ненормальнаго роста, то указывая на преимущество средняго достатка передъ громаднымъ состояніемъ, влекущимъ за собой постоянныя заботы и потери. Такъ и римское государство, несмотря на свою обширность, никогда не могло быть спокойно.

Поэтому Августинъ возбуждаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли вообще „честнымъ людямъ" радоваться обширности государства? Вѣдь ростъ его обусловливался неправдою тѣхъ народовъ, которые были побѣждены въ вызванной ими войнѣ, такъ что, еслибы сосѣди всегда соблюдали миръ и справедливость, никакое государство не могло бы рости. Августинъ отсюда выводитъ, что еслибы человѣчество находилось въ благопріятныхъ условіяхъ, то существовали бы только мелкія государства, которыя наслаждались бы миромъ съ сосѣдями, и на свѣтѣ было бы много государствъ различныхъ народностей, подобно тому, какъ въ городѣ находится много домовъ, принадлежащихъ разнымъ гражданамъ. Поэтому воевать и расширять государство на счетъ побѣжденныхъ народовъ только дурными людьми признается за счастье, хорошими же—за печальную необходимость.

Августинъ приходитъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что только тамъ, гдѣ почитается истинный Богъ и гдѣ ему служатъ истинными таинствами и добрыми нравами, — тамъ полезна обширная и продолжительная власть добрыхъ правителей, ибо она полезна не столько имъ самимъ, сколько управляемымъ.

Тамъ же, гдѣ нѣтъ *правды*, государства—не что иное, какъ большіе разбойничьи станы (latrocinia), ибо и разбойничьи станы—не что иное, какъ мелкія государства! Вѣдь и такой станъ представляетъ толпу людей, управляемыхъ властью атамана, связанныхъ извѣстнымъ уговоромъ, раздѣляющихъ добычу на основаніи извѣстныхъ условій. Если такая шайка настолько возрастетъ отъ примкнувшихъ къ ней забубенныхъ людей, что займетъ крѣпкое мѣсто, начнетъ брать города и покорять народы, то она принимаетъ названіе царства. Августинъ припоминаетъ „прекрас-

ный и справедливый отвѣтъ", данный Александру Великому взятымъ имъ въ плѣнъ морскимъ разбойникомъ. Когда царь его спросилъ, что̀ это ему вздумалось нарушать миръ на морѣ?— тотъ возразилъ: „А ты самъ зачѣмъ нарушаешь его на всемъ земномъ кругѣ? Я это дѣлаю на маленькомъ суднѣ,—и потому меня зовутъ разбойникомъ; ты же—съ большимъ флотомъ, и потому тебя величаютъ императоромъ".

Такъ же мѣтко привелъ Августинъ изъ самой римской исторіи фактъ, обличавшій, что побѣдоносная республика не далеко ушла отъ разбойничьяго стана. Онъ напомнилъ, какъ горсть бѣглыхъ гладіаторовъ выросла въ огромное войско и жестоко опустошила на большомъ пространствѣ Италію. Съ немалымъ трудомъ справилась съ ними грозная для многихъ народовъ римская держава, которую они едва не одолѣли.

Въ подтвержденіе своей обидной для римской республики аналогіи, Августинъ приводитъ и первое на землѣ по времени великое царство—ассирійское. Ссылаясь на всеобщую исторію Юстина, Августинъ разсказываетъ, что въ глубокой древности господствовалъ миръ и каждое государство держалось своихъ предѣловъ.

Первый изъ царей нарушилъ этотъ исконный и прадѣдовскій обычай Нинъ Ассирійскій, замѣнивъ его новой страстью къ завоеваніямъ. Но нападать войной на сосѣдей и изъ одного властолюбія сокрушать и покорять мирные народы—какъ иначе это назвать, какъ не великимъ разбоемъ! Однако, какъ бы то ни было, языческій Римъ сталъ великимъ государствомъ, превзошедшимъ всѣ прежнія своей обширностью. Такой фактъ требовалъ объясненія. Пытаясь его объяснить, Августинъ положилъ начало философіи исторіи. Въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, можетъ быть рѣчь о философіи исторіи и у римлянъ. Историки и государственные люди языческаго Рима сами пытались объяснить его успѣхъ и извлекать изъ его исторіи руководящіе принципы для настоящаго. Отвергая идеалы языческихъ римлянъ, опровергая ихъ міровоззрѣніе, Августинъ долженъ былъ отвергнуть и мораль, которую они выводили изъ своей исторіи.

Философію исторіи римлянъ можно свести къ двумъ положеніямъ, другъ друга восполняющимъ. Римъ сталъ великъ благодаря богамъ, и Римъ процвѣлъ благодаря доблестнымъ нравамъ своихъ гражданъ. Оба положенія проходятъ черезъ всю исторію Рима у Тита Ливія. Побѣды римлянъ объясняются помощью боговъ, ихъ пораженія — пренебреженіемъ, оказаннымъ богамъ. Такъ, пораженіе галлами при Алліи Ливій объяснялъ тѣмъ, что

консулы передъ сраженіемъ не испросили посредствомъ ауспицій указаній боговъ; тотъ же упрекъ дѣлаетъ у Ливія римлянамъ Фабій по поводу пораженія Ганнибаломъ при Тразименскомъ озерѣ.

Ничто, конечно, не могло быть противнѣе Августину, чѣмъ такая философія исторіи. Изъ его возраженій противъ нея ясно выступаетъ мысль, что многобожіе несовмѣстимо съ представленіемъ о божественномъ промыслѣ въ исторіи. Августинъ сопоставляетъ съ римскимъ государствомъ ассирійское; если приписывать обширность и долговѣчность перваго богамъ, то и славу ассирійскаго государства слѣдуетъ также объяснять помощью боговъ. Но какихъ же боговъ?—спрашиваетъ Августинъ:—конечно, не боговъ тѣхъ народовъ, которые были побѣждены Ниномъ! Если же у ассирійцевъ были *свои* боги, особенно искусные въ устроеніи и охраненіи государства, то развѣ они умерли, или, не получивъ должной мзды и польстившись на болѣе щедрую мзду, перешли къ мидійцамъ, а оттуда къ персамъ по приглашенію Кира? Если это такъ, то боги, покидающіе своихъ почитателей и переходящіе къ другимъ, недобросовѣстны или настолько безсильны, что могутъ быть побѣждены человѣческимъ разумомъ и силами; или же боги воюютъ между собою и побѣждаютъ другъ друга?—въ такомъ случаѣ ни одно государство не должно почитать своихъ боговъ больше, чѣмъ чужихъ.

Итакъ,—заключаетъ Августинъ,—ассирійское царство расширялось и процвѣтало безъ всякой помощи боговъ. Если же въ Римѣ дѣло обстояло иначе, то Августинъ проситъ указать ему, какой именно, или какіе боги изъ всей толпы почитаемыхъ римлянами боговъ, занимались расширеніемъ и охраненіемъ ихъ государства? Клоацина ли, богиня подземныхъ трубъ, или Волупія, богиня удовольствія, или Ватиканъ (Вагитанъ), богъ дѣтскихъ криковъ, или Кунина, охраняющая колыбель дѣтей? И Августинъ долго еще черпаетъ изъ ученаго Варрона имена, измышленныя римскими жрецами для обозначенія отдѣльныхъ божествъ, охранявшихъ каждый шагъ въ жизни человѣка, каждый моментъ въ эволюціи произрастанія, каждое дѣйствіе земледѣльца.

„Если,—говоритъ въ заключеніе Августинъ, — каждому изъ этихъ божествъ отведена такая узкая область дѣйствія, если, напр., Сегеціи была предоставлена забота лишь о злакахъ, но не о деревьяхъ, то ни одному изъ нихъ нельзя приписать какой-либо заботы о цѣломъ".

Но, можетъ быть, эта забота о цѣломъ есть дѣло Юпитера, котораго римляне-язычники считаютъ царемъ боговъ и богинь, и

котораго благороднѣйшій изъ ихъ поэтовъ прославляетъ словами [1]): „Весь міръ имъ полонъ". Августинъ доказываетъ, насколько этому представленію противорѣчитъ общепринятая миѳологія. Если Юпитеръ наполняетъ собою міръ, то почему ему придали Юнону—не то сестру, не то супругу его? Почему море предоставили Нептуну, а подземное царство Плутону? Въ длинномъ разсужденіи Августинъ разбираетъ сбивчивыя родственныя отношенія и значенія отдѣльныхъ божествъ. Богиня земли—Церера, она же и Веста; но иные не стыдятся отождествлять Весту съ Венерой; если это такъ, то почему жрицы Весты должны воздерживаться отъ культа Венеры и сохранять дѣвственность? или же существуютъ двѣ Венеры, одна дѣвственница, другая—женщина? Но всѣ эти суевѣрія,—заключаетъ Августинъ,—упразднилъ и уничтожилъ тотъ, кто былъ рожденъ дѣвственницей!

Защитники языческой старины имѣли еще одно убѣжище,—они могли найти его въ толкованіи своихъ „ученыхъ", что всѣ эти боги представляютъ собою все одного и того же Юпитера. Августинъ доводитъ и этотъ аргументъ до абсурда перечисленіемъ цѣлой серіи мелкихъ римскихъ божествъ. Юпитеръ ли,—спрашиваетъ онъ,—въ лицѣ богини Румины, влагаетъ сосцы въ уста младенца? Юпитеръ ли, въ лицѣ божественной Нумеріи, научаетъ ребятъ считать?" и т. д. Затѣмъ, оставляя сарказмъ, онъ восклицаетъ: „Если кому не стыдно отождествлять всѣхъ этихъ боговъ и богинь съ Юпитеромъ, или думать, что они не что̀ иное, какъ отдѣльныя его проявленія (virtutes), а онъ самъ—душа міра (какъ думаютъ многіе великіе ученые), то не лучше ли такому человѣку поклоняться единому Богу въ болѣе разумномъ представленіи"?

Прежде, однако, чѣмъ примѣнить это представленіе о единомъ Богѣ къ объясненію римской исторіи, Августинъ вооружается противъ другихъ кумировъ римлянъ. Сами язычники признавали на ряду съ богами, или выше ихъ, существованіе иныхъ маловѣдомыхъ или темныхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ судьба людей и государства. Такова „моира" или судьба у грековъ; и римляне почитали судьбу подъ разными наименованіями. Къ числу относящихся сюда понятій можно отнести и *Викторію*, судьба которой именно въ дни Августина играла такую выдающуюся роль. Ея изображеніе стояло въ римскомъ сенатѣ, и когда императоръ Граціанъ приказалъ вынести его, языческая партія въ сенатѣ усмотрѣла въ этомъ не только оскорбленіе сената, но и

[1]) Virg. Ecl. 3, 60. Jovis omnia plena.

ударъ величію Рима. Около этого своего палладіума язычество собрало послѣднія свои силы и вступило въ состязаніе съ правительствомъ, склонившимся окончательно на сторону христіанства. Это состязаніе составляетъ самый видный эпизодъ въ исторіи паденія язычества и потому хорошо извѣстенъ. Онъ былъ извѣстенъ, конечно, и Августину, не только какъ современнику, но какъ очевидцу во время его пребыванія въ Миланѣ, куда неоднократно ѣздилъ главный ходатай за святыню сената, знаменитый ораторъ и государственный дѣятель Симмахъ, напрасно старавшійся въ этомъ вопросѣ парализовать вліяніе на правительство миланскаго архіепископа Амвросія, крестившаго Августина.

Но, къ сожалѣнію, Августинъ ничего не прибавляетъ къ тому, что мы уже знаемъ объ этомъ состязаніи язычества съ христіанствомъ; онъ даже не упоминаетъ о его развязкѣ въ 394 г., когда прославляемый Августиномъ Ѳеодосій приказалъ вынести изъ сената возстановленную при узурпаторѣ Евгеніѣ статую Викторіи, а вступившагося за нее Симмаха немедленно отправилъ на простой телѣгѣ въ ссылку, въ Миланъ. Но нужно думать, что именно борьба за Викторію въ сенатѣ побудила Августина вспомнить и о ней при опроверженіи языческаго объясненія исторіи. Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—нуженъ въ этомъ дѣлѣ Юпитеръ, если Викторія богиня и если она благосклонна къ тѣмъ и переходитъ на сторону тѣхъ, которыхъ желаетъ сдѣлать побѣдителями? Покровительствуемые ею народы были бы непобѣдимы, даже еслибы и не было Юпитера или еслибы онъ чѣмънибудь былъ отвлеченъ.

Подробнѣе останавливается Августинъ на вопросѣ, не обязаны ли римляне своимъ могуществомъ *счастію*, которое можетъ быть источникомъ всякаго блага въ жизни, не исключая и самой доблести. Но если это такъ, то зачѣмъ было римлянамъ почитать такое множество боговъ, когда одна богиня счастья могла заразъ не только даровать имъ всякое благополучіе, но отвратить отъ нихъ всякое зло? Какъ же случилось, что не ей одной римляне покланялись и даже самый храмъ этой великой богини былъ построенъ лишь Лукулломъ? Почему этого не сдѣлалъ Ромулъ, почему не Нума? а царь Туллъ Гостилій, конечно, не ввелъ бы культа новыхъ боговъ—*Страха и Труса*; еслибы онъ зналъ о богинѣ *Счастья*: въ ея присутствіи не нужно было бы умилостивлять Страха и Труса, они бы и сами исчезли.

— И что̀ значитъ,—спрашиваетъ далѣе Августинъ,—что наряду съ богиней счастья, Felicitas, чтутъ и богиню Фортуну? Какая

между ними разница? Говорятъ, что Фортуна можетъ быть и добрая и недобрая; счастье же, еслибы было недоброе, вовсе не было бы счастьемъ. Мы, конечно, должны всѣхъ боговъ, несмотря на различіе пола (если существуетъ между ними такое различіе) считать милостивыми. Такъ училъ Платонъ и другіе философы; такъ утверждаютъ лучшіе правители народовъ. Какимъ же образомъ тогда утверждать, что богиня Фортуна можетъ быть немилостива и превратиться въ злого демона? Если же богиня Фортуна всегда милостива, то она и есть богиня счастья: почему же тогда у нихъ разныя имена? Съ этимъ еще можно примириться, но почему у нихъ разные храмы, разные алтари, разныя жертвоприношенія? Разницу объясняютъ тѣмъ, что счастье дается людямъ за предшествующія заслуги; Фортуна же *случайно* нисходитъ на людей и хорошихъ, и дурныхъ, почему и зовется Фортуной. Но какъ же тогда почитать ее благой богиней, если она безъ разбора награждаетъ и добрыхъ, и злыхъ? И за что же ей покланяться, если она такъ слѣпа, что большею частью обходитъ своихъ поклонниковъ и приноситъ свои дары тѣмъ, кто ею пренебрегаетъ? если же она замѣчаетъ своихъ почитателей и приноситъ имъ пользу, то она приходитъ не случайно, т.-е. она не Фортуна. Если же она не Фортуна, то нѣтъ и пользы отъ почитанія ея.

Осмѣивая поклонниковъ Фортуны, Августинъ болѣе серьезнымъ тономъ опровергаетъ и представителей лженауки, астрологовъ, или—какъ ихъ называли въ вѣкъ Августина—*математиковъ*, объяснявшихъ различную судьбу людей и народовъ положеніемъ звѣздъ въ моментъ зарожденія человѣка. Августинъ настаиваетъ на томъ, что фатализмъ вѣрующихъ въ астрологію несовмѣстимъ не только съ христіанствомъ, но и съ поклоненіемъ языческимъ богамъ, ибо онъ сводится къ тому, что нѣтъ основанія почитать какое-либо божество или обращаться къ нему съ молитвой. Главнымъ аргументомъ въ полемикѣ съ астрологами, Августинъ выставляетъ различіе въ судьбѣ близнецовъ. Въ обличеніе правдивости гороскопа Августинъ приводитъ и изъ собственныхъ воспоминаній случаи, доказывавшіе безразличіе часа рожденія или зачатія для судьбы человѣка. Что же касается до случаевъ *сходства* въ судьбѣ близнецовъ, то Августинъ становится на сторону Гиппократа, объяснявшаго, по свидѣтельству Цицерона, подобные случаи сходствомъ физическаго сложенія.

Перенося затѣмъ вопросъ на историческую почву, Августинъ сводитъ всѣ эти разсужденія къ слѣдующему итогу. Причиною величія римскаго государства является не счастіе, не случайность

и не фатумъ: ошибаются и тѣ, кто считаетъ случайнымъ все, что не имѣетъ никакихъ причинъ, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ такихъ, которыя вытекаютъ изъ разумнаго порядка вещей; ошибаются и тѣ, которые видятъ фатумъ въ томъ, что совершается въ силу какой-то необходимости, помимо воли Бога и людей. И наконецъ отсюда Августинъ дѣлаетъ знаменательный выводъ: „Нѣтъ, государства человѣческія созидаются по волѣ божественнаго провидѣнія". Мы такъ привыкли къ этому афоризму, что намъ не легко теперь оцѣнить по достоинству его всемірно-историческое значеніе. Въ этой формулѣ Августина заключается новое тогда міровоззрѣніе; она представляетъ собою ту Архимедову точку, съ которой въ дѣйствительности былъ сдвинутъ съ своего мѣста древній языческій міръ; тезисъ Августина былъ новостью не только для язычниковъ, не только для евреевъ, признававшихъ волю Божію лишь въ судьбахъ своего царства, но и для христіанъ, видѣвшихъ въ языческомъ мірѣ лишь владычество демоновъ. Формула Августина соединяла въ одно разумное и благое цѣлое судьбу всего міра, всего человѣчества— она поэтому была исходной точкой новой, точнѣе сказать, *первой* философіи исторіи.

Августинъ проводитъ идею божественнаго промысла въ исторіи, какъ восторженный проповѣдникъ открытаго имъ общаго мірового порядка, охватывающаго и судьбу людей; такъ, онъ поднимается, во II гл. V кн., на высоту ветхозавѣтнаго псалмопѣвца, прославляя единаго Бога, какъ создателя всего міра и творца души и тѣла—„дающаго бытіе и праведнымъ, и злымъ людямъ, какъ и камнямъ; дарующаго имъ жизнь, какъ и растеніямъ,— ощущеніе, какъ и животнымъ, разумность, какъ и ангеламъ"... „Если Богъ установилъ соотвѣтствіе частей и гармонію ихъ не только на небѣ и на землѣ, не только въ ангелѣ и человѣкѣ, но и во внутренностяхъ мельчайшаго и презрѣннѣйшаго животнаго, въ перышкѣ птицы, въ цвѣтеніи злаковъ и въ листьяхъ дерева, то какъ допустить, чтобы государства людей, ихъ ростъ и паденіе совершались независимо отъ законовъ его разума"?

Такъ, Августинъ охватываетъ въ сжатомъ обзорѣ судьбу человѣчества отъ древнѣйшихъ монархій до перваго христіанскаго императора и указываетъ на протяженіи временъ промыслъ „единаго истиннаго Бога, который не оставляетъ рода человѣческаго ни безъ суда своего, ни безъ помощи. „Онъ далъ власть римлянамъ, когда на то была его воля и насколько была его воля; онъ далъ эту власть ассиріянамъ, далъ и персамъ, чтившимъ только двухъ боговъ, одного—благого, другого—злого, не

говоря о народѣ еврейскомъ, чтившемъ лишь единаго Бога. Онъ посылалъ персамъ обильныя жатвы безъ помощи богини жатвы, и другія земныя блага безъ многочисленныхъ боговъ, которымъ эти блага приписывались. Такъ было и съ людьми. Онъ далъ власть Марію, Онъ же—и Гаю Цезарю; Онъ далъ ее Августу и потомъ Нерону; Онъ далъ ее Веспасіану, отцу и сыну, добрѣйшимъ императорамъ, Онъ же далъ ее и жесточайшему Домиціану; и чтобы не перечислять всѣхъ—Онъ далъ власть христіанину Константину и отступнику Юліану, прекрасную натуру котораго испортило гордыней святотатственное любомудріе. Всѣмъ распоряжается и управляетъ единый и истинный Богъ, по своей волѣ, и если при этомъ руководится невѣдомыми побужденіями, то развѣ они могутъ быть несправедливы"?

Эту вѣру въ Провидѣніе Августинъ противополагаетъ убѣжденіямъ язычниковъ, искавшихъ разгадки въ судьбахъ народовъ и людей то въ случаѣ, то въ счастьѣ: „Нѣтъ, — восклицаетъ Августинъ,—счастье не божество, а само—даръ Божій; Богъ—виновникъ счастья, ибо Онъ—единый и истинный Господь; Онъ даетъ земныя царства и добрымъ, и злымъ, не зря и какъ бы случайно, а на основаніи порядка вещей и временъ, для насъ скрытаго, а Ему вѣдомаго; но Самъ Онъ этому порядку не подчиненъ, и управляетъ имъ, какъ его творецъ и располагаетъ имъ, какъ его устроитель".

Язычество было, однако, еще такъ близко и реально для Августина, что отразилось и на его провиденціальной философіи исторіи. Христіанство было несовмѣстимо съ поклоненіемъ языческимъ богамъ и даже исключало признаніе ихъ реальности; но проникшая и въ христіанскія книги вѣра въ демоновъ придавала реальность языческимъ представленіямъ, и Августинъ сводитъ многобожіе на поклоненіе демонамъ, и въ самыхъ представленіяхъ о богахъ видитъ зачастую обманъ демоновъ. Такимъ образомъ, хотя онъ и старался доказать безсиліе языческихъ боговъ и отрицалъ ихъ вліяніе на римскую исторію,—онъ, однако, допускаетъ такое вліяніе со стороны демоновъ. Мы уже упоминали о томъ, что онъ приписываетъ демонамъ развращающее вліяніе театра на нравы грековъ и римлянъ; мы упомянули о приводимомъ имъ сраженіи демоновъ ради соблазна людей; точно также онъ приписываетъ демонамъ знаменія, игравшія такую роль въ римской исторіи. Онъ приводитъ въ примѣръ необыкновенно благопріятныя знаменія, полученныя Суллой передъ тѣмъ, какъ онъ рѣшился взять Римъ силою. Уже въ этомъ заключается косвенное признаніе, что демоны могутъ непосредственно

вліять на судьбу народовъ и на исторію, но въ одномъ мѣстѣ Августинъ прямо это признаетъ. Упомянувъ, что жители Минтурнъ сжалились надъ бѣжавшимъ передъ Суллою Маріемъ и умолили свою богиню Марику въ его пользу, Августинъ объясняетъ, что онъ приписываетъ кровавый успѣхъ Марія не „какой-то Марикѣ“, а тайному промыслу Божію, пожелавшему раскрыть, что „если въ такихъ дѣлахъ демоны и могутъ что-нибудь сдѣлать, то лишь столько, сколько имъ попускается волею Божіей“. Итакъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ признаетъ за демонами возможность вмѣшательства въ историческія событія, онъ тутъ же ставитъ это вмѣшательство въ зависимость отъ Провидѣнія. Къ этому онъ прибавляетъ наставленіе, что этихъ нечистыхъ духовъ не слѣдуетъ ни ублажать, ни бояться, ибо, подобно злодѣямъ, и они не все, что хотятъ, могутъ сдѣлать, а лишь сообразно съ распорядкомъ истиннаго Бога.

Какой же это распорядокъ? Это распорядокъ моральный, заключающій въ себѣ торжество добра надъ зломъ, и потому основанный на справедливости. Съ этой точки зрѣнія становится понятною и роль демоновъ въ исторіи. Они принадлежатъ къ падшимъ ангеламъ, отпаденіе которыхъ отъ Творца произвело зло въ мірѣ; но власть зла ограничена и цѣль міровой эволюціи—окончательное торжество добра надъ зломъ.

Эта моральная подкладка исторіи служитъ Августину ключомъ и къ исторіи Рима: успѣхъ и владычество римлянъ—награда, ниспосланная имъ Богомъ за ихъ нравственныя доблести.

Если раньше сѣтованія римскихъ моралистовъ и историковъ на развращеніе римскихъ нравовъ служили Августину средствомъ обличать безсиліе и нравственную негодность языческихъ боговъ, то теперь онъ пользуется прославленіемъ римскими моралистами древнихъ римскихъ доблестей, чтобы указать промыслъ Божій въ римской исторіи. Въ нравахъ римлянъ Августинъ усматриваетъ причину, почему истинный Господь соблаговолилъ помочь римлянамъ умножить ихъ царство. Приводя слова Саллюстія, что „древніе и первые“ римляне „были жадны до похвалы, не скупы на деньги, славы желали безмѣрной, богатства же только *честнаго*“—Августинъ хвалитъ римлянъ за то, „что эту честность они пламенно любили, ради нея хотѣли жить, изъ-за нея готовы были умереть; всѣ прочія страсти они подавляли ради этой главной страсти, и такъ-какъ повиноваться они считали позорнымъ, а властвовать и господствовать—достославнымъ, то они желали имѣть отечество свободное, а потомъ и властное“.

Вслѣдствіе этого они пренебрегали своимъ частнымъ инте-

ресомъ ради общественнаго, т.-е. ради республики, не поддавались жадности, искренно радѣли объ отечествѣ, не увлекаясь страстями и не вредя ему тѣмъ, что по ихъ законамъ было преступленіемъ.

Этимъ способомъ они шли праведнымъ путемъ, достигая почестей, власти, славы и пользуясь почетомъ народовъ; законамъ своей державы они подчинили много народовъ, и нынѣ они прославляются литературой и исторіей почти у всѣхъ народовъ. И потому они, по словамъ Августина, не имѣютъ права жаловаться на несправедливость высшаго и истиннаго Бога: ибо, какъ сказано въ Евангеліи (Матѳ. 6, 2), *они уже получаютъ награду свою*. Основываясь на этомъ текстѣ, Августинъ заключаетъ, что если Господь не имѣетъ въ виду даровать кому-либо вѣчную жизнь со своими ангелами въ небесномъ царствѣ, куда ведетъ только истинное благочестіе, обусловленное вѣрою въ единаго Бога, то Онъ даруетъ имъ земную славу и власть, ибо иначе они не пріяли бы мзды своей.

Приводя въ тѣсную связь могущество Рима съ доблестными нравами римлянъ, Августинъ подходилъ чрезвычайно близко къ точкѣ зрѣнія ихъ историковъ и моралистовъ. Еще тотъ, кого по справедливости можно признать отцомъ римской исторіографіи, поэтъ Энній, сказалъ, что Римъ „проченъ древними нравами и мужами", въ знаменитомъ стихѣ: „Moribus antiquis res stat Romana virisque",—который, по замѣчанію Цицерона, „какъ краткостью, такъ и вѣрностью походитъ на изреченіе оракула".

Этой точки зрѣнія держались и продолжатели Эннія, жившіе въ менѣе доблестныя времена; мы находимъ ее у Цицерона, Саллюстія, Ливія и др., съ примѣшаннымъ къ нимъ сожалѣніемъ о лучшихъ временахъ. Августинъ, какъ мы видѣли, соглашается съ ними, но даетъ ихъ философіи исторіи христіанскую окраску. Если величіе Рима обусловливалось доблестными нравами римлянъ, то оно не было плодомъ ихъ, а наградою Бога.

Признавая такимъ образомъ земное величіе римлянъ справедливой и божественной наградой, Августинъ склоненъ оправдывать ихъ завоеванія и власть надъ другими народами: „не все ли равно для смертныхъ,—заявляетъ онъ,—жизнь которыхъ считается днями, подъ чьею властью жить, лишь бы властители не принуждали ихъ поступать нечестиво и несправедливо? И развѣ римляне принесли какой-либо вредъ покореннымъ народамъ, которыхъ они подчинили своимъ законамъ, кромѣ того, что это

подчиненіе совершилось путемъ безконечныхъ войнъ? Если бы оно состоялось по соглашенію, то было бы гораздо лучше; правда, въ этомъ случаѣ побѣдители не пріобрѣли бы славы! Было бы еще лучше,—замѣчаетъ Августинъ,—если бы то, что было потомъ сдѣлано такъ гуманно, совершилось раньше, т.-е. дарованіе всѣмъ принадлежащимъ къ римской державѣ народамъ права римскаго гражданства,—и то, что было удѣломъ немногихъ, стало бы достояніемъ всѣхъ; и еслибы содержаніе того плебса, который, не имѣя земли, жилъ на счетъ государства,—было обезпечено налогами съ побѣжденныхъ, добровольно платимыми подъ хорошимъ управленіемъ, а не подъ гнётомъ вымогательствъ"! Итакъ, Августинъ ничего не имѣлъ бы противъ римской всемірной державы, если бы она установилась „безъ Марса и Беллоны" и безъ помощи Викторіи; еслибы некого было побѣждать, потому что никто бы не сражался.

Но онъ тотчасъ же возвращается къ мысли о суетности римскаго величія. Къ чему же и повели римскія побѣды? Какое онѣ имѣли значеніе для установленія или сохраненія добрыхъ нравовъ? Даже почести и отличія среди людей, ими обусловленныя, не удержались. „Развѣ римляне,—спрашиваетъ Августинъ,—съ такою страстью дѣлавшіе завоеванія, не платятъ теперь сами податей съ своихъ земель? Развѣ они пользуются привилегіей просвѣщенія? Развѣ нѣтъ теперь въ другихъ областяхъ сенаторовъ, которыхъ римляне и въ лицо не знаютъ? Если оставить въ сторонѣ чванство, то что же такое всѣ люди, какъ не просто люди?—Даже если бы наиболѣе почетные были и на самомъ дѣлѣ лучшіе люди,—чего не допускаетъ испорченность вѣка,—то и въ этомъ случаѣ не слѣдовало бы высоко ставить такой почетъ, ибо это дымъ, который ничего не вѣситъ.

Доблести древнихъ римлянъ получаютъ, однако, въ философіи Августина еще другое, болѣе высокое значеніе. Онѣ не только показатель божественной справедливости, наградившей за нихъ римлянъ, но придаютъ римской исторіи провиденціальное значеніе. Эта исторія становится благодѣяніемъ для человѣчества. Воспользуемся,—восклицаетъ Августинъ,—благодѣяніемъ Господа нашего"... Благодѣяніе заключается въ назиданіи, которое должны извлечь изъ римской исторіи христіане. Съ одной стороны, подвиги языческихъ римлянъ должны служить образцами христіанамъ: „Примемъ во вниманіе, чѣмъ они пренебрегли, что переносили, какія въ себѣ страсти подавляли ради людской славы",—а съ другой стороны подвиги римлянъ изъ-за земной славы и земного государства должны содѣйствовать скромности тѣхъ хри-

стіанъ, которые вздумали бы гордиться какими-либо заслугами передъ „вѣчнымъ отечествомъ“. И вотъ Августинъ перебираетъ всю римскую исторію, сопоставляя патріотическіе подвиги римлянъ съ жертвами, которыя приносили христіане ради небеснаго отечества. Что же великаго, спрашиваетъ онъ, въ томъ, что, христіане презирали ради небеснаго и вѣчнаго отечества всѣ искушенія нынѣшняго вѣка, если Брутъ былъ въ состояніи казнить своихъ сыновей ради пользы земного и временнаго отечества, къ чему его никто не понуждалъ? И Торкватъ, казнившій сына побѣдителя за нарушеніе военной дисциплины, и Камиллъ, спасшій отечество, его изгнавшее, и Муцій Сцевола, и Курцій, бросившійся въ пропасть, и Децій, отецъ и сынъ, и Маркъ Пулвилъ, не прервавшій религіознаго обряда при оповѣщеніи о смерти сына, и Регулъ, и Валерій, и Цинциннатъ—всѣ они служатъ Августину образцами для наставленія христіанъ въ добродѣтели! Примѣръ же Фабриція, не захотѣвшаго промѣнять своей бѣдности на четвертую часть эпирскаго царства, даетъ Августину поводъ къ слѣдующему поученію христіанъ: „если они отдаютъ свое богатство, согласно съ указаніемъ въ Дѣяніяхъ апостоловъ, въ общую казну, для распредѣленія между всѣми нуждающимися, и никто не оставляетъ себѣ ничего въ собственность,—то они не должны этимъ похваляться, ибо это дѣлается для того, чтобы войти въ общеніе съ ангелами“. Это нравственное назиданіе, которое христіане могутъ извлечь изъ подобныхъ образцовъ, оставленныхъ имъ римской исторіей, является у Августина новымъ оправданіемъ всемірности римской державы. Она получаетъ, какъ потомъ у Боссюэта,—провиденціальный смыслъ, ибо ея универсальность способствуетъ торжеству христіанства. „Развѣ такіе факты,—спрашиваетъ онъ,—стали бы такъ извѣстны, развѣ они имѣли бы такой авторитетъ, еслибы римская имперія не раскинулась такъ широко и не разрослась отъ цѣлаго ряда такихъ блестящихъ успѣховъ“? „Примѣру этихъ Сцеволъ, Курціевъ и Деціевъ и слѣдовали христіанскіе мученики, превосходя ихъ, однако, какъ численностью—ибо имъ не было числа,—такъ и настоящей доблестью и истиннымъ благочестіемъ, ибо они не сами причиняли себѣ муки, „но переносили тѣ, которыя имъ причиняли другіе“. Превосходили они языческихъ римлянъ также побужденіями и цѣлью своего подвижничества: ибо тѣ были гражданами земного царства, и цѣлью всѣхъ ихъ трудовъ было обезпеченіе этой державы не на небѣ, а на землѣ, не въ вѣчной жизни, а въ смерти смертныхъ и въ смѣнѣ исчезающихъ поколѣній, и что же иное они любили, какъ не славу, благодаря

которой они разсчитывали и на мнимую жизнь послѣ смерти въ устахъ восхвалявшихъ ихъ?

Довольствуясь этой общей оцѣнкой провиденціальнаго смысла римской исторіи, Августинъ не пытается указывать подробно на проявленія Провидѣнія въ римской исторіи. Онъ оговаривается, что для него было бы непосильно обсуждать то, что остается темнымъ, и точно расцѣнивать заслуги разныхъ государствъ, считая, однако, возможнымъ и указать кое-что въ этомъ отношеніи, что по волѣ Божіей стало понятнымъ.

Онъ замѣчаетъ, напр., что продолжительность войнъ зависитъ отъ усмотрѣнія Господа, которому угодно въ Его справедливости или милости покарать родъ человѣческій или утѣшить его медленнымъ или быстрымъ окончаніемъ войнъ. Такъ, война противъ пиратовъ была окончена Помпеемъ, а третья пуническая война —Сципіономъ въ необыкновенно короткій срокъ, тогда какъ вторая пуническая война продолжалась 18 лѣтъ; первая же—23 года, а война съ Митридатомъ—40 лѣтъ. И чтобы не подумали, будто римляне въ древнія времена были сильнѣе и способнѣе быстро оканчивать войны, Августинъ указываетъ на самнитскія войны, продолжавшіяся почти 50 лѣтъ. „Обо всемъ этомъ я для того упоминаю,—поясняетъ онъ,—чтобы люди, несвѣдущіе въ минувшихъ временахъ, или скрывающіе свое знаніе, не нападали на христіанскую религію, если во времена христіанскія война затягивается, и не кричали, что если бы не было запрещено почитаніе демоновъ, древняя римская доблесть съ помощью Марса и Беллоны скоро бы справилась съ готами“...

Подробнѣе Августинъ касается событій своего времени. Особенно ясное проявленіе промысла Божія видитъ Августинъ въ судьбѣ язычника Радагайса, „царя готовъ“, который по разсказу Августина понесъ подъ стѣнами Рима такое пораженіе, что болѣе 100.000 его войска было побито, и самъ онъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, причемъ со стороны римлянъ не было ни одного убитаго и даже ни одного раненаго. Когда этотъ вождь варваровъ приближался къ Риму, язычники, какъ говорили Августину въ Карѳагенѣ, распространяли слухъ и хвастались, что онъ не можетъ быть побѣжденъ, такъ какъ ежедневно приноситъ жертвы языческимъ богамъ. Сопоставляя неудачу Радагайса со взятіемъ Рима Аларихомъ, Августинъ поясняетъ эти событія тѣмъ, что Господь, захотѣвъ достойно покарать римлянъ за ихъ дурные нравы, сначала наслалъ на нихъ язычника Радагайса, но допустилъ его пораженіе для смущенія язычниковъ, а затѣмъ далъ побѣду тѣмъ варварамъ, которые, щадя людей, искавшихъ убѣжища въ хри-

стіанскихъ святыняхъ, казалось, болѣе воевали съ демонами, чѣмъ съ людьми. Подобнымъ же образомъ Августинъ видитъ проявленіе промысла Божьяго въ судьбѣ императора Константина, не приносившаго жертвъ богамъ, а чтившаго истиннаго Бога. Господь вознаградилъ его такими земными благодѣяніями, какихъ никто не дерзалъ и желать. Ему удалось построить новый Римъ безъ единаго языческаго храма и идола: онъ долго царствовалъ единодержцемъ во всей римской имперіи; былъ чрезвычайно счастливъ въ управленіи и въ подавленіи соперниковъ и умеръ въ старости, оставивъ царство сыновьямъ. Но, чтобы счастье Константина никого изъ императоровъ не побудило сдѣлаться христіаниномъ—всякій долженъ быть христіаниномъ ради вѣчной жизни—Господь, по объясненію Августина, далъ Іовіану болѣе краткій срокъ царствованія, чѣмъ даже Юліану, и допустилъ убійство Граціана.

Всего дольше останавливается Августинъ на благочестіи Ѳеодосія; его изображеніе — это уже образчикъ панегирика съ церковной точки зрѣнія. Августинъ ставитъ ему въ заслугу то, что послѣ побѣды надъ Максимомъ, убійцей Граціана, Ѳеодосій не увлекся властолюбіемъ, а возстановилъ на престолѣ малолѣтняго брата Граціанова—Валентиніана; что, собираясь на опасную войну противъ Максима, Ѳеодосій не искалъ совѣта у нечестивыхъ предвѣщателей, а обратился къ отшельнику Іоанну въ Египтѣ, обладавшему пророческимъ даромъ; что убійцу Валентиніана, Евгенія, онъ побѣдилъ скорѣе молитвой, чѣмъ оружіемъ. „Очевидцы-солдаты,—прибавляетъ Августинъ,—мнѣ разсказывали, съ какой силой буря, поднявшаяся со стороны войска Ѳеодосія, вырывала у нихъ изъ рукъ копья и направляла ихъ противъ нихъ самихъ. Междоусобныя войны Ѳеодосій велъ не на подобіе Марія и Суллы, которые не хотѣли прекратить избіенія враговъ даже по окончаніи войны, но болѣе скорбѣлъ о ея возникновеніи, чѣмъ желалъ ее окончить пораженіемъ враговъ". Высшую заслугу Ѳеодосія Августинъ видитъ въ томъ, что онъ „съ самаго начала не переставалъ приходить на помощь церкви справедливѣйшими и милостивѣйшими законами противъ нечестивыхъ, и что онъ приказалъ вездѣ низвергать языческихъ идоловъ, — болѣе наслаждаясь тѣмъ, что онъ былъ членомъ церкви, нежели своимъ царствомъ на землѣ". Даже великое преступленіе Ѳеодосія, чисто языческій подвигъ его, избіеніе солдатами беззащитной толпы въ Ѳессалоникахъ, Августинъ съумѣлъ оправдать и обратить въ заслугу императора, восхваляя его

„смиреніе во время наложеннаго на него Амвросіемъ церковнаго покаянія“.—„Наградой за такіе подвиги служитъ Ѳеодосію вѣчное блаженство, которое Господь даетъ только истинно благочестивымъ“. Прочія же блага этой жизни Господь даетъ и праведнымъ и злымъ; въ числѣ этихъ благъ можетъ быть и обширная держава, которую Господь предоставляетъ во временное управленіе.

Въ той же главѣ, гдѣ Августинъ представляетъ благополучіе христіанскихъ императоровъ дѣломъ Промысла, ихъ держава является непосредственнымъ продолженіемъ языческой имперіи: христіанская и языческая эпохи Рима не отдѣлены другъ отъ друга никакой чертой: если въ христіанскую эпоху промыслъ Божій явственно выступаетъ у Августина, то это болѣе касается только жизни и судьбы самихъ императоровъ, чѣмъ имперіи. Такимъ образомъ, языческій Римъ какъ бы облагораживается тѣмъ, что увѣнчивается христіанской эпохой. Но съ другой стороны отъ этой непосредственной связи съ языческимъ прошлымъ страдаетъ оцѣнка христіанской имперіи. Несмотря на обращеніе въ христіанство, римская имперія на всемъ своемъ протяженіи является *земнымъ* государствомъ. Обѣимъ ея половинамъ, какъ языческой, такъ и христіанской, противополагается другое, не *земное* государство—истинное царство Божіе. Если обширность и могущество земного государства являются мздой за добрые нравы правителей и гражданъ, то „совершенно иного рода и высшую мзду получаютъ святые, испытывающіе позоръ изъ-за истины Божіей, которая ненавистна поклонникамъ сего міра“. Ихъ мздой является царство Божіе. „Это царство вѣчно: въ немъ никто не родится, ибо никто не умираетъ; тамъ господствуетъ истинное и полное счастье, не богиня, а даръ Божій; оттуда мы получаемъ залогъ вѣры, пока на чужбинѣ воздыхаемъ о его красотѣ; тамъ не восходитъ солнце надъ добрыми и надъ злыми, но солнце правды согрѣваетъ однихъ добрыхъ; тамъ не процвѣтаетъ искусство обогащать казну разореніемъ частныхъ людей, но тамъ обрѣтается сокровищница общей истины“. Поэтому римская имперія возвеличена Августиномъ въ людской славѣ не только для того, чтобы служить наградой гражданамъ земного государства, но и для того, чтобы граждане вѣчнаго царства, пока они здѣсь скитаются, усердно и трезво внимали ихъ примѣру и уразумѣвали, какъ сильно слѣдуетъ любить и дорожить горнимъ отечествомъ ради вѣчной жизни, если *земное* такъ было возлюблено его гражданами ради людской славы.

Такимъ образомъ, исторія государствъ получаетъ у Августина тотъ же религіозный, морально-воспитательный смыслъ, какъ и жизнь отдѣльныхъ людей. Какъ послѣдняя есть подготовленіе къ вѣчной жизни и назиданіе къ ней (eruditio in vitam aeternam), —такъ исторія земного государства служитъ наставленіемъ для уразумѣнія царства Божія.

В. Герье.

БРАТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

VII *).

Когда мальчикъ вышелъ изъ кабинета, Питэръ спустилъ ноги съ кушетки и спросилъ брата:

— Тебѣ куда-нибудь надо?

— Не сейчасъ. Лежи, пожалуйста.

— Да вѣдь тебѣ, вѣрно, нужно ѣхать?

— Не сейчасъ. Есть очень скучное и, главное, безплодное засѣданіе... Но я раньше десяти не поѣду; а теперь еще нѣтъ и половины девятаго.

— Вотъ видишь: тебя зовутъ.

— Да это совсѣмъ не оттуда. Это отъ одной дамы.

— Дамы сердца?—съ юморомъ выговорилъ Питэръ.

— Не знаю. Но какъ, однако, все это кстати!

Иванъ всталъ и заходилъ по кабинету.

— Кстати—что?

— Что вотъ ты пріѣхалъ ко мнѣ теперь. Madame Сулина хочетъ пробыть здѣсь не больше, какъ съ мѣсяцъ.

— Какъ ты назвалъ?

— Ахъ, я и забылъ, что вѣдь ты ее не знаешь. Это наша новая сосѣдка. И твоя больше даже, чѣмъ моя, потому что она къ твоей землѣ ближе, чѣмъ я.

— Я что-то не помню такихъ сосѣдей.

---

*) См. выше: январь, 42 стр.

— Это—фамилія ея мужа. Но имѣніе—ея. Только она здѣсь не воспитывалась, Она по себѣ Вязигина.

— Помню. Были такіе помѣщики.

— Очень милая женщина.

Подойдя опять къ кушеткѣ, Иванъ провелъ рукой по своей красивой шевелюрѣ и болѣе интимнымъ тономъ сказалъ:

— Она развелась съ мужемъ.

— Красива?

— Да. Не красавица, но тонкость чертъ удивительная. Et c'est quelqu'un...

Питэръ прищурилъ глаза.

— Мы какъ вообще, my dear fellow?.. Все на томъ же положеніи?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Какъ поляки говорятъ: „первшій амантъ" здѣшнихъ мѣстъ? Предметъ усиленнаго интереса губернскихъ и уѣздныхъ élégantes... дамъ, вдовъ и дѣвъ? И, до сихъ поръ, въ одиночествѣ? Прости, это... не допросъ. Я не желаю быть духовникомъ. Но ты такой квакеръ... для тебя есть только евангельскія слова: *да, да, нѣтъ, нѣтъ!* Да вотъ и я совсѣмъ уже не мѣчу въ Іосифы Прекрасные, а спроси ты меня: „Питэръ, есть у тебя кто-нибудь или что-нибудь?"—я отвѣтилъ бы въ настоящую минуту: нѣтъ.

— И я то же скажу,—проговорилъ Иванъ.

Питэръ зналъ, что репутація старшаго брата, какъ любителя женщинъ,—совершенно вздорная. Но такъ выходило: мѣстныя дамы давно избрали его предметомъ своихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ поползновеній.

Подсмѣиваться надъ цѣломудріемъ Ивана Питэръ никогда не позволялъ себѣ. Въ его прошломъ была сильная привязанность, съ долгимъ догораніемъ жизни любимой женщины. Она тоже не была свободна, но до адюльтера не доходило, такъ какъ она не жила съ мужемъ.

— И эта... какъ у васъ теперь говорятъ,—разводка?..

— Пожалуйста, милый Питэръ, не употребляй этого слова. Оно звучитъ такъ неизящно.

— Согласенъ съ тобой... Что дѣлать! Столько жаргонныхъ словъ вторглось въ разговоръ. Одно изъ нихъ—„открытка", вмѣсто открытаго письма,—еще ужаснѣе, чѣмъ „разводка" и „карболка".

— Видишь, — заговорилъ Иванъ быстрѣе и съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ, который не ускользнулъ отъ Питэра.—Елена

Сергѣевна... это madame Сулина—проситъ отвѣта: не могу ли я завтра у нея обѣдать? Она остановилась у своей кузины; но та—въ Москвѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось повезти тебя.

— Прямо обѣдать?

— Это—провинція, Питэръ. Она тобой очень интересуется. Но ты, пожалуйста, не думай, что я выдалъ твою композиторскую тайну...

— Ты былъ нѣмъ, какъ могила?—дурачливо спросилъ Питэръ.

— Не упирайся! Если тебя это стѣсняетъ—сдѣлай ей визитъ вмѣстѣ со мною. Она, разумѣется, пригласитъ тебя. Это будетъ для тебя большой рессурсъ.

— А внѣ этого здѣсь все то же, что и прежде: нѣкоторые остатки старобарскаго общества, и потомъ: судейскіе, инженеры, интеллигенція же только поднадзорная...

— Да, рессурсы не роскошные. Но у меня слишкомъ мало свободнаго времени.

— И то, что называется душа общества,—это все-таки ты?

— Не думаю. Я самъ кое-что затѣвалъ. Но ничто не прививается... кромѣ всемогущихъ картъ. Нѣтъ ни музыкальнаго кружка, никакой литературности. Дамы ничего почти не читаютъ. Зато туалеты отъ Ламановой и даже отъ Лаферьеръ.

— Вотъ какъ!

— И весьма! И не иначе, какъ то самое шампанское „Cristal", о которомъ ты упоминаешь. Одиннадцать рублей бутылка.

— И ты, по доброй волѣ, коптишь здѣсь изъ года въ годъ?.. Poor boy! Для этого надо родиться... Надо быть тобою.

— Каждому свое. Тебѣ—нетлѣнная сфера звуковъ и образовъ; мнѣ — черная работа земскаго человѣка. Пересади меня на другую почву—я захирѣю, все равно, что водная птица на сухомъ берегу.

— Можетъ быть, можетъ быть! Но я, на твоемъ мѣстѣ, все-таки не далъ бы взнуздать себя, не надѣлъ бы такого хомута. Съ твоей свѣтлой головой, my dear fellow, развѣ ты не могъ бы держаться на другихъ высотахъ?

— Какихъ же?—горячѣе возразилъ Иванъ.—Честолюбіе у насъ удовлетворяется только чиновничьей карьерой. Я ея не желаю—ты это знаешь, и вѣришь, что это не политика, не маска, чтобы не нынче—завтра frapper le grand coup, т.-е. попасть сначала въ крупные администраторы, а потомъ и въ сановники. И я строго слѣжу за самимъ собою, Питэръ.

— Испытываешь собственную совѣсть, Jean?

— Да. Не шути этимъ. Глядишь, въ два-три года, человѣкъ независимый—уже поддался... Онъ былъ непріятелъ, его боялись. Надо сдѣлать ему посулъ. Если онъ богатъ и для него окладъ въ пять, въ десять тысячъ ровно ничего—мы ему дадимъ званіе. А безъ средствъ—поманимъ его мѣстомъ администратора...

— Но позволь,—перебилъ Питэръ, всталъ и заходилъ около камина.—Разъ ты желаешь служить обществу, народу, кому тебѣ угодно... я не знаю,—тебѣ нужна власть, нужна фактическая возможность проводить въ жизнь свои идеи?

— Куда же ты хочешь придти?—горячо возразилъ Иванъ.

— Позволь докончить! Власть только у тѣхъ, кто управляетъ. Это буки-азъ-ба. И считай я своимъ призваніемъ внутреннюю политику...

— Какая тутъ политика!

Иванъ махнулъ рукой.

— Какъ же иначе назвать, по-европейски? Въ западныхъ языкахъ нѣтъ слова равнозначащаго слову: земство. Конечно, это—внутренняя политика.

— Положимъ.

— Тогда я, конечно, пошелъ бы служить, дѣлать карьеру, искать всякихъ связей, не изъ мелкаго тщеславія, а для того, чтобы имѣть власть. Все остальное—только такъ... идеологія... или самообманъ.

„То же сказалъ бы Руженцовъ",—подумалъ Иванъ.

— Но, Богъ мой, развѣ стоитъ тратить свои душевныя силы на возню съ такимъ человѣчествомъ, съ какимъ ты имѣешь дѣло, Jean? Да и со всякимъ человѣчествомъ, т.-е. съ массой, съ толпой, съ людскимъ стадомъ?..

„Какъ бы Руженцовъ съ нимъ запѣлъ въ униссонъ!"—опять подумалъ Иванъ.

— Ты вѣдь когда-то увлекался романами Ауэрбаха и Шпильгагена, и мнѣ все подкладывалъ ихъ. Но я оставался мало чувствительнымъ къ этимъ нѣмцамъ. Но заглавіе одного изъ романовъ, кажется, Ауэрбаха, помню.

— Какое?

— „Auf der Höhe!"... На высотѣ.

— Какъ же, какъ же!

— Я и фабулы не знаю, даже если ты меня и просвѣщалъ по этой части. Но заглавіе — чудесное. „На высотѣ!" — пѣвуче протянулъ Питэръ, остановившись спиной къ камину. —

На высотѣ... вотъ какой долженъ быть девизъ всякаго мыслящаго человѣка.

— Сверхчеловѣка, хочешь ты сказать,—выговорилъ Иванъ съ чуть слышной ироніей.

— Ахъ, полно! Вовсе нѣтъ! Неужели ты меня считаешь способнымъ ломаться, изображать изъ себя Uebermensch'a по Ницше? Все это, милый, уже до смѣшного старомодно. Это уже тѣ матерчатые жилеты, которые были въ ужасной модѣ ровно семь лѣтъ назадъ. Я—просто человѣкъ и въ основатели новой породы не мѣчу, но я не хочу, по доброй волѣ, барахтаться въ такихъ сферахъ жизни, гдѣ и безъ меня найдутся охотники справлять свою службу.

Иванъ слегка щелкнулъ языкомъ и повелъ своей красивой головой.

Ему не хотѣлось заводить принципіальнаго спора съ братомъ, да еще въ первый же день. Его братъ—не со вчерашняго дня—пребываетъ „на высотѣ", имѣетъ на это право: у него—одаренная натура художника, и его мозгъ годами питается только высшими полетами мышленія и творчества.

Пускай онъ и остается на этихъ высотахъ; но простые смертные,—такіе, каковъ онъ, безъ ложной скромности, считаетъ себя,—не могутъ держаться такихъ взглядовъ.

Будь на мѣстѣ Питэра кто-нибудь другой, даже изъ его пріятелей—онъ бы крикнулъ:

„Это проповѣдь мертвящаго дилеттантства"!

— Нельзя такъ, Питэръ,—тихо, какъ бы съ подавленнымъ вздохомъ выговорилъ онъ,—нельзя такъ относиться къ людямъ.

— Что же съ этимъ дѣлать, Jean? Вотъ я—такой нравственный уродъ. Человѣчеству—en bloc!—я могу желать прежде всего освобожденія отъ всѣхъ его умственныхъ и всякихъ другихъ путъ. Но толпу я все-таки не выношу и отдѣльные люди—чѣмъ больше я ихъ вижу—не вызываютъ во мнѣ особой такой эмоціи. И тутъ опять-таки я не желаю обезьянить съ Шопенгауэра, который любитъ повторять, что онъ собакъ любилъ гораздо больше людей.

— И пускай его!—вырвалось у Ивана.

— Собачонку, даже самую простую, я не могу пропустить, не приласкавъ ее, а десятки и сотни двуногихъ и даже самыхъ культурныхъ—съ трудомъ выношу. Не дѣлаю исключенія и для иностранцевъ. Англію люблю, какъ цѣлое; но табльдотныхъ англичанъ не могу выносить... какъ и все, что мѣшаетъ мнѣ...

— Поднявшись на высоту, оттуда смотрѣть сверху внизъ,

какъ тамъ копошатся въ муравьиной кучѣ какія-то микроскопическія существа?

— Jean! Не иронизируй! Это къ тебѣ нейдетъ. Ты—сама доброта. Это у тебя такъ же врожденно, какъ у другихъ прекрасный слухъ или склонность къ чахоткѣ или глухотѣ.

— Ну, хорошо.

— И это твое благодушіе, этотъ неисправимый альтруизмъ—служитъ тебѣ предательскую службу.

— Почему?—почти вскричалъ Иванъ.

— Онъ не даетъ ходу твоимъ высшимъ душевнымъ силамъ. Одно развѣ: сдѣлалъ изъ тебя оратора. Но на что идетъ это драгоцѣнное качество, котораго у меня, напримѣръ, совсѣмъ нѣтъ?

— Ты—отличный діалектикъ, Питэръ! Вотъ и теперь побиваешь меня.

— Въ разговорѣ, en tête-à-tête, или въ гостиной, въ спорѣ—пожалуй; но какъ только мнѣ надо, на обѣдѣ или гдѣ-нибудь, сказать публично десять словъ—я сейчасъ теряюсь, и вовсе не отъ застѣнчивости, а отъ неимѣнья какой-то внутренней мозговой дисциплины. Мысли захлестываются за слова, слова за мысли.

Питэръ подошелъ къ брату, наклонился и взялъ его за оба плеча.

— Но о чемъ долженъ ты говорить, my poor fellow? Передъ кѣмъ? Есть ли у тебя возможность достичь тѣхъ высотъ, куда ты всегда можешь подняться одинъ... съ своей внутренней работой... когда тебѣ не надо никакой толпы, ея дѣлишекъ, ея жалкихъ треволненій?

— А ты для кого же работаешь?—остановилъ Иванъ и поднялся.—Развѣ у тебя нѣтъ публики, залы?

— Клянусь, я никогда о ней не думаю. Она для меня не существуетъ. Моя проба пера—легкая вещица—пришлась по вкусу театральной публикѣ обоихъ полушарій. Очень жаль! Это меня въ сущности огорчаетъ. Но почемъ я знаю? То, что̀ теперь назрѣло во мнѣ, можетъ постигнуть самый безобразный провалъ. Все это уже ремесло, дѣло промышленниковъ, Ба̀рнумовъ, рекламы, той американщины, которую я ненавижу всѣми фибрами моей души. Однако, тебѣ надо ѣхать. Прости за мою болтовню! И не огорчайся. Твой Питэръ не монструмъ, не пародія на императора Нерона. Онъ—такой же, какъ и ты, минусъ твое добродушіе, твоя слабость къ ближнимъ. И я опять скажу: много они тебѣ готовятъ всякихъ сюрпризовъ... особенно

съ женщинами. Я еще удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ уцѣлѣлъ.

— Богъ милостивъ!—съ тихимъ юморомъ выговорилъ Иванъ и поднялся съ кресла.

— Такъ ты желаешь везти меня къ разводкѣ?.. Прости, не буду больше употреблять этого въ самомъ дѣлѣ гадкаго слова!..

— Не къ ней одной. Вѣрь, Питэръ, это женщина совсѣмъ не то, что ты думаешь.

— Я не оправдываюсь.

Ивану стоило бы большого надъ собой усилія вызвать брата на интимный разговоръ о его сердечныхъ дѣлахъ.

Все, что онъ зналъ, это то, что у Питэра было не мало увлеченій, но врядъ ли есть теперь серьезная связь.

— Тебѣ надо одѣться?—спросилъ Питэръ.

— Только надѣть сюртукъ. А сегодня мы какъ? Не хочешь ли поужинать въ клубѣ? Я туда могу попасть въ первомъ часу.

— Нѣтъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ ужиновъ. Ты поѣзжай, а я пойду гулять.

— Гулять? Одинъ? По нашимъ троттуарамъ?

— Передъ сномъ это—мой единственный спортъ.

— Какъ знаешь.

Иванъ пошелъ-было наверхъ, въ свою спальню; но тотчасъ же вернулся.

— Питэръ!—крикнулъ онъ съ порога.—Я забылъ тебѣ сказать, что здѣсь Мироновы и проживутъ всю зиму.

— Какіе? Тотъ? Борисъ?

— Ну, да, товарищъ твоего дѣтства. Но, кажется, ты его не видалъ съ самой его женитьбы.

— Да. Онъ женился на Мари Кардаковой?

— Какъ же! Тоже твоя подруга.

— Мы вмѣстѣ ѣздили въ танцклассъ.

— Съ Борисомъ я, въ послѣднее время, очень сошелся. Онъ хорошій малый, только его надо направлять.

— И этимъ занимаешься ты?

— Онъ—уѣздный предводитель. На слѣдующихъ выборахъ можетъ попасть и въ губернскіе.

— А отчего же не ты?

— Я только земецъ, душа моя. На высотѣ пускай стоятъ другіе; а я—внизу, въ лощинѣ, гдѣ надо пахать.

Питэръ опять прилегъ на кушетку. Онъ слушалъ—какъ раздавались шаги брата по половику винтовой лѣстницы, ведущей въ мезонинъ.

Изъ всѣхъ ему знакомыхъ людей онъ не зналъ симпатичнѣе того, кого онъ привыкъ звать: „my poor fellow“. Въ Россіи у него не было близкихъ пріятелей. Учился онъ больше дома, только въ послѣдніе три класса ѣздилъ въ гимназію, потомъ перепробовалъ два университета, по одному курсу, и уѣхалъ за границу. Онъ—оксфордскій „master of arts“ и гейдельбергскій „докторъ философіи“. Товарищей—было достаточно; но друга—ни одного. Не можетъ онъ назвать и ни одного нѣмца, француза, англичанина, кто привлекалъ бы его, какъ избранная натура. Были даровитые ребята, съ идеями, усердные работники, съ характеромъ, съ образцовой физической выправкой—среди англичанъ; но такого, кто бы заставилъ его любить людей въ своемъ лицѣ,—такого не было и теперь нѣтъ.

О женщинахъ онъ бы многое поразсказалъ брату. Но тотъ огорчается его оцѣнками и афоризмами. „Dear fellow“ останется запоздалымъ исповѣдникомъ культа, воздаваемаго Гётевскому „Das ewig Weibliche“.

Про женщинъ его меньшой братъ не можетъ сказать, что онъ ихъ „не выноситъ“. Далеко нѣтъ! Но отсюда до преклоненія и даже до настоящей любви—огромное разстояніе.

— Ты готовъ?—раздался изъ передней голосъ Ивана.—Или еще побудешь?

— Готовъ! Мнѣ переодѣваться не надо.

На немъ былъ все тотъ же дорожный сьютъ изъ шевіота.

— Хочешь проѣхаться сначала?—спросилъ его Иванъ въ передней.

— Нѣтъ, милый, я пойду вокругъ всего города... на Дворянскую, потомъ на Козій-валъ; а тамъ на Сѣнную и къ старой Московской заставѣ.

— Не забылъ нашихъ урочищъ?

— Съ какой же стати? Могу отвѣтить на пять съ плюсомъ.

Мальчикъ подалъ ему его заграничное, слишкомъ короткое и легкое пальто, съ мѣховой опушкой рукавовъ и воротникомъ нѣсколько страннаго въ Россіи покроя.

Братья вышли на крыльцо. Стояла мягкая ночь, полусвѣтлая отъ мѣсяца, задернутаго негустыми тучами.

Иванъ сѣлъ въ сани и крикнулъ брату:

— Такъ ужинать не хочешь?

— Нѣтъ! Черезъ полтора часа я на боковую.

Питэръ зашагалъ по троттуару улицы, мимо дома Дворянскаго Собранія, гдѣ онъ, лѣтъ восемнадцать тому назадъ, танцо-

валъ въ первый разъ, какъ „большой“, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

Идти было легко, даже и послѣ ночи, проведенной въ душномъ, невозможно натопленномъ вагонѣ.

VIII.

Хозяйка помѣщалась на диванѣ, въ угловой комнатѣ, въ родѣ fumoir'а.

На столикѣ приготовленъ былъ кофе съ двумя графинами ликеровъ.

Противъ нея сидѣли оба гостя—братья Бабичевы.

Еленѣ Сергѣевнѣ Сулиной минуло недавно двадцать-восемь лѣтъ.

Она должна была сохранить фамилію своего мужа—Сулина. Это ей было очень непріятно.

Назвать ее красавицей было нельзя; но сразу каждаго мужчину привлекало къ ней что-то своеобразное и очень тонкое, вмѣстѣ съ гибкимъ, стройнымъ станомъ, роскошными волосами, миловидностью мелкихъ чертъ и, особенно, красивымъ выраженіемъ темно-сѣрыхъ глазъ. Волосы у нея темнорусые, вечеромъ совсѣмъ темные.

Маленькій носикъ и тонкій подбородокъ прекраснаго рисунка—всего больше красятъ ея наружность.

Платье безъ таліи, изъ чернаго гренадина, съ высокимъ боркомъ вокругъ шеи—придаетъ ей что-то, напоминающее женщинъ первой имперіи.

Бѣлыя, тонкія, дѣвическія руки—изъ на половину открытыхъ рукавовъ—привычны къ плавнымъ движеніямъ. На тонкихъ пальцахъ—очень холеныхъ—колецъ въ мѣру.

Въ разговорѣ она дѣлается живѣе; матовый цвѣтъ лица розовѣетъ; на щекахъ углубляется по двѣ ямочки.

Въ эту минуту она была очень хорошенькая. Обѣдъ, двѣ рюмки вина, чашка кофе и разговоръ придали большую грацію всему ея облику.

Питэра братъ завезъ къ ней въ третьемъ часу и оставилъ его у нея. Когда онъ пріѣхалъ къ обѣду—Елена Сергѣевна садилась за столъ по столичному, въ семь часовъ,—Иванъ замѣтилъ уже, что у нихъ началась какая-то игра: тонъ у обоихъ былъ мягко-ироническій.

Значитъ, Питэръ уже пустилъ свои афоризмы насчетъ жен-

щинъ вообще. И такая женщина, какъ Елена Сергѣевна, съ ея законнымъ сознаніемъ своего превосходства—разумѣется, не оставитъ это безъ реплики.

Но за обѣдомъ разговоръ перескакивалъ съ предмета на предметъ. Иванъ умѣлъ показать своего брата въ полномъ блескѣ, и Сулина часто смѣялась или слушала съ такимъ выраженіемъ лица, гдѣ можно было прочесть:

„Какой онъ умница“!

Она знала, что Питэръ—музыкантъ и „философъ“; но про то, что онъ сталъ опереточной знаменитостью—она не имѣла понятія, какъ и никто въ городѣ.

Питэръ, за столомъ, и много говорилъ, и не мало наблюдалъ, про себя.

Онъ находилъ, что эта „дамочка“ и не въ провинціи была бы пріятной встрѣчей.

Женщина съ такимъ складомъ корпуса и съ такимъ типомъ миловидности была въ его вкусѣ.

„Это, пожалуй, и мой *типъ*!“—подумалъ онъ раза два, во время обѣда.

Онъ одобрилъ выборъ брата. Сулина нравилась Ивану; но до чего у нихъ дошло—сказать трудно, даже и такому наблюдателю, какъ онъ.

Увлечена ли она имъ—этого онъ тоже не могъ опредѣлить вполнѣ точно. Кажется, она больше головой преклоняется передъ тѣмъ, что онъ собою изображаетъ: передъ его ролью, краснорѣчіемъ, благородствомъ поведенія.

У нихъ уже есть общіе интересы по школѣ и амбулаторіи, которую онъ недавно завелъ у себя, и еще по какимъ-то „затѣямъ“,—какъ про себя называетъ ихъ Питэръ.

Онъ давно знаетъ, что русскія женщины „съ запросами“ начинаютъ всегда увлекаться сначала умомъ, на почвѣ интеллигентнаго сближенія, и даже когда ихъ человѣческая природа уже вступитъ побѣдоносно въ свои права, онѣ все еще увѣряютъ себя, что ихъ сближеніе—„чисто духовное“.

За кофеемъ Елена Сергѣевна стала разспрашивать Ивана о Москвѣ.

— Отчетомъ о вашемъ спичѣ, Иванъ Степановичъ, я совсѣмъ не была довольна. Какъ-то скомкано.

Голосъ ея звучалъ очень молодо, какъ у дѣвушки въ восемнадцать лѣтъ—съ отчетливой дикціей, безъ всякой манерности.

— Что дѣлать! Признаюсь, я не очень былъ доволенъ этими репортерскими нескромностями.

— И вы вышли какимъ-то славянофиломъ. Что-то такое... міру челобитчикъ... и еще что-то въ такомъ же вкусѣ.

— Да вѣдь Jean немножко въ такомъ вкусѣ, — сказалъ Питэръ.

— Иванъ Степановичъ! Зачѣмъ вы позволяете вашему брату клеветать на васъ?

— Это не оскорбленіе. Такихъ людей, какъ Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ—поминать лихомъ не слѣдуетъ.

— Но все-таки я васъ славянофиломъ не считала!

— Есть разница, — въ томъ же тонѣ вставилъ Питэръ. —Насчетъ средостѣнія...

— Ну и что же?—съ особенной живостью спросила Сулина, понявъ, въ какомъ смыслѣ употребилъ Питэръ этотъ терминъ.

— Насчетъ средостѣнія онъ — западникъ. Вѣдь такъ, Jean? А то madame Сулина опять скажетъ, что я клевещу на тебя.

Иванъ ласково взглянулъ сначала на него, потомъ перевелъ свой взглядъ на Елену Сергѣевну.

„Какъ же съ нимъ быть? — говорили его большіе добрые глаза.—Онъ у меня enfant terrible".

Сулина знала, какъ Иванъ Степановичъ „влюбленъ" въ своего брата, и это ей теперь даже несовсѣмъ нравилось. Онъ слишкомъ стушевывался въ присутствіи своего „Веніамина", точно самъ онъ такъ себѣ — земецъ, а не краса и надежда не одной ихъ губерніи.

— Вы не записали своего спича?—спросила она.

— Нѣтъ. Это былъ экспромптъ, увѣряю васъ.

— Я и не сомнѣваюсь. Но, можетъ быть, послѣ... такъ, для себя?

— Угодно, чтобы я его заставилъ продиктовать себѣ на память?—предложилъ Питэръ съ полу-комическимъ жестомъ.

— Я двѣ-трети перезабылъ.

— Даже и для Елены Сергѣевны не вспомнишь?

Этотъ вопросъ также ей не понравился. Она находила, что этотъ заграничный „интеллигентъ" слишкомъ злоупотребляетъ тѣмъ, что братъ въ него влюбленъ, и въ его тонѣ сквозитъ что-то—не то что безцеремонное—онъ для этого достаточно воспитанъ,—а высокомѣрное, въ чисто мужскомъ родѣ.

Ей ужасно захотѣлось, въ ту минуту, дать ему хоть маленькій щелчокъ, даже и въ присутствіи старшаго брата.

— Петръ Степановичъ,—сказала она, прищуривая свои блестящіе глаза,—смотритъ на все это... чѣмъ мы здѣсь живемъ и волнуемся, какъ на что-то крайне низменное?

У нея вышло это нѣсколько рѣзче, чѣмъ она сама желала: вмѣсто шутливыхъ раздались немного колкія интонаціи.

— Отчего же?—поторопился откликнуться Иванъ и тотчасъ же посмотрѣлъ на брата.

— Не защищай меня, Jean! Я, право, еще ничѣмъ не провинился передъ Еленой Сергѣевной.

— Но наша прелестная хозяйка чувствуетъ въ тебѣ нѣкоторую строптивость духа... Вотъ я васъ долженъ оставить. Отчитайте его хорошенько, Елена Сергѣевна.

— Какъ?—Уже скрываетесь?

Она сдѣлала хорошенькую гримаску.

— Что дѣлать!

— Патріотическій диспутъ!—тихо воскликнулъ Питэръ.

Иванъ поцѣловалъ руку хозяйки и, поднявъ голову, сказалъ такъ же весело:

— Пожалуйста... отчитайте его.

— Но, можетъ быть, Елена Сергѣевна не желаетъ этого tête à tête?—спросилъ Питэръ, вбокъ взглянувъ на нее.

— Оставайтесь! Оставайтесь! При братѣ вашемъ нельзя васъ отчитывать. Онъ слишкомъ васъ избаловалъ.

Елена Сергѣевна пошла провожать Ивана, и они еще о чемъ-то говорили у дверей передней.

Питэръ оттуда не могъ ничего разслышать. Но ему сдавалось, что это еще далеко не „Liebschaft“ — какъ онъ иногда называлъ, вспоминая свои гейдельбергскіе годы. Одно несомнѣнно: онъ больше подготовленъ къ „гименею“, чѣмъ она.

— Отчего же вы не курите?

Съ этимъ вопросомъ Елена Сергѣевна показалась въ дверяхъ.

— Я жду, чтобы вы показали мнѣ примѣръ.

— Почему? Вы, стало быть, считаете меня курильщицей, какъ подобаетъ эмансипированной женщинѣ? И представьте,—не курю и никогда не пробовала.

— Это менѣе добродѣтельно, чѣмъ теперешнее воздержаніе Жана. Хорошо, если его „толстовство“ только этимъ и ограничится,—прибавилъ онъ.

— Вашъ братъ... ничему не способенъ подражать.

— Но принять разные рецепты нравственнаго совершенства очень способенъ.

— Что же въ этомъ дурного?

Не желая того, Питэръ точно умышленно повелъ разговоръ такъ, чтобы поймать ее на какой-нибудь уликѣ—женскаго интереса къ его старшему брату.

— Елена Сергѣевна! Вы мнѣ не позволяете свободно говорить о Жанѣ?

— Вовсе нѣтъ! Но... я не понимаю вашего тона.

— Позвольте! Вы это сказали, точно сановникъ, принимающій своего строптиваго подчиненнаго. Эта фраза теперь въ большомъ ходу: „я не понимаю вашего тона“!

— Ну, полноте! Вашъ братъ—такая чудная личность, что мнѣ просто больно сдѣлалось...

— Отъ моихъ шпилекъ?

— И онъ такъ васъ любитъ! Это не братъ, а мать... да, мать, влюбленная въ свое чадо.

— Если оно такъ, то напрасно Жанъ никогда меня не отчитывалъ, какъ слѣдуетъ.

— Разумѣется, напрасно!

— Но позвольте, Елена Сергѣевна, въ вашей симпатіи къ нему, въ вашемъ преклоненіи передъ его личностью нѣтъ ли и благодарности за то, что онъ... какъ бы это выразиться поделикатнѣе...

— Говорите прямо!

— Поддакиваетъ вашимъ идеямъ, вашему направленію, которое я боюсь назвать, вѣроятно, ненавистнымъ вамъ словомъ?

— Я знаю—какимъ. Не нужно его! Никакой клички я не хочу. И ни къ какому цеху себя не причисляю.

Она подалась впередъ и заговорила быстрѣе и громче.

— Чтобы намъ не вступать въ ненужную полемику, Петръ Степановичъ, я вамъ скажу про себя вотъ что̀: да, я цѣнила всегда, еще до выхода замужъ, свою свободу. Изъ-за нея я всегда билась. И не пошла на тѣ унизительные компромиссы, на какіе идутъ сотни и тысячи женщинъ.

— Это—ваше интимное дѣло.

— Нѣтъ! Вы ошибаетесь. Не одно мое лично. То, что̀ я считаю необходимымъ для женщины, какъ воздухъ,—то необходимо всѣмъ: и крестьянкѣ, и барынѣ, и работницѣ на фабрикѣ, и женщинѣ съ высшимъ образованіемъ и талантомъ. Насъ и талантъ не спасаетъ, сплошь и рядомъ, отъ унизительной роли быть или забавой, или рабой мужчины.

— Зачѣмъ такіе возгласы? Это все отзывается... добрымъ старымъ временемъ, когда madame Дюдеванъ начала носить панталоны и курить крѣпкія сигары.

— Можетъ быть.

Она закусила слегка нижнюю губу.

— И вы теперь достигли своего?—спросилъ Питэръ, опуская немного голову.

— Далеко нѣтъ. Да и какъ можетъ быть иначе? Развѣ женщина можетъ что-нибудь провести въ жизнь безъ содѣйствія и покровительства господъ мужчинъ?

— Многое.

— Въ чемъ?

Питэръ покачалъ головой.

— C'est pas sérieux ce que dit madame,—выговорилъ онъ съ тихимъ жестомъ правой руки.

— Съ этимъ надо, до поры до времени, помириться. И женщинѣ надо пройти долгую школу... не въ одно столѣтіе.

— Богъ мой!—воскликнулъ Питэръ.—Да отъ насъ тогда и костей не останется!

— Хорошо. Вы продолжайте въ своемъ тонѣ, а я буду въ своемъ. То, что я сейчасъ скажу—совсѣмъ не въ похвалу женщинамъ. Претензій у нихъ много, но какъ говорится: „охота пущая, а участь горькая". Женщина, самая умная и смѣлая, не можетъ быть оригинальной.

— Будто?

— Вы это знаете лучше меня! Оригинальность дана мужчинамъ, потому что они цѣлые вѣка жили, какъ они хотѣли. А женщина можетъ быть только шутихой, а не настоящей оригиналкой. Вотъ позвольте... я была осенью въ Петербургѣ. Мнѣ прожужжали всѣ уши про оригинальность одной поэтессы. Мнѣ показывали ее на одной лекціи. На головѣ коробъ—у насъ бабы называютъ „лукошко", перевязанное лентами, платье съ разрѣзомъ, какъ на картинахъ Ботичелли. И что же! Ни капли оригинальности! Смѣшная поддѣлка подъ модныхъ прерафаэлитовъ и подъ офицеровъ арміи спасенія, у которыхъ она и съобезьянила свое лукошко. Помните, въ Парижѣ, по вечерамъ, эти дѣвицы ходятъ по бульварамъ, по-парно, и визгливо кричатъ: „Ce soir, conférence au siége de l'armée du salut"!

„Да ты даже очень умненькая!"—вымолвилъ, про себя, Питэръ и одобрительно кивнулъ головой.

— C'est tapé!—тихо воскликнулъ онъ.

Обыкновенно, у него не было привычки „французить"; но изрѣдка онъ пускалъ маленькія фразы, которыя по-французски выразительнѣе и мягче, чѣмъ на другихъ языкахъ.

— Но я это говорю въ потуженіе...

— Какъ вы сказали?—остановилъ Питэръ.

— Такъ старушки богомолки говорятъ: „въ потуженіе“. Это меня огорчаетъ.

— И обижаетъ?

— Да, если хотите, и обижаетъ за ту долгую школу обезьянства, которую проходили женщины... да и теперь проходятъ!

— Какъ будто мужчины не обезьяны? Помилуйте! — уже серьезнѣе возразилъ Питэръ.—Подражаніе—одно изъ могучихъ средствъ цивилизаціи. На этомъ выводѣ французъ Тардъ... когда-то мой профессоръ—сдѣлалъ себѣ всемірную репутацію.

Елена Сергѣевна поглядѣла на него съ такой мимикой лица, какъ будто она что-то припоминаетъ.

— Я читала его,—очень просто сказала она.

— Простите!—Я совсѣмъ не хочу производить вамъ экзаменъ.

„Да, она очень умненькая“,—подумалъ онъ опять и поставилъ ей хорошую отмѣтку.

Ему нравился ея языкъ. Она совсѣмъ не впадала въ пересыпаніе русскихъ фразъ французскими и—какъ въ послѣдніе годы—англійскими. Видно было, что она давно привыкла говорить на родномъ языкѣ и гораздо больше съ мужчинами, чѣмъ съ женщинами.

Но онъ воздержался замѣтить ей это вслухъ.

— И главный предметъ обезьянства—*онъ*... властитель всѣхъ ея думъ!..

— Представитель яко-бы сильнаго пола, въ сущности весьма тряпичнаго!—точно про себя добавилъ Питэръ.

Елена Сергѣевна громко разсмѣялась.

— Вы правы... тряпичныхъ натуръ между этими представителями не мало. Но все таки—образчикъ: онъ! И то, что онъ давно бросилъ, какъ свои обноски, то мы надѣваемъ на себя съ гордостью... Идеи, вкусы, пороки, привычки—всегда дурныя.

— Даже отвратительныя.

— Вы это серьезно?

— Вполнѣ.

— Ну, да, мы это передѣлываемъ немножко по своему; но—по той же выкройкѣ. Въ костюмахъ это всего рѣже бросается въ глаза, потому что мода всесильна! Но въ остальномъ... — она всплеснула руками—мой Богъ! Какъ онъ, такъ и мы! Вплоть до языка, до манеры говорить, жать руку, смѣяться. А въ придачу идетъ обезьянье повтореніе того, что онъ намъ удѣляетъ съ своей духовной трапезы... И это мы по-

вторяемъ безъ всякаго внутренняго чувства и еще задорнѣе, чѣмъ онъ.

— Браво! Браво!

Питэръ тихо захлопалъ въ ладоши.

— Я знаю,—то, что̀ я сейчасъ говорила—для васъ старо̀... избито... точно я читаю вамъ вслухъ книжку о женщинѣ, какъ было въ модѣ лѣтъ сорокъ назадъ.

— Въ родѣ „Подчиненіе женщины“ Джона Стюарта Милля?— подсказалъ Питэръ.

— Ну да, ну да!

— Но если такъ, Елена Сергѣевна,—заговорилъ онъ медленно и съ полуопущенными рѣсницами,—зачѣмъ же мечтать о томъ, чтобы быть какъ онъ во всемъ и вездѣ?

— Это великое безуміе!—воскликнула она, и вокругъ ея рта пошли нервныя струйки.

„Какая ты хорошенькая!“ — поставилъ онъ про себя новую оцѣнку.—„И очень, очень умненькая“!

— Безуміе!—повторила она потише, какъ будто немного стѣснилась своего возгласа.—Равенства быть не можетъ между нами. Мы во многомъ—какъ огонь и вода. Мы—сами по себѣ. Но то, что̀ въ насъ заложено своего, то̀ мы должны развить и отстоять.

— Еслибъ зависѣло отъ меня,—подписался бы обѣими руками подъ эту „Декларацію правъ“ прекраснаго пола...

— Пожалуйста, Петръ Степановичъ, не употребляйте этихъ ужасныхъ словъ! Простите... это не лучше, чѣмъ „виновникъ торжества“ и „откуда мнѣ сіе“. Такихъ клише вы здѣсь довольно наслышитесь.

— Прошу прощенья!

Двойственность его тона подзадоривала ее: онъ это чувствовалъ; но это выходило у него по привычкѣ.

Давно онъ не былъ въ такихъ разговорахъ съ красивой, изящной женщиной, чрезвычайно „quelqu'un“, способной нравиться даже и очень взыскательному молодому мужчинѣ,—ну, хоть такому, какъ онъ.

И только въ Россіи, все равно—въ столицѣ, въ губернскомъ городѣ, въ усадьбѣ, и только съ русской образованной женщиной—въ первый день знакомства и—главное—вечеромъ, у нея, съ глазу на глазъ, возможны такіе разговоры.

Какъ бы это иначе пошло съ француженкой, съ итальянкой, испанкой, съ румынкой, даже съ англичанкой или бойкой нѣмкой!

Тамъ сейчасъ же началась бы пробная дуэль, въ родѣ первыхъ ходовъ на фехтовальныхъ бояхъ. И онъ, и она, если даже они и не заняты, не „en mains“—по выраженію французскихъ любителей женщинъ—все-таки, послѣ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ банальностей, стали бы привлекать другъ друга, охорашиваться, распускать свой хвостъ, „faire la roue“.

А тутъ можно такъ проговорить до полуночи, вести родъ диспута на тему о сравнительныхъ правахъ мужчины и женщины въ современномъ культурномъ обществѣ и, въ частности, въ русскомъ.

Еще немножко, и вотъ такая пикантная и красивая дамочка стала бы приводить статьи законовъ, по которымъ женщины обижены противъ мужчинъ въ своихъ имущественныхъ и прочихъ гражданскихъ правахъ.

Елена Сергѣевна подмѣтила усмѣшку, блуждавшую на тонкихъ губахъ Питэра, повела головой и сказала гораздо спокойнѣе и съ особой интонаціей:

— Вы все это считаете ниже своего интереса, Петръ Степановичъ... Въ такихъ условіяхъ серьезный разговоръ немыслимъ.

— Серьезный?.. Милая Елена Сергѣевна... Зачѣмъ все брать въ серьёзъ? И вся-то жизнь нашей планеты есть только инцидентъ въ безконечной жизни вселенной.

— Если такъ смотрѣть,—сказала она, опуская рѣсницы и другимъ тономъ,—то все—нирвана?

— Зачѣмъ? До нирваны далеко! И—позвольте въ скобкахъ попедантствовать—ученые санскритологи находятъ, что значеніе слова *нирвана*—вовсе не уничтоженіе, ничто, полная смерть,—а только успокоеніе въ духовной святости, безъ малѣйшихъ вожделѣній! Просвѣтленное состояніе духа...

— Тѣмъ лучше! полушутливо замѣтила она.—Это менѣе безотрадно!

— У женщины,—продолжалъ онъ,—есть всегда одинъ всепоглощающій интересъ.

— О! Я знаю! Любовь!

Она почти злобно разсмѣялась.

— Другого еще не придумано, Елена Сергѣевна.

Она откинула голову на подушку и положила, быстрымъ движеніемъ, обѣ свои полуоткрытыя руки за голову.

Поза вышла очень смѣлая и красивая. Но она это сдѣлала не изъ кокетства. Она не слѣдила за собой, за своими позами и манерами.

Такъ вышло, и Питэръ нашелъ это очень привлекательнымъ и „порядочнымъ“.

— Все горе женщины, вся ея печать Каина—въ этомъ ужасномъ словѣ!—вырвался у нея возгласъ.

И щеки ея еще замѣтнѣе порозовѣли.

— Ничего не имѣю противъ этого; но такъ было и будетъ... до прекращенія жизни на нашей, весьма жалкой, въ сущности, планетѣ.

— Знаете, Бабичевъ, — она въ первый разъ такъ его назвала,—было бы гораздо лучше, еслибъ у насъ, какъ на какихъ-нибудь Фиджійскихъ островахъ или въ Полинезіи какой-нибудь, выдавали замужъ десяти лѣтъ.

— Почему?—почти удивленно остановилъ Питэръ.

— Потому что тогда не было бы того искуса, черезъ который проходитъ дѣвушка въ образованныхъ странахъ. И я также заглядывала въ статистику.

— Это ужасно!

— Нѣтъ, полноте, оставьте этотъ тонъ. Мы вѣдь не флёртомъ съ вами занимаемся въ эту минуту.

„А почемъ ты знаешь, милая?“—мысленно спросилъ Питэръ.

Изъ своего опыта онъ вывелъ уже давно тотъ довольно общій фактъ, что обмѣнъ мыслей, даже споры, ссоры, а иногда и острая антипатія,—ведутъ быстрѣе къ сближенію, чѣмъ обычный флёртъ, по общеизвѣстнымъ правиламъ, даже и съ обѣихъ сторонъ разомъ.

— Вы, можетъ, и безъ меня знаете,—какая средняя цифра возраста дѣвушекъ, выходящихъ замужъ... не въ народѣ, а въ достаточныхъ классахъ?

Онъ сложилъ ладони просительнымъ жестомъ.

— Каюсь,—не знаю. Даже и приблизительно, какъ позволяется врать на экзаменахъ статистики.

— Отъ двадцати - пяти до двадцати - восьми лѣтъ—и даже больше! Вы скажете: и прекрасно, что дѣвушки не выскакиваютъ рано замужъ! Вовсе нѣтъ! Не лучше, а хуже. Но это все равно! Или вы слишкомъ долго ждали, или вы еще ничего не можете чувствовать. Не любовь вамъ нужна, а только попасть передъ аналой, на аршинъ цвѣтного атласа. И вся жизнь исковеркана!...

Питэръ отвелъ голову немного въ сторону.

Онъ зналъ, что и такой разговоръ можетъ кончиться у женщины оборотомъ на самоё себя; но не думалъ, что это случится такъ скоро.

Передъ нимъ, повидимому, совсѣмъ не сентиментальная женщина. Въ ней мозговые нервы преобладаютъ „надъ областью симпатическаго нерва“, — сказалъ бы онъ лѣтъ десять назадъ, когда увлекался физіологіей.

Но и она не можетъ остаться въ предѣлахъ объективной бесѣды.

„Чтожъ, и прекрасно!“—подумалъ Питэръ.

Тутъ онъ могъ бы сейчасъ же подтолкнуть ее къ личному изліянію. Она сдѣлала бы это не по пылкости нрава, а изъ-за того, чтобы поддержать свое мнѣніе.

„Барыня съ душкомъ“,—продолжалъ онъ давать ей отмѣтки. —„И если Jeau сдѣлается ея мужемъ—онъ у нея будетъ вотъ подъ той маленькой туфлей“.

Его взглядъ прошелся, какъ разъ въ эту минуту, по концамъ ногъ, видныхъ изъ-подъ оборки. Она была въ черныхъ туфляхъ—подъ цвѣтъ платья.

— Но чувство ни въ чемъ не повинно!—замѣтилъ онъ, послѣ маленькой паузы, на которой ихъ живой разговоръ какъ бы оборвался.

— Чувство!—выговорила Сулина и перемѣнила позу—опустила руки на колѣни и довольно громко перевела духъ.

Это былъ почти вздохъ.

— Знаете, Петръ Степановичъ... одно время я не могла выносить такихъ вотъ словъ: любовь, страсть, чувство и, главное, счастье. И тутъ я вамъ головой выдамъ всякихъ женщинъ: дѣвчонокъ и зрѣлыхъ матронъ, умныхъ и глупыхъ, красавицъ и уродовъ... всякихъ!

— Въ чемъ же, Елена Сергѣевна?

— А вотъ въ этой безумной погонѣ за счастьемъ. Почему оно должно *имъ* сваливаться съ неба? Кто далъ *имъ* эту привилегію? Право, это что-то чудовищное по своей претензіи.

— И васъ считаютъ феминисткой?

— Кто?—довольно весело окликнула она.—Неужели Иванъ Степановичъ?

— Нѣтъ. Не хочу клеветать. Но я такъ предполагаю.

— Кажется! Вотъ оно—непріятное мнѣ слово, которое было уже у васъ на губахъ. Да, это чудовищная претензія!—повторила она тѣмъ же возбужденно-веселымъ тономъ.—Дѣвчонка! Вышла изъ института или только-что отъ гувернантки, и подавай ей безумнаго счастья... и непремѣнно безконечнаго!

„Приближается!—воскликнулъ про себя Питэръ.—Еще пять минутъ, и она перескочитъ къ собственному прошлому“.

Но ничего сентиментальнаго не подмѣчалъ онъ въ ней. И никакой рисовки.

— Вотъ отъ такой маніи, еслибъ я только была волшебницей... я бы освободила весь нашъ полъ.

— На это нашлось бы и теперь средство.

— Какое? Скажите!

— Внушеніе... Гипнозъ.

— Вы серьезно?

— А почему же нѣтъ, Елена Сергѣевна? Особенно съ такими податливыми субъектами, какъ женщины вообще.

— Да еще взявъ въ соображеніе,—въ томъ же веселомъ тонѣ прибавила она, — что изъ двадцати женщинъ три, а то и всѣ пять—непремѣнно истерички.

— Вотъ видите... Если отрѣшаютъ отъ пьянства, отъ страховъ, отъ нервнаго невладѣнія языкомъ, ногами, то отчего же нельзя гипнотизёру, при видѣ такой безумно жаждущей счастья дѣвы или дамы, сразу внушить ей: ты забудешь о счастьѣ!

Они оба тихо засмѣялись.

Еленѣ Сергѣевнѣ стало какъ-то вдругъ гораздо легче и свободнѣе быть съ этимъ—на ея оцѣнку—все-таки фатоватымъ умникомъ, вѣроятно имѣющимъ о себѣ необычайно высокое мнѣніе.

— Да! Какъ бы это было хорошо, еслибы меня во-время отдали въ руки такому гипнотизёру!

„Ça y est!“—воскликнулъ про себя Питэръ.

— И я—какъ сотни и тысячи такихъ pécores... подурухъ—говорили наши бабушки—пылала жаждой безумнаго счастья.—Ха, ха!

Въ смѣхѣ заслышались горькія нотки.

— Но никто не догадался?

— Да, никто не догадался,—повторила она медленно и съ особой интонаціей.

И тотчасъ послѣ того взялась руками за лицо, точно будто смягчая жаръ въ щекахъ.

— Это ничѣмъ не поправить,—заговорила она уже другимъ тономъ, задушевно и съ грустной игрой губъ.—Ничѣмъ! — сказала она сильнѣе.—Сначала грубый самообманъ, а потомъ пріобрѣтеніе знанія жизни... какой цѣной? Боже мой! И финалъ—неопрятная процедура, безъ которой нельзя получить... одно только благо, какое есть въ жизни... свободу!

Она опустилась на стулъ и замолчала, а когда подняла голову—протянула ему руку.

— Мнѣ не слѣдовало позволять себѣ того, что̀ я сейчасъ вотъ сказала, Бабичевъ.

— Потому что я еще не заслужилъ?

Онъ подался впередъ, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Нѣтъ, не потому! Вы—любимый братъ Ивана Степановича, а я его люблю, какъ сестра.

„Только?“—чуть не вслухъ спросилъ Питэръ.

— Вотъ вы и съёжились.

— Нисколько! Вѣдь моя исторія—только капля въ морѣ... женской глупости.

— Но у васъ свобода?

— Да... За нее можно отдать все!

— Даже и... любовь... отъ которой никто не застрахованъ?

Она опустила рѣсницы и голову.

— Даже и ее.

„Посмотримъ!“—подумалъ онъ.

— А пока... я—то̀, что̀ у насъ принято называть: „разводкой“.

За портьерой послышались шаги.

Лакей, въ дверяхъ, доложилъ:

— Чай готовъ. Прикажете сюда?

— Приготовили въ столовой?

— Такъ точно.

— Пойдемте туда, Петръ Степановичъ.—Хорошо!—сказала она лакею и встала.

— Неужели уже столько времени прошло?—спросилъ онъ, останавливая на ней взглядъ, отъ котораго ей стало немножко неловко.

— Вы виноваты въ томъ!—сказала она, поправляя платье. —Идемъ.

„А „poor fellow“ тутъ причемъ?“—спросилъ себя Питэръ, идя за ней въ столовую.

IX.

Изъ присутствія Иванъ Бабичевъ ѣхалъ по Дворянской улицѣ, въ концѣ пятаго.

Былъ сиверкій день, съ снѣгомъ. Фонари только-что стали зажигать.

Фонари, въ городѣ, до сихъ поръ, керосиновые. Была рѣчь объ электричествѣ; но дѣло пока лежитъ подъ сукномъ. А газъ былъ бы уже запоздалой новинкой.

Подъ стать хмурой и рѣзкой погодѣ, онъ не могъ сбросить съ себя настроеніе, какого онъ въ себѣ очень не любилъ.

Наканунѣ было засѣданіе, гдѣ Шестковъ — „націоналистъ", какъ его прозвали и здѣсь—защищалъ свою записку. Его поддержали цѣлыхъ два члена; и самъ онъ говорилъ очень много, развязно и злобно, подъ видомъ „русацкой" искренности.

Бабичевъ сдерживалъ себя, какъ только могъ, не выходилъ изъ роли предсѣдателя; но послѣ засѣданія, когда Шестковъ подошелъ къ нему съ какой-то вызывающей фразой, онъ замѣтилъ ему сухо и значительно:

— Засѣданіе кончено. Позвольте мнѣ уйти въ частную жизнь. Я усталъ.

И сегодня вышелъ кислосладкій разговоръ съ однимъ изъ его сочленовъ—завѣдомо пріятелемъ того же Шесткова.

Свой „департаментъ"—какъ у нихъ говорятъ—онъ очень запустилъ. Было нѣсколько столкновеній, въ теченіе зимы, и мелкихъ, и покрупнѣе — и Бабичевъ предвидѣлъ, что надо будетъ дѣйствовать энергичнѣе.

Ему противно вступать въ права предсѣдателя. Всѣ члены—равны, они товарищи, и дѣло у нихъ—въ общемъ—спорилось.

Но съ нѣкоторыхъ поръ онъ чувствуетъ какія-то новыя теченія, признакъ того, что противъ него ведется интрига въ разныхъ мѣстахъ. До новыхъ выборовъ остается еще годъ. За свое мѣсто онъ не цѣпляется, но дорожитъ имъ, какъ доказательствомъ довѣрія цѣлой губерніи; знаетъ, что онъ служитъ дѣлу честно, что у него нѣтъ никакихъ личныхъ разсчетовъ, плановъ и домогательствъ.

И онъ останется на своемъ посту, даже еслибъ ему сверху дали понять, что онъ — непріятенъ. Пускай смѣщаютъ, но по доброй волѣ онъ не уйдетъ.

И эти новыя направленія вѣтра зачуялъ онъ совсѣмъ недавно, съ начала зимы.

Онъ ѣхалъ къ Мироновымъ. Съ ними онъ не видался больше недѣли; къ княгинѣ завозилъ брата; но ея не было дома.

Сегодня ея день. Онъ предлагалъ Питэру заѣхать за нимъ; но тотъ просилъ его избавить.

Вѣроятно, онъ у Елены Сергѣевны.

Сулина, вчера, сказала ему, что его „Веніаминъ", какъ она назвала Питэра—„очень оригинальная личность" и, помолчавъ, прибавила:

— Но въ такихъ мужчинахъ есть что-то глубоко обидное для женщинъ.

Онъ сталъ ей говорить, что Питэръ многое въ себѣ „сдѣлалъ“ по извѣстной программѣ, и позднѣе это слетитъ съ него.

— Не знаю,—возразила она,—онъ уже совсѣмъ сложился. Такимъ онъ будетъ и черезъ десять лѣтъ.

Но тонъ ея, мимика, игра глазъ — все это показывало, что Питэръ для нея интересенъ и новъ.

Съ какимъ бы удовольствіемъ онъ завернулъ сейчасъ къ ней, гдѣ онъ навѣрное застанетъ Питэра. Они бы поболтали; можетъ быть, она бы удержала ихъ обѣдать.

А этотъ „five o'clock“ у княгини, съ неизбѣжными „общеармейскими“ разговорами, запоздалыми слухами изъ Москвы и Петербурга, разными штучками изъ ненавистныхъ ему увеселительныхъ газетъ и, главное, съ игрой въ настоящій „мондъ“, въ свой доморощенный „faubourg“.

У Мироновыхъ былъ особнякъ, наслѣдственный, съ алебастровой княжеской короной на фронтонѣ, съ параднымъ подъѣздомъ и двумя фонарями.

Бабичевъ будетъ радъ, если Борисъ Мироновъ попадетъ въ „губернскіе“ на слѣдующихъ выборахъ. Теперешній предводитель — старый и болѣзненный человѣкъ, часто уѣзжаетъ лечиться за границу и вдобавокъ сталъ очень глухъ.

Но если это состоится,—съ идеями и поползновеніями княгини Марьи Ѳедоровны, онъ пожалуй не устоитъ—пойдетъ по той же дорожкѣ отличій, и черезъ три—четыре года очутится въ крупныхъ администраторахъ.

О пріѣздѣ Питэра княгиня уже знала и сегодня прислала французскую записку, гдѣ пеняла ему, что онъ ихъ забылъ, и даже не показываетъ брата: „la future coqueluche de nos élégantes“.

Былъ тутъ намекъ и на Сулину, потому что въ припискѣ стояло: она предполагаетъ, гдѣ онъ теперь проводитъ свои досуги.

Какъ онъ себя иначе ни настроивалъ, но сердце его не лежало къ этой женщинѣ. Не скрывалъ онъ отъ себя того, что былъ бы радъ, еслибы она хорошенько поймалась на Питэрѣ.

При ея хищности и женскомъ тщеславіи, это легко могло бы быть; но она не можетъ нравиться и Питэру. Развѣ просто какъ маленькій капризъ, чисто чувственный.

Мироновы живутъ съ „фасонами“: трое лакеевъ въ ливрейныхъ фракахъ, съ желтыми полосатыми жилетами.

— Князь дома?—спросилъ Бабичевъ въ передней.

— Сейчасъ будутъ, ваше превосходительство.

Отъ этого титула онъ нигдѣ здѣсь отдѣлаться не можетъ; только у себя въ должности формально запретилъ сторожамъ такъ его называть.

У подъѣзда стояли одиночныя и парныя сани.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ у второго лакея, стоявшаго въ залѣ.

— Господинъ Шестковъ и госпожа Мирковичъ.

Онъ не поморщился, но про себя сказалъ:

„Вотъ пріятность"!

Съ Шестковымъ онъ и вобще бы охотно не встрѣчался, особенно послѣ недавняго засѣданія коммиссіи. Да и разговоръ съ госпожей Мирковичъ для него—обуза; ему тяжело быть любезнымъ съ особой, которую онъ считаетъ совсѣмъ не тѣмъ, что̀ она изъ себя изображаетъ. Эта Мирковичъ—уже немолодая вдова, слыветъ въ городѣ за женщину съ самыми благородными „начинаніями", устроиваетъ всякіе благотворительные вечера и лотереи, попечительница двухъ пріютовъ, а онъ отлично знаетъ, какъ ея сосѣдъ, что она—настоящая „баба-жо̀хъ" и цѣлую окру̀гу прибрала къ рукамъ, отдаетъ мужикамъ деньги только за уборку своихъ запашекъ и выжимаетъ изъ нихъ весь сокъ.

Въ гостиной, гдѣ были уже зажжены электрическія лампочки, княгиня въ углу, подъ растеніями, принимала въ свѣтломъ туалетѣ, только-что полученномъ отъ Лаферьера. По правую руку сидѣлъ Шестковъ, по лѣвую—вдова Мирковичъ, худая, съ сѣдѣющими ко̀ками, въ черномъ, съ лорнетомъ на золотой цѣпочкѣ и сильнымъ запахомъ духовъ, отзывающихъ мускусомъ.

— Ah! Monsieur Jean! Васъ ли я вижу?

Такъ его встрѣтила княгиня и, не поднимаясь съ мѣста, протянула руку, которую онъ долженъ былъ поцѣловать.

Вдовѣ онъ пожалъ руку; также и Шесткову.

— Мы, какъ разъ, говорили о васъ, Иванъ Степановичъ, —начала госпожа Мирковичъ. — Вотъ и Константинъ Леонтьевичъ—она указала рукой на Шесткова—сообщилъ слухъ о томъ, что вы затѣваете цѣлую агрономическую школу, тамъ, у насъ...

— А вы отъ кого это слышали? — спросилъ Бабичевъ Шесткова.

Тотъ весь покачнулся на креслѣ и пустилъ свой жирный смѣхъ, особенно противный Бабичеву.

— Слухомъ земля полнится, многоуважаемый Иванъ Степановичъ!..

— Это правда?—спросила княгиня съ усмѣшкой глазъ.

— Это еще проектъ, княгиня.

— И, кажется, это будетъ на землѣ вашего брата?

На вопросъ госпожи Мирковичъ—Бабичевъ только пожалъ плечами.

— И его вы обратили въ свою вѣру?—окликнула княгиня.

— Идея... архивеликодушная!—заговорилъ Шестковъ.—Вѣроятно, и капиталъ пожертвуете на поддержаніе школы?

— Вамъ хорошо говорить, m-r Шестковъ,—возразила вдова; —но въ нашей округѣ, если даже крестьянскія дѣвки будутъ учеными агрономами, тогда намъ хоть по міру иди!

— Почему же?—остановилъ Бабичевъ.

— Тогда онѣ научатся съ одной десятины получать самъ-десять и самъ-пятнадцать, и ихъ отцовъ, мужей и возлюбленныхъ уже не заманишь никакимъ жалованьемъ.

— Да, вотъ что!

Бабичевъ былъ доволенъ, что „баба-жохъ“ не выдержала, и ея барышничество сказалось съ полной ясностью.

Онъ почувствовалъ въ эту минуту, какъ его терпѣть не могутъ не только такой „націоналистъ“, какъ Шестковъ, но и такая лже-благодѣтельница меньшей братіи, да и такая — по старинному говоря—„львица“, какъ княгиня.

Поддайся онъ на ея заигрыванья, она съумѣла бы сдѣлаться его возлюбленной, придерживая своего Бориса на томъ же любовномъ градусѣ; но онъ ей долженъ быть ненавистенъ, и она сдѣлаетъ все, что нужно, чтобы отвести своего мужа отъ вліянія такого человѣка, какъ онъ.

Навѣрное, она, въ этой же гостиной, когда ее спрашиваютъ, какъ на него смотрятъ въ Москвѣ и Петербургѣ, отвѣчаетъ съ конца губъ:

— Il est très mal vu, le pauvre garçon!

Ему сдѣлалось вдругъ такъ скверно, что онъ дорого бы далъ, еслибы кто-нибудь вошелъ, и можно было перемѣнить разговоръ и благовидно удалиться.

И, какъ разъ, показался тотъ лакей, что стоялъ въ залѣ, съ маленькимъ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежала депеша.

— Его сіятельству!—доложилъ онъ ей вполголоса, наклонившись немного впередъ.

Княгиня взяла депешу и кивнула ему головой.

По игрѣ лица видно было, что ей ужасно хочется вскрыть депешу.

— Можетъ быть, что-нибудь спѣшное?—подсказалъ Шестковъ, поднимаясь съ мѣста.

— Не знаю. Я по этой части педантка.

„И ты врешь,—подумалъ Бабичевъ:—если нужно, ты вскроешь и письмо".

— Можетъ быть, что-нибудь неожиданное,—подсказала и гостья.—Тогда лучше предупредить.

— Ну, все равно!

Княгиня быстро надорвала депешу и такъ же быстро пробѣжала глазами нѣсколько строкъ.

— Ничего непріятнаго?—спросила въ полголоса гостья.

— О, нѣтъ!

Щеки ея сразу порозовѣли.

— Съ чѣмъ-нибудь поздравить прикажете?—окликнулъ Шестковъ.

— Если хотите...

Она, держа въ рукѣ листокъ депеши, сказала болѣе въ сторону Бабичева:

— Иванъ Степановичъ поздравлять врядъ ли будетъ.

— Кого, княгиня?

— Бориса... а черезъ него и меня.

— Награда?—почти въ одинъ голосъ спросили Шестковъ и вдова.

— Нашъ другъ... изъ Петербурга... извѣщаетъ, что на-дняхъ Борисъ будетъ...

И она назвала то званіе, которое онъ долженъ получить.

И вдова, и Шестковъ, зааплодировали.

Бабичевъ оставался все въ той же позѣ.

— Вы, должно быть, рады за вашего пріятеля?—спросила его госпожа Мирковичъ.

— У многоуважаемаго Ивана Степановича на все есть свое мѣрило. То, что̀ другіе почитаютъ за большую честь, — то для него такъ... побрякушка.

На эту тираду Шесткова Бабичевъ ничего не отвѣтилъ и, обратившись къ княгинѣ, сказалъ:

— Вы, княгиня, должны быть особенно рады.

— Да, я рада!—сдержанно отвѣтила она, и ея взглядъ добавилъ: „Мой мужъ тоже... А до твоихъ взглядовъ, мой милый другъ, мнѣ—дѣла нѣтъ".

— Да вотъ и самъ князь! — крикнулъ Шестковъ и подбѣжалъ къ двери.—Это его шаги.

Въ портьерѣ показался князь, какъ и тогда, въ Москвѣ, въ вицъ-мундирѣ, только безъ бѣлаго галстуха.

— Угадайте, съ чѣмъ мы сейчасъ поздравляли княгиню?—встрѣтилъ его Шестковъ.

— Право, не знаю.

Бабичевъ также поднялся. Князь пожалъ ему руку и спросилъ шутливо:

— Объясни мнѣ, голубчикъ, въ чемъ дѣло.

— Прочти!

Княгиня протянула ему депешу.

Онъ тоже слегка покраснѣлъ.

— Что-жъ? Надо поздравлять тебя?—сказалъ ему Бабичевъ.

— Но это, мой другъ, только слухъ. Онъ можетъ оказаться и уткой.

— Съ какой стати, Борисъ? — вскричала княгиня. — Ты знаешь, что тотъ, кто это телеграфировалъ, вздорнаго ничего не сообщитъ.

Князь все стоялъ съ депешей въ рукахъ, какъ будто немного конфузясь. — „Меня онъ стѣсняется?“ — спросилъ про себя Бабичевъ.

— Хочешь чаю, Борисъ?

— Я выпью съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ князь женѣ, сѣлъ и сейчасъ же торопливо закурилъ.

— Еще разъ отъ души поздравляю васъ, князь.

Вдова Мирковичъ потрясла свободную руку князя и хотѣла, кажется, обнять княгиню.

Та протянула ей руку и пошла проводить до двери.

Шестковъ, нагнувшись къ князю, положилъ ему руку на плечо и, подмигивая однимъ глазомъ, говорилъ:

— Теперь вотъ на слѣдующихъ выборахъ мы вамъ поднесемъ бѣленькихъ на тарелкѣ.

— Полноте, Константинъ Леонтьевичъ! И пожалуйста не распространяйте этого.

— Все равно. Слухомъ земля полнится.—Онъ кивнулъ головой на дверь. — Одна наша милѣйшая Клавдія Игнатьевна раззвонитъ съ особымъ удовольствіемъ.

И, обернувшись въ сторону Бабичева, онъ прибавилъ:

— Вотъ вашъ другъ... многоуважаемый Иванъ Степановичъ... какъ самый корректный человѣкъ въ городѣ, до поры, до времени, никому ничего не разскажетъ. А за симъ имѣю честь кланяться. Пора и честь знать. Я здѣсь съ четырехъ часовъ торчу.

Онъ потрепалъ князя по плечу, чмокнулъ, на ходу, у возвратившейся, въ эту минуту, княгини руку и, сдѣлавъ всѣмъ ручкой, выкатился изъ гостиной.

Присутствіе этого представителя „русскихъ началъ“ дѣлало для Бабичева еще тяжелѣе то, что онъ теперь переживалъ.

А случилось то, что весьма возможно было ожидать. И болѣе, чѣмъ вѣроятно, что княгиня Марія Ѳедоровна сама отъ себя дѣйствовала въ Петербургѣ черезъ свою родню.

Вѣдь она говорила же, въ такомъ именно духѣ, въ Москвѣ, въ томъ же старомъ особнякѣ, въ приходѣ Успенья-на-Могильцахъ, послѣ чего онъ съ ней не видался.

Она молча подошла къ мужу, нагнулась и поцѣловала его въ маковку.

Князь взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

Эта сцена супружеской нѣжности въ другое время ничего бы въ немъ не вызвала неловкаго; а тутъ онъ почувствовалъ, что дѣлается чужимъ въ ихъ гостиной.

— Jean, голубчикъ... что же ты все тамъ сидишь неподвижно? —заговорилъ князь.—Придвинься, выпей со мной чаю. Marie, а ты и не предложила ему?

— Онъ только недавно вошелъ. У меня вообще нѣтъ особыхъ талантовъ дѣлать его менѣе торжественнымъ, plus dégommé... —прибавила она и, поведя головой, вернулась на свое мѣсто.

„Не лучше ли и мнѣ сейчасъ же удалиться?“—подумалъ Бабичевъ.

Но это показалось ему слишкомъ малодушнымъ.

Одно онъ уже ясно видѣлъ: князь черезъ годъ будетъ „губернскимъ“, и его жена обработаетъ его гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ даже предполагаетъ.

Протянулось довольно многозначительное молчаніе.

— Ce cher Бабичевъ,—начала первая княгиня,—a l'air tout chose.

Въ ея тонѣ зазвучали уже новыя ноты.

Слова: „ce cher Бабичевъ“—были произнесены такъ, какъ она прежде не произнесла бы ихъ.

Ей уже представилась въ перспективѣ картина того, какъ на ней „кокошникъ“ и какъ ея Борисъ весь блещетъ отъ золотого шитья.

— Не хочешь, милый, рюмку ликеру?—какъ-то по дѣтски предложилъ князь.

Бабичевъ, въ первый разъ, подумалъ: „Да вѣдь онъ у меня... пороху не выдумаетъ“.

Неужели только добродушіемъ, манерами, пріятнымъ тономъ и покладливостью этотъ представитель „жантильомовъ“ могъ возбуждать въ немъ серьезныя надежды, что изъ него выйдетъ стойкій и убѣжденный земецъ?

И взъерошенные волосы и нервныя брови Руженцова выплыли

передъ нимъ, точно дразнили, а задорный ротъ съ нечистыми зубами спрашивалъ на своемъ жаргонѣ:

„Что, братецъ! Хоровое-то начало должно быть не фитю́лито?“

— Merci... мнѣ пора.

— Куда же ты... бѣжишь? Это странно, право.

— Онъ не желаетъ хитрить,—отозвалась княгиня съ своего мѣста,—а поздравлять тебя не можетъ... да и не желаетъ.

— Но съ чѣмъ же поздравлять? Право... это все такъ преждевременно...

— Tout de même!

Она положила ногу на ногу и носокъ мелькалъ изъ-подъ края юбки. Да и въ голосѣ ея уже слышалась нервная вибрація.

— Ну, что жъ объ этомъ!

Князь пожалъ плечами и завозился въ креслѣ. Ему было очень не по себѣ.

— Согласись самъ, милый,—онъ повернулся лицомъ къ Бабичеву,—еслибъ это даже и состоялось,—не могу же я протестовать... enfin faire un esclandre?

— Il ne manquerait plus que cela!

Княгиня рѣзко повела головой.

— Не знаю, изъ-за чего ты волнуешься,—тихо выговорилъ Бабичевъ и взялся за свою мѣховую шапку, лежавшую рядомъ на столѣ.

— Однако, Бабичевъ,—заговорила княгиня горячѣе,—вы, въ эту минуту, даете понять Борису, что разъ онъ получитъ это званіе, онъ въ вашихъ глазахъ перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ вы его до тѣхъ поръ считали.

— Мэри... позволь...

Князь почти испуганно посмотрѣлъ сначала на нее, потомъ на Бабичева.

Онъ цѣнилъ его дружбу и, въ эту минуту, рѣшительно не зналъ, какого держаться тона и что̀ сказать, такого, что̀ сразу успокоило бы его пріятеля.

— Il n'y a pas de „mais“, mon cher!—уже рѣзче откликнулась княгиня.—Иванъ Степановичъ — выговорила она почти съ ироніей—славится своей правдивостью и смѣлостью. Зачѣмъ же не высказаться прямо?..

— Въ чемъ, княгиня?—уже гораздо суше остановилъ ее Бабичевъ.

— Полноте! Зачѣмъ эти экивоки? Я буду говорить не за

Бориса, а за себя, какъ его жена. Онъ останется такимъ же, какимъ былъ. То, что ему дадутъ... on lui devait cela... Я вамъ это говорила еще въ Москвѣ.

— Говорили, Марья Өедоровна,—также съ новымъ оттѣнкомъ выговорилъ Бабичевъ.

— Quoi alors? Что мой мужъ не будетъ считаться краснымъ?.. Да? Что ему надо будетъ держаться извѣстныхъ традицій? Тѣмъ лучше!

— Тѣмъ лучше,—повторилъ Бабичевъ.

Онъ всталъ, съ шапкой въ рукахъ, подошелъ къ князю, протянулъ ему руку и сказалъ:

— У тебя своя голова на плечахъ, Борисъ. Но не дурно иногда вспомнить поговорку, которую Толстой взялъ для „Власти тьмы“.

— Какую это?—спросилъ князь.

— Коготокъ завязишь, и вся нога — въ капканѣ; а то и весь туда уйдешь. Это моя перифраза... До свиданія, княгиня.

Онъ поклонился ей, съ мѣста, гдѣ сидѣлъ, и вышелъ.

X.

Петру Степановичу, въ первый же вечеръ, когда онъ производилъ свою прогулку по безлюднымъ улицамъ, уже представился вопросъ:

„А долго ли я здѣсь выживу“?

Онъ, дорогой, не прочь былъ сдѣлать опытъ работы именно здѣсь, куда его ничто, кромѣ брата, не тянуло, гдѣ онъ могъ себя чувствовать въ родѣ какъ среди какихъ-нибудь туземцевъ.

Дни текли бы медленно, но незамѣтно, и Jean былъ бы доволенъ.

Сдѣлать что-нибудь пріятное старшему брату для него— всегда привлекательно. И еслибъ была его воля, онъ увезъ бы его подальше, и зажили бы они той „высшей“ жизнью, которая для него только и придаетъ смыслъ „земной юдоли“.

„За-граница“ совсѣмъ не притягиваетъ его, какъ вѣроятно всѣ здѣсь думаютъ, въ томъ числѣ и братъ его.

Онъ готовъ бы былъ проводить, пожалуй, хоть двѣ трети года, въ деревнѣ, вдвоемъ.

Но вѣдь „Иванъ Степановичъ“—такъ онъ называлъ иногда брата про себя—и тамъ продолжалъ бы свою службу землѣ, возился бы еще больше и съ мужиками, и со школами, и съ фельдшерицами, и съ врачами.

Въ первые дни по пріѣздѣ сюда, онъ у себя на верху сидѣлъ съ нотной бумагой. Jean приготовилъ ему и піанино. Но онъ ничего не наигрывалъ прежде, чѣмъ братъ не уѣдетъ въ должность; а это не бывало раньше двѣнадцати.

Потомъ—просторъ и тишина и пользованіе обширнымъ кабинетомъ hall, гдѣ такъ много свѣта и такъ могло бы „вкусно" писаться.

Но ничего что-то не выходило.

Вотъ и сегодня, онъ сидитъ еще у себя, на верху — братъ уѣхалъ—передъ нимъ большая тетрадь нотной бумаги. Піанино раскрыто.

Рука съ перомъ лежитъ на бумагѣ. Взглядъ блуждаетъ. Изъ-за слегка затуманенныхъ стеколъ видна крыша сосѣдняго дома, вся покрытая снѣгомъ.

Идея сцены давно пришла, еще за границей, она даже записана, но развитія нѣтъ. Не играетъ голова и внутри нѣтъ того особаго ощущенія, когда въ груди начнетъ какъ бы слегка распирать и по головѣ пойдутъ мурашки.

Онъ понимаетъ—почему.

Одиночества нѣтъ, того настоящаго одиночества, когда вы наслаждаетесь полной свободой духа.

Онъ точно въ сѣткѣ съ мелкими петлями. Она не давитъ васъ, а мѣшаетъ двигаться. Каждый день около него—братъ, разговоры съ нимъ, визиты, опять разговоры, ѣда, обѣды, ужины, и въ головѣ непремѣнно что-нибудь вчерашнее.

И все—такъ чуждо и... для него низменно. Онъ почти съ ужасомъ спрашиваетъ себя: неужели и его судьба могла бы заставить проживать здѣсь, вотъ въ этомъ городѣ, цѣлыя зимы, годы, всю жизнь?

Деревня, глушь, даже ссылка, изба—такъ не страшили бы его, какъ эта яко-бы культурная провинція.

Такихъ, какъ его братъ Иванъ—два-три человѣка во всей губерніи. Но въ городѣ все, что онъ знаетъ—всѣ помѣщики, судейскіе, инженеры, чиновники при губернаторѣ, разные другіе „чинуши"—все это—на его оцѣнку—было нѣчто обреченное на самое безсмысленное и пошлое отсчитываніе дней. Служба, волокитство, ѣда, сплетня, мелкая интрига, сальные анекдоты и карты, карты, карты до лютости! У тѣхъ, кто считаетъ себя высшихъ слоевъ—шампанское „Cristal", у остальной братіи—водка, пиво и русскія виноградныя вина.

Есть, кажется, нѣсколько десятковъ живущихъ здѣсь „не по своей волѣ". Они его никогда не интересовали. Можетъ быть,

между ними найдутся умные, начитанные и даже даровитые. Но онъ напередъ знаетъ—что ихъ волнуетъ, о чемъ они говорятъ на своихъ вечеринкахъ, какія читаютъ книжки, что признаютъ верхомъ интеллигенціи.

За границей онъ знавалъ болѣе „махровыхъ", и не могъ не только дружиться съ ними, но и въ чемъ-нибудь столковаться.

И этихъ подневольныхъ обывателей ему жаль. И они должны здѣсь глохнуть. Но ихъ поддерживаетъ сознаніе, что они—„соль земли", что они—страдальцы. Они должны находиться въ состояніи постояннаго раздраженія отъ здѣшнихъ „порядковъ"; они пишутъ корреспонденціи, они собираютъ матеріалы, они чего-то ждутъ и на что-то надѣятся.

Перо давно положено на столъ. Нотная тетрадь закрыта.

Онъ присѣлъ къ инструменту, взялъ нѣсколько аккордовъ и сталъ наигрывать мелодію.

Рисунокъ ея не поддавался обработкѣ, потому что внутри не было творческаго настроенія.

Питэръ захлопнулъ крышку и спустился внизъ. Его комната въ мезонинѣ—изъ-за этихъ потугъ работы—сдѣлалась ему почти антипатичной.

Внизу—въ кабинетѣ Ивана—онъ просматриваетъ газеты. И это—„кретинизирующее" занятіе. Когда ему пишется, онъ беретъ одну французскую и одну англійскую газету и пробѣгаетъ въ нихъ телеграммы, иногда передовую статью. На это идетъ полчаса.

А здѣсь онъ сталъ засиживаться за газетами. Братъ получаетъ ихъ чуть не дюжину, и въ томъ числѣ три-четыре русскихъ.

И этотъ видъ обывательской лѣни начинаетъ входить и въ него.

Онъ прошелся по кабинету нѣсколько разъ и, съ газетой въ рукахъ, присѣлъ не къ письменному бюро, а къ небольшому столику, гдѣ стояли разныя вещицы; обыкновенно лежала новая книжка журнала съ заложеннымъ въ нее ножемъ изъ слоновой кости.

Въ первый разъ онъ обратилъ вниманіе на плоскій футляръ изъ темной шагреневой кожи, изъ такихъ, которые служатъ складной рамкой для портрета.

Онъ взялъ его въ руки, отложивъ газету.

„Что это у меня за обывательское любопытство развивается!"—брезгливо подумалъ онъ.

Но пальцемъ правой руки надавивъ маленькую металлическую пуговицу, онъ поднялъ крышку.

Это дѣйствительно былъ портретъ—ея, Сулиной.

Не дальше, какъ вчера, когда они оба говорили объ Еленѣ Сергѣевнѣ, онъ разбиралъ ея натуру, не сразу поддающуюся анализу. Братъ слушалъ его съ замѣтнымъ возбужденіемъ и многое находилъ очень мѣткимъ.

Эта женщина сама себя не знаетъ, какъ большинство особъ „женскаго пола“—такъ онъ выразился. Ей самой кажется, что она способна на глубокіе аффекты; а въ ней дѣйствуютъ гораздо болѣе нервы и мозгъ. Она можетъ быть добра, способна на прекрасные порывы, и все-таки она—„сушка“.

Ивану это прозвище не особенно понравилось; но онъ тихо разсмѣался и сказалъ ему:

— Смотри, Питэръ, какъ бы она не втянула тебя въ интересъ къ ея женской личности?..

Фотографія была слегка ретушевана и смотрѣла скорѣе акварелью.

Сулина снята въ томъ платьѣ, въ какомъ она была у себя, въ первый вечеръ, проведенный у нея Питэромъ.

Ему не понравилась ея поза; но положеніе головы и полупрофиль дѣлали ее особенно обаятельной.

И онъ долго смотрѣлъ на портретъ, медленно сложилъ его и захлопнулъ верхнюю доску футляра...

Вотъ уже больше недѣли живетъ онъ здѣсь, видаетъ брата и „сушку“, чуть не каждый день, говоритъ о ней съ Иваномъ безпрестанно, и еслибъ его, какъ эксперта, спросили: есть ли между ними что-нибудь болѣе серьезное, чѣмъ „flirt“—онъ затруднился бы отвѣтить утвердительно.

Да и flirt врядъ ли такой, какой теперь за границей, въ свѣтѣ, бываетъ не только съ вдовами и съ замужними, а, сплошь и рядомъ, съ дѣвушками... особенно изъ тѣхъ, которыхъ уже вездѣ зовутъ „les demi-vierges“ послѣ извѣстнаго романа.

„Сушка!“—выговорилъ онъ шопотомъ и задумался.

И она обречена на такую же обывательскую жизнь, какъ и братъ его, если его что-нибудь особенное не выбьетъ изъ его теперешней колеи.

Красива, очень умненькая, съ душкомъ, съ разными протестами женщины, съ желаніемъ имѣть свое дѣло, приносить пользу.

— Et patati, et patata!—громче воскликнулъ онъ и опять заходилъ по комнатѣ.

Мысль его стала кружиться вокругъ двухъ этихъ существъ, близкихъ ему здѣсь—брата и „сушки“.

И чтеніе газетъ шло вяло.

Ему даже стало досадно, что онъ такъ много думаетъ о братѣ и этой „интересной феминисткѣ“,— какъ онъ, про себя, называлъ ее.

Брата онъ любитъ, жалѣетъ его; но увезти его отсюда онъ не можетъ. Да еслибъ и могъ—Иванъ Степановичъ и за границей непремѣнно найдетъ себѣ какое-нибудь „дѣло“—въ его духѣ.

Еще, пожалуй, пустился бы въ публицистику, сталъ бы печатать брошюры и книжки... такія, послѣ которыхъ,—или ему затрудненъ былъ бы возвратъ на родину, или онъ, по возвращеніи, на чемъ-нибудь поймался бы.

Такъ же точно и эта „сушка“.

Интересуетъ она его сама по себѣ, или потому, что можетъ очутиться женой брата?

Она—противъ брака. Но вѣдь это такъ только говорится, на первыхъ порахъ, послѣ неудачной супружеской экспертизы.

Или какъ возлюбленная брата?

Этотъ вопросъ вызвалъ въ немъ что-то въ родѣ не совсѣмъ пріятнаго щекотанья. „Это ихъ дѣло!“ —почти вслухъ выговорилъ онъ.

Но,—какъ онъ ни досадовалъ, а все не могъ отрѣшиться отъ мысли о нихъ обоихъ.

Работу рѣшительно „заколодило“.

Это выраженіе осталось у него еще изъ его гимназическихъ годовъ. Одинъ изъ его товарищей постоянно говорилъ это при рѣшеніи трудныхъ алгебраическихъ задачъ, когда ничего не выходитъ, а въ головѣ—упорная пустота.

Онъ поднялся къ себѣ наверхъ, одѣлся и пошелъ гулять.

Дѣланіе визитовъ уже тяготило его; не желая огорчать брата, онъ былъ у нѣсколькихъ господъ изъ его „партіи“, какъ здѣсь называютъ. Надо было сдѣлать визитъ и начальнику губерніи.

Отъ неизбѣжныхъ приглашеній на обѣды уйти также нельзя; но пока еще это не превращается въ казенную барщину.

Совершенно незамѣтно прошелъ онъ на ту небольшую площадку, гдѣ стоитъ всегда нѣсколько извозчичьихъ саней и откуда спускъ къ городскому саду.

Это уже въ двухъ шагахъ отъ поворота въ улицу, гдѣ живетъ „сушка“.

Почему-то его потянуло туда.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что она—дома; дѣлать визиты она не любитъ и вообще не очень показывается въ здѣшній „мондъ“, находя, что званіе „разводки“ подаетъ поводъ къ разнымъ ненужнымъ сѣтованіямъ или безтактностямъ.

И если она дома, то врядъ ли у нея сидитъ какая-нибудь барыня. „Журфиксовъ“ у нея нѣтъ. Она пріѣхала всего на одинъ мѣсяцъ, и, разумѣется, ея „объектъ“—это братъ его, хотя онъ не думаетъ, что *ее* влечетъ къ нему совершенно такъ же, какъ *его* къ ней.

Сейчасъ будетъ переулокъ и второй домъ направо — это тотъ общедворянскій особнякъ, гдѣ живетъ Елена Сергѣевна.

Онъ уже безъ всякихъ колебаній остановился у подъѣзда, поднялся на крылечко и позвонилъ.

Отворила горничная и тотчасъ извинилась, сказавъ, что лакей „на минутку отлучился“.

Питэръ уже видѣлъ ее разъ, вечеромъ, когда она что-то принесла барынѣ.

Елена Серѣевна водитъ ее въ черномъ платьѣ, съ большимъ мужскимъ фартукомъ, какъ въ нѣкоторыхъ кафе за границей.

— Барыня у себя?—ласково спросилъ онъ ее.

— Пожалуйте... вашъ братецъ здѣсь.

— Вотъ что,—промолвилъ Питэръ и вслѣдъ затѣмъ подумалъ: „что-то раненько забрался“.

Не было четырехъ. Солнце еще не садилось.

— Пожалуйте. Я докладывать не стану.

Тонъ у нея былъ такой, что, молъ, вы оба—первые пріятели Елены Сергѣевны.

Но Питэръ чего-то какъ бы опасался. Онъ, однако, не сказалъ горничной, чтобы она все-таки пошла доложить. Проходя залой, онъ умышленно задѣлъ за ручку кресла.

— Это вы, Даша?—донесся голосъ Елены Сергѣевны.

И вслѣдъ зстѣмъ она сама показалась въ портьерѣ.

— Monsieur Pierre!—тихо вскрикнула она.—Какъ это кстати! Здѣсь вашъ братъ.

Когда онъ нагнулся поцѣловать ея руку, она ему сказала:

— Братъ вашъ очень взволнованъ. Подите... пристыдите его.

Она ввела его въ угловую, гдѣ было такъ уютно сидѣть по вечерамъ.

Иванъ всталъ, въ эту минуту, и повернулся къ двери.

— А! Питэръ!

Возгласъ былъ неопредѣленный.

Лицо у Ивана—блѣднѣе обыкновеннаго. Даже прядь волнистыхъ волосъ на лбу не на своемъ обычномъ мѣстѣ. Такимъ Питэръ еще не видалъ его ни въ этотъ пріѣздъ, ни раньше.

— Садитесь, садитесь!—пригласила хозяйка.

На диванчикѣ, около того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидитъ — на половину перегнутый и довольно уже смятый листокъ какой-то газеты.

— Что такое, а?—спросилъ Питэръ, садясь противъ нея на низкомъ креслецѣ.

Братъ его не садился, а напротивъ, отошелъ къ окну.

— Вы не читали сегодня?—спросила Сулина и взялась рукой за листокъ.

Она назвала заглавіе газеты.

— Кажется, Jean такой газеты не получаетъ,—отвѣтилъ Питэръ.

— Еще бы!

Глаза у нея заискрились и на щекахъ выступили даже два пятна.

— Какъ же вы хотите его успокоивать,—шутливо началъ Питэръ,—а сами какъ взволновались! Я еще васъ такой не видалъ.

— Да это гадость! Но я сейчасъ говорила вашему брату, что онъ долженъ непремѣнно отвѣчать.

— Чего братъ твой дѣлать не хочетъ!—отозвался съ своего мѣста Иванъ.

— И вы меня выбираете суперарбитромъ?—въ томъ же тонѣ выговорилъ Питэръ.

— Вотъ, прослушайте!

— Елена Сергѣевна! Зачѣмъ?..

Иванъ подошелъ къ дивану и протянулъ руку просительнымъ жестомъ.

— Позвольте... Отъ слушанія начала я васъ избавлю,—продолжала такъ же возбужденно Елена Сергѣевна.—Но вотъ съ этого мѣста.

И она стала читать отрывисто, съ трудомъ сдерживая свое волненіе.

— Позвольте...—прервалъ чтеніе Питэръ. — Jean! Вникни ты въ глубину женской логики...

— Ну, что еще?—воскликнула Сулина.

— Да какъ же! Вы звали меня успокоивать брата. Но кто же въ этомъ больше нуждается: онъ или вы? Если онъ и волнуется, то не такъ, какъ вы, и категорически заявляетъ, что онъ на это отвѣчать не станетъ.

— Да вы дослушайте!—нервно крикнула она.

— Извольте.

Статья была — корреспонденція изъ ихъ города. Въ ней о братѣ его говорилось въ тонѣ сторонниковъ „охранительнаго" лагеря, какъ о главномъ виновникѣ той „подпольной" работы, которая ведется съ тѣхъ поръ, какъ „нашъ доморощенный Гамбетта" сталъ играть роль вожака.

И затѣмъ шли какіе-то намеки, которыхъ и сама Елена Сергѣевна не понимала.

Не пожелалъ объяснять ихъ и старшій Бабичевъ.

— И это несомнѣнно принадлежитъ перу этого отвратительнаго Шесткова!—вскричала Сулина.

— Пускай!—отозвался Иванъ.

Онъ уже вполнѣ овладѣлъ собою.

— Развѣ можно это оставить безъ отвѣта?

Вопросъ былъ обращенъ скорѣе къ младшему брату.

— И весьма!

— Такой гнусный пасквиль!

— Въ немъ нѣтъ никакихъ фактовъ,—началъ Иванъ сдержанно, но съ замѣтной нервностью. — Ничего, въ чемъ нужно было бы оправдываться. Да еслибы и было что-нибудь, то и тогда я не сталъ бы отвѣчать на анонимную статью въ такомъ доблестномъ органѣ.

— И всѣ ваши извѣстнаго рода друзья, — возразила Елена Сергѣевна съ той же живостью,—подхватятъ эту гадость!

— Что же изъ этого?—остановилъ ее Питэръ.

— Ахъ, полноте... вы, monsieur Pierre, витаете... тамъ, въ высшихъ сферахъ, вы не знаете, что̀ такое нести общественную службу здѣсь, у насъ!..

— Не знаю, да и не желаю знать, милая Елена Сергѣевна. И вотъ, въ присутствіи вашемъ говорю, что еслибы брату поскорѣе набила оскомину вся эта возня съ обывателями—отъ мужиковъ до самыхъ культурныхъ экземпляровъ всей губерніи, да и всего отечества—я былъ бы въ восхищеніи!

— Въ самомъ дѣлѣ, Питэръ? — спросилъ Бабичевъ, присаживаясь къ нему и кладя ему руку на плечо.

Онъ сказалъ это тихо и съ усмѣшкой.

Елена Сергѣевна приложила обѣ ладони къ щекамъ и полузакрыла глаза.

— Не знаю,—начала она другимъ тономъ,—вы, можетъ быть, и правы, Jean...

Она первый разъ назвала такъ старшаго Бабичева, при его братѣ.

— И развѣ это какой-нибудь сюрпризъ?—спросилъ Иванъ.—Было и прежде... только не въ такой... гадкой формѣ. Ты, Питэръ, не можешь взять въ серьёзъ все то, въ чемъ мы тутъ барахтаемся; но я вѣрю, милый, что ты былъ бы несказанно радъ вырвать меня отсюда...

— О, да!—воскликнулъ Питэръ.

— Никуда не уйдешь отъ жизни, — медленно выговорила Елена Сергѣевна и, когда отняла ладони отъ щекъ, привѣтливо взглянула на Питэра.

Этотъ взглядъ замѣтилъ старшій братъ.

— Вотъ Питэръ съумѣлъ создать себѣ свою жизнь изъ идей, образовъ и звуковъ.

— Хорошо уходить въ этотъ заколдованный міръ, пока творишь,—подумала она вслухъ.—А когда явится на свѣтъ то, что высиживалось годами, и поползутъ отовсюду скорпіоны... зависть, мелкая злоба и—что̀ того хуже—непониманіе и зубоскальство... Вѣдь такъ, monsieur Pierre?

— Такъ, — подтвердилъ Питэръ и сдѣлалъ жестъ правой рукой.—Но это все шлакъ.

— Шлакъ?—вопросительно повторила Сулина.

— Шлакъ жизни! Нашъ Пушкинъ любилъ повторять: „пишу для славы, для друзей“. Даже и это слишкомъ. Пишу для себя,—выговорилъ онъ замедленнымъ ритмомъ,—потому что есть замыслы, и они просятся наружу.

О томъ, что онъ серьезно работаетъ, какъ музыкантъ, она слышала отъ Ивана. Но самъ Питэръ еще ни разу не говорилъ съ нею о своихъ „замыслахъ“ и не вводилъ ее въ свой внутренній міръ образовъ и звуковъ, и не высказывалъ того, что̀ его братъ любитъ называть „святая святыхъ“.

Въ томъ, какъ онъ сейчасъ заговорилъ, она заслышала искреннія ноты, и ей стало немного завидно.

Она взглянула на старшаго брата, и ей сдѣлалось его жаль, немного въ томъ же родѣ, какъ и Питэръ жалѣлъ его.

Онъ кладетъ всю свою душу на „общее дѣло“—и кромѣ осѣчекъ, подвоховъ и разочарованій ничего не получитъ въ концѣ концовъ. Хорошо еще, если не пострадаетъ гораздо серьезнѣе.

И о себѣ она подумала въ такомъ же духѣ. Хорошо еще, что она женщина и, что ея затѣи не выходятъ изъ предѣловъ частнаго „почина“. Да и то!

— Скажите, monsieur Pierre,—она протянула руку въ его сторону,—вѣдь въ музыкѣ, когда ею овладѣешь... вполнѣ...

— О! до этого еще далеко!

— Ну, да... Но когда свои мечты... идеи... Простите—у меня нѣтъ краснорѣчія вашего брата Ивана Степановича... но вы оба меня понимаете, въ эту минуту.

— Вы совершенно точно выражаете вашу мысль,—ласково откликнулся Питэръ.

— Да, когда ваши идеи просятся вылиться въ звуки,—тутъ завидно то, что вы не нуждаетесь ни въ чемъ такомъ... вотъ видите, я и запуталась.

— Вовсе нѣтъ, Елена Сергѣевна, — одобряюще замѣтилъ старшій братъ.

— Вы хотите сказать,—продолжалъ за нее Питэръ и, прикрывъ глаза своими густыми рѣсницами, сталъ говорить, подавшись назадъ; онъ взялся обѣими руками за правое колѣно и слегка покачивался.—Да! Музыка—какъ бы внѣ времени и пространства, хотя она и немыслима безъ ритма; а ритмъ есть дѣленіе времени. Она выше всякихъ ограниченій, разницы языка, быта, условій, направленій, пользы! Особенно этой ужасной пользы! Если даже у васъ и нѣтъ настоящаго таланта, но вы овладѣли формой, вы все-таки способны чуять возможность чего-то, что̀ подниметъ васъ — не сегодня-завтра — надъ мизерной жизнью, надъ унизительной борьбой съ природой и съ себѣ подобными.

— Завидно!

У нея вырвался тихій вздохъ.

— Это блаженныя минуты; но онѣ не дѣлаютъ жизни,— въ полголоса вымолвилъ Иванъ.

— Дѣлать жизнь! Оставь, my dear fellow! Не повторяй ты этой педантской формулы. Ничего не надо дѣлать... такого, что̀ съумѣютъ выполнить другіе... сотни, тысячи, милліоны другихъ. И вся ихъ суетня, изъ вѣка въ вѣкъ, будетъ только выполненіемъ того, что̀ называется закономъ развитія.

Питэръ быстро взглянулъ на брата.

— Jean, для тебя это ересь, безумное дилеттантство... пожалуй то, что̀ психіатры называютъ moral insanity... Но вѣдь я отвѣчаю только на то, съ чѣмъ ко мнѣ обратилась Елена Сергѣевна... я показываю уголокъ того, что̀ можно испытывать въ тѣхъ сферахъ, гдѣ—онъ засмѣялся — нѣтъ ни земской управы, ни милашекъ въ родѣ господина Шесткова.

— Да! Да! Это завидно!—промолвила Сулина и опустила голову.

И тутъ впервые Иванъ зачуялъ въ ней нѣчто такое, чего не замѣчалъ до пріѣзда его брата.

Онъ ничего не сталъ возражать и, какъ бы стѣсняясь, взглянулъ на ея лицо...

XI.

У себя, наверху, Питэръ сидѣлъ за столикомъ—еще изъ его юношескихъ лѣтъ—и при свѣтѣ двухъ свѣчей подъ абажурами доканчивалъ письмо одному заграничному пріятелю.

Переписка была у него небольшая; но двумъ-тремъ лицамъ, въ томъ числѣ одной женщинѣ, онъ писалъ всегда много за-разъ и только чисто-интимныя вещи — о своихъ идеяхъ, вопросахъ, настроеніяхъ, книгахъ, о томъ, что̀ прочелъ, какъ ему работается, отвѣчая на такія же темы друзей.

Сегодня ему съ утра нездоровилось. Онъ сидитъ дома. Братъ звалъ его обѣдать въ клубъ; но онъ отказался, и они будутъ обѣдать дома, чему онъ радъ.

Вотъ сейчасъ онъ поставилъ въ письмѣ вопросъ: „долго ли я останусь здѣсь?“—письмо было къ одному французу-писателю—и затруднился, что̀ отвѣтить самому себѣ.

Дѣловыхъ задержекъ нѣтъ никакихъ. То, что̀ братъ его желалъ имѣть отъ него—все улажено. Онъ отдалъ свою пустошь на ихъ общую „затѣю“—учрежденіе сельско-хозяйственной школы для крестьянокъ, съ запашкой и образцовой фермой. Своихъ особенныхъ дѣлъ у него нѣтъ. Арендныя деньги далеко не всѣ еще получены; но онъ къ этому привыкъ.

Ему жаль было бы „бѣжать“ отъ брата Ивана именно теперь. Его популярность—все та же, но и каверзы его недоброжелателей все ростутъ. Пасквильная корреспонденція въ охранительной газетѣ придала храбрости такимъ господамъ, какъ его принципіальный врагъ Шестковъ.

Братъ никому не разсказывалъ про ихъ школу и ферму, кромѣ Сулиной и, можетъ быть, кого-нибудь изъ самыхъ преданныхъ ему земцевъ; но это разнеслось, и не дальше, какъ вчера, появилась въ мѣстномъ листкѣ замѣтка, въ видѣ слуха, именно объ этомъ, въ какомъ-то двойственномъ духѣ.

И брата это опять огорчило.

Его главный „другъ“—Елена Сергѣевна какъ-то умѣетъ хорошо на него вліять, въ такихъ вотъ случаяхъ. Въ ней самой нѣтъ того высшаго спокойствія, которое нужно имѣть ея другу. Она за него если не тщеславна, то слишкомъ самолюбива, мо-

жетъ посовѣтовать, какъ тогда, прямо нѣчто ниже его достоинства. Для нея онъ, прежде всего, „вожакъ“ той мѣстной партіи, гдѣ она сама хочетъ играть роль.

Не такую женскую душу ему надо.

Сама по себѣ, эта „сушка“ интересна. Ею стòитъ заняться, во многомъ: не пересоздать—этого нельзя съ женщиной!—но иначе направить.

О знакомствѣ съ нею онъ говоритъ уже во второмъ письмѣ за границу, и когда онъ сейчасъ перечиталъ, молча, то, чтò написалъ о Сулиной, то немного даже смутился.

Выходитъ, какъ будто она его немного „захлестнула“ — выраженіе изъ литературнаго жаргона, которое онъ употребляетъ, говоря о томъ, чтò другіе называютъ по-французски „une toquade“.

Признаться въ этомъ онъ не хотѣлъ бы себѣ, по многимъ причинамъ и прежде всего потому, что онъ не желалъ бы ничего такого, чтò осложнило бы его ясное, прочное, чистое и, по своему, нѣжное чувство къ старшему брату.

И выходило, что какъ ему ни жаль Ивана, а заживаться здѣсь—не слѣдуетъ уже помимо того, что его работу „заколодило“, и дни тянутся самые „обывательскіе“.

Когда онъ доканчивалъ письмо, ему показалось, что внизу позвонили не одинъ разъ. Это могъ вернуться братъ...

Вѣроятно, это почтальонъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Настроенный письмомъ, онъ желалъ бы приласкать брата, излиться ему насчетъ его самого, не давая ему совѣтовъ, но оцѣнивая его жизнь по-своему.

Выспрашивать его о чувствѣ къ Сулиной — онъ и на прощанье не рѣшился бы. Сказать ему: „смотри, не поймайся, та ли это женщина, какую тебѣ надо?“—онъ не затруднился бы раньше; но теперь въ немъ сидитъ какая-то задержка.

Его все-таки потянуло внизъ. Черезъ полчаса они сядутъ за столъ. Гостей никого не будетъ. Они могутъ провести весь вечеръ вдвоемъ или хоть часть его, если у брата опять какое-нибудь засѣданіе.

Питэръ спустился внизъ, по узкой лѣстницѣ, какъ всегда очень молодо и легко.

Ему попался мальчикъ, на площадкѣ.

— Иванъ Степановичъ одинъ?—спросилъ онъ его на ходу.

— Никакъ нѣтъ... у нихъ офицеръ съ визитомъ.

— Кто такой?

— Извините, баринъ... я доложилъ фамилію, только теперь запамятовалъ...

Офицеру Питэръ почти обрадовался. Не будетъ ни дѣловыхъ разговоровъ, ни губернскихъ партійныхъ слуховъ и подвоховъ.

Изъ кабинета доносился очень молодой голосъ, съ манерой говорить, которая сейчасъ отнесла Питэра къ петербургскимъ гостинымъ, гдѣ ему бывало особенно противно.

Онъ все-таки вошелъ. Братъ сидѣлъ у бюро; а гость—противъ него, лицомъ къ входу, въ адъютантской формѣ, съ вензелями на эполетахъ, красивый брюнетъ, съ моднымъ кокомъ на подстриженныхъ по-военному волосахъ, румяный, съ длинными, разрыхленными усами, рослый, по всѣмъ статьямъ дирижеръ нарасхватъ во время танцовальнаго сезона.

— Вы не знакомы,—сказалъ ему Иванъ, немного приподнимаясь:—братъ мой Петръ... Леонидъ Ѳедоровичъ Кардаковъ, младшій братъ княгини Мироновой.

„А! вотъ кто ты!"—подумалъ Питэръ, подавая ему руку.

Сходство съ сестрой также стало ему ясно: тотъ же носъ, и ротъ, и овалъ, и весь складъ рослаго тѣла. И тотъ же взглядъ крупныхъ глазъ—выспрашивающій и дерзкій подъ своей условной усмѣшкой.

— Угодно курить? — предложилъ хозяинъ и протянулъ папиросницу.

Тонъ Ивана съ этимъ молодымъ военнымъ карьеристомъ былъ вѣжливо-суховатый, что Питэру понравилось.

Его самого многіе считали не только въ Россіи, но и за границей „снобомъ"; но онъ искренно презиралъ вотъ такихъ господъ, и военныхъ, и статскихъ, съ ихъ совершенной „плоскодонностью" и обезьяньимъ изяществомъ.

— Сестра просила передать вамъ, что она на васъ сердита.

— За что?—остановилъ Иванъ.

— Вы совсѣмъ ихъ забыли. Beau-frère мой уѣхалъ, какъ вы знаете, представляться.

— Да?—вопросительно выговорилъ Иванъ.

— Какъ же... Вчера состоялось.

Онъ даже не досказалъ, что состоялось.

— И сегодня онъ уѣхалъ?

— Да... такъ вышло. Иначе онъ долженъ былъ бы долго ждать своей очереди.

— Я ничего не зналъ, — повторилъ съ удареніемъ Иванъ.

— Сестра говорила мнѣ сейчасъ... „М-r Бабичевъ не хотѣлъ даже поздравить Бориса".

— Это было немножко трудно, если братъ ничего не зналъ, —замѣтилъ, какъ бы въ сторону, Питэръ.

— Да вѣдь при васъ, кажется, получена была депеша?— спросилъ офицеръ и осклабился.

— Да... но она была отъ знакомаго.

— Marie не думаетъ, что вы за это не хотите совсѣмъ ихъ знать...

— За что же? — спросилъ Питэръ, не дожидаясь вопроса брата.

— А вотъ за то, что Борисъ получилъ такое званіе.

Иванъ только пожалъ плечами.

— У васъ такая репутація, m-r Бабичевъ. Когда о васъ зайдетъ рѣчь... а говорятъ о васъ постоянно, то васъ иначе не называютъ, какъ le chef de file... des radicaux.

— Что же, на здоровье!

— Но Marie считаетъ васъ въ сущности совсѣмъ не такимъ. Иначе вы бы не были пріятелемъ Бориса. И служа по выборамъ, вы бы давно имѣли тѣ distinctions honorifiques, какія каждый дворянинъ на виду имѣетъ шансы получить... особенно теперь.

Питэръ опустилъ глаза.

„Онъ столь же глупъ, сколь и нахаленъ“,—поставилъ онъ про себя отмѣтку петербургскому адъютанту.

— Кто же отъ своего откажется? — продолжалъ гость.— Согласитесь—онъ подался впередъ своимъ стройнымъ корпусомъ, —будь вы на мѣстѣ Бориса, какіе бы тамъ ни были взгляды... развѣ мыслимо не принять то, что даютъ, какъ отличіе?

Иванъ ничего не отвѣтилъ. Сквозь его условную улыбку просвѣчивало не столько раздраженіе, сколько тягость такого разговора.

— Такъ что же прикажете сказать Marie?—спросилъ офицеръ, и поднялся, нагнувъ немного голову и щелкнувъ слегка шпорами.

— Я буду у Маріи Өедоровны и прошу ее передать мое поздравленіе Борису.

— Онъ въ „Hôtel d'Europe“ и пробудетъ дней пять, можетъ быть и шесть.

— Благодарю васъ.

— А завтра пріемный день Мари. Это она просила вамъ напомнить.

Онъ еще разъ щелкнулъ каблуками, сжалъ крѣпко руку

сначала старшему, потомъ младшему брату и тронулся. Иванъ пошелъ проводить его до дверей.

Питэръ присѣлъ къ бюро и опустилъ голову въ ладонь правой руки.

То чувство жалости, какое схватило его за сердце наверху,—обострилось.

Ему стало и обидно за брата.

— Такъ мы дома обѣдаемъ, Питэръ милый?—спросилъ его Иванъ, подойдя къ его стулу и наклонясь къ нему.—Я особенно радъ этому.

— А вечеромъ у тебя есть выѣздъ?

— Увы! Опять коммиссія и опять милѣйшій Шестковъ.

Иванъ отошелъ къ камину и сѣлъ въ мягкое, низковатое кресло.

Черезъ нѣсколько секундъ Питэръ поднялся, тихо подошелъ къ брату сзади и сбоку, и поцѣловалъ его въ лобъ.

Эта неожиданная ласка заставила Ивана встрепенуться. Онъ даже мгновенно покраснѣлъ и обнялъ брата за талію.

— Питэръ, дорогой! Что это?..—не договорилъ онъ.

— Прости... Мнѣ стало нестерпимо жаль тебя.

— Почему такъ?

— Вотъ этотъ нахальный дурачокъ капнулъ послѣднюю каплю, и чаша переполнилась.

— Полно! Стоитъ ли онъ того!

— Однако, постой!..—Питэръ сѣлъ противъ него и подался на креслѣ. — Этотъ самый идіотикъ — онъ можетъ черезъ полгода, выйдя въ отставку, очутиться твоимъ коллегой, земцемъ? Его выберутъ въ предводители...

— Очень можетъ быть.

— И онъ на обѣдѣ гдѣ-нибудь полѣзетъ съ тобой пить брудершафтъ.

— Можетъ и это быть.

— Вѣдь его beau-frère—не такой пошлякъ, но, согласись, онъ гораздо ближе по своему складу къ женѣ и вотъ къ этому франту, чѣмъ къ тебѣ.

— Увы!

— И этотъ идіотикъ-нахалъ поставилъ тебѣ вопросъ ребромъ: занимай ты должность Бориса Миронова, развѣ ты не долженъ былъ бы принять то, съ чѣмъ ты долженъ поздравлять его и его супругу?

— Этого не будетъ.

— Почему, my poor fellow? Я—плохой обыватель; но должность

предводителя, очень вліятельная при нынѣшнихъ порядкахъ, по моему гораздо значительнѣе, чѣмъ то, въ чемъ ты долженъ... барахтаться.

— Это какъ взглянуть.

— Все равно. Ты ничего не добьешься, кромѣ развѣ того, что тебя устранятъ подъ тѣмъ или инымъ видомъ.

— Я на это иду.

— Тогда что же? Это игра какая-то, спортъ? Трата лучшихъ силъ... на что? И ты страдаешь отъ тысячи мелкихъ и крупныхъ пошлостей и гадостей, и ты, какъ бѣлка, вертишься въ колесѣ...

— И по доброй волѣ я не уйду.

— Знаешь, Jean! Я тебѣ покаюсь,—я былъ бы радъ, еслибы тебя удалили отсюда... въ имѣніе или даже въ какую-нибудь дыру... или предложили бы поѣздку на три года за границу...

— Да?—веселѣе спросилъ Иванъ.

— Каждый день, когда я просыпаюсь, мнѣ приходитъ эта мысль.

— Чѣмъ же это было бы лучше?

— Я бы тебя увезъ... Ты бы стряхнулъ съ себя это обывательское тягло.

Питэръ всталъ, подошелъ къ креслу брата и присѣлъ на его ручку.

— Тебя не будетъ тяготить одиночество... Если у тебя есть привязанность...

Онъ слегка запнулся.

— Тѣмъ лучше!—продолжалъ онъ.—Будь я на твоемъ мѣстѣ —я бы зналъ, что мнѣ дѣлать.

Это былъ первый намекъ на его отношенія къ интересной разводкѣ.

Иванъ вѣроятно его понялъ, но ничего на это прямо не отвѣтилъ.

А Питэру сдѣлалось тотчасъ же не по себѣ. Онъ упрекнулъ себя въ неделикатности.

Въ братѣ его намекъ заронилъ желаніе заговорить о своей привязанности къ той женщинѣ.

Но что-то его удержало... стыдливое чувство и еще что-то, похожее на страхъ.

— Ты не признаешь за мной права жалѣть тебя? — спросилъ Питэръ, остановившись передъ нимъ.

— Полно. Ты, милый, глубоко меня трогаешь! И мнѣ прискорбно, что никто тебя не знаетъ; считаютъ...

— Сосулькой?.. какъ мы называли въ дѣтствѣ ледяные сталактиты на крышѣ?

— Вотъ, вотъ!

У Питэра горѣлъ на губахъ вопросъ:

„И Елена Сергѣевна такъ же"?

Но онъ этого не сказалъ.

— Я смотрю на твое служеніе общему дѣлу, — заговорилъ онъ торжественно,—какъ на самый тягостный видъ самоубійства.

— Можетъ быть! — отозвался Иванъ болѣе нервной нотой. —На войнѣ—не слаще! И при побѣдѣ можно остаться калѣкой на всю жизнь, или найти вѣрную и безплодную смерть. Такъ и тутъ, милый Питэръ... уходъ для каждаго честнаго человѣка—измѣна...

— Чему? Твоему пресловутому хоровому началу?

Этотъ возгласъ зазвучалъ у него въ ушахъ, точно откликъ рѣчей Руженцова.

— А безъ него, — выговорилъ Иванъ, протягивая руку,— все рухнетъ!..

— Аминь!—докончилъ Питэръ и замолчалъ.

П. Боборыкинъ.

ИЗЪ АМЕРИКИ ВЪ ЯПОНІЮ

Окончаніе.

IV *).

Іокогама.—Токіо.—Кобе.—Японское Средиземное море.

Итакъ—возвращаюсь къ плаванію нашему четыре года спустя на „Gaelic“ — передъ нами открылись берега Японіи. Кстати, въ это самое время разсѣялся туманъ; мы любуемся чудной панорамой солнечнаго заката за высочайшей въ Японіи и очень красивой снѣжной вершиной Фуджи-Яма. Это—любимая гора японцевъ, совершенно правильной конической формы, и изображаемая ими на всѣхъ пейзажахъ. Народъ не можетъ обойтись безъ легендъ, и про Фуджи-Яму сложилась такая легенда, будто она образовалась въ одну ночь и такъ тихо, что этого никто не замѣтилъ.

Море было гладко, какъ зеркало. Изъ безбрежнаго океана мы входимъ въ архипелагъ; кругозоръ нашъ постепенно замыкается. Стоя на лѣвомъ борту парохода, мы любуемся многочисленной рыбацкой флотиліей, за много миль отъ берега выѣхавшей въ море. Съ праваго борта зовутъ посмотрѣть на дѣйствующій вулканъ, величественно и высоко дымящій.

Чѣмъ дальше углубляемся мы въ архипелагъ, чѣмъ ближе

---

*) См. выше: янв., стр. 171.

подходимъ къ японскимъ берегамъ, тѣмъ болѣе пейзажъ становится спеціально японскимъ. И происходитъ это не столько отъ типа и характера жителей, построекъ и вообще культуры края, сколько отъ самой природы. Для глаза европейца, особенно послѣ широкаго размаха американской природы, есть что-то миніатюрное въ природѣ Японіи. Мнѣ кажется, что природу Японіи можно яснѣе всего представить себѣ, если рѣшить въ воображеніи слѣдующую задачу. Возьмите знакомую вамъ мѣстность со средней величины холмами и озерами и представьте себѣ, что, сохраняя всѣ высоты земной поверхности и всѣ глубины озеръ, вы сжали всю страну такъ, что всѣ горизонтальныя разстоянія уменьшились разъ въ десять. Получатся очень крутые уклоны горокъ и холмовъ. Благодаря климату Японіи, крутизна уклоновъ не мѣшаетъ имъ быть обросшими сплошь чудной густой и очень темной растительностью. Сдѣлайте тотъ же маленькій опытъ со Швейцаріей, и вы получите горную часть о. Ниппона, мимо которой и совсѣмъ вблизи которой мы плывемъ теперь. Совершенно свободно мы видимъ нѣсколько плановъ горныхъ отроговъ, разставленныхъ, подобно театральнымъ кулисамъ, одинъ за другимъ. Путь нашего парохода вьется между островками и скалами; поэтому красивые пейзажи бѣгутъ предъ нами какъ въ панорамѣ, но поэтому же и пароходъ идетъ уменьшеннымъ ходомъ. Близость остановки улучшаетъ душевное состояніе пассажировъ, и по отдачѣ якоря около семи часовъ вечера въ іокогамской бухтѣ началось трогательное прощаніе продолжающихъ плаваніе съ остающимися въ Іокогамѣ. Смѣшна эта черта морскихъ путешествій. Сначала всѣ дичатся, но стараются быть вмѣстѣ, разсматриваютъ, разглядываютъ другъ друга. Затѣмъ познакомились, бесѣдуютъ, играютъ, держатся толпой, пока не начнутъ взаимно надоѣдать. Подъ конецъ переѣзда видимо избѣгаютъ другъ друга, спортъ забытъ, рояль закрытъ; натуры непосредственныя при этомъ перепиваются и переругиваются. При разставаньи же всѣ дружески прощаются между собой и радуются при случайныхъ затѣмъ встрѣчахъ.

Паровой баркасъ, лавируя между огнями стоящихъ на рейдѣ судовъ, доставляетъ насъ на плохо освѣщенную пристань, откуда, послѣ таможеннаго осмотра, насъ везутъ дженерикши въ „Grand Hôtel“. Мы въ „сезонѣ“ въ Іокогамѣ,—поэтому въ „Grand Hôtel“ не находится свободнаго номера, и мы переѣзжаемъ въ „Occidental and Oriental Hôtel“. Тутъ тоже нѣтъ свободныхъ номеровъ, но хозяинъ гостинницы входитъ въ наше бѣдственное положеніе и предлагаетъ намъ переночевать въ читальнѣ, но не раньше

11-ти часовъ и при условіи, что мы освободимъ комнату завтра къ 10 часамъ утра. Нечего дѣлать—соглашаемся; въ ожиданіи 11 часовъ, ѣдемъ въ театръ по улицамъ, освѣщеннымъ бумажными фонариками и наполненнымъ толпой японцевъ. Среди хаоса звуковъ шумной толпы какъ основной мотивъ слышится непрерывное шлепанье деревянныхъ сандалій по каменной мостовой. Замысловатыя для непривычнаго глаза, артистическія прически женщинъ невполнѣ соотвѣтствуютъ значительной небрежности мужскихъ туалетовъ, весьма, впрочемъ, естественной въ виду климатическихъ условій теплаго вечера. Изрѣдка мелькаютъ въ толпѣ совсѣмъ обнаженные торсы.

Въ театрѣ мы застали конецъ какой-то японской комедіи, сыгранной настолько реально и хорошо, что мы съ интересомъ слѣдили за развитіемъ хода пьесы. По окончаніи дѣйствія, мы собрались-было уходить, но сидѣвшая сзади насъ японка по собственной инициативѣ взяла на себя трудъ объяснить намъ, при помощи мимики и вѣера, что сейчасъ будетъ послѣдній актъ и притомъ, по ея мнѣнію, самый интересный. По вынутымъ мною часамъ она указала, что антрактъ продлится не долѣе четверти часа. Мы послушались и остались на своихъ мѣстахъ. Публика, сидящая во время представленія на полу на корточкахъ, во время антрактовъ ложится на полъ, покрытый бамбуковыми циновками. Прямо передъ нами сидѣли два японскихъ джентльмена, весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ узкой повязки, замѣняющей европейскіе панталоны, изъ короткихъ бѣлыхъ матерчатыхъ носковъ своеобразной формы, на манеръ рукавицъ, съ выдѣленнымъ большимъ пальцемъ для держанія сандалій, и изъ киримоно, повязаннаго кушакомъ. И по покрою, и по матеріи киримоно напоминаетъ пестрядинные халаты, въ которые когда-то ремесленники одѣвали своихъ подмастерьевъ. Въ рукахъ—вѣеръ, сандаліи оставлены при входѣ въ театръ, на головѣ—природная, остриженная бобромъ, шапка черныхъ жесткихъ волосъ. Въ виду жары, киримоно раздвинутъ на груди, а полы подоткнуты за поясъ, оставляя на виду обнаженныя ноги. Одинъ изъ этихъ джентльменовъ ложится спиной кверху, облокачивается на лѣвую руку, правой рукой обмахивается вѣеромъ и, высоко задравъ ноги, болтаетъ ими въ воздухѣ и постукиваетъ пяткой о пятку въ тактъ движенію вѣера. Собесѣдникъ его продѣлываетъ то же, но лежа на спинѣ.

Передъ началомъ дѣйствія раздается ударъ въ полъ. Зрители встаютъ съ пола и садятся на корточки. Дѣйствіе открывается арестомъ героя пьесы. Выходъ актеровъ по японскому

обычаю происходитъ черезъ весь партеръ со стороны, противоположной сценѣ. При входѣ героя въ театральный залъ, на него набрасываются актеры, изображающіе полицейскихъ, и тащатъ его въ „участокъ“, изображенный на сценѣ. Но до сцены герой пьесы вступаетъ въ борьбу съ полицейскими и ведетъ ее столь реально, что одно время мнѣ казалось, что дерутся зрители. Драка достигаетъ апогея по прибытіи актеровъ на сцену и развертывается въ головокружительныя акробатическія упражненія, во время которыхъ полицейскіе летали на воздухъ съ двойными и тройными сальтомортале. Тѣмъ не менѣе, комедія кончается побѣдой полиціи надъ героемъ. Порокъ наказанъ, и театръ пустѣетъ при одобрительныхъ „кхэ, кхэ“ зрителей. При выходѣ изъ театра отбираютъ билеты. Я вступаю въ коммерческую сдѣлку и послѣ небольшихъ переговоровъ дѣлаюсь обладателемъ входнаго въ японскій театръ билета: это—полудюймовой толщины дощечка, длиной въ пять вершковъ, шириною въ вершокъ, покрытая японскими надписями, сдѣланными тушью отъ руки.

Въ отель мы вернулись другой дорогой, пересѣкая кварталъ чайныхъ домовъ. По обѣимъ сторонамъ длинной улицы стоятъ двухъ- и трехъ-этажные дома, напоминающіе гигантскіе курятники, благодаря рѣшетчатымъ деревяннымъ стѣнамъ нижнихъ этажей. Въ верхнихъ этажахъ рѣшетки затянуты бумагой; оттуда слышны уныло-дикіе звуки японской музыки. Рѣшетчатыя стѣны нижнихъ этажей ничѣмъ не заставлены, и за рѣшетками, лицомъ къ улицѣ, неподвижно и молча сидятъ на корточкахъ „красавицы“ съ набѣленными лицами, съ застывшимъ взглядомъ, методически обмахивающіяся вѣеромъ. Въ каждомъ домѣ—особые цвѣта платьевъ. И такихъ домовъ сплошь сотни, и такихъ красавицъ—десятки тысячъ. Прогулка по этой улицѣ вечеромъ во время выставки живыхъ куколъ, очевидно, входитъ въ обязательную програму туриста: наши дженерикши по своей иниціативѣ провезли насъ мимо чайныхъ домовъ и, пріостанавливаясь противъ нѣкоторыхъ, не безъ національной гордости обращали наше вниманіе на роскошные туалеты и иллюминаціи.

Въ столицу Японіи—Токіо—мы отправились изъ Іокогамы по желѣзной дорогѣ. Странное впечатлѣніе произвела на насъ первая видѣнная нами японская желѣзная дорога: ширина колеи на треть меньше нашей, вагончики миніатюрные, пассажиры—тоже, кондуктора, кассиры, машинисты—тоже. Въ этой обстановкѣ европейцы средняго роста чувствуютъ себя великанами: мы едва помѣщаемся на скамьяхъ и чуть не стукаемся головами о притолки вагонныхъ дверей. Въ поѣздѣ—три класса вагоновъ.

За билетъ перваго класса берутъ 81 центъ (около 80 коп.), за что везутъ довольно быстро въ теченіе около часа. Въ одинъ съ нами вагонъ, кромѣ нѣсколькихъ европейцевъ съ дамами и нѣсколькихъ японцевъ, одѣтыхъ по-европейски, сѣлъ японецъ въ національномъ костюмѣ, такъ же облегченномъ, какъ описанный выше костюмъ театральныхъ зрителей. Войдя въ вагонъ, этотъ пассажиръ чинно усѣлся на скамьѣ, оставивъ по-европейски ноги опущенными на полъ; затѣмъ, очевидно, подъ вліяніемъ духоты въ вагонѣ онъ раздвинулъ киримоно на груди, потомъ подоткнулъ подъ себя полы киримоно и сталъ обмахивать вѣеромъ колѣни; наконецъ, рѣшительно отказавшись отъ стѣснительныхъ европейскихъ манеръ, подтянулъ подъ себя ноги и усѣлся на пяткахъ на диванѣ.

До отхода поѣзда трудно разговаривать—такой шумъ идетъ отъ толпы японцевъ-пассажировъ, шлепающихъ по платформѣ своими сандаліями. Казалось бы, и такъ трудно идти на высокихъ сандаліяхъ-ходуляхъ,—многія же японки тащатъ ребятъ, плотно притянутыхъ къ спинѣ матери. Впрочемъ способъ передвиженія на спинахъ людей практикуется въ Японіи не только дѣтьми: мимо насъ проѣхала на спинѣ японца дряхлая старуха; на лубочныхъ же картинахъ попадаются изображенія офицеровъ, верхомъ на солдатахъ, ведущихъ войска въ бой.

Между Іокогамой и Токіо поѣздъ останавливается на пятишести станціяхъ. Тотчасъ за городомъ начинаются миніатюрныя рисовыя поля на узкой площадкѣ вдоль берега моря, по которой мы ѣдемъ. Слѣва отъ насъ возвышается—нельзя сказать—хребетъ, скорѣе—хребетикъ горъ. Нигдѣ нѣтъ невоздѣланнаго, неразработаннаго кусочка земли. Деревень нѣтъ, но вся страна покрыта отдѣльными фермами, вездѣ идутъ полевыя работы. Рисъ родится здѣсь круглый годъ; поэтому изъ окна вагона мы видимъ всѣ фазисы обработки риса. Вотъ кусочки поля, заботливо огражденные земляными валиками и обработываемые подъ рисъ; люди стоятъ по колѣно въ водѣ. Вотъ ярко-зеленые свѣтлые всходы риса, вотъ уборка его. И вездѣ кипитъ работа, вездѣ копаются миніатюрные люди; а на вершинахъ хребтовъ, мѣстами и на поляхъ, стоятъ громадныя афиши и рекламы, — въ этомъ японцы превзошли американцевъ. Вездѣ—орошеніе полей; гдѣ только намекъ на горный ручеекъ—приткнулась водяная рисовая мельница; мѣстами видны низенькія вѣтряныя мельницы. Чѣмъ дальше ѣдемъ мы вглубь страны, тѣмъ натуральнѣе становятся одѣянія жителей: у женщинъ киримоно совершенно раздвинуты на груди, у кавалеровъ—совершенно голыя ноги, дѣти бѣгаютъ нагишомъ.

Даже быки одѣты больше, чѣмъ дѣти: на ногахъ у быковъ—соломенные башмаки. Послѣ минутныхъ остановокъ на станціяхъ Kanahawa, Omori и т. п., пріѣзжаемъ въ Токіо. Кондукторъ отворяетъ намъ двери вагона, и мы идемъ черезъ вокзалъ къ выходу среди толпы квакающихъ своей обувью японцевъ. Лиллипутъ-японецъ, въ громадной форменной фуражкѣ, съ очень важнымъ видомъ отбираетъ отъ насъ билеты. Мы свободны идти куда хотимъ. Но куда идти? Откровенно говоря, такъ утомительна была, при всей ея завлекательности, „работа путешествія" по Америкѣ, съ другой стороны такъ мало понятна Японія при поверхностномъ соприкосновеніи съ нею, что мы рѣшили во время кратковременнаго пребыванія въ этой странѣ ограничиться непосредственными впечатлѣніями отъ нея, не вмѣшивая сюда ни печатныхъ, ни живыхъ гидовъ. Къ намъ подбѣжали дженерикши, не говорящіе ни на какомъ изъ понятныхъ для насъ языковъ; мы сѣли въ ихъ кресла, махнули рукой и помчались по Токіо, по улицамъ спеціально японскимъ, отличающимся отъ видѣнныхъ нами въ Іокогамѣ и когда-то въ Нагасаки только тѣмъ, что мѣстами видны рельсы конножелѣзной дороги и иногда попадаются европейскіе экипажи. Черезъ полчаса ѣзды мы куда-то пріѣхали. Дженерикши опустили оглобли на землю и знаками показали намъ, что надо идти въ храмъ. Храмъ оказался типичнымъ японскимъ храмомъ, на подобіе видѣнныхъ ранѣе, но отличается нѣсколько большими размѣрами. Нѣсколько стѣнъ окружаютъ его; дворы между стѣнами засажены кипарисами и камфорными деревьями, вымощены плитами; въ стѣнахъ и среди дворовъ стоятъ нѣсколько священныхъ воротъ; многочисленные надгробные памятники стоятъ по обѣимъ сторонамъ пѣшеходныхъ дорожекъ. Памятники всѣ—однообразной формы и величины: на постаментѣ изъ каменной плиты возвышается каменная круглая колонка въ ростъ человѣка, сверху обдѣланная въ видѣ фонаря съ отверстіями на всѣ четыре стороны свѣта. „Въ семь часовъ вечера всѣ фонари зажигаются", — говоритъ намъ бонза, очевидно, въ разсчетѣ поразить насъ грандіозностью зрѣлища. Подъ громадными камфорными деревьями, съ очень темной, почти черной зеленью, проходимъ въ храмъ. Какъ бы ни поэтизировали иностранцы Японію, есть что-то отталкивающее, непріятное во всей Японіи: и въ ея оригинальной природѣ, и въ ея тропическихъ хвойныхъ растеніяхъ, и въ ея карликовыхъ, обезьяно-подобныхъ людяхъ, „совершенно свободныхъ отъ религіи", какъ съ гордостью заявилъ японскій дипломатъ, ѣхавшій съ нами по желѣзной дорогѣ. Какъ американцы поразительны для насъ своимъ размa-

хомъ, своими широкими потребностями, своимъ бѣшенымъ денежнымъ оборотомъ, такъ японцы совершенно чужды намъ своими ограниченными потребностями, своей мелочностью и миніатюрностью. Что ближе къ европейской натурѣ, а въ особенности къ нашей русской, то намъ, конечно, и понятнѣе, и симпатичнѣе. Во все время пребыванія въ Японіи вся окружающая обстановка несомнѣнно оригинальна, „невѣдома", но эта непрерывность оригинальныхъ впечатлѣній пріѣдается, какъ все экзотическое; усталый взоръ невольно ищетъ знакомыхъ впечатлѣній—и не находитъ ихъ. Сознательное наблюденіе проходящей предъ вами жизненной картины приходится ограничить наблюденіемъ особо рѣзкихъ контрастовъ, бросающихся въ глаза. Въ домахъ у японцевъ поразительная чистота: ходятъ по полу въ чулкахъ по соломеннымъ циновкамъ. А въ городахъ—поразительная грязь. Японцы завели себѣ броненосцы, армію, строятъ корабли, желѣзныя дороги, организовали почту, телеграфъ, но все это—наносное, непродуманное, во всѣхъ этихъ пересадкахъ плодовъ европейской цивилизаціи на японскую почву не удалось подмѣтить ни одной національной японской жизненной черточки: японцы цѣликомъ копируютъ видѣнное. Изъ самостоятельныхъ изобрѣтеній японцевъ нельзя не признать самымъ геніальнымъ изобрѣтеніе японской грѣлки на животъ, которая, подобно россійскому самовару, начинаетъ получать права гражданства далеко за предѣлами своего отечества.

Съ удовольствіемъ покинули мы храмъ, такъ какъ въ немъ стояло облако душистаго дыма. Противный запахъ этого дыма отъ дерева, которое японцы употребляютъ на топливо, преслѣдуетъ васъ въ Японіи повсюду. Со словъ бонзы записываю названіе храма, что-то въ родѣ Rokudaishoimun, а можетъ быть иначе. Мѣсто слѣдующей остановки дженерикши называютъ Ataino jawa. Поднявшись ступеней двѣсти чуть не по вертикальной каменной лѣстницѣ, мы круто свернули вправо передъ самымъ входомъ въ какой-то храмъ, чѣмъ очень огорчили сопровождающаго насъ дженерикшу, и остались на террасѣ полюбоваться дѣйствительно интересной панорамой на городъ, утопающій въ зелени. Среди зелени яркими пятнами просвѣчиваютъ черепичныя крыши домовъ. Мѣстами возвышаются башни пагодъ съ остроконечными крышами, углы которыхъ подняты кверху. На нѣкоторыхъ башняхъ по нѣскольку крышъ, какъ бы надѣтыхъ одна на другую. Между бамбуковыми стѣнами домовъ виднѣются гирлянды бумажныхъ фонарей. По одной изъ узкихъ улицъ бѣжитъ дженерикша и съ размаху вскакиваетъ на верхъ горба-

таго каменнаго моста; а невдалекѣ, по широкой относительно улицѣ, среди дженерикшъ и толпы пѣшеходовъ, движется по рельсамъ вагонъ трамвая. Дальше виденъ довольно большой желѣзный мостъ, построенный безъ всякой претензіи служить украшеніемъ города, и, наконецъ, за мостомъ возвышаются куполъ и колокольня православной церкви, куда мы и направились съ террасы.

При русской церкви въ Токіо имѣется русская семинарія. Нѣсколько студентовъ, къ которымъ мы обращались, не владѣли европейскими языками. Побывавъ внутри довольно помѣстительной церкви, намъ пришлось ограничиться наружнымъ осмотромъ семинаріи. Церковь и семинарія стоятъ на холмѣ, представляютъ изъ себя выдающіяся зданія города и окружены цвѣтникомъ съ прекраснымъ видомъ на городъ, лежащій подъ ними. Сейчасъ подъ террасой церкви находится японскій клубъ велосипедистовъ. При насъ учился ѣздить на велосипедѣ какой-то толстый японецъ, не снимавшій при этомъ своихъ деревянныхъ сандалій.

Изъ церкви мы проѣхали въ Uyeno-Park, о красотѣ котораго кричатъ всѣ гиды и объ обязательномъ посѣщеніи котораго мы были предупреждены еще на пароходѣ. На холмѣ раскинутъ, дѣйствительно, недурной паркъ, но зелень его непривычно темна, но подъ деревьями его слишкомъ много могильныхъ памятниковъ и чайныхъ домовъ, и тамъ, въ паркѣ, все-же пахнетъ этимъ дымомъ. Скорѣе—домой, въ Іокогаму! Попадается какой-то цивилизованный японецъ и разъясняетъ, что поѣздъ идетъ черезъ часъ, а слѣдующій—черезъ три часа. Нанимаемъ по „пристяжкѣ" дженерикши и пускаемся вскачь, обгоняя прочихъ дженерикшей, пѣшеходовъ, экипажи, конки, а иногда и велосипедистовъ. Ѣдемъ по европейской, центральной части города, мимо дворцовъ, министерствъ, посольствъ. Наше посольство имѣетъ очень внушительный видъ. Прочія зданія построены на европейскій ладъ, иногда съ претензіями. Дворецъ, насколько онъ виденъ, состоитъ изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ, относительно небольшихъ, зданій, крыши которыхъ мелькаютъ сквозь зелень обширнаго парка. Дворцовый паркъ расположенъ въ центрѣ города и обнесенъ валомъ и рвомъ съ водою. Промчавшись черезъ общественный паркъ, въ которомъ мы встрѣтили нѣсколько европейскихъ экипажей и велосипедистовъ съ ракетами lawn-tennis, мы мчимся вдоль очень длинной, очевидно—одной изъ главныхъ коммерческихъ улицъ Токіо. Улица очень широка; по срединѣ ходитъ конка. По бокамъ—легкія деревянныя строенія японскихъ лавокъ. На высотѣ немного болѣе человѣческаго роста трот-

туары обвѣшаны японскими бумажными фонарями, тянущимися непрерывной лентой, фонарь около фонаря, вдоль всей улицы. Тутъ виденъ нѣкоторый порядокъ: фонари висятъ всѣ на совершенно одинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга и всѣ похожи одинъ на другой, отличаясь по кварталамъ: за кварталомъ бѣлыхъ шарообразныхъ фонарей, съ розовыми бумажными зонтиками надъ ними, слѣдуютъ цилиндрическіе пестрые фонари съ флажками и т. д. Наши рысаки домчали насъ за десять минутъ до отхода поѣзда. На платформу, какъ въ Америкѣ, откуда скопирована дорога, пускаютъ за минуту до отхода поѣзда. Сидя въ общемъ станціонномъ залѣ, мы развлекаемся разсматриваніемъ свѣтскихъ поклоновъ, которыми обмѣнивались японскій генералъ и офицеры съ провожавшими ихъ японскими дамами: стоя другъ противъ друга, кланяются низко, сгибая колѣни, облокачиваясь руками о колѣни и относя туловище въ бокъ. Тутъ же сдѣлали открытіе отступленія отъ американскаго образца желѣзной дороги примѣнительно къ японскимъ обычаямъ: на столичномъ вокзалѣ желѣзной дороги для всѣхъ пассажировъ, безъ различія пола, возраста и класса билета, имѣется одна общая туалетная комната съ желобами по стѣнамъ и съ фонтаномъ посреди комнаты для умыванья рукъ. Отъ Америки осталось здѣсь одно—обиліе воды.

Съ разсвѣтомъ „Gaelic“ снялся съ якоря и вышелъ изъ Іокогамской бухты, направляясь въ Кобе, какъ называется европейская часть города Хіого. Переходъ отъ Іокогамы до Кобе считается самымъ бурнымъ на всей линіи нашихъ пароходовъ „White-Star-Line“. Различныя морскія теченія сталкиваются здѣсь въ узкихъ проливахъ архипелага и образуютъ толчею, о которой насъ предупреждали еще въ С.-Франциско. Но нашему рейсу удача: мы плывемъ по зеркальной поверхности; пассажиры всѣ сидятъ на палубѣ и любуются японскими пейзажами, напоминающими все-таки больше песочные часы, чѣмъ природу. Мѣстность очень оживленная, на берегу вездѣ видны зданія, люди, мѣстами фабричныя трубы; на морѣ много парусныхъ судовъ съ прямыми парусами, сбирающимися въ буффы, на манеръ оконныхъ шторъ; по мнѣнію японцевъ, такая морщинистая поверхность паруса лучше ловитъ вѣтеръ, чѣмъ гладкая. Передъ завтракомъ — развлеченіе: „Gaelic“ встрѣчаетъ „сестру“ свою, „Coptic“; пароходы уменьшаютъ ходъ, взаимно салютуютъ флагами, свистками, проходятъ близко другъ отъ друга, капитаны въ рупоръ обмѣниваются привѣтствіями.

На другой день утромъ мы подошли къ Хіого (Кобе). Съѣхавъ

на берегъ, мы сейчасъ же поѣхали за городъ на водопадъ. На дженерикшахъ можно проѣхать только до начала ущелья, а дальше пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ дорога идетъ довольно крутымъ подъемомъ, обращеннымъ мѣстами въ лѣстницу. Несмотря на крутизну подъема, эта пѣшеходная прогулка по тѣсному ущелью настолько интересна, что, добравшись до водопада и немного отдохнувъ на террасѣ небольшого чайнаго домика, расположеннаго противъ водопада, мы прошли еще нѣсколько верстъ впередъ по ущелью въ совершенно непривычной для насъ обстановкѣ горъ и холмовъ, причемъ я ни за что не взялся бы опредѣлять на глазъ разстоянія—такъ чужды намъ всѣ масштабы мѣстности. Служанка-японка, подававшая намъ чай, усадивъ насъ на террасѣ, усиленно обращала наше вниманіе на водопадъ, для вида на который устроена терраса. Водопадъ не страшенъ, скорѣе забавенъ. Струя воды, аршина 2—3 шириною, катится по ущелью и затѣмъ валится со скалы высотою саженъ тридцать. Водопадъ этотъ нельзя даже хорошо сфотографировать, такъ какъ нельзя отойти отъ него на достаточное разстояніе,—такъ извилисто, тѣсно и миніатюрно ущелье.

При обратномъ выѣздѣ изъ ущелья дженерикши привезли насъ на фабрику инкрустированнаго фарфора Сатцума. Мы также подчинились этому, какъ подчиняются путешественники загону, напр., на кружевныя фабрики Венеціи; но отъ дальнѣйшихъ произвольныхъ дѣйствій дженерикшей мы отказались, разсчитывая до завтрака взять ванну. Свободной ванны на мою долю въ отелѣ не оказалось, но швейцаръ рекомендовалъ мнѣ поѣхать въ заведеніе японскихъ ваннъ, гдѣ, по его словамъ, я могу взять отличную ванну. Подъѣхавъ къ заведенію по указанному мнѣ адресу, я вошелъ и очутился среди десятковъ двухъ моющихся японцевъ и японокъ. Хотя сопровождавшій меня дженерикша настойчиво приглашалъ меня идти дальше, я вернулся; въ гостинницѣ швейцаръ выразилъ мнѣ сожалѣніе, что я усомнился въ его рекомендаціи: въ заведеніи имѣются отдѣльные номера съ ваннами, только ходъ въ нихъ черезъ общую баню.

Послѣ завтрака подъ качающимися пангами,—что невольно напоминало морскую качку,—мы поѣхали навѣстить бога Daibutzu. Это—колоссальная бронзовая статуя сидящаго бога. Внутри статуи, куда насъ впустили, помѣщается молельня. Дежурный бонза, показывавшій намъ святыни, весьма фамильярно обращался съ ними: снималъ боговъ съ жертвенниковъ, чтобы показать ихъ намъ, щелкалъ по головамъ ихъ, чтобы убѣдить насъ, что они не какіе-нибудь дутые, а настоящіе массивные. Около входа въ

статую стоитъ бронзовая ваза, поддерживаемая двумя бронзовыми же японцами. У одного изъ нихъ ярко отчищена лысина. На ломанномъ англійскомъ языкѣ бонза объясняетъ: „у бога блеститъ лысина, чтобы у японцевъ не болѣла голова". Изъ дальнѣйшаго выясняется, что этотъ лысый богъ излечиваетъ мигрени, стоитъ только прикоснуться къ его лысинѣ; вотъ эти прикосновенія вѣрующихъ и отполировали лысину бога.

Во дворѣ храма, какъ въ мѣстѣ священномъ, помѣщается нѣсколько чайныхъ домовъ. Надъ однимъ нарисованы купающіяся сирены. При проходѣ нашемъ приподнимаютъ входную занавѣску и показываютъ крошечный грязный бассейнъ съ золотыми рыбками. На отказъ выкупаться въ немъ предлагаютъ посмотрѣть, какъ будутъ купаться сидящія около бассейна японки. Рядомъ съ бассейномъ намъ указали хорошенькій домъ священника. Это все въ „церковной" оградѣ.

Возвращаясь на пароходъ, мы встрѣтили двѣ процессіи. Въ первой—дѣти, предводимыя и сопровождаемыя бонзами, несли какую-то реликвію и весело выколачивали изъ нея, безцеремонно встряхивая, моленія о дождѣ. Недалеко вслѣдъ за этой дѣтской толпой двигалась похоронная процессія. Впереди несли фонари и за ними громадные букеты, аршинъ пять высотою, съ деревянными крестами внизу, какъ это дѣлается у насъ для елокъ. Попарно шли бонзы; за ними въ сундукѣ несли покойника, за которымъ на дженерикшахъ, всѣ въ бѣломъ, ѣхали родственники покойнаго. А дальше, какъ вездѣ—толпа любопытныхъ...

Въ чудную лунную ночь мы снялись съ якоря и начали очень сложные маневры выхода изъ густо заставленной судами гавани, въ которой существуютъ къ тому же самыя разнообразныя и довольно сильныя теченія. Нашъ капитанъ дѣлалъ эти маневры такъ ловко и увѣренно, что пріятно было слѣдить за ними. Весь слѣдующій день мы шли по такъ называемому Inland-sea, лавируя между миніатюрными островами. Особенно интересенъ выходъ изъ этого водяного лабиринта въ открытое море по узкому и длинному проходу. Погода намъ благопріятствуетъ, что позволяетъ идти и ночью. Утромъ второго по выходѣ изъ Кобе дня мы входимъ въ знакомую намъ бухту Нагасаки.

V.

Опять Нагасаки.

Только-что отданъ якорь, пароходъ началъ грузиться углемъ. Къ обоимъ бортамъ парохода пристали нѣсколько баржъ съ

углемъ. Уголь насыпается японцами и японками въ небольшіе соломенные мѣшки, которые и перекидываются затѣмъ изъ рукъ на руки живой цѣпью японцевъ, стоящихъ вплотную одинъ около другого, перекидываются и опорожняются въ трюмъ такъ быстро, что кажется, что въ трюмъ парохода течетъ непрерывная струя угля. Пустыя корзины сбрасываются съ парохода внизъ на шаланды. Никакіе элеваторы, никакіе механизмы не выдерживаютъ въ Японіи конкурренціи съ этимъ живымъ элеваторомъ, благодаря крайней дешевизнѣ рабочихъ рукъ, которая, въ свою очередь, объясняется неприхотливостью и нетребовательностью японскаго рабочаго. Природа въ изобиліи снабжаетъ японца всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія его скромныхъ потребностей: горсточка риса, кусокъ мѣстной ткани для легкаго киримоно и бамбуковый шалашъ съ циновками и бумажными ширмами составляютъ полную житейскую обстановку японца. Въ результатѣ является дешевизна жизни, а въ зависимости отъ этого и дешевизна оцѣнки всякаго труда. На поразительно низкую оцѣнку ремесленно-артистическаго труда намъ пришлось натолкнуться въ Іокогамѣ. Въ магазинѣ извѣстной на Востокѣ фирмы Kuhn & Komor среди многихъ художественно исполненныхъ предметовъ особое вниманіе обратили ширмы мозаично-рѣзной работы изъ слоновой кости и разныхъ камней. Ширмы до полной иллюзіи воспроизводятъ сцены изъ жизни птицъ и насѣкомыхъ среди цвѣтовъ и растеній. Цѣна ширмъ объявлена всего 600 руб. Изъ суммы этой львиная доля будетъ отчислена фирмой за матеріалъ, за коммиссіи, за магазинъ и т. д., и врядъ ли много очистится мастеру-артисту, положившему на исполненіе ширмъ годъ усидчиваго труда. Этотъ артистъ скромно ходитъ тутъ же, низко присѣдаетъ и захлебывается воздухомъ отъ счастья говорить съ вами. При скромныхъ потребностяхъ японской жизни, при низкихъ цѣнахъ на предметы первой необходимости—европейскій масштабъ оцѣнки стоимости работы непримѣнимъ къ Японіи. Японецъ-чернорабочій содержитъ себя на три-четыре рубля въ мѣсяцъ; даже европейски-обставленная жизнь въ Японіи обходится гораздо дешевле жизни въ Европѣ, не говоря уже о сосѣднихъ къ Японіи Америкѣ и Сибири. За послѣднее время среди обитателей Восточной Сибири входитъ въ обычай отправлять свои семьи на зимній сезонъ въ Японію, которая является въ данномъ случаѣ не только „климатической“, но и „экономической“ станціей.

Сходя на берегъ, мы дружески распрощались съ командиромъ и офицерами парохода, причемъ, какъ оказалось впослѣд-

ствіи, мы распрощались и со всѣми порядками путешествія. Благодаря широковѣщательнымъ рекламамъ вновь построеннаго „Nagasaki-Hôtel", мы остановились въ этой весьма претенціозной гостинницѣ, показавшейся намъ отвратительной послѣ благоустроенныхъ американскихъ отелей. По справкѣ въ конторѣ пароходовъ объ отходящемъ завтра пароходѣ—такъ значилось въ росписаніи рейсовъ, которому мы наивно вѣрили,—намъ съ усмѣшкой отвѣтили, что росписанія соблюдаются не точно, что въ морѣ развѣ можно угадать, когда и куда придешь. Не забыта была и спеціальная морская примѣта, что святой-де Никола не любитъ, когда на суднѣ загадываютъ впередъ. И вотъ, въ ожиданіи парохода, мы промучились въ „Nagasaki-Hôtel" четыре дня. Все время шелъ дождь; живописныя горы, со всѣхъ сторонъ замыкающія Нагасакскій рейдъ, защищаютъ его отъ вѣтровъ, и поэтому Нагасаки является прекрасной климатической станціей въ зимніе мѣсяцы; но по той же причинѣ даже кратковременное пребываніе въ нагасакскомъ котлѣ въ іюнѣ утомительно и небезвредно. Несмотря на то, что намъ отвели одинъ изъ лучшихъ номеровъ гостинницы, въ немъ не оказалось никакихъ приспособленій для вентиляціи, ни одной форточки надъ дверями, выходящими на общій балконъ, такъ что приходилось или спать при открытыхъ дверяхъ, или вовсе не спать при закрытыхъ. Попробовавъ сначала уснуть при закрытыхъ дверяхъ, промучившись затѣмъ полъ-ночи въ номерѣ при открытыхъ, мы рѣшили, наконецъ, устроиться на балконѣ. На утро оказалось, что на общемъ балконѣ, какъ на пароходной палубѣ, спятъ всѣ обитатели гостинницы. Если, благодаря тонкимъ стѣнамъ гостинницы, лѣтомъ въ ней душно, надо полагать, что зимой тамъ холодно. Въ гостинницѣ имѣются ванны съ кранами холодной и горячей воды, но краны эти поломаны и горячую воду таскаютъ ведрами. Звонки, конечно, электрическіе, но не всѣ исправные, при чемъ это дѣйствительно безразлично, такъ какъ прислуги все равно мало. Взыскали за все это не только по американскому тарифу, но и по „американскому плану", т.-е. включивъ сюда полное содержаніе, которымъ отъ духоты и жары въ это время врядъ ли кто пользуется.

Одновременно съ нами на Нагасакскій рейдъ пришли два американскихъ транспорта, возвращавшихся съ Маниллы въ Америку. Городъ наводненъ американскими солдатами въ желтыхъ курткахъ, катающимися на дженерикшахъ, а вечеромъ обѣдающими въ гостинницѣ въ одной залѣ со своими офицерами. Въ матросскихъ заведеніяхъ низшаго разбора съ вывѣсками: „Hôtel

of the Prince of Wales“, съ одной стороны, и „Гостинница Залотой Рогъ“ съ другой—американскихъ солдатъ не видать.

Первымъ пароходомъ, идущимъ во Владивостокъ, оказывается японскій „Tairen-Maru“. Въ ожиданіи прихода его мы сидимъ въ „Nagasaki-Hôtel“. По ночамъ душно; только подъ утро, при намёкѣ на утренній бризъ, можно забыться сномъ. Днемъ паритъ и идетъ мелкій теплый дождичекъ; всѣ вещи сырыя и понемногу начинаютъ плесневѣть и гнить. При этихъ условіяхъ неохотно посѣщается международный клубъ, въ которомъ около пяти часовъ обыкновенно собирается европейская колонія на партіи тенниса и билліарда.

Въ конторѣ японской пароходной компаніи мнѣ предложили пріобрѣсти карту Японіи. Прежде выдачи мнѣ купленной карты, пронумеровали ее, спросили мою фамилію, отмѣтили ее и на картѣ, и на отпускномъ реестрѣ, и, взыскавъ 50 центовъ (50 коп.), вручили наконецъ карту. Оказалось, что, пріобрѣтя эту карту Японіи, я одновременно сдѣлался кліентомъ общества „Ki-hin-kai“, основаннаго въ 1893 году, съ цѣлью сближенія иностранцевъ съ японцами. Уставъ общества помѣщенъ на обратной сторонѣ карты. Все изданіе отпечатано на японской бумагѣ и складывается въ видѣ гармоніи; изящная виньетка изображаетъ японку, склоняющуюся въ привѣтственномъ поклонѣ: „Японія привѣтствуетъ иностранцевъ“. Немногочисленные параграфы устава перечисляютъ обязанности общества: рекомендовать гидовъ, выдавать справки и маршруты, подыскивать помѣщенія, устроивать знакомства иностранцевъ съ семейными домами японцевъ и наконецъ — хоронить путешественниковъ. Продавшій мнѣ карту агентъ пароходнаго общества, онъ же агентъ общества „Ki-hin-kai“, на обращенную къ нему просьбу указать мнѣ, уже какъ кліенту общества „Ki-hin-kai“, какія произведенія японской литературы, изданныя на европейскихъ языкахъ, можно найти въ Нагасаки, предложилъ мнѣ пріобрѣсти у него же пятнадцать народныхъ японскихъ сказокъ, изданныхъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ, въ видѣ пятнадцати изящныхъ брошюрокъ, отпечатанныхъ на японской бумагѣ и украшенныхъ цвѣтными иллюстраціями. Величайшая награда, которую герои сказокъ получаютъ за свои освободительные подвиги — обезпеченіе на всю жизнь кускомъ шолковой матеріи на киримоно, отъ котораго можно отрѣзать сколько угодно матеріи, и мѣшкомъ рису, изъ котораго можно брать сколько угодно рису. Въ сказкахъ изъ животнаго міра умъ и хитрость побѣждаютъ. Въ сказкахъ изъ народнаго

быта рисуется семья на прочныхъ устояхъ: дѣти чтутъ родителей, на многоженство нигдѣ нѣтъ и намёка.

10 (22) іюня мы покидаемъ негостепріимный въ это время года Нагасаки. Съ особымъ удовольствіемъ покидаемъ мы „американскій“ отель съ его азіатскими недодѣлками и неустройствами. Отходъ парохода назначенъ въ шесть часовъ, и расписаніе—какъ копія американскихъ порядковъ — соблюдается минута въ минуту; но чтобы попасть на этотъ цивилизованный пароходъ, надо воспользоваться услугами полуголаго лодочника-японца и его архаической ладьи. Въ моментъ отхода парохода съ Нагасакскаго рейда, какъ прощальное для насъ проявленіе самобытной японской жизни, прошли мимо насъ японскія народныя гонки. На примитивныхъ лодкахъ, сидя на корточкахъ, мѣсятъ воду человѣкъ по двадцати на каждой лодкѣ; уключинъ нѣтъ, вмѣсто веселъ—короткія лопаты; рулевой правитъ весломъ, также, какъ и гребцы, сидя на корточкахъ. И только посреди лодки стоитъ во весь свой небольшой ростъ японецъ и мѣрно колотитъ въ барабанъ: разъ, два, три, — пропуская четыре, и т. д., безъ конца. Гребутъ въ тактъ барабану частыми короткими взмахами.

Хотя четыре года тому назадъ мы видѣли и Нагасакскую бухту, и восхищались ею, но и теперь, выходя изъ нея, мы съ удовольствіемъ сидѣли на палубѣ. Взошла луна. Лёжа на лонгшезахъ, мы долго любовались оригинальными скалами, торчащими въ морѣ.

Нашъ японскій пароходъ содержится чисто, но японское вліяніе сказалось даже и въ самой конструкціи парохода: всѣ размѣры житейской обстановки миніатюрны; всѣ двери узки, притолки и потолки низки, лѣстничныя ступени мелки и, наконецъ, что всего чувствительнѣе, койки и коротки, и узки. Вся команда, отъ капитана до матроса, и вся прислуга—японцы. За столомъ, какъ „вездѣ“, вмѣстѣ съ пассажирами обѣдаютъ капитанъ, старшій офицеръ и докторъ, которые для этого переодѣваются въ пароходную форму европейскаго покроя; въ остальное же время дня они предпочитаютъ носить японское платье. Обѣдъ подается, какъ „вездѣ“; переодѣтые японцы стараются обходиться при помощи ножа и вилки, но мнѣ удавалось видѣть сквозь полуоткрытую дверь каюты, какъ тѣ же интеллигенты кейфуютъ у себя въ каютѣ, сбросивъ тѣсныя европейскія одежды, сидя на корточкахъ и ловко работая двумя палочками надъ рисомъ. Примѣру старшихъ слѣдуетъ и прислуга, одѣвающаяся въ европейскій костюмъ только къ столу.

На другой день по выходѣ изъ Нагасаки мы проснулись въ корейскомъ порту Фузанъ. Несмотря на дождь, мы съѣхали на берегъ на корейской лодкѣ, пропахнувшей соленой рыбой. Тотъ же запахъ стоялъ надъ всѣмъ Фузаномъ. Изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ мы оказались, выйдя на берегъ, не зная, куда направить свои стопы, насъ вывелъ японецъ, m-r O., едва говорящій по-русски, чему онъ научился, занимаясь поставками на русскія военныя суда. Пока m-r O., приглашенный сопутствовать намъ, переодѣвался, въ виду важности сего, въ галстухъ и прочія необходимыя части европейскаго туалета, мы разсматриваемъ его лавку. Между игрушками преобладаютъ картонные тигры съ качающимися головами. Очевидно, для корейца тигръ является такимъ же популярнымъ звѣремъ, какъ медвѣдь въ Россіи. M-r O. появляется въ блескѣ бумажнаго фоколя, и мы идемъ осматривать Фузанъ. Первая достопримѣчательность Фузана — водопроводъ, рѣдкость, встрѣчающаяся, по словамъ m-r O., далеко не во всѣхъ городахъ... надо понимать—Кореи. Утопая въ грязи, мы проходимъ мимо японской казармы, стоящей въ недурномъ паркѣ; часовые осматриваютъ насъ не особенно дружелюбно. Послѣ водопровода гидъ ведетъ насъ осмотрѣть японскій садикъ богатаго купца Фу-ку-да съ видомъ на портъ; видъ перерѣзается стоящей передъ садомъ кирпичной заводской трубой паровой рисовой мельницы. Отъ попытки пройти по корейскому кварталу пришлось отказаться изъ-за невылазной грязи улицъ, а также, говоря правду, изъ-за отвратительной грязи дворовъ и фанзъ-жилищъ корейцевъ. Въ этой грязи корейцы носятъ бѣлыя одежды.

Завтракать мы остались въ единственномъ ресторанѣ Фузана — „Tokyo-Ro". Не рѣшаясь снять мокрыхъ сапогъ, мы завтракали на балконѣ, окруженные большой толпой изъ корейцевъ, японцевъ и китайцевъ. Меню состояло изъ пахучей рыбы, безвкуснаго риса и рисоваго пива. Подъ дождемъ вернулись мы на пароходъ, снѣдаемые корейской скукой.

Черезъ сутки монотоннаго плаванія вдоль береговъ Кореи, едва видныхъ сквозь завѣсу мелкаго, непрестаннаго дождя, мы приходимъ въ другой корейскій портъ—Гензанъ. Даже хорошая погода соблазняетъ только двухъ пассажировъ съѣхать на берегъ. На такой же пахнущей соленой рыбой лодкѣ, какъ и въ Фузанѣ, съѣзжаемъ мы на берегъ. Тутъ вонь отъ рыбы невообразимая. По всѣмъ дворамъ города стоятъ стоги рыбы, прикрытые рисовой соломой, совершенно какъ у насъ сохраняется сѣно.

Едва мы сошли на берегъ, мимо насъ прошла похоронная процессія. Впереди несли на длинныхъ шестахъ пучки бѣлыхъ бумажныхъ лентъ съ корейскими надписями, развѣвавшихся по вѣтру. Ящикъ съ покойникомъ несла толпа, пляшущая, орущая, бьющая въ барабанъ. И передъ гробомъ, и сзади него, на тѣхъ же носилкахъ, установлены куклы съ мечомъ въ рукѣ и „устрашающими" рожами. Ихъ дергаютъ за веревочки, и куклы машутъ саблями и дрыгаютъ ногами, чѣмъ и отгоняютъ злыхъ духовъ. Съ тою же цѣлью носильщики испускаютъ грозные вопли. А чтобы задобрить духовъ, имъ щедро разбрасываютъ деньги; но такъ какъ духи не очень свѣдущи въ земныхъ дѣлахъ и легко поддаются обману, то имъ разбрасываютъ не настоящія деньги, а бумажные кружочки и квадратики. Объясненіе всего этого намъ давалъ канадскій миссіонеръ-пресвитеріанецъ, встрѣтившійся намъ на улицѣ, одинъ изъ тѣхъ миссіонеровъ, изъ-за которыхъ, когда ихъ убиваютъ, пославшее ихъ государство занимаетъ портъ и печатаетъ ихъ портреты въ своихъ иллюстраціяхъ.

По мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ спутниковъ, наши визиты въ Фузанъ и Гензанъ отличаются одинъ отъ другого лишь тѣмъ, что въ Фузанѣ шелъ дождь, а въ Гензанѣ дождя нѣтъ; но и въ Фузанѣ, и въ Гензанѣ надъ всѣмъ корейскимъ преобладаетъ чужеземная цивилизація, насаждаемая японцами. И на почтѣ, и на телеграфѣ чиновники—исключительно японцы. Для отправки писемъ за границу Кореи требуются японскія марки; корейскія же почтовыя марки годны для обращенія лишь внутри страны. Одновременно съ нами на почту пришелъ европеецъ, старшій офицеръ съ корейскаго „Императорскаго парохода"; такъ написано на шляпахъ и курткахъ его матросовъ-корейцевъ, попадавшихся намъ на улицѣ, въ европейской „полуформѣ": кромѣ форменныхъ шапокъ и куртокъ, на нихъ ничего не было.

Теплый вечеръ вызвалъ всѣхъ пассажировъ на палубу. Чудная картина заката солнца въ бухтѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами, смѣнилась картиной восхода луны. Калейдоскопъ яркихъ красокъ закончился зеленой Куинджіевской лунной ночью. Несмотря на духоту въ каютахъ, пассажиры вынуждены на ночь уйти съ палубы изъ-за массы крысъ, свободно бѣгающихъ по палубѣ.

Еще черезъ сутки плаванія по Японскому морю мы подходимъ къ Владивостоку.

Двѣ недѣли провели мы среди японцевъ, въ самой Японіи и на японскомъ пароходѣ. За все время видѣли любезное, при-

вѣтливое отношеніе къ намъ японцевъ, и въ то же время чувствовалась не то что неискренность, но какъ бы поверхностность такого къ чужестранцамъ отношенія. Японцы весьма привѣтливы и изысканно вѣжливы во взаимныхъ между собою отношеніяхъ. Надо полагать, что пріятная манера японца въ обращеніи съ чужеземцемъ является скорѣе результатомъ привычки, воспитанія японца, но было бы ошибочно принимать ее какъ показатель особаго расположенія японской націи къ бѣлой расѣ.

Несмотря на существованіе общества „Ki-hin-kai" для сближенія чужестранцевъ съ японцами, многіе путешественники жалуются, что до самаго послѣдняго времени открытіе Японіи иностранцамъ коснулось лишь нѣсколькихъ портовъ и узенькихъ полосокъ земли, перерезанныхъ желѣзными дорогами. Попытки туристовъ уклониться съ этихъ полосокъ внутрь страны, будто бы, встрѣчали, а можетъ быть и встрѣчаютъ всякаго рода противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей. Въ результатѣ — полное незнаніе Японіи бѣлой расой, вынужденной пробавляться нѣсколькими ходячими шаблонами, иногда и безспорно ошибочными. Какъ на примѣръ одного изъ такихъ заблужденій, можно указать на сложившееся мнѣніе о бракѣ въ Японіи. Описанные въ „M-me Chrysantème" нравы и обычаи, несомнѣнно существующіе въ портовыхъ городахъ Японіи, являются скорѣе портовыми, чѣмъ японскими нравами. Безъискусственныя указанія милыхъ, наивныхъ народныхъ сказокъ являются, конечно, болѣе достовѣрными, чѣмъ поэтическія описанія чужеземцевъ.

Японцы весьма охотно, повидимому, допустили въ свою страну европейцевъ и американцевъ для устройства верфей, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и иныхъ коммерческихъ предпріятій. Сознавая свое полное невѣжество въ дѣлѣ промышленной техники, низко присѣдая и подобострастно втягивая въ себя воздухъ, которымъ дышатъ піонеры европейской цивилизаціи въ Японіи, японцы ограничились на первое время занятіемъ третьестепенныхъ мѣстъ во вновь учреждаемыхъ предпріятіяхъ. Терпѣливо приглядываясь къ техникѣ веденія дѣлъ, не задаваясь широкими вопросами учрежденія новыхъ дѣлъ и даже улучшенія налаженныхъ, японцы понемногу заняли второстепенныя мѣста помощниковъ. Во время нашего посѣщенія Японіи въ мѣстныхъ „европейскихъ" газетахъ стонъ стоялъ отъ довольно комичныхъ жалобъ на неблагодарныхъ японцевъ: постепенно подъучившіеся японцы совершенно вытѣсняютъ учителей своихъ изъ заведенныхъ послѣдними предпріятій и даже — о, дерзость! — позволяютъ себѣ заводить новыя, разумѣется, по точному образцу суще-

ствующихъ. Съ коммерческой точки зрѣнія европейцамъ бороться съ этимъ немыслимо, въ виду нищенскихъ, на взглядъ европейца, окладовъ, которыми довольствуются всякаго рода агенты-японцы вплоть до директоровъ. Нагляднымъ примѣромъ такой эмансипаціи японцевъ можетъ быть приведенъ пароходъ нашъ „Tairen-Maru", занятый исключительно японцами. Такой же эмансипаціей нельзя не признать настойчивыя притязанія японцевъ на исключительное право насаждать въ Кореѣ японскія копіи европейской цивилизаціи.

Оглядываясь на собственныя впечатлѣнія отъ Японіи, сопоставляя ихъ съ установившимися ходячими шаблонами объ японцахъ, нельзя не отмѣтить, что Японія до сихъ поръ является для европейцевъ terra incognita. Въ теченіе многихъ вѣковъ развивавшаяся самостоятельно, жившая безъ всякаго соприкосновенія съ цивилизаціей бѣлой расы, Японія только недавно, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, пріоткрыла двери передъ Европой. Въ результатѣ—на поверхности японской, вѣками сложившейся жизни, образовался легкій налётъ европейской культуры; ядро же, повидимому, осталось нетронутымъ и во всякомъ случаѣ совершенно намъ неизвѣстнымъ и неизслѣдованнымъ. При кратковременномъ поверхностномъ посѣщеніи Японіи путешественники сталкиваются главнымъ образомъ съ европейскими учрежденіями Японіи, пользуются услугами японцевъ, старающихся примѣниться къ привычкамъ путешественниковъ. Но при первыхъ же случаяхъ, дающихъ возможность заглянуть въ японскую жизнь, вы оказываетесь въ положеніи наблюдателя совершенно непонятной для васъ жизни. Не понимая жизни, не зная прошлаго ея, вы лишены возможности оцѣнить и прочувствовать значеніе проходящей передъ вашими глазами картины; рядъ отрывочныхъ, плохо усвоенныхъ впечатлѣній не можетъ сгруппироваться въ яркій цѣльный образъ...

И теперь, нѣсколько времени спустя, когда сгладились и забылись мелочи путешествія, при подведеніи итоговъ впечатлѣній отъ посѣщенныхъ странъ, далекая Японія представляется намъ загадкой, въ видѣ аллегорической виньетки общества „Ki-hin-kai", изображающей японку, склонившуюся въ привѣтственномъ поклонѣ: „Японія привѣтствуетъ иностранцевъ".

Этимъ внѣшнимъ привѣтствіемъ пока, повидимому, и ограничивается Японія въ своихъ отношеніяхъ къ бѣлой расѣ.

Ѳ. Кнорringъ.

САМОБЫТНОСТЬ или ОТСТАЛОСТЬ?...

ЭТЮДЪ.

I.

Національная идея была во второй половинѣ прошлаго столѣтія той силой, которая обнаружила наибольшее вліяніе на историческія судьбы Европы: она вызвала объединеніе Италіи и Германіи, освобожденіе большей части южныхъ славянъ изъ подъ власти турокъ, образованіе самостоятельныхъ королевствъ Сербіи и Румыніи и полунезависимаго княжества Болгаріи; она была причиной польскаго возстанія; она измѣнила государственный строй Австро-Венгріи.

Вызвавъ такія міровыя событія, она не могла не отразиться на политическомъ міросозерцаніи отдѣльныхъ лицъ, политическихъ партій и другихъ группъ населенія. Идея національности обнаружила поэтому большое вліяніе и на внутреннюю политику большинства государствъ всего міра. Она почти повсемѣстно вызвала въ извѣстныхъ слояхъ и кругахъ общества, болѣе или менѣе многочисленныхъ и различныхъ по степени вліятельности, настроеніе, которое проявляется—гдѣ въ формѣ націонализма, гдѣ—имперіализма.

Въ основѣ націонализма лежитъ, также какъ и въ патріотизмѣ, культъ отечества, но понятія эти далеко не тождественны. Чувству патріотизма, любви къ родинѣ, не можетъ быть поставлено предѣловъ, оно безгранично, какъ сама любовь,—а націонализмъ за извѣстной чертой утрачиваетъ всѣ свои добрыя свойства. Патріотъ не закрываетъ глазъ на недостатки и несо-

вершенства своего отечества, онъ ими болѣетъ, онъ негодуетъ [1]), страстно желаетъ ихъ измѣненія; — крайній націоналистъ старается ихъ не видѣть. Патріотизмъ безкорыстенъ;—національмъ способенъ служить партійнымъ цѣлямъ, лицемѣрно прикрывая тѣмъ отсталость, ретроградство. Наконецъ, истинный патріотизмъ справедливъ и терпимъ [2]); — національмъ способенъ доводить свои предубѣжденія и пристрастіе до преслѣдованія, до жестокости.

Понятіе націонализма въ тѣсномъ смыслѣ собственно и опредѣляется этими отрицательными его сторонами.

Особенность русскаго націонализма, теперь, какъ и прежде, заключается въ томъ, что въ основѣ его лежитъ идея русской національной самобытности.

Самобытность есть свойство, присущее всякому государству. Самобытность есть прямое и естественное послѣдствіе его политической независимости, географическаго положенія, національныхъ свойствъ населенія, его историческихъ судебъ и другихъ особенностей меньшаго значенія. Это—такое безспорное свойство каждаго отдѣльнаго государства, что на Западѣ никому и въ голову не приходитъ говорить о самобытности отдѣльныхъ государствъ, какъ о чемъ-то требующемъ насажденія или доказательства.

Въ Россіи идея самобытности, возведенная въ принципъ, составляетъ основу цѣлой политической системы. Проблески этого ученія появляются въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ писателей еще съ начала прошлаго столѣтія (Шишковъ, Веневитиновъ, Шевыревъ). Затѣмъ, люди этого направленія, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, сплотились въ дружескій кружокъ „славянофиловъ“. Всѣ члены его получили образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ и воззрѣнія ихъ имѣли тѣсную связь съ нѣмецкимъ романтизмомъ и навѣяны философіей Гегеля,—какъ объ этомъ упоминаетъ самъ основатель ученія И. В. Кирѣевскій.

Въ заимствованныхъ Россіей у западной Европы государственныхъ порядкахъ ихъ времени славянофилы возненавидѣли западную культуру и прославляли до-Петровскую Русь. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ „русскій міръ“

[1]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кн. Вяземскому Пушкинъ говоритъ: „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство“. Въ другомъ мѣстѣ великій поэтъ досадуетъ: „Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ“.

[2]) Петръ Великій писалъ (9 марта 1718): „Совѣсть человѣческая единому Богу только подлежитъ“.

и „сельскую общину“ и по состоянію человѣческихъ знаній того времени въ соціологіи, этнографіи и антропологіи — ошибочно призналъ ихъ русскими самобытными учрежденіями, наслѣдіемъ долженствовавшей прежде существовать общности имущества. Послѣ этого крестьянская община стала основнымъ пунктомъ политической и экономической теоріи славянофиловъ. Общинный принципъ русскаго народнаго строя противополагался западному индивидуализму.

Впослѣдствіи то же начало легло въ основу политическаго ученія русскихъ соціалистовъ и народниковъ.

Книга Данилевскаго: „Россія и Европа“, написанная еще въ 1869 г., но получившая извѣстность и обширное распространеніе только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, вполнѣ опредѣлительно поставила принципъ противоположенія русской самобытности всей западной культурѣ. „Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой“,—говорилъ Данилевскій. Русская самобытность, съ своей стороны, есть „убѣжище и якорь“ для славянъ. Могучая рука Россіи предохранитъ ихъ отъ зараженія европейской „гнилью“ и народится особая „всеславянская“ цивилизація для великаго, единаго славянскаго государства того будущаго, когда штурмовыя колонны славянъ рѣшатъ борьбу между Востокомъ и Западомъ. Книга Данилевскаго довольно полно выражаетъ политическое міросозерцаніе современныхъ русскихъ націоналистовъ, въ которое входитъ и идея воинствующаго панславизма.

Крайнія политическія построенія составляютъ отличительную черту всякаго общества, отрѣшеннаго отъ практической политики.

Идея „самобытности“ въ широкой постановкѣ русскихъ націоналистовъ могла появиться и возрасти только на безграничномъ просторѣ отвлеченной политической теоріи. Въ дѣйствительности—національной самобытности, во всякомъ случаѣ самобытности полезной, полагаютъ предѣлы вполнѣ опредѣлительные законы, которымъ подчиняются человѣческія общества въ своемъ соціальномъ и экономическомъ развитіи. Законы эти непреклонны, такъ какъ ихъ предопредѣляетъ физическая и духовная природа человѣка или такія неотвратимыя причины, какъ непрерывный ростъ населенія при неизмѣнномъ пространствѣ земельной площади.

Физическая организація человѣка дала ему возможность при-

способить камень, какъ оружіе и какъ орудіе первобытнаго производства. Ударъ камня о камень открылъ ему огонь, источникъ тепла и свѣта. Здѣсь зародышъ экономическаго развитія человѣческихъ обществъ, ихъ матеріальнаго прогресса. Овладѣвъ силами природы, человѣкъ получилъ возможность непрерывно совершенствовать условія своего матеріальнаго благосостоянія.

Въ духовной природѣ человѣка, стоящаго еще на степени первобытной дикости, уже замѣчаются зачатки альтруизма, участія къ ближнему: дикіе островитяне, обнаруживъ присутствіе выброшеннаго на берегъ кита, оповѣщаютъ о томъ сосѣдей, чтобы и они могли принять участіе въ общемъ пирѣ.

Этотъ прирожденный духовной природѣ человѣка альтруизмъ нашелъ свое высшее выраженіе въ ученіи Христа: „Возлюби ближняго, какъ самого себя“. Этотъ культъ любви всеобъемлющъ, —для христіанскаго Бога „нѣтъ ни еврея, ни эллина“; онъ независимъ отъ земныхъ преходящихъ условностей,—„воздайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу“.

Въ этихъ заповѣдяхъ христіанства лежитъ основа современной цивилизаціи, и онѣ служатъ главнымъ орудіемъ соціальнаго прогресса.

Девятнадцать вѣковъ ведетъ христіанство успѣшную борьбу съ несовершенствомъ человѣческой природы, съ грубостью и варварствомъ человѣческихъ обществъ,—и свѣточъ этой религіи любви, который не угасъ и въ изувѣрствахъ религіозной нетерпимости, медленно, но вѣрно приведетъ въ свое время человѣчество къ братству людей и народовъ.

Съ другой стороны, научныя изслѣдованія, особенно въ области антропологіи и этнографіи, освѣтили со всѣхъ сторонъ пройденный человѣчествомъ историческій путь. Мы теперь ясно видимъ, что всѣ народы въ послѣдовательныхъ фазисахъ своего развитія переживали однородныя формы и условія общественныхъ отношеній, подчиняясь общему для всего человѣчества закону. Мы знаемъ, что цивилизаціи античнаго міра и наиболѣе совершенные соціальные порядки современныхъ культурныхъ странъ составляютъ послѣдствія медленнаго, но постояннаго, много тысячелѣтій продолжающагося развитія путемъ приспособленія къ измѣняющимся внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ и отношеніямъ, причемъ исходная точка этой эволюціи лежитъ въ такихъ формахъ общественности, которыя у всѣхъ первобытныхъ народовъ совершенно однородны, какъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ, такъ и у современныхъ намъ представителей первобытной культуры.

Основу всякой общественности составляетъ понятіе о собственности, которое есть врожденный и повелительный инстинктъ. Корни его лежатъ въ потребности жить и защищать свое существованіе.

Инстинктъ этотъ проявляется сперва въ простѣйшей формѣ захвата и немедленнаго поглощенія или истребленія предметовъ. Пока человѣкъ питается только продуктами охоты и естественными произведеніями земли, у него не можетъ возникнуть понятіе личной собственности. Дарвинъ, наблюдавшій дикарей Огненной Земли, сообщаетъ, что если одному изъ нихъ дать кусокъ ткани, то онъ разрываетъ ее на куски, и каждый беретъ свою часть.

Такое отношеніе къ собственности впередъ опредѣляетъ и общественный строй людей въ состояніи первобытной дикости. Отличительными чертами его служатъ: коммунизмъ, всеобщее равенство и безвластіе, анархизмъ,—и это несмотря на различіе ихъ племенного происхожденія, на крайнее разнообразіе мѣстныхъ условій, на разбросанность дикарей во всѣхъ частяхъ земного шара, не исключающую самую возможность какого-либо между ними общенія.

Въ эпоху варварства человѣкъ уже приручаетъ и разводитъ животныхъ; занимается культурой растеній; научается выдѣлывать глиняную посуду, знакомится съ обработкой металловъ, дѣлаетъ изъ нихъ бронзовые сплавы и доходитъ наконецъ до плавки желѣза.

Успѣшность всѣхъ этихъ занятій зависитъ отъ степени физической силы, природныхъ дарованій, трудолюбія. Трудъ порождаетъ семейную или личную собственность; индивидуальныя различія и степень бережливости содѣйствуютъ образованію неравенства состояній. Стремленіе къ приращенію достоянія захватомъ и защита отъ сосѣдей вызываютъ потребность въ умѣломъ вождѣ и общемъ къ нему повиновеніи.

При этихъ условіяхъ общественный строй въ состояніи варварства—повсемѣстно и во всѣ времена—зиждется на деспотическомъ единовластіи, доходящемъ иногда до обоготворенія властелина, на сословномъ неравенствѣ и рабствѣ.

Та же однородность замѣчается у разныхъ народовъ и въ отличительныхъ признакахъ цивилизаціи во всѣхъ ея фазисахъ. Это вполнѣ подтверждаетъ исторія Европы въ эпоху Возрожденія и въ XVIII вѣкѣ, а также новѣйшая ея исторія въ истекшемъ XIX столѣтіи.

Въ исходѣ среднихъ вѣковъ пробудился духъ классической

древности и сталъ для всѣхъ народовъ западной Европы той прогрессивной силой, которая выступила на борьбу съ господствомъ церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, съ схоластикой и аскетизмомъ. Гуманизмъ окрылилъ человѣческій умъ, вызвалъ повсемѣстно замѣчательныя открытія въ области точныхъ наукъ и одинаково содѣйствовалъ расцвѣту литературы и искусствъ въ различныхъ государствахъ Европы. Этому въ равной степени содѣйствовали славянинъ Коперникъ, нѣмецъ Кеплеръ, итальянецъ Галилей.

На государственный и общественный строй Европы обнаружило тогда могучее вліяніе и римско-византійское право, кодексъ Юстиніана. Оно почти повсемѣстно вытѣсняло національное, народное и обычное право не только въ судебной сферѣ, но и въ управленіи. Юристы заняли по назначенію государей такія положенія, которыя принадлежали прежде дворянству по праву рожденія или духовнымъ лицамъ. Возникло чиновничество, бюрократія съ характеромъ, соотвѣтствовавшимъ началамъ римскаго права. Абсолютизмъ и бюрократія содѣйствовали болѣе опредѣлительной постановкѣ государственной идеи, которая стала превыше особыхъ правъ и привилегій средневѣкового сословнаго строя. Въ соціальной эволюціи Европы XVIII вѣка абсолютизмъ и бюрократія были началомъ просвѣтительнымъ и прогрессивнымъ. Наиболѣе типичные представители просвѣщеннаго абсолютизма того времени стояли по широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ, задачъ и идеаловъ много выше современнаго имъ общества.

Петръ I только насиліемъ могъ ввести Россію въ сонмъ европейскихъ государствъ. Екатерина II, стоявшая на уровнѣ самыхъ передовыхъ политическихъ воззрѣній французскихъ энциклопедистовъ, сдѣлала попытку привлечь представителей общества къ законодательной разработкѣ проекта органической реформы государственныхъ и общественныхъ учрежденій имперіи,—и попытка оказалась неудачной. Столько же безуспѣшными оказались мѣры, предпринятыя Екатериной, чтобы вызвать въ русскомъ обществѣ движеніе въ пользу освобожденія крестьянъ. Вольтеръ, ожидавшій торжества либеральныхъ и гуманитарныхъ началъ только отъ просвѣщеннаго деспотизма, предвидѣлъ эти неудачи. Фридрихъ II, понимавшій все значеніе крестьянскаго земледѣлія, энергично остановилъ шедшее быстрыми шагами обезземеленіе прусскихъ крестьянъ помѣщиками.

При дальнѣйшемъ ростѣ цивилизаціи живительными силами для народовъ христіанской культуры стали—въ XIX столѣтіи—

личная свобода и общественная самодѣятельность, законность и равноправность, вѣротерпимость и гуманность.

Эти основныя начала современнаго государственнаго общежитія всѣхъ просвѣщенныхъ странъ на Западѣ и полагаютъ границы самобытности отдѣльныхъ государствъ;—ихъ отрицаніе уже не есть самобытность, а самая обыкновенная отсталость.

II.

Въ жизни человѣческихъ обществъ отсталость есть мертвящее начало, потому что для государственнаго организма, также какъ и въ мірѣ физическомъ, жизнь состоитъ въ движеніи, причемъ жизненные процессы состоятъ не только въ созданіи новыхъ элементовъ, но и въ вымираніи и удаленіи отжившихъ. Здоровый ростъ жизнеспособнаго народа требуетъ непрерывнаго развитія, своевременнаго приспособленія къ измѣняющимся физическимъ условіямъ и соціальнымъ требованіямъ. Государство, остановившееся въ этомъ поступательномъ движеніи, застывшее на извѣстной степени своего развитія, лишается своихъ жизненныхъ силъ, разлагается и наконецъ прекращаетъ свое существованіе.

Аѳины, которыя достигли въ свое время самой высокой изъ доступныхъ человѣчеству степеней культуры, погубило рабство, которое устранило трудъ свободныхъ гражданъ, создало экономическое и политическое преимущество для богатыхъ и вызвало противоположеніе интересовъ этого привилегированнаго меньшинства и обездоленнаго большинства. Отсюда слабость, истощеніе жизненной энергіи, которыми и воспользовался Филиппъ Македонскій. Затѣмъ прогремѣлъ на весь міръ геній Александра и за преходящимъ блескомъ его царствованія послѣдовало однообразіе бездушнаго политическаго деспотизма, которое привело Грецію со всей ея славой въ зависимое положеніе римской провинціи.

Римское государство пало, въ свою очередь, не только вслѣдствіе сосредоточенія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе односторонняго и до уродливости ненормальнаго развитія начала государственности, приведшаго къ обоготворенію императорской власти и къ полному поглощенію всякой общественности и личной предпріимчивости. Этотъ бездѣятельный народъ противополагался всесильному правительству, отъ котораго онъ пріучился сперва всего

ожидать, а затѣмъ и всего требовать—и хлѣба, и забавъ: panem et circenses.

Преемница римской имперіи — Византія — погибла въ неподвижности своего декадентскаго догматизма.

Въ настоящее время вѣковая неподвижность на извѣстной степени развитія привела на край гибели Китай, съ его старинной и весьма совершенной культурой. Цѣлость и мнимая независимость Китая сохраняются лишь по произволенію европейскихъ державъ, которыя обрекли его служить поприщемъ для проявленія ихъ промышленной предпріимчивости.

На безсиліе обречены и всѣ мусульманскія страны,—какъ государства, въ которыхъ непреложность вѣроисповѣднаго догмата замѣняетъ прогрессивный законъ, служа причиной отсталости, застоя и косности.

Относительно отсталости отмѣтимъ еще слѣдующее наблюденіе, которое имѣетъ большое значеніе для практической политики нашего времени.

Въ своемъ поступательномъ движеніи человѣчество долѣе всего останавливается на первыхъ степеняхъ своего экономическаго и соціальнаго развитія. Первобытная дикость продолжается многія тысячелѣтія; цѣлую тьму вѣковъ длится и варварское состояніе,—но чѣмъ совершеннѣе становятся условія государственнаго общежитія, тѣмъ быстрѣе совершается соціальная эволюція, тѣмъ скорѣе получаются плоды достигнутыхъ улучшеній и тѣмъ на бо̀льшія разстоянія передовыя націи обгоняютъ отсталыхъ. Отсталость Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, когда освободительныя реформы удесятерили духовныя и матеріальныя силы другихъ государствъ Европы, конечно, во много разъ вреднѣе отозвалась на нашемъ культурномъ развитіи и матеріальной мощи, чѣмъ два столѣтія татарскаго ига.

Такимъ образомъ, принципіально и по указаніямъ историческаго опыта, опредѣляется граница полезной національной самобытности, за которой она становится вредной и тлетворной отсталостью.

Въ русскомъ національзмѣ существуютъ два противныхъ одно другому теченія: ихъ правильно будетъ назвать—одно руссофильскимъ, другое—ретрограднымъ.

Руссофилы,—при всемъ различіи оттѣнковъ ихъ политическихъ воззрѣній,—вообще не мирятся съ современными порядками нашего соціальнаго и государственнаго строя;—ретрограды

въ нихъ-то именно и видятъ проявленіе русской національной самобытности.

Руссофилы чувствуютъ себя оскорбленными въ національномъ достоинствѣ послѣдовавшимъ при Петрѣ I заимствованіемъ у западныхъ народовъ порядковъ государственнаго общежитія, недостатки которыхъ въ настоящее время для нихъ очевидны. Они идеализируютъ поэтому общественные порядки до-Петровскаго времени и ищутъ въ нихъ основы для національныхъ учрежденій. Ретрограды—русскимъ національнымъ флагомъ прикрываютъ всякую политическую ветошь иностраннаго, преимущественно нѣмецкаго издѣлія, давно уже вышедшую изъ употребленія въ мѣстахъ своего происхожденія.

Руссофилы, по крайней мѣрѣ значительное ихъ большинство, являются горячими сторонниками реформъ императора Александра II, положившихъ начало упорядоченію и обновленію русской общественной жизни: въ новшествахъ этого государя имъ чуется родная старина. Ретрограды,—страдая ясно выраженнымъ атавизмомъ крѣпостничества,—стремятся возстановить въ возможной полнотѣ сословно-полицейскій строй учрежденій XVIII-го вѣка.

Часть руссофиловъ,—бо́льшая ихъ часть,—сходится съ ретроградами только въ общей ихъ враждѣ къ инородцамъ и иновѣрцамъ, входящимъ въ составъ русскаго государства. Но тогда какъ у первыхъ этотъ племенной эгоизмъ („Россія для русскихъ“) есть послѣдствіе невѣрнаго пониманія причинъ нѣкоторыхъ экономическихъ преимуществъ иноплеменныхъ элементовъ населенія Россіи передъ обездоленной массой русскаго народа,—у вторыхъ вражда эта является послѣдствіемъ сочувствія ко всякому проявленію полицейскаго гнета.

Число русскихъ самобытчиковъ руссофильскаго направленія весьма значительно,—многочисленныхъ сторонниковъ его можно встрѣтить въ служиломъ классѣ, въ войскѣ, въ земствѣ, въ средѣ болѣе или менѣе интеллигентнаго русскаго купечества. Печатныя изданія, служащія выраженіемъ этого направленія, пользуются большимъ распространеніемъ. Численность самобытчиковъ-ретроградовъ, по крайней мѣрѣ, искреннихъ, не лицемѣрныхъ—ничтожна. Земскія и дворянскія собранія, въ которыхъ этимъ ретроградамъ удается заручиться большинствомъ голосовъ, составляютъ рѣдкіе оазисы на обширномъ пространствѣ россійской имперіи. Органы печати этого направленія не могли бы вовсе существовать безъ посторонней поддержки,—подписка не покрывала бы расходовъ по ихъ изданію.

Самобытчики-руссофилы ясно видятъ недостатки существующаго порядка, сознаютъ также необходимость движенія впередъ, но находятъ,—двѣсти лѣтъ послѣ реформы Петра I,—что „ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой". Національныя особенности, обусловливающія русскую самобытность, требуютъ, по ихъ понятіямъ, возвращенія къ государственнымъ началамъ до-Петровскаго времени, которые и должны стать исходной точкой нашего дальнѣйшаго развитія. Захвативъ на этомъ историческомъ пути соплеменныхъ намъ славянъ, намъ предстоитъ насадить отъ дичковъ этой русской самобытности болѣе совершенную цивилизацію и болѣе справедливые соціальные порядки на мѣстѣ прогнившей насквозь западной культуры.

Здѣсь нельзя не замѣтить прежде всего, что сомкнуть давно разорванную цѣпь историческихъ традицій между нашимъ современнымъ строемъ и порядками Московскаго государства—черезъ голову Петра Великаго—дѣло мудреное. При этомъ пришлось бы во всякомъ случаѣ тщательно отцѣдить русскія національныя начала отъ татарской дикости и византійскаго мертвящаго догматизма.

Да и нужно ли это? Существуютъ ли въ дѣйствительности тѣ прирожденныя намъ особенности, которыя—для русскаго народа и имѣющихъ раздѣлить его историческія судьбы другихъ народностей славянскаго корня — намѣчаютъ путь общественнаго развитія, совершенно отличный отъ того, по которому движется остальное человѣчество, подчиняясь общимъ міровымъ законамъ соціальной эволюціи, пожиная обильные плоды своего имъ подчиненія и будучи жестоко наказываемо за ослушаніе? Если такія особенности существуютъ, то придется еще доказать идейное и практическое преимущество передъ общественными порядками, составляющими послѣдствіе такъ называемой западной культуры.

Перебравъ всѣ формулы особливой русской самобытности,—начиная съ той, которую въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія далъ на страницахъ „Москвитянина" Шевыревъ, и кончая принципами этой самобытности въ формулировкѣ новѣйшихъ представителей руссофильскаго направленія,—мы увидимъ, что коренными началами русской самобытности признаются: особая чистота и напряженность въ русскомъ народѣ религіознаго чувства, единовластіе и врожденное русскому народу начало общественности, противополагаемое западному индивидуализму.

Достаточно этого перечисленія, чтобы стало до очевидности

ясно, что во всемъ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего самобытнаго не только въ духѣ русскихъ, но и какихъ бы то ни было національныхъ началъ.

Совершенно невѣрно, чтобы русскимъ людямъ были свойственны особенная напряженность и чистота религіознаго чувства. Напротивъ того, справедливость требуетъ признать, что у весьма многихъ народовъ,—у англо-саксовъ, напримѣръ,—христіанскаго благочестія во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ у насъ. Притомъ же исповѣданіе вѣры по православному обряду не есть національная особенность одного русскаго народа, уже не говоря о томъ, что самое превознесеніе своей вѣры передъ другими столько же противно христіанскому ученію, — его осудилъ божественный Учитель въ книжникахъ и фарисеяхъ-лицемѣрахъ,—сколько и духу русскаго народа, который по природѣ своей въ высокой степени терпимъ.

Единовластіе и неограниченная монархія не могутъ представлять собою ничего національнаго уже потому, что они существовали у всѣхъ почти народовъ земного шара, а у многихъ изъ нихъ продолжаютъ существовать и понынѣ. Съ другой стороны, парламентаризмъ, т.-е. правленіе черезъ представителей большинства народнаго собранія, не есть вовсе необходимая принадлежность западной цивилизаціи. Его не знаетъ и теперь Германія, одно изъ наиболѣе передовыхъ и въ настоящее время быстрѣе другихъ прогрессирующее государство цивилизованнаго міра. Германскій императоръ правитъ по божественному праву и на всей своей волѣ, нуждаясь въ согласіи общественнаго представительства только для изданія новыхъ законовъ и для обложенія населенія еще несуществующими налогами.

Отличие русскаго историческаго самодержавія отъ западнаго абсолютизма подробнѣе всего выясняется въ запискѣ, поданной Константиномъ Аксаковымъ императору Александру II въ 1855 году. Понятіе это обусловливается гармоническимъ сочетаніемъ государства и земли, причемъ правительству должны принадлежать—„неограниченная власть государственная; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, законы; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова". Отсюда—„полная свобода слова устнаго, печатнаго — всегда и постоянно; и земскій соборъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны" (Дополненіе къ запискѣ К. А. 1855 года). Впослѣдствіи мѣстное земское самоуправленіе и регулярное земское совѣщательное представительство по дѣламъ законодательнымъ

вошли въ объемъ правъ земли, уравновѣшивающихъ неограниченныя государственныя полномочія правительства.

Предоставляемая народу, отрекшемуся отъ власти, свобода жизни, духа, совѣсти и слова,—какъ органическая принадлежность русскаго самодержавія,—существуетъ у насъ покуда только въ этой теоріи исключительной русской самобытности. По правдѣ сказать, трудно и ожидать отъ какого-либо правительства, чтобы оно упразднило цензуру, даровало свободу собраній и привлекло земское представительство къ законодательной дѣятельности, — не для удовлетворенія назрѣвшихъ современныхъ потребностей и въ развитіе существующихъ учрежденій, — а въ видахъ, такъ сказать, антикварныхъ, потому, что „Владиміръ Мономахъ-князь и Михаилъ Романовъ-царь одинаково уважали земское соборное начало, и ихъ власть и достоинство, также какъ польза народная, отъ того не страдали“ [1]).

Одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ ученыхъ публицистовъ, А. Д. Градовскій, предрекалъ, что пока славянофилы будутъ заниматься ихъ „политической астрологіей, г.г. Катковы преспокойно вытащатъ у нихъ „свободу жизни, духа и слова“, какъ вытаскиваютъ носовой платокъ у зазѣвавшагося звѣздочета“. Совершенно понятно всякому непредубѣжденному человѣку, что для достиженія тѣхъ благъ, о которыхъ мечтаютъ русскіе самобытчики, требуется не историческая реставрація, а юридическія гарантіи прочнаго и правомѣрнаго государственнаго и соціальнаго строя.

Третій элементъ русской самобытности — это начало общественное, противополагаемое западному индивидуализму. Проявляется онъ въ сельской общинѣ, въ артеляхъ. Эта національная особенность утратила всякую подъ собой почву, съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно, что общинные порядки не составляютъ особенности русскаго народа, а свойственны всему человѣчеству въ опредѣленной стадіи развитія. Намъ извѣстно, гдѣ, когда, по какимъ причинамъ и при какихъ условіяхъ они уступали другимъ общественнымъ и аграрнымъ отношеніямъ.

Извѣстныя земельныя угодья сохраняютъ понынѣ, и внѣ Россіи, коммунальный характеръ. Въ Швейцаріи не только существуютъ общественныя земли, но вліяніе прежняго сельскаго общиннаго строя весьма сильно отражается въ гражданскомъ правѣ нѣкоторыхъ кантоновъ и въ ихъ современной политической конституціи. Кантоны Ури, Гларисъ, два Аппенцельскихъ и оба Унтервальденскихъ не знаютъ и теперь представитель-

[1]) Статья А. В. Васильева въ „Благовѣстѣ“ 1890 г.: „Задачи и стремленія славянофильства“.

наго правленія. Ихъ народныя собранія суть не что иное, какъ разросшіеся численно и съ усложнившимися предметами вѣдомства—прежніе сельскіе сходы. Каждую весну, въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, собираются подъ открытымъ небомъ всѣ совершеннолѣтніе и полноправные граждане — для голосованія законовъ и выбора должностныхъ лицъ, обязанныхъ приводить ихъ въ исполненіе.

Другія страны міра не находились въ столь же благопріятныхъ условіяхъ для сохраненія въ такой неприкосновенности общинныхъ порядковъ, основанныхъ на никогда не нарушавшихся національной независимости, всеобщемъ равенствѣ и личной свободѣ отдѣльныхъ гражданъ. Архаическую форму общинной собственности и обособленности крестьянскаго общественнаго управленія мы встрѣчаемъ теперь—какъ организацію безправія, —только у народовъ, подпавшихъ подъ власть иноплеменныхъ завоевателей, съ культурой отличной отъ побѣжденнаго коренного населенія: у южныхъ славянъ подъ игомъ турокъ, у индусовъ подъ владычествомъ англичанъ, у туземцевъ острова Явы —подъ властью голландцевъ.

У насъ роль завоевателей сыграли въ данномъ случаѣ рабовладѣльцы относительно крѣпостныхъ крестьянъ и чиновники относительно остальной массы коренного сельскаго населенія.

Благодаря крѣпостному праву, продолжительному господству бюрократизма и податнымъ порядкамъ, — населеніе Россіи раздвоилось на привилегированное и податное. Привилегированные классы, — дворяне, чиновники и придуманное въ 1832 г. сословіе почетныхъ гражданъ, а также купцы, пока уплачиваютъ торговые сборы, — живутъ по общему праву, а для податного народа, состоящаго подъ опекой и въ личной зависимости отъ чиновниковъ въ силу своего сословнаго происхожденія,—сохраняются стародавніе порядки общиннаго быта, насколько они соотвѣтствуютъ удобству управленія этимъ народомъ.

Такой соціальный строй нашего государства, конечно, своеобразенъ, но въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго въ русскомъ національномъ смыслѣ.

Крестьянская община положена во главу угла также въ ученіяхъ русскихъ соціалистовъ-народниковъ. Послѣднимъ принадлежитъ и весьма обстоятельное изученіе русскихъ общинныхъ порядковъ. Крайняя ихъ фракція относилась, въ противоположность романтизму славянофиловъ, къ изслѣдованію общины съ тѣмъ реализмомъ, при которомъ ея идеальное и историческое значеніе отступало на второй планъ,—для нихъ важное значеніе

имѣетъ самый фактъ существованія у насъ крестьянскихъ общинныхъ порядковъ, какъ вполнѣ готовой организаціи народныхъ массъ, составляющей на Западѣ только предметъ стремленій революціоннаго коммунизма.

Итакъ, политическая теорія „русской самобытности", противополагаемой западной культурѣ, не имѣетъ подъ собой твердой исторической почвы. Въ ученой исторической литературѣ существуетъ даже такое мнѣніе, что самая идея народности выработалась у насъ окончательно только подъ вліяніемъ тѣхъ же культурныхъ силъ, которымъ вся Европа обязана своей цивилизацiей. Національнаго вопроса въ этомъ смыслѣ у насъ не могло даже существовать до реформъ шестидесятыхъ годовъ.

„Императоръ Александръ II, безповоротно рѣшившій вопросъ о свободѣ многомилліоннаго сельскаго населенія, тѣмъ самымъ рѣшилъ",—говоритъ проф. Леонтовичъ,—„столь же безповоротно и другой вопросъ, о свободномъ развитіи русской національности. Создателя крестьянской „воли" можно съ полнымъ правомъ назвать современнымъ „собирателемъ" русской земли. Она собрана была не путемъ „изневоленія" и „насилованія" московскихъ собирателей, но именно путемъ освобожденія русскаго населенія изъ той тягловой неволи, въ какую завели его московскіе князья, собирая старыя земскія зарубежья въ XIV—XVI вв. подъ единую державу Московскаго государства. Съ этой только сравнительно недавней поры образованія крестьянской „воли" можно говорить объ установленіи на прочныхъ началахъ и основаніяхъ „единства русской націи". На пути къ дальнѣйшему развитію своей соціальной и политической культуры „русская нація" не встрѣтитъ больше былыхъ препятствій ни племенной въ розни начальной исторіи, ни въ территоріальной раздробленности общинъ земской Руси, ни въ сословной обособленности и дробленіи населенія по крѣпостнымъ службамъ и тягламъ Московскаго государства („Національный вопросъ въ Древней Россіи").

Несомнѣнно, однако, что въ старо-московской Руси были и такія учрежденія, которыми мы можемъ по справедливости погордиться,—какъ независимые приходы, безсословное самоуправленіе, земскіе соборы, безпрепятственныя ходатайства мѣстнаго населенія къ верховной власти о своихъ пользахъ и нуждахъ. Но учрежденія эти дѣйствовали въ условіяхъ своего времени и теперь могли бы служить только первообразами тѣхъ улучшеній въ нашемъ современномъ строѣ, которыя вызываются естествен-

нымъ ростомъ Россіи,—какъ европейскаго государства христіанской культуры.

Нѣтъ болѣе шаткой и опасной почвы для полезной практической политики, какъ увлеченіе,—и если та особливая русская національная самобытность, противополагающая Россію всей западной цивилизаціи, — не химера, то она была бы для Россіи одинаково опасною, будетъ ли она для насъ источникомъ слабости или силы.

Въ первомъ случаѣ, Россія, съ ея естественными богатствами, станетъ для другихъ культурныхъ народовъ, предметомъ эксплоатаціи,—во второмъ, они сплотятся для отпора, старая западная цивилизація будетъ защищаться.

Опасеніе такого противоположенія „русской самобытности“ и западной цивилизаціи уже занимаетъ и пугаетъ умы передовыхъ представителей европейской культуры. „Россія,—писалъ Ренанъ, —опасна только въ томъ случаѣ, если остальная Европа допуститъ ее предаться ложной мысли о духовной самобытности, которою она, можетъ быть, и не обладаетъ, и дозволитъ ей соединить въ одной рукѣ азіатскія варварскія племена,—племена совершенно безсильныя, сами по себѣ, но способныя къ дисциплинѣ и расположенныя, если не будутъ приняты мѣры, сгруппироваться вокругъ какого-нибудь Чингизъ-хана“...

Какъ ни мало основательны подобныя опасенія въ практическомъ отношеніи, но они несомнѣнно вліяютъ на ходъ міровой политики, создавая настроеніе.

Родную старину надо любить, но создавать старину зáново такъ же невозможно, какъ поймать собственную тѣнь. Нужно дорожить національными традиціями, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствовать условія своего государственнаго существованія, пользуясь указаніями историческаго опыта и заставляя служить на пользу своей страны тѣ силы, которыя оказали благотворное вліяніе на развитіе другихъ культурныхъ народовъ. Надо отсѣкать все вымирающее и тщательно облегчать ростъ новыхъ побѣговъ. Историческія традиціи слѣдуетъ не только уважать, но создавать, дѣлая то полезное и справедливое, чѣмъ будутъ гордиться и дорожить наши потомки, какъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Во всякомъ случаѣ, политическій идеалъ жизнеспособнаго народа—не въ туманной дали уже пройденнаго историческаго поприща,—онъ свѣтитъ ему впереди путеводною звѣздою.

Г. А. Евреиновъ.

ВЪ
ИЗБРАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ПОВѢСТЬ.

---

*(Окончаніе *).*

II.

Свадьба Зины Вельшиной съ княземъ Медынскимъ была назначена на масляницѣ. Софья Григорьевна энергично хлопотала о приданомъ и хвасталась имъ передъ всѣми, кто интересовался этимъ вопросомъ.

— Вамъ вскорѣ предстоитъ такая же исторія, — говорила она Вязминой или Зуевой. — Ахъ, какъ я завидую вамъ, что ваши дѣвочки пока еще благоразумно остаются подъ вашимъ крылышкомъ! Вотъ вы увидите, какъ это страшно отдавать дочь какому-то чужому человѣку. Зина надо мной смѣется: „ахъ, мама,—говоритъ,—вѣдь и ты не за отца родного выходила". Воображаю, что было бы со мной, если бы я не одобряла выбора Зины!

— Ты знаешь, мама, что этого быть не могло,—увѣренно прерывала ее дочь.—У насъ вкусы слишкомъ однородные. Если бы мы съ тобой были соперницами, мы бы возненавидѣли другъ друга.

Софья Григорьевна очень любила разсказывать о своей будущей новой роднѣ. Старый князь, по ея словамъ, уже обо-

---

*) См. выше: январь, стр. 195.

жалъ Зину, а она вела себя съ нимъ такъ умно и тонко, что не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что она заберетъ своего свекра въ руки и будетъ помыкать имъ, какъ хочетъ.

— А говорили про него, что онъ такой крутой и суровый,— разсказывала Вельшина.—Я даже немножко безпокоилась. А Зина говоритъ мнѣ: „мамочка, вѣдь и львовъ можно приручить". Ахъ, она у меня такая еще наивная!

Князь-женихъ, высокій, худой какъ жердь и немного косой, не мѣшалъ дамамъ говорить, такъ какъ самъ былъ чрезвычайно молчаливъ и, казалось, очень стѣснялся своимъ почетнымъ, замѣтнымъ положеніемъ. Зина по десяти разъ въ день карала и прощала его и относилась къ нему не только какъ къ смиренному рабу своему, но какъ къ существу неизмѣримо низшему, требующему большого снисхожденія.

— Ну, подите сюда,—говорила она съ милостивой улыбкой, указывая на свободное мѣсто рядомъ съ собой.

— Да ужъ садитесь, садитесь. Разрѣшаю. И можете держать мою сумку.

Иногда она торжественно позволяла ему поцѣловать ея руку.

— Цѣлуйте! я сегодня вами довольна. Ну, что? очень рады?

Рада была Софья Григорьевна: она хохотала и умилялась до слезъ, а молодой человѣкъ только загадочно усмѣхался и велъ себя вообще такъ, что трудно было рѣшить, глупъ ли онъ, или себѣ на умѣ, или такъ ошеломленъ своимъ счастьемъ, что совершенно утратилъ свою индивидуальность.

— Никто не знаетъ, куда онъ смотритъ, и никто не знаетъ, что онъ чувствуетъ,—намекая на его косой глазъ, съ удовольствіемъ сплетничали дамы.

Вельшины давали большой вечеръ, на которомъ не надолго появился князь-старикъ. Вязмины на этомъ вечерѣ не были, но Вѣра Петровна Зуева разсказывала Аннѣ Дмитріевнѣ, что велъ онъ себя довольно странно.

— Ходилъ по комнатамъ, разглядывалъ картины и фотографіи по стѣнамъ и почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Софья Григорьевна такъ волновалась, что у нея все лицо было въ красныхъ пятнахъ. Она все старалась его усадить и разсказать ему про своего дядю министра, но ей это такъ и не удалось. А его дочери, сһѐге, ну, совсѣмъ, совсѣмъ не похожи на аристократокъ! Одна, баронесса Везенъ, пріѣхала въ простомъ сѣренькомъ платьѣ... Если бы мнѣ не сказали, что она урожденная княжна Медынская, я бы подумала, что это какая-нибудь провинціалка. Другая, замужемъ за сенаторомъ Орлицкимъ, напро-

тивъ, слишкомъ развязна. Женщина спортсменка. Ты не повѣришь, но я слышала, какъ она говорила о мускулахъ, и сгибала свою руку. Знаешь, такъ... Говорятъ, она участвовала въ какой-то гонкѣ на велосипедахъ. А ходитъ она и держится какъ солдатъ. Софья Григорьевна находитъ все это вполнѣ естественнымъ. Она объясняетъ, что такіе несомнѣнные аристократы могутъ позволить себѣ быть оригинальными. Имъ нечего стѣсняться. По ея выраженію: „попа и въ рогожкѣ узнаютъ".

Наталья Алексѣевна была очень обижена, что Вельшины не прислали ей приглашенія на вечеръ.

— А я узнала, что старикъ просто хочетъ отдѣлаться отъ сына, потому что онъ ему надоѣлъ. Вѣдь онъ—кутила и картежникъ.

— Ахъ, какая это отвѣтственность, какая это страшная отвѣтственность—взрослая дочь!—вздыхала Вязмина, съ страдальческимъ видомъ закатывая глаза.

— О!—отвѣтила Наталья Алексѣевна; но этотъ короткій отвѣтъ сопровождался такой выразительной мимикой и жестомъ, полнымъ такого трагическаго героизма, что у Вязминой не оставалось сомнѣнія, что ея чувства поняты и раздѣлены: передъ ней было олицетвореніе материнскаго сердца—изболѣвшаго, но готоваго на всякій подвигъ, на всякую жертву до послѣдняго судорожнаго движенія.

Чѣмъ больше было толковъ и пересудовъ о свадьбѣ Зины, тѣмъ упорнѣе сердилась Анна Дмитріевна за то, что Варя упустила эту партію. Она почти не обращала вниманія на дочь, но дѣлала это такъ, что ея настроеніе очень тяжело отзывалось на дѣвушкѣ. Чтобы немного развлечься и подышать другимъ, болѣе дружественнымъ воздухомъ, Варя ходила къ Зуевымъ, къ Решковымъ и просиживала у нихъ цѣлыми часами. Она чувствовала себя несчастной, и ее тянуло туда, гдѣ, въ свой чередъ, было свое горе. Она серьезно начала подозрѣвать, что Маня Зуева ненормальна и что ей необходима теплая, дружеская поддержка. Она не могла себѣ вообразить, чтобы у здороваго человѣка могла быть такая болѣзненно развитая фантазія, какую постоянно обнаруживала Маня. Вся жизнь ея, казалось, была полна самыми таинственными романическими приключеніями, и эти приключенія то доводили ее до какого-то восторженнаго экстаза, то повергали въ самое безъисходное отчаяніе. Со всѣми своими семейными Маня была очень скрытна и всегда брала съ Варвары Николаевны слово, что она никому, никому не выдастъ ея тайны.

— Катя глупа,—презрительно говорила она.—Ты не знаешь:

она еще рада бы играть въ куклы и часто капризничаетъ, какъ дѣвчонка. Папѣ ничего нельзя говорить. Во-первыхъ, онъ всегда занятъ службой или картами, а во-вторыхъ—онъ ужасно грубъ. Какъ они ссорятся съ maman, если бы ты знала! И тогда онъ кричитъ, что maman воспитала изъ насъ дуръ, и что мы ловимъ жениховъ, и что ему за всѣхъ за насъ стыдно. А maman кричитъ, что если бы не она, онъ былъ бы писаремъ и еще чѣмъ-то хуже, что она его презираетъ и ненавидитъ. Ахъ, ужасно! И мы съ Катей плачемъ, а отецъ хватается за голову, бѣгаетъ по комнатѣ и стонетъ. Ахъ, ужасно! А maman такая нервная, такъ что потомъ съ ней всегда припадокъ, и отецъ сперва выгонитъ насъ, а потомъ самъ прибѣжитъ за нами: „успокойте мать! приласкайтесь къ ней".

— А развѣ ты не можешь быть откровенной съ матерью?

— О, нѣтъ! нѣтъ! Я ея боюсь! Она, понимаешь, хочетъ, чтобы мы были какъ всѣ, и ужасно сердится, если что-нибудь не по ней. Сейчасъ грозитъ оставить насъ у бабушки въ деревнѣ. Я отъ нея все скрываю, хотя я и знаю, что она любитъ насъ. Но она можетъ любить и изъ любви стараться выдать меня за Макурина, потому что онъ богачъ. И вотъ мы совсѣмъ не понимаемъ другъ друга. Какъ же быть откровенной?

Послѣднее время Маня все чаще и чаще говорила, что она не можетъ больше жить и что она непремѣнно должна кончить самоубійствомъ.

— Но я не хочу страдать. Мнѣ нуженъ ядъ, который дѣйствовалъ бы сразу и не обезобразилъ бы меня послѣ смерти. Говорятъ, есть такой, отъ котораго лицо синѣетъ. Я не хочу. Меня окружатъ цвѣтами, и вдругъ... синее лицо.

— Богъ съ тобой, Маня! Но изъ-за чего? изъ-за чего?

— Ты не знаешь. Я попала въ ужасную исторію. Изъ-за меня будетъ убита одна женщина. Онъ мнѣ это самъ сказалъ. Это—его жена, и она должна умереть, чтобы онъ могъ жениться на мнѣ. Я хотѣла бѣжать къ нему и умолять за нее. Я даже отыскала его адресъ. Но у меня не хватило духу. Все равно! Пусть онъ дастъ мнѣ это доказательство своей страстной любви, а я искуплю его вину тѣмъ, что умру сама. Я умру такой молодой и такой счастливой!

Маня припала къ плечу Вязминой и заплакала.

— Такъ ты узнала тайну Любавина? онъ женатъ?—удивленно спросила Варя.

— Любавинъ?—съ недоумѣніемъ повторила Маня.—О, нѣтъ! Я помню, что я тебѣ говорила, но я ошиблась. Я просто

не понимала своего сердца. А любила я всегда *его*. Всегда *его*! Не спрашивай у меня его имени!

— Но, дорогая, ты, можетъ быть, опять ошибаешься? Зачѣмъ ему убивать жену, если возможенъ разводъ? ты подумай. Ты не поняла, или онъ это сказалъ, можетъ быть, шутя?

Маня обидѣлась.

— Вотъ и ты не вѣришь! Никакихъ шутокъ не можетъ быть. Какія же это шутки? А если это шутки, то я, все равно, отравлюсь. Лучше умереть, лучше лежать такой молодой въ гробу... Понимаешь: вся въ бѣломъ, окруженная цвѣтами... Всѣ будутъ спрашивать: „отчего? почему?“ И всѣ поймутъ, какая я была несчастная... Нѣтъ, не отговаривай меня: я не могу, не могу! Я рѣшила.

Вязмина не вѣрила, что Маня, дѣйствительно, рѣшится покончить съ собой, но ее пугало ея романическое настроеніе, и ей хотѣлось участіемъ и лаской успокоить ея безпорядочныя, экзальтированныя мысли.

— Обѣщай мнѣ, что ты ничего не предпримешь, не предупредивъ меня,—просила она.—Помни, Маня: ничего.

— А если ты испугаешься и выдашь меня maman?

— Нѣтъ, я тебя не выдамъ.

Катя обижалась, что сестра секретничаетъ съ Варварой Николаевной, и часто нарочно мѣшала имъ. Она входила въ комнату и съ упрямымъ, капризнымъ видомъ усаживалась тутъ же.

— Уйди, Катя!—приказывала Маня.

Та насмѣшливо смѣялась ей прямо въ лицо. И тогда происходили странныя сцены: взрослыя дѣвушки съ ненавистью бросались другъ на друга, боролись, царапались и кончали тѣмъ, что обѣ начинали плакать и грозить пожаловаться матери.

— Вотъ я скажу, что ты все пишешь кому-то письма и посылаешь съ посыльнымъ,—грозила Катя.

— Ахъ, ты, дрянная дѣвчонка! Но никто тебѣ не повѣритъ, и ты останешься съ носомъ. А я скажу, что ты воровка, что ты подобрала ключъ къ шкафу и таскаешь конфеты и варенье.

Въ виду обоюдной опасности, сестры быстро мирились, и Катя, веселая и очень довольная, убѣгала въ другія комнаты возиться съ собачкой или дразнить попугая.

— Удивительно, какіе у нея дѣтскіе вкусы! — возмущалась Маня. — То ли дѣло лежать и читать романы. Когда maman нѣтъ дома,—а это такъ часто!—я беру ея книги или списываю заглавіе и потомъ достаю для себя. И у нея всегда такія... такія!.. Ахъ, какъ ужасно интересно!

Отправляясь къ Решковымъ, Варя всегда волновалась и досадовала на себя за это волненіе.

Антонина все еще была больна, сильно нервничала и горько жаловалась на свою судьбу.

— Не выходите замужъ!—совѣтовала она Варѣ.—Ахъ, что̀ мы терпимъ! Вы—дѣвушка, я не могу вамъ разсказать... Но подумайте, я четыре мѣсяца не одѣвалась прилично. Я потеряла волосы и фигуру. А помните, какіе у меня были волосы? И какая я была тоненькая, стройная!.. пятьдесятъ сантиметровъ въ таліи. Если прибавлялся одинъ сантиметръ, я была въ ужасѣ и сейчасъ же принимала мѣры. Мой идеалъ былъ: сорокъ-восемь. Мама говоритъ, что у нея было сорокъ-восемь, но мама меньше ростомъ. Мама и сейчасъ похожа на птичку.

При каждомъ звонкѣ у Вари замирало сердце. Она сама не умѣла объяснить себѣ, чего она боялась или чего она желала. Послѣднее время она часто встрѣчалась съ Викторіей и со Стружковымъ.

Иногда они приходили вмѣстѣ, иногда врознь.

— Вы сговариваетесь?—какъ-то спросила Антонина.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!—вспыхнувъ отъ негодованія, отвѣтила Викторія. — Мои занятія въ управѣ кончаются въ четыре часа. Я иду прямо къ тебѣ и встрѣчаю Николая Николаевича. Я не могу запретить ему ходить, гдѣ онъ хочетъ и когда онъ хочетъ.

— Ахъ, онъ такой милый!—вздыхала Тоня.—Такой милый!

— Это опять я! — шутливо говорилъ Стружковъ, входя въ гостиную или будуаръ Решковой. Онъ шелъ прямо къ хозяйкѣ, цѣловалъ и ласкалъ ея руку, справляясь о томъ, какъ она себя чувствуетъ, и потомъ, щурясь, подходилъ къ другимъ.

— Викторія Львовна!..

Ей онъ руки не цѣловалъ, но, здороваясь, улыбался какой-то упрямой, задорной улыбкой, которая видимо сердила ее.

— А это вы? Вотъ и прекрасно!—говорилъ онъ Варѣ.

Усаживался онъ всегда очень удобно, въ лѣнивой, небрежной позѣ, и затѣмъ или молчалъ, или говорилъ почти безъ умолку.

Онъ даже прямо предупреждалъ:

— Я сегодня ужасно не въ духѣ. Оставьте меня въ покоѣ.

— Интересно, зачѣмъ вы ходите въ такомъ настроеніи по гостямъ?—пожимая плечами, спрашивала Викторія.

— Ахъ, Вита!—ужасалась Антонина.—Я такъ рада...

— Хочу и хожу!—говорилъ Стружковъ.

— Вы, кажется, убѣждены, что можно дѣлать рѣшительно все, что̀ хочешь, — слегка волнуясь, говорила Викторія.—Ваша воля—это какой-то законъ. Вы ужасно распущены и избалованы. И самое противное—это то, что вы сами балуете и распускаете себя. Съ какого права?

— Я только-что просилъ оставить меня сегодня въ покоѣ. Впрочемъ, я уже не разъ замѣчалъ: вы всегда дѣлаете какъ разъ обратное тому, что̀ я прошу. И вы дѣлаете это нарочно, по очень ясному для меня побужденію. Это дѣлаютъ всѣ женщины.

— Ахъ, не ссорьтесь!—умоляла Антонина.

— „Это дѣлаютъ всѣ женщины!"—передразнивала Викторія. —Съ какимъ видомъ превосходства это говорится! Совершенно не понимаю, что̀ такое вы воображаете о себѣ?

Когда дѣло доходило до обоюдныхъ колкостей, Варѣ хотѣлось встать и уйти. Ея отношеніе къ такимъ пререканіямъ было совсѣмъ иного рода, чѣмъ отношеніе Антонины, но оно заставляло ее страдать и обостряло ея и безъ того наростающую непріязнь къ Викторіи.

— А мнѣ пора! — своимъ обычнымъ, спокойнымъ тономъ замѣчала она. И если ее не удерживали силой, она уходила съ такой глубокой, мертвенной тоской въ душѣ, точно случилось какое-то непоправимое несчастье. Въ такія минуты она была убѣждена, что Стружковъ и Викторія любятъ другъ друга, но она ни разу не поставила себѣ вопроса: почему это можетъ быть для нея не безразлично?

Бывали и болѣе удачные дни: Николай Николаевичъ былъ веселъ. Если не было пріема—онъ игралъ. Въ пріемные дни, въ будуарѣ, рядомъ съ дѣтской, становилось шумно и весело.

— Можно выпустить звѣрюшекъ?—спрашивалъ онъ Тоню. И такъ какъ разрѣшеніе всегда давалось охотно, онъ растворялъ двери въ дѣтскую, и его появленіе неизмѣнно производило радостный, шумный переполохъ. Онъ любилъ дѣтей и умѣлъ обращаться съ ними. И они не стѣснялись съ нимъ, забирались къ нему на колѣни, на плечи, дудили надъ самымъ его ухомъ въ рожокъ. А онъ не ласкалъ ихъ, не цѣловалъ и въ его обращеніи съ ними было больше любопытства, чѣмъ нѣжности.

— Ну, поди сюда. Покажись. Ну, что ты умѣешь дѣлать выдающагося? Ишь вѣдь, съ хохломъ... Ну-ка, удиви меня чѣмъ-нибудь?

И всѣ трое старались чѣмъ-нибудь отличиться и удивить:

строили гримасы, прыгали на одной ногѣ, пытались встать на голову или перекувырнуться.

— Нѣтъ, братъ, слабо. Не годится. Приготовить мнѣ къ слѣдующему разу новую штуку.

Но иногда онъ оставался доволенъ и громко хохоталъ.

— А теперь—маршъ назадъ!—командовалъ онъ.—Вы мнѣ надоѣли. Идите и ждите, когда я васъ опять позову.

Дѣти, которыя никого не слушались, слушались его.

— Я ихъ гипнотизирую,—объяснялъ онъ.—Вы не вѣрите? У меня есть даръ внушенія.

Съ Варей онъ говорилъ мало, но уже обращался съ ней какъ со старой хорошей знакомой.

— А я не зналъ,—какъ-то сказалъ онъ ей, — я не зналъ, что среди вашего общества есть такія славныя, простыя бабы, какъ вы. Я, дѣйствительно, былъ несправедливъ. Помните, вы упрекнули меня? Да, вы—простая и милая, но до чего вы, все-таки, вся, вся затянута въ какой-то мундиръ! Признайтесь, что вы взвѣшиваете каждое ваше слово, каждую улыбку? Мнѣ кажется, что это должно быть тяжело. Точно вы какая-то спеленутая. Какъ бы я желалъ видѣть васъ въ минуту какого-нибудь свободнаго движенія души! Удивительно, какъ можно сдавить человѣка, сдѣлать изъ него какую-то куклу, даже тогда, когда нельзя за-одно убить въ немъ все живое. Скажите, развѣ я не правъ? Развѣ вамъ не тяжело?

— Да, я очень сдержанная, — краснѣя за свою откровенность, призналась Варя.—Я очень сдержанная и скрытная, но я такъ къ этому привыкла, что мнѣ было бы трудно, я думаю, даже почти невозможно стать другой. Я чувствую свой „мундиръ“ только тогда, когда я, почему-либо, хотѣла бы скинуть его. Мнѣ тяжело, что я не умѣю его скинуть, но онъ меня не стѣсняетъ. Я даже очень часто благодарна ему.

Николай Николаевичъ внимательно слушалъ ее.

— Не могу представить себѣ вашего внутренняго состоянія. Вотъ я совершенно не умѣю владѣть собой. Говорятъ, что это—распущенность. Говорятъ, что это отъ громаднаго самомнѣнія. Почему самомнѣнія? — я не понимаю. Я ненавижу самомнѣніе, какъ у вашихъ Вельшиныхъ, напримѣръ. И мнѣ совершенно неясно, почему Вельшины имѣютъ право на существованіе, а я—нѣтъ. Онѣ могутъ говорить, трещать, хохотать, шуршать даже тогда, когда это мѣшаетъ другимъ и совершенно лишнее для нихъ, а если я не скрываю того, что я чувствую, я уже виноватъ.

— У васъ артистическая натура,—робко сказала Варя.

— Ну, нѣтъ!.. избавьте!..—возмутился Стружковъ.—Я знаю, что̀ это значитъ—артистическая натура. Это—искусственное оригинальничанье и кривлянье. Это какое-то убожество мысли и чувства. И вотъ именно за то, что оно искусственно и, потому, не искренно, не глубоко, его охотно прощаютъ. Оно даже нравится. Я, если хотите, просто невоспитанъ... Принципіально, послѣдовательно невоспитанъ, потому что я сознательно похерилъ все свое воспитаніе, которое было, и живу, какъ разъ, наперекоръ ему. Похерилъ, потому что возненавидѣлъ, какъ ненавижу вашъ „мундиръ“, всякую ложь, всякое безсмысленное свѣтское приличіе. Я не оригинальничаю и не ломаюсь. Я ненавижу. И мнѣ искренно этого никто не проститъ.

— Но какъ же такъ?.. Отрицать всякое воспитаніе?

— Для васъ это ужасно? Но я вамъ сдѣлаю уступку. Вообразите, что̀ мнѣ порученъ ребенокъ. Первое, что я ему буду внушать, это вести себя такъ, чтобы не мѣшать другимъ. Мы, люди, живемъ въ такой тѣснотѣ, что это положительно необходимо. И вотъ, вся основа моего воспитанія: не мѣшай другимъ! А что̀ дѣлаютъ дамы вашего общества? Да онѣ только и дѣлаютъ, что мѣшаютъ другимъ: дома, въ гостяхъ, въ театрѣ... Онѣ ничѣмъ не стѣсняются, чтобы занять собой какъ можно больше мѣста, какъ можно больше вниманія. И выходитъ, что онѣ, по моей теоріи, совершенно невоспитаны, возмутительно распущены; а то, что̀ у нихъ называется воспитаніемъ—не что̀ иное, какъ... попугаячья выучка. Онѣ умѣютъ сидѣть или ходить такъ, а не иначе, умѣютъ наклонять головку, говорить заученныя слова.

— Да... Вы ихъ ненавидите, — съ грустной улыбкой замѣтила Варя.—Значитъ, и у меня тоже... выучка попугая?

— И у васъ. Но у васъ она только внѣшняя. Что же, вы теперь тоже думаете, что я—ужасно самонадѣянный, потому что я откровенно высказалъ вамъ свой взглядъ на вещи?

Варя потомъ долго обдумывала этотъ разговоръ, съ горечью припоминала каждое слово.

„Какъ мы различны! какъ мы далеки, далеки!“ —думала она.

Но наперекоръ этому сознанію она не чувствовала розни: съ Николаемъ Николаевичемъ ей всегда было легко и пріятно, и стоило ему только близко заглянуть ей въ лицо своими близорукими, внимательными глазами, какъ въ отвѣтъ ему поднималось въ ея душѣ теплое, радостное, довѣрчивое чувство. Но особенно близкимъ казался онъ ей тогда, когда игралъ. Еще ни-

когда и нигдѣ не слыхала она такихъ мягкихъ, задушевныхъ звуковъ, и тогда она думала:

„Вотъ онъ какой! Вотъ какими могутъ быть люди, жизнь, чувства... А я замуравлена. И если я попытаюсь пробить стѣну, которая душитъ меня, камни полетятъ на мою голову".

Одинъ разъ, когда она пришла къ Решковымъ, ее встрѣтила Викторія.

— Тоня спитъ,—сказала она.—Она плохо провела ночь, и я уговорила ее лечь.

Она глядѣла на Варвару Николаевну вопросительно, очевидно ожидая, что она сейчасъ же уйдетъ. Но Вязмина или не догадалась сдѣлать это, или, по безхарактерности, не рѣшилась сразу, какъ поступить; горничная сняла съ нея шубу и калоши, и она какъ бы помимо своей воли вошла въ гостиную.

— Но я не буду ее будить,—немного сухо предупредила Викторія.

— О, еще бы! Конечно, не надо!—быстро подтвердила Варвара Николаевна и сильно смутилась, почувствовавъ неловкость своего положенія.

„Сейчасъ придетъ Стружковъ, и я помѣшаю имъ,—сообразила она.—Надо уйти. Надо сейчасъ же уйти!"

— Я не хочу безпокоить Антонину и задержу васъ всего на одну минуту,—спокойно сказала она.—Скажите, что же говорятъ доктора? отчего она такъ медленно поправляется?

Викторія подошла къ топящемуся камину и, вытянувъ руки, терла ихъ одна о другую. Вся ея высокая, крѣпкая фигура была освѣщена красноватымъ отблескомъ огня и казалась Варѣ особенно враждебной и даже непріятной.

— Доктора говорятъ, что это—длинная исторія. И я, право, какъ-то не понимаю: чтобы выздоровѣть, ей надо окрѣпнуть, а чтобы окрѣпнуть, надо выздоровѣть. И одно мѣшаетъ другом. Но видите ли, когда человѣкъ боленъ—очень мало утѣшенія въ томъ, что такъ должно быть.

— Но, все таки, они обѣщаютъ?

Викторія не отвѣтила и только пожала плечами.

— Отчего же вы не садитесь?

— Нѣтъ, я сейчасъ уйду. Меня ужасно огорчаетъ...

— Послушайте,—перебила ее Викторія:—я хотѣла у васъ спросить... Мать часто бываетъ у васъ?

— Наталья Алексѣевна?—да, довольно часто.

Викторія усмѣхнулась, и лицо ея стало злымъ и некрасивымъ.

— Часто?—повторила она.—И что же, она тамъ все жалуется на отца, на меня?

— Нѣтъ!—сказала Вязмина.—Увѣряю васъ,—нѣтъ!

— Ну, а я все-таки не вѣрю вамъ, — холодно замѣтила Викторія.—Я знаю ее! О, какъ я ее знаю!

Варя стояла облокотившись о край рояля. Въ комнатѣ было почти темно, и только фигура и лицо Викторіи были ярко освѣщены огнемъ камина.

— И зачѣмъ вы говорите „нѣтъ"?—продолжала она.—Вы думаете, что это можетъ огорчить меня, или обидѣть? Мнѣ было бы только любопытно знать, какія теперь въ ходу обвиненія и жалобы? Впрочемъ, мнѣ и это все равно. Совершенно все равно! Вамъ непонятно, что можно такъ равнодушно относиться къ мнѣнію о себѣ матери?

Въ ея тонѣ звучала нервность, раздражительность. Варѣ вспомнилось, какъ она когда-то за чаемъ говорила о томъ, что временами ненавидитъ людей. Ей было непріятно и хотѣлось уйти.

Викторія вдругъ засмѣялась.

— А если я скажу вамъ больше? Если я скажу вамъ, что отношусь къ матери, какъ къ одному изъ злѣйшихъ моихъ враговъ?

— О! зачѣмъ? Нѣтъ, лучше не говорите... Вы чѣмъ-то разстроены...

— Скажите просто: вамъ непріятно, васъ коробитъ, когда говорятъ непринятую правду. Всѣ ее знаютъ, но говорить о ней вслухъ нельзя. И вы бы никогда, никогда не сказали. По вашему такая ложь, такая скрытность,—это что-то должное. Это—мягкость и деликатность. Да почему же Стружковъ говоритъ, что вы лучше, что вы выше другихъ? Развѣ вы не видите, что вы дѣлаете? Изъ-за вашей проклятой мягкости и деликатности (только я-то думаю, что это просто безхарактерность и рыхлость) вы губите себя, вы не даете дороги другимъ. Въ чемъ же тутъ заслуга? Вы, видите ли, чувствуете гнетъ, ненормальность, униженность вашего положенія—и вы страдаете отъ него. Но чтобы не огорчить maman, вы покоряетесь. Вы ужасно довольны вашими чувствами, они даже кажутся вамъ красивыми и благородными, и поэтому вы останавливаетесь на нихъ. О, если бы вы знали, какъ ненавистно мнѣ это ваше чувство правоты и благородства! Когда нужно дѣйствовать, бороться, когда нужны сила и энергія—видѣть, какъ люди пробавляются смакованіемъ изящныхъ чувствъ! Это можетъ довести до ненависти и изступленія. Отчего же

Стружковъ говоритъ, что вы лучше другихъ? Если вы лучше и выше, то вы болѣе виноваты. И я рада, что я высказала вамъ все, что думаю, потому что видѣть васъ почти каждый день и молчать...

Все время какъ она говорила, Варвара Николаевна глядѣла на нее широко раскрытыми глазами.

— Я... Я довольна своими чувствами?.. я считаю себя правой и... благородной?—растерянно спросила она.—Почему вы говорите обо мнѣ? почему... обо мнѣ?

Викторія провела рукой по лбу и опустила голову.

— Почему о васъ? не знаю. Вы, конечно, не дали мнѣ на это никакого права. И я, вѣроятно, не должна была говорить. Ну, не будемъ, если не хотите. Забудьте, что я сказала.

— Но что же я могу... что я должна дѣлать, по вашему? —послѣ долгаго молчанія вдругъ тихо спросила Варя.

Викторія повернулась къ ней, но сейчасъ же отвела глаза и стала медленно ходить по комнатѣ.

— Право, забудьте и... простите. Не стоитъ... У меня бываетъ тяжелое, мучительное настроеніе. Вы застали меня именно въ такую минуту. Я сидѣла здѣсь и думала. И мнѣ было горько и больно. Мать когда-нибудь разсказывала вамъ про меня?

— Да.

— Ну, вы должны знать, какъ трудно мнѣ было стать только тѣмъ, что я стала. Почти съ дѣтства я только и дѣлала, что протестовала, упрямилась, убѣждала, выносила всякія сцены, мучилась ими. Ахъ, какія сцены! Вы подумайте, что дѣлала ихъ моя мать, а я ей вѣрила. Да, я тогда еще вѣрила ей. Она разыгрывала на всѣхъ струнахъ: я была виновницей печали, отчаянія, болѣзни, гнѣва, ужаса. На моихъ глазахъ она хлопалась въ обморокъ, сходила съ ума... Она такъ издергала, такъ утомила меня, что за каждую пядь своей свободы я платилась дорогой цѣной. И то, что доставалось такъ трудно, какъ-то слишкомъ быстро теряло свою прелесть, то значеніе, которое оно раньше имѣло въ моихъ глазахъ. Да... Это происходило потому, что я была всегда слишкомъ утомлена. По той энергіи, которую я затрачивала, я пріобрѣтала несоразмѣрно мало. И, значитъ, я никогда не чувствовала удовлетворенія, радости. Никогда! И если бы не отецъ, который всегда держалъ мою сторону... Потомъ я перестала вѣрить матери. Я поняла, что всѣ ея слова, всѣ ея жесты и позы доставляли ей самой какое-то нравственное удовольствіе. Она была бы огорчена, если бы не находила предлога пустить ихъ всѣхъ въ ходъ. Я поняла. Но я поздно поняла. Какъ-то

слишкомъ жестоко было убѣдиться въ этомъ. И поздно было вернуть всѣ силы, всю уравновѣшенность, которыя я потратила на эту жалкую комедію. Вотъ когда я почувствовала, что моя мать—мой врагъ. И не она одна. Этихъ враговъ было столько... столько... Всѣ были противъ меня. Всѣ! И всѣ равнодушны къ сути моихъ желаній, моихъ стремленій и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, выказывали страстное внѣшнее негодованіе. Я слегка взбаломутила ихъ застой, это мертвое, бездонное болото. И всѣмъ, всѣмъ имъ я заплатила свою дань; всѣ понемногу обобрали меня тѣмъ, что отнимали и вѣру въ себя, и надежды... Отнимали насмѣшками, презрѣніемъ, убѣжденіями, мольбами. Можете вы понять, что у меня бываютъ минуты, когда я ненавижу ихъ всѣхъ мучительно... мучительно! Ненавижу за то, что я уже устала, что я не достигла ничего, что моя жизнь осталась пустой и неинтересной.

— Вы жалуетесь? вы?—удивилась Варя.

Викторія только мелькомъ оглянулась на нее, точно удивленная тѣмъ, что не одна, что кто-то подслушалъ ея мысли вслухъ.

— Да, видно, что такъ,—сухо отвѣтила она.—Видно, я жалуюсь. И это мнѣ противно. Когда человѣкъ начинаетъ жаловаться, ставьте на немъ крестъ. Онъ никуда не годится. Жалоба—это безсиліе, это компромиссъ. Плохо тебѣ, такъ дѣйствуй, дѣйствуй прежде всего, а не разбавляй своего чувства словами, фразами. Слова губятъ, обманываютъ. Они даютъ исходъ всякому чувству. И этотъ исходъ—такой легкій, такой доступный, что, пользуясь имъ, уже почти нѣтъ охоты искать другого. Вы развѣ не замѣчали, что скрытные люди обладаютъ большей силой, большей интенсивностью мысли и чувства, чѣмъ откровенные и болтливые? Русскіе люди инертны и безхарактерны. Мнѣ кажется, что это потому, что они по большей части очень общительны и любятъ выворачивать свою душу. И это мнѣ противно. И мнѣ непріятно, что я „жаловалась“ вамъ.

— Вы не безпокойтесь,—тихо сказала Варя.—Я понимаю, что вы говорили не со мной. Я попала какъ разъ въ минуту такого настроенія... Я тоже никогда не говорю. И не оттого, что я скрытна, а просто потому, что не умѣю, не привыкла. Но вы взволновали меня. Я не знаю... Мнѣ сейчасъ такъ ужасно грустно и одиноко. Я не знаю... Мнѣ хочется сказать вамъ... Что же я?.. если вы... конечно, это не утѣшеніе. И, видите, я совершенно не умѣю... Даже этого исхода у меня нѣтъ. И ничего нѣтъ! ничего!

Викторія остановилась. Въ комнатѣ было такъ темно, что

она различала только фигуру Вязминой, склоненную надъ роялемъ. Ея лица нельзя было разглядѣть.

— Ну, что же? Вы съ этимъ примиритесь? Вамъ легче примириться, чѣмъ начать дѣйствовать?

— Но что мнѣ дѣлать? что? скажите!

— Да, вы примиритесь,—уже совершенно увѣренно сказала Викторія.—Вы такъ и замрете на вашихъ тихихъ сожалѣніяхъ, на вашихъ робкихъ мечтахъ. У васъ еще осталась одна надежда. Сказать?

— Да, да. Скажите...

— Выходите замужъ. Идите за Стружкова.

Вязмина быстро выпрямилась.

— Викторія Львовна! вы смѣетесь надо мной!—съ горькимъ упрекомъ воскликнула она.

— Да, нѣтъ, нѣтъ! Почему вы думаете?

— Смѣетесь...

— Такъ слушайте же. Вы сами рѣшили, или Тоня вамъ доложила, что онъ любитъ меня? Да? Это—ложь. Вы запомните это. Онъ мнѣ такой же врагъ, какъ мать, какъ всѣ. Онъ мнѣ врагъ еще злѣе и опаснѣе. И мы оба знаемъ, что мы ненавидимъ другъ друга. Насъ притягиваетъ наша ненависть и борьба. Мы оба упрямы и сильны. Кто побѣдитъ? Кто побѣдитъ, кто сдастся, тотъ получитъ одно презрѣніе. Вы понимаете? вы понимаете?

— Нѣтъ, я не понимаю,—едва слышно отозвалась Варвара Николаевна.

— Постарайтесь. Это для васъ важно. Я не смѣюсь надъ вами. Я не обманываю васъ. Мы—враги. Для меня онъ ненавистное вѣковѣчное ярмо, котораго я не хочу знать. Для меня онъ пораженіе всѣхъ моихъ надеждъ, усилій, замысловъ. Я хочу быть одинокой и гордой, потому что только одинокіе и гордые владѣютъ жизнью. Я не хочу исключительной привязанности, потому что исключительная привязанность живетъ на счетъ всей остальной духовной стороны. Она впитываетъ въ себя всѣ духовные соки. Я не хочу чувства, которое я не могла бы принять разумно и спокойно, которое не возвысило бы меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, которое сдѣлало бы меня несвободной. Понимаете вы теперь?

— Этого вы хотите. А чего хочетъ онъ?

— А вотъ онъ... Онъ хочетъ побѣды! Только побѣды. Только торжества. Онъ, за-одно съ толпой, готовъ придавить всякое усиліе и преклониться предъ всякой удачей. Когда человѣкъ

карабкается вверхъ, зрители хохочутъ и торжествуютъ, если онъ срывается и летитъ внизъ. Они этого ждутъ. Они этого хотятъ. Когда карабкающійся достигаетъ вершины, когда ясно, что онъ останется, утвердится на ней, за него радуются, имъ гордятся. Я далека до вершины. И Стружковъ хочетъ и ждетъ, чтобы я сорвалась. Онъ зоветъ меня... Онъ зоветъ только для того, чтобы я оглянулась и потеряла почву подъ ногами. Онъ уже готовъ хохотать, торжествовать...

— Слушайте!—сказала она вдругъ совсѣмъ другимъ тономъ:—если вы увидите руку, протянутую вамъ для того, чтобы помочь вамъ подняться, будьте увѣрены, что тотъ, кто протянулъ вамъ ее, самъ стоитъ высоко надъ толпой. И только на такую руку можно опереться съ довѣріемъ и спокойствіемъ. Если рука протягивается изъ толпы, она васъ стянетъ внизъ. Хотя бы ради забавы. Съ торжествомъ и хохотомъ. Съ злорадствомъ до счастья.

— Стружковъ?—съ удивленіемъ и негодованіемъ воскликнула Варя.

— Да. И онъ,—съ увѣренностью подтвердила Викторія.—И онъ. Потому что онъ выше многихъ, но не высокъ. Потому что и его преслѣдуютъ снизу... какъ всякаго, кто хоть чуточку выдается, выходитъ изъ обыденныхъ рамокъ. Его преслѣдуютъ и озлобляютъ. И онъ можетъ быть добръ къ вамъ, и онъ всегда будетъ безпощаденъ ко мнѣ. Онъ можетъ любить васъ; его любовь ко мнѣ—это ненависть, это жажда торжества и побѣды. И если даже онъ самъ этого не сознаетъ, я знаю, что это такъ.

Варвара Николаевна молчала.

— И все-таки вы любите его!—вдругъ неожиданно твердо и громко сказала она.

Викторія медленно дошла до угла комнаты, медленно вернулась и остановилась передъ каминомъ.

— Я не хочу исключительнаго чувства!—упрямо повторила она.—Я не хочу личнаго счастья. Онъ самъ, своимъ вдохновеніемъ, своимъ талантомъ, навѣялъ мнѣ такую мечту!.. Онъ самъ! Безсознательно онъ далъ мнѣ оружіе противъ него же. Запомните все, что я вамъ сказала. Вѣрьте мнѣ. И вѣрьте: если онъ можетъ полюбить одну изъ насъ двухъ, то это васъ, а не меня.

— Нѣтъ, не вѣрю!—горячо возразила Варя.—И зачѣмъ.. я не понимаю... зачѣмъ было это говорить?

— Но развѣ вы не смотрѣли на меня, какъ на свою соперницу? Меня это раздражало. Это ниже меня. Я не хочу! Вотъ зачѣмъ.

— И вы ошиблись,—сухо замѣтила Вязмина. — Передайте Антонинѣ, что мнѣ очень жаль, что я не видала ее.—Она направилась къ передней.

— Варвара Николаевна! — позвала Викторія. И когда та остановилась, она быстро подошла къ ней и протянула ей обѣ руки.—О, не сердитесь!—тихо попросила она.—Я сказала вамъ, что хочу быть гордой и одинокой, а на самомъ дѣлѣ я только слаба и... и несчастна...

Когда Тоня проснулась и позвонила, Варвара Николаевна поспѣшно собралась уходить: на ея блѣдномъ лицѣ слишкомъ замѣтно выступали слѣды слезъ. Въ первый разъ въ жизни она свободно и просто говорила и плакала о себѣ.

Всѣ недоумѣвали, почему Вельшины и Медынскіе такъ торопятся со свадьбой? Она состоялась въ концѣ февраля, и счастливая молодая чета уѣхала на югъ до весны. Прошло ровно полгода послѣ смерти Николая Ивановича Вязмина, и Анна Дмитріевна сочла возможнымъ надѣть торжественное сѣрое платье и присутствовать при вѣнчаніи.

Когда она одѣвалась и потомъ, вмѣстѣ съ дочерью, ѣхала въ церковь въ каретѣ, лицо ея не покидало горькаго, слегка презрительнаго выраженія. Она была знакома съ Медынскими еще тогда, когда жива была жена стараго князя. Князь и ея мужъ служили въ одномъ полку и были пріятелями. Почему онъ пересталъ бывать у нея? Умеръ Николай Ивановичъ, а она жива, слава Богу. Почему его сынъ, косенькій, молчаливый идіотъ, женится на Вельшиной, которую онъ встрѣтилъ у нея же? Почему весь этотъ рядъ несправедливостей и обидъ? И вотъ она, все-таки, ѣдетъ на эту ненавистную свадьбу и будетъ держать себя съ такой корректностью и съ такимъ достоинствомъ, что пристыдитъ всѣ злорадствующіе и насмѣшливые языки. О, она навѣрное знаетъ, что Вельшины злорадствуютъ и торжествуютъ. И Софья Григорьевна, и даже Зуева; Вѣрочка Зуева, съ которой она на „ты“ и которая навѣрное воображаетъ, что ей удастся пристроить своихъ индюшекъ, а она, генеральша Вязмина, весь вѣкъ не развяжется съ своей дочерью, на которой никто не пожелаетъ жениться. Конечно! Она не поѣдетъ въ Баку за жирными, пропитанными нефтью купцами. Она уважаетъ себя и свое имя.

Она всѣмъ, всѣмъ готовитъ сюрпризъ, и ни за что никому не проговорится о своей тайнѣ. Никто не долженъ знать, что

ея дочь—почти невѣста. Не знаетъ этого и сама дочь. Она списалась съ одной своей старинной пріятельницей, и дѣло можно считать слаженнымъ. Партія очень приличная. Титулъ. Скромныя, но самостоятельныя средства. Человѣкъ уже пожилой и женится не на вѣтеръ, съ очень опредѣленными требованіями: онъ хочетъ, чтобы его жена была немолода, нелегкомысленна, умѣла поставить его домъ на надлежащую ногу и играть въ обществѣ роль приличную его положенію. Жить въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ занимаетъ постъ. За богатствомъ онъ не гонится, но и не хочетъ, чтобы его жена была полной безприданницей. Всѣ условія точно нарочно созданы для Barbe. Отказаться она не посмѣетъ, да и не захочетъ: никогда ничего лучшаго ей не найти.

Конечно, ее придется предупредить, такъ какъ женихъ можетъ со дня на день пріѣхать въ Петербургъ и дѣло надо будетъ повернуть быстро и рѣшительно. Въ виду скорой разлуки Анна Дмитріевна стала мягче и ласковѣе съ дочерью, рѣже бывала не въ духѣ и меньше жаловалась на несносныя невралгическія боли.

На свадьбѣ она дѣйствительно держала себя корректно и съ достоинствомъ. Ея величавость была преисполнена любезности, но она не могла отказать себѣ въ удовольствіи выразить и нѣкоторое удивленіе, и дѣлала это все время съ большимъ искусствомъ, такъ что будто она не замѣчала ничего, что̀ могло бы удивить ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно подчеркивала то, что̀ ее удивляло.

Не могло быть сомнѣнія, что все происходило не совсѣмъ такъ, какъ должно было происходить. Зина была слишкомъ весела и развязна, женихъ—разсѣянъ и равнодушенъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка очень занятаго посторонними мыслями. Обходя вокругъ аналоя, онъ неловко наступилъ на край платья своей невѣсты и сейчасъ же громко извинился:

— Pa - ardon!

— Онъ забылъ, что онъ не танцуетъ,— замѣтила Вязмина Зуевой.

— Я удивляюсь, что она сейчасъ же не наказала его,—отвѣтила Вѣра Петровна и передразнила Зину:

— Вы наказаны!

Отецъ жениха, старый князь, велъ себя совсѣмъ странно. Казалось, что онъ все время куда-то ужасно торопится и боится опоздать. Вязмина видѣла, какъ онъ во время службы нетерпѣливо отбивалъ пальцами дробь по обшлагу собственнаго рукава,

надувалъ щеки и производилъ губами странные, торопливые звуки.

Во всякомъ случаѣ онъ не скрывалъ, что ему было невыносимо скучно.

Когда послѣ вѣнчанія перешли въ сосѣдній залъ и стали поздравлять молодыхъ шампанскимъ, онъ нѣсколько разъ повторилъ Софьѣ Григорьевнѣ:

— Вы знаете, что поѣздъ не будетъ ждать вашу дочь, какъ ждали ее священникъ и всѣ приглашенные. На этотъ разъ я попрошу васъ не запаздывать.

Софья Григорьевна была очень взволнована и ни на минуту не отходила отъ Зины.

— Я гляжу на васъ и радуюсь, что мои дѣвочки еще не собираются выпорхнуть изъ своего гнѣзда,—сказала ей Зуева.— О, я понимаю, какъ вамъ должно быть тяжело!

— Мнѣ было бы очень тяжело, если бы мы разлучались надолго,—отвѣтила Вязмина.—Но Зина и слышать не хочетъ жить отдѣльно отъ меня. Да, мы не разстаемся. Она такъ и сказала: „Мамочка! пусть онъ беретъ меня со всѣми моими достоинствами и недостатками". Ахъ, она у меня такое золотое сердце!

— Надо поздравлять его вдвойнѣ,—рѣшила Вязмина.

Изъ толпы приглашенныхъ, нарядной, очень пестрой и почти сплошь безвкусной и некрасивой, выдѣлялась старшая дочь князя, Орлицкая, красавица и спортсменка. Она сразу собрала вокругъ себя бодрыхъ, молодцоватыхъ стариковъ и развинченныхъ, бѣлесыхъ и подслѣповатыхъ юношей, громко шутила и смѣялась. Всѣ остальныя дамы бросали въ ея сторону непріязненные взгляды, но все-таки искали случая встрѣтиться съ ней и наговорить ей какъ можно больше любезныхъ, восторженныхъ фразъ.

— Я убѣждена, что она опять показываетъ свои мускулы,— съ негодованіемъ говорила Зуева.—Я не хочу, чтобы мои дочери видѣли, что можно вести себя такъ странно въ обществѣ.

И она же, радуясь благопріятному случаю, закалывала на Орлицкой оборванный воланъ, для чего она очень просто и даже охотно опустилась передъ ней на одно колѣно.

— Вотъ такъ!—говорила она.—Ничего. Теперь почти незамѣтно. Вашъ чудный туалетъ опять въ исправности.

Благодарность молодой женщины дала ей право считать себя въ числѣ ея друзей и улыбаться съ фамильярной привѣтливостью, когда взгляды ихъ встрѣчались.

— Мединскимъ и Орлицкимъ все позволено! Они могутъ быть оригинальными.

Молодые уѣхали. А черезъ нѣсколько дней все общество было взволновано необычайной новостью: князь-отецъ сочетался бракомъ съ одной извѣстной пѣвицей-иностранкой и въ видѣ свадебнаго подарка преподнесъ ей купчую на роскошно отдѣланный особнякъ, въ который молодая княгиня немедленно собирается переѣзжать.

— Надо видѣть негодованіе Вельшиной! Это надо видѣть!— рѣшили дамы.

Софья Григорьевна была очень тронута сочувствіемъ и вниманіемъ, которые оказали ей всѣ ея пріятельницы и знакомыя. Онѣ задались цѣлью не оставлять ее въ одиночествѣ послѣ отъѣзда Зины и только дали ей отдохнуть нѣсколько дней отъ хлопотъ и волненій свадьбы.

Цѣлыми днями въ ея квартирѣ раздавались звонки, а въ ея гостиную входили встревоженныя или негодующія лица.

— Послушайте, неужели это правда? я не вѣрю...

— Но онъ ненорманенъ! Надо его отдать подъ опеку! Надо посадить его въ сумасшедшій домъ!

— Но вы знаете, что если состояніе—его покойной жены, то дѣти имѣютъ право требовать... Пусть вашъ зять требуетъ...

Софья Григорьевна бодрилась, притворялась спокойной, но выказывала еще болѣе либерализма, чѣмъ когда-либо.

— Аристократизмъ гніетъ,—говорила она.—Отцы—развратники, дѣти—выродки. Нужна новая кровь, сильная и здоровая, чтобы возродить этотъ полу-трупъ. Зина, этотъ ребенокъ, говорила мнѣ: „Мама! мы, въ нашей культурѣ, шли слишкомъ быстро, чтобы не утомиться. Люди, которые остались позади, смѣются, что мы слабы. Это не резонъ идти назадъ". И вотъ моя дѣвочка не пошла назадъ и вышла за человѣка своего круга. Она поступила принципіально. Она сильнѣе, умнѣе и здоровѣе его, и—я боюсь думать!—чувство долга сыграло въ этомъ случаѣ бо̀льшую роль, чѣмъ голосъ сердца. Я боюсь, что съ ея стороны это одинъ изъ тѣхъ никому невидимыхъ, неоцѣненныхъ, безвѣстныхъ подвиговъ...

— Намъ теперь хотятъ преподнести Зину подъ соусомъ героизма,—ехидствовали пріятельницы.

Бодрость и спокойствіе Вельшиной нѣсколько разочаровали ихъ, и онѣ даже нашли, что старый князь, въ сущности, былъ вполнѣ вправѣ поступить такъ, какъ поступилъ.

— Она иностранка, а не какая-нибудь русская мѣщанка или купчиха.

И вдругъ стало извѣстнымъ, что молодые спѣшно возвра-

щаются въ Петербургъ, такъ какъ Зина чувствуетъ себя нерасположенной путешествовать и очень скучаетъ о матери.

— И вамъ теперь же приходится пріискивать квартиру? меблировать? отдѣлывать?—спрашивали Вельшину.

— О, нѣтъ!—спокойно отвѣчала она. — Зина займетъ свое прежнее мѣсто въ моемъ домѣ, а онъ... онъ какъ хочетъ. Я не имѣю средствъ содержать его! Зина поступаетъ вполнѣ благоразумно. Она говоритъ ему: „Докажите, что я могу положиться на васъ, и я положусь. Укажите мнѣ мѣсто, которое я должна занять въ вашей семьѣ, и я его займу“. У этой дѣвочки очень твердый характеръ. Она любитъ его, но не хочетъ, чтобы ея мужъ былъ ничтожествомъ, приживаломъ. Теперь, когда, быть можетъ, онъ остался нищимъ, ему необходимо создать себѣ какое-нибудь положеніе, и пока его не будетъ, Зина не вернется къ нему. Это—самое лучшее средство заставить его встряхнуться и работать. Онъ обожаетъ Зину, пусть же онъ заслужитъ ее.

Софья Григорьевна говорила увѣренно и убѣжденно, но ея напускная уравновѣшенность, видимо, начинала измѣнять ей.

— Вы можете себѣ представить, что этотъ старый сатиръ съ умысломъ бросилъ мнѣ на шею свое сокровище? Онъ, видите ли, достаточно повозился съ нимъ, и теперь ему нѣтъ до него никакого дѣла. Онъ мнѣ самъ сказалъ: „Взяли, ну и владѣйте. Значитъ, онъ вамъ нуженъ былъ, а мнѣ ни къ чему. Если онъ меня еще не разорилъ, то только потому что я его держалъ въ ежовыхъ. И вамъ совѣтую“. Назначилъ нищенскую пенсію и обѣщалъ похлопотать въ знакомомъ министерствѣ. „А на протекцію, говоритъ, не разсчитывайте. За уши тянуть не стану. Какъ хочетъ и какъ можетъ“. Какъ это вамъ нравится?

Многимъ это такъ понравилось, что ихъ обыденная, скучная жизнь внезапно пріобрѣла живой интересъ.

Наталья Алексѣевна, обиженная тѣмъ, что ее не позвали на вечеръ и одинаково не позвали на свадьбу, забыла свою обиду и стала бывать у Вельшиной чаще, чѣмъ у Анны Дмитріевны. Ея удивительная мимика развивалась при такихъ благопріятныхъ условіяхъ съ силой настоящаго таланта. И Вельшина, которая прежде не долюбливала ея и, высказывая свое мнѣніе о ней, съ многозначительнымъ видомъ постукивала сгибами пальцевъ сперва о свой лобъ, а потомъ о столъ, теперь стала находить въ ней скрытыя душевныя качества.

Самымъ тяжелымъ и непріятнымъ визитомъ для нея былъ визитъ Анны Дмитріевны Вязминой. Дамы не сказали другъ другу ни одного рискованнаго слова, но въ каждой ихъ фразѣ

чувствовалась борьба двухъ оскорбленнымъ самолюбій. Онѣ кололи и язвили другъ друга съ самыми любезными лицами, не выдавая внѣшнимъ образомъ ни одного настоящаго искренняго чувства.

„Ты его ловила для своей некрасивой, глупой Вари, и тебѣ не удалось“,—искусно внушала Вельшина Вязминой.

„Ты его поймала, а тебя оставили въ дурахъ“,—деликатно намекала Вязмина Вельшиной.

На прощанье онѣ долго жали другъ другу руки и, точно поддаваясь непреодолимому порыву, обнялись и поцѣловались.

Анна Дмитріевна уже знала, что ея окончательное торжество близко. Она имѣла извѣстіе, что „женихъ“, рекомендованный ея пріятельницей, которой она вполнѣ довѣряла, долженъ въ скоромъ времени прибыть въ Петербургъ. Оставалось только предупредить Варю, соблюсти формальности и затѣмъ запастись терпѣніемъ для всѣхъ предстоящихъ хлопотъ. Неизбѣжность этихъ хлопотъ немного раздражала генеральшу, но она утѣшалась тѣмъ, что послѣ этого короткаго періода никто и ничто уже не стѣснитъ ея свободы, и она найдетъ, наконецъ, заслуженные отдыхъ и покой.

„Вѣдь только тогда и хорошо,—думала она,—когда нѣтъ заботы о другихъ, когда нѣтъ отвѣтственности. Я добросовѣстно исполнила свой долгъ матери. Я хочу награды. И мнѣ, наконецъ, надоѣло... Я не могу слѣдить за Варей по пятамъ! Теперь она повадилась ходить къ Решковымъ... Ей не десять лѣтъ, чтобы ей можно было нанять гувернантку или самой удержать ее дома. По неволѣ никогда не бываешь покойна: раздражаешься, сердишься. Теперь—конецъ. Сдамъ ее съ рукъ на руки мужу и хотя остатокъ жизни не буду связанной требованіями и обязанностями относительно другихъ. Довольно“!

И она рѣшила предупредить Варю.

Она послала горничную доложить барышнѣ, что ее просятъ въ будуаръ, а сама усѣлась на низкомъ диванчикѣ, обложилась подушками и завернула ноги и одну руку въ платки.

— Вы нездоровы, maman?—спросила Варя.

— А когда я бываю вполнѣ здорова?—отвѣтила съ удивленіемъ генеральша.—Ты не замѣчаешь, потому что тебя послѣднее время почти никогда нѣтъ дома. Ты, можетъ быть, и сейчасъ куда-нибудь собираешься?

— Нѣтъ. Вы хотите, чтобы я вамъ почитала вслухъ?

— Я хочу, чтобы ты сѣла и слушала.

Варя сѣла. Анна Дмитріевна закатила глаза, болѣзненно вздохнула и выдержала долгую паузу.

— Съ тобой трудно говорить!—вдругъ съ видимымъ раздраженіемъ заявила она.—У тебя всегда такой видъ, будто тебя обижаютъ или притѣсняютъ. Увѣряю тебя, что я никогда не знаю, какъ ты примешь самую обыкновенную вещь... То, что̀ я имѣю тебѣ сообщить, очень важно. Другая дѣвушка на твоемъ мѣстѣ была бы только благодарна и счастлива, а ты... Я не знаю! И мнѣ, видишь ли, даже трудно говорить.

Варя молча подняла голову и пристально, съ безпокойствомъ остановила взглядъ на матери.

— Но надо сказать, и я скажу,—волнуясь и раздражаясь, продолжала Анна Дмитріевна.—Ты знаешь, какъ я всегда заботилась о тебѣ. Ты этого не цѣнила! и я не требую благодарности. Я ничего не требую. Но я хотѣла исполнить свой долгъ до конца. Другія матери спихиваютъ своихъ дочерей замужъ за первыхъ попавшихся негодяевъ, лишь бы отдѣлаться и сложить съ себя отвѣтственность. Мы видимъ теперь блестящій примѣръ на Вельшиныхъ... Положимъ, Софья Григорьевна такъ промахнулась, что мнѣ ее даже жалко. Но все равно. Вотъ тебѣ примѣръ отношенія матери: она только торопилась, ничего не предвидѣла, ни о чемъ не разузнала, тогда какъ даже я могла бы ей сказать, что этотъ бракъ очень и очень рискованный. Я поступила совершенно иначе. Я собрала всѣ нужныя справки, все взвѣсила, обсудила...

— Maman!—испуганно перебила ее дочь.

— Подожди! Я говорю тебѣ: я все взвѣсила, все обсудила, и я думаю, я смѣю разсчитывать, что встрѣчу съ твоей стороны такое же благоразумное и достойное отношеніе. Ты, конечно, поняла? Я нашла для тебя болѣе чѣмъ приличную партію. Онъ уже не очень молодъ...

Варя сдѣлала такой отчаянный и рѣшительный жестъ, что она принуждена была остановиться.

— Что̀ съ тобой?—холодно спросила она.

— Maman...—задыхаясь, отвѣтила Варя,—мнѣ не нужно. Лучше совсѣмъ объ этомъ не говорить. Я не хочу.

— Что̀ такое? чего ты не хочешь? Ты еще не выслушала меня.

— Все равно. Нѣтъ, maman, я васъ очень прошу: не будемъ даже говорить.

— Какъ не будемъ даже говорить, если я писала, вызвала? если уже почти все рѣшено, сдѣлано?

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторяла дѣвушка, закрывая лицо руками.

— Да что такое—нѣтъ? Ты еще ничего не знаешь. Я говорю тебѣ, что я за тебя все обсудила и все обдумала. Ты ставишь меня въ какое-то странное положеніе. И мнѣ, наконецъ, непонятно...

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Замолчи! — гнѣвно крикнула генеральша и скинула платокъ съ руки.—Я просила тебя отнестись къ моимъ словамъ спокойно и благоразумно. Тебѣ сейчасъ незачѣмъ притворяться молоденькой, наивной дѣвочкой. Ты никогда ничего не умѣешь сдѣлать во-время и у мѣста. Затѣмъ, я тебѣ прямо скажу: я нашла для тебя болѣе чѣмъ приличную партію, и я желаю, чтобы этотъ бракъ состоялся. Я желаю этого непремѣнно!—На послѣднихъ словахъ она повысила голосъ и упрямымъ жестомъ стукнула кулачкомъ по столу.

— Мнѣ очень жаль огорчить васъ,—съ неожиданнымъ спокойствіемъ сказала Варя,—но я замужъ не выйду. Вы говорите, что я ставлю васъ въ какое-то странное положеніе. Его бы не было, если бы вы поговорили со мной раньше, чѣмъ все рѣшать. Я не считаю себя виноватой.

Анна Дмитріевна скинула платокъ съ колѣнъ и лицо ея побагровѣло.

— Ты смѣешь мнѣ это говорить?—сдавленнымъ голосомъ спросила она.—Ты? Ты смѣешь меня упрекать и винить? Для тебя съ твоимъ отцомъ я пожертвовала всей своей жизнью... Такъ я хочу знать: отчего ты не хочешь выходить замужъ? Вѣдь должна же быть причина. Я хочу ее знать. Говори.

— Я не скажу, maman. Я скажу когда-нибудь позже. Вы такъ взволнованы.

Генеральша расхохоталась.

— Я такъ взволнована? Ничуть. Я очень спокойна. Это ты волнуешься, потому что чувствуешь себя неправой. Я очень спокойна. Я знаю, чего я хочу, и я знаю, что будетъ такъ, какъ я хочу. Ты упряма и своевольна, но на этотъ разъ я должна предупредить тебя: мое терпѣніе истощено. Я не хочу... слышишь? я не хочу! я не хочу безъ всякой причины, наперекоръ разсудку отказываться отъ слова, которое я дала. Играть глупую роль... И не хочу опять няньчиться съ тобой, вѣчно безпокоиться, чувствовать отвѣтственность...

— И не надо няньчиться, maman. Не надо.

Она рѣзко поблѣднѣла, и видно было, что ей надо употреблять большое усиліе, чтобы говорить больше.

— Если я такъ въ тягость вамъ, то зачѣмъ же намъ продолжать жить вмѣстѣ? Мнѣ уже двадцать-семь лѣтъ. Развѣ у меня не можетъ быть своей личной жизни? Я уйду, maman. Я какъ-нибудь устроюсь. Вы не бойтесь за меня.

Генеральша широко раскрыла свои свѣтлые глаза и лицо ея, отъ изумленія, точно окаменѣло.

— Ты знаешь, что̀ ты говоришь? Ты понимаешь, что̀ ты говоришь?

— О, да! Я думала много, много. Мучительно думала. И, видите, мнѣ казалось, что я никогда не посмѣю... что у меня не хватитъ рѣшимости. Но вы сами помогли мнѣ. Maman, голубчикъ!.. иначе невозможно. Умоляю васъ, поймите меня. Замужъ я не хочу и не могу. Еслибы вы могли отпустить меня охотно и спокойно! Я не могу!.. я не могу!..

— Я выгоню тебя... охотно и спокойно! — крикнула Анна Дмитріевна и вскочила съ своего мѣста съ такой легкостью и быстротой, что уронила сосѣдній столикъ. — Я выгоню тебя. Я теперь все понимаю. Это сестра Антонины... Ты затѣмъ и повадилась къ Решковымъ. Но прими въ разсчетъ: эта Викторія хоть умна, а вѣдь ты... ты—дура. У тебя нѣтъ ни образованія, ни способностей, ни характера, ни привычки къ труду. У тебя ничего нѣтъ! ничего!

Генеральша злорадно расхохоталась.

— Вотъ вы чему рады!—вскрикнула Варвара Николаевна. —У меня ничего нѣтъ... Но кто же въ этомъ виноватъ? Кто сдѣлалъ меня такой безпомощной и несчастной?

— И ты, можетъ быть, думаешь, что я раскаиваюсь въ этомъ? Но, напротивъ, теперь ясно, насколько я была права. Если ты и теперь еще топорщишься и грозишь мнѣ какой-то глупостью,—что̀ было бы, еслибы ты чувствовала себя болѣе самостоятельной? Вязмина, служащая въ управѣ. Вѣдь это твой идеалъ, —не правда ли? Можетъ быть, теперь ты пойдешь въ телеграфистки? или куда? въ телефонныя барышни? Дочь генерала!

— Я пойду въ сестры милосердія, — тихо, но рѣшительно заявила Варя.

Анна Дмитріевна остановилась передъ нею. Лицо ея подергивалось отъ злобы и ненависти.

— Ты сдѣлаешь то, что̀ я тебѣ прикажу, — медленно проговорила она.—И я не хочу больше этихъ глупыхъ разговоровъ, которые вредятъ моему здоровью. Я не хочу умереть по твоей милости, послѣ того, какъ ты и твой отецъ испортили мнѣ всю жизнь.

— Зачѣмъ вы говорите про отца? зачѣмъ?

— Я всегда говорила и всегда буду говорить то, что хочу. Ты и твой отецъ испортили мнѣ всю жизнь. Теперь я требую, чтобы мнѣ дали отдохнуть. Ты придешь сказать мнѣ, когда ты одумаешься. До тѣхъ поръ я ничего не желаю знать. Къ Решковымъ ты больше не пойдешь. Я тебѣ запрещаю.

— Но это странно, maman! Мнѣ двадцать-семь лѣтъ.

— А мнѣ шестьдесятъ, а ты хочешь заставить меня играть глупую роль. Ты хочешь убить меня, потому что я не вынесу, не вынесу...

Варвара Николаевна съ отчаяніемъ всплеснула руками и выбѣжала изъ будуара.

На другой день посыльный принесъ ей письмо.

„Я погибла, — писала Маня Зуева, — приходи проститься. Жить — немыслимо. Предупреждаю тебя, потому что обѣщала, но знай, что повліять на мое рѣшеніе уже невозможно".

Варѣ стало досадно.

„Опять какія-нибудь глупости, — подумала она.—Набиваетъ себѣ голову романами, дерется съ сестрой и думаетъ, что она очень интересна".

„Сегодня не могу придти,—отвѣтила она.—Страшно болитъ голова. Не дури, Маня. Тебѣ понадобятся твои силы въ болѣе серьезномъ случаѣ. Ты еще не знаешь, какія бываютъ положенія въ жизни".

Она отправила записку и легла на диванъ. У нея, дѣйствительно, болѣла голова, но больше всего ей не хотѣлось никого видѣть, ни съ кѣмъ не разговаривать, и только думать, думать о себѣ.

Хватитъ ли у нея воли настоять на своемъ и пойти противъ желанія матери? Она еще сама не могла отвѣтить на этотъ вопросъ. Вотъ еслибы Стружковъ любилъ ее! О, да! тогда... Еслибы даже у нея была хотя слабая надежда! Но надежды нѣтъ. Она знаетъ, что нѣтъ, и, все-таки, она какъ будто есть. Никогда ничего не разберешь въ своей душѣ. Вотъ ей кажется, что ея замужество съ незнакомымъ ей женихомъ совершенно невозможно. Одно такое предположеніе возмущаетъ ее. А развѣ она поручится, что этого не будетъ? Положить руку на сердце и отвѣтить: поручится? Нѣтъ. Она этого боится, она не хочетъ, она будетъ бороться. И вотъ и все. А въ сущности, ея рѣшеніе зависитъ только отъ нея. Сказать себѣ: не поддамся! ни за что! И потомъ стоять на своемъ. Казалось бы, почему это невозможно? Мать грозитъ, что не вынесетъ. Но она же знаетъ, что

это только угроза. Вынесетъ и забудетъ. Все забывается. И все-таки Варя не можетъ поручиться за то, что не поддастся и не согласится. Отчего? Нѣтъ воли, нѣтъ характера. „Ничего нѣтъ! —печально заключила дѣвушка.—И даже цѣли нѣтъ. Одна мечта. Стоитъ эта мечта передъ глазами, манитъ, мучитъ. А гдѣ ее искать? какъ найти дорогу къ ней? И сколько для такого шага надо увѣренности и рѣшимости! Вѣдь непремѣнно каждый первый шагъ кажется глупостью, вызываетъ насмѣшки и порицанія. Первый шагъ... это еще такъ далеко до цѣли, а онъ уже такъ много отнимаетъ силъ! Вотъ и начинаетъ казаться, что мечта недоступна, что нѣтъ къ ней дорогъ и путей. И остается только мечтать, потому что нѣтъ воли и нѣтъ характера. Мечтать, когда хочется жить. Бѣдныя мы, бѣдныя!

„И Викторія устала, — думала она дальше. — Такъ устала, что совсѣмъ не видитъ и не цѣнитъ того, чего достигла. И у нея уже другая мечта: свѣжесть, красота жизни. Она думаетъ, что онѣ должны быть, что онѣ есть. И она такъ тоскуетъ по своей мечтѣ, что только для того, чтобы не отрѣшиться отъ нея, она отказывается отъ личнаго счастья. Любитъ Стружкова, любитъ и не хочетъ любить. Сильная она, но несчастная. И, Богъ съ ней, я все-таки не понимаю ее. Она хочетъ слишкомъ многаго, когда у насъ нѣтъ ничего. Это гордость въ ней. И за эту гордость я ее не люблю".

Анны Дмитріевны съ утра не было дома, и она предупредила прислугу, что, можетъ быть, она даже не вернется обѣдать. Варя долго лежала, а когда время стало приближаться къ четыремъ,—часъ, въ который она обыкновенно ходила къ Решковымъ,—она машинально встала и, не отдавая себѣ отчета, куда она идетъ и зачѣмъ, вышла на улицу. Она пошла по той дорогѣ, гдѣ, она знала, можно было встрѣтить Николая Николаевича, когда онъ выходилъ со службы и отправлялся къ Антонинѣ.

„Мнѣ больше уже негдѣ видѣть его", — думала она, хотя раньше рѣшила не подчиняться требованію матери прекратить свои посѣщенія Решковыхъ. Привычка во всемъ слушаться Анны Дмитріевны была такъ сильна, что даже и въ этомъ случаѣ она не могла измѣнить ей сразу и безъ особеннаго напряженія воли.

Она дошла до зданія министерства, въ которомъ служилъ Стружковъ, и повернула обратно.

Она его не встрѣтила, и только тогда почувствовала, какъ сильно и упорно было въ ней желаніе видѣть его. И она опять пошла назадъ, и опять обратно, и уже перестала надѣяться, когда ее окликнулъ знакомый голосъ.

— Да это вы?—спросилъ Стружковъ.—Это, дѣйствительно, вы? А я думалъ, что вы только страшно похожи на себя. Я васъ никогда не видалъ на улицѣ.

— Вы къ Решковымъ?—спросила Варя.

— Нѣтъ, я домой. Пойдемте?

— Куда?—удивилась дѣвушка.

— Ко мнѣ. Посмотрите, какая у меня уютная квартирка. Я люблю, чтобы было уютно. Я васъ очень серьезно приглашаю. Если хотите, буду вамъ играть. Если хотите, пообѣдаемъ вмѣстѣ. Отчего бы вамъ, право, не согласиться? Вѣдь мы друзья?

Онъ наклонился и ласково заглянулъ ей въ лицо.

Варя сильно смутилась.

— Николай Николаевичъ!.. вы не примите это за обиду... Я не стану лгать, что мнѣ некогда... Но... я очень благодарна вамъ и мнѣ очень жаль...

— Словомъ, вы считаете это неприличнымъ, — объяснилъ Стружковъ и весело засмѣялся. — И неужели ваше убѣжденіе такъ твердо, что̀ даже немыслимо его поколебать? Мнѣ вотъ что̀ интересно: допускается въ этомъ убѣжденіи логика, или не допускается?

— Да какая же логика?..

— Очень ясная. Всякое „приличіе", даже ваше приличіе, имѣетъ какой-нибудь корень, основаніе. Возьмемъ настоящій случай. Прежде женщина жила въ теремахъ, жила своей особенной женской жизнью, и мужчины глядѣли на нее не иначе, какъ только на женщину. Понимаете? Этотъ взглядъ такъ укоренился, что его и теперь еще не вышибешь изъ жизни. Въ дружбу мужчины съ женщиной вѣрятъ съ трудомъ и ихъ отношенія въ такихъ случаяхъ всегда подъ подозрѣніемъ. Очень логично, что женщина не довѣряетъ мужчинѣ и огораживаетъ себя отъ нелестныхъ для нея пересудовъ. Это будетъ до тѣхъ поръ, пока и мужчина, и женщина, не станутъ на надлежащую нравственную высоту въ общественномъ мнѣніи. До тѣхъ поръ будетъ считаться „неприличнымъ", чтобы дѣвушка или молодая женщина посѣщала квартиру холостого мужчины. Но что̀ можетъ быть дурного въ томъ, что вы зайдете въ гости ко мнѣ? Мой нравственный уровень вамъ, надѣюсь, извѣстенъ, т.-е., другими словами, у васъ нѣтъ основанія считать меня за негодяя. Я сочту вашъ визитъ за знакъ дружескаго расположенія и довѣрія, а больше никто объ этомъ не узнаетъ. Нѣтъ, вы напрасно думаете, что я не приму вашъ отказъ за обиду. Вотъ именно за обиду... потому что я не съумѣю объяснить себѣ его иначе.

Разговаривая, онъ такъ ускорилъ шаги, что Варя едва поспѣвала за нимъ.

— Значитъ, у меня нѣтъ логики,—сказала она.—Впрочемъ, я даже вполнѣ убѣдилась, что у меня ея нѣтъ. Въ послѣднее время, въ особенности... Мнѣ больно, если васъ огорчаетъ мой отказъ, но, вообразите, я себѣ даже представить не могу, чтобы я отважилась руководствоваться хотя бы очень логичнымъ разсужденіемъ, а не заученнымъ правиломъ. Быть можетъ, это мое несчастіе.

— Послушайте,—сказалъ Николай Николаевичъ и пристально поглядѣлъ на нее, — вы мнѣ кажетесь сегодня какой-то странной. Отчего вы говорите, что въ послѣднее время стали особенно нелогичной? Почему въ послѣднее время?

Варвара Николаевна почувствовала непреодолимое желаніе разсказать ему о своей ссорѣ съ матерью, о своихъ неопредѣленныхъ планахъ и необходимости принять какое-нибудь твердое рѣшеніе. Но только она ни за что не хотѣла говорить о своемъ предполагаемомъ замужествѣ, и не знала, съумѣетъ ли она обойти этотъ вопросъ.

— Въ послѣднее время мнѣ много приходилось думать. Думать о себѣ... — начала она. И затѣмъ, просто и неожиданно легко она въ нѣсколькихъ словахъ передала ему всю несложную повѣсть своей жизни, своихъ отношеній къ родителямъ и послѣднее столкновеніе съ матерью. Она только немного солгала и сказала, что первая потеряла терпѣніе и заявила Аннѣ Дмитріевнѣ, что жить такъ, какъ жила до сихъ поръ, она больше не въ силахъ. О незнакомомъ женихѣ и о его скоромъ пріѣздѣ въ Петербургъ она не обмолвилась даже намекомъ.

Николай Николаевичъ внимательно выслушалъ ее и, чтобы удобнѣе было слушать, продѣлъ свою руку подъ ея руку и шелъ, близко прижавшись къ ней и наклонясь въ ея сторону.

— Что же вы теперь будете дѣлать?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Совсѣмъ не знаю.

— А надо знать и знать твердо. Иначе кончится однѣми непріятностями и разладомъ. Такія положенія, какъ ваше, или заставляютъ дѣйствовать, или совершенно разочаровываютъ человѣка въ его силахъ. Если вы уступите сейчасъ, вы будете уступать и позже, и всегда. Предупреждаю васъ.

— А что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я бы сдѣлалъ то, что сказалъ. Въ сёстры, такъ въ сёстры. Только, чортъ знаетъ... Вы знаете, какъ это дѣлается? Надо, кажется, пройти какіе-то курсы?

— Не знаю.

— Я все узнаю и буду помогать вамъ, въ чемъ могу. Но вы дошли до моего подъѣзда, и, ей Богу, было бы очень странно, если бы вы и теперь отказались нанести мнѣ самый коротенькій визитъ. Ну, самый коротенькій.

Варя еще колебалась, но Стружковъ, не выпуская ея руки, открылъ дверь и сталъ подниматься вмѣстѣ съ ней по темноватой лѣстницѣ.

— Я радъ, что вы будете моей гостьей, — говорилъ онъ. — Вы — славная баба. Вы — простая и милая, и я привязался къ вамъ. Я не люблю женщинъ съ вывертами и претензіями. Вы простите меня, если я прямо скажу: я не довѣряю женскому уму. Женскій умъ—это или хитрость, или навыкъ кстати повторять чужія слова. Но если женщина думаетъ, что она умна, то она сейчасъ же становится такъ самомнительна и самоувѣренна, что сама же обезцѣниваетъ себя. Умныя женщина есть, безспорно, но онѣ — только умныя женщины, а не умные люди. А это большая разница. Вы чувствуете разницу? Бога ради, когда вырветесь изъ своей клѣтки и почувствуете себя свободной, не сдѣлайтесь умной женщиной! Не будьте такой... ну, какъ ваша новая пріятельница Викторія.

— Викторія?—удивленно повторила Варя.

— Ну, да. Развѣ вы не согласны со мной, что вся она одинъ вывертъ, судорога какая-то. Ничего простого, естественнаго.

Онъ вынулъ изъ кармана тоненькій ключъ и отперъ дверь.

— Вотъ вы и у меня!—торжествующимъ тономъ сказалъ онъ.—Предполагали ли вы эту возможность, когда, мѣсяца два тому назадъ, встрѣтились со мной въ первый разъ? И какъ же муштровала насъ Антонина, чтобы мы, и въ особенности я, не оскорбили вашего тонкаго вкуса нашими плебейскими манерами!

Варвара Николаевна отказалась снять свою мѣховую кофточку и все время своего пребыванія у Стружкова чувствовала себя чрезвычайно неловко.

Она вошла въ кабинетъ, разглядывала фотографическія карточки, ноты, книги и все время думала объ его отзывѣ о Викторіи, и старалась направить разговоръ такъ, чтобы Николай Николаевичъ еще опредѣленнѣе высказалъ свое мнѣніе о ней. Но тотъ, какъ будто нарочно, замалчивалъ этотъ вопросъ.

— Ну, я буду опять ждать васъ къ себѣ въ гости,—сказалъ онъ, когда Вязмина собралась уходить.—Лиха бѣда начало. А у насъ съ вами теперь и дружба, и общее дѣло.

— Какое дѣло?—удивилась Варя.

— Но я взялся навести для васъ справки. Буду помогать вамъ эмансипироваться, но только, повторяю свою просьбу, не сдѣлайтесь умной женщиной!

Анна Дмитріевна вернулась только поздно вечеромъ и прямо прошла въ свою спальную. Мать и дочь не видались весь день, и Варя съ тоской думала, что такой счастливый случай не можетъ повторяться часто.

Утромъ посыльный опять принесъ письмо. Маня Зуева писала, что вечеромъ будетъ дома совсѣмъ одна, такъ какъ Вѣра Петровна съ Катей ѣдутъ въ театръ, а Евгеній Сергѣевичъ, по обыкновенію, будетъ въ клубѣ. Она умоляла Варю придти къ ней „поговорить и проститься".

Варвара Николаевна рѣшила идти, но ее очень волновалъ вопросъ, надо ли ей спросить разрѣшенія матери, или поступить вполнѣ самостоятельно?

„Зачѣмъ спрашивать о такихъ пустякахъ, если я собираюсь не уступать въ вопросахъ значительно болѣе важныхъ?—разсуждала она.—Надо пріучать ее къ мысли, что у меня есть своя воля".

„Впрочемъ, это, дѣйствительно, такой пустякъ, такая формальность, что не стоитъ раздражать ее изъ-за этого",—думала она позже, уже направляясь черезъ темную гостиную къ комнатѣ Анны Дмитріевны.

— Maman! я иду къ Зуевымъ,—сказала она, останавливаясь въ дверяхъ.

Генеральша читала, усѣвшись въ спокойное низкое кресло.

— Я иду къ Зуевымъ,—повторила Варя.

Анна Дмитріевна не отвѣтила и, казалось, не слыхала, что съ ней говорятъ.

Варвара Николаевна постояла еще немного, повернулась; но не успѣла она сдѣлать двухъ шаговъ, какъ сзади нея раздался властный голосъ матери:

— Ты никуда не пойдешь!

Она вернулась.

— Почему?—спросила она.

— А потому что я этого не хочу. Достаточно, я думаю?

Каждый разъ, какъ мать говорила этимъ тономъ, Варя начинала такъ волноваться, что у нея перехватывало дыханіе.

„Что же это? кабала? полная кабала? Я какъ въ острогѣ?"—мысленно возмутилась она.

— Но вы объясните?..

— Ничего! я сказала.

— Такъ вы извините меня, maman: я, все-таки, пойду.

— Какъ? — переспросила Анна Дмитріевна и сдернула pince-nez.

„Надо настоять! надо настоять!—подбадривала себя Варя. „Если вы уступите сейчасъ, то будете уступать и позже, и всегда“,—вспомнились ей слова Стружкова.

— Я, все-таки, пойду,—громко повторила она.—И, вообще, такая жизнь невыносима... Я больше не могу и не хочу... И я теперь совсѣмъ, совсѣмъ рѣшила: я пойду въ сестры милосердія, а если нельзя, то хоть въ телеграфъ, хоть въ телефонъ...

Анна Дмитріевна откинулась головой на спинку кресла.

— Позвони! мнѣ нехорошо...—едва слышно проговорила она.

Варвара Николаевна кинулась къ ней, но генеральша отмахнулась отъ нея съ такой энергіей, что дѣвушка сразу успокоилась насчетъ ея жизнеспособности.

— Позвони... доктора...

Варя позвонила и убѣжала въ переднюю.

„Ну, и пусть! пусть!“—думала она, поспѣшно накидывая ротонду дрожащими руками.—„И еще хуже будетъ! Трудно себѣ представить, что будетъ! А я буду крѣпиться, пока могу“.

Къ Зуевымъ она пріѣхала рано. Вѣра Петровна и Катя еще не уѣзжали, но уже вышли въ переднюю.

— Это наша милая Barbe!—привѣтствовала Варю m-me Зуева.—Манечка! слышишь? это Barbe! Моя бѣдняжка что-то прихворнула и не ѣдетъ съ нами. Мы — на „Сервилію“. Вы не слыхали? Непремѣнно надо спѣшить, потому что о ней теперь такъ много говорятъ. Что же дѣлать? Я, по правдѣ сказать, совсѣмъ не люблю новыхъ оперъ, но нельзя же... Надо имѣть свое мнѣніе, не правда ли? Маня! это Barbe! Вы посидите съ моей больной дѣвочкой? Я думаю, что у нея это—желудочное. Слабость, тошнота... Завтра пройдетъ. Maman, надѣюсь, здорова? Она насъ забыла. Ты готова, Катя?

Вошла Маня и молча поздоровалась съ гостьей.

— Вотъ тебѣ не будетъ скучно,—продолжала болтать Вѣра Петровна,— я очень рада за тебя. Скажите maman, что я на нее очень, очень сердита. Маня! ключъ отъ шкафа у меня въ туалетѣ. Угощай свою гостью, но сама не ѣшь сладкаго. Будь благоразумна. Ну, идемъ, Катя. Мы и безъ того опоздали.

Варвара Николаевна не успѣла сказать ни одного слова. Она глядѣла на свою подругу—и что-то новое, едва уловимое поразило ее въ ней.

— Пойдемъ въ мою комнату,—предложила Маня.—Я полежу. Это ничего? я слаба.

— Но, значитъ, ты серьезно больна?

— Да, больна.

Она растянулась на кушеткѣ, закрыла лицо руками и беззвучно заплакала. Слезы лились между пальцевъ, и все ея тѣло вздрагивало и дрожало.

И опять Варю поразило въ ней что-то новое, необычное. Точно вся она стала проще, искреннѣе и какъ-то трогательнѣе.

— Да что же это, Маня? что такое?

— Какъ трудно! какъ трудно, еслибы ты знала!

— Что трудно?

— Сколько разъ я раньше думала: ну, что стоитъ? Страданій я всегда боялась, а смерть казалась мнѣ такой легкой. Точно ни себя, ни другихъ—никого не жалко было. А теперь... Ахъ, какъ хочется жить, Варя! какъ хочется жить! какъ...

Она громко зарыдала и спряталась головой въ подушку.

— Ну, выпей воды. Успокойся!—уговаривала ее Вязмина.— Успокойся, милая. Хочется жить—и прекрасно. И живи. О чемъ же?.. О, Боже мой! да о чемъ же?

Съ Маней сдѣлалась истерика. Варя хлопотала, примачивала ей голову, искала капли.

— Ничего... Ничего... — говорила Маня. — О, Боже мой! нѣтъ... ничего...

Наконецъ она немного оправилась.

— Какъ я благодарна тебѣ, что ты пришла,—прошептала она.—Помочь мнѣ ты не можешь, но это такой ужасъ—молчать, притворяться. Хожу, смотрю на всѣхъ и думаю: „а меня здѣсь скоро не будетъ". И какъ я теперь всѣхъ люблю, Варя! какъ они всѣ мнѣ милы и дороги! Сегодня, за обѣдомъ, папа и мама опять ссорились и кричали. Мнѣ стало такъ жалко ихъ и грустно... Будутъ ли они ссориться, когда я умру? Почему-то мнѣ кажется, что нѣтъ. Я ихъ попрошу.

— Ну, вотъ ты и опять плачешь. Ну, подумай, Маня... Сама ты говоришь, что тебѣ теперь хочется жить, что ты всѣхъ любишь. Такъ выбрось изъ головы всѣ свои странныя фантазіи. Не мучь себя. Зачѣмъ думать о смерти?

— Нельзя теперь. Надо. Ты не знаешь... Надо. Невозможно жить, а такъ хочется! Варя! Варечка! Глупая я была. Дура! Поздно. А понимаешь ты, что у меня нѣтъ силъ? Какъ представлю себѣ эту минуту... Вотъ, надо взять и выпить... такъ хо-

чется кричать, звать на помощь, молить, чтобы меня спасли, простили... Въ ногахъ у всѣхъ валяться и молить. Не могу!

— Не понимаю, — тихо сказала Варя. — Ты не договариваешь,—и я не понимаю.

— Трудно сказать,—прошептала Маня.

Вязмина сидѣла на краю кушетки и держала въ своихъ рукахъ руку подруги. И почему-то ей казалось, что эта дѣвушка— уже не та, какую она знала раньше, еще совсѣмъ недавно, и эта перемѣна удивляла и пугала ее больше всего, что̀ она слышала.

— Сколько у меня новыхъ радостей!—съ мечтательной, печальной улыбкой опять заговорила Маня.—Знаешь, я думала, что папа не любитъ насъ. А вчера мнѣ вдругъ ужасно, ужасно захотѣлось пойти къ нему и приласкаться. И я пошла въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ и писалъ. И вышло какъ-то странно... Онъ сперва взглянулъ на меня, какъ всегда: такъ строго и холодно. А я... а я ему сказала: „Папа! я къ тебѣ... Мнѣ грустно". И онъ вдругъ... вдругъ сталъ совсѣмъ другой. Такой добрый, добрый. И тоже печальный. Странно! Говорили мы съ нимъ. Онъ мнѣ руку поцѣловалъ. Только я поскорѣй ушла. Я не могла, потому что меня душило. Я теперь знаю: онъ добрый и несчастный. Отчего всѣ несчастливы, Варя? Папа мнѣ сказалъ: „Я знаю, что я виноватъ передъ вами". Это—передо мной и Катей. А я ему сказала: „Я тебѣ прощаю. Помни. И прости мнѣ". Да. Онъ былъ чужой, и вдругъ сразу сталъ родной, близкій. Странно.

— Видишь! Такъ ты поди къ нему опять и разскажи все, все.

— Никогда!

— Не понимаю...

— Все равно. Не мучь меня. Вѣрь. Ты видишь, за эти нѣсколько дней я точно пережила цѣлую жизнь. Я ненавижу и презираю себя въ прошломъ. И теперь презираю еще больше. Но мнѣ такъ жалко себя! и такъ хочется, чтобы и другіе жалѣли. Да вѣдь развѣ же я преступница, Варя? Неужели нѣтъ состраданія? Страшно... точно весь міръ чужой и я одна. Страшно!..—повторила она, глядя передъ собой широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

— У тебя жаръ. Рука горячая, горячая.

— Это пустяки.

— Манечка! какъ же быть? Что̀ бы ты ни говорила, я не могу представить себѣ, что тебѣ нельзя какъ-нибудь помочь. Я

тебя не допрашиваю. Я только умоляю тебя: не торопись. Не считай свое рѣшеніе окончательнымъ. Не насилуй себя. Вѣдь иногда бываетъ такъ трудно и тяжело, что кажется не подъ силу. Но это только такъ кажется. Потомъ обойдется—и ничего. Ну, будемъ надѣяться. У меня тоже сейчасъ горько и обидно на душѣ. Да что же дѣлать? Надо терпѣть и бороться.

— Не сравнивай меня съ собою.

— Отчего? У насъ много общаго. Но ты—романическая, экзальтированная головка. Тебѣ труднѣе. Не сердись. Позволь мнѣ думать для своего же утѣшенія, что ты способна выдумать себѣ такое горе, что тебѣ уже кажется, что его невозможно пережить. Помнишь, какъ часто ты приходила въ отчаяніе, а потомъ опять считала себя безумно счастливой? Я вѣрю, что тебѣ сейчасъ безмѣрно тяжело,—но развѣ нѣтъ возможности надѣяться, что скоро, можетъ быть очень скоро наступитъ новая счастливая полоса? Умоляю тебя, Маня, не торопись. Пожалѣй себя и другихъ. Но ты даже не слушаешь меня! О чемъ ты думаешь?

— Мнѣ припоминается... Я одинъ разъ видѣла... въ деревнѣ... Въ мышеловку попалась крыса. Ей прищемило задъ. Она возила мышеловку за собой, прыгала съ ней, рвалась, кричала. Чуть не вся дворня сбѣжалась смотрѣть и всѣ хохотали. Потомъ на нее натравили собаку... У насъ такса была. Это было давно. Почему я вспомнила? Такъ противно и гадко! Фу, какъ противно!

— Просто ты больна. Ишь, какой жаръ!

— Пустяки. Но мнѣ теперь кажется, что я—эта самая крыса. Какъ противно! Всѣ собрались и хохочутъ.

— Маня! не послать ли за докторомъ?—тревожно спросила Варвара Николаевна.—Никого дома нѣтъ... Но я знаю, кто у васъ лечитъ. Я пошлю.

— За докторомъ?—вскрикнула Маня съ такимъ ужасомъ, какъ будто ей пригрозили казнью.—Этого я еще не предвидѣла! Ну, конечно, они пошлютъ... Значитъ, осталась всего одна ночь. Надо торопиться... Варя! не будемъ прощаться... Тяжело. Иди домой... Оставь меня теперь, голубчикъ. Мнѣ пора... спать. Я устала.

— Нѣтъ! ты меня не прогонишь!—рѣшительно заявила Вязмина.—Маня! у меня... страшная мысль... Но вѣдь я не права? Ты нагнала на меня такое настроеніе, что мнѣ все кажется возможнымъ. Но, конечно, я не права!

— Мысль... про меня?—спросила Маня и приподнялась на кушеткѣ.—Ты... догадалась?

Обѣ съ одинаковымъ ужасомъ и ожиданіемъ глядѣли другъ другу въ лицо.

— Правда?—едва слышно спросила Варя.

Потомъ она молча схватила ее за руки, привлекла и прижала къ себѣ. И Маня тоже не сказала ни слова, а голова ея довѣрчиво и безсильно опустилась на плечо подруги.

Молодые Медынскіе вернулись изъ-за границы и вскорѣ же стали дѣлать визиты всѣмъ своимъ знакомымъ. Княгиня болтала и смѣялась по прежнему, безъ умолку, но хотя мужъ всюду сопровождалъ ее—можно было думать, что она совершенно забыла объ его существованіи. Она не обращала на него ни малѣйшаго вниманія, какъ бы на свою тѣнь. Онъ входилъ и выходилъ, садился и вставалъ рядомъ съ ней и въ одно время съ ней. Когда надо было говорить, онъ повторялъ ея слова; смѣялся, когда она смѣялась.

Вѣроятно, ему было разрѣшено распространяться свободно и самостоятельно только въ описаніяхъ красотъ южной природы. Какъ только рѣчь заходила о томъ, какъ имъ понравилась Италія или югъ Франціи, князь слегка оживлялся и говорилъ о пальмахъ, кипарисахъ, кактусахъ и агавахъ. Одинъ разъ, когда жена разсказывала о своихъ впечатлѣніяхъ въ Монте-Карло, онъ заикнулся-было, что внутренняя отдѣлка стѣнъ казино, по его мнѣнію, немного аляповата, но строгій взглядъ Зины сейчасъ же напомнилъ ему, что такія разсужденія уже внѣ его компетенціи, и покорно сталъ ждать своей очереди поговорить объ окружающихъ казино пальмахъ и агавахъ.

Всѣ разсказывали Зинѣ, какъ Софья Григорьевна скучала безъ нея и какъ онѣ старались ее развлечь и утѣшить.

— Ахъ! мамочка!—весело восклицала Зина.—Она у меня совсѣмъ какъ ребенокъ! Теперь мы не разстанемся. И она такъ добра къ нему,—кивала она на мужа.

— Да. Она очень добра ко мнѣ,—сейчасъ же подтверждалъ князь.

Софья Григорьевна пріѣзжала просить Анну Дмитріевну Вязмину поддержать ея просьбу у одного вліятельнаго знакомаго и стараго друга Николая Ивановича. Она хлопотала о назначеніи своего зятя въ очень отдаленную провинцію.

— Вы рискнете отпустить дочь въ такую даль?—удивилась

Анна Дмитріевна.—Но вѣдь тамъ ужасный климатъ! убійственныя лихорадки!

— Отпустить Зину? Ни за что! Она останется со мной въ Петербургѣ. Эти дѣти обожаютъ другъ друга, но у нихъ есть мужество. Онъ самъ настаиваетъ именно на этомъ мѣстѣ, а Зина плачетъ и говоритъ: „Мамочка, я понимаю его. Пусть ѣдетъ". Да, у нея много мужества и прямой, ясный умъ. Вообразите, что Наталья Алексѣевна прямо не можетъ глядѣть на нее безъ восторга. Ахъ, она такъ ее полюбила, что мнѣ даже смѣшно!

— Я не видаюсь больше съ Натальей Алексѣевной,—холодно замѣтила Вязмина.

— Да неужели? Почему? Она была такъ привязана къ вамъ.

— Вѣроятно, вы ошибаетесь, потому что она перестала у меня бывать. Ну, и я запретила своей Варѣ бывать у Решковыхъ. Антонина теперь поправилась и можетъ, если хочетъ, пріѣхать ко мнѣ.

Она не сочла нужнымъ пояснить, что Наталья Алексѣевна перестала у нея бывать послѣ того, какъ генеральша одинъ разъ сорвала на ней всѣ непріятности и неудачи послѣднихъ дней. Непонятный гнѣвъ противъ Викторіи, цѣлый потокъ жесткихъ и обидныхъ словъ такъ болѣзненно потрясли деликатную, всегда возвышенно настроенную чувствительность старой институтки, что она ушла отъ Вязминой вся въ слезахъ и даже забыла захватить свой ридикюль, отдѣланный старыми пестрыми лентами. Анна Дмитріевна открыла его, ознакомилась съ его содержаніемъ и приказала горничной отнести его къ Решковымъ. Въ ридикюлѣ находились: зеркальце, пудренница съ пушкомъ, карандашъ для бровей и старенькое портмонэ съ мелкой серебряной монетой.

„Несчастная идіотка! — съ презрительной улыбкой подумала генеральша: — у нея не хватило ни ума, ни достоинства примириться со старостью, тогда какъ она даже никогда не была красива. Что бы было съ ней на моемъ мѣстѣ"?

Обиженная Наталья Алексѣевна побѣжала къ Решковымъ и, въ свой чередъ, устроила тамъ сцену.

— И всегда ты! всюду ты!—кричала она Викторіи, потрясая надъ своей головой руками, на которыхъ звенѣли дешевые браслеты.

Викторія все время молча смотрѣла въ окно.

— Ну, не плачь!—сказала она, наконецъ, подходя къ матери и обнимая ея сѣдую голову.—Мнѣ жалко тебя. Тебя утѣ-

шитъ—знать, что твоя величественная генеральша скоро будетъ завидовать тебѣ? Ты не хочешь считать меня дочерью, но у тебя всего останется Тоня. У нея не останется никого.

— Съ чего ты взяла?—быстро мѣняя тонъ, спросила Наталья Алексѣевна.

— Я тебѣ ничего не объясню, потому что ты будешь болтать,—спокойно отвѣтила дочь.—Довольно съ тебя того, что я сказала.

Наталья Алексѣевна знала, что Викторія упряма и что противъ ея рѣшенія спорить безполезно. Она только вздохнула и, еще не оправившаяся отъ обиды, но уже нѣсколько успокоенная утѣшеніемъ и лаской, она улыбнулась и погладила Викторію по щекѣ.

— А ты у меня что-то похудѣла,—замѣтила она.—Виточка! ты здорова? И отчего ты теперь такъ рѣдко приходишь къ отцу? Старикъ скучаетъ и безпокоится. Я знаю.

— Нѣтъ, мама, ты не знаешь,—съ грустной улыбкой отвѣтила Вита.—Отецъ бывалъ у Тони почти каждый день, пока она была больна, и онъ видѣлъ, что мнѣ некогда ходить къ нему въ гости. Вотъ ты не была съ нами, мама.

— Не могла! не могла!—вскрикнула Наталья Алексѣевна.—Видѣть страданія... слышать стоны... Брр! — Она приподняла плечи и закрыла глаза.—Не могла!—повторила она и протянула обѣ руки Антонинѣ.—Поди ко мнѣ, моя истрадавшаяся, дорогая дочь!

Когда мать ушла, Викторія опять подошла къ окну и задумалась, прислонившись лбомъ къ рамѣ.

— Вита!—окликнула ее Антонина.—Что же это у насъ дѣлается? я ничего не понимаю. Даже мама замѣтила, какъ ты измѣнилась. Стружковъ почти не показывается. Ты какъ-то странно намекаешь про Barbe... Я ничего не понимаю!

— Ты ничего не понимаешь, потому что забрала себѣ въ голову, что я должна выйти замужъ за Николая Николаевича,—отвѣтила Викторія.—Но ты ошибаешься, Тоня. Ни за него, ни за кого другого.

— Значитъ, ты отказала ему?

— Не воображаешь ли ты, что онъ дѣлалъ мнѣ формальное предложеніе? Просто, онъ знаетъ мой взглядъ, понялъ, что поколебать его трудно, и, кажется, теперь самъ радъ, что я не пожелала связать его свободу. Я увѣрена, что онъ радъ. Онъ уже нашелъ себѣ другую забаву: хлопочетъ объ эмансипаціи твоей Barbe.

— Послушай, Вита! ты ревнуешь!—весело вскрикнула Антонина.—Ахъ, какъ я рада! ты ревнуешь... Значитъ, все устроится, какъ мнѣ хочется.

Викторія нетерпѣливо пожала плечами.

— Ну, утѣшайся!—сухо сказала она.

Старшая сестра немного смутилась ея тономъ, но любопытство пересилило ея робость, которую она часто ощущала въ присутствіи Викторіи, когда та бывала не въ духѣ.

— Ты сказала, что Николай Николаевичъ теперь занятъ Вагѣе. Но и онъ, и она почти не бываютъ у насъ. Развѣ они видятся?

— Значитъ, видятся. А я знаю, что Стружковъ ни за что не пошелъ бы въ домъ Вязминыхъ. Разсказывала тебѣ Варвара Николаевна о своей ссорѣ съ матерью? нѣтъ? ты о ней не знаешь? А онъ знаетъ... всѣ подробности... отъ нея. Онъ собираетъ для нея справки, хлопочетъ.

— И ты сама виновата!—вдругъ разсердилась Решкова.—Ты, по моему мнѣнію, его мальтретировала, отталкивала, утомляла. Ты сама виновата. А онъ—совсѣмъ не дурная партія. И даже мама не могла бы ничего возразить. У него служба... И все бы такъ великолѣпно устроилось. Но ты, прости меня, слишкомъ возгордилась.

— Нѣтъ, отстань!—попросила Викторія.—Я прямо не умѣю тебя слушать, когда ты возьмешься разсуждать. „Возгордилась"... Ты думаешь меня этимъ уязвить. А я тебѣ скажу: мнѣ не хватаетъ гордости, не хватаетъ! И виновата моя усталость... Глупая, упрямая борьба изъ пустяковъ, изъ-за каждой незначительной мелочи. Да. Устала. А сдаваться не хочу...

— Хочешь, я напишу ему? — вкрадчиво заговорила Тоня.

— Зачѣмъ? что̀?

— Напишу, что „мы" объ немъ соскучились, и просимъ его придти? Онъ пойметъ. Онъ обрадуется. О бѣдной Вагѣе не будетъ и помину.

Викторія опустила голову и молчала.

— Я сейчасъ же и напишу,—радостно заявила Решкова.

— Ни за что! я не хочу! не хочу!—остановила ее сестра, и лицо ея сразу сдѣлалось упрямымъ и рѣшительнымъ.—Я очень прошу тебя вообще не предпринимать ничего отъ моего имени. И оставимъ этотъ разговоръ: онъ меня волнуетъ и раздражаетъ. Я хочу, чтобы Стружковъ для меня не существовалъ.

Разговоръ невольно пришлось прекратить: въ комнату вошла Варвара Николаевна.

— Вы не слышали, Barbe,—спросила Антонина,—правда, что Маня Зуева такъ больна, что ее везутъ за границу?

— Я только-что отъ нихъ,—сказала Вязмина. — Да, она больна. У нея острое малокровіе, и доктора совѣтуютъ ей уѣхать отъ петербургской весны. Кстати, Вѣра Петровна давно мечтаетъ проѣхаться.

— А Катю не берутъ? Это странно.

Вязмина покраснѣла.

— Отчего же странно? Катя поѣдетъ въ другой разъ. Вдвоемъ, конечно, гораздо удобнѣе, да и Катя стала бы скучать.

Викторія взяла свою шляпу и долго, старательно надѣвала ее передъ зеркаломъ. Она пристально глядѣла на свое отраженіе, но видно было, что она даже не замѣчаетъ его.

— Куда ты?—спросила Тоня.

— Уйду. Надо,—тихо отвѣтила она.

— Мнѣ кажется, что я... не во-время...—опять краснѣя и смущаясь, сказала Варя. Она сразу почувствовала какую-то перемѣну по отношенію къ ней обѣихъ сестеръ, какую-то принужденность въ тонѣ Антонины и плохо скрытую враждебность со стороны Викторіи.—Мнѣ кажется, что я не во-время... Но я такъ привыкла бывать здѣсь. И вотъ уже нѣсколько дней я не была, и мнѣ стало грустно. Но я на одну минуту...

— Боитесь maman?—вдругъ рѣзко спросила Викторія.—А вы знали, что она сегодня еще чуть не выгнала нашу мать? —Да, да...—продолжала она и возбужденно засмѣялась, вглядываясь въ удивленное и испуганное лицо гостьи. — И это за васъ и за меня... Будто, видите ли, это я совращаю васъ съ пути истиннаго и награждаю пагубными совѣтами. Все я. Другого вліянія нѣтъ. Я очень польщена... Но я бы не желала, чтобы мнѣ приписывали незаслуженное значеніе: о вашихъ планахъ вы говорили не со мной, и помощи просили не у меня.

— О, неужели вы думаете, что я обвиняла васъ?.. что я говорила maman о томъ, чего не было?..

— Я думаю, что вы не сказали того, что было,—многозначительно подчеркнула Викторія и сразу спохватилась. — Варвара Николаевна! можетъ казаться, что я сержусь на васъ или упрекаю. Нѣтъ! Конечно, никому нѣтъ дѣла, что я стала такой раздражительной и злой. Это не оправданіе. Но мы какъ-то долго говорили съ вами по душѣ. Помните? Въ концѣ концовъ вы отнеслись ко мнѣ по дружески. Это даетъ мнѣ надежду, что вы и сейчасъ будете снисходительны.

— Вы правы. Я виновата, — тихо сказала Вязмина.—Но

развѣ я могла ожидать?.. Я съѣзжу къ Натальѣ Алексѣевнѣ и буду извиняться.

— Нѣтъ, этого не надо. И мы васъ не винимъ: ни она, ни мы съ сестрой.

— Вы еще сказали, что я скрыла отъ maman правду. Хорошо: я и это скажу. Я понимаю, что теперь надо сказать.

— Ахъ, ничего не надо!—почти въ отчаяніи вскрикнула Викторія.—Я вижу, вы не хотите простить мнѣ моей выходки. А я ужасно раскаяваюсь въ ней. Ну, что̀ же дѣлать? У насъ съ вами чуть не съ первой встрѣчи какія-то странныя отношенія: то мы враги, то мы друзья. И это меня мучитъ. И вотъ повѣрьте мнѣ: я знаю, что могла бы быть вамъ другомъ, и хотѣла бы этого. Ужасно бы хотѣла! Я стала бы ровнѣе и спокойнѣе...

Варя пристально поглядѣла на дѣвушку.

„Вся она одинъ вывертъ, судорога какая-то",—припомнился ей отзывъ Стружкова.

— И что̀ же для этого надо?—спросила она.

— Да вотъ... на первый случай: не сердитесь на меня и забудьте все, что̀ я сказала. Вашей maman незачѣмъ знать, кто совѣтуетъ и помогаетъ вамъ. Когда у васъ будетъ болѣе интересная и опредѣленная новость, тогда вы ей сдѣлаете сюрпризъ.

— Развѣ можетъ быть новость и сюрпризъ?—сухо спросила Тоня, дѣлая наивное и вмѣстѣ съ тѣмъ недовольное лицо.—Я совершенно ничего не понимаю, о чемъ вы говорите. У васъ какія-то тайны.

— Никакихъ!—рѣшительно заявила Варвара Николаевна.—Я тоже не понимаю, о какомъ сюрпризѣ говоритъ Викторія Львовна. И я очень спѣшу. Я предупредила, что зашла только на минутку.

Когда она ушла, Викторія сбросила шляпу и долго ходила по комнатѣ и кусала себѣ губы.

„Я глупо себя веду, — думала она. — Я нервничаю, я теряюсь. Надо все это кончить, оборвать разомъ. Я знаю, это и... нѣтъ силъ"!

Женихъ пріѣхалъ. Анна Дмитріевна получила письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что надѣется имѣть честь представиться ей на слѣдующій день въ три часа. Письмо принесъ посыльный изъ гостинницы и ждалъ отвѣта. Генеральша немного взволновалась и въ ожиданіи такого многозначительнаго визита

распекла горничную за то, что у нея обыкновенно „глупая рожа“, приказала повернуть скатерть на гостиномъ столѣ такъ, чтобы скрыть въ ней одинъ изъянъ и вычистить порошкомъ серебро, которое украшало буфетъ.

Потомъ она пошла въ комнату дочери и, не глядя на Варю, которая въ это время сидѣла у окна и вязала крючкомъ, остановилась по срединѣ и сказала сухимъ, повелительнымъ тономъ:

— Завтра въ три часа ты должна рѣшить свою судьбу. Выбора для тебя нѣтъ. Ты выйдешь въ гостиную и будешь вести себя такъ, какъ я этого хочу.

Затѣмъ она вышла и затворила за собой дверь.

У Варвары Николаевны опустились и задрожали руки. Ей показалось, что въ комнатѣ стало мало воздуху, и поэтому трудно дышать; показалось, что надъ головой ея разразился какой-то ударъ и такъ разсѣялъ ея мысли, что уже не было никакой возможности собрать ихъ. Она чувствовала тоску, униженіе, безпомощность, а все-таки у нея оставалась отчаянная мечта вырваться изъ-подъ этой безпощадной власти, котораа порабощала ее.

„Теперь надо дѣйствовать!.. надо дѣйствовать!“ — повторяла она себѣ.

Какъ дѣйствовать?—она не знала. У нея не было ни одного готоваго плана, ни одного твердо принятаго рѣшенія. Она поняла, что ей необходима помощь, дружеская и увѣренная рука, которая поддерживала бы ее въ эту рѣшительную минуту, отъ которой зависѣла вся ея будущая судьба.

И первая ея мысль была о Стружковѣ...

Въ этотъ день было воскресенье. Онъ могъ быть дома. Она быстро одѣлась и вышла на улицу.

Приближалась весна. Сильно таяло. Солнце непривычно ярко свѣтило, и съ высоты крышъ длинными, тяжелыми и сверкающими каплями падала на тротуары снѣговая вода. Было какъ-то особенно празднично и шумно: уже стучали по мостовой колеса, дворники суетливо и почему-то весело сгребали широкими лопатами жидкую грязь и скучивали ее около тротуаровъ, уличные мальчишки кричали во все горло и даже у прохожихъ были довольныя и оживленныя лица.

Варвара Николаевна шла быстро и не замѣчала, какъ на ея шляпу, плечи и рукава шлепались тяжелыя капли. У нея была почти опредѣленная увѣренность, что Николай Николаевичъ не позволитъ ей подчиниться матери, найдетъ для нея исходъ,

совершить какое-то чудо, которое превратитъ ее, робкую и нерѣшительную, въ сильнаго, упорнаго борца.

„И тогда я не сдамся,—думала она.—Мнѣ терять нечего. Моя жизнь невыносима. Если мнѣ даже придется плохо, будетъ только иначе, а не хуже. Чего мнѣ бояться? Maman мнѣ тоже не жалко, и я знаю, что я не буду особенно виновата передъ ней. Она не любитъ меня: что бы я ни сдѣлала, страдать будетъ не она, а только ея самолюбіе“.

Варвара Николаевна дошла до подъѣзда дома, гдѣ жилъ Стружковъ. Надо было войти и подняться по лѣстницѣ. Не было никакого сомнѣнія, что и подъѣздъ, и лѣстница были именно тѣ, которые она часто вспоминала съ тѣхъ поръ, какъ Николай Николаевичъ почти насильно привелъ ее къ себѣ. Но она вдругъ почувствовала, что ей еще надо собратьса съ силами, чтобы войти къ Стружкову, и просить его помощи вовсе не такъ легко, какъ это ей казалось только сейчасъ. И тогда, обманывая себя и оттягивая время, она прошла по тротуару къ слѣдующему, незнакомому дому, убѣдилась, что онъ нисколько не похожъ на тотъ, въ которомъ она была, и медленно вернулась.

Поднимаясь по лѣстницѣ, она слышала, какъ бьется ея сердце.

„Если мнѣ такъ трудно и тяжело, значитъ онъ мнѣ чужой?—съ недоумѣніемъ спросила она себя.—Отчего же я такъ часто, почти постоянно, думаю о немъ? Отчего же у меня нѣтъ никого, кто былъ бы мнѣ настолько же дорогъ, какъ онъ? И, все-таки, онъ чужой... дальній... какъ всѣ мои мечты о жизни и счастьѣ. Думаешь о нихъ—и они кажутся близкими и доступными; протянешь къ нимъ руку и поймешь: до чего онѣ далеки, до чего далеки! Никогда ничего не поймешь въ своей душѣ! Я шла сюда съ такой увѣренностью и съ такими надеждами! И я едва смѣю войти: онъ мнѣ чужой“.

Она робко нажала кнопку звонка и стала ждать.

„А еслибы кто-нибудь увидалъ меня здѣсь? — неожиданно пришло ей въ голову. — Развѣ я знаю, кто живетъ въ этомъ домѣ“?

Она позвонила еще разъ, рѣшительнѣе, чѣмъ въ первый. Но никто не шелъ открывать дверь и за ней не слышно было ни малѣйшаго шороха.

„Дома нѣтъ“,—подумала Варя.

Но теперь она ощущала только страхъ... страхъ, что кто-нибудь пройдетъ, увидитъ ее, узнаетъ. И только когда она опять очутилась на улицѣ, среди военныхъ, шума, сутолоки и свѣта, она вспомнила, что дѣло, съ которымъ она шла къ Стружкову,

неотложно, что терять время ей нельзя и что, предоставленная одной себѣ, безъ помощи, безъ совѣта, она не рѣшится ни на что. А завтра будетъ уже поздно...

Она взяла извозчика и поѣхала къ Решковымъ.

„Если Антонины нѣтъ, буду ждать, — рѣшила она.—Можетъ быть, придетъ Викторія. Она говорила, что хотѣла бы быть мнѣ другомъ... Она пойметъ... Вѣдь я погибаю, погибаю! Неужели же нѣтъ никого, кто бы захотѣлъ спасти меня“?

Швейцаръ сказалъ, что господа дома—недавно вернулись. Опять надо было идти по лѣстницѣ, а у Варвары Николаевны дрожали и подгибались ноги.

И вдругъ ея слуха коснулся широкій, мощный аккордъ, и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ понеслись смѣлые, радостные, ликующіе звуки. Вязмина остановилась, прислонившись къ рѣшеткѣ лѣстницы. Она поняла, что игралъ Николай Николаевичъ, что онъ здѣсь, что она сейчасъ увидитъ его, и не обрадовалась... Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она такъ же стояла на лѣстницѣ и слушала его игру. Тогда ей еще ничего не надо было отъ него, а онъ, помимо ея воли, далъ ей такое новое, свѣтлое чувство, пробудилъ въ ней столько надеждъ, столько желаній! Все, что онъ далъ ей, откликнулось теперь яркой болью въ ея душѣ.

„Чужой... далекій... какъ всѣ мои мечты о жизни и счастьѣ, —мысленно повторяла она.—И всѣ они тамъ чужіе и далекіе. И, все-таки, я къ нимъ пойду, потому что мнѣ не къ кому больше идти“.

Когда она раздѣвалась въ передней, изъ двери кабинета выглянулъ Михаилъ Викторовичъ.

— А-а!—любезно, но разочарованно протянулъ онъ, пожалъ ей руку и сейчасъ же опять скрылся за дверью.

Варя поняла, что онъ кого-то ждалъ, и ошибся. Она вошла въ гостиную, откуда слышались знакомые, веселые голоса, и ей показалось, что и тамъ ея появленіе никому не было пріятно.

— Да это она! — смѣясь и щурясь, сказалъ Стружковъ.— Она и есть... наша будущая сестра милосердія. Ну, здравствуйте, сестра!

— Ахъ, Barbe! — немного натянуто, какъ и въ послѣдній разъ, привѣтствовала ее Антонина. — А я, вообразите, сегодня хотѣла быть у васъ.

Викторія видимо смутилась и, поздоровавшись, вышла изъ комнаты. Стружковъ ушелъ за ней.

— Ахъ, chère Barbe!—неестественнымъ тономъ заговорила

Антонина, усаживая подругу на диванъ и садясь рядомъ съ ней: —я знаю, Вита будетъ меня бранить, если узнаетъ, но вы, право, стали мнѣ такой близкой и родной, что я не могу молчать. Ахъ, я такъ рада!.. Вѣдь, знаете,—шопотомъ продолжала она, оглядываясь на дверь,—для васъ это, конечно, тоже будетъ не новость: они помирились и, въ общемъ, почти все рѣшено.

— Что рѣшено?—спросила Варя.

— У нихъ все это странно, не по-людски, но, конечно, придутъ они все къ тому же. Главное, что они давно любятъ другъ друга. Вита долго упрямилась; у нея были какіе-то чисто-фантастичные планы и мечты. Я начинала бояться, что она испортитъ себѣ ими всю жизнь. И знаете, еслибы я не рѣшилась дѣйствовать... Только, Бога ради, не говорите этого Витѣ! Она ужасно разсердится! Но я видѣла, что имъ надо помочь, что они оба упрямы и самолюбивы до того, что готовы изъ упрямства отказаться отъ счастья. Потомъ они сами будутъ мнѣ благодарны... Chère Barbe! — вкрадчивымъ голосомъ прибавила она:—вы видите, какъ я съ вами откровенна? Это потому, что я считаю васъ другомъ. Я даже рѣшусь попросить васъ: Вита такая странная и тревожная... а у Николая Николаевича такая оригинальная манера обращаться съ людьми, даже съ молодыми дѣвушками...

Она немного смутилась и замолчала. Варвара Николаевна тоже молчала, низко опустивъ голову.

— Но вы поняли? поняли мою просьбу? — спросила Антонина.

— Просьбу? Нѣтъ, я не поняла.

— Ну, такъ я скажу прямо. Вы—другъ, вы поймете... Виту безпокоитъ ваша дружба съ Николаемъ Николаевичемъ. Я повторяю вамъ, что она—странная, тревожная. У васъ какіе-то переговоры?.. Chère Barbe, очень важно, чтобы Вита теперь была совершенно спокойна, и это зависитъ отъ васъ.

— Это зависитъ отъ меня?—глухо повторила Вязмина.

— Да. И я увѣрена... вы не сердитесь за мою просьбу?

Варя провела рукою по лбу и глазамъ и, замѣтивъ на себѣ пристальный, любопытный взглядъ Решковой, постаралась овладѣть собой и улыбнуться.

— Ихъ еще нельзя поздравить?—спросила она по-французски.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — быстро отвѣтила Антонина.—Они не должны подозрѣвать, о чемъ мы съ вами бесѣдовали. Это очень важно, очень важно.

Она сразу стала очень любезной и очень веселой.

— Вы думаете, что мой мужъ занятъ? — смѣясь, спросила она.—Дверь закрыта... похоже на то, что у него пріемъ. Но у него не паціенты, а партнёры. Онъ не совсѣмъ здоровъ, и какъ разъ выдался такой день, что нѣтъ необходимости куда-нибудь ѣхать. Не знаю, дождались ли они четвертаго...

Она пошла къ двери, пріоткрыла ее и заглянула въ кабинетъ.

— Сидятъ!—со смѣхомъ сообщила она.

Въ гостиную вернулся Стружковъ и сѣлъ на диванъ рядомъ съ Варей.

— Ну, что новаго?—спросилъ онъ.

Вязминой вдругъ стало невыносимо оставаться дольше. Она чувствовала, что не могла говорить, не могла совладать съ своимъ лицомъ. Ей казалось, что прежде всего необходимо остаться одной, чтобы собрать мысли, которыя были теперь такія разсѣянныя, мелкія, отрывочныя, что она сама ровно ничего не понимала въ нихъ. Ей казалось, что надо куда-то спѣшить, чтобы не потерять времени, котораго осталось очень мало. И больше всего ей казалось, что она такъ несчастна и одинока, что нельзя съ такимъ чувствомъ сидѣть въ обществѣ веселыхъ, счастливыхъ людей.

Ее задерживали.

— А сейчасъ чай,—соблазняла Антонина.

— Дѣло въ томъ, что мнѣ многое надо вамъ сказать,—говорилъ Стружковъ.—Я убѣдился, что ваша мечта быть сестрой милосердія, въ сущности, не выдерживаетъ критики. Надо придумать что-нибудь другое. Сестра милосердія—это уже отреченіе отъ жизни, это что-то въ родѣ подвижничества. И именно этого не надо. Крайностей не надо. Крайность—это надрывъ, явленіе болѣзненное. Намъ надо дѣйствовать постепенно и послѣдовательно, провѣряя свои силы. Если слишкомъ сильно рвануть, то какъ бы позже не раскаяться. И тогда будетъ не побѣда, а полное пораженіе. Видите, я все это обдумалъ...

„Ему нѣтъ никакого дѣла до меня!—думала Варя.—И онъ боится, какъ бы ему не пришлось впутаться въ исторію“.

— Да, да... Благодарю васъ,—поспѣшно проговорила она, торопясь уйти.

— Ну, вы сегодня опять застегнулись на всѣ пуговицы вашего мундира, — пошутилъ онъ.—Благодарите... За что?

— Вита! Barbe уходитъ!—крикнула Антонина въ сосѣднюю комнату.

Викторія пришла и молча пожала руку Вязминой. Глаза ихъ встрѣтились, и обѣ онѣ быстро отвели ихъ въ сторону.

— А я, можетъ быть, скоро уѣду. Пожалуй, больше уже и не увидимся,—сказала Викторія.

— Ты уѣдешь?—съ удивленіемъ вскрикнула Антонина.—Ты? теперь?

— Ну, да. Я, теперь,—съ легкимъ раздраженіемъ отвѣтила сестра.

— Желаю вамъ... счастья, — тихо сказала Варвара Николаевна.

Стружковъ замѣтно нахмурился, но вышелъ проводить Вязмину въ переднюю.

— Такъ помните же, что мы съ вами, по прежнему, союзники,—говорилъ онъ, подавая ей жакетъ.—Мы должны добиться свободы, но, Бога ради, не сдѣлайтесь умной женщиной, какъ Викторія Львовна. Умная женщина не умѣетъ быть простой и естественной, а это несносно, невыносимо!

— Привилегію личныхъ вкусовъ и чувствъ вы оставляете за собой?—спросила Викторія.

— Какъ? опять пикировка? — съ отчаяніемъ вскрикнула Антонина.

— И свобода должна быть разумной. И вкусы, и чувства не должны быть извращаемы,—сердито замѣтилъ Николай Николаевичъ.

— А судьей разумности или извращенности—вы? непремѣнно вы, а не я?

Вязмина вышла и захлопнула за собой дверь.

Теперь можно было думать... Непремѣнно надо было думать, чтобы придти къ какому-нибудь рѣшенію. Времени оставалось очень мало; ждать помощи и совѣта было неоткуда. Вся ея судьба зависѣла только отъ нея самой, и необходимо было отдать себѣ твердый отчетъ, чего она хочетъ и чего она не хочетъ ни за что.

„А развѣ мнѣ не все равно?—вдругъ подумала она. – Развѣ *мнѣ* стоитъ за что-нибудь бороться? Развѣ я чего-нибудь хочу? что-нибудь люблю? Да, мнѣ все равно“.

Это заключеніе было такъ неожиданно для нея самой, что она сперва даже не повѣрила себѣ.

„Быть можетъ, это только такъ кажется теперь? Мнѣ это кажется, потому что я, вообще, несчастна... Неужели я надѣялась, что Николай Николаевичъ полюбитъ меня“?

Она старалась думать, старалась разсуждать логично, и не могла. Она даже не могла сознательно чувствовать: на душѣ

былъ гнетъ, очень тяжелый, очень мучительный, но что угнетало—она не отдавала себѣ отчета.

Никогда ничего не разберешь въ своей душѣ! Главное, хотѣлось отдохнуть отъ чего-то. Точно она устала. Хотѣлось жаловаться...

„Если человѣкъ начнетъ жаловаться, онъ никуда не годится,—припомнились ей слова Викторіи.—Жалобы—это безсиліе, легкій исходъ“.

Но она именно искала легкаго исхода и поѣхала къ Зуевымъ.

Маня обрадовалась ей, выгнала изъ своей комнаты Катю и закрыла дверь.

— Ахъ, дорогая! — сказала она: — вообрази, я счастлива. Вотъ ужъ не думала, что я еще когда-нибудь произнесу эту фразу!

Варя даже немного испугалась.

— Ты не вѣришь? Но ты не знаешь моего отца. И я его не знала раньше. Но теперь... Ахъ, еслибы я могла пожертвовать для него жизнью! быть для него Корделіей! Я иногда сижу и мечтаю. И вотъ выдумаю, что папа ослѣпъ, а я не отхожу отъ него и замѣняю ему зрѣніе. Или—еще что-нибудь. Теперь я понимаю, что высшая любовь, самая святая, самая трогательная—это вовсе не та, что въ романахъ, а въ отношеніяхъ дѣтей и родителей. Еслибы ты знала, какъ онъ любитъ и жалѣетъ меня!

— Ну, а Вѣра Петровна успокоилась?—спросила Варя.

Маня нахмурилась.

— Maman не понимаетъ меня. Она сердится и ни за что не хочетъ признать, что я—жертва, и что виновата она же. Но, конечно, папа правъ. Вѣдь это онъ говоритъ, что я жертва и виновата maman, и у нихъ, изъ-за этого, страшныя ссоры. У maman дурной характеръ, и мнѣ теперь всегда очень, очень жалко папу.

Вязмина слушала подругу и удивлялась: та уже видимо успокоилась, нравственно оправилась и даже какъ будто рисовалась тѣмъ несчастьемъ, которое едва не убило ее. Варя знала, какія тяжелыя минуты ей пришлось пережить. На попытку самоубійства она не рѣшилась, и предпочла перенести горе и гнѣвъ своихъ родителей, лишь бы остаться жить. Больше всего на свѣтѣ ей хотѣлось жить! Она примирилась бы со всѣми ужасами болѣзни, униженія, позора—лишь бы только жить. И она вымаливала себѣ эту жизнь, ползая на колѣняхъ передъ ма-

терью, цѣлуя ея платье, которое та съ негодованіемъ и брезгливостью вырывала изъ ея рукъ. Какова должна была быть эта сцена! Варя знала только одну эту подробность, а именно, что Маня ползала по полу, а мать вырывала свое платье изъ ея рукъ. Зато подруга подробно разсказала ей свое объясненіе съ отцомъ. Въ ту же ночь, очень поздно, онъ вошелъ къ ней со свѣчой, опустился на колѣни передъ ея кроватью и зарыдалъ. Они проговорили почти до утра, и вотъ тутъ Манѣ стало ясно, что она—жертва, а виноваты во всемъ родители. Отца она простила, и вся вина легла на Вѣру Петровну именно за то, что она не хотѣла ее признать, и поэтому не заслужила быть прощенной.

И какъ только Маня поняла, что она жертва, ей сразу стало легко, и она начала оправляться и успокаиваться. У нея даже явился совершенно новый тонъ: покровительственный и снисходительный.

— Ну, а какъ ты?—спросила она Варю.—Вѣдь и у тебя, бѣдненькой, все непріятности? Лучшее средство утѣшить тебя, это сравнить твое положеніе съ моимъ. Когда я думаю о себѣ, мнѣ кажется, что я читаю романъ. Если я умру, я оставлю тебѣ свои записки... Я непремѣнно хочу писать записки, потому что знаю, что мой опытъ можетъ послужить для пользы такихъ же глупенькихъ и восторженныхъ дѣвушекъ, какой была еще недавно я сама.

— Ахъ, противная дѣвчонка!—вдругъ вскрикнула она, внезапно распахивая дверь.—Я такъ и знала, что она подслушиваетъ!

По корридору пронесся шорохъ платья и торжествующій, дразнящій хохотъ.

— Ну, ужъ я пожалуюсь на нее папѣ! — взволновалась Маня.—Теперь у насъ двѣ партіи: я—съ папой, а Катя—съ maman. Непремѣнно пожалуюсь!

Варѣ стало ужасно скучно. Когда она ѣхала сюда, она думала о той Манѣ, которую она видѣла всего одинъ вечеръ: тотъ вечеръ, когда Вѣра Петровна съ Катей слушали „Сервилію“ и составляли свое личное мнѣніе о ней. Той Манѣ она разсказала бы свое горе, пожаловалась бы на всѣ свои обиды. Но ея уже не было. А Манѣ-жертвѣ, Манѣ покровительственной и снисходительной она ничего сказать не могла. Да та была слишкомъ занята собой, чтобы остановить свое вниманіе на комъ-нибудь другомъ.

— Да, удивительно я много пережила, — заговорила опять

Зуева, усаживаясь на прежнее мѣсто.—Катя на два года моложе меня, а мнѣ кажется, что я пережила ее на десятки лѣтъ. Катя завидуетъ моей дружбѣ съ папой и тоже старалась подладиться къ нему. Но, конечно, это только смѣшно. Она это поняла и взяла сторону maman...

„Теперь больше некуда!—подумала Варвара Николаевна, выходя отъ Зуевыхъ.—И я устала, устала"...

Солнца уже не было видно. Улицы были грязны и мрачны. Начинало слегка морозить, и свѣжій, рѣзкій воздухъ возбуждалъ и утомлялъ.

„Сейчасъ обѣдъ съ глазу на глазъ съ maman, потомъ—вечеръ, потомъ—еще одно утро...—думала Варя.—Ну, что жъ... Не все ли равно? Кому нужна моя жизнь? и зачѣмъ она нужна мнѣ самой? Ни воли, ни характера, ни даже настоящаго чувства... Ничего! Ничего! Ну, и тѣмъ лучше"!

У Вязминыхъ кончался пріемъ. За одинъ день Анна Дмитріевна и Варя приняли столько визитовъ и поздравленій, что они устали улыбаться и говорить. Въ гостиной еще оставались Софья Григорьевна Вельшина, Наталья Алексѣевна и Антонина. Но и тѣ уже собирались уходить.

— Воображаю, воображаю, какъ бѣдная maman будетъ скучать безъ своей милой, ненаглядной Barbe!—восклицала Наталья Алексѣевна, и чтобы наглядно изобразить скуку, она закрыла глаза и растерянно стала разводить руками, какъ бы ища, за что ухватиться.—А эта милая, ненаглядная Barbe будетъ важной дамой,—она надула щеки и закинула голову,—будетъ играть первую роль въ цѣлой губерніи...

— Да, еслибы это могло утѣшить сердце матери!—сказала Вельшина.—Я знаю по себѣ: еслибы я была принуждена разстаться съ Зиной, я была бы такъ несчастна, такъ несчастна!..

— Вы счастливѣе меня, конечно,—чуть-чуть закатывая глаза и подавляя вздохъ, призналась Анна Дмитріевна:—ваша дочь, вѣроятно, всегда останется съ вами. Но я, признаюсь, уже свыклась съ мыслью, что когда-нибудь мнѣ придется жить совершенно одинокой. Я свыклась, насколько можно свыкнуться... Вся наша доля матерей полна самоотреченія: сперва мы жертвуемъ для нашихъ дѣтей здоровьемъ, покоемъ, потомъ жертвуемъ вкусами и привычками, наконецъ жертвуемъ чувствомъ, эгоистической потребностью, чтобы и насъ, въ старости, побаловали и попокоили.

— О, да! мы всѣмъ жертвуемъ! о, всѣмъ!—вскрикнула Наталья Алексѣевна и сдѣлала такой жестъ, будто она бросается куда-то внизъ головой.

— Вы счастливѣе меня,—многозначительно повторила Вязмина, обращаясь къ Вельшиной:—вы выдали дочь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будто и не выдавали ея. Все осталось по прежнему. Я—эгоистка: я завидую вамъ.

— Я думаю, что вамъ нечего завидовать, — любезно отвѣтила Софья Григорьевна. — Вагѣе, вѣроятно, только и будетъ мечтать о томъ, чтобы вы присоединились къ ея молодому счастью и жили вмѣстѣ съ ней и ея мужемъ. Я увѣрена, что она сказала бы то же, что̀ говорила когда-то Зина: „мамочка! если я буду несчастлива, ты мнѣ будешь нужна, чтобы жаловаться тебѣ". Ахъ, эта Зина!.. Мы такъ любимъ другъ друга, что я даже не могу представить себѣ, чтобы между матерью и дочерью существовали отношенія другія, чѣмъ у насъ. Впрочемъ, я знаю, что вы и ваша Варя—такіе же неразрывные друзья.

— О, я надѣюсь!—спокойно отвѣтила генеральша.

— Онѣ обожаютъ другъ друга! обожаютъ!—крикнула Наталья Алексѣевна.

Антонина молчала, но все время слѣдила за Варей немного удивленнымъ и восхищеннымъ взглядомъ.

— До чего вы удивили насъ! — сказала она Варѣ.—Но я знала... Вы должны были сдѣлать партію достойную васъ. Я никогда не вѣрила...

Что̀ она знала и чему она не вѣрила, осталось ея тайной. Варвара Николаевна не допрашивала ее, но сейчасъ же замѣтила, что извѣстіе о ея замужествѣ сильно подняло ее во мнѣніи Антонины. Решкова опять сразу приняла съ ней прежній церемонный, слегка подобострастный тонъ.

— А Викторія Львовна все еще думаетъ уѣхать изъ Петербурга, или судьба ея рѣшилась какъ-нибудь иначе?—спросила ее Варя.

Антонина сдѣлала легкую гримаску.

— Не требуйте отъ меня, чтобы я хотя что-нибудь разобрала въ планахъ и желаніяхъ моей сестры,—отвѣтила она по-французски. — Сегодня она говоритъ одно, завтра—другое. Но это только слегка отдаляетъ неизбѣжную развязку. Я—не въ восторгѣ отъ ея будущей фамиліи, но я нахожу, что даже такая партія лучше какихъ-то фантастическихъ поисковъ новыхъ путей.

Варя поняла, что здѣсь, въ свѣтскомъ салонѣ, и передъ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое ставило ее ея близкое

замужство, Антонина стыдится сестры, передъ которой робѣетъ дома.

Наконецъ гости разъѣхались.

Варя прошла въ свою комнату и медленно стала переодѣваться изъ свѣтлаго платья въ капотъ. Невольно припоминались ей всѣ лица, которыя прошли передъ ней за весь этотъ длинный, утомительный день.

Между ними было только одно совсѣмъ чужое, незнакомое, и оно было лицомъ ея жениха. Она видитъ его каждый день въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, но оно все такъ же чуждо и незнакомо ей. Варя не чувствуетъ къ нему ни отвращенія, ни враждебности, ни непріязни; его поведеніе относительно ея она считаетъ въ высшей степени корректнымъ и порядочнымъ, ея будущая жизнь съ нимъ представляется ей обезпеченной и покойной. Онъ гораздо лучше, чѣмъ могъ бы быть... Но она такъ мало думаетъ о немъ!

Горничная пришла звать ее обѣдать. Она отказалась.

— Такъ и доложить генеральшѣ?—удивилась горничная.

— Такъ и доложите. Не хочу.

Ей припоминались лица, которыя прошли передъ ней за весь этотъ день, и это воспоминаніе пробудило совершенно несвойственное ей чувство: это чувство было—злоба. Это всѣ они, всѣ, соединеннымъ вліяніемъ, задушили ея волю, притупили ея силу, испортили ей всю жизнь. Никого изъ нихъ въ отдѣльности не могла бы она обвинить въ чемъ-нибудь опредѣленномъ, въ проступкѣ, который было бы легко и просто объяснить. И она знала теперь навѣрное, что всѣ они были виноваты передъ ней. И за эту вину они сразу стали ей ненавистны...

— Отчего ты не хочешь обѣдать? что это значитъ?—спросила Анна Дмитріевна, и Варя неожиданно увидала передъ собой ея высокую, величественную фигуру.—Надѣюсь, что ты не больна?

Генеральша говорила ласковымъ голосомъ, и ея свѣтлые глаза выражали привѣтливость и безпокойство.

Варвара Николаевна молчала.

— Или ты чѣмъ-нибудь недовольна, дружокъ? Кто-нибудь огорчилъ тебя или обидѣлъ? Да говори же! Ты видишь, что я тревожусь.

Она подошла ближе къ дочери, нагнулась и ласково провела рукой по ея щекѣ.

Варвара Николаевна холодно отстранилась.

— Вы, кажется, счастливы?—спросила она.—Вы, кажется,

сами готовы вѣрить, что мы обожаемъ другъ друга, какъ заявила эта несчастная Наталья Алексѣевна?

— Какъ ты говоришь?—спросила Анна Дмитріевна и широко раскрыла глаза.

Варя засмѣялась.

— Уйдите, maman,—посовѣтовала она.—Я не знаю, что со мной... Но мнѣ кажется, что сегодня, сейчасъ, я способна сказать вамъ то, о чемъ уже не стоитъ говорить. Лишнее... Поздно...

— Barbe!—съ удивленіемъ окликнула генеральша.—Barbe!

— Вы и этого не ожидали? нѣтъ? Вы даже не допускали мысли, что я способна понять ваше отношеніе ко мнѣ? оцѣнить все, что вы сдѣлали для меня? Но главное, конечно, главное... вы не вѣрите своимъ ушамъ, что я рѣшаюсь говорить объ этомъ вслухъ... говорить вамъ же... Я... которую вы воспитали! Но я сегодня смѣлая... И я хочу, чтобы вы знали, что я подчинилась вашей волѣ съ ненавистью и отчаяніемъ, что я мечтала о другой жизни, что я любила... Я хочу, чтобы вы знали, что я несчастна изъ-за васъ. Но вамъ это все равно. Вы довольны. Ваше самолюбіе удовлетворено. Только не будемъ, Бога ради, притворяться, что „мы обожаемъ другъ друга“. Это—все, что я прошу.

Генеральша закатила глаза и горестно покачала головой.

— Я перенесу и это,—торжественно сказала она.—Передъ своей совѣстью и передъ свѣтомъ... Передъ тѣмъ свѣтомъ, къ которому я принадлежу и который я уважаю, я—права...

Л. Авилова.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ

ОЧЕРКЪ.

I.

Въ сентябрѣ 1902 года исполнилось сто лѣтъ со дня смерти А. Н. Радищева, одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Общій складъ его характера и идей, всегда твердыхъ и опредѣленныхъ, нашелъ для себя энергическое выраженіе въ его литературныхъ произведеніяхъ и оказалъ несомнѣнное и чрезвычайно сильное воздѣйствіе на взгляды лучшихъ представителей тогдашняго общества и даже, какъ намъ пришлось убѣдиться, могущественно повліялъ на все послѣдующее развитіе русскаго законодательства по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Это былъ писатель, работавшій на одной почвѣ съ извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ, взгляды котораго онъ въ большинствѣ случаевъ и воспроизводилъ, касаясь вопросовъ современной ему русской дѣйствительности. И если Новиковъ заслуживаетъ стать предметомъ нашей національной гордости, то въ такой же, если не еще большей степени честь эта должна быть оказана и А. Н. Радищеву.

Радищевъ былъ родомъ изъ дворянъ и первоначальное образованіе получилъ, по обычаю того времени, въ своей семьѣ подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, послѣ чего поступилъ въ пажескій корпусъ. Общая постановка дѣла была тамъ

однако такова, что тогда научиться чему-нибудь порядочно въ этомъ заведеніи было трудно. Къ счастью, въ 1766 году императрица Екатерина II рѣшила послать нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ людей для образованія въ Лейпцигъ. Тамошній университетъ давно привлекалъ къ себѣ вниманіе государыни, и она думала даже по образцу его основать университетъ и въ Россіи. По крайней мѣрѣ въ собственноручной запискѣ къ гр. Панину, относящейся къ іюлю 1770 г., Екатерина прямо говорила: „Прикажите пожалуйста написать кн. Бѣлосельскому, чтобы онъ попросилъ у Гогенталя, которому подчинены всѣ университеты Саксоніи, подробный планъ, какимъ образомъ устроить гимназію и университетъ на подобіе лейпцигскаго (comme celle de Leipzig)“ [1]). Въ числѣ отправленныхъ за границу молодыхъ людей вмѣстѣ съ Ушаковымъ, Яновымъ, Кутузовымъ, Татищевымъ, Челищевымъ и Козодавлевымъ, находился и Радищевъ, получившій командировку по окончаніи курса въ пажескомъ корпусѣ. Подробное описаніе жизни русскихъ студентовъ въ Германіи сообщаетъ намъ самъ Радищевъ въ „Житіи Ѳедора Васильевича Ушакова“, посвященномъ памяти его лучшаго товарища и друга въ Лейпцигѣ. Отсюда мы узнаемъ, что императрица Екатерина ввѣрила надзоръ и руководительство надъ русской молодежью, отправленной въ Германію, грубому и жестокому маіору Бокуму, который всячески оскорблялъ и притѣснялъ студентовъ. Весьма часто онъ отказывалъ имъ даже въ необходимомъ содержаніи, подвергалъ тѣлесному наказанію, нерѣдко награждалъ пощечинами. Надменное обращеніе Бокума возмущало всѣхъ и порождало множество разнаго рода пререканій и жалобъ на него со стороны молодыхъ юношей въ письмахъ къ родителямъ и начальству. Особенно отличался духомъ противорѣчія Ушаковъ, котораго гофмейстеръ-маіоръ и преслѣдовалъ за то больше остальныхъ. „Дивитися не должно,—замѣчаетъ по этому поводу Радищевъ,—что противорѣчіе въ подчиненномъ, справедливое хотя противорѣчіе, или лучше сказать единое напоминовеніе справедливости, произвело здѣсь со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе“.

Жалобы русскихъ студентовъ на жестокости Бокума взволновали ихъ родителей, и послѣдніе обратились съ просьбой о помощи къ самой императрицѣ. Однако сохранившіеся историческіе документы показываютъ, что государыня, вообще не допускавшая мысли, чтобъ въ ея предпріятіяхъ могло оказаться какое-

---

[1]) Сборникъ Импер. Р. Истор. Общества, т. XCVII, стр. 104.

нибудь несовершенство, крайне обидѣлась такимъ представленіемъ и потому немедленно отправила къ вице-канцлеру кн. Голицыну слѣдующую собственноручную записку, въ которой явно сказывается ея раздраженіе: „Извольте объявить тѣмъ отцамъ и матерямъ, кои почитаютъ, что дѣти ихъ въ Лейбцигѣ отъ Бокума столь много претерпѣваютъ, что въ ихъ волѣ состоитъ ихъ оттудова отозвать, ибо я рушить намѣрена все тамошнее мною сдѣланное учрежденіе, для того что мнѣ отъ него болѣе безпокойства, нежели пользы. Я трачу 15.000, а принимаю негодованіе. Естьли есть такіе отцы, кои дѣтей своихъ хотятъ оставить на теперешнемъ основаніи, то прошу мнѣ сказать" [1]).

При всемъ томъ справедливость требовала выяснить настоящее положеніе вещей и въ случаѣ надобности привлечь къ отвѣтственности самого Бокума. Дѣйствительно, 15 января 1770 г. Екатерина издала приказъ на имя вице-канцлера и Адама Васильевича Олсуфьева, гдѣ повелѣвала имъ передать кн. Бѣлосельскому, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія г-на Бокума въ Лейпцигѣ, что императрица крайне недовольна его поведеніемъ, такъ какъ онъ „осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочьемъ, шпагою и розгами" ввѣренныхъ его попеченію русскихъ дворянъ, изъ чего видно, „что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому представленъ" [2]). Ровно черезъ годъ послѣ того вице-канцлеръ кн. Голицынъ писалъ (17-го января 1771 г.) къ кн. Бѣлосельскому въ Дрезденъ, исполняя волю государыни: „Ея имп. величество къ удивленію увѣдомиться изволили, что *здѣсь слухъ носится, будто бы* маіоръ Бокумъ въ Лейпцигѣ съ порученными надзиранію его молодыми россійскими дворянами не токмо сурово поступаетъ, но и вышедъ уже изъ предѣловъ благопристойности, наказываетъ ихъ самымъ подлымъ образомъ. Ея имп. величество потому мнѣ имянно и точно повелѣть соизволила къ вашему сіятельству отписать, что-бъ вы нарочнаго и вѣрнаго человѣка послали въ Лейпцигъ *для освѣдомленія о подлинности сихъ слуховъ, и если найдете, что сей слухъ справедливъ, то велите Бокуму объявить (но чтобъ наша молодежъ о томъ не свѣдома была)*, что ея имп. величество съ крайнимъ неудовольствіемъ услышала, какъ онъ совсѣмъ въ противность данной ему инструкціи бьетъ палками, шпагою и розгами ввѣренныхъ ему отъ ея имп. величества молодыхъ дворянъ, и еслибы умѣлъ онъ съ ними обходиться, то-бъ и дѣлать сего

---

[1]) Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общ., т. XCVII, стр. 193—194.

[2]) Сборн. И. Р. И. Об., т. XCVII, стр. 194.

никогда не отважился. Что наконецъ ея имп. величество запрещаетъ ему вновь накрѣпко, чтобъ онъ не дерзалъ кого-либо изъ тѣхъ дворянъ бить, а поступалъ бы точно по силѣ данной ему инструкціи. *Если же вышеписанные слухи несправедливы, то не чиня уже окромѣ освѣдомленій никакихъ поступковъ, прошу ко мнѣ отписать для донесенія ея величеству*". Слова этого письма, отмѣченныя курсивомъ, вписаны въ текстъ рукой самой императрицы. Произведенное негласное дознаніе, повидимому, кончилось не въ пользу строгаго маіора, какъ можно заключать изъ собственноручной записки Екатерины II къ кн. Бѣлосельскому, гдѣ она приказываетъ ему провѣрить расходы казенныхъ денегъ, какія отпускались Бокуму на содержаніе русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ, и потомъ, „считавъ Бокума, *отпустить его*"; молодыхъ же дворянъ, состоящихъ въ ученіи у нѣмецкихъ профессоровъ, по окончаніи курса положенныхъ наукъ возвращать въ Россію и никого болѣе въ Лейпцигъ не отправлять для ученія [1]).

Въ какой обстановкѣ приходилось жить въ Лейпцигѣ Радищеву, можно видѣть изъ донесеній кабинетъ-курьера Яковлева. Оказывается, что будущій авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" помѣщенъ былъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ А. Кутузовымъ въ небольшой, грязной и сырой комнатѣ, находившейся во второмъ этажѣ, гдѣ онъ не имѣлъ даже порядочнаго одѣяла и постели. Кормили студентовъ весьма дурно, такъ какъ масло для кушанья всегда отпускалось горькое, а мясо нерѣдко протухлое. Во время пребыванія Яковлева въ Лейпцигѣ Радищевъ былъ „боленъ, да и по отъѣздѣ еще не выздоровѣлъ, и за болѣзнію къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ въ разсужденіе его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ" [2]). Болѣзнь, о которой здѣсь упоминается, вѣроятно, былъ тотъ ужасный неизлечимый недугъ, какой всю жизнь тяготѣлъ надъ Радищевымъ, и въ которомъ онъ видѣлъ впослѣдствіи свой преступный грѣхъ предъ дѣтьми и женой. Впрочемъ Радищевъ и самъ сознается въ біографіи Ушакова, что русскіе студенты вели въ Лейпцигѣ чрезвычайно распутный и безнравственный образъ жизни, благодаря чему даровитѣйшій изъ нихъ,—Ѳ. В. Ушаковъ,—скончался здѣсь преждевременной смертью, пораженный убійственной болѣзнью вслѣдствіе невоздержности. „Не утаю и

[1]) Стр. 194—195.
[2]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 545.

того,—говоритъ Радищевъ,—что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень" [1]).

При всемъ томъ студенты не забывали и учебныхъ занятій, и тѣ же нѣмецкіе профессора, которые жаловались при случаѣ на ихъ распущенность, давали самые лестные отзывы о прилежаніи и „знатныхъ" ихъ успѣхахъ въ наукахъ. Кн. Бѣлосельскій доносилъ изъ Дрездена въ 1768 г., что Ушаковъ, Яновъ и Радищевъ „превзошли чаяніе своихъ учителей" въ этомъ отношеніи [2]). Особенно сильное вліяніе на молодые умы оказали лейпцигскіе профессора Геллертъ и Платнеръ, но больше всего студенты увлекались модными въ то время французскими писателями: Гельвеціемъ, Мабли, Рейналемъ. По возвращеніи въ Россію, Радищевъ поступилъ, въ 1771 г., на службу въ сенатъ протоколистомъ, получивъ чинъ титулярнаго совѣтника; въ 1773 году онъ опредѣлился въ оберъ-аудиторы къ графу Я. А. Брюсу, откуда вышелъ въ отставку въ 1775 г., будучи уже секундъ-маіоромъ; въ 1777 г. снова поступилъ на службу, а именно—въ коммерцъ-коллегію, гдѣ и оставался до выхода въ свѣтъ своей злополучной книги [3]). Служебное положеніе Радищева было въ полномъ смыслѣ прекрасное, и еще предъ самымъ появленіемъ въ печати его „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" императрица Екатерина наградила его орденомъ и назначила главнымъ начальникомъ петербургской таможни. Вдобавокъ ему покровительствовалъ гр. А. Р. Воронцовъ, бывшій президентомъ коммерцъ-коллегіи. Одно обстоятельство особенно сблизило просвѣщеннаго графа съ Радищевымъ: лица, браковавшія пеньку, были признаны виновными въ злоупотребленіяхъ всѣми членами коллегіи; только Радищевъ остался при особомъ мнѣніи; когда Воронцовъ узналъ о томъ, то сначала разсердился на молодого подчиненнаго, однако, выслушавъ доводы, убѣдился въ справедливости его взглядовъ и отмѣнилъ принятое рѣшеніе. Послѣ того сіятельный графъ установилъ съ Радищевымъ самыя дружескія отношенія, не прерывавшіяся все время, и впослѣдствіи оказывалъ опальному писателю буквально отеческую заботливость. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Воронцовъ чутко при-

[1]) Собраніе сочиненій, т. V, стр. 38—39.

[2]) Сухомл., стр. 547.

[3]) „Русская Старина", 1882, стр. 496.

слушивался всегда къ сужденіямъ лучшихъ русскихъ писателей своего времени и стремился осуществлять въ жизни ихъ взгляды. Такъ, мы знаемъ, напримѣръ, что при императорѣ Александрѣ I онъ особенно настойчиво старался всегда провести въ засѣданіяхъ членовъ государственнаго совѣта взгляды извѣстнаго обличителя Екатерины II,—князя М. М. Щербатова. Между тѣмъ, этотъ А. Р. Воронцовъ былъ роднымъ братомъ извѣстнаго вельможи, русскаго посланника въ Лондонѣ, С. Р. Воронцова, и не менѣе извѣстной писательницы Е. Р. Дашковой. Неудивительно, что президентъ коммерцъ-коллегіи высоко цѣнилъ и даровитую личность Радищева.

Литературная дѣятельность послѣдняго началась переводомъ на русскій языкъ сочиненія Мабли: „Observations sur l'histoire de la Grèce, ou des causes de la prospérité et des malheurs de Grèce“. Переводъ этой книги былъ заказанъ ему обществомъ, основаннымъ Екатериной II въ видахъ распространенія на русскомъ языкѣ сочиненій замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ авторовъ. Незадолго до 1790 года появилось въ печати и составленное Радищевымъ „Житіе Өедора Васильевича Ушакова“, гдѣ уже въ значительной степени сказывались его свободные взгляды по вопросамъ общественно-государственнымъ. Впрочемъ убѣжденія его вскорѣ нашли для себя болѣе полное и энергическое выраженіе въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“,—книгѣ, составившей и громкую славу автора, и поводъ къ преслѣдованіямъ со стороны правительства. Вотъ какъ описываетъ обстоятельства дѣла самъ Радищевъ: „До женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ, до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова, ибо, имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ. Родяся съ чувствительнымъ сердцемъ, опыты моего письма обращались всегда на нѣжные предметы, но все было съ неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставилъ и наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаясь ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами.

„Когда я опредѣленъ былъ въ коммерцъ-коллегію, то за долгъ мой почелъ пріобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до коммерціи касающіяся, возобновилъ паки чтеніе общей исторіи и путешествій и старался пріобрѣсти знанія въ россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся. Доселѣ разумъ мой какъ будто забылъ прежнюю свою

охоту упражняться въ сочиненіяхъ, или отвлеченъ былъ отъ того, какъ то я сказалъ, неудачею въ любовныхъ сочиненіяхъ. Въ сіе время я опредѣленъ былъ въ помощь г. Далю къ таможеннымъ дѣламъ, и въ сіе же время, между другими коммерческими книгами, купилъ я *Исторію о Индіяхъ Рейналя*. Сію-то книгу могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію. Я началъ ее читать въ 1780 или 81 году. Слогъ его мнѣ понравился. Я высокопарный (ampoulé) его штиль почиталъ истиннымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу. Но въ сіе время, т.-е. при началѣ вступленія моего въ таможню, и по случаю составленія общаго тарифа, за препоручаемыми мнѣ многими письменными дѣлами, я не имѣлъ случая книгу сію окончить чтеніемъ. Воспослѣдовавшая потомъ, въ 1783 году, смерть жены моей погрузила меня въ печаль и уныніе, и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія. Не прежде, какъ въ 1785 году я началъ паки упражняться въ чтеніи, и недочтеннаго Реналя окончилъ. Для упражненія въ слогѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ писать о ценсурѣ; началъ повѣсть Систербецкую; но все не было докончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій *Йорикова Путешествія*, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать. Итакъ, могу сказать поистинѣ, что *слогъ Реналевъ*, водя меня изъ путаницы въ путаницу, довелъ до совершенія моей безумной книги, которая готова была въ исходѣ 1788 года; въ ценсурѣ была въ 1789 году; начата печатью въ началѣ генваря 1790 г.“ [1]).

Кругъ основныхъ идей въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ Радищева, строго говоря, не заключалъ въ себѣ ничего существенно новаго и ограничивался все тѣми же вопросами, какіе уже задолго до того разсматривались въ произведеніяхъ нашей сатирической литературы XVIII-го вѣка. Почти вся обличительная письменность русскихъ авторовъ Екатерининской эпохи исчерпывалась слѣдующими темами, упорно повторявшимися вплоть до начала XIX вѣка во всѣхъ видахъ тогдашней сатиры, начиная съ періодическихъ изданій и кончая притчами, баснями, комедіями, путешествіями и т. под.:

1) Воспитаніе русскаго юношества подъ руководствомъ иностранцевъ-гувернеровъ, вселявшихъ въ своихъ питомцевъ презрѣніе къ Россіи и оказывавшихъ на нихъ самое тлетворное вліяніе въ нравственномъ отношеніи.

[1]) Сухомл., 553—4.

2) Глубокій нравственный упадокъ всего русскаго общества временъ императрицы Екатерины II, достигшій невѣроятныхъ степеней какъ въ дѣлахъ государственнаго управленія, такъ равно и въ частной, особенно семейной жизни.

3) Злоупотребленія администраціи и суда.

4) Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными крестьянами и вообще ужасы крѣпостной барщины, низведшей простой народъ на степень домашней утвари, особенно послѣ того, какъ крестьянамъ запрещены были жалобы на притѣсненія со стороны ихъ господъ.

Обличенія подобныхъ нестроеній въ русской жизни въ произведеніяхъ нашихъ писателей раздавались еще со временъ Петра Великаго; на нихъ указывалъ уже въ своей „Книгѣ о скудости и богатствѣ" крестьянинъ села Покровскаго Иванъ Посошковъ, также Кантемиръ въ нѣкоторыхъ сатирахъ, позже—Сумароковъ въ журналѣ „Трудолюбивая Пчела" и притчахъ,—но всѣ эти вопросы въ достаточно энергической формѣ были поставлены лишь въ сатирическихъ журналахъ Н. И. Новикова, а именно: въ „Трутнѣ", выходившемъ въ 1769—70 гг., и въ „Живописцѣ", издававшемся въ 1772 году. Отсюда перечисленные нами вопросы русской сатиры преемственно переходили и разбирались на страницахъ почти всѣхъ послѣдующихъ сатирическихъ журналовъ; находили они свое отраженіе и въ другихъ видахъ литературныхъ произведеній, были также повторены и въ „Путешествіи" А. Н. Радищева.

Побужденіемъ къ составленію „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", по словамъ самого Радищева, служило простое желаніе прослыть писателемъ; но въ дѣйствительности мы видимъ въ его книгѣ и другую, болѣе опредѣленную цѣль: авторъ стремился не только указать русскому обществу вопіющія язвы тогдашней жизни, но и побудить его къ ихъ исправленію. Посвящая свой трудъ любезному другу, Радищевъ обращается къ нему съ слѣдующими словами, характеризующими понятія его о высокой общественной и просвѣтительной роли литературы: „Я почувствовалъ, что возможно всякому быть *соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ*. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но естьли, говорилъ я самъ себѣ, найду я кого-либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мыслей, кто *состраждетъ со мной надъ бѣдствіями собратіи своей*, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ: не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?—Почто, почто искать мнѣ далеко кого-либо?

Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь, и имя твое да озаритъ сіе начало!" [1]). „Блаженъ писатель, — говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги,—если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго; блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель!" [2]). Въ подобномъ стремленіи Радищевъ рѣзко возстаетъ противъ самыхъ крупныхъ злоупотребленій въ общественной жизни своихъ современниковъ: крѣпостного права, административныхъ и судебныхъ порядковъ. Общій тонъ изложенія безусловно долженъ былъ производить на русскихъ читателей конца XVIII-го столѣтія сильное впечатлѣніе; не говоря уже объ удачномъ подборѣ фактическаго матеріала для иллюстраціи своихъ положеній и взглядовъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" много выигрывало и благодаря пріемамъ сентиментальнаго стиля, такъ какъ бурныя лирическія отступленія, къ которымъ постоянно прибѣгаетъ Радищевъ, вполнѣ отвѣчали духу того времени и особенностямъ литературнаго вкуса.

Разсматривая недостатки въ жизни русскаго народа, авторъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы обрисовать во всей неприглядности общественныя злоупотребленія. Въ главѣ „Любань" Радищевъ подробно передаетъ свой разговоръ съ крестьяниномъ; послѣдній жалуется на всевозможныя притѣсненія со стороны барина, который, между прочимъ, заставляетъ своихъ людей работать на него шесть дней въ недѣлю, такъ что поселянамъ остается для собственныхъ работъ одно воскресенье [3]). Разсказъ этотъ близко напоминаетъ помѣщенное въ „Живописцѣ" Новикова „Путешествіе И. Т.", которому, повидимому, и подражалъ на этотъ разъ Радищевъ. Въ главѣ „Чудово" (названіе отдѣльныхъ главъ зависитъ отъ названія станцій, черезъ которыя проѣзжалъ путешественникъ) разсказывается о крушеніи судна во время бури; береговая команда не могла оказать помощи погибавшимъ несчастнымъ единственно потому, что никто не рѣшался разбудить спавшаго начальника [4]). Въ главѣ „Едрово" выставленъ помѣщикъ, „омерзившій шестьдесятъ дѣвицъ", дочерей его крѣпостныхъ крестьянъ; озлобленные возмутительными насиліями барина, поселяне во время Пугачевскаго бунта сами выдали своего господина разъяренной шайкѣ бунтовщиковъ, и

---

[1]) „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", князя М. Щербатова и „Путешествіе" А. Радищева, съ предисловіемъ Искандера. London, 1858, стр. 108.

[2]) Тамъ же, стр. 154.

[3]) Стр. 116—117.

[4]) „Путешествіе", стр. 119 и слѣд.

послѣдній былъ умерщвленъ [1]). „Едва ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова?“ — писала по этому поводу въ примѣчаніяхъ на книгу Радищева императрица Екатерина II. Въ той же главѣ авторъ говоритъ о встрѣчѣ своей съ толпой деревенскихъ бабъ и дѣвокъ. Вотъ его мысли, напоминающія цѣликомъ Новиковскіе взгляды, о превосходствѣ здоровой крестьянской натуры, сравнительно съ болѣзненностью „непотребныхъ“ столичныхъ щеголихъ: „Пріѣзжайте сюда, любезныя наши барыньки, московскія и петербургскія! посмотрите на ихъ зубы; учитесь у нихъ содержать ихъ въ чистотѣ. У нихъ нѣтъ зубного врача; онѣ не сдираютъ каждый день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками, ни порошками. Станьте изъ нихъ, съ которою хотите, ротъ со ртомъ; дыханіе ни одной изъ нихъ не заразитъ вашего легкаго; а ваше, ваше можетъ быть положитъ въ нихъ начало болѣзни—боюсь сказать —какой. Хотя не закраснѣетесь, но разсердитесь. Развѣ я говорю неправду?—Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ скверныимъ дѣвкамъ; получивъ болѣзнь, пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобой же. Другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или—чего Боже спаси—ежедневныхъ любовниковъ; познакомясь сегодня и совершивъ свое желаніе, завтра его не знаетъ; — да и того иногда не знаетъ, что она уже однимъ его поцѣлуемъ заразилась. А ты, голубушка моя, пятнадцатилѣтняя дѣвушка! ты еще непорочна можетъ быть; но на лбу твоемъ я вижу, что вся кровь твоя отравлена. Блаженной памяти твой батюшка изъ докторскихъ рукъ не выходилъ; а государыня твоя матушка, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго генерала, и спѣшитъ выдать тебя замужъ, чтобъ не сдѣлать съ тобой визита воспитательному дому; а за старикомъ-то жить не худо: своя воля; только бы быть замужемъ;—дѣти все его; ревнивъ онъ будетъ, тѣмъ лучше: болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ. Съ первой ночи можно пріучить его не слѣдовать глупой старой модѣ спать съ женою вмѣстѣ“ [2]). Глупую старую моду, мы знаемъ, осмѣиваютъ щеголихи и у Новикова, сатирическими журналами котораго, вѣроятно, и была навѣяна приведенная тирада изъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“.

Особенно наглядно сказывается искреннее состраданіе Радищева къ простому народу въ главѣ „Зайцово“. Здѣсь выведенъ помѣщикъ, который до того жестоко обращался съ своими кре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 213—214.

[2]) Тамъ же, стр. 210—211.

стьянами, что наконецъ вынудилъ ихъ на преступленіе: онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ сыновьями. Бѣдные же крестьяне подверглись безпощадному уголовному преслѣдованію. Авторъ горячо протестуетъ противъ виновности беззащитныхъ поселянъ и со всею силою краснорѣчія старается доказать, что преступленіе въ данномъ случаѣ было вынужденное, и что крѣпостные люди этого барина дѣйствовали единственно въ цѣляхъ самозащиты, а потому должны быть оправданы [1]).

Но, разсматривая общественные порядки и всю систему государственнаго управленія, Радищевъ доходитъ наконецъ до самыхъ высшихъ ступеней и обращается съ словами обличенія къ самой государынѣ. Въ „Путешествіи" помѣщено описаніе такого сновидѣнія: на роскошномъ золотомъ тронѣ возсѣдаетъ верховный владыка, чело котораго украшено лавровымъ вѣнкомъ; вся окружающая обстановка говоритъ, что это—могущественный деспотъ; люди безмолвно тѣснятся вокругъ своего повелителя, и только въ толпѣ лицемѣрныхъ льстецовъ раздаются непрерывные возгласы; „иной говоритъ...: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ своей державѣ тысячи разныхъ народовъ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, распространилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю; онъ любитъ науки и художества, и поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе. Женщины вѣщали съ нѣжностью: онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ гражданъ, избавя ихъ отъ гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные законы, облегчилъ народъ отъ податей и доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ простирая руки на небо, говорило: онъ милосердъ, правдивъ; законъ его для всѣхъ равенъ; онъ почитаетъ себя первымъ его слушателемъ; онъ мудрый законодатель, правдивый судья, ревностный исполнитель долгу сана своего; онъ паче всѣхъ царей великъ; онъ даруетъ всѣмъ свободу" [2]). Подъ вліяніемъ грубой лести тиранъ твердо вѣритъ, что всѣ его подданные благоденствуютъ. Но въ это время къ деспоту подходитъ истина, снимаетъ съ его глазъ бѣльмо и заставляетъ его осмотрѣться: оказывается, что дѣйствительное положеніе вещей прямо противоположно тому, какъ представляли его ласкатели. Прозрѣвшій владыка откровенно сознается теперь въ своихъ заблужденіяхъ: „Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи душа моя наиболѣе горди-

---

[1]) „Путешествіе", стр. 167 и слѣд.

[2]) Стр. 139—140.

лась, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія отъ превратнаго толкованія и медлительнаго исполненія. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы чрезъ отпущеніе вины прослыть въ народѣ милосердымъ, прослылъ я обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ" [1]. Въ заключеніе всего говорится: „Властитель міра! естьли, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело: вѣдай, что видѣнная мною странница (истина) отлетѣла отъ тебя далеко и гнушается твоихъ чертоговъ" [2].

Выяснять истинное положеніе вещей и указывать правительству на дѣйствительныя нужды подданныхъ Радищевъ признаетъ, повторяя взглядъ Фонвизина, самой священной обязанностью всякаго честнаго писателя. Свои мысли по этому вопросу онъ ясно высказываетъ прозрѣвшему властелину: „Естьли изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои, вѣдай, что той есть другъ твой искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета; блюдись и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника: ибо всякъ, порицающій царя въ самовластіи, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю, почти его, да возвратившись, возможетъ глаголати паче и паче нельстиво. Но таковыя твердыя сердца рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ" [3].

Встрѣчаются въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" и выходки противъ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, принимавшихъ на себя воспитаніе русскаго юношества. Въ главѣ „Городня" Радищевъ разсказываетъ о встрѣчѣ своей съ однимъ бродягой-французомъ, которому послѣ разнаго рода сомнительныхъ приключеній пріятели посовѣтовали „искать въ Москвѣ учительскаго мѣста"; французъ дѣйствительно успѣлъ опредѣлиться въ воспитатели въ одно семейство, хотя не умѣлъ даже писать [4]. Не могъ авторъ не коснуться и недостатковъ въ судопроизводствѣ, о чемъ такъ настойчиво разсуждала вся русская сатирическая печать его времени. Въ главѣ „Подберезье"

[1] Стр. 146—147.
[2] Стр. 149.
[3] „Путешествіе", стр. 144.
[4] Стр. 301—302.

читаемъ по этому вопросу: „Для чего не заведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ преподавались бы науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ россійскомъ; ученіе было бы всѣмъ внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣніемъ позже вмѣсто одного латынщика нашлось бы двѣсти человѣкъ просвѣщенныхъ; *по крайней мѣрѣ, въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе* [1]). Въ приведенныхъ словахъ легко усмотрѣть воспроизведеніе мыслей Фонвизина о введеніи въ университетскій курсъ „политической науки".

Но Радищевъ не ограничивается въ своей книгѣ простымъ обличеніемъ общественныхъ неустройствъ, но и указываетъ мѣры къ ихъ устраненію. Что касается суда и администраціи, то, по его мысли, лучшимъ средствомъ къ водворенію здѣсь строгой законности является безусловная свобода печати и вообще самая широкая гласность въ дѣлопроизводствѣ. Всякій писатель, разоблачающій ту или другую несправедливость, способенъ принести обществу громадную пользу,—пользу „отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣдняго гражданина" [2]). Предъ нами пока мысль того же Фонвизина, который незадолго предъ тѣмъ доказывалъ, что писатель съ перомъ въ рукахъ, не выходя изъ кабинета, можетъ сдѣлаться полезнымъ совѣтодателемъ государю, являясь стражемъ общественныхъ интересовъ. Развивая далѣе свой взглядъ и снова воспроизводя сужденія автора „Недоросля", Радищевъ говоритъ: при свободѣ печатнаго слова „правители народовъ не дерзнутъ удаляться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство — убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка; но илъ, на днѣ лежащій, мутится и тмитъ прозрачность воды" [3]). Въ другомъ случаѣ Радищевъ прямо высказываетъ мысль, что печать можетъ оказывать могущественное вліяніе даже на самое развитіе законодательной дѣя-

---

[1]) Стр. 151.
[2]) Стр. 249—250.
[3]) „Путешествіе", стр. 254—255.

тельности правительства, такъ какъ человѣческій разумъ „сталъ нынѣ надежнымъ стражею общественныхъ законоположеній“ [1]).

Равнымъ образомъ, возмущаясь ужасами крѣпостничества и возставая противъ „звѣрскаго обычая порабощать подобнаго себѣ человѣка“ [2]), авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ не останавливается только на одномъ этомъ, какъ то мы видимъ у другихъ современныхъ ему русскихъ писателей, но и предлагаетъ съ своей стороны правительству проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ отъ ненавистной барщины. Въ главѣ „Хотиловъ“ Радищевъ, въ виду того, что „высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на премѣненіе мнѣній мгновенно, начерталъ путь по временнымъ законоположеніямъ къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи“. Вотъ этотъ замѣчательный проектъ, сыгравшій въ дальнѣйшемъ развитіи крестьянскаго вопроса самую блистательную роль:

„Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего и запрещается брать въ домы поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи записанныхъ.

„Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ.

„Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія господина.

„Запретить брать выводныя деньги.

„Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ.

„Удѣлъ земли, ими обработываемый, долженъ быть ихъ собственностью, ибо платятъ подушную подать.

„Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе должно принадлежать ему; никогда не лишать его онаго самопроизвольно.

„Возстановленіе земледѣльца въ званіи гражданина. Надлежитъ ему быть судиму ему равными, то есть, въ распряхъ; въ судьи выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

„Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть, покупать землю.

„Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда...

„За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства“ [3]).

---

[1]) Стр. 222.

[2]) Стр. 236.

[3]) Стр. 223.

Выраженныя въ этомъ проектѣ мысли, повидимому, очень сильно занимали Радищева, такъ какъ онѣ не разъ повторяются въ его произведеніяхъ. Такъ, въ его статьѣ—„Описаніе моего владѣнія", выясненіе условій, въ коихъ стоятъ другъ къ другу помѣщики и крѣпостные крестьяне, имѣетъ цѣлью не только наглядно представить тяжелую рабскую зависимость послѣднихъ отъ ихъ господъ, но и указать средства къ возстановленію простого народа въ его человѣческихъ правахъ. Особенно поражаетъ Радищева та ненормальность, что барскіе люди, обрабатывая землю и платя государственныя подати, не имѣютъ, однако, законныхъ правъ на пріобрѣтеніе земельной собственности. „Блаженны, блаженны, естьли бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о, горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлываетъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть, увы!"—патетически восклицаетъ Радищевъ, скорбя о горькой долѣ крестьянъ, находившихся подъ властью помѣщиковъ [1]). Излагая условія крѣпостного права, онъ буквально поражается той невѣроятной степенью полновластія, какая предоставлена была въ свое время русскимъ дворянамъ:

„Естьли мы разсмотримъ состояніе земледѣльца въ подробности, то величайшія его отношенія и обязанности состоятъ противъ его господина:

„1. Сей можетъ его продать оптомъ или подробно; не шуткою сіе сказано: ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы.

„2. Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нонѣ только запрещено работать по воскресеньямъ, и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе: ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено.

„3. Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ—судія его и исполнитель своихъ приговоровъ.

„4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ.

„5. Распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ: слѣдо-

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. Изд. 1811 года, часть IV, стр. 99.

вательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно. Итакъ, *не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставитъ жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо.*

„Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ, естьли имѣетъ употребленіе чего-либо, то дѣлается только *изъ благосердія* господина. Но, кажется, поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ, дая удовлетвореніе тому, долженъ имѣть собственность и проч.“ [1]).

Всматриваясь ближе въ это перечисленіе условій крѣпостной барщины, легко замѣтить здѣсь тѣ же основныя понятія, какія положены Радищевымъ въ основу его проекта, или пути къ освобожденію крестьянъ въ Россіи отъ власти помѣщиковъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ кругъ основныхъ идей, которыя развивалъ въ своихъ произведеніяхъ Радищевъ. Мы видимъ, что главнымъ вопросомъ для него являлось крѣпостное право, которымъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ и былъ занятъ больше всего; однако, онъ не упускалъ случая коснуться и другихъ сторонъ современной ему общественной жизни русскаго народа.

II.

Для правильной и всесторонней оцѣнки историческаго значенія литературной дѣятельности А. Н. Радищева необходимо, конечно, твердо установить его отношеніе и связь съ предшествующими русскими писателями, равно и указать на то вліяніе, какое имѣлъ онъ на послѣдующихъ авторовъ. Такимъ путемъ само собой опредѣлится и его мѣсто въ исторіи нашей литературы, и степень его самобытности, и, слѣдовательно, особенности его своеобразнаго склада понятій. Подобная постановка вопроса тѣмъ болѣе необходима, что обыкновенно во взглядахъ автора проекта къ освобожденію крестьянъ усматриваютъ лишь отраженіе идей западныхъ писателей.

Мы уже видѣли, что, касаясь вопросовъ о воспитаніи, нравственной распущенности екатерининскаго общества и судебныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 145—147: „Описаніе моего владѣнія“.

безпорядковъ, Радищевъ воспроизводитъ сужденія о томъ Н. И. Новикова и Фонвизина. Но съ точки зрѣнія историческаго преемства литературныхъ идей слѣдуетъ отмѣтить и еще нѣсколько мѣстъ изъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Дѣло въ томъ, что даже по вопросу о крѣпостномъ правѣ нашъ писатель далеко не всегда опирался въ своихъ сужденіяхъ на прямые факты. Если съ одной стороны, описывая тѣ или другіе случаи жестокостей помѣщиковъ, онъ рѣшительно заявляетъ, что „повѣсть сія нелжива" и что имъ разсказано „истинное происшествіе", то съ другой стороны самъ же Радищевъ сознавался впослѣдствіи на судебномъ дознаніи, что „писалъ сіе *изъ своей головы*, чая, что между помѣщиками есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности, благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурного сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить" [1]) Впрочемъ, авторъ „Путешествія" и прямо объявляетъ въ другомъ мѣстѣ о своихъ литературныхъ заимствованіяхъ: „Признаюсь,—говоритъ онъ,—я на руку не чистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотчасъ стяну" [2]).

Произведенія Фонвизина были прекрасно извѣстны Радищеву, это ясно не только изъ указанныхъ выше воспроизведеній послѣднимъ тѣхъ или другихъ мнѣній творца „Недоросля" и „Бригадира", но и изъ упоминаній въ „Путешествіи" о Кутейкинѣ, Митрофанушкѣ, „Придворной Грамматикѣ" и т. под. [3]). Исторія госпожи Ш..., о которой Радищевъ разсказываетъ, что, оставшись въ двадцать-пять лѣтъ вдовой, пока была „лицомъ смазлива", она сначала сама промышляла развратомъ, а когда красота увяла, занялась развращеніемъ другихъ и, наживъ такимъ образомъ денегъ, вышла на шестьдесятъ-второмъ году замужъ за старика [4]),—этотъ разсказъ близко напоминаетъ стихотвореніе подобнаго же содержанія, помѣщенное въ одномъ изъ сатирическихъ журналовъ Новикова. Въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ воспроизведеніе идей „Наказа" Екатерины II. Такъ, говоря о цензурѣ, Радищевъ доказываетъ необходимость и пользу полной свободы печатнаго слова слѣдующимъ соображеніемъ: „Слова не всегда суть дѣянія; размышленія жъ—не преступленія. Вотъ

---

[1]) Якушкинъ. „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ". „Русская Старина", 1882, сентябрь, стр. 490.

[2]) „Путешествіе", стр. 152.

[3]) Стр. 150, 247—48, 304.

[4]) Стр. 180 и слѣд.

правило „Наказа“ о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати—всегда брань. Въ законѣ не велѣно бранить никого, и всякому свобода есть жаловаться“ [1]). Нѣтъ сомнѣній, что передъ нами ссылка на то мѣсто въ „Наказѣ“, гдѣ говорится: „Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное“, такъ какъ „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе“ [2]).

Въ главѣ „Городня“ Радищевъ разсказываетъ, какъ онъ увидѣлъ трехъ скованныхъ крестьянъ и спросилъ у одного изъ собравшейся толпы, не изъ боязни ли побѣга заковали ихъ въ оковы. На это ему отвѣчали: „Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому *занадобились деньги на новую карету, и для того продалъ онъ ихъ для отдачи въ рекруты* казеннымъ крестьянамъ“, въ надеждѣ получить за то тысячу рублей“ [3]). Какъ видимъ, предъ нами просто воспроизводится содержаніе комической оперы Княжнина—„Несчастье отъ кареты“, гдѣ точно такъ же крестьянинъ Лукьянъ долженъ былъ оказаться проданнымъ въ рекруты единственно потому, что его барину, помѣщику Фирюлину, понадобилась новая карета, а между тѣмъ денегъ для ея пріобрѣтенія не было. Очевидно, Радищевъ, недовольный легкомысленной обработкой сюжета, который легко могъ привести къ трагическому финалу, постарался осмыслить содержаніе комической оперы Княжнина на болѣе серьезной подкладкѣ и придать дѣлу внушительный видъ. Впрочемъ, вліяніе на него „Несчастья отъ кареты“ оказывается и въ другомъ случаѣ: въ комической оперѣ тотъ же крестьянинъ Лукьянъ жалуется, что крѣпостные люди абсолютно во всѣхъ отношеніяхъ связаны властью помѣщика; „Боже мой!—восклицаетъ онъ въ отчаяніи—какъ мы нещастливы! Намъ должно *пить, ѣсть и жениться* по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся, и которые безъ насъ бы съ голоду померли“ [4]). Но мы уже видѣли, что Радищевъ, съ своей стороны, обрисовывая условія крѣпостной барщины, также настаиваетъ, что крестьяне фактически не могутъ жениться безъ согласія господина, который „спаряетъ“ ихъ по собственному усмотрѣнію: помѣщикъ не въ силахъ лишь заставить ихъ жениться на роднѣ и принудить въ постъ ѣсть мясо.

---

[1]) „Путешествіе“, стр. 249—250.

[2]) Сочиненія Императрицы Екатерины II. Изд. А. Смирдина, 1849, т. I, стр. 105 и слѣд. „Наказъ“, глава XX, статьи 471—484.

[3]) „Путешествіе“, стр. 298.

[4]) „Россійскій Ѳеатръ“, часть 24, стр. 72. „Несчастіе отъ кареты“ появилось на сценѣ 7 ноября 1779 года.

Но любопытнѣе всего, что и знаменитый „Сонъ“ Радищева имѣетъ также свою литературную исторію. Рѣчи льстивыхъ ласкателей, которые увѣряли деспота, что его велѣніямъ покорны стихіи и силы природы; что онъ смирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; что онъ обогатилъ государство, расширивъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю; что онъ поощряетъ науки и художества, также земледѣліе и рукодѣліе, и издаетъ благіе законы, облегчаетъ народныя подати и даруетъ всѣмъ подданнымъ свободу, — эти слова нашего писателя, вложенныя въ уста окружающихъ властелина льстецовъ, замѣчательно близко воспроизводятъ то, что мы встрѣчаемъ еще въ журналѣ Новикова „Живописецъ“, выходившемъ въ 1772 году. Въ послѣднемъ помѣщенъ былъ, между прочимъ, переводъ письма Доминика Діодати изъ Неаполя по поводу „Наказа“ императрицы Екатерины, въ которомъ онъ такимъ образомъ восхвалялъ государыню: „*Законы* постановляетъ... Добродѣтели награждаетъ и всѣхъ къ почитанію ихъ разумно поощряетъ... Печется *о воспитаніи юношества*... Государство жителями, а жителей *изобиліемъ обогатить* старается... *На хлѣбопашество призираетъ милостиво*; *искусства и художества всѣ*, способствующія либо къ спокойствію, либо къ пріятности жизни, *возстановляетъ*; *торговлю, какъ прямый богатства источникъ, облегчаетъ и распространяетъ, и отвращаетъ все, оную стѣсняющее*. Ничего во всемъ не оставляетъ безъ своего разсмотрѣнія, ничего не умалчиваетъ, все объявляя всенародно, для общаго всѣхъ благополучія“ [1]). На основаніи буквальнаго совпаденія приведенныхъ выраженій изъ письма Діодати съ соотвѣтствующими словами Радищева въ его „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ приходится заключить, что послѣдній имѣлъ въ виду именно это мѣсто „Живописца“, когда представлялъ льстивыя рѣчи ласкателей. А если такъ, то упрекъ въ подслуживаніи высшей власти былъ направленъ и противъ Новикова, которому слишкомъ прямолинейный въ убѣжденіяхъ Радищевъ не могъ простить такого льстиваго письма. Впрочемъ, онъ могъ намекать на этотъ разъ также и на рѣчь представителя депутатовъ, собранныхъ для составленія проекта новаго уложенія, которую тотъ произносилъ 27 сентября 1767 года при поднесеніи Екатеринѣ II титула Премудрой, Великой, Матери отечества. Въ рѣчи, между прочимъ, говорилось: „Человѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. Пороки исчезаютъ и корень ихъ пресѣ-

---

[1]) „Живописецъ“. Изданіе Ефремова. Спб. 1864, стр. 73 и слѣд.

кается; но съ кротостью *исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели, подъ священной сѣнью престола, процвѣтаютъ;* нужнѣйшія роду человѣческому искусства — *земледѣліе и домоводство*—монаршимъ взоромъ *ободряются, торговля возрастаетъ* и съ нею изобиліе *рукодѣлій* умножается; вездѣ введены полезныя учрежденія, и словомъ, во всѣхъ частяхъ государственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашея великія государыни сіяютъ и *не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ*" [1]).

Можетъ быть, однако, и то, что рѣчь представителя депутатовъ вовсе не была въ полномъ смыслѣ самостоятельной, а представляла изъ себя передѣлку съ французскаго образца. По крайней мѣрѣ, въ „Сиѳѣ" аббата Террасона встрѣчается рѣчь главнаго мемфійскаго жреца предъ гробомъ умершей премудрой царицы, гдѣ онъ восхваляетъ ее за то, что она „преславнымъ защищеніемъ предѣловъ государства утверждала всеобщую тишину"; заботилась о „благосостояніи подданныхъ"; „внѣшнихъ непріятелей укрощала" и внутреннихъ побѣждала; „народныя тягости облегчала своимъ милосердіемъ"; „купечество, науки и художества процвѣтали подъ счастливѣйшимъ ея владѣніемъ"; „она прославила государство неисчислимымъ богатствомъ" и т. д. [2]). Впрочемъ, льстивая похвальная рѣчь за мнимыя заслуги умершему царю-льву, „пресущему скоту", встрѣчается и у Фонвизина въ баснѣ „Лисица-кознодѣй", гдѣ кротъ откровенно разоблачаетъ подлую и гнусную лесть оратора [3]); положеніе дѣйствующихъ лицъ здѣсь, въ сущности, такое же, какъ и въ „Снѣ" Радищева. Авторъ Недоросля въ другомъ случаѣ выводитъ и самую Истину, которой отведена въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" такая видная роль: Фонвизинъ изображаетъ въ одной изъ своихъ повѣстей „дворъ Царя, коего самовластіе ничѣмъ не ограничено"; Аристотель спрашиваетъ Каллисѳена: „Можетъ ли *истина* свободно изъясняться? Неужели гоненія страшиться?" [4]) Такъ же безбоязненно выступаетъ Истина и въ „Снѣ" Радищева. Вообще же говоря, пріемъ изображать состояніе государства подъ видомъ возсѣдающей на тронѣ мудрости или, напротивъ, суевѣрія былъ однимъ изъ употребительнѣйшихъ у нашихъ писателей. Державинъ, восхва-

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XVIII, № 12978.

[2]) Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонъ-Визина. Изд. подъ ред. Ефремова. Спб. 1866, стр. 555—6.

[3]) Стр. 163—164.

[4]) Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонвизина. Изд. Каспари, Спб. 1893, стр. 179.

ляя Екатерину, представилъ ее въ образѣ сказочной царевны Фелицы. Желая сильнѣе и ярче оттѣнить достоинства воспѣтой мурзой императрицы, Козодавлевъ, товарищъ Радищева, помѣстилъ въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова", журналѣ 1783 года, описаніе страны мрака и рабства, которые исчезаютъ передъ лицомъ Фелицы; въ этомъ царствѣ, находящемся на „проклятомъ небесами" островѣ, стоитъ желѣзный храмъ, гдѣ „*на тронѣ* изъ свинца *невѣжество сидитъ*". Не соглашаясь съ мыслью Козодавлева о блаженствѣ людей подъ державой Фелицы, Радищевъ могъ удержать изъ описанія Козодавлева одинъ только поэтическій образъ, измѣнивъ его нѣсколько въ томъ же хотя бы „Снѣ" властелина. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что всѣ основные элементы для той картины, какую нарисовалъ въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" Радищевъ, представляя сонъ деспота, уже были готовы въ произведеніяхъ предшествующихъ русскихъ писателей.

Въ свою очередь, не прошли безслѣдно взгляды и сужденія Радищева для послѣдующихъ писателей. Другъ и товарищъ его —Челищевъ, который обучался также въ лейпцигскомъ университетѣ въ одно время съ авторомъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" и безспорно знакомый съ книгой Радищева, въ участіи при составленіи которой его самого подозрѣвала Екатерина II, написалъ „Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году". Всматриваясь ближе въ этотъ путевой дневникъ, нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ типичныхъ отраженій „Путешествія" Радищева. Такъ, описывая Воицкій золотой рудникъ, Челищевъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ здѣсь обнаружены были залежи драгоцѣннаго металла: виновникомъ открытія былъ горный офицеръ Толстой, который „чрезъ то сталъ причиною, что *правительство, проснувшись, потерши съ глазъ дремоту*, вздумало опять возобновить рудокопныя работы, которыя въ земныхъ нѣдрахъ *отъ сонливаго правленія* долго закрытыми лежали" [1]. Упоминаемыя здѣсь протираніе глазъ и сонливое управленіе высшаго начальства сами собой вызываютъ въ памяти „Сонъ" Радищева. Впрочемъ, подобныя выраженія встрѣчаются у Челищева довольно часто: онъ обвиняетъ правителей губерній, что они „*просыпаютъ ненадобный вѣкъ* въ вредномъ ихъ для всѣхъ изобиліи" [2]; обращается къ „викарнымъ владыкамъ народовъ" съ просьбой: „Отрите *мракъ очей* вашихъ" и т. д.

---

[1] „Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году". Спб. 1886, стр. 29—30.
[2] Стр. 270 и слѣд.

Послѣднее выраженіе—„мракъ очей"—очевидно есть только легкое видоизмѣненіе тѣхъ „бѣльмъ", какія сняла Истина съ глазъ обрисованнаго Радищевымъ властелина. Вліяніе идетъ и дальше. Радищевъ заставляетъ прозрѣвшаго деспота произнести слѣдующее признаніе: „Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно расточеніе государственной казны, омытой нерѣдко кровію и слезами моихъ подданныхъ" [1]. Здѣсь разумѣется, безъ сомнѣнія, строеніе городовъ послѣ пожаровъ по правильному плану, на чемъ настаивала и чѣмъ особенно хвасталась Екатерина II. Скромно выраженная Радищевымъ мысль получаетъ подъ перомъ Челищева энергическое развитіе: „Жестокіе, — обращается онъ въ „Путешествіи по Сѣверу Россіи" къ правителямъ губерній,— когда у васъ сгораютъ цѣлыя селенія и даже цѣлые города, то кто видалъ васъ, чтобы вы поспѣшно къ бѣдственному сему приключенію прискакали и въ видѣ отца утѣшительнаго старались бы извѣдать самыхъ разоренныхъ, и если имъ не вовсе загладить ихъ убытокъ, то по крайности облегчить ихъ жребій ласковымъ привѣтствіемъ? А вы тутъ-то съ кровожаднымъ своимъ повѣреннымъ насылаете имъ разорительныя ваши повелѣнія: тутъ-то и взыскиваете съ нихъ наистрожайше положенныя подати, тутъ-то и родятся ваши пагубныя ревизіи, тутъ-то и усилятся предписанія о строеніи по плану. ....Тутъ всякій безграмотный подлецъ, сыскавши подлостьми покровъ вашъ, набѣгаетъ то землемѣромъ, то архитекторомъ и обираетъ, ничего не сдѣлавъ, остатки погорѣлыхъ жителей" [2]...

Образъ деспота, воображавшаго подъ вліяніемъ грубой лести, что онъ не только владыка надъ подданными, но и повелитель стихій, нашелъ свое отраженіе и у И. А. Крылова, впослѣдствіи знаменитаго баснописца, съ которымъ Радищевъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Въ журналѣ „Зритель", выходившемъ въ 1792 году, Крыловъ помѣстилъ восточную повѣсть „Каибъ", гдѣ выведенъ калифъ, наконецъ вынужденный „въ первый разъ усомниться, такой ли онъ *самовластный повелитель стихій*, какъ то говорили ему визири" [3]. Не безъ вліянія „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" Крыловъ писалъ въ томъ же „Зрителѣ", что „крестьянинъ потѣетъ и трудится цѣлые годы, чтобы выплатить *колесо богатой кареты*, или пуговицу съ кафтана

---

[1] „Пут. изъ П. въ М.", стр. 147.

[2] „Путеш. по Сѣверу Россіи", стр. 270 и слѣд.

[3] Полное собраніе сочиненій И. Крылова. Спб. 1859, т. I, стр. 218.

своего господина Промотаева" [1]). Исторія съ каретой знакома намъ и изъ Радищева.

Основанное въ 1801 „Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ" цѣликомъ восприняло идеи Радищева и съ уваженіемъ отзывалось объ этомъ писателѣ въ своемъ „Свиткѣ музъ", выходившемъ въ 1803 г.; въ 1805 г. „Общество" перепечатало даже „въ Сѣверномъ Вѣстникѣ" главу (Клинъ) изъ „Путешествія" нашего автора съ такимъ замѣчаніемъ: „Читатели найдутъ въ семъ сочинені не чистоту русскаго языка, но чувствительныя мѣста. Издатели смѣютъ надѣяться, что тѣни усопшаго автора первое будетъ прощено ради послѣдняго" [2]).

Въ „Житіи Өедора Васильевича Ушакова" Радищевъ замѣчаетъ въ одномъ случаѣ, что люди, имѣющіе надобность до кого-либо, готовы по цѣлымъ часамъ высиживать въ переднихъ комнатахъ, ожидая выхода патрона; согласны всячески ухаживать за секретарями ихъ; стараются стать на короткую ногу съ швейцаромъ и дворникомъ нужнаго человѣка, *„и если собака тутъ приключится, и ту приласкать не пропустятъ"* [3]). Кто не вспомнитъ при этихъ словахъ знаменитыхъ правилъ, которыя завѣщалъ Молчалину его отецъ, какъ о томъ сообщаетъ Грибоѣдовъ въ комедіи „Горе отъ ума"?

Въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву", въ главѣ „Софія", мы находимъ и такое сужденіе Радищева о характерѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ: „Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго. На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй учреждать бразды правленія. Въ немъ найдете образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго, найдешь его задумчивымъ. Естьли захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, естьли захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Естьли что-нибудь случится не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву. Бурлакъ, идущій въ кабакъ, повѣся голову и возвращающійся обагренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить, доселѣ гадательное въ исторіи россійской" [4]). Подобныя сужденія Радищева цѣликомъ воспро-

---

[1]) Стр. 260.
[2]) Сочиненія К. Н. Батюшкова. Спб. 1887, т. I, стр. 39—40.
[3]) Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ, т. I, стр. 189.
[4]) Путешествіе изъ П. въ М., стр. 112.

извелъ впослѣдствіи Пушкинъ въ извѣстномъ размышленіи своемъ о грустномъ характерѣ русскихъ пѣсенъ и русской музы. „Печалію согрѣта гармонія всѣхъ нашихъ музъ и дѣвъ“, говоритъ поэтъ по этому поводу; по его словамъ, „отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло“, хотя грустные, трогающіе мотивы русскихъ пѣсенъ и нравятся Пушкину своей меланхоличностью. Въ другомъ случаѣ тотъ же поэтъ находитъ въ долгихъ пѣсняхъ ямщика „то разгулье удалое, то сердечную тоску“. Въ одной изъ журнальныхъ статей, относящихся къ 30-мъ годамъ XIX вѣка, Н. В. Гоголь повторилъ взглядъ Пушкина на грустный характеръ русскихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ широкую мощь, вѣроятно совсѣмъ не подозрѣвая, что въ сущности сужденія его восходятъ къ Радищеву. Впослѣдствіи тѣ же мысли нашли для себя мѣсто и въ поэзіи Некрасова.

III.

Итакъ, по характеру основныхъ идей авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Онъ настойчиво стремился провести въ общественное сознаніе тѣ же главные вопросы, которые являлись руководящими въ литературной дѣятельности и Новикова, и Фонвизина, и Крылова, и князя Щербатова, и Челищева, и другихъ передовыхъ писателей екатерининской эпохи. Объединяя въ своей книгѣ лучшія мысли и понятія предшествующихъ авторовъ, Радищевъ съумѣлъ, однако, представить ихъ въ такихъ яркихъ и бьющихъ въ глаза краскахъ, что снова привлекъ къ нимъ вниманіе русскаго общества, и прежніе, повидимому, устарѣвшіе вопросы получили подъ его перомъ извѣстную свѣжесть и жизненность и надолго овладѣли умами новыхъ поколѣній, несмотря на то, что книга его появилась уже въ періодъ сравнительнаго упадка сатирической литературы.

Съ другой стороны, по вопросамъ о просвѣщеніи, судебныхъ безпорядкахъ и всеобщемъ упадкѣ нравственности, въ идейномъ отношеніи Радищевъ пошелъ въ сущности не далѣе того, что было высказано въ русской литературѣ писателями, бывшими до него, и отраничился лишь воспроизведеніемъ ихъ взглядовъ. Главный же недостатокъ прежней обличительной литературы заключался въ томъ, что писатели ограничивались почти только осужденіемъ уродливыхъ явленій въ современной имъ

русской жизни, но не указывали средствъ къ ихъ исправленію. Исключеніе составляютъ Новиковъ по вопросу о народномъ образованіи и Фонвизинъ, предлагавшій правительству въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ мѣры для организаціи института просвѣщенныхъ и честныхъ судей и вообще для улучшенія судопроизводства. Радищевъ остановился въ этомъ отношеніи единственно на томъ, что было высказано до него, а потому и стоитъ по вопросамъ о просвѣщеніи, судопроизводствѣ и общественной нравственности въ уровень съ остальными перечисленными писателями. Правда, онъ также предлагалъ мѣры для улучшенія контингента судей, но его слова на этотъ разъ являются простымъ повтореніемъ взглядовъ Фонвизина. Зато по вопросу о крѣпостномъ правѣ Радищевъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ современныхъ ему и послѣдующихъ писателей. Никто, ни раньше, ни послѣ него, не представилъ злоупотребленій крѣпостного быта въ такихъ отталкивающихъ чертахъ, какъ это сдѣлано имъ; никто не удѣлилъ этому явленію столько вниманія, энергіи и краснорѣчія, какъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", и никто не успѣлъ добиться, поэтому, бо́льшихъ результатовъ въ смыслѣ вліянія на общество и правительство, какъ именно составитель проекта о постепенномъ освобожденіи земледѣльцевъ въ Россіи. Въ данномъ случаѣ, Радищевъ далеко опередилъ свое время. Но его заслуги не исчерпываются однимъ описаніемъ ужасовъ крѣпостной барщины: онъ указалъ также прямой путь для проведенія своихъ взглядовъ въ самой жизни русскаго общества, для осуществленія ихъ на практикѣ. И впослѣдствіи воспользовались его совѣтами, какъ то увидимъ ниже. Ясно, что историческая оцѣнка Радищева должна быть двоякая: если какъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" онъ заслуживаетъ стать во главѣ самыхъ лучшихъ русскихъ писателей обличительнаго направленія во вторую половину XVIII-го вѣка, то какъ авторъ въ частности проекта объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ онъ долженъ подлежать оцѣнкѣ съ точки зрѣнія вообще культурно-исторической.

Послѣ выхода въ свѣтъ въ 1790 г., книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" произвела тотчасъ большое волненіе въ обществѣ и получила громкую извѣстность. Графъ Безбородко писалъ по этому поводу къ правителю канцеляріи князя Потемкина—В. С. Попову: „Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря, что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, вправду сказать, и правилъ изрядно и без-

корыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія: заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго, и, наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ цензировалъ сію книгу, не читавъ, а удовольствовавшися титуломъ, надписалъ свое благословеніе. *Книга сія начала входить въ моду у многой шали*; но, по счастію, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, выправиться ему нечѣмъ. Съ свободою типографіи да съ глупостью полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ" [1]).

Приведенное письмо гр. Безбородко пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ чрезвычайную цѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не только удостовѣряетъ тотъ фактъ, что „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" по выходѣ въ свѣтъ тотчасъ сдѣлалось модной книгой и привлекло къ себѣ вниманіе публики, но и доказываетъ, что *со взглядами Радищева былъ хорошо знакомъ и самъ графъ Безбородко*, такъ какъ онъ воспроизводитъ предъ Поповымъ дѣйствительно все наиболѣе существенное въ содержаніи „Путешествія". Установить послѣднее положеніе важно для насъ потому, что тѣмъ самымъ наглядно выясняется путь, чрезъ который идеи Радищева проникали въ сознаніе высшей правительственной власти. Дѣло въ томъ, что гр. Безбородко представилъ впослѣдствіи императору Павлу I записку „О потребностяхъ Имперіи Россійской" въ качествѣ общаго руководства для государя въ дѣлахъ внутренняго управленія; между тѣмъ, записка эта по крестьянскому вопросу почти цѣликомъ воспроизводитъ взгляды Радищева. Такимъ образомъ, Павелъ I еслибы и совсѣмъ не зналъ книги Радищева,—все-таки *руководился въ своемъ законодательствѣ его идеями, осуществляя ихъ въ жизни* силою монаршей власти.

Безбородко упоминаетъ въ своемъ письмѣ и о „проповѣди равенства и почти бунта противу помѣщиковъ". Это даетъ основаніе думать, что собственноручная записка Екатерины II къ гр. Безбородку, относящаяся къ 1790 г. и предлагающая включить въ текстъ какого-нибудь публичнаго манифеста нѣсколько

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXIX, стр. 94—95.

выраженій противъ „несбыточнаго и въ естествѣ несуществующаго мнимаго равенства", была вызвана книгой Радищева [1]).

27 іюня 1790 г. Безбородко писалъ графу А. Р. Воронцову, принимавшему близкое участіе въ судьбѣ Радищева: „Ея императорское величество, свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ, подъ заглавіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, оную читать изволила и, нашедъ ее наполненною разными дерзостными израженіями, влекущими за собой развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ, достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ" [2]). Тому же Воронцову Безбородко писалъ въ другой разъ: „По слѣдствію, порученному оберъ-полиціймейстеру, а болѣе, думаю, *по слухамъ*, сказано государынѣ, что авторы извѣстной развратной книги господа *Радищевъ и Челищевъ*" [3]). Какъ видимъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", вышедшее въ печати безъ имени автора, сильно заинтересовало своимъ содержаніемъ все общество и породило множество слуховъ и толковъ. О громкой популярности этой книги свидѣтельствуютъ и показанія лицъ, допрашивавшихся во время возбужденнаго противъ Радищева слѣдствія. Книгопродавецъ Зотовъ, на допросѣ 29-го іюня 1790 г., удостовѣрялъ, что „сіи книги вступили къ нему въ маѣ мѣсяцѣ, и болѣе не были, какъ недѣли двѣ, въ лавкѣ. *Какъ же многіе стали спрашивать*, то онъ, *по объявленному слуху*, что она напечатана у Радищева, къ нему ходилъ" и проч. Одинъ экземпляръ книги былъ Радищевымъ посланъ въ Берлинъ къ Кутузову; состоявшій при вице-канцлерѣ надворный совѣтникъ Вальцъ показывалъ по этому поводу на допросѣ: „Когда оные пакеты я получилъ, точно упомнить не могу... А распечаталъ оные потому: какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за какую-то книжку, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ можетъ быть есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большого конверта одну сторонку и, вытащивъ книгу, увидѣлъ, что это та книга, *о которой по всему городу говорятъ*". Отставной поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ на допросѣ 17-го іюля 1790 г. говорилъ, что не знаетъ, печатается ли книга Радищева въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ, или въ дру-

---

[1]) Тамъ же, т. XLII, стр. 133—134.
[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. XIII, стр. 199.
[3]) Тамъ же, стр. 199.

гихъ городахъ, „но *судя по великому любопытству публики къ той книгѣ*, нельзя не сумнѣваться, чтобы кто-нибудь изъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ типографщиковъ не вздумалъ ее печатать“ [1]).

Больше всего, однако, поразило и раздражило сочиненіе Радищева императрицу Екатерину. Въ дневникѣ Храповицкаго мы находимъ по этому поводу слѣдующія замѣчанія:

Подъ 26-мъ іюня 1790 г.: „Говорено о книгѣ „Путешествіе отъ Петербурга до Москвы“. Тутъ разсѣваніе заразы французской: отвращеніе отъ начальства; авторъ—мартинистъ; я прочла 30 стр. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева“.

Подъ 2-мъ іюля того же года: „Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева, а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости“.

Подъ 7-мъ іюля: „Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволила, что онъ *бунтовщикъ, хуже Пугачева*, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ онъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ. Говорено съ жаромъ и чувствительностію“ [2]).

Отдѣльныя подробности въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ (прежде всего, конечно, „Сонъ“) императрица поняла въ смыслѣ оскорбительныхъ намековъ лично на себя: „Скажите сочинителю,—писала она, — что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мной какой обиды?“ То же отмѣчаетъ подъ 11-мъ августа 1790 г. и Храповицкій: „Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтной чувствительностью приказано разсмотрѣть въ Совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною и объявить, дабы не уважали *до меня касающееся, понеже я презираю*“ [3]).

Негодованіе императрицы по поводу книги Радищева должно было еще болѣе усилиться послѣ того, какъ она убѣдилась, что „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, по сознанію самого автора, было составлено въ подражаніе французскому писателю *Рейналю*, котораго Екатерина II давно уже глубоко презирала и ненавидѣла. Такъ, въ 1782 г., она писала Гримму: „Mais imaginez-vous que nous lésgislaton, *malgré les vaines déclamation de l'abbé Raynal contre nous*, depui six heures du matin

---

[1]) Сухомлиновъ, Изсл. и ст., т. I, стр. 581, 587, 589.

[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1782 — 1793. Изд. Барсукова, Спб. 1874, стр. 338, 339, 340.

[3]) Сборн. И. Р. Общ., т. XXIII, стр. 231.

jusqu' à neuf" [1]). Еще раньше (въ 1774 г.), въ письмѣ къ Гримму Екатерина извѣщала его, что она поручила графу Миниху (Munich) тщательно прочитать философскую исторію о торговлѣ въ Индіи, сочиненіе аббата Рейналя, и представить ей письменныя примѣчанія о всемъ, *что касается Россіи*. „Pour ce qui regarde l'auteur de l'Histoire philosophique du commerce des Indes,—говорилось въ этомъ письмѣ,—je chargerai le comte Munich de relire l'article de Russie et de mettre par écrit ses remarques" [2]). Въ письмѣ отъ 4-го апрѣля 1782 г. Екатерина увѣряла Гримма, что она будетъ заниматься составленіемъ законовъ—„ohne viel darauf zu sehen, was der abbé *Raynal quackt und lügt;* unter andern Lügen soll er sagen, dass mir nichts geglückt von allem dem, so ich angefangen habe; das ist doch eine sehr grobe Lüge, wovon die Beweisthümer die ganze Welt offenbar vor den Augen hat" [3]). По поводу книги Радищева императрица вспомнила Рейналя и въ раздраженіи не могли назвать французскаго писателя иначе, какъ „полумудрецомъ сего свѣта" [4]).

О „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" Екатерина писала и главнокомандующему въ столицѣ, генералъ-аншефу Брюсу: „Недавно издана здѣсь книга..., наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными израженіями противу Сана и власти Царской. Сочинителемъ сей книги оказался Коллежскій Совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры Управы Благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потомъ взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ Палатѣ Уголовнаго Суда Санктпетербургской губерніи, гдѣ заключа приговоръ, внесть оный въ Сенатъ Нашъ" [5]). Въ письмѣ къ тому же Брюсу, отъ 13-го іюля 1790 г., Екатерина приказала книгу Радищева за-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. XXIII, стр. 231.

[2]) Ibid., стр. 13.

[3]) Ibid., стр. 235.

[4]) „Русская Старина". Якушкинъ, „Судъ надъ писателемъ", стр. 179: „Руссо, Абберейналъ и тому гипохондрику подобное".

[5]) Сочиненія Императрицы Екатерины II, т. III, стр. 392.

претить продажей, такъ какъ она „въ благопристойномъ государствѣ отнюдь терпима быть не можетъ“ [1]).

Когда дознаніе и слѣдствіе были окончены, по повелѣнію императрицы, правительствующій сенатъ долженъ былъ произвести судъ надъ Радищевымъ и произнести свой приговоръ. Неудивительно, что сенатъ, соображая всѣ обстоятельства дѣла, въ угоду государынѣ призналъ автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ достойнымъ смертной казни. Рѣшеніе это было внесено затѣмъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ засѣданіе членовъ государственнаго совѣта. Послѣдній, съ своей стороны, „сличая означенное въ немъ (докладѣ) содержаніе помянутой книги („Путешествія“) съ присягою, находилъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присягѣ и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное“ [2]), т.-е. достоинъ смертной казни. Когда, однако, такой приговоръ былъ представленъ на утвержденіе императрицы, Екатерина II помиловала жизнь опальнаго писателя и замѣнила казнь ссылкой на десять лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій Острогъ. Въ именномъ указѣ правительствующему сенату, отъ 4-го сентября 1790 г., государыня излагала обстоятельства дѣла слѣдующимъ образомъ:

„Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми изреженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ санктпетербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя, по роду столь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши

---

[1]) Ibid., стр. 393.

[2]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, часть II, 19 августа 1790 года.

раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимскій Острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ" [1]).

Подобное смягченіе наказанія заставило содрогнуться графа С. Р. Воронцова. „La condamnation du pauvre Raditchef me fait une peine extrême,—писалъ онъ;—quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie... cela fait frémir" [2]). Братъ Семена Романовича Воронцова—Александръ Романовичъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Радищевъ, съ отеческою заботливостью отнесся къ несчастной судьбѣ Радищева и всячески старался облегчить участь его во время ссылки [3]).

Такъ печально кончилось для автора громкое дѣло о „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву". Но идеи, выраженныя въ этой книгѣ, все-таки продолжали распространяться въ обществѣ: произведеніе Радищева разошлось въ рукописяхъ, а сохранившееся небольшое количество печатныхъ экземпляровъ усиленно обращалось среди читателей. Иностранецъ Массонъ свидѣтельствуетъ, что спросъ на книгу Радищева былъ до такой степени великъ среди русскихъ, что за прочтеніе ея приходилось платить большія деньги, потому что за каждый часъ чтенія была назначена сравнительно очень высокая цѣна [4]). Пушкинъ въ „Первомъ посланіи къ Аристарху", составленномъ въ 1824 г., также говоритъ, что книги Радищева вмѣстѣ съ трактатомъ кн. М. М. Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", широко распространились въ рукописяхъ. Поэтъ обращается къ цензору съ такими стихами:

„Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ незнакомъ тебѣ, всѣ знаютъ почему,
И *рукопись* его, не погибая въ Летѣ,

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. XXIII, № 16901.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, кн. IX, стр. 181.

[3]) „Русская Старина", 1882 г., сентябрь. „Судъ надъ писателемъ", стр. 514 и слѣд.

[4]) Тамъ же, стр. 524.

Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ" [1]).

Извѣстно также, что Осиповъ давалъ свой экземпляръ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" для прочтенія генералъ-поручику Ладыженскому; двадцать-пять экземпляровъ этой книги были проданы Зотовымъ покупателямъ; по крайней мѣрѣ Богдановичъ, желавшій пріобрѣсти сочиненіе Радищева, уже не могъ достать его у Зотова за распродажей. Одинъ экземпляръ былъ переданъ авторомъ чрезъ Козодавлева Державину. Когда вышло распоряженіе отобрать экземпляры книги у частныхъ лицъ, то возвратили только слѣдующіе: Козодавлевъ, Державинъ и кн. Трубецкой. Оберъ-камергеръ Шуваловъ уничтожилъ свой экземпляръ, который имъ былъ полученъ отъ банковскаго совѣтника Хитрово [2]). „Путешествіе" несомнѣнно было извѣстно братьямъ С. Р. и А. Р. Воронцовымъ, княгинѣ Дашковой, ихъ сестрѣ, и гр. Безбородко.

Съ вступленіемъ на престолъ въ 1796 году императора Павла Петровича, въ судьбѣ нашего опальнаго писателя послѣдовала перемѣна: именнымъ рескриптомъ на имя графа Самойлова, отъ 23-го ноября 1796 г., государь приказалъ возвратить изъ Сибири Радищева [3]); авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", въ силу этого распоряженія, долженъ былъ безвыѣздно проводить время въ калужскомъ своемъ имѣніи, гдѣ и оставался вплоть до восшествія на престолъ императора Александра I. Трудно рѣшить съ точностью, чѣмъ обусловливалось помилованіе Радищева со стороны имп. Павла Петровича. Сынъ Радищева говоритъ, что за его отца ходатайствовалъ предъ императоромъ вліятельный графъ Безбородко [4]), но можно объяснять это дѣло и нѣсколько иначе. Скорѣе на этотъ разъ имѣло значеніе личное сочувствіе государя взглядамъ составителя проекта о постепенномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Впрочемъ, въ первые же мѣсяцы своего правленія Павелъ I возвратилъ изъ ссылки не одного Радищева, но и освободилъ изъ заключенія Н. И. Новикова, который также подвергся жестокому преслѣдованію при Екатеринѣ II, въ 1792 г. и сидѣлъ до сихъ поръ въ шлиссельбургской крѣпости. Оче-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Подъ ред. Геннади. Спб. 1870, т. I, стр. 300.

[2]) Сухомлиновъ. „Изслѣд. и ст.", стр. 568, 589, 593.

[3]) Шильдеръ. „Императоръ Павелъ Первый". Спб. 1901, стр. 322.

[4]) „Русскій Вѣстникъ", 1858, стр. 416. „Александръ Николаевичъ Радищевъ".

видно, Павелъ I руководился въ данномъ случаѣ вовсе не ходатайствами постороннихъ лицъ, а собственными соображеніями, —именно, желаніемъ почтить обоихъ писателей. Мы знаемъ, вдобавокъ, что одновременно съ Радищевымъ и Новиковымъ былъ вызванъ и милостиво принятъ при дворѣ и другъ послѣдняго— Ив. Вл. Лопухинъ, также подвергшійся въ свое время опалѣ со стороны Екатерины II при Новиковскомъ погромѣ и высланный на заключеніе въ деревню. Судьба всѣхъ этихъ трехъ писателей, такимъ образомъ, оказалась приблизительно одинаковою: всѣ они подверглись при Екатеринѣ опалѣ и преслѣдованіямъ, и всѣ трое почти одновременно были освобождены имп. Павломъ Петровичемъ. Это даетъ право думать, что послѣдній одинаково высоко цѣнилъ всѣхъ троихъ, а слѣдовательно, въ частности, и Радищева. Надобно думать, что Павелъ Петровичъ былъ хорошо знакомъ со взглядами автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ и сочувствовалъ имъ. Но Павелъ не любилъ ограничиваться однимъ платоническимъ сочувствіемъ, а стремился все тотчасъ осуществить на дѣлѣ и провести въ жизнь. Вотъ почему, вызвавъ Новикова, онъ думалъ оставить его при себѣ для совѣщаній по государственнымъ вопросамъ (къ сожалѣнію, подобному благородному намѣренію не суждено было осуществиться, такъ какъ царедворцы быстро оттѣснили отъ императора этого писателя); вотъ почему онъ назначилъ состоять при себѣ въ качествѣ личнаго секретаря и Лопухина, котораго опредѣлилъ потомъ (20-го января 1797 года) въ московскій департаментъ уголовныхъ дѣлъ для водворенія тамъ правосудія [1]). Мы не должны поэтому удивляться, если встрѣтимъ въ государственной дѣятельности Павла I отраженіе идей и Александра Николаевича Радищева,—разумѣется, прежде всего по крѣпостному вопросу. Послѣдняя мысль можетъ находить для себя косвенное подтвержденіе и въ томъ, что Павелъ Петровичъ вообще высоко цѣнилъ русскихъ писателей и стремился привлекать ихъ къ дѣламъ внутренняго управленія. Такъ, О. П. Козодавлевъ, товарищъ Радищева по лейпцигскому университету, стоялъ въ это время во главѣ коммиссіи по народному образованію; авторъ „Ябеды“, Капнистъ, самъ называлъ себя въ посвященіи своей комедіи государю „споспѣшникомъ“ его въ дѣлѣ водворенія правосудія и искорененія судейскихъ безобразій; Державинъ разсказываетъ про себя, что императоръ призвалъ его и сказалъ ему, „что онъ знаетъ его со стороны честнаго, умнаго, безын-

---

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Павелъ Первый“, стр. 322—323.

тереснаго и дѣльнаго человѣка, и хочетъ его сдѣлать правителемъ своего Верховнаго Совѣта, дозволивъ ему входъ къ себѣ во всякое время, и если что теперь имѣетъ, то чтобы сказалъ ему, ничего не опасаясь" [1]).

Впрочемъ, Радищевъ имѣлъ и другого проводника своихъ идей для осуществленія ихъ въ жизни русскаго общества путемъ законодательства. Это былъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко. Изъ письма его къ Попову мы уже видѣли, что онъ хорошо зналъ содержаніе „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Будучи при императорѣ Павлѣ I главнымъ его секретаремъ и совѣтникомъ въ дѣлахъ государственнаго управленія и зная его намѣреніе облегчить участь крѣпостныхъ крестьянъ, нашъ графъ предлагалъ монарху совѣты и указанія по этому поводу, цѣликомъ опираясь на книгу Радищева. Объединяя впослѣдствіи свои мнѣнія, Безбородко представилъ государю въ 1799 году систематическое руководство для управленія дѣлами въ видѣ знаменитой „Записки о потребностяхъ Имперіи Россійской". Вотъ содержаніе этого драгоцѣннаго для насъ произведенія по крестьянскому вопросу, въ которомъ почти съ буквальной точностью воспроизводятся соотвѣтствующія мысли Радищева:

„Продажа деревень не инако быть должна, какъ и съ землями; а *личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты*; ибо рекруты должны служить, кому очередь по мірскому приговору приходитъ. *Движимость всякая составляетъ неотъемлемую собственность крестьянскую*, а денежные капиталы не могутъ помѣщиками болѣе обременены быть, какъ то, что государь съ капиталовъ купеческихъ себѣ получаетъ.

„*Хотя нельзя избѣжать, чтобы не употреблять крестьянъ въ дворовую службу, но и тутъ бы надобно, чтобъ или они возвращалися на пашню*, или другихъ посылали на работу, *или же становились вольными и имѣли право при новой ревизіи избрать себѣ службу или состояніе по манифесту Екатерины II*, 17-го марта 1775 года. Симъ образуется *прямая вольность поселянъ*; а когда возстановятся *расправы* и прочее, что въ царствованіе Екатерины II было учреждено, *съ нужными поправленіями*, тогда спокойствіе сего класса надолго утвердится" [2]).

---

[1]) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1871, т. VI, стр. 702.

[2]) Н. Григорьевъ. „Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями своего времени". Спб. 1881, т. II, стр. 644, Приложеніе XVIII. Сборн. Имп. Русс. Истор. Общ., т. XXIX.

Какъ видимъ, Безбородко указываетъ здѣсь тѣ же три основныхъ положенія, которыя составляютъ сущность и Радищевскаго проекта объ освобожденіи крестьянъ, а именно: барщина сельская и дворовая, собственность крестьянъ и судъ. Для большей наглядности мы позволимъ себѣ напомнить читателямъ параллельныя мѣста изъ „Путешествія". „Записка о потребностяхъ Имперіи Россійской" воспроизводитъ со всею точностью слѣдующія мысли Радищева:

Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго (т.-е. дворовой службы). Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и *запрещается поселянъ и всѣхъ, по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ, брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ.*

Второе положеніе относится къ *собственности* и *защитѣ* земледѣльцевъ.

Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно.

Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Запретить произвольное наказаніе безъ суда.

Имѣя въ виду тотъ фактъ, что Безбородко подъ „расправами", учрежденными во времена Екитерины II, разумѣетъ сельскій судъ, въ которомъ засѣдали и выборные отъ крестьянъ, мы еще больше убѣждаемся, что его „Записка" цѣликомъ воспроизводитъ мысли Радищева. Что же касается продажи крѣпостныхъ крестьянъ въ рекруты, то мы знаемъ, что этотъ вопросъ былъ поднятъ авторомъ проекта объ освобожденіи земледѣльцевъ въ главѣ „Городня".

Послѣ всего сказаннаго не должно насъ удивлять, если, обращаясь къ обзору законодательной дѣятельности императора Павла Петровича, мы встрѣтимъ повсюду отраженіе идей Радищева.

Дѣйствительно, въ первые же мѣсяцы правленія Павелъ I издалъ манифестъ, отъ 5 апрѣля 1797 года, о трехъ-дневной работѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи ихъ къ работѣ въ дни воскресные [1]). Въ главѣ „Любань", мы знаемъ, помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ крестьянинъ жаловался автору, что ихъ заставляютъ работать на барина шесть дней въ недѣлю.

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXIV, № 17909. См. также Шильдеръ—„Имп. П. Перв.", стр. 192—193 и 344.

Въ именномъ указѣ, данномъ сенату, отъ 15 іюня 1799 года, содержится такое распоряженіе: „Никому изъ помѣщиковъ не имѣть, подъ названіемъ казаковъ и гусаръ, изъ числа крѣпостныхъ ихъ людей, какъ то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ противность узаконеній Нашихъ бываетъ“ [1]). Въ этихъ словахъ разумѣется запрещеніе брать крѣпостныхъ людей изъ сельскихъ хлѣбопашцевъ и обращать ихъ въ дворовые.

Въ сенатскомъ указѣ по Высочайше утвержденному докладу, отъ 19 января 1800 года, „признается за справедливо по смерти жены, наслѣдникамъ ея не возвращать приданыхъ женокъ, вышедшихъ за мужнихъ людей съ мужьями и дѣтьми ихъ и потомствомъ, но оставлять ихъ всѣхъ въ мужнемъ владѣніи, равномѣрно какъ и приданые дворовые люди и крестьяне, женившіеся на дѣвкахъ мужниныхъ и ихъ потомство останется въ жениномъ родѣ“ [2]). Мѣра эта, какъ видимъ, клонится къ тому, чтобы не раздѣлять членовъ крестьянскихъ семействъ, противъ чего особенно энергически возставалъ Радищевъ и въ своемъ „Путешествіи“, когда описывалъ продажу людей съ аукціона, и въ „Описаніи моего владѣнія“, когда указывалъ, что помѣщикъ имѣетъ право продать отдѣльно сына отъ отца, дочь отъ матери и, пожалуй, жену отъ мужа.

Имѣя цѣлью ограничить и даже совсѣмъ отмѣнить право помѣщиковъ отнимать поселянъ отъ сохи и брать ихъ къ себѣ для домашнихъ услугъ и дѣлать ихъ такимъ образомъ дворовыми, императоръ издалъ указъ 16 февраля 1797 г., запрещавшій продажу крестьянъ съ молотка безъ земли [3]). Теперь проданный однимъ бариномъ другому земледѣлецъ долженъ былъ, поэтому, остаться непремѣнно земледѣльцемъ же, т.-е. сельскимъ жителемъ, имѣющимъ опредѣленный участокъ земли для обрабатыванія; между тѣмъ раньше проданный крестьянинъ изъ сельскихъ жителей, очутившись безъ земли, легко могъ стать по желанію новаго господина дворовымъ человѣкомъ. Предъ нами и на этотъ разъ законодательный актъ, направленный къ осуществленію Радищевскаго проекта.

Въ ряду оффиціальныхъ распоряженій императора Павла Петровича встрѣчаются и указы, стремящіеся утвердить за крестьяниномъ извѣстную собственность. Такъ, 31 мая 1799 года былъ опубликованъ Высочайшій приказъ, запрещавшій взыскивать долги по обязательствамъ крѣпостныхъ людей; подобныя

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXV, № 19002.
[2]) Тамъ же, т. XXVI, № 19250.
[3]) Тамъ же, т. XXIV, № 17809.

обязательства признаются недѣйствительными даже и въ томъ случаѣ, если имѣніе послѣднихъ поступитъ къ ихъ наслѣдникамъ, получившимъ отъ господъ увольненіе [1]).

Но самымъ выдающимся актомъ законодательной дѣятельности императора Павла I-го въ видахъ предоставленія крестьянамъ права пріобрѣтать собственность, безспорно, слѣдуетъ признать указъ, отъ 21 марта 1800 года, *о дозволеніи крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства покупать землю у частныхъ владѣльцевъ и совершать купчія на имя департамента удѣловъ* [2]). Это распоряженіе уже полагаетъ начало недвижимой земельной крестьянской собственности, права на пріобрѣтеніе которой крестьяне до сихъ поръ не имѣли. Правда, въ данномъ случаѣ имѣются въ виду только крестьяне удѣльнаго вѣдомства, но отсюда недалекъ переходъ и къ тому, чтобы распространить это право и на крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Настоящій правительственный указъ опять-таки осуществляетъ мысль Радищева о необходимости предоставить крестьянамъ, занимающимся хлѣбопашествомъ, возможность пріобрѣтать землю въ наслѣдственную собственность. Мы видѣли, какъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ скорбѣлъ при горестномъ напоминаніи, что ниву селянинъ воздѣлываетъ чуждую и самъ чуждъ плодовъ рукъ своихъ.

Не оставилъ безъ вниманія императоръ Павелъ и того, что Безбородко, повторяя Радищева, называлъ „прямою вольностью поселянъ“. Сенатскій, по Высочайше утвержденному докладу, указъ, отъ 22 іюня 1799 года, устанавливаетъ точный порядокъ для производства дѣлъ о людяхъ, *ищущихъ вольности* [3]), т.-е. о крестьянахъ, желавшихъ откупиться отъ помѣщиковъ и стать вольными. Это распоряженіе имѣетъ цѣлью ускорить относящееся сюда оффиціальное дѣлопроизводство и формальности и облегчить крестьянамъ путь при исканіи свободы отъ крѣпостной барщины. Радищевъ въ своемъ проектѣ какъ разъ и предлагалъ правительству дозволить земледѣльцамъ „невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму“.

Еще раньше, въ указѣ 27 ноября 1796 года, была разрѣшена апелляція ищущимъ вольности людямъ на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ [4]). Другими словами, крестьянамъ предостав-

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXV, № 18988.
[2]) Т. XXVI, № 1933; сюда же и № 19634, отчасти и № 19400.
[3]) Т. XXV, № 19011.
[4]) Т. XXIV, № 17583; сюда же, т. XXV, № 18768.

лялось здѣсь право обжаловать постановленія тѣхъ учрежденій, которыя стали бы доказывать въ угоду помѣщикамъ, что предлагаемая послѣднимъ плата за отпускную слишкомъ недостаточна, и вообще выдумали бы стѣснять крестьянъ. Вѣроятно, подобными притѣсненіями и былъ вызванъ указъ отъ 22 іюня 1799 года.

Указъ отъ 3 декабря 1797 г. обязуетъ помѣщиковъ подпиской не дѣлать притѣсненій людямъ своимъ, ищущимъ вольности [1]. Въ дѣйствительности разнаго рода притѣсненія, повидимому, нерѣдко повторялись въ такихъ случаяхъ, такъ какъ помѣщикамъ, конечно, было непріятно, если ихъ крѣпостные крестьяне начинали мечтать о полной независимости отъ своихъ прежнихъ господъ и начинали процессы объ освобожденіи отъ рабской барщины. Именно этимъ мы и объясняемъ указъ, отъ 11 октября 1799 года, содержащій распоряженіе *оставлять помѣщичьихъ людей, ищущихъ вольности, до рѣшенія дѣла свободными* [2]. Считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь, для характеристики того, насколько измѣнилось теперь отношеніе нашего правительства къ крѣпостнымъ крестьянамъ, что указъ Екатерины II, отъ 1 сентября 1785 года, предписывалъ *оставлять людей, отыскивающихъ свободу, до рѣшенія ихъ тяжбы во владѣніи помѣщиковъ* [3].

Дѣйствительно, законодательная дѣятельность императора Павла I обнаруживаетъ съ его стороны чрезвычайно заботливое отношеніе къ помѣщичьимъ людямъ. Указъ отъ 19 марта 1797 г. говоритъ о невключеніи въ отдачу помѣщикамъ тѣхъ изъ казенныхъ крестьянъ, кои прежде состоянія о пожалованіи Высочайшаго указа подали просьбы о запискѣ въ купечество [4]. Именной указъ, данный генералъ-прокурору, отъ 5 мая 1797 г., запрещаетъ начальникамъ губерній отягощать крестьянъ ненужными работами [5]. Указъ отъ 16 іюля 1797 г. освобождаетъ поселянъ отъ сбора на содержаніе почтъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ уже устроены [6]. Сюда же относятся указы, ограждающіе крестьянъ отъ притѣсненій со стороны правительственныхъ чиновниковъ, запрещающіе отвлекать крестьянъ отъ ихъ работъ для земскихъ повинностей, о непродажѣ ихъ безъ соотвѣтствующаго зе-

---

[1]) Т. XXIV, № 18261.
[2]) Полное Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXV, № 19148.
[3]) Т. XXII, № 16252.
[4]) Т. XXIV, № 17880.
[5]) Т. XXIV, № 17956.
[6]) Т. XXIV, № 18048.

мельнаго участка и т. под. [1]). Указъ отъ 30 апрѣля 1798 г. подвергаетъ наказанію графа Девіера и дворянъ Потуловыхъ за притѣсненія, чинимыя ими крѣпостнымъ ихъ крестьянамъ (П. С. З. Росс. Имп., т. XXV, № 18511). Вообще же участливое отношеніе Павла Петровича къ крѣпостнымъ крестьянамъ находитъ себѣ подтвержденіе, помимо законодательныхъ его актовъ, и въ разнообразныхъ свидѣтельствахъ современниковъ и другихъ историческихъ матеріалахъ. Особенно характернымъ является, по нашему мнѣнію, разсказъ, помѣщенный въ воспоминаніяхъ о томъ, какъ обошелся императоръ съ помѣщикомъ Храповицкимъ. Государь проѣзжалъ чрезъ смоленскую губернію. Предварительно онъ издалъ распоряженіе, чтобъ помѣщики не утруждали своихъ барскихъ крестьянъ, заставляя ихъ чинить и оправлять мосты и дороги на томъ пути, по которому будетъ слѣдовать царскій экипажъ, такъ какъ землевладѣльцамъ дорого время и для собственныхъ работъ. Между тѣмъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужики были высланы для приведенія въ порядокъ дорогъ. Одну изъ такихъ группъ и замѣтилъ Павелъ вдали. Подъѣхавъ къ крестьянамъ, государь милостиво вступилъ съ ними въ разговоръ и узналъ, что они высланы были своимъ бариномъ для поправленія пути на случай царскаго проѣзда. Въ виду того, что императоръ держалъ себя въ разговорѣ съ ними очень просто, ободренные крестьяне стали жаловаться ему и на другія притѣсненія, какія терпятъ отъ своего господина, и конечно наговорили не мало горькихъ истинъ въ этомъ смыслѣ; принадлежали же они помѣщику Храповицкому. Государь былъ такъ сильно взволнованъ бесѣдой съ мужиками, что сказалъ, обращаясь къ сопровождавшему его великому князю Александру Павловичу: „Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго *разстрѣлять*, и напишите, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ“. Молодой Александръ оказался въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи вслѣдствіе подобнаго приказанія отца, и только находчивость графа Безбородка спасла Храповицкаго отъ неизбѣжной смерти [2]). Впрочемъ Павелъ I все-таки заставилъ послѣдняго заплатить 2.500 рублей штрафа [3]). По другимъ извѣстіямъ, государь приказалъ за производство ненужныхъ работъ крестьянами вычесть у губернатора и вице-губернатора г. Смоленска „за треть жалованье, на счетъ

[1]) Т. XXV, №№ 18352, 18529, 18706, 18814; т. XXVI, № 19558.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1868 г., стр. 1079—1080. Разсказы о старинѣ А. Хапенки.

[3]) Григоровичъ. „Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко“. Т. II, стр. 380.

коего выдано тѣмъ обывателямъ изъ собственной моей казны тысяча рублей [1]). Современникъ Руничъ, характеризуя правленіе Павла Петровича, свидѣтельствуетъ съ своей стороны, что при немъ „вообще народъ не терпѣлъ притѣсненій“ [2]).

Приведенные факты нисколько не теряютъ силы при сопоставленіи съ другими также несомнѣнными фактами, а именно, — что тотъ же императоръ щедро награждалъ казенными крестьянами всѣхъ, кто только имѣлъ случай ему угодить. Дѣло въ томъ, что Павелъ, по словамъ Саблукова, „полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами“ [3]). Незадолго до вступленія на престолъ онъ прямо говорилъ: „По моему, лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ“ [4]). Какъ ни ошибочна была такая точка зрѣнія сама по себѣ, все-же она показываетъ, что Павелъ Петровичъ руководился всегда неизмѣннымъ желаніемъ улучшить положеніе земледѣльческаго класса и облегчить участь крѣпостныхъ крестьянъ. Въ подобномъ стремленіи онъ горячо принялся за осуществленіе мыслей Радищева путемъ законодательства. До какой степени эта законодательная дѣятельность Павла I-го имѣетъ величайшую важность въ общей исторіи крѣпостного права, мы приведемъ слѣдующія слова профессора И. Д. Бѣляева, спеціально изучавшаго крестьянскій вопросъ:

„Болѣзнь крѣпостного состоянія, медленно развивавшаяся съ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, наконецъ, съ первой ревизіи быстро пошла впередъ. Первою ревизіею Петръ Великій за одинъ разъ поравнялъ крестьянъ, членовъ русскаго общества, съ полными холопами, составлявшими частную собственность своихъ господъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ Великій этою важною рѣшительною мѣрою не думалъ развивать рабство въ Россіи, а напротивъ того желалъ и бывшихъ уже рабовъ изъ безгласной частной собственности поднять въ финансовомъ отношеніи до значенія членовъ русскаго общества: онъ повелѣлъ занести въ ревизію въ одни списки и холоповъ, и крестьянъ, и обложилъ ихъ одинаковою подушною податью и рекрутскою повинностью и, такимъ образомъ, составилъ одинъ нераздѣльный классъ подат-

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Павелъ Первый“, стр. 352, сл. и примѣчанія.
[2]) „Русская Старина“ 1901 г., февраль, стр. 343.
[3]) „Русск. Архивъ“ 1869 г., стр. 1893.
[4]) „Русск. Архивъ“ 1866 г., стр. 1309.

ныхъ членовъ русскаго общества. Но эта важная мѣра, въ основаніи своемъ способная впослѣдствіи излечить русское общество отъ болѣзни развивавшагося крѣпостного состоянія, породила совсѣмъ противоположный результатъ: именно, крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, обратила въ крѣпостныхъ людей владѣльцамъ, ибо, вмѣстѣ съ занесеніемъ полныхъ холоповъ и крестьянъ по первой ревизіи въ одинъ списокъ, самый платежъ подушной подати перенесенъ былъ на помѣщиковъ, такъ какъ съ полныхъ холоповъ, по закону не имѣвшихъ собственности, и взять было нечего. Вслѣдствіе этого по второй ревизіи, при Елизаветѣ Петровнѣ, положено было правиломъ, чтобы всѣхъ вольныхъ людей, не имѣвшихъ возможности записаться въ цехъ или гильдію, записывать за кого-либо въ крѣпость единственно изъ платежа подушной подати. Такимъ образомъ, крѣпостное состояніе развилось въ огромныхъ размѣрахъ, и не ограничивалось припискою къ однимъ землевладѣльцамъ, а напротивъ, каждый дворянинъ, хотя бы вовсе не имѣлъ собственной земли, могъ имѣть крѣпостныхъ людей, только бы принималъ на себя платежъ за нихъ подушной подати. Впрочемъ и въ царствованіе Елизаветы Петровны крѣпостное состояніе было еще не въ полномъ развитіи, ибо владѣніе крѣпостными людьми и землею тогда еще условливалось службою владѣльцевъ государству, и владѣлецъ-дворянинъ, уклоняющійся отъ службы, терялъ право на владѣніе: его имѣніе отбиралось въ казну. Полное же развитіе крѣпостного права и совершенное обращеніе крестьянъ и вообще крѣпостныхъ людей въ безграничную, безгласную частную собственность послѣдовало при Петрѣ III-мъ и Екатеринѣ II-й, вслѣдствіе манифеста отъ 18-го февраля 1762 года и жалованной дворянству грамоты отъ 21-го апрѣля 1785 года, по которымъ дворяне освобождены отъ непремѣнной службы государству и съ тѣмъ вмѣстѣ получили подтвержденіе права пріобрѣтать недвижимыя населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей на правѣ полной собственности. Къ тому же нѣкоторыми указами Екатерининскаго времени крѣпостные люди поставлены были въ такую полную и безграничную зависимость отъ помѣщиковъ, что даже потеряли право приносить жалобы на владѣльческія притѣсненія: законъ какъ бы вовсе отступился отъ крѣпостныхъ людей и предоставилъ ихъ совершенному и безграничному произволу владѣльцевъ. Такимъ образомъ, болѣзнь русскаго общества, извѣстная подъ именемъ крѣпостного состоянія, начавшая развиваться съ конца XVI вѣка, достигла къ концу XVIII вѣка крайнихъ предѣловъ своего развитія, и *со времени императора Павла Пе-*

тровича начался переломъ болѣзни къ выздоровленію, переломъ со всѣми надеждами къ близкому и совершенному выздоровленію русскаго общества отъ этого отвратительнаго недуга" [1]).

Понятно при этомъ, какое высокое культурно-историческое значеніе пріобрѣтаетъ литературная дѣятельность Александра Николаевича Радищева: законодательныя распоряженія Павла I-го стремились осуществить въ жизни русскаго народа именно идеи „Путешествія изъ Петербурга въ Москву".

IV.

Съ вступленіемъ на престолъ Александра I судьба Радищева неожиданно измѣняется: изъ прежняго опальнаго ссыльнаго онъ обращается въ близкаго помощника государя по вопросу о новомъ законоположеніи и призывается къ участію въ дѣлахъ управленія. Въ первые же мѣсяцы новаго царствованія Радищевъ освобожденъ былъ отъ административнаго присмотра надъ нимъ и указомъ капитулу получилъ обратно орденъ Владиміра четвертой степени. Задавшись цѣлью пересмотрѣть русскіе законы предшествующихъ царствованій, Александръ Павловичъ назначилъ для того особую коммиссію, организовать которую поручено было графу Завадовскому, причемъ рекомендовалъ при выборѣ членовъ держаться того правила, „что не количество, *а качество людей* успѣхъ удостовѣряетъ" [2]). Но полагаясь на Завадовскаго въ выборѣ другихъ членовъ, молодой государь счелъ за необходимое непремѣнно привлечь къ участію въ этой работѣ, направленной къ установленію прочныхъ началъ для будущаго законоположенія, и А. Н. Радищева. Указъ сенату отъ 6 августа 1801 г. содержалъ слѣдующее распоряженіе: „Въ коммиссіи сочиненія законовъ всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ коллежскому совѣтнику Александру Радищеву съ жалованьемъ по тысячу пятисотъ рублей въ годъ" [3]). Подобный поступокъ императора ясно показываетъ, что ему были вполнѣ извѣстны духовныя „качества" Радищева и его взгляды. Извѣстно, какъ строго относился государь ко всѣмъ, на кого возлагалъ тѣ или другія порученія, и какъ внимательно старался изучить ихъ взгляды. Лучше всего это видно изъ письма его къ Ла-

---

[1]) Крестьяне на Руси. Москва, 1891, стр. 295—296.
[2]) Полное Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXVI, № 19904.
[3]) Сухомлиновъ, стр. 615.

гарпу о г. Капо д' Истрія. По словамъ Александра, это—„человѣкъ весьма достойный по своей честности, деликатности, по своимъ познаніямъ и либеральнымъ взглядамъ (homme très recommandable par sa probité, sa délicatesse, ses lumières et ses vues libérales). Онъ родомъ изъ Корфу, слѣдовательно республиканецъ, и *выборъ мой палъ на него именно потому, что я знаю его принципы* (et c'est la connaissance de ses principes qui me l'a fait choisir)" [1]). Очевидно такое же близкое знакомство съ идеями автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" побудило государя назначить въ коммиссію для составленія новаго законоположенія и Радищева. Вообще же говоря, Александръ Павловичъ всегда стремился привлечь къ участію въ дѣлахъ управленія литераторовъ съ тѣмъ, чтобы дать имъ средства самимъ осуществлять въ общественной жизни ихъ же взгляды. По свидѣтельству современника Вигеля, императоръ высоко цѣнилъ писателей и въ каждомъ изъ нихъ „видѣлъ искуснаго правителя, судью, котораго стоитъ поставить на истинный путь", такъ какъ отъ каждаго писателя, думалъ онъ, „болѣе чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы" [2]). Вотъ почему Державинъ былъ при немъ министромъ юстиціи; впослѣдствіи на этотъ постъ назначенъ былъ другой русскій писатель—Ив. И. Дмитріевъ. Исторіографъ Карамзинъ, представленный Александру его сестрой—великой княгиней Екатериной Павловной,—получилъ отъ него приглашеніе занять постъ министра народнаго просвѣщенія, отъ чего однако знаменитый писатель отказался [3]). Бывшій редакторъ „Собесѣдника любителей россійскаго слова", другъ и товарищъ Радищева по лейпцигскому университету, заподозрѣнный въ участіи въ книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" и несомнѣнно раздѣлявшій взгляды ея автора, извѣстный писатель Осипъ Петровичъ Козодавлевъ былъ назначенъ императоромъ Александромъ Павловичемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ (въ 1810-мъ году). Зная его образъ мыслей, государь прежде всего возложилъ на него обязанность довести до конца задуманное имъ дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости [4]). Въ лицѣ новаго министра идеи Радищева, выраженныя имъ въ его литературныхъ произведеніяхъ, получили возможность фактическаго осуществленія. Императоръ вообще старался поощрять русскихъ писателей: онъ самъ, напримѣръ, въ

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. V, стр. 44.

[2]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть III, стр. 85.

[3]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 53.

[4]) Сухомлиновъ. Исторія россійской академіи, т. VI, стр. 206—207.

личной бесѣдѣ совѣтовалъ Пнину исправить отдѣльныя мѣста въ его книгѣ: „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи", напечатанной въ 1804 г. Пнинъ былъ горячимъ поклонникомъ Радищева и рѣзко возставалъ въ своемъ „Опытѣ" противъ крѣпостного права. Насколько энергически отрицалась здѣсь крѣпостная барщина, можно судить по тому, что цензура не дозволила второе изданіе этого сочиненія на слѣдующемъ основаніи: „Еслибы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе къ предполагаемой имъ цѣли, то-есть *къ истребленію рабства въ Россіи*, то приличнѣе бы было предложить оное проектомъ правительству" [1]. Дѣло въ томъ, что указомъ 1801 года Александръ Павловичъ объявилъ, что правительство охотно наградитъ всякаго, кто предложитъ ему какой-либо полезный проектъ или изобрѣтеніе и открытіе въ области ремеслъ, промышленности, наукъ и искусствъ, и вообще представитъ полезный для государства проектъ [2]. Въ другомъ указѣ императоръ прямо объявилъ, что въ своемъ законодательствѣ онъ всегда считается съ требованіями общественнаго мнѣнія, выразителями котораго, конечно, прежде всего являлись наши писатели; государь говорилъ, напр., что дѣло законоположенія, поставленное на твердую почву, всегда составляло въ Россіи „предметъ размышленія наилучшихъ Государей и *цѣль желаній просвѣщеннѣйшей части подданныхъ*" [3].

2 апрѣля 1801 года, т.-е. черезъ три недѣли послѣ восшествія на престолъ, молодой государь издалъ манифестъ, въ которомъ говорилось: „Отягощеніе пошлинами произведеній земледѣлія унизило бы внутреннюю ихъ цѣну, и мнимый прибытокъ государственной казнѣ *обратился бы въ сущій налогъ на земледѣльца*: во отвращеніе сего повелѣли Мы сборъ пошлинъ оставить на прежнемъ его основаніи (какъ было до запрещенія внѣшней торговли), дабы избытки поселянъ поддержать въ надлежащей ихъ цѣнѣ и *чтобы земледѣлецъ за трудъ свой былъ достойно заплаченъ*" [4]. Что поселянинъ за свой трудъ не получалъ должнаго вознагражденія, такъ какъ плодъ рукъ его не принадлежалъ всецѣло ему,—это, мы видѣли, смущало и Радищева.

Въ именномъ указѣ, отъ 16 іюля 1801 года, данномъ иркут-

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 433.

[2]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXVI, № 19965.

[3]) Тамъ же, т. XXVI, № 19904.

[4]) Тамъ же, т. XXVI, № 19812.

скому военному губернатору Леццано, предписывалось: „всѣ распоряженія, клонящіяся къ отягощенію и стѣсненію крестьянъ въ свободномъ развозѣ ихъ продуктовъ, немедленно уничтожить, и *силою закона оградить ихъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны чиновниковъ, имѣющихъ напротивъ того непремѣнную обязанность доставлять имъ во всякихъ случаяхъ нужную помощь и защиту*" [1]).

Указомъ 12 декабря 1801 г. государь „предоставляетъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и *казеннымъ поселянамъ*, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, *равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли* отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя пріобрѣтенія за собою совершеніемъ купчихъ каждому отъ своего имени въ учрежденныхъ на то мѣстахъ законнымъ порядкомъ, *собственность* ихъ нерушимо ограждающимъ" [2]).

Какъ видимъ, правительство приступаетъ теперь къ практическому осуществленію второго главнаго положенія въ проектѣ Радищева: разрѣшаетъ крестьянамъ пріобрѣтеніе недвижимой земельной собственности, хотя право это все еще не распростирается на крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ шагъ остается небольшой. Стремленіе государя утвердить окончательно за крестьянами право имѣть наслѣдственную собственность сказывается и въ указѣ 6 мая 1802 года: „23-ю статью жалованной 21 апрѣля 1785 года Дворянству грамоты, въ которой постановлено: „благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдается законному его наслѣднику или наслѣдникамъ"; *распространить и на состояніе* купеческое, мѣщанское и *земледѣльческое* во всей силѣ оной" [3]).

Забота правительства о крестьянахъ ясно выступаетъ и въ такихъ указахъ, какъ распоряженіе отъ 4 апрѣля 1802 года, гдѣ содержится приказаніе заключить маіора Орлова за безчеловѣчное обращеніе съ крѣпостными его крестьянами на десять лѣтъ для покаянія въ Санаксарскую пустынь, а имѣніе поручить Дворянской Опекѣ, чтобъ эта послѣдняя, „управляя имъ на основаніи правилъ, въ Учрежденіи о Губерніяхъ предписанныхъ, *старалась наипаче поправить изнуренное состояніе крестьянъ*" [4]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXVI, № 19943.

[2]) Тамъ же, т. XXVI, № 20075.

[3]) Тамъ же, т. XXVII, № 20256.

[4]) Тамъ же, т. XXVII, № 20217.

Опасаясь сразу отмѣнить крѣпостное право, правительство стремилось достигнуть этого исподволь, и обратило главное вниманіе на окраины имперіи. Предписаніе коммиссіи для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ прямо имѣетъ цѣлью ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами [1]). Здѣсь уже несомнѣнно сказывается намѣреніе государя положить начало общему освобожденію крестьянъ отъ барщины. То же самое повторяется и въ „Положеніи для поселянъ Лифляндской губерніи" и въ „Инструкціи Ревизіоннымъ Коммиссіямъ, отъ 20 февраля 1804 года" [2]), гдѣ между прочимъ говорилось: императоръ Павелъ I-й „двумя Высочайшими указами, данными Лифляндскому Генералъ-Губернатору Нагелю повелѣть соизволилъ, строжайше запретить всякія требованія съ крестьянъ (со стороны тамошняго дворянства), несогласныя съ вакенбухомъ, подъ опасеніемъ отдачи имѣнія въ опеку, подтверля притомъ Лифляндскому дворянству о постановленіи твердыхъ правилъ хозяйственнаго порядка"; такой же порядокъ вещей, только съ еще бо̀льшими выгодами для крестьянъ, водворяется и Александромъ. Въ силу этихъ принциповъ общая тенденція постановленій настоящей коммиссіи сводится къ тому, чтобы оградить крѣпостныхъ людей отъ всякаго произвола господъ и точно опредѣлить ихъ взаимныя обязательства.

Въ указѣ отъ 4 октября 1803 г. государь говоритъ: „До свѣдѣнія Нашего доходитъ, что крѣпостные люди за казенныя и частныя съ помѣщиковъ ихъ взысканія отдаются судебными мѣстами въ работу и получаемыя за то деньги обращаются въ удовлетвореніе долговъ, на помѣщикахъ состоящихъ. Таковыя опредѣленія судебныхъ мѣстъ иаходя *крайне несправедливыми*, повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать распоряженіе, чтобы ни за чью вину не наказывался другой" [3]).

Въ именномъ указѣ отъ 14 іюля 1808 г. содержится запрещеніе продавать крѣпостныхъ людей безъ земли и съ разлученіемъ отъ семействъ. Поводомъ для настоящаго распоряженія послужило дѣло, разсматривавшееся въ рязанской палатѣ уголовнаго суда, „о проданныхъ подпоручикомъ Гололобовымъ, по довѣренностямъ помѣщика Головина и жены его, на Урюпинской ярманкѣ крѣпостныхъ своихъ людяхъ *безъ земли и съ разлученіемъ нѣкоторыхъ отъ ихъ семействъ*" [4]). Здѣсь, такимъ

[1]) Полн. Собр. Зак. Р. И., т. XXVII, № 20276.
[2]) Т. XXVIII, № 21162.
[3]) Т. XXVII, № 20966. Разъясненіе см. въ № 21012.
[4]) Т. XXX, № 23157.

образомъ, нашла для себя окончательное осуществленіе извѣстная мысль Радищева, который горячо возмущался именно такой безчеловѣчной продажей людей, когда отецъ разлучался съ дѣтьми, мужъ съ женой и т. д.

Мы могли бы привести множество указаній изъ правительственныхъ распоряженій Александра I для характеристики его законодательной дѣятельности по крѣпостному вопросу, но и представленныхъ достаточно, чтобы видѣть, какъ *постепенно* подготовлялъ государь полное уничтоженіе барщины, несомнѣнно руководствуясь въ общихъ мѣропріятіяхъ въ этой области тѣми соображеніями, какія были предложены Радищевымъ въ его проектѣ къ *постепенному* освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи. Павелъ Петровичъ сдѣлалъ уже первый шагъ къ тому, запретивъ обращать сельскихъ крестьянъ въ дворовыхъ людей, и приступилъ къ осуществленію второго положенія, когда разрѣшилъ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства пріобрѣтать земельную собственность. Александръ Павловичъ, подтверждая непродажу крѣпостныхъ людей безъ земли и запрещая тѣмъ самымъ самопроизвольный переводъ сельскихъ крестьянъ въ дворовые, главнымъ образомъ останавливается на вопросѣ о крестьянской собственности. Предоставленіе земледѣльцамъ права собственности было указано Радищевымъ, какъ второй актъ на пути къ освобожденію ихъ отъ крѣпостной барщины. Совершенно такъ же понималъ дѣло и послѣдователь Радищева—Пнинъ, книгу котораго провѣрялъ самъ императоръ Александръ I. Въ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“ авторъ именно подчеркивалъ необходимость предоставить крестьянамъ право пріобрѣтать собственность, утверждаемую закономъ. „Собственность,— говорилъ Пнинъ,—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. *Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи*: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ“ [1]). По мысли Пнина, такимъ образомъ, дарованіе земледѣльцу правъ на пріобрѣтеніе собственности есть несомнѣнный признакъ, что правительство стремилось освободить крестьянъ отъ крѣпостного рабства, такъ какъ одно безъ другого, по существу дѣла, немыслимо.

Положенное Павломъ I начало развито было Александромъ Павловичемъ. Послѣдній позволилъ пріобрѣтать землю въ соб-

---

[1]) Сухомлиновъ. Изсл. и статьи, т. I, стр. 431.

ственность не только крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства, но и крестьянамъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, равно какъ и отпущеннымъ на свободу помѣщичьимъ людямъ. Мы видимъ здѣсь ту же строгую постепенность, какая была предложена Радищевымъ.

Но сами по себѣ законодательныя распоряженія императора Александра I еще не вполнѣ ясно выдаютъ содержащуюся въ нихъ руководящую мысль русскаго правительства, благодаря своеобразнымъ особенностямъ принятой въ то время оффиціальной терминологіи. Требуется извѣстное ознакомленіе и съ интимной, закулисной стороной этихъ указовъ, чтобы съ достаточной отчетливостью видѣть, насколько оказывались они орудіемъ проведенія въ общественную жизнь идей Радищева. Въ данномъ случаѣ особенную важность получаютъ протоколы засѣданій государственнаго совѣта. Дѣло въ томъ, что всякій оффиціальный указъ вносился въ то время предварительно на обсужденіе членовъ государственнаго совѣта и подвергался здѣсь всестороннему разсмотрѣнію, при чемъ нерѣдко сопровождался дебатами, особыми мнѣніями, докладными записками и т. д. Обзоръ подобныхъ „мнѣній" съ подробной мотивировкой положеній pro и contra не только вводитъ насъ въ кругъ основныхъ понятій, какія имѣло тогда наше правительство по крестьянскому вопросу, но и убѣждаетъ весьма часто, что спорящія стороны, аргументируя свои мысли, воспроизводили лишь взгляды и доказательства нашихъ писателей по тѣмъ же вопросамъ. Дѣйствительно, обращаясь къ протоколамъ государственнаго совѣта, легко убѣдиться, что всѣ оффиціальные указы того времени, воспрещавшіе продажу людей „безъ земли", имѣли въ виду единственно мысль Радищева, поставленную имъ во главѣ проекта о всеобщемъ освобожденіи земледѣльцевъ въ Россіи,—лишить помѣщиковъ права самопроизвольно отнимать крестьянъ отъ сохи и дѣлать ихъ дворовыми. По крайней мѣрѣ члены совѣта прямо заявляли, что, запрещая продажу крѣпостныхъ людей „безъ земли", правительство стремилось добиться того, чтобы крестьяне, поступая послѣ продажи къ новому помѣщику, *дѣйствительно переселяемы были на землю для хлѣбопашества, а не были бы обращаемы въ дворовые люди*" [1]).

Всматриваясь ближе въ „мнѣнія" государственнаго совѣта по вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ, приходится вывести заключеніе, что наиболѣе обстоятельные и обоснованные доклады въ этомъ смыслѣ принадлежали графу А. Воронцову. Его пред-

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. III, часть I, стр. 772.

ложенія, какъ оказывается, въ большинствѣ случаевъ, принимались всѣми членами совѣта и, получивъ Высочайшее утвержденіе, появлялись потомъ въ видѣ оффиціальныхъ правительственныхъ указовъ. Это былъ тотъ самый графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, который такъ горячо принялъ къ сердцу бѣдственное положеніе Радищева, его друга и сослуживца въ коммерцъ-коллегіи, когда опальнаго автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" сослали въ Илимскій Острогъ [1]). Просвѣщенный графъ сообразовался въ своихъ докладахъ съ мнѣніями лучшихъ русскихъ писателей, и потому неудивительно, что мы встрѣчаемъ здѣсь и воспроизведеніе взглядовъ Александра Николаевича Радищева. Вотъ одно изъ его мнѣній:

„Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ прекращеніе продажи людей безъ земли не основано было на самыхъ человѣческихъ правилахъ, искореняя всѣ жестокости, которыя отъ сихъ продажъ нерѣдко происходили. Не менѣе не признать нельзя, что и съ просвѣщеніемъ, которое болѣе и болѣе умножилось въ послѣднемъ столѣтіи, несообразнымъ казаться могло, *что человѣкъ другого и по натурѣ ему равнаго, продавать могъ, такъ какъ лошадь или барана.* Сей обычай или право, конечно несходственный съ правомъ натуральнымъ, покрытъ вѣками, такъ какъ и другія злоупотребленія власти, до коихъ не всегда однакоже удобно и дотрогиваться. Зашевелить ихъ легко; но слѣдствія ихъ не всегда предвидимы, и часто, чтобъ неминуемыя отъ того движенія остановить, бываетъ не въ силахъ тѣхъ самыхъ, кои то начали, развѣ употребляя крайнія средства, отъ которыхъ сколько можно убѣгать должно.

„Въ прошломъ 1801 г., когда о непродажѣ людей безъ земли проектировано было въ Совѣтѣ, всѣ члены онаго, находя сію мѣру саму по себѣ на человѣческомъ благѣ основанною, остановились приступить къ оной (кромѣ одного) по уваженію неудобностей, кои отъ сего произойти могутъ, особливо при началѣ царствованія, какъ о томъ обстоятельно все описано въ протоколѣ 6 мая 1801 года.

„Возобновленіе сего вопроса показываетъ конечно удостовѣреніе, что теперь приспѣло уже то время, въ которое къ сей мѣрѣ приступить можно. И когда господа присутствующіе въ Совѣтѣ о сей истинѣ удостовѣрены, то и я съ своей стороны тѣмъ охотнѣе на оную соглашуся, что въ сердцѣ своемъ всегда

[1]) Якушкинъ. „Судъ надъ русскимъ писателемъ". „Русск. Старина" 1882 г., сентябрь, стр. 514 и слѣд.

имѣлъ я сіи правила, но не давалъ имъ полнаго движенія, единственно изъ опасенія неудобностей, кои легко отъ того произойти могли.

„Запрещеніе продавать людей безъ земли и дѣлать изъ нихъ торгъ, достойно, не менѣе и свойственно, великодушія нынѣ царствующаго Императора и кротости его правленія: но въ семъ случаѣ такъ бы уже всю сію мѣру установить, чтобъ на дѣлѣ упреждала она всѣ злоупотребленія, кои въ теченіе времени по сей части водворились, и которыя столь же вредны и несообразны съ правилами человѣчества, какъ и самая продажа людей.

„1) Чтобъ отмѣнить указъ о дозволеніи къ фабрикамъ и заводамъ покупать людей иначе, какъ развѣ съ землею, то есть деревнями.

„2) Чтобъ воспрещено было купцамъ подъ чужимъ именемъ покупать деревни, означа штрафъ или наказаніе, которому подвергаются тѣ, кои законъ сей преступятъ. *Да и вообще надобно бы учинить преграду, чтобъ купцы не входили въ права дворянскія посредствомъ чиновъ,* которыхъ они и желаютъ единственно для пріобрѣтенія права покупать деревни, а ими управлять по большей части они не умѣютъ, да и крестьяне, какъ то и примѣры есть, весьма огорчаются, когда они чрезъ продажу купцамъ достаются. Отъ податливости, съ какою купцы сіе право, посредствомъ всякихъ злоупотребленій, въ послѣднія двадцать лѣтъ получили, выходила еще и та неудобность, что *большіе капиталы изъ торговаго обращенія вышли, а города, въ коихъ сіи капиталисты находились, лишились лучшихъ и полезныхъ себѣ согражданъ. Дворянство, по моему мнѣнію, должно пріобрѣтаться не богатствомъ, а прямыми заслугами, оказанными отечеству.*

„3) Чтобъ *пресѣчь поносное средство продажи людей въ рекруты, употребляемое уже нѣсколько лѣтъ въ видѣ отпуска людей на волю, потомъ будутъ по собственному ихъ желанію приписанія къ казеннымъ деревнямъ, за которыя они тотчасъ и поступаютъ въ рекруты.* Условіе безчеловѣчнаго помѣщика, продающаго человѣка своего на дѣлѣ въ рекруты, подъ прикрытіемъ отпуска на волю, не можетъ сокрыто быть отъ присутственныхъ мѣстъ, помогающихъ въ семъ торгѣ людей. *Оный производится слѣдующимъ образомъ: помѣщикъ, условясь съ казеннымъ селеніемъ или частно съ кѣмъ изъ казенныхъ поселянъ, который за себя рекрута ставитъ, получа за него деньги, даетъ человѣку своему отпускную по формѣ, которая даже и въ руки мнимоосвобожденнаго не отдается, а отъ имени сего*

несчастнаго сочиняется просьба, что онъ къ такому-то казенному селенію приписаться желаетъ, по которой его и причисляютъ. Между тѣмъ и просьба уже отъ того селенія подается, что они принятаго ими въ общество отдаютъ за себя въ рекруты. Всѣ сіи обстоятельства скрыты отъ несчастной жертвы, корыстолюбію посвященной, и сей безотвѣтный тогда только свѣдаетъ о своемъ жребіи, когда ему формально лобъ выбрѣютъ. Излишне здѣсь распространяться, что сей зловредный промыселъ и существовать не могъ бы, еслибъ не находилъ помощи въ самыхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, кои по обязанности своей должны бы въ виду имѣть исполненіе законовъ, а не помогать частнымъ изворотамъ въ противность оныхъ. Для истребленія сего зла нужно узаконить, что всякій отпущенный на волю долженъ самъ лично свою отпускную въ присутственное мѣсто явить; потомъ, когда пожелаетъ къ казенному какому селенію приписаться, о семъ подать самъ письменно просьбу, послѣ чего и слѣдуетъ повелѣніе о причисленіи его къ оному, и въ теченіе перваго года, по его перечисленіи, въ рекруты не принимать, а развѣ на слѣдующій годъ, буде очередь за то самое селеніе, къ коему онъ приписался, въ отдачу назначенъ будетъ. Симъ средствомъ, кажется, упредится постыдный промыселъ рекрутской продажи, болѣе неудобной и болѣе содрагающей человѣчество, нежели самая продажа людей безъ земли.

„4) Какъ цѣлію всякаго благонамѣреннаго и кроткаго правленія должно быть, сколь можно, облегченіе человѣчества, и потому и сколько можно сближеніе онаго къ свободѣ и умноженіе числа людей, составляющихъ средній родъ, мѣщанами называемыхъ и вообще сказать tiers-état, достиженіе чего должно быть безъ переломовъ и крутостей, а при томъ и безъ нарушенія собственности и обычаевъ коренныхъ, кои предметы всегда должны входить въ уваженіе кроткаго и на правилахъ умѣренности дѣла свои основывающаго правленія: то къ поощренію размноженія сего рода людей надобно, чтобъ и отъ стороны правительства нѣкоторыя были сдѣланы пожертвованія. Въ каковомъ предположеніи считаю я неизмѣнимымъ постановленіе, чтобъ помѣщики, которые людей отпускаютъ на волю съ самаго того времени, какъ отпускная явлена, освобождены были отъ платежа подушныхъ и прочихъ податей и рекрутскихъ за человѣка ими отпущеннаго, котораго и слѣдуетъ уже выключить изъ ревизіи того селенія, въ коемъ онъ написанъ былъ за помѣщикомъ, не дожидаясь для сего общей ревизіи по государству. Казна тутъ на дѣлѣ мало потеряетъ, ибо сей отпущенный на свободу обя-

занъ закономъ избрать родъ жизни и состояніе ему свойственное, то есть записаться въ купцы, мѣщане или казенные поселяне; слѣдовательно, по одному изъ сихъ состояній и будетъ платить подать...

„5) Продажу права на владѣніе крестьянъ для своза съ одной земли и поселенія на другую дозволить можно, но съ соблюденіемъ той осторожности, *чтобъ сіи крестьяне дѣйствительно переселены были на землю для хлѣбопашества, а не обращены въ дворовыхъ людей; ибо тогда была бы продажа людей безъ земли.* На сіе нужны будутъ удостовѣрительныя свидѣтельства земскихъ начальствъ, что сіи переселенцы дѣйствительно поселены на землю, для нихъ новымъ помѣщикомъ предуготовленную".

Подписано: „Г. А. Воронцовъ. Въ С.-Петербургѣ, марта 3-го дня 1802 года" [1]).

Мы воспроизвели здѣсь цѣликомъ мнѣніе гр. Воронцова именно потому, что оно является дѣйствительно характернымъ для опредѣленія тѣсной внутренней связи между литературными идеями нашихъ писателей съ одной стороны и правительственными законодательными актами—съ другой. Оказывается, что настоящій докладъ, представленный членамъ государственнаго совѣта, въ главныхъ частяхъ своихъ, цѣликомъ повторяетъ мысли кн. М. М. Щербатова и А. Н. Радищева. Въ самомъ дѣлѣ, въ статьѣ „Размышленія о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и въ офицеры" [2]) кн. Щербатовъ какъ-разъ и доказывалъ ту же самую мысль, которую мы находимъ въ мнѣніи гр. Воронцова, а именно: купцы не должны получать дворянскаго достоинства, такъ какъ дворянство дается лишь за оказанныя отечеству важныя заслуги; въ качествѣ доказательства Щербатовъ приводитъ, между прочимъ, и тотъ аргументъ, повторенный Воронцовымъ, что, благодаря выходу купцовъ въ дворяне, много крупныхъ капиталовъ выбываетъ изъ торговаго обращенія, и россійская торговля терпитъ отъ этого несомнѣнный ущербъ. Разсужденія Воронцова о томъ, какъ постыдно унижается „человѣчество", когда помѣщикъ продаетъ равнаго ему по натурѣ крѣпостного крестьянина „такъ какъ лошадь или барана", близко напоминаютъ мысли о томъ и кн. Щербатова, который также возмущался, что нѣкоторые помѣщики „равноестественныхъ намъ

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. III, ч. I, стр. 778—782.

[2]) Сочиненія князя М. М. Щербатова. Спб. 1896, т. I, стр. 619 и слѣд.

сравниваютъ съ скотами“ и „равно какъ скотину продаютъ ихъ другому“ [1]).

Еще очевиднѣе связь „мнѣнія“ гр. Александра Романовича Воронцова съ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. Обстоятельное описаніе злоупотребленій при отдачѣ крѣпостныхъ людей въ рекруты подъ видомъ отпущенія на волю со стороны помѣщика, который между тѣмъ въ дѣйствительности продаетъ ихъ казеннымъ крестьянамъ для поставки за нихъ въ рекруты, цѣликомъ воспроизводитъ слова Радищева о томъ же въ главѣ „Городня“. Мы знаемъ, что послѣдній разсказываетъ здѣсь о встрѣчѣ съ тремя крестьянами, закованными въ цѣпи; „они принадлежали одному помѣщику, которому занадобились деньги на новую карету, и для того *продалъ онъ ихъ для отдачи въ рекруты казеннымъ крестьянамъ*“ за тысячу рублей [2]). Къ какимъ средствамъ обращаются въ такихъ случаяхъ торгующіяся стороны и какъ улаживаютъ дѣла—все это крестьяне описываютъ Радищеву совершенно тѣми же чертами, какими изображается оно и въ мнѣніи гр. Воронцова. Что докладъ графа, касаясь даннаго вопроса, повторяетъ мысли „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, — видно и изъ того, что слогъ Воронцова въ этомъ случаѣ неожиданно принимаетъ оттѣнокъ напыщеннаго сентиментализма, какимъ отличается и рѣчь Радищева. Впрочемъ, подобное положеніе вещей нисколько неудивительно: въ то время, когда Воронцовъ представлялъ свой докладъ въ государственный совѣтъ (3 марта 1802 г.), Радищевъ изъ прежняго опальнаго писателя превратился уже въ ближайшаго сотрудника новаго императора, а идеи его по крѣпостному вопросу сдѣлались во всѣхъ отношеніяхъ модными и раздѣлялись самимъ правительствомъ; гр. Воронцовъ безъ всякой боязни могъ поэтому воспроизводить въ своихъ „мнѣніяхъ“ взгляды стараго друга.

Слова графа о томъ, чтобы крестьяне, перепродаваемые помѣщиками другъ другу, „переселены были на земли для хлѣбопашества, а *не обратно въ дворовыхъ людей*, ибо тогда была бы продажа людей безъ земли“, уже разсмотрѣны нами въ другомъ мѣстѣ, и связь ихъ съ проектомъ Радищева о постепенномъ освобожденіи земледѣльцевъ въ Россіи достаточно установлена.

Любопытно отмѣтить, что докладъ Воронцова былъ принятъ во всемъ объемѣ государственнымъ совѣтомъ; „всѣ члены Со-

[1]) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. I, стр. 115—116. Предложеніе, поданное 15 окт. 1767 г. на голосъ депутата Елецкой провинціи.

[2]) „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву“. London 1858, стр. 298.

вѣта съ мнѣніемъ симъ въ основаніяхъ его согласились", говорится въ протоколѣ отъ 3 марта 1802 г. [1]); только Завадовскій и гр. Румянцевъ внесли съ своей стороны нѣкоторыя разъясненія по вопросу о томъ, чтобы купцы не входили въ дворянское сословіе.

Взгляды гр. Воронцова, принятые совѣтомъ, утверждены были государемъ, и такимъ образомъ докладъ его, воспроизводившій сужденія кн. Щербатова и Радищева, получилъ верховную законодательную санкцію. Въ правительственныхъ указахъ удержано и мнѣніе его о купцахъ, которымъ графъ рекомендовалъ не давать права покупать крестьянъ, хотя бы эти купцы и вошли въ дворянское сословіе. Подобный взглядъ прочно установился потомъ въ правительственныхъ сферахъ, и разсматриваемое нами „мнѣніе" Воронцова, какъ оказывается, на весьма продолжительное время опредѣлило собой общее направленіе нашего законодательства. По крайней мѣрѣ, спустя семь лѣтъ, когда въ 1809 г. снова былъ поднятъ вопросъ о правилахъ, кои могутъ быть приняты въ основаніе къ положенію о крестьянахъ, покупаемыхъ купечествомъ, чины получившимъ,—государственный совѣтъ, въ засѣданіи 14 іюня, „по выслушаніи сего дѣла, соображалъ положеніе онаго съ изданными уже по сему предмету Высочайшими узаконеніями, какъ-то съ указомъ 1804 г. отъ 23 октября, въ коемъ сказано, чтобы *Всемилостивѣйше пожалованнымъ изъ купцовъ въ классные чины деревень не покупать и такого дворянства, какое въ табели о рангахъ изображено, не имѣть*" [2]).

Но идеи Радищева о крѣпостной барщинѣ оказывали глубокое воздѣйствіе на русскихъ людей и сами по себѣ: общество сознало теперь преступную беззаконность этого института и само пошло на встрѣчу правительственнымъ начинаніямъ. Въ результатѣ возникло массовое движеніе въ средѣ самихъ помѣщиковъ, отпускавшихъ добровольно своихъ крѣпостныхъ людей въ свободные хлѣбопашцы. Рядъ относящихся къ этому времени правительственныхъ указовъ уже устанавливаетъ точныя правила, которыя должны имѣть силу при освобожденіи крестьянъ *самими помѣщиками*. Ясно, что подобные случаи далеко не были единичными явленіями, разъ для того нужно было вырабатывать особыя правила.

Указъ отъ 20 февраля 1803 г. говоритъ объ отпущеніи по-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 773.

[2]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 740.

мѣщиками крестьянъ своихъ на волю по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ [1]); на слѣдующій день были Высочайше утверждены и *правила*, постановленныя въ руководствѣ министру внутреннихъ дѣлъ при разсматриваніи условій между помѣщиками и крестьянами [2]). Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство: графъ Сергѣй Румянцевъ пожелалъ отпустить часть крестьянъ своихъ на волю и надѣлить ихъ при этомъ землею; государь одобряетъ такой великодушный поступокъ и даетъ рядъ предписаній, какъ вообще слѣдуетъ поступать, еслибы помѣщики стали такъ же отпускать крестьянъ на волю „по одиначкѣ или и *цѣлымъ селеніемъ*“. Правительство стремится создать изъ этихъ поселянъ особый классъ—„свободныхъ хлѣбопашцевъ“ [3]).

Указъ отъ 27 августа 1804 г., данный орловскому гражданскому губернатору, причисляетъ къ свободнымъ хлѣбопашцамъ крестьянъ, отданныхъ помѣщикомъ Протасовымъ въ пользу орловскаго приказа общественнаго призрѣнія [4]).

Именной указъ, отъ 22 ноября 1804 г., данный владимірскому гражданскому губернатору, содержитъ распоряженіе относительно крестьянъ, уволенныхъ въ свободные хлѣбопашцы помѣщицей Балакиревой [5]).

Указъ, отъ 25 ноября 1804 г., данный воронежскому гражданскому губернатору, содержитъ распоряженіе о крестьянахъ, уволенныхъ княземъ Куракинымъ [6]). 17 декабря 1806 г., государственный совѣтъ „уважилъ“ прошеніе кн. А. Куракина о дарованіи вѣчной свободы крестьянамъ его въ числѣ 1.372-хъ душъ въ селѣ Надеждинѣ саратовской губерніи. По условію, эти вольные хлѣбопашцы должны были въ теченіе сорока лѣтъ взносить двадцать тысячъ рублей на богоугодныя заведенія, какія предполагалъ князь для своихъ крестьянъ; по истеченіи сорока лѣтъ, они обязывались вѣчно платить на тотъ же предметъ по три рубля съ души [7]).

Въ Высочайше утвержденномъ положеніи государственнаго совѣта, отъ 19 декабря 1804 г., говорилось: „Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ записку *по двумъ прошеніямъ*, на раз-

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXVII, № 20620.
[2]) Т. XXVII, № 20625.
[3]) Т. XXVII, № 20620, § 4 и слѣд.
[4]) Т. XXVIII, № 21434.
[5]) Полн. Собр. Зак., т. XXVIII, № 21525.
[6]) Т. XXVIII, № 21531.
[7]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 806.

смотрѣніе его вошедшимъ, въ коихъ помѣщики испрашиваютъ дозволенія крѣпостныхъ ихъ людей изъ родового ихъ имѣнія отпустить въ свободные хлѣбопашцы по смерти ихъ съ тѣмъ, чтобъ въ продолженіе ихъ жизни были они по прежнему имъ крѣпкими" [1]).

Вологодская помѣщица Аникіева отпустила своихъ крестьянъ на волю; но прежде чѣмъ дѣло было оформлено, она умерла. Это дало поводъ къ указу: „условія таковыя объ увольненіи крестьянъ въ свободные земледѣльцы, по волѣ ихъ помѣщиковъ на мѣстѣ заключенныя и положенными свидѣтельствами удостовѣренныя, за смертью тѣхъ владѣльцевъ, *не пресѣкать въ ихъ дѣйствіи*, но проводить къ дальнѣйшему исполненію установленнымъ порядкомъ" [2]).

27 февраля 1808 г. еще разъ утвержденъ точный порядокъ по дѣламъ крестьянъ, ищущихъ вольности [3]).

Указъ отъ 3 марта 1808 г. назначаетъ срокъ крестьянамъ херсонской губерніи на подачу просьбъ объ отысканіи свободы отъ помѣщиковъ [4]).

Слѣдуетъ отмѣтить и поступокъ малоярославскаго помѣщика, отставного маіора Львова, который внесъ въ калужскій приказъ общественнаго призрѣнія капиталъ, съ тѣмъ чтобы четыре процента съ него шли „на уплату подушной повинности и сбора на содержаніе уѣздныхъ земскихъ судовъ за крестьянъ его, въ селеніяхъ Дѣтчинѣ и Кульневѣ живущихъ" (Полн. Собр. Зак., т. 29, № 22056). Въ прошеніи обозначено 169 душъ крестьянъ (Арх. Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, 798—99).

Завѣщаніе помѣщика Нагурскаго о крестьянахъ его въ литовской-виленской губерніи, отпущенныхъ имъ на волю, дало поводъ къ указу 14 декабря 1807 г. „о поступаніи *при увольненіи крестьянъ цѣлыми селеніями на волю*" (П. С. З. Р. И., т. XXIX, № 22714). Дѣло Нагурскаго разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ 9 сентября 1807 г.; завѣщаніе было составлено еще въ 1800 году, когда онъ „сдѣлалъ постановленіе объ увольненіи крестьянъ своихъ и дворовыхъ людей съ домами и движимымъ имѣніемъ вѣчно отъ крѣпости съ тѣмъ, чтобы они по жизнь его, оставаясь въ своихъ селеніяхъ, состояли у него въ совершенномъ послушаніи, а по смерти его были бы обязаны наслѣдникамъ его тѣмъ единственно, чего въ предупрежде-

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXVIII, № 21562.
[2]) Т. XXVIII, № 21933.
[3]) Т. XXX, № 22840.
[4]) Т. XXX, № 22362.

ніе безпорядка и непристойности требовать будутъ Высочайшіе указы" [1]).

По поводу недоразумѣній однодворки курской губерніи Шехавцевой, желавшей отпустить своихъ крѣпостныхъ людей на волю, послѣдовала отмѣна указа 25 января 1794 г. и было разрѣшено однодворцамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю [2]).

По поводу отпущенныхъ лично на волю безъ земли крестьянъ помѣщицы Бѣляевой въ вологодской губерніи и отпущенныхъ съ землей крестьянъ прапорщика Никулина въ воронежской губерніи, указъ отъ 9 ноября 1809 года разрѣшаетъ всѣмъ такимъ вольноотпущеннымъ записываться въ свободные хлѣбопашцы [3]).

Указъ отъ 22 сентября 1811 г. предписываетъ, чтобы люди, отпущенные на волю по изданіи манифеста о ревизіи, были показаны помѣщиками въ сказкахъ для освобожденія послѣднихъ отъ платежа подушныхъ податей [4]).

Указомъ отъ 30 іюня 1813 г. еще разъ были установлены правила для увольненія помѣщиками крѣпостныхъ ихъ людей, очевидно по той причинѣ, что подобное явленіе все больше и больше стало повторяться въ русскомъ обществѣ [5]).

Общее направленіе правительственныхъ распоряженій этого времени клонится явно къ тому, чтобы предоставить крѣпостнымъ крестьянамъ всѣ средства освобождаться изъ-подъ власти помѣщиковъ, а потому всѣ тяжбы такого рода обыкновенно оканчиваются теперь въ пользу крестьянъ: 1803 г. 9 марта государственный совѣтъ нашелъ возможнымъ, напр., причислить всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, зашедшихъ въ астраханскую губернію, къ разряду казенныхъ поселянъ [6]). По дѣлу помѣщицы Безобразовой съ малороссійскими ея крестьянами о крѣпостной зависимости въ 1803 г. „общее собраніе временныхъ департаментовъ, за исключеніемъ сенатора Саблукова, единогласно присудило имъ быть свободными" [7]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда притязанія крѣпостныхъ крестьянъ освободиться отъ помѣщичьей власти встрѣчали для себя нѣкоторое препятствіе въ законахъ, правительство готово было перекупить поселянъ и такимъ образомъ удовлетворить и крестьянъ, и ихъ владѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, по по-

---

[1]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 814.
[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXX, № 23656.
[3]) Т. XXX, № 23964.
[4]) Т. XXXI, № 24788.
[5]) Т. XXXII, № 25409.
[6]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 788.
[7]) Тамъ же, III, ч. I, стр. 788—789.

воду тяжбы отпущенныхъ помѣщицей Аникіевой крестьянъ съ ея наслѣдниками, желавшими удержать ихъ въ своей власти, когда вопросъ этотъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе членовъ государственнаго совѣта, графъ Румянцевъ, въ виду нѣкоторыхъ препятствій рѣшить дѣло въ пользу крестьянъ, предложилъ съ своей стороны, въ засѣданіи 14 августа 1805 года, такое мнѣніе: „Не благоугодно ли будетъ Государю Императору, прельстивъ наслѣдниковъ высокою цѣною, купить ихъ въ казну?“ (Архивъ Гос. Сов., т. III, ч. I, стр. 796).

Приверженцы взглядовъ Радищева оказывались не въ одномъ только государственномъ совѣтѣ, но и въ правительствующемъ сенатѣ. Изъ числа членовъ сенатской корпораціи особенно энергичнымъ поборникомъ освобожденія земледѣльцевъ отъ крѣпостной барщины являлся Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. Недаромъ впослѣдствіи Александръ I, зная его убѣжденія, предоставилъ ему постъ министра внутреннихъ дѣлъ и поручилъ осуществить проектъ объ освобожденіи крестьянъ. Неудивительно поэтому, что Козодавлевъ, защищая интересы поселянъ въ тяжбахъ ихъ съ помѣщиками, нерѣдко одинъ возставалъ противъ общаго рѣшенія сената. Такъ, когда возникло дѣло по жалобѣ старообрядцевъ, поселившихся на помѣщичьихъ земляхъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, Козодавлевъ высказался, въ противовѣсъ остальнымъ членамъ сената, въ томъ смыслѣ, что изъ этихъ земледѣльцевъ необходимо выдѣлить двѣ группы: одни поселились на земляхъ владѣльцевъ, заключивъ съ ними договоръ, другіе — безъ всякихъ условій; нельзя, поэтому, всѣхъ ихъ одинаково оставить во власти помѣщиковъ, какъ постановилъ сенатъ въ 1805 году; справедливость требуетъ, чтобы „поселившихся на условіяхъ,—писалъ Козодавлевъ,—причислить къ званію *свободныхъ хлѣбопашцевъ*, давъ имъ право жить на земляхъ помѣщичьихъ или казенныхъ, по договорамъ; а прочихъ..., яко добровольно вошедшихъ въ званіе крестьянъ“, оставить крѣпкими ихъ владѣльцамъ, однако „опредѣливъ особенными правилами точныя ихъ обязанности къ помѣщикамъ на будущее время“ [1]).

Какъ видимъ, мысль государя образовать въ Россіи новый классъ населенія—свободныхъ хлѣбопашцевъ—находила для себя сочувствіе и въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Всякія заявленія помѣщиковъ о желаніи ихъ отпустить своихъ крѣпостныхъ людей на волю, чтобъ они могли вступить въ сословіе

---

[1]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 798.

вольныхъ земледѣльцевъ, принимались здѣсь всегда охотно и видимо поощрялись. Послѣднее легко замѣтить, напримѣръ, въ томъ, какъ отнеслось правительство къ симбирской помѣщицѣ Куроѣдовой, отпустившей 264 души крѣпостныхъ своихъ крестьянъ въ селѣ Чижаровѣ [1]), — къ графу Каховскому, уволившему ногайцевъ въ свободные земледѣльцы [2]),—всего 328 душъ,— къ многочисленнымъ выходцамъ изъ-за границы въ Грузію по тяжбѣ ихъ съ помѣщиками о свободѣ отъ барщины [3]),—къ помѣщицѣ Ивановой [4]),—къ надворной совѣтницѣ Рубцовой [5]) и т. д.

Послѣ представленныхъ нами фактовъ для всякаго очевидно, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ первую половину царствованія императора Александра Павловича подъ вліяніемъ освободительныхъ идей писателя Радищева вступилъ въ совершенно новый фазисъ развитія. Стремленіе избавить русское общество отъ этого зла не только сказывается, какъ рѣзко опредѣлившееся направленіе, въ законодательной дѣятельности правительства, но и принимаетъ теперь широкіе размѣры могучаго движенія въ средѣ самихъ помѣщиковъ. Легко представить, какое сильное впечатлѣніе производило все это на современниковъ, особенно въ связи съ другими проектами не менѣе важныхъ реформъ. „Со смертью Павла окончился вѣкъ Петра Великаго,—говоритъ очевидецъ событій—Д. П. Руничъ; съ воцареніемъ Александра началась новая эра. Вѣкъ, въ который мы живемъ, и будущій вѣкъ будутъ называться „вѣкомъ Александра“. Совершившееся возрожденіе страны не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ. Она идетъ къ своей цѣли; нѣтъ возможности остановить ее. Для этого надобно было бы обладать сверхъестественною силою“ [6]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же современникъ высказываетъ взглядъ, что первая половина царствованія Александра Павловича „будетъ навѣки достопамятною, какъ эпоха созданія настоящаго положенія Россійской имперіи“ въ XIX вѣкѣ. „Россія подвинулась на цѣлое столѣтіе къ политическому возрожденію“ [7]). Насколько искренно и горячо желалъ Александръ I освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и до какой степени опасными казались его намѣренія нѣкоторой части помѣщиковъ, можно су-

---

[1]) Т. III, ч. I, стр. 800 и слѣд.
[2]) Т. III, ч. I, стр. 809.
[3]) Т. III, ч. I, стр. 824.
[4]) Т. III, ч. I, стр. 824.
[5]) Т. III, ч. I, стр. 832—834.
[6]) „Русская Старина“ 1901, февраль, стр. 345.
[7]) Тамъ же, стр. 351.

дить по слѣдующему разсказу К. Мартенса: „Въ то время,—говоритъ онъ,—когда я возвратился въ Дерптъ, съ моимъ достойнымъ учителемъ и другомъ, профессоромъ Парротомъ случилась пренепріятная исторія. Во время пребыванія въ Дерптѣ императора Александра онъ произнесъ *публично* рѣчь и между прочимъ сказалъ въ ней слѣдующее:

— Ваше величество! Надежды великой имперіи, которой суждено имѣть рѣшающее вліяніе на судьбу всего человѣчества, находятся въ вашихъ рукахъ. Не забудьте при вашихъ великодушныхъ преобразованіяхъ призвать къ общественной жизни несчастный народъ, пользующійся донынѣ только призрачнымъ существованіемъ.

Императоръ выслушалъ эту рѣчь доброжелательно и отвѣчалъ съ добротою:

— Повѣрьте мнѣ, *я думаю объ этомъ, я работаю надъ этимъ и надѣюсь осуществить это дѣло.* Возложите надежды на будущее.

Мѣстное дворянство пришло въ величайшее негодованіе отъ этой рѣчи. Оно избрало коммиссію подъ предсѣдательствомъ нѣкоего маіора фонъ-Шернгельма, который подалъ на профессора Паррота въ сенатъ жалобу, обвиняя его въ возбужденіи народа и въ революціонныхъ тенденціяхъ. Но когда объ этомъ дѣлѣ дошло до свѣдѣнія императора, то оно было немедленно прекращено" [1]).

Свидѣтельство Мартенса до извѣстной степени подтверждаетъ и Ф. Ф. Вигель, который разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что ему было трудно надѣяться найти покупателя для принадлежавшаго его семейству небольшого имѣнія въ Лифляндіи, такъ какъ мѣстные помѣщики были крайне встревожены распространившимися въ первую половину царствованія Александра слухами о предстоявшемъ освобожденіи изъ-подъ ихъ власти крестьянъ. Поводомъ къ подобнымъ ожиданіямъ очевидно послужили знаменитое „Положеніе для поселянъ Лифляндской губерніи" и Инструкція Ревизіоннымъ Коммиссіямъ, отъ 20 февраля 1804 года" [2]).

Не менѣе встревожили правительственныя начинанія императора Александра Павловича по крестьянскому вопросу и русское дворянство. „Богатые помѣщики,—говоритъ по этому поводу Руничъ въ своихъ „Запискахъ",—имѣвшіе крѣпостныхъ,

---

[1]) „Русск. Стар." 1902, январь, стр. 94: „Изъ записокъ стараго офицера".

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVIII, № 21162.

теряли голову при мысли, что конституція уничтожитъ крѣпостное право, и что дворянство должно будетъ уступить шагъ впередъ плебеямъ. Недовольство высшаго сословія было всеобщее" [1]). Бывшій сотрудникъ Новикова—Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ приходилъ въ это время въ полное отчаяніе при мысли, что скоро должно совершиться освобожденіе крестьянъ [2]). Державинъ прямо называетъ въ своихъ „Запискахъ" Александра I и его главныхъ сотрудниковъ по вопросу о крѣпостномъ правѣ якобинскою толпою революціонеровъ,—„якобинскою, смѣю сказать, шайкою". Даже сами члены государственнаго совѣта рекомендовали правительству осторожность въ выраженіяхъ о крѣпостной барщинѣ въ указахъ, въ виду крайней напряженности русскаго общества въ этомъ отношеніи: „Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ разными обстоятельствами столь усилилось въ умахъ, что малѣйшій поводъ и прикосновеніе къ сему предмету можетъ произвесть опасныя заблужденія", читаемъ мы въ протоколѣ 12 января 1803 года [3]). Въ высшемъ столичномъ обществѣ распространились дѣйствительно слухи, что императоръ уже выработалъ окончательно манифестъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и готовится навсегда отмѣнить барщину [4]). Цензура не разрѣшила въ 1804 г. второе изданіе книги Пнина „Опытъ о просвѣщеніи", такъ какъ авторъ слишкомъ рѣзко отзывался здѣсь о рабской зависимости земледѣльцевъ отъ помѣщиковъ, „а разгорячать умы, — говорилъ цензурный комитетъ,—воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіею черную, губительную тучу" [5]). Находились лица, которыя брались опровергать мѣры правительства къ образованію сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ, какъ пути къ полному уничтоженію крѣпостного права, и доказательствами отъ Писанія: „Все имѣетъ подобіе человѣка, который есть средство между Богомъ и природою; а земля есть мать, порождающая безчисленныхъ дѣтей, которая для хлѣба, существенной пищи, дающей больше крови, земля должна быть въ потѣ лица обработываема. Тако и сказано: въ потѣ лица снѣси или съѣдай хлѣбъ твой". То ее обработываютъ вездѣ невольники, т.-е. неволею или неохотою: ибо кто охотою возьметъ на себя работу трудную, по-

---

[1]) „Русская Старина" 1901 г., февр., стр. 355—356.
[2]) Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ", т. II, стр. 46.
[3]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 785.
[4]) Tourgueneff. „La Russie et les Russes", 1847, t. I, p. 431—442.
[5]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 433.

товую; то если отнимется отъ нихъ принужденіе, чего давно желаютъ и стараются старообрядцы, хотя избавить своихъ, одинаково суевѣрящихъ, то *упадетъ хлѣбопашество*, которое есть корень государственнаго богатства. *Вольные хлѣбопашцы вѣдь мало даютъ и мало могутъ дать хлѣба сверхъ своего обихода, и бѣда будетъ отъ своевольства мнимой гражданской свободы* и при оголеніи войсками или войскъ изъ государства. Земскими судами государства не устроишь и не принудишь къ повинностямъ, кои всѣ больше тащатъ съ крестьянъ, яко пастыри, имъ же несутъ овцы своя, кои должны дѣлиться съ высшими себя" [1]).

Въ концѣ концовъ дѣло приняло дѣйствительно опасный оборотъ: ревнители старыхъ порядковъ задумали помѣшать осуществленію плановъ государя, погубивъ его сотрудниковъ. Современникъ расказываетъ, что въ Петербургѣ былъ составленъ заговоръ, во главѣ котораго стояла супруга Павла I, императрица Марія Ѳедоровна съ герцогиней Ольденбургской и въ которомъ участвовали графъ Армфельдъ, гр. Ростопчинъ и министръ полиціи Балашовъ, рѣшившіеся низвергнуть главныхъ виновниковъ предполагавшагося государственнаго переворота „Общій планъ заговора и мѣры, коими разсчитывали достигнуть цѣли, хранились въ глубочайшей тайнѣ. Ростопчинъ часто ѣздилъ въ Тверь къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая поддерживала его всѣмъ своимъ вліяніемъ, какое давала ей нѣжная привязанность, которую императоръ питалъ къ своей сестрѣ. Не только было рѣшено погубить во что бы то ни стало Сперанскаго, но также и сломить шею Магницкому, коего считали самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ" [2]).

Особенно много толковъ о новыхъ реформахъ ходило въ московскомъ обществѣ. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій писалъ по этому поводу государственному канцлеру, графу Александру Романовичу Воронцову: „Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе все это производитъ на здѣшнюю публику. Я вовсе не выѣзжаю, но тѣ немногіе, которые у меня бываютъ и которые часто вращаются въ обществѣ, увѣряютъ меня, что нѣсть конца сужденіямъ о будущихъ случайностяхъ и что съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидаютъ послѣдствій всѣхъ этихъ начинаній" [3]).

Какъ извѣстно, такого рода страхи и тревоги оказались въ значительной степени напрасными: послѣдующій ходъ политиче-

[1]) Васильчиковъ. „Сем. Раз.", т. II, стр. 511—512.

[2]) „Русская Старина" 1901, февр., стр. 356. Изъ записокъ Д. П. Рунича.

[3]) Архивъ князя Воронцова, книга XIV, стр. 392 и сл., 431, 436 и сл.

скихъ событій отвлекъ вниманіе императора Александра въ другую сторону, и проектъ о полномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не былъ осуществленъ,—при всемъ томъ возвратъ къ старому порядку вещей уже не могъ имѣть мѣста въ общественной жизни русскаго народа. Если находились противники уничтоженія барщины, то съ другой стороны въ средѣ лучшихъ людей той эпохи, особенно среди молодежи, взгляды и намѣренія государя пользовались горячимъ сочувствіемъ. Идеи Радищева, передаваясь изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, такъ какъ непосредственное знакомство съ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву" было не всѣмъ доступно,—все шире и глубже проникали въ сознаніе разныхъ слоевъ общества. Крѣпостной вопросъ, какъ бы то ни было, благодаря духу времени и оживленнымъ толкамъ о намѣреніяхъ правительства, сдѣлался теперь безспорно однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ и волновалъ все государство. Вниманіе всѣхъ невольно останавливалось на случаяхъ злоупотребленій помѣщиками своей властью, и то, что прежде казалось естественнымъ и привычнымъ и обходилось равнодушно, теперь глубоко возмущало общество и представлялось неслыханной жестокостью. Всякія сочиненія, которыя хоть до нѣкоторой степени были написаны въ духѣ Радищева, идеи котораго, впрочемъ, они обыкновенно и воспроизводили, быстро раскупались и прочитывались съ живѣйшимъ интересомъ. „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи" Пнина въ томъ же 1804 году, въ которомъ впервые появился въ печати, уже готовился ко второму изданію за полной распродажей перваго. Книга Стройновскаго объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, переведенная съ польскаго Анастасевичемъ и снабженная составленнымъ имъ очеркомъ развитія крѣпостного права въ Россіи, пріобрѣла у насъ громкую популярность. П. И. Голенищевъ-Кутузовъ писалъ къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому 4-го сентября 1811 года: „Отъ достовѣрныхъ и добрыхъ людей я узналъ, что сію книгу превозноситъ хвалами г. Карамзинъ, а по вліянію его на публику, предполагая, что она отъ его толковъ будетъ болѣе и болѣе покупаема, поспѣшилъ я сообщить главнокомандующему" [1]). 21-го сентября того же года Голенищевъ-Кутузовъ уже сообщалъ, „что сія книга ходитъ по рукамъ, что *ее даже читаютъ лакеи*" [2]).

Особенно благопріятную почву для себя нашли завѣтныя

---

[1]) Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ", т. II, стр. 348.

[2]) Тамъ же, стр. 357.

мечты Радищева послѣ 1812 года, когда русская молодежь побывала въ Европѣ и вернулась оттуда пропитанной духомъ свѣжихъ и новыхъ свободныхъ идей. При такихъ условіяхъ ужасы крѣпостной барщины должны были еще рѣзче и неотразимѣе бросаться въ глаза и вызывать противъ себя горячее и страстное отрицаніе. Напряженное состояніе русскаго общества въ это время и бродившіе въ немъ замыслы естественно вызвали къ существованію рядъ тайныхъ обществъ. Первыми членами ихъ большею частью были военные, участвовавшіе въ походахъ противъ Наполеона и въ теченіе освободительной войны успѣвшіе хорошо ознакомиться съ порядками западныхъ государствъ. Впрочемъ, мы имѣемъ возможность воспользоваться въ этомъ случаѣ свидѣтельствомъ современника, непосредственно знавшаго общее настроеніе русскаго общества и положеніе дѣлъ въ имперіи. Декабристъ Бѣляевъ, вспоминая пору своихъ раннихъ увлеченій, такими чертами рисуетъ господствовавшее возбужденіе умовъ въ Россіи по возвращеніи войскъ изъ Парижа: „Первые члены тайнаго общества были большею частью военные, прошедшіе побѣдоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ ея цивилизаціей, понятно, что стремленіе учредителей было желать и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи. Такимъ образомъ, свободный образъ мыслей и *духъ преобразованій*, при помощи проникавшихъ запрещенныхъ сочиненій изъ-за границы, перенесся и въ Россію; а какъ прозелиты всегда отличаются ревностью, то и наши тайныя общества, сначала весьма умѣренныя и благонамѣренныя, какъ „Зеленая книга“ и „Союзъ благоденствія“, мало-по-малу стали ревностными поборниками революціи въ Россіи. Составлены были и конституціи: умѣренныя, монархическія и радикальныя республиканскія, такъ что въ періодъ времени съ 1820 г. до смерти Александра I *либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка*. Частныя колебанія самого правительства между мѣрами прогрессивными и реакціонными еще болѣе усиливали желаніе положить конецъ тогдашнему порядку вещей; много также нашему либерализму содѣйствовали и внѣшнія событія, какъ-то: движеніе карбонаріевъ, заключеніе Сильвіо Пелико Австріей и порабощеніе народовъ. Имя Меттерниха произносилось съ презрѣніемъ и ненавистью; революція въ Испаніи съ Ріего во главѣ, исторгнувшая прежнюю конституцію у Фердинанда, приводила въ восторгъ такихъ горячихъ энтузіастовъ,

какими были мы и другіе, безотчетно слѣдовавшіе за потокомъ. Въ это же время появилась комедія „Горе отъ ума“ и ходила по рукамъ въ рукописи; наизусть уже повторялись его ѣдкія насмѣшки; слова Чацкаго: „всѣ распроданы по одиночкѣ“ (т.-е. крѣпостные люди помѣщика) приводили въ ярость; это закрѣпощеніе крестьянъ, 25-лѣтній срокъ солдатской службы считались и были въ дѣйствительности безчеловѣчными. „Полярная Звѣзда“, поэмы Рылѣева: „Войнаровскій“ и „Наливайко“, Пушкина „Ода на свободу“—были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ и единомысленныхъ кружкахъ. Разсказы о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушные сборы чуть не пытками, анекдоты о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Аракчеева; разсказывали также, какъ какой-то помѣщикъ по очереди насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Какъ жестоко нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти. Можно себѣ представить, какое потрясающее дѣйствіе производили всѣ эти разсказы, приводимые какъ факты, на умы и сердца!“ [1]).

Тайныя общества не ограничивались простымъ негодованіемъ по поводу злоупотребленій крѣпостной барщины, но стремились оказать и активное вліяніе на улучшеніе условій современной имъ жизни русскаго народа. Такъ, возникшее въ концѣ 1817 или въ началѣ 1818 г.г. общество подъ названіемъ „Союзъ Благоденствія“, исходя изъ той мысли, что „*правительство*, несмотря на свое могущественное вліяніе, *имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей*“, выработало подробную программу своей дѣятельности въ этомъ направленіи. Члены кружка обязывались всячески содѣйствовать: 1) „успѣхамъ частной и общественной благотворительности“; лица этой группы „имѣли надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, *увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ*, равно и о средствахъ исправленія“; 2) развитію въ странѣ образованности; 3) распространенію промышленности; 4) исправленію судебныхъ порядковъ; „члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того *наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнаю-*

[1]) Записки декабриста Бѣляева, стр. 154 и сл.

щихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства" [1]).

Этотъ уставъ „Союза Благоденствія" въ главныхъ своихъ частяхъ почти буквально воспроизводитъ мысли Радищева. По сохранившимся извѣстіямъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" предлагалъ въ свое время правительству „учредить *тайное общество*, котораго члены были бы обязаны *слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія, и въ случаѣ надобности доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства"* [2]). Послѣ этого въ высшей степени странными кажутся слова Пушкина: „Всѣ прочли книгу Радищева и забыли ее". Напротивъ, мы видимъ, что идеи автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", равно какъ и сужденія его по частнымъ вопросамъ глубоко усвоены были послѣдующими поколѣніями и долго и прочно держались въ ихъ сознаніи. Если даже и допустить, впрочемъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ люди двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX вѣка не сознавали, что ихъ убѣжденія по крѣпостному вопросу въ сущности восходили къ Радищеву, то историческое значеніе нашего писателя все-таки нисколько не теряетъ отъ того своей силы.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" вызвало въ русскомъ обществѣ большое вниманіе къ крѣпостному вопросу. Къ концу царствованія Александра I отрицательное отношеніе къ злоупотребленіямъ въ этой области, повидимому, стало проникать и въ низшіе слои населенія. По крайней мѣрѣ Ф. Ф. Вигель разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" слѣдующій любопытный случай: во время пребыванія его въ Кишиневѣ, въ 1824 году, тамъ были пойманы и посажены въ тюрьму три разбойника; когда Вигель пришелъ посмотрѣть на нихъ, одинъ изъ этихъ злодѣевъ, по фамиліи Богаченко, тотчасъ пустился доказывать ему „права разбойниковъ вооруженной рукой собирать дань съ господъ, которые безо всякаго труда и опасности грабятъ своихъ крестьянъ" [3]).

Въ заключеніе, мы должны остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ: высшая правительственная власть, въ свое время осудившая имя Радищева въ оффиціальномъ указѣ, впослѣд-

---

[1]) „Русская Старина", 1901, августъ, стр. 272—274. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи.

[2]) Библіографическія Записки, т. II, стр. 541—542.

[3]) „Воспоминанія", часть VI, стр. 133 — 134. Также „Русскій Архивъ", 1892, кн. 3, стр. 165.

ствіи сама же и возстановила его честь предъ русскимъ обществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина II, въ окончательномъ приговорѣ по поводу слѣдствія о „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ нашла книгу эту наполненною „неистовыми израженіями противу сана и власти царской“, стремившеюся разрушить государственный порядокъ, подорвать авторитетъ верховныхъ властей и начальниковъ и поселить въ народѣ стремленіе къ явному бунту [1]), за что и признала автора заслуживающимъ смертной казни. Между тѣмъ императоръ Александръ Павловичъ опровергнулъ слова своей бабки въ указѣ отъ 23-го сентября 1801 года, данномъ коммиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. „Неоднократно до свѣдѣнія моего доходило,—говоритъ молодой монархъ,—что люди, коихъ вины важны были *только по обстоятельствамъ политическимъ, и не предполагали впрочемъ ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка*, осуждены и сосланы были какъ преступники на вѣчное заточеніе“, — а потому приказываетъ навести тщательныя справки о такихъ лицахъ, разыскать ихъ и освободить изъ заключенія. „Было время,—говорится здѣсь далѣе,—когда сообразуясь нравамъ и общенароднымъ понятіямъ, правительство полагало себя въ необходимости, раздѣляя преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать степени важности ихъ не по существу вреда, отъ нихъ проистекающаго, но по уваженію лицъ, къ коимъ они относились. Такимъ образомъ, *оскорбительныя Величеству слова* признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленія показали, что мнимое сіе злодѣяніе не что другое суть въ естествѣ своемъ, какъ сущій припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и величество Государей, бывъ основаны на общемъ законѣ, не можетъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Сколь ни естественно сіе разсужденіе, но встрѣтилось оно весьма поздо разуму законодателей, и тогда уже, какъ тысящи жертвъ принесены были противному предразсудку. Сіи то жертвы Я желалъ бы открыть и облегчить ихъ участь“ [2]).

М. Тумановъ.

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 16901.
[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI, № 20012.

ПОБѢГИ

На осеннихъ вѣткахъ—молодой побѣгъ...
Не сегодня—завтра все покроетъ снѣгъ,
И зачатки жизни, мглой окружены,
Въ холодѣ заглохнутъ до другой весны.

Зародилась пѣсня вольная въ груди...
Что́-то ожидаетъ пѣсню впереди?
Сдавленная горемъ и нуждой—замретъ,
Или ввысь направитъ гордый свой полетъ?

Убѣгаетъ время... На дворѣ весна.
Новые побѣги вызвала она,
А отъ тѣхъ, что̀ осень принесла съ собой,
Даже слѣдъ затерянъ въ зелени густой.

Много новыхъ пѣсенъ намъ весна дала...
Гдѣ же та, что̀ въ сердцѣ осенью жила?
Сдавленная горемъ, одиноко спитъ,
Или ввысь умчалась, гдѣ орлиный скитъ?..

В. Умановъ-Каплуновскій.

„СОЮЗЪ ДУШЪ"

„Souls". A Comedy of intentions. By „Rita".

X *).

Зара Эбергардъ была настолько поглощена своимъ искусствомъ, что ничто больше не интересовало ее. Она каждый день брала урокъ и дома пѣла сама цѣлыми часами. Иногда она рано утромъ ходила гулять въ паркъ въ сопровожденіи камеристки м-ссъ Вандердекенъ и знаменитаго Эльдорадо. Все остальное время она проводила за работой или за чтеніемъ.

Она теперь въ совершенствѣ исполняла композицію лорда Крисса, и онъ выразилъ желаніе аккомпанировать ей въ концертѣ, утверждая, что наемный аккомпаніаторъ никогда не сможетъ передать вполнѣ нѣжность и изысканность его музыки.

Когда наконецъ насталъ вечеръ концерта, Зара оказалась наиболѣе спокойной изъ всего „cercle intime", интересовавшагося ея дебютомъ; лэди Бодезаръ волновалась и хлопотала больше всѣхъ. Она отвела особую комнату для артистовъ, обставивъ ее съ величайшимъ комфортомъ; одному изъ лакеевъ приказано было приносить отъ времени до времени піанисту кувшины съ горячей водой, въ которую онъ опускалъ руки, для того чтобы придать пальцамъ бо́льшую гибкость и бѣглость.

За этимъ занятіемъ засталъ его лордъ Криссъ, зайдя въ артистическую, чтобы поговорить съ Зарой до ея выхода на эстраду. Она уже пріѣхала, но прошла въ уборную оправить свой туа-

---

*) См. выше: янв., стр. 254.

летъ, и лордъ Криссъ увидѣлъ только аккомпаніатора, молодого нѣмца, съ интеллигентнымъ лицомъ; онъ складывалъ ноты въ порядкѣ, обозначенномъ на программѣ. Лордъ Криссъ поспѣшно взялъ у него свой манускриптъ и отложилъ его въ сторону. Тогда только онъ замѣтилъ Позеревича, который опускалъ то одну, то другую узкую, длинную руку въ кувшинъ съ горячей водой.

— Что у васъ приключилось съ руками?—спросилъ онъ.

— Ничего не приключилось,—томно проговорилъ артистъ.—Я всегда отогрѣваю передъ игрой руки въ горячей водѣ, чтобы придать гибкость пальцамъ. Это очень рекомендуетъ великій Маккарони—вы вѣроятно слышали о немъ? Онъ—изобрѣтатель ручной гимнастики, превращающей самыхъ обыкновенныхъ піанистовъ въ замѣчательныхъ виртуозовъ. Я прошелъ у него полный курсъ обученія. Гимнастика пальцевъ замѣняетъ долгіе часы упражненій на роялѣ, и сила, выразительность игры, также какъ и мягкость тушè, достигается помимо занятій музыкой. Когда рука выработана при помощи гимнастики, ею уже легко выразить всѣ свои намѣренія и настроенія.

— Это очень интересно,—сказалъ лордъ Криссъ.—А вы уже часто выступали?

— Нѣтъ, я сегодня выступаю въ Лондонѣ въ первый разъ. Лэди Бодезаръ—моя покровительница. Она столь добра, что вѣритъ въ мой талантъ, и надѣется, что другіе тоже одобрятъ мою игру.

— Ахъ, такъ это она пригласила васъ играть сегодня! Я еще не видѣлъ программы. Что вы играете?

— Этюдъ Мошковскаго и сонату Шопена—съ траурнымъ маршемъ. Я хочу привести всю эту свѣтскую публику въ торжественное настроеніе, заставить ее задуматься о концѣ, о ночи, наступающей послѣ краткаго дня.

Лордъ Криссъ съ изумленіемъ взглянулъ на піаниста и засмѣялся.

— Я не думалъ, что вы такъ честолюбивы,—сказалъ онъ.—Вы, вѣроятно, очень молоды?

— Да, я молодъ годами,—сказалъ со вздохомъ юный геній.—Но я уже глубоко проникъ въ чары искусства и призналъ его несказанныя тайны.

Лордъ Криссъ снова пристально взглянулъ на невозмутимо спокойное лицо піаниста. Слушая, какъ онъ говоритъ съ нимъ на его собственномъ жаргонѣ, онъ не могъ рѣшить, дурачитъ ли его этотъ юноша, или же онъ знаетъ кое-что помимо гимнастики, изобрѣтенной Маккарони. Но дальнѣйшій разговоръ былъ

прерванъ появленіемъ Зары. Всѣ трое присутствующихъ мужчинъ не могли скрыть своего восторга при видѣ ея.

Она была одѣта вся въ бѣлое, въ прозрачную, тонкую какъ паутина, бѣлую ткань, съ открытыми плечами и руками—и эта снѣжная бѣлизна казалась еще болѣе ослѣпительной, оттѣненная блескомъ черныхъ волосъ и яркостью алыхъ губъ.

Зара разсѣянно поздоровалась съ лордомъ Криссомъ.

— Ваша пѣсня не въ первомъ отдѣленіи,—сказала она.— Я думала, что увижу васъ въ публикѣ.

— Я пришелъ пожелать вамъ успѣха, но его и желать нечего. Вамъ достаточно появиться, чтобы всѣхъ покорить. Тротти была совершенно права. Кстати, я вамъ прислалъ цвѣты. Развѣ вы не хотите держать ихъ въ рукахъ на эстрадѣ?

— Они мнѣ собственно будутъ мѣшать. Впрочемъ, если хотите, я возьму ихъ. Скажите моей дѣвушкѣ, чтобы она принесла цвѣты изъ уборной.

Лордъ Криссъ пошелъ за дѣвушкой, которая оказалась самой мадемуазель Флавенъ. Зара взяла изъ ея рукъ цвѣты нѣжнаго бѣлаго цвѣта, такого, какъ ея платье, и внимательно осмотрѣла себя въ зеркалѣ, противъ котораго стояла. Аккомпаніаторъ сказалъ, что пора начинать, и она вышла изъ комнаты съ спокойнымъ самообладаніемъ опытной артистки, не знающей волненія.

Лордъ Криссъ послѣдовалъ за ней и сталъ у входной двери, откуда ему видно было прекрасное лицо и изящная фигура молодой пѣвицы. По залѣ пронесся сдержанный шопотъ, и глаза всей собравшейся публики устремились на свою новую жертву.

Но Зара никого не видѣла. Она смотрѣла на цвѣты, которые держала въ рукахъ, и ждала конца интродукціи. Программы зашелестѣли въ рукахъ публики, удивленной страннымъ распредѣленіемъ нумеровъ пѣнія. Первое отдѣленіе носило общее названіе „Пѣсни невинности“, второе—„Пѣсни страсти“. Въ концѣ программы была приписка о томъ, что между первымъ и вторымъ отдѣленіемъ Herr Оскаръ Позеревичъ исполнитъ на роялѣ два нумера, названіе которыхъ будетъ своевременно объявлено.

Зара начала съ мечтательной странной мелодіи, съ пѣсни дѣвушки, стоящей на порогѣ жизни съ чувствомъ радостнаго ожиданія и вмѣстѣ съ тѣмъ страха. Ея ясный, невыразимо грустный голосъ зачаровалъ сразу всѣхъ слушателей. Они внимали, затаивъ дыханіе, чувствуя, что эта обаятельная дѣвушка не имѣетъ ничего общаго съ обычными концертными пѣвицами. Красота ея поражала сама по себѣ, но, соединенная съ такимъ чарующимъ голосомъ, она вызывала безумный восторгъ.

М-ссъ Вандердекенъ была права. Зара была очень талантлива, очень красива, но главнымъ образомъ она привлекала своей новизной. У нея не было никакихъ прiѣвшихся професcіональныхъ пріемовъ, ничего напускного. Она была вполнѣ сама собой, и пѣніе ея было выраженіемъ ея существа. Она казалась такой же чистой, какъ та дѣвушка, о чувствахъ которой она пѣла.

Зара училась раскланиваться съ публикой, но она была такъ поражена бурей громкихъ восторговъ, раздавшихся послѣ окончанія перваго нумера, что стояла ошеломленная, вся дрожа и не двигаясь съ мѣста. Ея большіе глаза устремлены были на взволнованныя лица, и лицо ея ярко вспыхнуло. Потомъ, нѣсколько оправившись, она низко и граціозно поклонилась. Когда глаза ея снова поднялись на публику, они остановились на одномъ лицѣ, выражавшемъ пламенный восторгъ. Она смутно почувствовала свою власть надъ этими темно-синими, блестящими глазами, и улыбнулась радостной дѣтской улыбкой.

Аккомпаніаторъ сталъ играть интродукцію ко второму нумеру, и Зара снова забыла о всемъ на свѣтѣ, кромѣ музыки. Восторгъ публики возросталъ. Въ концѣ каждаго нумера, при каждомъ взрывѣ апплодисментовъ, глаза дѣвушки искали того привѣтнаго взгляда, который доставлялъ ей больше радости, чѣмъ апплодисменты всѣхъ остальныхъ слушателей. Послѣдній нумеръ ей пришлось повторить, прежде чѣмъ она смогла оставить эстраду. Тогда буря рукоплесканій смѣнилась шумными обсужденіями ея пѣнія, и можно было опасаться, что нервы публики слишкомъ утомлены, чтобы отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ игрѣ піаниста.

Лэди Бодезаръ была внѣ себя. Она сердилась на Тротти за то, что ея protégée оказалась дѣйствительно совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она не ожидала, что талантъ Зары равняется ея красотѣ. Достаточно было бы быть или красивой, или талантливой, чтобы имѣть успѣхъ. Но соединеніе того и другого...

Бѣдный Оскаръ Позеревичъ дѣлалъ все, что могъ, чтобъ доказать блескъ своей техники и своего музыкальнаго пониманія, но публикѣ начинали надоѣдать піанисты, а похоронный маршъ Шопена, заигранный военными оркестрами и церковными органами, смертельно наскучилъ всѣмъ. Лилейныя руки и томныя позы новаго піаниста не возбудили никакого интереса, и Адель Бодезаръ была взбѣшена неуспѣхомъ открытаго ею генія. Она слишкомъ поздно поняла, что два свѣтила рѣдко могутъ сіять

одинаковымъ блескомъ въ одной и той же орбитѣ, и что Оскару не слѣдовало выступать въ этотъ вечеръ. Самъ Оскаръ былъ такъ возмущенъ равнодушіемъ публики, что ушелъ съ эстрады, не сыгравъ послѣдней части сонаты, и скучающая публика стала съ усиленнымъ нетерпѣніемъ ждать вторичнаго появленія пѣвицы.

Зара стояла въ артистической, когда туда вошелъ піанистъ, и, увидѣвъ ее, онъ разразился весьма плебейскою руганью, забывъ о своемъ артистическомъ достоинствѣ. Къ счастью, Зара не поняла и половины того, что онъ говорилъ; для нея было ясно только то, что онъ очень сердитъ.

— Мнѣ очень жаль, что васъ не оцѣнили,—сказала она, глядя на его пылающее лицо и дрожащія губы,—но чѣмъ же я виновата?

Эжени, оправлявшая складки ея краснаго платья, сочла себя въ правѣ вмѣшаться въ разговоръ.

— Конечно, вы ничѣмъ не виноваты, и стыдно такъ нападать на молодую лэди!—воскликнула она.—Чѣмъ она виновата, что она красива и умѣетъ пѣть, и что у людей есть глаза и уши? И на что вы собственно надѣялись? Вы думали, что, назвавъ себя иностраннымъ именемъ и принимая томныя позы, вы обманете людей. Развѣ я не знаю, что вашъ отецъ играетъ на тромбонѣ въ Камбервелѣ, а мать пѣла въ кафе-шантанѣ, пока не потеряла голосъ отъ водки и не сдѣлалась прачкой?

Лицо Позеревича краснѣло и блѣднѣло при словахъ дерзкой камеристки.

— Какъ вы смѣете говорить такія гнусности!—крикнулъ онъ.

— Все это—совершенная правда, и вы это знаете лучше, чѣмъ кто бы то ни было,—отвѣтила Эжени.—Развѣ я обязана молчать? — Есть газеты, которыя дорого бы заплатили за эти свѣдѣнія.

— Молчите!—Зачѣмъ вамъ губить меня?—прошепталъ онъ глухимъ голосомъ.

Эжени засмѣялась.

— Я вовсе не говорю, что воспользуюсь тѣмъ, что знаю про васъ. А вы попридержите свой языкъ и не грубите. Неужели вы полагали, что красота и талантъ молодой лэди померкнутъ отъ вашего жалкаго фейерверка? Ваша дерзость подѣломъ наказана! Вамъ пора выходить, mardemerselle. Публика уже волнуется. Позвольте, я понесу вашъ шлейфъ.

Она приподняла осторожно край нѣжной ткани и проводила Зару до самой эстрады. Бѣдный Оскаръ Джонсъ опустился въ

изнеможеніи на кресло, и съ яростью поднесъ руки къ ушамъ, чтобы не слышать восторженныхъ рукоплесканій, которыми была встрѣчена его соперница.

Сенсація, произведенная вторичнымъ появленіемъ Зары, превзошла даже ожиданія м-ссъ Вандердекенъ. Никогда еще концертныя пѣвицы не мѣняли туалета для второго отдѣленія программы, и этотъ сюрпризъ произвелъ сильное впечатлѣніе на пресыщенный вкусъ свѣтской публики. Сіяющее бѣлое видѣніе, олицетворявшее невинность, преобразилось теперь въ пурпурное воплощеніе страсти. Зрители съ трудомъ могли объединить эти два воплощенія—бѣлую лилію съ огненнымъ макомъ.

Съ перемѣной одежды перемѣнилась какъ будто и душа пѣвицы. Задорная страстность ея цыганской пѣсни, исполненной съ высоко поднятой головой и закинутыми за спину руками, наэлектризовала слушателей. Пѣснь прозвучала страстнымъ крикомъ плѣненной души, разбивающей преграды, чтобы вырваться на свободу. Какимъ чудомъ молодая дѣвушка могла съ такой страстью передать эту дикую пѣсню свободной любви и отчаянія, вызваннаго измѣной?

Но Зара напрасно искала сочувственнаго выраженія въ глазахъ единственнаго слушателя, который интересовалъ ее. Лицо его оставалось холоднымъ, безучастнымъ. Одежда и измѣнившийся общій характеръ пѣнія Зары во второмъ отдѣленіи не нравились ему, даже возмущали его, несмотря на дикую красоту пѣвицы. Онъ оставался въ залѣ только подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго ему самому гипноза. Ему хотѣлось уйти, но въ то же время хотѣлось слушать Зару, хотя съ каждымъ новымъ нумеромъ ему все болѣе не нравился выборъ пѣсенъ, также какъ ея страстная, почти дикая манера исполненія, ея пламенная одежда, ея возбужденные жесты. Но остальные слушатели были въ безумномъ восторгѣ; они никогда не слышали подобнаго пѣнія. Пѣсня „Душа и мотылекъ“ имѣла огромный успѣхъ, и Зарѣ пришлось биссировать ее. Лордъ Криссъ аккомпанировалъ ей съ обычной бравурностью. Когда онъ сталъ рядомъ съ пѣвицей и поклонился шумно апплодировавшей публикѣ, Жоржъ Морфи, сидѣвшій рядомъ съ м-ссъ Бради, встрѣтился глазами съ Зарой,—взоръ его былъ холоденъ и строгъ. Онъ вдругъ понялъ, что успѣхъ достигается иногда слишкомъ дорогою цѣной.

———

XI.

Лэди Бодезаръ пригласила нѣсколькихъ близкихъ друзей остаться къ ужину, чтобы познакомиться съ героиней вечера. М-ссъ Бради и Жоржъ были въ числѣ приглашенныхъ, но когда общество размѣстилось вокругъ маленькихъ столиковъ въ столовой, то молодого адвоката не оказалось среди гостей. Напрасно ища его глазами, Адель окликнула м-ссъ Бради, сидѣвшую за однимъ изъ столиковъ, по близости отъ хозяйки.

— Гдѣ же Жоржъ?—спросила она.

М-ссъ Бради съ безпокойствомъ оглянулась вокругъ себя.

— Право не знаю,—сказала она.—Онъ жаловался на головную боль. Вѣроятно ему сдѣлалось хуже, и онъ уѣхалъ.

— Какъ это нелюбезно съ его стороны!—сказала Адель и снова занялась огорченнымъ Оскаромъ, стараясь убѣдить его, что устрицы и шампанское—лучшее лекарство противъ равнодушія публики. Но у бѣднаго Оскара совсѣмъ пропалъ аппетитъ послѣ стычки съ Эжени. Онъ никакъ не могъ понять, откуда хитрая камеристка почерпнула свои свѣдѣнія о немъ, и боялся, что она воспользуется ими. Что если лэди Бодезаръ или кто-нибудь изъ ея друзей узнаютъ о томъ, кто его родители? Могъ ли даже величайшій геній надѣяться быть признаннымъ, если станетъ извѣстнымъ, что его мать—прачка?

Отъ времени до времени онъ пристально глядѣлъ на Зару, за которой усиленно ухаживалъ лордъ Криссъ.

— Я полагаю,—сказалъ Оскаръ, обращаясь къ хозяйкѣ,— что она теперь сдѣлается профессіональной пѣвицей.

— Тротти сказала, что до лѣта она во всякомъ случаѣ больше не выступитъ.

Оскаръ облегченно вздохнулъ. У свѣтской публики память очень коротка. Кто не воспользовался сейчасъ же своимъ успѣхомъ,—долженъ потомъ создавать его вновь; его же концертъ въ St. James's Hall назначенъ былъ въ началѣ января.

— По вашему она очень талантлива?—спросилъ онъ лэди Бодезаръ.

Адель нервно пожала плечами.—Она оригинальна, это самое главное,—отвѣтила она.—И кромѣ того до сихъ поръ пѣвицы не появлялись въ одинъ и тотъ же вечеръ въ разныхъ туалетахъ. Тротти дѣйствительно очень умна. Она всегда умѣетъ выдумать что-нибудь новое, а жизнь такъ полна повтореній, что всякая новизна производитъ сенсацію.

— Неужели же всѣ пришли въ восторгъ только потому, что она появилась въ двухъ разныхъ платьяхъ?

— Конечно. Я увѣрена, Оскаръ, что еслибы вы играли Шопена въ особо приспособленной для этого одеждѣ, и затѣмъ мѣняли костюмъ для исполненія вещей Листа, то весь Лондонъ сбѣжался бы слушать васъ.

Оскаръ задумчиво разглядывалъ свои длинные бѣлые пальцы.

— То, что̀ вы говорите, не особенно рекомендуетъ художественный вкусъ публики,—грустно замѣтилъ онъ.

— Да никакого вкуса у публики и нѣтъ,—откровенно созналась Адель Бодезаръ.—Неужели вы думаете, что есть хотя бы двадцать человѣкъ среди концертной публики, которые дѣйствительно любятъ или понимаютъ музыку? Увѣряю васъ, что нѣтъ. Почти всѣ посѣщаютъ концерты только потому, что принято восхищаться знаменитостями. И если предвидится большой наплывъ публики, то всѣ еще болѣе стараются попасть на такой концертъ. Главное удовольствіе большинства людей — быть среди импонирующей имъ толпы.

— Какъ можно говорить объ удовольствіи?—вмѣшался въ разговоръ лордъ Криссъ, оборачиваясь къ хозяйкѣ со своего столика.—Этимъ словомъ слишкомъ злоупотребляютъ. Я долженъ сознаться, что до сихъ поръ не могу понять его смыслъ.

Оскаръ почтительно наклонился въ его сторону.—Я тоже не понимаю,—сказалъ онъ.—Я полагаю, что это слово выдумано газетами, и люди стараются повѣрить, что оно что-нибудь означаетъ.

— Люди рады повѣрить въ возможность удовольствія, и готовы платить за него. То, на что израсходованы деньги, представляетъ извѣстную цѣнность; поэтому, уплативъ деньги за ожидаемое удовольствіе, люди вѣрятъ, что дѣйствительно испытали его.

— Я полагаю, что погоня за удовольствіемъ въ какомъ угодно видѣ—единственное серьезное занятіе въ нашей жизни,—замѣтила Адель Бодезаръ.—Но, къ сожалѣнію, оно рѣдко ведетъ къ цѣли.

— Погоня за удовольствіемъ превратилась въ привычку,—сказалъ лордъ Криссъ,—а привычка управляетъ жизнью всѣхъ культурныхъ людей. Еслибы не было вѣры въ привычку, англичане были бы столь же безнравственны, какъ французы, и столь же грубы, какъ нѣмцы. А вмѣсто того они посылаютъ своихъ худшихъ людей въ парламентъ, а своихъ лучшихъ—дѣлаютъ епископами.

Все общество, сидѣвшее за ужиномъ, прислушивалось къ

словамъ лорда Крисса, считая его парадоксы очень блестящими. Одинъ только Базиль Варендеръ, не обращая на него вниманія, говорилъ въ полголоса съ Зарой. Онъ просилъ ее позировать ему для портрета; ему хотѣлось изобразить ее въ ея воздушномъ красномъ платьѣ и въ вызывающей позѣ цыганки, поющей о любви. Зара разсѣянно слушала его. Ей стало грустно, когда оказалось, что среди гостей не было единственнаго слушателя, который привлекъ ея вниманіе во время концерта. Вдругъ у самаго ея уха раздался чей-то мягкій голосъ:

— Позвольте поздравить васъ съ успѣхомъ и выразить вамъ мой восторгъ. Я никогда въ жизни не слыхала такого поразительнаго пѣнія.

М-ссъ Бради пододвинула свой стулъ къ Зарѣ, которая сразу почувствовала симпатію къ ней. Въ голосѣ м-ссъ Бради было столько искренности и теплоты и у нея было такое доброе, открытое, красивое лицо. Зарѣ показалось, что она слышитъ дружескій привѣтъ послѣ утомительнаго путешествія.

— Я такъ рада... Я очень сомнѣвалась въ успѣхѣ. Все это какъ-то странно. И теперь я—какъ бы это сказать—verwirrt.

— Я вполнѣ васъ понимаю, — сказалъ Варендеръ. — Вы прошли черезъ трудное испытаніе, и не удивительно, что вы еще не можете оправиться.

— Вы скоро дадите свой концертъ?—спросила м-ссъ Бради.

— Нѣтъ. Мнѣ еще нужно много учиться.

М-ссъ Бради взглянула на Базиля Варендера. — Неужели вамъ еще нужно учиться? Казалось бы, что вы уже достигли совершенства.

— Искусство никогда не останавливается въ своемъ развитіи,—сказалъ Варендеръ.—Неудовлетворенность, которая остается послѣ всякаго успѣха,—единственная гарантія дальнѣйшаго совершенствованія.

Ужинъ кончился, и на столикахъ появились ящики съ папиросами; многія изъ дамъ тоже стали курить съ полной непринужденностью, царившей въ этомъ обществѣ, не признававшемъ никакихъ свѣтскихъ правилъ.

М-ссъ Бради не курила, также какъ и Зара. Подъ прикрытіемъ общаго оживленія и громкихъ разговоровъ дѣвушка обратилась съ вопросомъ къ своей новой пріятельницѣ:

— Не можете ли вы сказать мнѣ, gnädige Frau, кто былъ господинъ, сидѣвшій рядомъ съ вами во время концерта?

— Съ правой стороны?

— Да, кажется, съ правой—блондинъ съ темно-синими глазами и открытымъ взглядомъ—такимъ, какъ у васъ.

— Вы вѣроятно говорите о моемъ племянникѣ?

— Онъ не остался ужинать?

— Нѣтъ, онъ ушелъ сейчасъ же послѣ концерта.

На лицѣ дѣвушки показалась тѣнь огорченія. М-ссъ Бради съ любопытствомъ взглянула на нее. Почему она обратила вниманіе именно на Жоржа среди такого количества видныхъ и даже красивыхъ мужчинъ?

— Мнѣ кажется, что ему не понравилось мое пѣніе во второмъ отдѣленіи, — продолжала Зара. — Я видѣла, какъ у него измѣнилось лицо, и не могла понять—отчего.

— Жоржъ не очень музыкаленъ,—сказала м-ссъ Бради, въ оправданіе племяннику.

— So,—тихо сказала Зара и отвернулась. Съ ней заговорила м-ссъ Вандердекенъ, сообщая ей, что лордъ Криссъ собирается декламировать. Базиль сказалъ м-ссъ Бради, что Крисси собирается прочесть свою новую поэму, написанную послѣ посѣщенія рабочаго квартала. Эта поэма предназначалась для предстоящаго благотворительнаго вечера, на которомъ ее должна была прочесть м-ссъ Бради; поэтому она собралась внимательно слушать чтеніе, и не препятствовала Зарѣ уйти въ конецъ комнаты, подальше отъ смущавшаго ее общества.

Лордъ Криссъ вышелъ на средину комнаты и, продолжая курить папиросу съ томной граціей, изложилъ сначала слушателямъ свои взгляды на искусство, авторитетно заявляя, что главная задача поэта—освободить свой мозгъ отъ всякихъ ненужныхъ знаній для того, чтобы предоставить свободу вдохновенію. Онъ пояснилъ далѣе, что, слѣдуя этому принципу, онъ отправился въ Истъ-Эндъ, ничего не зная и не желая знать о жизни тамошняго населенія. То, что онъ увидѣлъ, пройдясь по улицамъ рабочаго квартала, вдохновило его па поэму, которую онъ и предназначаетъ для чтенія на вечерѣ. Послѣ этого претенціознаго введенія лордъ Криссъ прочелъ свою поэму, озаглавленную: „Женщина съ одной сережкой“; въ ней разсказывалась трогательная исторія объ уличной торговкѣ, одѣтой въ лохмотья и носившей одну сережку въ ухѣ,—потому что другую (сережки были ея единственнымъ богатствомъ) она заложила, чтобы купить лекарство для другой бѣдной женщины. Со своей единственной сережкой она продолжала бодро и весело возить свою телѣжку съ товаромъ съ утра до вечера—и въ ея поступкѣ авторъ видѣлъ идеалъ истинной благотворительности,

т.-е. умѣнья отказываться отъ самаго дорогого, сохраняя бодрость духа и веселое настроеніе.

Слушатели были нѣсколько смущены этой сатирой на свѣтскую благотворительность, но все-таки стали апплодировать автору, когда онъ кончилъ чтеніе.

XII.

Когда м-ссъ Бради вернулась домой, было уже около двухъ часовъ ночи. Войдя въ столовую, она увидѣла передъ каминомъ Жоржа, который сидѣлъ и курилъ. Она вскрикнула отъ удивленія.

— Что̀ случилось? — испуганно спросила она. Увидавъ его у себя въ такой необычный часъ, она увѣрена была, что произошло какое-нибудь несчастіе..

— Ничего не случилось. Я думалъ, что вы вернетесь домой раньше, и ждалъ васъ — вотъ и все.

М-ссъ Бради облегченно вздохнула.

— Какъ ты меня напугалъ!—воскликнула она.—Почему ты не предупредилъ меня, что заѣдешь сюда? И почему ты не остался ужинать? Было очень весело, и ужинъ былъ отличный. Но я все-таки выпью стаканъ содовой воды съ виски; я ужасно устала. Лордъ Криссъ читалъ поэму изъ народнаго быта—очень странную. Я никакъ не могу понять этихъ людей—принимаютъ ли они самихъ себя въ серьёзъ, или себя же вышучиваютъ...

Она налила содовой воды изъ сифона въ стаканъ съ виски и сѣла въ удобное кресло у камина.

Жоржъ Морфи мрачно взглянулъ на ея красивое, оживленное лицо.

— Для нихъ нѣтъ ничего серьезнаго и святого, — сказалъ онъ. — Они смотрятъ на жизнь какъ на маскарадъ, гдѣ люди интригуютъ, шутятъ и обманываютъ другъ друга. Мнѣ искренно жаль, что вы попали въ ихъ общество.

Она удивленно взглянула на него. — Я не понимаю тебя, Жоржъ. Еще недавно ты говорилъ...

Онъ быстро поднялся и нетерпѣливымъ жестомъ отодвинулъ стулъ.—Тогда я еще ничего не зналъ. Сегодня у меня на многое открылись глаза.

М-ссъ Бради улыбнулась.—Сегодня?—сказала она.—Но вѣдь ты ушелъ сейчасъ же послѣ концерта. Что̀ жъ бы ты сказалъ, еслибы остался и слышалъ рѣчь и стихи лорда Крисса?

Лицо его еще болѣе омрачилось.—Что же, вы думаете про-

должать знакомство съ ними, — спросилъ онъ, — или наконецъ уйдете отъ нихъ и постараетесь прожить безъ ихъ поддержки?

— Я, право, не понимаю тебя, Жоржъ. Что̀ они всѣ могутъ причинить мнѣ дурного? Мнѣ съ ними весело, а Адель кажется мнѣ очень искреннимъ человѣкомъ. И почему у тебя такъ круто измѣнились взгляды? Мнѣ казалось, напротивъ того, что мнѣ даже выгодно завязать связи со свѣтскимъ обществомъ. Это создастъ мнѣ положеніе, въ которомъ я такъ нуждаюсь. А теперь ты вдругъ такъ противъ этого.

Она произнесла послѣднія слова съ нескрываемымъ огорченіемъ. Жоржъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Папироса его потухла; но онъ этого не замѣчалъ.

— Вы вѣроятно ничего не знаете о томъ, что̀ станется съ этой дѣвушкой?—неожиданно спросилъ онъ.

— Съ какой дѣвушкой?—переспросила м-ссъ Бради.—Ахъ да, ты говоришь вѣроятно о Зарѣ Эбергардъ?

— Да. Къ чему ее предназначаютъ?

— Она находится на попеченіи м-ссъ Вандердекенъ, а я съ ней пока еще не особенно близка. Ея лучшій другъ Адель— до сихъ поръ.

— Вы такъ говорите, точно у васъ есть какіе-то планы.

— Да, Жоржъ. Я хочу, чтобы Адель подружилась со мной и охладѣла къ м-ссъ Вандердекенъ. Но что касается Зары, то я почти ничего не знаю о ней. Она нѣсколько мѣсяцевъ еще не будетъ выступать — вотъ все, что̀ мнѣ извѣстно. Вѣроятно м-ссъ Вандердекенъ увезетъ ее съ собой, уѣзжая на югъ. Ты, кажется, заинтересовался ею. Она тебѣ тоже кажется такой очаровательной?

— Я никогда не видалъ болѣе прекрасной женщины.

М-ссъ Бради быстро взглянула ему въ лицо, потомъ снова стала глядѣть на огонь въ каминѣ. Въ душу ея вкралась тревожная мысль.

— Да, она дѣйствительно очень хороша,—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.—Но не забывай, Жоржъ, что она— полудикая цыганка, пріемышъ м-ссъ Вандердекенъ, обязанная успѣхомъ капризу своей покровительницы.

Жоржъ ничего не отвѣтилъ. Новое чувство нахлынуло на его сердце бурной волной, которая грозила прибить его къ берегамъ, невѣдомымъ ему до тѣхъ поръ. Онъ еще никогда не подчинялъ свободы своихъ мыслей и дѣйствій власти женщины. Его никогда еще не тревожило воспоминаніе о чьемъ-либо образѣ, а въ этотъ вечеръ онъ не могъ освободиться отъ чаръ молодого

лица съ сверкающими глазами и алыми губами. Обаяніе ея страстнаго пѣнія продолжало звучать у него въ душѣ. Это его сердило, и онъ нетерпѣливо шагалъ по комнатѣ, слушая разсужденія своей тетки. Она говорила, сама не зная о чемъ, озабоченная страннымъ настроеніемъ Жоржа и внимательно слѣдя за выраженіемъ его лица. Бой часовъ отклонилъ, наконецъ, ея вниманіе отъ племянника. Она зѣвнула и поднялась съ кресла.

— Пора идти спать,—сказала она.—Взгляни на часы. У меня такъ много дѣла завтра, или, вѣрнѣе, сегодня! А мнѣ необходимо спать шесть часовъ,—не то я ни къ чему не буду годна. Ты пойдешь домой, или устроить тебя здѣсь на ночь?

— Я пойду къ себѣ,—сказалъ онъ.—Хотите пообѣдать со мной завтра въ „Savoy-Hôtel“ и пойти смотрѣть новую пьесу въ „Piccadilly“? Завтра—первое представленіе. Я возьму билеты, если вы согласны.

— Адель просила, чтобы я поѣхала съ нею. Но почему тебѣ не пригласить къ обѣду насъ обѣихъ; потомъ мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ въ театръ. Позови еще кого-нибудь изъ мужчинъ, Крисси или Варендера.

— Только не Крисса. Онъ такъ ломается, что съ нимъ непріятно даже провести вечеръ въ театрѣ. Варендера я съ удовольствіемъ позову—онъ самый толковый изъ всей компаніи. Жаль будетъ, если они и его испортятъ. А теперь спокойной ночи, тетя Пэръ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и направился въ переднюю. М-ссъ Бради проводила его, заперла за нимъ дверь и, затушивъ электричество, прошла въ спальню, гдѣ ее ожидала Эжени, дремля въ креслѣ.

М-ссъ Бради никогда не была такой молчаливой, какъ въ эту ночь, и Эжени ничего не смогла вывѣдать у нея относительно ужина и всего, что происходило послѣ концерта. Отъ досады она даже нѣсколько разъ слишкомъ сильно рванула щеткой густые длинные волосы своей госпожи, расчесывая ихъ на ночь. Когда м-ссъ Бради ее отпустила, она рада была, что вызвалась въ этотъ вечеръ быть горничной Fräulein Эбергардъ, и что такимъ образомъ кое-что узнала. Иначе бы у нея не оказалось достаточно матеріала для ближайшаго нумера „Осы“.

М-ссъ Бради была очень разстроена. Со свойственной ей живостью воображенія она уже рисовала себѣ цѣлый рядъ несчастій. Если бы Жоржъ дѣйствительно полюбилъ Зару, это было бы, какъ ей казалось, истинной катастрофой. Красота и даже талантъ—совершенно безполезныя качества для жены мо-

лодого, не имѣющаго никакихъ средствъ, адвоката. Ему нужна богатая и знатная жена. Лучше всего было бы, если бы онъ женился на Адель Бодезаръ. Ея скандальный разводъ не повредилъ ея положенію въ обществѣ, гдѣ разведенные супруги встрѣчались черезъ нѣкоторое время какъ добрые знакомые въ модныхъ ресторанахъ, куда являлись со своими новыми мужьями и женами. Адель очень богата—это самое главное въ положеніи Жоржа. Но м-ссъ Бради съ ужасомъ думала о томъ, что глупое увлеченіе Жоржа можетъ разстроить всѣ ея планы. Какъ предупредить дальнѣйшія послѣдствія его внезапнаго ослѣпленія? Къ счастью, м-ссъ Вандердекенъ собиралась уѣхать въ Египетъ сейчасъ же послѣ Новаго года,—но до ея отъѣзда опасность можетъ еще усилиться, если Жоржъ будетъ встрѣчаться съ молодой дѣвушкой. Можетъ быть, м-ссъ Вандердекенъ не будетъ брать съ собой Зару, выѣзжая въ свѣтъ? Она, кажется, прячетъ ее отъ свѣта изъ какого-то ревниваго чувства,—можетъ быть, потому что боится, какъ бы у нея не отняли сокровище, которое она открыла и которымъ хочетъ изумить міръ въ будущемъ.

Всѣ эти мысли долго не давали уснуть м-ссъ Бради, и на слѣдующее утро она проснулась очень не въ духѣ и совсѣмъ не вступала въ разговоръ съ Эжени, когда та принесла ей чай и утреннюю почту.

XIII.

Адель Бодезаръ съ удовольствіемъ приняла приглашеніе пообѣдать и пойти въ театръ вмѣстѣ съ Жоржемъ и Варендеромъ. Обѣдъ прошелъ весело. Базиль былъ очень милъ съ дамами, и м-ссъ Бради нашла, что онъ—интересный и пріятный собесѣдникъ. Жоржъ тоже повидимому освободился отъ настроенія, которое овладѣло имъ наканунѣ, и былъ очень любезенъ съ Адель.

Въ театрѣ всѣ ложи и кресла заняты были избранной свѣтской публикой,—какъ всегда на первыхъ представленіяхъ,—и во время антрактовъ въ залѣ царило большое оживленіе.

— Посмотрите, вотъ въ той ложѣ бель-этажа Тротти,— сказала Адель, обращаясь къ своей пріятельницѣ.—Съ нею лордъ Криссъ и наша новая знаменитость.

М-съ Бради быстро подняла глаза и увидѣла въ бель-этажѣ знакомую фигуру въ пышномъ вечернемъ туалетѣ и съ изможеннымъ лицомъ. Зара сидѣла позади м-ссъ Вандердекенъ; на ней было то бѣлое платье, въ которомъ она пѣла наканунѣ. М-ссъ Бради инстинктивно перевела взглядъ на племянника и

увидѣла на его лицѣ счастливое выраженіе: онъ посмотрѣлъ на лучистое лицо молодой дѣвушки въ бѣломъ платьѣ—и глаза ихъ встрѣтились. Она слегка кивнула ему головой, и улыбка, показавшаяся на ея губахъ, обрадовала Жоржа. Онъ самъ былъ пораженъ своимъ волненіемъ при видѣ Зары. Онъ опустилъ глаза и сталъ смотрѣть на афишу, которую держалъ въ рукахъ, но буквы танцовали передъ его глазами, и онъ ничего не могъ прочесть. Имъ овладѣло странное возбужденіе. Онъ машинально раскланивался съ проходящими мимо него знакомыми, вставалъ, чтобы пропустить запоздавшихъ зрителей, спѣшившихъ занять свои мѣста, но все это происходило для него какъ въ туманѣ. Когда зала погрузилась въ мракъ и поднялся занавѣсъ, онъ сталъ смотрѣть не на сцену, а вверхъ—туда, гдѣ на фонѣ красной драпировки ложи выдѣлялось бѣлое платье и выглядывало изъ темноты нѣжное лицо молодой дѣвушки.

Онъ совершенно не слѣдилъ за ходомъ пьесы, въ которой модная психопатическая героиня съ обычнымъ въ модныхъ пьесахъ „прошлымъ" выражала по обыкновенію недовольство на свою судьбу, мечтала о томъ, чтобы переродиться, и дѣлала все, что могла, чтобы портить жизнь другихъ людей своими претенціозными парадоксами и своими эгоистичными поступками.

Когда занавѣсъ опустился, при шумныхъ знакахъ неодобренія публики верхнихъ ярусовъ, лэди Бодезаръ завела пространный разговоръ съ Жоржемъ, возмущаясь некультурностью публики, которая не понимаетъ утонченности современныхъ психологическихъ пьесъ. Но Жоржъ довольно рѣзко замѣтилъ ей, что средняя публика гораздо интеллигентнѣе, чѣмъ предполагаетъ свѣтское общество, и обыкновенно вполнѣ права въ своихъ сужденіяхъ. Рѣзкій тонъ Жоржа былъ непріятенъ м-ссъ Бради, и чтобы перемѣнить разговоръ, она указала Адель на одну изъ ложъ во второмъ ярусѣ и спросила:

— Кто эта дама въ жемчугахъ? Ея лицо кажется мнѣ знакомымъ.

— Да вы ее навѣрное видѣли. Вы вѣдь знаете новый магазинъ обуви на Мадоксъ-Стритъ?—магазинъ лэди Викторинъ? Это—собственница магазина.

— Какъ это странно!

— Она была по уши въ долгахъ, и, чтобы выпутаться, пустилась въ коммерцію. Конечно, она только дала свое имя. Сама она ничего не дѣлаетъ.

— Ты хочешь пройтись въ антрактѣ, Жоржъ?—спросила м-ссъ Бради, видя, что племяннику ея не сидится на мѣстѣ.

— Нѣ-ѣтъ. Впрочемъ, я хотѣлъ бы пойти покурить, но вѣроятно не поспѣю. Какъ вы думаете, Варендеръ?

— По афишѣ полагается семь минутъ антракта, но такъ какъ сегодня первое представленіе...

— Вы поняли,—спросила м-ссъ Бради шопотомъ Адель Бодезаръ,—въ чемъ вина героини драмы?

— Обычная исторія—нарушеніе седьмой заповѣди. Почему бы для разнообразія не изобразить грѣха противъ второй или девятой заповѣди? Впрочемъ, это вѣроятно недостаточно пикантно. Но что это за знаки дѣлаетъ намъ Тротти? Не знаю, ко мнѣ ли, или къ вамъ она обращается. Я попрошу Базиля зайти къ ней въ ложу въ слѣдующемъ антрактѣ и узнать, въ чемъ дѣло. Вѣроятно она хочетъ, чтобы мы поѣхали къ ней ужинать.

Жоржъ наклонился къ своей сосѣдкѣ и сказалъ, слегка покраснѣвъ:

— Хотите, я схожу сейчасъ, лэди Бодезаръ? Еще есть время.

— Пожалуйста, сходите. И если дѣло идетъ объ ужинѣ, то скажите, что мы согласны. Я во всякомъ случаѣ ничего не имѣю противъ этого, а что касается Пэръ...

— Куда вы, туда и я,—съ улыбкой сказала м-ссъ Бради.

— Отлично. Боже, какъ Жоржъ милъ—онъ уже пошелъ! Но оркестръ возвращается—кажется, дѣйствительно антрактъ не болѣе семи минутъ. Впрочемъ, Жоржъ можетъ остаться у нихъ въ ложѣ этотъ актъ; тамъ есть свободное кресло.

М-ссъ Бради обратила вниманіе на то, что свободное кресло было какъ разъ около Зары.

„И зачѣмъ это онъ пошелъ къ нимъ въ ложу?—подумала она съ досадой.—Всѣ мои заботы о немъ пропадутъ даромъ, если онъ дѣйствительно серьезно влюбится въ эту цыганку". —Что вы сказали, м-ръ Варендеръ? Простите, я не разслышала.

— Я спросилъ, нравятся ли вамъ современныя пьесы. Не правда ли, что онѣ всѣ похожи одна на другую?

— Говоря по правдѣ, я предпочитаю Шеридановскія комедіи всѣмъ этимъ попури изъ французской распущенности и англійской скуки.

— Однако, эти пьесы привлекаютъ сливки общества,—замѣтилъ Базиль Варендеръ.

— Лордъ Криссъ говоритъ, что женщины идутъ въ театръ смотрѣть туалеты, а мужчины—для того, чтобы выискивать скрытыя въ пьесѣ двусмысленности.

— Двусмысленности эти вовсе не нужно выискивать; онѣ обыкновенно очень явны даже для сравнительно наивныхъ слу-

шателей, — сказалъ Базиль, съ любопытствомъ взглянувъ на м-ссъ Бради. Она показалась ему непохожей на лондонскихъ свѣтскихъ женщинъ съ ихъ развращеннымъ воображеніемъ.

Занавѣсъ поднялся, и пьеса вяло подвигалась по торному пути, ведущему къ паденію героини—и къ провалу автора. Въ случайно открытую дверь добродѣтельной молодой дѣвушки влетѣла туфля, брошенная туда изъ комнаты дерзкаго соблазнителя, живущаго въ одномъ корридорѣ съ дѣвушкой. Это повлекло за собой разныя осложненія. Пикантные намеки оживляли діалогъ, вызывая протесты верхнихъ ярусовъ и апплодисменты переднихъ рядовъ партера. Наконецъ, занавѣсъ опустился, и среди общаго шума публика изъ ложъ и креселъ стала разыскивать верхнее платье, и расходилась, собираясь обсуждать новыя варіаціи на старыя темы за омарами и шампанскимъ.

Жоржъ Морфи остался до конца въ ложѣ м-ссъ Вандердекенъ. Порученіе, которое онъ долженъ былъ передать своей теткѣ и ея пріятельницѣ, казалось ему менѣе важнымъ, чѣмъ бесѣда съ Зарой и ея наивныя замѣчанія о пьесѣ. Онъ радъ былъ за нее, что ограниченное знаніе англійскаго языка мѣшало ей вполнѣ понимать все, что происходило на сценѣ. Уходя изъ ложи, онъ обѣщалъ тоже быть на ужинѣ у м-ссъ Вандердекенъ, которая пригласила своихъ интимныхъ друзей пріѣхать къ ней послѣ театра. Жоржъ съ трудомъ пробрался къ своей теткѣ и лэди Бодезаръ, и передалъ имъ приглашеніе.

— М-ссъ Вандердекенъ поручила мнѣ передать вамъ, что она сообщитъ за ужиномъ очень интересную новость.

— Въ такомъ случаѣ я непремѣнно поѣду къ ней,—сказала Адель.—Боже, какая давка! Пэри, милая, вы слышали? Тротти проситъ насъ пріѣхать къ ней ужинать. Вы согласны?

— Я на все согласна,—весело сказала м-ссъ Бради.— Жоржъ, почему ты не вернулся къ намъ? Ты насъ постыдно покинулъ. М-ръ Варендеръ пошелъ отыскивать нашу карету. Ты тоже ѣдешь къ м-ссъ Вандердекенъ, Жоржъ? Мнѣ казалось, что она тебѣ не нравится. Но ты теперь, кажется, другого мнѣнія о ней, не правда ли?.. Ахъ, вотъ и м-ръ Варендеръ—онъ зоветъ насъ. Да, Адель, я иду... Идемъ, Жоржъ. А, вотъ Тротти и лордъ Криссъ спускаются съ лѣстницы. Жоржъ, милый Жоржъ, ты наступилъ мнѣ на платье. Да слушай же, когда я съ тобой говорю... Почему у тебя такой растерянный видъ?

Жоржъ пробормоталъ извиненіе и помогъ м-ссъ Бради выбраться изъ толпы, которая разсыпалась по всѣмъ направленіямъ, сѣтуя на раннее закрытіе ресторановъ.

Обѣ коляски подъѣхали почти одновременно къ дому м-ссъ Вандердекенъ. Адель схватила за руку свою пріятельницу и взволнованно спросила ее:

— Въ чемъ дѣло, Тротти? Дѣйствительно что-нибудь важное?

— Подождите и услышите,—сказала м-ссъ Вандердекенъ таинственнымъ голосомъ.—Я объявлю это за ужиномъ.

XIV.

Въ мягко освѣщенной столовой собралось только очень небольшое общество.

— Вамъ придется довольствоваться тѣмъ, что есть,—заявила м-ссъ Вандердекенъ своимъ гостямъ.—Я не ожидала сегодня гостей, и только въ театрѣ рѣшила позвать тѣхъ, кого увижу. Выпьемъ сначала по чашкѣ бульону. Подкрѣпитесь сначала, а потомъ я сообщу вамъ мою новость.

— Тротти всегда умѣетъ возбуждать любопытство,—проговорилъ лордъ Криссъ, садясь около м-ссъ Гидеонъ Ли.

— Послѣ такой пьесы дѣйствительно нужно подкрѣпиться,— отвѣтила та, взявъ чашку бульона изъ рукъ лакея.

— Пьеса плохая—это правда. Но возвращаюсь къ Тротти: неужели она опять приготовила намъ сюрпризъ? Слишкомъ ужъ она изобрѣтательна!

— Не долго же пришлось блистать этой звѣздѣ!—замѣтила м-ссъ Гидеонъ Ли, глядя на Зару, которая сѣла въ концѣ стола.— Кстати, какого вы мнѣнія объ ея наружности, лордъ Криссъ?

— А вы какого?—спросилъ онъ, зная, что никогда не слѣдуетъ говорить женщинѣ свое искреннее мнѣніе о другой женщинѣ.

— Я не нахожу въ ней ничего замѣчательнаго, но она, конечно, производитъ нѣкоторое впечатлѣніе своей оригинальностью. Лучше всего она спѣла вашу пѣсню,—но мнѣ говорила Тротти, что вы учили ее каждой нотѣ.

— Ахъ, это уже старая исторія, про которую я самъ забылъ,—равнодушно сказалъ лордъ Криссъ.—Съѣшьте вотъ этого —я даже не знаю, что это такое, но это божественно.

— Я боюсь ѣсть на ночь; у меня завтра утромъ дѣловое свиданіе съ театральнымъ директоромъ.

— Вамъ предлагаютъ интересную роль?

— Да, только нѣсколько странную. Вы знаете молодого графа Бриттльси? Онъ увлекается теперь сценой и строитъ ве-

ликолѣпный театръ въ своемъ помѣстьи. Но онъ непремѣнно хочетъ самъ писать пьесы для своего театра. Говорятъ, впрочемъ, что ему помогаетъ его секретарь. Теперь онъ собирается поставить пьесу, въ которой ни одна актриса не соглашается участвовать, потому что онъ самъ хочетъ играть героиню. Мнѣ предлагаютъ играть роль юноши. Я не могу еще рѣшиться. Какъ-то странно объясняться въ любви мужчинѣ, переодѣтому въ женщину.

— Что-жъ, это оригинально, и за то спасибо,—отвѣтилъ лордъ Криссъ.—Слишкомъ ужъ надоѣли всѣ повторенія въ искусствѣ и въ жизни.

— Значитъ, вы совѣтуете мнѣ принять эту роль?

— Когда спрашиваютъ совѣта, то это всегда значитъ, что не примутъ его. Я поэтому даю совѣты только когда меня не спрашиваютъ. Вы будете прелестны въ костюмѣ мальчика, и навѣрное чудесно сыграете свою роль. Васъ ждетъ успѣхъ, и поэтому, конечно, слѣдуетъ принять предложеніе.

Лордъ Криссъ обратился къ другой своей сосѣдкѣ за столомъ—м-ссъ Бради, и спросилъ ее, какого она мнѣнія о затѣѣ молодого лорда, превращающаго свой старинный замокъ въ театръ.—Вѣдь это все-таки нѣчто новое,—сказалъ онъ,—а жизнь была бы нестерпима, еслибы въ ней не было неожиданностей.

— Но такія неожиданности заставляютъ завидовать будущему поколѣнію, которому предстоятъ другіе сюрпризы,—сказала м-ссъ Бради.

— Для будущаго поколѣнія сюрпризовъ уже не останется,—сказалъ лордъ Криссъ.—Мы уничтожили молодость, и способность удивляться и ждать чего-либо исчезаетъ раньше, чѣмъ наступаетъ пора переживать сюрпризы. А кстати, скажите,—вы прочтете мою поэму на благотворительномъ вечерѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтила м-ссъ Бради.—Ей не нравился претенціозный тонъ лорда Крисса и его фамильярность въ обращеніи.

— Тогда мнѣ придется попросить кого-нибудь другого,—холодно отвѣтилъ онъ, наливая себѣ шампанскаго.—Но почему собственно вы не хотите читать?

— Я бы не съумѣла прочесть какъ слѣдуетъ. Я обѣщала читать, не слыхавъ еще поэму, а теперь вижу, что не смогу передать народный говоръ, которымъ она написана. Вѣдь вы изучали языкъ съ натуры, а я незнакома съ лондонскими предмѣстьями.

— Ничего я не изучалъ; я взялъ нѣсколько стихотвореній

извѣстнаго народнаго поэта Шевалье и составилъ по нимъ мои собственные стихи. Это очень легко.

М-ссъ Бради взглянула на него съ удивленіемъ, не зная, говоритъ ли онъ правду, или вышучиваетъ себя самого подъ вліяніемъ шампанскаго.

— Но вѣдь вы выдавали стихотвореніе за оригинальное,— сказала она.

— Конечно. Я никогда не разрушаю иллюзій. Въ нихъ—вся прелесть жизни, вся сущность современной философіи.

М-ссъ Бради замолчала, пораженная его цинизмомъ. Лордъ Криссъ обратился къ хозяйкѣ:

— Ну, что же, Тротти,—сказалъ онъ,—развѣ еще не насталъ часъ сдѣлать намъ сообщеніе, которое вы обѣщали? Мы подкрѣпили себя ѣдой и питьемъ. Удовлетворите же теперь нашему любопытству.

Все общество присоединилось къ его просьбѣ, и м-ссъ Вандердекенъ обвела гостей улыбающимся взглядомъ.

— Вы будете очень удивлены,—какъ и я сама,—сказала она.—Дѣло въ томъ, что я получила большое наслѣдство.

Ея слова дѣйствительно возбудили общій интересъ. Даже лордъ Криссъ отставилъ стаканъ съ шампанскимъ, который подносилъ уже къ губамъ, и посмотрѣлъ на нее широко открытыми глазами.

— Наслѣдство очень большое,—продолжала она,—и совершенно неожиданное. Я узнала о немъ только вчера, и провела сегодняшнее утро въ отвратительномъ мѣстѣ, которое называется Lincoln's Inn, читая дѣловыя бумаги и подписывая ихъ. Какой-то старый дядя, котораго я едва помню, завѣщалъ мнѣ помѣстье въ Корнвалиссѣ и около семидесяти тысячъ фунтовъ деньгами. По этому случаю я обращаюсь къ вамъ вотъ съ какой просьбой. Я собиралась поѣхать послѣ Рождества въ Каиръ, но вмѣсто этого предлагаю вамъ всѣмъ пріѣхать ко мнѣ въ мое новое помѣстье, которое носитъ названіе „Волшебнаго замка“. Это—огромный, очень старый и интересный замокъ. Помимо всего другого, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что тамъ есть комната съ привидѣніями.

— Неужели? Браво, Тротти!—сказалъ лордъ Криссъ.

— Конечно,—продолжала м-ссъ Вандердекенъ,—мы всѣ знаемъ, что привидѣній нѣтъ, и поэтому я не стану разспрашивать тамошнихъ людей, въ которой изъ комнатъ появляется привидѣніе; каждый изъ насъ будетъ имѣть одинаковые шансы попасть именно въ эту комнату. Мы только должны всѣ обѣ-

щать, что если кому-нибудь изъ насъ приведется увидѣть или услышать нѣчто странное, то мы не будемъ разузнавать, въ чемъ дѣло. Всѣ согласны?

Она оглянула гостей, и взоръ ея остановился на Жоржѣ, сидѣвшемъ около Зары. Дѣвушка съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за рѣчью м-ссъ Вандердекенъ, не вполнѣ понимая смыслъ ея словъ. Жоржъ смотрѣлъ на нее и почти не слушалъ Тротти.

— Я очень рада за васъ!—воскликнула Адель Бодезаръ.— Но какъ это мы отправимся всей компаніей куда-то въ деревенскій сарай? Вѣдь вашъ старинный домъ навѣрное неузнаваемъ.

Адель вспоминала другія поѣздки въ деревню зимой, и знала, сколько приходится страдать отъ сквозняковъ и сырости въ деревенскихъ усадьбахъ и какъ тамъ скучно зимой, если не устроивается охота или не занимаются какимъ-нибудь спортомъ.

— Я позабочусь о томъ, чтобы вамъ тамъ было удобно,— отвѣтила м-ссъ Вандердекенъ.—Я пошлю цѣлый отрядъ слугъ, чтобы провѣтрить домъ и привести все въ порядокъ. Къ тому же тамъ отличный управляющій. Я предлагаю вамъ всѣмъ пріѣхать въ сочельникъ, и надѣюсь, что мы проведемъ пріятную недѣлю до Новаго года.

— Въ сочельникъ?—спросила м-ссъ Бради.—Вѣдь вашъ благотворительный вечеръ назначенъ на сочельникъ.

— Вечеръ можно отложить,—небрежнымъ тономъ сказала м-ссъ Вандердекенъ.

— Зала уже нанята, милая Тротти,—сказала Адель.

— Развѣ?—томно возразила м-ссъ Вандердекенъ.—Ну, такъ я приглашу какого-нибудь фокусника. Я увѣрена, что онъ понравится публикѣ.

М-ссъ Бради подумала, что публика даже предпочтетъ фокусника чтенію поэмы лорда Крисса и другимъ развлеченіямъ, предлагаемымъ членами „Союза душъ“, но она этого все-таки не сказала вслухъ. Она думала о томъ, относится ли приглашеніе м-ссъ Вандердекенъ ко всѣмъ ея гостямъ, или только къ членамъ секты. Къ ней лично Тротти не обращалась и, повидимому, не особенно интересовалась ею.

— Такимъ образомъ мое вдохновеніе пропадетъ даромъ,— трагически воскликнулъ лордъ Криссъ,—и населеніе Истъ-Энда не услышитъ поэмы, написанной для него!

М-ссъ Вандердекенъ перевела свой усталый взглядъ на лорда Крисса.

— По моему, всякую публику больше всего интересуетъ то, съ чѣмъ она не знакома,—сказала она.—Поэма изъ рабочаго

быта не представляетъ новизны для рабочихъ. Вы бы имъ лучше сообщили что-нибудь о Вестъ-Эндѣ или высшемъ искусствѣ. Я увѣрена, что еслибъ вы пошли на концертъ народнаго пѣвца, вы бы тамъ не встрѣтили рабочихъ.

— Это вѣрно,—сказалъ лордъ Криссъ.—Я отнынѣ буду знакомить вестъ-эндскую публику съ Истъ-Эндомъ,—это создастъ мнѣ успѣхъ. Значитъ, вы хотите устроить охоту на привидѣній, Тротти? Это дѣйствительно ново.

— Напрасно вы шутите на этотъ счетъ,—возбужденно сказала м-ссъ Гидеонъ Ли.—Что касается меня, то я твердо вѣрю въ привидѣнія. Это—потерянныя, блуждающія души, несчастныя тѣни, которыя напрасно ищутъ сочувствія у людей.

— Ахъ, еслибъ можно было превратиться въ невидимый духъ хоть на одинъ день! Какъ бы это было очаровательно!—сказала Адель.—Сколько можно было бы сдѣлать открытій!

— Много открытій можно сдѣлать и безъ этого,—сухо сказалъ лордъ Криссъ.—Но мы всѣ замечтались, и никто даже не поздравилъ Тротти. Выпьемъ за ея здоровье и дадимъ слово ввести ее во владѣніе таинственнымъ замкомъ.

— Такъ вы всѣ обѣщаете пріѣхать? Вы не покинете меня?—настаивала м-ссъ Вандердекенъ.

— Мы никогда не покинемъ нашу прекрасную владычицу,—галантно воскликнулъ лордъ Криссъ, поднимаясь и снова наполняя свой стаканъ.—Мы желаемъ ей всякаго счастья и благополучія, и надѣемся, что ей удастся показать намъ настоящее святочное привидѣніе. Мы провозгласимъ ее королевой святочныхъ пировъ, и употребимъ всѣ наши силы, чтобы достойно чествовать ее. Наслѣдство—нѣчто очень прозаичное, чуждое поэзіи. Всякій можетъ получить наслѣдство, но все-таки это довольно пріятно; даже если отъ него отказаться, то всегда найдется кто-нибудь, кто радъ перенять его. Я сегодня не расположенъ философствовать,—устрицы и шампанское не располагаютъ къ размышленіямъ, а привидѣніе, предложенное намъ на дессертъ, окончательно затуманило мой умъ. Но, все-же, я долженъ сказать, что все таинственное имѣетъ для меня большое очарованіе. Неживое всегда страннымъ образомъ влечетъ къ себѣ живыхъ. Тротти даетъ намъ случай проникнуть въ область непознаваемаго,—честь и слава ей за это, какъ и за всѣ ея другія сенсаціонныя открытія. Я кончаю словами поэта:—Египетъ всегда у насъ останется, а духи имѣютъ склонность исчезать.

XV.

Ужинъ кончился очень поздно и, послѣ выпитаго въ большомъ количествѣ шампанскаго и ликера, превратился почти въ оргію; м-ссъ Бради уже подъ утро поѣхала домой вмѣстѣ съ Жоржемъ, которому сразу сдѣлалось скучно, когда Зара ушла къ себѣ въ комнату.

— Что-же, мы поѣдемъ въ Корнваллисъ? — спросила м-ссъ Бради въ то время какъ коляска везла ихъ по темнымъ туманнымъ улицамъ. — Тротти пригласила всѣхъ присутствовавшихъ на ужинѣ.

— Я не знаю, смогу ли поѣхать: это зависитъ отъ дѣлъ, — отвѣтилъ онъ.

— Какія такія дѣла на Рождествѣ?—сказала м-ссъ Бради. —По моему, непремѣнно слѣдуетъ поѣхать. Будетъ навѣрное очень весело—и можно будетъ дѣлать интересныя наблюденія.

— Можетъ быть, мнѣ и удастся поѣхать,—сказалъ Жоржъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Какая Тротти счастливая! Она и такъ была очень богата, а теперь еще это неожиданно доставшееся ей огромное наслѣдство. — Вѣдь еслибы я работалъ всю мою жизнь, не покладая рукъ, я бы не пріобрѣлъ и четверти такого состоянія.

— Конечно. Я вѣдь говорила, что тебѣ нужно жениться, чтобъ быть богатымъ.

— На это я не согласенъ, — возразилъ Жоржъ очень рѣшительнымъ тономъ.—Если я не могу самъ составить себѣ состояніе, то во всякомъ случаѣ не намѣренъ пользоваться чужимъ богатствомъ.

— Это очень благородно,—отвѣтила м-ссъ Бради,—но подумай, сколько лѣтъ тебѣ придется трудиться, чтобы достигнуть хоть чего-нибудь. И всѣ эти годы нужно жить, и— что хуже всего—доставать деньги на жизнь.

— Знаю, знаю,—сказалъ онъ съ досадой,—зачѣмъ вы вѣчно напоминаете мнѣ объ этомъ, тетя? Какая гадость, что все сводится къ деньгамъ! Вся жизнь превратилась въ погоню за тѣмъ, что въ сущности намъ совершенно не нужно. Иногда мнѣ хочется бросить все это и убѣжать куда-нибудь, гдѣ можно жить простой, здоровой жизнью.

М-ссъ Бради ничего не отвѣтила. Ее всегда пугали подобныя слова Жоржа. Она его любила какъ сына, и ея самымъ завѣтнымъ желаніемъ было создать ему хорошее положеніе въ

обществѣ. Было бы печальной ироніей судьбы, если бы онъ отъ всего отказался какъ разъ въ тотъ моментъ, когда можно было надѣяться на успѣхъ. Она коснулась его руки. — Не будь такимъ малодушнымъ,—сказала она.—Жизнь вовсе не такъ мрачна. Теперь, когда мы хорошо знаемъ этихъ людей, не трудно извлечь пользу изъ дружбы съ ними. Я увѣрена, что ты сдѣлаешь блестящую карьеру, будешь знаменитымъ адвокатомъ.

— Иногда приходится платить слишкомъ дорого за такую знаменитость,—тихо сказалъ онъ, устремляя взглядъ въ ночной мракъ.—Знаете, тетя, мнѣ иногда мучительно хочется уйти къ людямъ, которые не проводятъ жизнь за картами и въ безсмысленныхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ,—хочется убѣжать изъ этого проклятаго Лондона, отъ свѣтскихъ обязанностей, отъ лжи, притворства и—женщинъ...

— Жоржъ, милый, что случилось съ тобой?

Онъ засмѣялся отрывистымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.—Не знаю; можетъ быть это начало прозрѣнія—до сихъ поръ я былъ слѣпъ.

— Ты такъ говоришь, точно пережилъ какое-нибудь разочарованіе. Надѣюсь, что Адель...

— Забудьте о ней, тетя. Лэди Бодезаръ менѣе всего годится для той роли, которую вы ей предназначаете.

— Очень жаль, что ты такъ думаешь,—сказала м-ссъ Бради. —Она несомнѣнно лучше ихъ всѣхъ. Можетъ быть, если ты ближе ее узнаешь и увидишь ее въ другой обстановкѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—нетерпѣливо воскликнулъ онъ.—Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

М-ссъ Бради подумала о Зарѣ, и сердце ея наполнилось тревогой. Но она поняла, что не слѣдуетъ теперь говорить о ней. Лучше не замѣчать опасности, чѣмъ намекать на нее.

Она почувствовала облегченіе, когда коляска остановилась у ея дома. Жоржъ проводилъ ее до дверей и уѣхалъ домой въ странномъ состояніи безнадежности и тоски о чемъ-то невѣдомомъ.

М-ссъ Бради прошла прямо въ спальню. Она застала тамъ Эжени, сидѣвшую у камина за чтеніемъ журнала, который она отложила при входѣ своей госпожи.

— Боже, какъ я устала! — проговорила м-ссъ Бради, опускаясь въ низкое, глубокое кресло у камина.—Я поѣхала ужинать къ м-ссъ Вандердекенъ послѣ театра. Представьте себѣ, Эжени, она получила въ наслѣдство большое состояніе и имѣніе въ придачу. Какое неслыханное счастье! Она и такъ была довольно богата, а теперь еще вдвое богаче.

— Да, ma'am, правду говорятъ, что дьяволъ заботится о тѣхъ, кто продалъ ему душу,—отвѣтила камеристка, начиная разстегивать платье своей госпожи.—Я читала много страннаго про вашихъ знакомыхъ вотъ въ этомъ журналѣ, ma'am. Тутъ есть также описаніе концерта у лэди Бодезаръ, и я очень обрадовалась, найдя и ваше имя среди другихъ.

— Неужели? Дайте мнѣ прочесть, Эжени!

— Сейчасъ, ma'am. Только позвольте сначала снять платье и подать вамъ капотъ. Вы можете читать, пока я буду убирать вамъ волосы на ночь.

М-ссъ Бради отдала себя въ распоряженіе камеристки и углубилась въ столбцы „Осы“, когда Эжени стала расчесывать ея пышные черные волосы.

— Боже мой!—вдругъ воскликнула м-ссъ Бради:—да тутъ все описано самымъ точнымъ образомъ. Откуда они узнали про вечеръ? Адель мнѣ говорила, что ни одного журналиста не было на концертѣ.

— Мало ли что̀ бываетъ,—отвѣтила Эжени.—Можетъ быть, кто-нибудь изъ гостей пишетъ въ этомъ журналѣ, — ни за кого нельзя ручаться. Но какъ тамъ хорошо сказано про васъ: „Среди присутствующихъ мы замѣтили и м-ссъ Перрену Бради, красивую ирландскую вдову, которая принадлежитъ къ высшему дублинскому обществу и часто посѣщаетъ Лондонъ во время сезона“. Лучше и сказать нельзя. И какъ хорошо описанъ вашъ туалетъ! А потомъ дальше. „Мы видѣли м-ссъ Перрену Бради на Бондъ-Стритѣ; она ѣхала съ лэди Бодезаръ ong route на званый завтракъ“.

— Вы, кажется, выучили это наизусть, Эжени?

— Конечно, ma'am; что̀ же мнѣ дѣлать по цѣлымъ вечерамъ, какъ не читать о вашихъ успѣхахъ въ свѣтѣ? Я говорила, что васъ будутъ называть въ числѣ самыхъ знатныхъ дамъ, и слова мои оправдались.

— Я полагаю, что м-ссъ Вандердекенъ будетъ очень недовольна тѣмъ, что имя Зары проникло въ печать,—сказала м-ссъ Бради.

— Вы говорите объ этой венгерской пѣвицѣ? — спросила Эжени.—Она такая красавица и голосъ ея въ состояніи растрогать камень. Было бы жалко, если бы у нея не нашлось друга, который обратилъ бы вниманіе публики на ея красоту и талантъ.

М-ссъ Бради быстро взглянула на камеристку. — Надѣюсь, Эжени, что эти собиратели свѣтскихъ сплетенъ не пользуются

вашими услугами? Я слышала, что во всѣхъ свѣтскихъ домахъ есть шпіоны, оплачиваемые газетами, и что именно этимъ путемъ попадаютъ въ печать разные слухи.

— Неужели, ma'am? Какъ это ужасно! Но въ такомъ случаѣ, можетъ быть, кто-нибудь изъ слугъ лэди Бодезаръ сообщилъ всѣ эти свѣдѣнія...

— Никто изъ нихъ не знаетъ ничего про меня — и про Дублинъ.

— Они отлично могли узнать. Ваше имя часто называлось въ ирландскихъ газетахъ, а съ тѣхъ поръ, какъ лэди Бодезаръ такъ дружна съ вами, можетъ быть она иногда говорила о васъ со своей горничной,—такъ же, какъ вы иногда говорите мнѣ о ней. Но я не вижу въ этомъ ничего особенно дурного. Я, во всякомъ случаѣ, радуюсь отъ всей души, что вы вошли теперь въ составъ высшаго общества.

М-ссъ Бради уронила „Осу" на полъ. Она задумчиво поглядѣла на свое отраженіе въ зеркалѣ, потомъ снова взоръ ея упалъ на журналъ. „Слава Богу,—подумала она,—что мое честолюбіе никогда не направлялось въ эту сторону. Какая это пошлая и жалкая слава—быть названной въ числѣ многихъ другихъ, читать описаніе своего туалета въ числѣ множества другихъ туалетовъ и быть обязанной своей извѣстностью наглости людей, добывающихъ свѣдѣнія путемъ подкупа. Можно ли представить себѣ нѣчто болѣе отвратительное"!

Въ порывѣ внезапнаго негодованія она подняла журналъ съ пола, вырвала возмутившую ее страницу и бросила ее въ огонь. Эжени выронила отъ изумленія щетку изъ рукъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, ma'am? — воскликнула она, оскорбленная въ своемъ авторскомъ самолюбіи.—Такое великолѣпное описаніе... я думала, что оно такъ же понравится вамъ, какъ и мнѣ.

— Какъ вамъ?—М-ссъ Бради высвободила свои волосы изъ рукъ горничной и взглянула ей прямо въ глаза. — Эжени, если вы имѣете какое-либо отношеніе ко всему этому, я сейчасъ же откажу вамъ. Это—величайшая гнусность! Скажите, давали вы какія-нибудь свѣдѣнія о концертѣ, о публикѣ и туалетахъ? Я вспоминаю теперь, какъ вы просили, чтобы я взяла васъ съ собой къ лэди Бодезаръ, но я думала...

— Что вы, что вы, ma'am? Да развѣ я стала бы писать въ газеты, если бы даже у меня былъ писательскій талантъ! Вѣдь вы знаете, что я терпѣть не могу писать даже письма.

Она, однако, сильно покраснѣла, говоря это, и голосъ ея звучалъ не убѣдительно.

— Во всякомъ случаѣ, имѣйте въ виду на будущее время, что я не допущу, чтобы мой домъ былъ разсадникомъ сплетенъ обо мнѣ самой и о моихъ знакомыхъ. Я не такъ понимаю успѣхъ въ обществѣ. Каждый можетъ устроить, чтобы о немъ говорили въ печати, если ему этого хочется. Гораздо болѣе достойно избѣгать этого.

Эжени продолжала расчесывать волосы м-ссъ Бради, ничего не возражая ей.

— Это—прямое оскорбленіе,—продолжала возмущаться вышедшая изъ себя м-ссъ Бради.—Я удивляюсь, какъ это допускаютъ.

Она снова взяла въ руки разорванный журналъ и стала читать сообщенія на первой страницѣ.

„Въ обществѣ такихъ интересныхъ собесѣдниковъ, какъ лордъ и лэди де-Д., какъ лордъ Гербертъ В. Т. и чета К.,—принцъ У., конечно, очень пріятно провелъ время въ Guille-Home. По вечерамъ шла высокая игра".

Великосвѣтское остроуміе.

„Нѣкоторыя дамы высшаго свѣта славятся своимъ остроуміемъ, также какъ своими брилліантами. Лэди Т. недавно сказала, что страдающіе желудкомъ—это люди съ оптимистическимъ пищевареніемъ. Само собой разумѣется, что это остроумное опредѣленіе вызвало несмолкаемый хохотъ у слушателей".

Многообѣщающій членъ радикальной партіи.

„М-ръ Реджи Мак-Тартакъ — молодой и многообѣщающій членъ оппозиціи. Онъ питается только шотландской похлебкой и вареной бараниной, и не носитъ никакихъ украшеній, кромѣ кэрнгормской булавки для галстуха, унаслѣдованной имъ отъ его бабушки. Онъ усердно изучаетъ политику, и можетъ говорить о всякомъ вопросѣ съ большимъ воодушевленіемъ и съ очень замѣтнымъ шотландскимъ акцентомъ. Его, вѣроятно, часто придется слушать въ теченіе наступающей парламентской сессіи—хотя едва-ли многіе поймутъ его жаргонъ".

Дальше м-ссъ Бради не могла читать, и съ гнѣвомъ бросила весь журналъ въ огонь.

— Я требую, чтобы этотъ гнусный журналъ никогда болѣе не получался у меня въ домѣ!—сказала она.—И помните, Эжени, если я когда-нибудь узнаю, что вы доставляете свѣдѣнія этимъ негодяямъ, собирающимъ свѣтскія сплетни, я моментально отправлю васъ.

Бѣдная Эжени горячо настаивала на своей полной невинности, внутренно глубоко огорченная жестокой критикой на ея литературное произведеніе.

XVI.

Ужинъ у м-ссъ Вандердекенъ сыгралъ большую роль въ судьбѣ м-ссъ Бради. Она была подвергнута, безъ ея вѣдома, баллотировкѣ, когда пришло время разсылать личныя приглашенія участникамъ рождественской поѣздки. М-ссъ Вандердекенъ считала необходимымъ сдѣлать очень строгій выборъ. Никакихъ постороннихъ элементовъ, никакой критики извнѣ не слѣдовало допускать, чтобы не нарушать священной свободы членовъ „Vie Intime". „Moi—je suis le droit"—было девизомъ, выбраннымъ для предстоящаго собранія, и эти слова стояли въ заголовкѣ посланныхъ „избраннымъ" приглашеній. М-ссъ Вандердекенъ заѣхала къ Адель Бодезаръ, чтобы лично переговорить относительно м-ссъ Бради.

— Ее непремѣнно нужно позвать, —сказала Адель.—Да вѣдь вы же ее даже пригласили.

— Лично я ее не приглашала. Вы привезли ее съ собой изъ театра, и мое тогдашнее приглашеніе не относилось ни къ кому въ частности. Я потомъ внимательно просмотрѣла списокъ приглашенныхъ и нѣкоторыхъ выключила. Я хочу избѣжать всего, что̀ нарушило бы гармонію нашего общества,—намъ нужна полная свобода.

— Перрена никому не будетъ въ тягость. Она очаровательна, я ее очень полюбила. Она никогда не дуется, всегда весела, готова помочь, дать совѣтъ—и такая пріятная собесѣдница.

— Я этого еще не нашла до сихъ поръ,—замѣтила м-ссъ Вандердекенъ. — Мнѣ она, напротивъ того, не особенно нравится. Она смотритъ на меня всегда такимъ вызывающимъ и явно осуждающимъ взглядомъ—точно все время смѣется въ кулакъ.

— Да развѣ кто-нибудь смѣется въ кулакъ? Это, должно

быть, очень неудобно. Хотѣла бы я знать, кто собственно выдумываетъ пословицы и поговорки. Слѣдовало бы выдумать новыя. Я пробовала недавно, но это труднѣе, чѣмъ кажется. Всегда выходитъ что-нибудь похожее на то, что уже есть у Шекспира или у кого-нибудь другого изъ классиковъ.

— Вы бы лучше отвѣчали на мои вопросы, чѣмъ думать о пустякахъ,—сердито остановила ее м-ссъ Вандердекенъ.—Стоитъ ли теперь вспоминать о Шекспирѣ, когда всѣ передовые люди убѣждены, что не онъ—авторъ своихъ драмъ. Скажите лучше, увѣрены ли вы, что ваша Перрена не будетъ намъ ни въ чемъ мѣшать?

— Насколько я ее знаю, въ ней нѣтъ ничего, что могло бы шокировать кого-либо изъ насъ.

М-ссъ Вандердекенъ хотѣла еще что-то сказать, но остановилась и опустила глаза.

— Скажите,—спросила она,—какую новую роль вы выбрали для себя?

— Въ настоящее время—никакой; поэтому-то мнѣ такъ пріятно въ обществѣ Перри. Она держится такъ просто и естественно, и дѣйствительно иногда говоритъ то, что думаетъ.

— Это, дѣйствительно, оригинально,—сухо сказала Тротти.— Но именно поэтому я и спрашиваю васъ, можно ли ей довѣрять?

— Во всякомъ случаѣ, не менѣе чѣмъ Жоржу.

— Жоржу? — съ изумленіемъ повторила м-ссъ Вандердекенъ.—Я не собиралась приглашать Жоржа.

— Почему? Вы боитесь, что онъ влюбится въ Зару?

— Ничуть не боюсь,—холодно возразила Тротти.—Я съумѣю предотвратить это.

— А она тоже поѣдетъ съ нами?

— Конечно, но будетъ выходить къ гостямъ только послѣ обѣда, и то на короткое время.

— Бѣдняжка!

— Она любитъ работать, и когда у нея есть рояль и книги, ей ничего больше не нужно. Она совершенно не похожа на нашихъ свѣтскихъ барышенъ.

— За это—большое ей спасибо. Но, возвращаясь къ нашему разговору, я должна сказать вамъ откровенно, что поѣду только въ томъ случаѣ, если вы пригласите и Перрену. Я боюсь ѣхать въ деревню безъ охраняющаго меня друга.

— Но если я приглашу ее, придется пригласить и Жоржа,— сказала Тротти недовольнымъ голосомъ. — А онъ всѣмъ намъ чужой.

— Мнѣ казалось, что съ Криссомъ...

— Теперь ихъ дружба кончилась; мнѣ Криссъ самъ говорилъ. Жоржъ сдѣлался очень замкнутымъ, вѣчно работаетъ и не выходитъ изъ дома, и даже не проситъ денегъ взаймы.

Адель разсмѣялась.

— Я вижу въ этомъ вліяніе его тети,—сказала она.—Она умѣетъ подчинять людей своей волѣ.

— Я, право, боюсь ея,—продолжала Тротти.—Обѣщайте, по крайней мѣрѣ, занимать ее, если она пріѣдетъ.

— Съ удовольствіемъ. Вы можете быть совершенно спокойны—она не причинитъ вамъ непріятностей. Но скажите, вы имѣете представленіе о домѣ, куда вы насъ зовете? Можетъ быть, тамъ нельзя жить?

— Домъ вполнѣ благоустроенный. Я давно тамъ не была, и поѣду за нѣсколько дней до васъ, чтобы привести все въ полный порядокъ.

— Вѣдь до Корнваллиса очень далеко?

— Ближе чѣмъ до Петербурга,—часовъ семь ѣзды по желѣзной дорогѣ.

— А это правда относительно комнаты, гдѣ появляется привидѣніе, или вы это придумали для интересности?

— Нѣтъ, правда,—что не мѣшаетъ, конечно, интересности. А теперь прощайте,—сказала Тротти, застегивая свою мѣховую накидку.—У меня еще бездна дѣлъ сегодня.

— Вы не забудете послать приглашеніе Перренѣ?

— Нѣтъ, если вы ручаетесь, что не выйдетъ непріятностей. Кстати, Адель, я забыла вамъ разсказать, что получила сегодня утромъ нумеръ какого-то новаго вздорнаго журнала „Оса", въ которомъ помѣщенъ точный отчетъ о концертѣ Зары, о ея перемѣнѣ туалетовъ, о присутствовавшихъ въ публикѣ лицахъ. Какъ это они вывѣдали все? Вы обѣщали, что не позовете рецензентовъ.

— Да ихъ и не было, насколько я знаю. Я ни въ одну газету не послала билетовъ.

— А въ этомъ журнальчикѣ описано все въ подробности,—злобно сказала м-ссъ Вандердекенъ. — И эти нахалы пишутъ, что на васъ были недурные брилліанты. Подумайте, какой-нибудь невѣжда, не умѣющій отличить Ко-и-нора отъ горнаго хрусталя, смѣетъ судить о нашихъ брилліантахъ!

— Это постоянно дѣлается, и я не знаю, какъ уберечься отъ этого. Кстати, я въ этотъ вечеръ носила только жемчугъ, и на мнѣ не было ни одного брилліанта.

— А замѣтили ли вы, что ваша пріятельница, м-ссъ Бради, никогда не носитъ брилліантовъ.

— Она не любитъ ихъ,—сказала Адель,—и считаетъ нашъ обычай обвѣшивать себя камнями и побрякушками варварскимъ. Да она и права—у нея такія безукоризненно красивыя плечи и руки, что никакіе брилліанты не могли бы придать имъ еще больше красоты.

— Однимъ словомъ, она—совершенство,—иронически возразила м-ссъ Вандердекенъ, направляясь къ дверямъ.—Я приглашу ее ради васъ—помните это. Я не знаю сама, почему я не довѣряю ей, но не могу побѣдить своего предубѣжденія. Я увѣрена, что она ко мнѣ нехорошо относится.

— Криссу она, кажется, нравится.

— Да, онъ говоритъ, что она забавна.

М-ссъ Вандердекенъ остановилась въ дверяхъ.

— Знаете, что мнѣ пришло въ голову?—сказала она.—Возможно, что это она написала замѣтку о концертѣ.

— Милая Тротти, почему васъ такъ волнуетъ эта замѣтка? О насъ постоянно пишутъ разный вздоръ,—пора бы уже привыкнуть къ этому. Я совершенно увѣрена, что Перри тутъ ни при чемъ. Она такъ презираетъ газетныя сплетни.

— Можетъ быть, она притворяется, чтобы отстранить подозрѣніе?

— Хотите, я спрошу ее?

— Какой вы ребенокъ, Адель! Да развѣ она признается? Помните м-ссъ Артурсонъ, которая въ прошломъ году всюду бывала, и никто не подозрѣвалъ, что она—журналистка. А она насъ всѣхъ потомъ вышучивала въ газетахъ.

— Такъ вы думаете, что Перрена тоже на это способна?

— Нѣтъ, я не думаю, что она пишетъ—для этого она слишкомъ много говоритъ; писатели обыкновенно неинтересны въ разговорѣ, если только они не говорятъ о своихъ произведеніяхъ. А теперь я должна, наконецъ, уйти. У меня сегодня завтракаетъ нѣсколько дѣловыхъ людей, и мнѣ опять придется подписывать бумаги. Это такъ скучно!

— Ради семидесяти тысячъ фунтовъ стоитъ немного поскучать. Сколько же у васъ будетъ теперь годового дохода! Тротти? Не выйдете ли вы теперь замужъ?

— Нѣтъ, довольно съ меня и перваго опыта. Мужчины или скучны, или грубы. Чтобы хорошо относиться къ нимъ, лучше быть отъ нихъ подальше.

— Но мнѣ казалось, что Крисси...

М-ссъ Вандердекенъ вспыхнула отъ гнѣва.

— Вы съ ума сошли, Адель! Крисси... онъ умѣетъ только дѣлать долги и придумывать злыя шутки. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы иногда уплачивать за него часть этихъ долговъ и выслушивать его шутки. Но выйти за него замужъ— какая нелѣпая мысль!

Она, наконецъ, ушла, и Адель засмѣялась, когда дверь закрылась за нею.

„Бѣдная Тротти!—подумала она.—Она становится все болѣе и болѣе странной. Хорошо, что она такъ богата и никто не смѣетъ поэтому осуждать ее“.

Дверь снова раскрылась, и въ комнату вошелъ Оскаръ Джонсъ. Лицо его было блѣдно и взволнованно.

— Наконецъ-то вы появились, Оскаръ. Гдѣ вы пропадали?— я не видѣла васъ со времени концерта. Что̀ случилось? У васъ такой видъ, точно вы возвращаетесь со своихъ собственныхъ похоронъ.

— Вы почти что угадали,—сказалъ юный геній могильнымъ голосомъ.

Онъ сѣлъ въ кресло и вынулъ изъ бокового кармана нумеръ журнала въ яркой обложкѣ.

— Вотъ могила моихъ надеждъ, моего артистическаго честолюбія,—сказалъ онъ, становясь все болѣе и болѣе мрачнымъ.— Вы обѣщали быть мнѣ другомъ; я преклонялся передъ вами, какъ передъ богиней и моимъ добрымъ геніемъ—и вы погубили меня.

— Я васъ погубила! Что̀ вы хотите сказать?

— Читайте!—сказалъ онъ, открывая передъ ней страницу злополучнаго журнала.—Вы увидите, какъ жестоко меня оскорбили.

Лэди Бодезаръ увидѣла отмѣченный карандашомъ параграфъ и прочла слѣдующее:

„Въ промежуткѣ между двумя отдѣленіями неизвѣстный піанистъ (котораго публика, вѣроятно, никогда больше не услышитъ) пытался привлечь вниманіе очень неудовлетворительнымъ исполненіемъ нѣсколькихъ пьесъ. Его выборъ сонаты Шопена былъ весьма неудаченъ, такъ какъ она превышала его силы. Намъ сообщаютъ, что ему покровительствуетъ одна свѣтская дама, которая думаетъ, что музыкальный геній можетъ народиться и въ Истъ-Эндѣ. Имя, подъ которымъ выступаетъ этотъ бездарный артистъ—Оскаръ Позеревичъ“.

Лэди Бодезаръ бросила журналъ на полъ и разсмѣялась.

— Это слишкомъ зло,—сказала она.—Но почему вы, дѣй-

ствительно, вздумали играть траурный маршъ, вмѣсто какой-нибудь изъ граціозныхъ вещичекъ, которыя вамъ такъ удаются? Я говорила, что публика не станетъ слушать серьезной музыки.

— Слушала ли публика, или нѣтъ—это не имѣетъ никакого значенія,—надменно сказалъ Оскаръ.—Я возмущенъ тѣмъ, что вы обманули меня. Вы сказали, что рецензентовъ не будетъ на концертѣ. Какъ же эта замѣтка попала сюда?

Онъ взглянулъ съ презрѣніемъ на „Осу", которая такъ больно ужалила его самолюбіе.

— Я сама не знаю, какъ это случилось! — воскликнула Адель. — Ни я, ни м-ссъ Вандердекенъ не приглашали никого изъ рецензентовъ. Она тоже очень сердита на то, что имя Зары попало въ печать. Я наведу справки. Это дѣйствительно очень непріятно. У васъ было нѣсколько билетовъ—кому вы ихъ дали?

— Нѣсколькимъ товарищамъ,—но они не пришли.

— Значитъ, это не они написали;—кто же въ такомъ случаѣ?

Она невольно стала на минуту подозрѣвать м-ссъ Бради. Неужели она послала замѣтку въ „Осу", чтобы подшутить надъ бѣднымъ Оскаромъ, котораго она часто высмѣивала? Но это была слишкомъ жестокая шутка.

— Оставьте мнѣ журналъ,—сказала она,—и успокойтесь. Вы еще часто будете выступать, и эта замѣтка забудется. Кромѣ того, я сегодня же съѣзжу къ редактору и потребую, чтобы онъ мнѣ назвалъ автора рецензіи. Если онъ не захочетъ, я пригрожу ему судомъ за клевету.

— Нѣтъ, не доводите дѣла до суда!—воскликнулъ бѣдный Оскаръ.—Я ни за что не явлюсь на разбирательство. Меня еще могутъ заставить играть передъ судомъ—подумайте, какой ужасъ —исполнять великія музыкальныя произведенія передъ лавочниками и мясниками, все музыкальное образованіе которыхъ сводится только къ тому, что они могутъ узнать „God save the queen",—и то потому, что публика поднимается съ мѣстъ или снимаетъ шляпы при звукахъ гимна.

— Вы положительно можете соперничать съ Криссн по остроумію, — сказала со смѣхомъ лэди Бодезаръ.—Но успокойтесь. Дальше угрозъ я не пойду. Журналъ еще совсѣмъ новый—это только второй нумеръ. Пойдемте завтракать и перестаньте огорчаться. Намъ всѣмъ одинаково досталось. Въ той же замѣткѣ, какъ мнѣ передавали, говорится о моихъ бриліантахъ. Забудемъ же наше горе за стаканомъ вина. Ахъ, да я и забыла, что вы ничего не пьете. Я вамъ дамъ стаканъ аполинариса—это, кажется, позволяется вашимъ режимомъ?

XVII.

Сейчасъ же послѣ завтрака Адель отправилась въ редакцію „Осы“.

Увидѣвъ изъ окна подъѣхавшую карету съ гербами и ливрейнымъ лакеемъ, клеркъ, сидѣвшій въ конторѣ, поспѣшилъ предупредить своего принципала:

— Пріѣхала какая-то важная особа,—доложилъ онъ.—Что мнѣ сказать?

— Пусть англійская аристократія тоже поучится терпѣнію,—отвѣтилъ молодой редакторъ, говорившій съ американскимъ акцентомъ.—Попросите подождать.

— Но это знатная дама;—она пріѣхала одна, въ каретѣ съ гербами.

— У меня одинаковыя правила для всѣхъ. Впрочемъ, пусть посидитъ въ пріемной пять минутъ вмѣсто десяти.

Клеркъ вернулся въ контору, и когда раздался стукъ въ двери, сухо сказалъ: „войдите“.

Адель остановилась въ дверяхъ, быстро оглядѣла комнату и спросила рѣзкимъ тономъ:

— Здѣсь редакція „Осы“?

— Да, сударыня,—отвѣтилъ клеркъ, оглядывая ее съ восхищеніемъ и вдыхая запахъ ея тонкихъ духовъ.

— Мнѣ нужно видѣть редактора. Передайте ему мою карточку.—Она положила карточку на конторку.

Клеркъ поднялся.—Кажется, редакторъ очень занятъ. Но я пойду спросить, не можетъ ли онъ васъ все-таки принять.

— Онъ долженъ принять меня. Скажите, что мнѣ нужно видѣть его немедленно.

Юноша взялъ карточку и пошелъ въ кабинетъ. Черезъ минуту онъ вернулся.—Пожалуйте,—сказалъ онъ,—м-ръ Топгамъ Голь ждетъ васъ.

Онъ провелъ ее въ кабинетъ, заперъ дверь и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ.

Лэди Бодезаръ, едва взглянувъ на молодого редактора, бросила ему на столъ нумеръ „Осы“ съ возмутившей ее замѣткой о ея протеже и сердито спросила:

— Это вы отвѣтственны за эту гадость?

Редакторъ взглянулъ на нее невозмутимымъ взглядомъ человѣка, который научился искусно скрывать свои чувства.

— Это мой журналъ—совершенно вѣрно. Онъ уже расходится въ количествѣ...

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, въ какомъ количествѣ онъ расходится. Я желаю знать, кто авторъ этой гнусной клеветы на талантливаго артиста и моего пріятеля.

У молодого редактора зазвенѣло въ ушахъ отъ испуга, но онъ сохранилъ наружно невозмутимое спокойствіе истаго американца. Онъ пробѣжалъ глазами отмѣченный параграфъ.

— Мои свѣдѣнія идутъ изъ источника, заслуживающаго полнаго довѣрія, маркиза, — сказалъ онъ, отложивъ нумеръ „Осы“.—Что васъ собственно разсердило?

— Самое появленіе замѣтки,—гнѣвно воскликнула Адель.— Концертъ имѣлъ совершенно частный характеръ. Мы не приглашали рецензентовъ, и я желаю знать, какимъ образомъ вы добыли свѣдѣнія о немъ.

Онъ улыбнулся.—Я получилъ свѣдѣнія отъ лица, заслуживающаго полнаго довѣрія, и увѣренъ, что все, что здѣсь написано, правда.

— Въ такомъ случаѣ вы будете отвѣчать за эту правду. Я сейчасъ же поѣду къ моему адвокату и поручу ему начать дѣло о клеветѣ. Вашъ журналъ возмутителенъ своимъ дерзкимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь людей. Пора прекратить это нарушеніе всякихъ правилъ приличія.

Она быстро поднялась и направилась къ двери.

— Подождите, — повелительно крикнулъ редакторъ,—подождите, сударыня! Мы разсудимъ это дѣло сами. Пресса не можетъ считаться съ деликатностью чувствъ и неприкосновенностью знатныхъ именъ. Ея назначеніе—сообщать правду. Вы обвиняете меня въ клеветѣ. Но не забудьте, что мы живемъ въ странѣ, гдѣ законъ признаетъ полную свободу печати. Все, что сказано въ моемъ журналѣ—полная правда. Вѣдь концертъ дѣйствительно былъ, и названные въ замѣткѣ артисты участвовали въ немъ. Было двѣсти гостей, и почему не предположить, что одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ числа приглашенныхъ сообщили мнѣ свѣдѣнія о томъ, что происходило на вашемъ вечерѣ?

— Ни одинъ изъ моихъ гостей не унизился бы до этого.

Онъ улыбнулся злой улыбкой.

— Знаете ли, я могу вамъ сказать по опыту, что свѣтскія дамы согласны на все, что угодно—за деньги. Какимъ путемъ, по вашему, проникаютъ въ печать слухи о свѣтскихъ скандалахъ?—только черезъ самихъ же аристократическихъ дамъ. Что бы вы ни говорили, а всѣ вы любите, чтобы о васъ какъ можно

больше говорили. Что же касается обвиненія въ клеветѣ, то я совѣтую вамъ подумать хорошенько, прежде чѣмъ обращаться въ судъ. „Оса“ умѣетъ больно жалить. Кромѣ того, не мы одни передаемъ слухи о свѣтской жизни. Посмотрите (онъ указалъ на цѣлую кипу лежащихъ на его столѣ журналовъ),—вотъ „Будуаръ“, „Наблюдатель“, „Молнія“,—всѣ они описываютъ ваши платья, ваши брилліанты, ваши пріемы и вашихъ друзей. Очевидно, правда носится по воздуху,—иначе какъ бы она доходила до насъ?

— Хороша правда!—возмущенно воскликнула Адель.—Вы, вѣроятно, подкупаете нашихъ лакеевъ и горничныхъ, и думаете, что они сообщаютъ вамъ правду. Я, во всякомъ случаѣ, рѣшила положить этому конецъ. Мои друзья и я сама такъ возмущены всѣми выдумками и сплетнями, что мы рѣшили проучить васъ за ваши продѣлки.

— Продѣлки? — молодой редакторъ весь вспыхнулъ:—простите, маркиза, за эти слова я могу и васъ обвинить въ оскорбленіи. Я уже сказалъ, что законъ даетъ полную свободу выражать мнѣнія. Меня нечего учить тому, что̀ дозволено и что̀ не дозволено. Я прошелъ хорошую школу, издавалъ большую газету въ Америкѣ, сударыня, и меня не можетъ запугать лондонская аристократія. На столбцахъ моего журнала говорится откровенная правда, и меня не могутъ подкупить титулы и гербы. Я утверждаю, что я въ правѣ пользоваться свободой прессы, и не уступлю моего права.

— Вы, кажется, забываете, что вамъ придется доказывать правду каждаго слова въ этой замѣткѣ.

Мистеръ Топгамъ Голь на минуту задумался о томъ, принесетъ ли пользу „Осѣ“ процессъ противъ нея, или повредитъ ей. Иногда это бываетъ хорошей рекламой для начинающаго изданія, но иногда судъ слишкомъ строгъ съ журналистами. Быть можетъ, онъ дѣйствительно зашелъ слишкомъ далеко, и лучше проявить теперь осторожность. Эти мысли быстро пробѣжали въ его головѣ, при взглядѣ на сердитое, надменное лицо лэди Бодезаръ.

— Не соблаговолите ли вы присѣсть еще на минуту, чтобы обсудить это дѣло,—сказалъ онъ наконецъ.—Можетъ быть, васъ удовлетворитъ извиненіе, помѣщенное въ слѣдующемъ нумерѣ?

— Нѣтъ, этого недостаточно. Я требую полнаго опроверженія всей замѣтки, и кромѣ того требую, чтобы вы назвали автора.

— Это совершенно невозможно. Называть имена сотрудни-

ковъ—все равно, что выдавать тайну исповѣди... Это—противъ этики журнализма... Мы не выдаемъ ничьихъ тайнъ.

— Вы именно выдаете чужія тайны самымъ наглымъ образомъ,—даже не провѣряя, сообщили ли вамъ правду.

— Я прошу васъ указать мнѣ на одно невѣрное свѣдѣніе въ этой замѣткѣ, — возразилъ молодой редакторъ. — Вѣдь концертъ былъ, и въ немъ участвовала молодая пѣвица, которая появилась въ двухъ разныхъ туалетахъ. Значитъ все это правда, и вы напрасно гнѣваетесь и напрасно оскорбляете мой журналъ. Я тоже вѣдь могу притянуть васъ къ суду за клевету. Свѣтъ правосудія проникаетъ сквозь шолкъ и кружева знатныхъ аристократокъ такъ же, какъ сквозь простую одежду болѣе скромныхъ людей. Вы всѣ считаете себя привилегированнымъ сословіемъ, а я уроженецъ страны, гдѣ всѣ равны,—исключая милліонеровъ. Я пріѣхалъ сюда съ твердымъ рѣшеніемъ освѣтить съ полной безпристрастностью все, что творится въ высшемъ англійскомъ обществѣ. Я хочу пробудить льва въ его логовищѣ, и очень горжусь тѣмъ, что мнѣ удалось разбудить—львицу.

Гнѣвъ лэди Бодезаръ улетучился во время рѣчи редактора,—ей вдругъ сдѣлалось смѣшно. Она сѣла на стулъ и, приложивъ къ губамъ платочекъ, обшитый кружевомъ „дюшесъ" (невѣжественный редакторъ впослѣдствіи назвалъ это кружево „point d'Angleterre"), чтобы скрыть улыбку, сказала:

— Дайте мнѣ эту замѣтку, и я сейчасъ докажу вамъ, сколько въ ней неправды.

Редакторъ повиновался. Онъ понялъ, что дѣло кончится миромъ, и мысленно уже готовилъ описаніе этого интервью съ маркизой.

Адель перечла замѣтку смѣющимися глазами.

— Вотъ видите,—сказала она, стараясь придать рѣзкость своему голосу.—У васъ, напримѣръ, сказано, что на мнѣ были хорошіе брилліанты. А на мнѣ не было брилліантовъ.

— Мнѣ очень жаль васъ, маркиза. Я знаю, что теперь часто свѣтскія дамы пускаютъ въ оборотъ свои брилліанты и замѣняютъ ихъ парижскими имитаціями, которыя могутъ обмануть самаго проницательнаго мужа...

— Какъ вы смѣете!—воскликнула Адель, выходя изъ себя.

— И которые не можетъ отличить отъ настоящихъ даже любой лордъ,—невозмутимо продолжалъ редакторъ.

— Мои брилліанты настоящіе,—только дѣло въ томъ, что на мнѣ былъ въ этотъ вечеръ жемчугъ. Вотъ уже первая неправда.

— Это простая опечатка, увѣряю васъ.

— Опечатки очень удобны для издателей газетъ,—сухо замѣтила Адель.—Недавно въ одномъ изъ мелкихъ журналовъ, вродѣ вашего, появился разсказъ, подписанный именемъ извѣстнаго писателя. Въ слѣдующемъ нумерѣ помѣщено было письмо этого писателя, заявлявшаго, что разсказъ написанъ не имъ;—очевидно, это была тоже опечатка.

— Конечно, такихъ случайностей нельзя избѣжать въ нашемъ дѣлѣ,—сказалъ мистеръ Топгамъ Голь.

Лэди Бодезаръ стало очень весело. „Этотъ разговоръ—богатый матеріалъ,—думала она,—для романа изъ жизни современнаго общества“, который она собиралась писать, когда у нея будетъ свободное время. Она уже собрала для романа много подробностей изъ жизни своихъ прежнихъ друзей, съ которыми разошлась съ тѣхъ поръ. Она снова пробѣжала глазами столбцы „Осы“.

— А вотъ это,—воскликнула она,—какъ вы вотъ это объясните?

Она прочла клевету, пущенную про Оскара Позеревича.

— Вѣдь все это выдумка,—сказала она.

— Представьте себѣ, сударыня, —холодно сказалъ редакторъ,—что все это правда. Вашъ протеже́ дѣйствительно родомъ изъ Истъ-Энда. Его мать въ настоящее время устроила прачешное заведеніе, а его почтенный отецъ играетъ на тромбонѣ въ Ислингтонѣ.

— Это неправда,—сердито возразила Адель.—Онъ ученикъ консерваторіи и живетъ въ Вестъ-Эндѣ.—Она была въ этомъ увѣрена, потому что сама платила за его комнату.—И во всякомъ случаѣ, никому нѣтъ дѣла до его родителей. Онъ—геній, и я докажу это всѣмъ.

— Вы очень вліятельны, маркиза, и вѣроятно вамъ удастся сдѣлать все, что вы хотите. Но вы не можете измѣнить происхожденіе этого юноши, какъ вы измѣнили его имя,—и вамъ трудно будетъ также заставить повѣрить въ его геніальность. Ваша пріятельница сдѣлала болѣе удачное открытіе: прекрасная молодая венгерка дѣйствительно очень талантлива. Это ясно для всякаго, даже самаго недальновиднаго человѣка.

— И даже для вашего сотрудника?—быстро возразила Адель.

— Вы очень находчивы и остроумны, маркиза, но все-таки не совѣтую вамъ состязаться со мной.

Онъ откинулся въ креслѣ и пристально взглянулъ на нее; онъ на минуту подумалъ, что, можетъ быть, можно подкупить и ее, какъ онъ уже подкупалъ многихъ несостоятельныхъ аристо-

кратовъ и аристократокъ, но не осмѣлился прямо повести на нее атаку; но во всякомъ случаѣ онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ свиданіемъ для распространенія журнала.

„Гнѣвъ ея прошелъ,—подумалъ онъ,—и о процессѣ уже теперь не будетъ рѣчи. Чѣмъ мнѣ задобрить ее? Можетъ быть, обѣщать протекцію ея „генію“?“

— Я готовъ пойти на уступки,—сказалъ онъ, обращаясь къ Адель,—если вы будете милы со мною. Вамъ непріятенъ рѣзкій отзывъ о вашемъ протежé? Я обѣщаю вамъ, что въ слѣдующій разъ, когда онъ выступитъ въ публикѣ, я буду его очень хвалить. Мнѣ уже пришлось создать не одну артистическую репутацію въ моихъ прежнихъ изданіяхъ. Но за это, я надѣюсь, вы будете выписывать „Осу“ и нумера ея будутъ лежать у васъ въ гостиной для того, чтобы ваши свѣтскіе друзья могли ознакомиться съ моимъ журналомъ. Вы согласны?

Лэди Бодезаръ поднялась съ видомъ оскорбленнаго величія и направилась къ двери. Тамъ она, однако, остановилась и снова вернулась къ столу.

— Вы напечатаете опроверженіе замѣтки объ игрѣ Позеревича?

— Полное опроверженіе.

— И скажете, что все, что тамъ написано про Истъ-Эндъ—невѣрно?

— Да, я скажу, что это недоразумѣніе, что намъ сообщили невѣрныя свѣдѣнія.

— И вы посвятите его концерту два столбца, и будете рекламировать его въ Америкѣ?

— Да, обѣщаю вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, присылайте мнѣ дюжину экземпляровъ каждую недѣлю. Они пригодятся для растопки каминовъ. Прощайте...

— Чортъ побери, я говорилъ, что „Оса“ прожужжитъ на весь міръ! Только три нумера вышло, и я держу въ своихъ рукахъ лондонскую аристократію. Маркъ Вашингтонъ Топгамъ Голь, вы—геній самой чистой воды, какъ говорятъ въ Балтиморѣ!

XVIII.

Адель Бодезаръ была такъ возбуждена свиданіемъ съ представителемъ печати, что поѣхала сейчасъ же къ м-ссъ Бради,

чувствуя необходимость излить свою душу. Она застала свою пріятельницу въ столовой; м-ссъ Бради только-что вернулась послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ магазинахъ.

— Ахъ, какъ это мило, что вы пріѣхали!—воскликнула она.—Отошлите коляску и останьтесь поболтать со мной подольше. Мнѣ ужасно хотѣлось видѣть васъ.

— И мнѣ тоже. У меня такъ много новостей. Мнѣ бы нужно было сдѣлать еще визиты, но я отложу ихъ до слѣдующаго раза. Велите моему кучеру ѣхать домой.

Адель опустилась въ кресло и сняла свои мѣха, пока м-ссъ Бради пошла распорядиться относительно коляски.

— Какія же у васъ новости?—спросила она, вернувшись и снова усаживаясь въ кресло.—Намъ сейчасъ подадутъ чай. Я такъ устала отъ рысканья по магазинамъ. Но что съ вами, у васъ такой возбужденный видъ? Можетъ быть, вы тоже получили наслѣдство, какъ Тротти?

— Увы, наслѣдства я не получила,—а это было бы очень кстати. Деньги уходятъ въ такомъ невообразимомъ количествѣ, и сколько бы ихъ ни имѣть, все-таки еще недостаетъ. Какъ мило вы устроились, Перрена, и до чего пріятнѣе имѣть женскую прислугу, чѣмъ мужскую! У меня вѣчныя непріятности съ лакеями и поварами. Всѣ они слишкомъ самостоятельны и дерзки. Скоро будетъ какъ въ Америкѣ, гдѣ прислуга работаетъ только когда ей вздумается.

Она остановилась при видѣ горничной, которая вошла съ чаемъ. За нею вошла ангорская кошка м-ссъ Бради въ ошейникѣ изъ блестящихъ камней съ привѣской, на которой было написано ея имя. Лэди Бодезаръ погладила мягкую шерсть кошки и обратила вниманіе на ея ожерелье.

— Вы еще не заказывали ея портретъ въ миніатюрномъ видѣ? Это теперь очень въ модѣ. Мой Омаръ очарователенъ на портретѣ въ золотой рамкѣ, украшенной аметистами. Я выбрала аметисты, потому что они идутъ къ цвѣту его шерсти.

М-ссъ Бради засмѣялась.

— Вы собираетесь все время разыгрывать комедію,—спросила она,—или мы будемъ говорить просто?

— Послушайте, Перрена,—сказала лэди Бодезаръ искреннимъ тономъ:—я пришла къ заключенію, что свѣтскіе нравы дѣйствительно нелѣпы. Неудивительно, что насъ высмѣиваютъ въ газетахъ и на сценѣ, и что низшіе классы презираютъ насъ. Мы сами виноваты, и несчастье въ томъ, что трудно прекратить всѣ наши глупости; все идетъ по разъ заведенному по-

рядку, и жизнь катится, растаптывая по пути совѣсть, благовоспитанность и даже здравый смыслъ, превращая жизнь въ сплошное уродство.

М-ссъ Бради была такъ поражена словами Адель, что остановилась, держа серебряный чайникъ въ рукахъ и забывая налить чай.

— Что съ вами, Адель?—воскликнула она, изумленно глядя на свою пріятельницу.

— Я на этотъ разъ говорю совершенно искренно,—продолжала лэди Бодезаръ.—Я только-что была въ одной редакціи. Редакторъ, кажется, американецъ, и мы съ нимъ жестоко поспорили относительно того, что считается приличнымъ современными журналистами.

М-ссъ Бради налила, наконецъ, чашку чая и дала Адель.

— Это интересно,—сказала она.—Но надѣюсь, что вы не поѣхали давать редактору свѣдѣнія о себѣ и своихъ знакомыхъ.

— До этого униженія я еще не дошла,—сказала Адель.—Я отправилась угрожать судомъ за клевету, но я пришла, увидѣла и была побѣждена...

— Угрожать судомъ?—М-ссъ Бради отставила чашку.—Это вы объ этомъ журналѣ говорите, Адель?

Она вынула номеръ журнала изъ-подъ подушки на диванѣ. Она изъ любопытства купила еще одинъ экземпляръ „Осы“ взамѣнъ разорваннаго ею нумера. Редакторъ былъ правъ, хвастая тѣмъ, что продажа его журнала увеличивается.

— Да, это онъ и есть,—сказала лэди Бодезаръ, увидѣвъ знакомое уже ей изображеніе насѣкомаго на обложкѣ.—Я была такъ взбѣшена тѣмъ, что сказано про моего бѣднаго Оскара, что сама отправилась въ редакцію. Результатъ визита оказался неожиданнымъ. Сначала у насъ былъ крупный разговоръ, но кончился онъ тѣмъ, что я обѣщала подписаться на нѣсколько экземпляровъ и держать ихъ у себя въ гостиной.

— Неужели, Адель, онъ смогъ убѣдить васъ въ своей правотѣ?

— О, нѣтъ. Напротивъ того, онъ напечатаетъ опроверженіе.

Она быстро разсказала о своемъ разговорѣ съ редакторомъ.

— Жаль, что я не знала о томъ, что вы собираетесь ѣхать къ нему; я бы тоже поѣхала, потому что и я считаю себя оскорбленной. Обо мнѣ говорится въ замѣткѣ съ возмутительной фамильярностью.

— Фамильярность теперь составляетъ основу газетныхъ сообщеній. Возьмите какую угодно газету и прочтите извѣстія о свѣтской жизни. Вы всегда чувствуете, что авторъ каждой изъ

такихъ замѣтокъ старается показать, что онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ тѣми, о комъ пишетъ. Мы сами виноваты, что допускаемъ этотъ фамильярный тонъ, который сначала казался забавнымъ. Когда мы катаемся въ паркѣ, про насъ пишутъ, что шляпа намъ очень шла, или что на насъ были „недурные мѣха“. Когда описывается представленіе въ театрѣ, репортеры позволяютъ себѣ сообщать, что „графиня А. смотрѣла очень мило въ своей ложѣ и имѣла на себѣ хорошіе брилліанты“; что „лэди Б. носила низкую прическу изъ своихъ собственныхъ волосъ“, и т. д. Я могла бы привести сотню примѣровъ. Но мы терпимъ эти дерзости только потому, что это какъ будто создаетъ намъ популярность въ обществѣ.

— Но, Адель...

— Я знаю, что вы хотите сказать; конечно, я тоже такая же, какъ другія, но это не можетъ помѣшать мнѣ видѣть, какъ все это отвратительно. Когда Модъ Вильямъ отправилась сестрой милосердія въ южную Африку, у насъ всѣ смѣялись надъ ней. Я завидовала ей, но не имѣла храбрости отдѣлаться отъ свѣтскихъ обязательствъ и тоже отправиться. Мы всѣ или глупы, или трусливы. Я удивляюсь, что не наступаетъ новый потопъ, чтобы смыть насъ всѣхъ съ лица земли. Но такіе люди, какъ Крисси, думаютъ вѣроятно, что имъ стòитъ появиться передъ лицомъ Всевышняго съ остротой на устахъ, чтобы всѣ ихъ прегрѣшенія были прощены. Не останавливайте меня, Перри, я должна излить свою душу. Васъ я полюбила за то, что вы не похожи на всѣхъ насъ. Будьте за это благодарны судьбѣ, и не старайтесь походить на насъ. Слѣдуйте нашимъ модамъ, но не нашему преклоненію передъ денежными мѣшками, не нашимъ нездоровымъ страстямъ, не нашему расточительству. Мы всѣ помѣшаны на роскоши и туалетахъ, боимся состариться, боимся соперничества нашихъ дочерей, и—главное—стараемся сохранить свое положеніе въ обществѣ хотя бы цѣной величайшаго нравственнаго паденія. Мы живемъ въ грязи среди нашей погони за свѣтскимъ успѣхомъ!

Она откинулась въ креслѣ, вся дрожа отъ волненія, и м-ссъ Бради смотрѣла на нее широко раскрытыми отъ удивленія глазами.

— Что съ вами, Адель?—воскликнула она.

— Я сама не знаю; это иногда находитъ на меня. Можетъ быть это истерія, а можетъ быть во мнѣ говоритъ уцѣлѣвшая частица человѣческаго достоинства. Боже, до чего я дошла въ двадцать-семь лѣтъ! Я была когда-то горда, Перрена, и чиста

душой, а теперь...—Она разрыдалась и закрыла лицо руками. М-ссъ Бради встала и подошла къ ней совершенно растерянная. Она никогда не ожидала ничего подобнаго отъ вѣчно смѣющейся, беззаботной свѣтской женщины. Чтобы успокоить ее, она стала употреблять разныя женскія средства, дала ей выпить капель и убѣдила ее прилечь на кушетку отдохнуть и успокоить нервы.

— Нѣтъ, милая, дѣло не въ нервахъ,—сказала Адель Бодезаръ, полу-смѣясь, полу-плача.—Неужели нельзя разъ въ жизни быть искренней... Хорошо, я полежу, но только посидите около меня. Я такъ рада, что поѣхала именно къ вамъ, а не къ Тротти.

Подкладывая ей подушки подъ голову, м-ссъ Бради думала о томъ, что и она рада тому, что Адель пріѣхала именно къ ней.

XIX.

Адель лежала на кушеткѣ совершенно обезсиленная, и м-ссъ Бради сидѣла около нея, ничего не говоря, пока наконецъ Адель не заснула. Чтобы не разбудить ее, м-ссъ Бради продолжала сидѣть не двигаясь. Большая ангорская кошка вскочила къ ней на колѣни и стала мурлыкать. М-ссъ Бради нѣжно погладила ее, и рука ея коснулась блестящаго ожерелья кошки. Она слабо улыбнулась. „Въ концѣ концовъ, дѣйствительно подражаніе ни къ чему не ведетъ",—подумала она.

Полу-безсознательнымъ движеніемъ она надавила пружинку, и ожерелье кошки упало на колѣни м-ссъ Бради. Кошка громко замурлыкала, какъ бы радуясь своему освобожденію. М-ссъ Бради откинулась въ креслѣ и взглянула на фигуру, лежащую на кушеткѣ. Адель заснула глубокимъ сномъ, и щеки ея раскраснѣлись отъ недавняго волненія; припухшія вѣки придавали ея лицу трогательную мягкость; на рѣсницахъ ея еще блестѣли слезы. „Неужели она все это говорила вполнѣ искренно?—подумала м-ссъ Бради.—Это такъ на нее непохоже; я всегда думала, что она всецѣло поглощена свѣтскими интересами". При ея положеніи въ обществѣ, ея богатствѣ и красотѣ, она должна бы была чувствовать себя вполнѣ счастливой, а между тѣмъ истерическій припадокъ Адель, вызванный въ значительной степени переутомленіемъ и лихорадочной погоней за новизной ощущеній, показался м-ссъ Бради какъ бы предупрежденіемъ природы, которая мститъ за безразсудное прожиганіе жизни. Можетъ быть,

это должно быть предостереженіемъ и для нея самой,—теперь она видитъ, что нечего особенно завидовать счастью этихъ людей. Она такъ стремилась попасть въ высшее общество, а теперь, достигнувъ своей цѣли, участвуя въ безцѣльной суетной погонѣ за развлеченіями, она вдругъ поняла, что наступаетъ часъ расплаты, что нельзя безнаказанно топтать въ грязь свое человѣческое достоинство и жить, не думая о завтрашнемъ днѣ. Ей сдѣлалось жутко.

Огонь въ каминѣ потухъ и въ комнатѣ сдѣлалось темно; м-ссъ Бради не рѣшилась зажечь электричество, чтобы не разбудить Адель, и продолжала сидѣть въ темнотѣ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ. Къ чему сводится въ концѣ концовъ прелесть свѣтской жизни? Къ скучному повторенію одного и того же изъ году въ годъ; лѣто—въ пыльномъ Лондонѣ, въ душныхъ комнатахъ, скачки и гребныя гонки, на которыхъ зачастую люди теряютъ все свое состояніе; осень съ ея кровожадными развлеченіями, съ охотой на ничѣмъ неповинныхъ птицъ и звѣрей; зима, служащая предлогомъ для того, чтобы толпиться въ нѣкоторыхъ домахъ какъ на ярмаркѣ, только потому, что въ этихъ домахъ весело, или что они достаточно аристократичны, чтобы привлекать свѣтское общество... Гдѣ среди этого нелѣпаго времяпрепровожденія найти досугъ для развитія ума и души? И чѣмъ все это можетъ кончиться? Вотъ Адель Бодезаръ уже теперь, въ разгаръ своихъ свѣтскихъ успѣховъ, поняла ихъ безотрадность и безцѣльность.

М-ссъ Бради услышала движеніе на кушеткѣ. Обернувшись къ Адель, она увидѣла ее сидящей съ удивленными, широко раскрытыми глазами.

— Боже мой, гдѣ я?—спросила она.—Неужели я уснула?

— Вы у меня, милая,—сказала м-ссъ Бради тихимъ голосомъ и, спустивъ съ колѣнъ кошку, подошла къ Адель.—Вы были очень утомлены, и я уговорила васъ прилечь отдохнуть.

Адель снова опустилась на подушки.

— Я дѣйствительно очень устала,—сказала она слабымъ голосомъ.—Я теперь все припоминаю: редакцію, мое неистовство здѣсь. Я, кажется, наговорила глупостей; хорошо еще, что я все это высказала именно вамъ.

— Я тоже рада этому,—искренно сказала м-ссъ Бради.—Успокоились вы теперь? Можно позвонить, чтобы убрали чайную посуду? Я боялась разбудить васъ.

— Какая вы милая—вы терпѣливо сидѣли подлѣ меня все

время. Конечно, позвоните. Боже, какъ я утомлена! Мнѣ хотѣлось бы вовсе не ѣхать теперь домой.

— Останьтесь у меня. Мы пообѣдаемъ вдвоемъ. Для васъ это будетъ имѣть прелесть новизны, а для нервовъ очень полезно провести иногда вечеръ въ полной тишинѣ.

— Да, врачи совѣтуютъ разъ въ мѣсяцъ лежать въ постели цѣлый день для сохраненія свѣжаго цвѣта лица. Тротти свято это соблюдаетъ; она даже, кажется, надѣваетъ особую маску въ этотъ день, и никто, кромѣ ея горничной, не входитъ къ ней. Но скажите, Перри, я навѣрное наговорила много глупостей прежде чѣмъ заснула.

— По моему, вы сказали много правды,—отвѣтила м-ссъ Бради.—Я только не знаю, искренно ли вы все это говорили.

— Если я говорила правду, то навѣрное не искренно. Я, кажется, разучилась говорить правду. Но что это—почему вы сняли ошейникъ съ вашей кошки?

М-ссъ Бради наклонилась и подняла упавшій на коверъ сверкающій ошейникъ.

— Онъ не идетъ къ моей кошкѣ, — сказала она,—и я ей не надѣну его больше. Къ тому же, мнѣ кажется, что глупо обвѣшивать животныхъ драгоцѣнностями.

Адель помолчала и потомъ сказала:

— Вы самая умная женщина изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, Перрена.—Такъ скажите мнѣ, почему вы хотите быть членомъ нашего кружка—вы безконечно выше всѣхъ насъ; я это сразу замѣтила.

— Я вовсе не умнѣе, но я стараюсь сохранить частицу здраваго смысла, чтобы бороться съ безразсудствомъ, свойственнымъ моей расѣ. Я нѣсколько легкомысленно вступила въ вашъ кругъ, сознаюсь. Я не имѣю достаточно данныхъ, чтобы быть принятой въ вашемъ кругу, какъ равная.

— Какъ равная—намъ? Да вы обладаете всѣмъ, чего намъ недостаетъ—хорошимъ воспитаніемъ, умомъ, тактичностью.

— Да, но я бѣдна, а это—непростительный грѣхъ.

— Напрасно вы думаете. Хотя всѣ преклоняются передъ богатствомъ, но все-же умѣютъ цѣнить и такія качества, какъ ваши. Но я все-таки повторяю мой вопросъ: зачѣмъ вамъ захотѣлось примкнуть къ намъ?

— Да въ сущности это случилось какъ-то само собой. Мнѣ захотѣлось провести въ Лондонѣ осенній сезонъ вмѣсто лѣтняго—отчасти изъ экономіи, но главнымъ образомъ изъ-за Жоржа,

котораго я люблю какъ сына. Потомъ мы съ вами случайно познакомились, а затѣмъ все уже пошло одно за другимъ.

— Какъ вы это просто объяснили, милая, — сказала Адель, —и какъ правдиво. Я такъ рада, что нашелся человѣкъ, въ безхитростность котораго я вполнѣ вѣрю.

Онѣ еще долго разговаривали въ этотъ вечеръ. Адель отбросила все свое манерничанье, и съ полной откровенностью стала вышучивать все свое общество. Она даже выдала нѣкоторыя тайны интимной жизни; отъ ея разоблаченій лицо м-ссъ Бради временами блѣднѣло, и она почти отказывалась вѣрить словамъ Адель.

— Теперь вы понимаете, почему я удивляюсь вашему желанію быть членомъ нашей секты и жить въ зараженной атмосферѣ нашего кружка? Я могла бы назвать вамъ имена, —но это лишнее. Кажется, я и такъ вамъ открыла глаза.

— Но вы? Какъ вы позволяете, чтобы ваше имя называлось среди остальныхъ?

— Имя мое достаточно запятнано человѣкомъ, который былъ къ несчастію моимъ мужемъ, — и ничто не можетъ еще болѣе скомпрометтировать меня. И къ тому же мнѣ безразлично, что обо мнѣ скажутъ. Мнѣ забавно глядѣть на всѣхъ нихъ—видѣть, съ какой серьезностью они продѣлываютъ всѣ свои глупости. Вотъ вы увидите, что Тротти повезетъ въ старинный замокъ всю свою лондонскую свиту, и жизнь тамъ ничѣмъ не будетъ разниться отъ здѣшней. Ея поваръ будетъ стараться превзойти кухню лучшихъ лондонскихъ ресторановъ; по вечерамъ будутъ играть въ баккара и пингъ-понгъ; Тротти повезетъ съ собой свою массажистку и свою manicure. Эльдорадо будетъ имѣть свою спеціальную горничную и будетъ одѣтъ по послѣдней собачьей модѣ; ему закажутъ еще особый гардеробъ для деревни, у него будутъ вышитые платочки, и, дѣлая прощальные визиты своимъ знакомымъ изъ собачьей аристократіи, онъ будетъ оставлять визитныя карточки съ буквами „p. p. c.“ —Ахъ, Перри!—воскликнула она вдругъ:—какъ вы хорошо сдѣлали, что сняли этотъ дурацкій ошейникъ со своей кошки. Когда я видѣла, что вы слѣдуете этой глупой модѣ, я стала отчаяваться въ васъ.

— Я слѣдовала общему примѣру.

— Неужели же и вы не имѣете храбрости выказать самостоятельность?

— Эта храбрость опасна для людей, не родившихся съ аттрибутами власти.

— Глупости! Намъ именно нужно, чтобы кто-нибудь имѣлъ

смѣлость показать намъ, что мы такое, кто бы заставилъ насъ стыдиться нашей безполезной роскоши. Перрена, вы бы именно могли это сдѣлать, если бы захотѣли.

Эти слова возбудили въ м-ссъ Бради странную тревогу. Если бы она хотѣла?—развѣ не вѣрнѣе было бы сказать—если бы она осмѣлилась? А какъ она могла осмѣлиться? Вѣдь это привело бы къ ея изгнанію изъ общества, разрушило бы всѣ ея честолюбивые планы, — быть можетъ, испортило бы карьеру Жоржа. Ей пришлось бы вернуться въ Ирландію и жить на свои скромные доходы, отказавшись отъ надежды на болѣе блестящую жизнь. Она знала, что люди болѣе всего ненавидятъ правду, и не терпятъ разоблаченія своего лицемѣрія.

— Для этого нужно было бы обладать дерзновенностью Джона Нокса,—сказала она взволнованнымъ голосомъ.

— Или уроженки Ирландіи,—отвѣтила Адель Бодезаръ.

XX.

Приготовленія къ рождественской поѣздкѣ оказались болѣе сложными, чѣмъ предполагала м-ссъ Вандердекенъ. Когда наконецъ все было устроено, м-ссъ Вандердекенъ уѣхала сама въ свое новое помѣстье въ сопровожденіи цѣлой арміи слугъ и рабочихъ. Она оставила Зару на попеченіе Адель Бодезаръ, и сообщила всѣмъ приглашеннымъ, съ какимъ поѣздомъ они должны ѣхать; два вагона были заказаны спеціально для ея гостей, и все общество должно было явиться на вокзалъ наканунѣ Рождества къ экспрессу, отходящему въ Корнваллисъ.

М-ссъ Бради брала съ собой Эжени, а Адель—свою француженку горничную. Приглашено было одинаковое число мужчинъ и женщинъ, — и узнавъ, кто именно ѣдетъ, м-ссъ Бради удивилась, что Тротти не пригласила кавалера для себя. Или, можетъ быть, она ошибается, и невѣрно распредѣлила пары? По ея мнѣнію, въ кавалеры Зары предназначался лордъ Криссъ; для Адель Бодезаръ—Жоржъ; для нея самой—Базиль Варендеръ, а для м-ссъ Гидеонъ Ли—Тони Шевени. А кто же въ такомъ случаѣ будетъ кавалеромъ Тротти? Во всякомъ случаѣ она рѣшила не уступать Базиля, который ей былъ симпатичнѣе всѣхъ другихъ. Она была рада случаю провести недѣлю въ его обществѣ и ближе съ нимъ познакомиться. Она ни разу не видала его послѣ ужина у Тротти, и часто вспоминала о немъ.

Пріѣхавъ на вокзалъ за десять минутъ до отхода поѣзда,

она предоставила Эжени сдать багажъ и поспѣшила на платформу, гдѣ услужливый кондукторъ проводилъ ее къ вагону, заказанному для гостей м-ссъ Вандердекенъ. У входа въ вагонъ она встрѣтилась съ Базилемъ Варендеромъ. Онъ очень мило поздоровался съ ней, помогъ ей разложить дорожныя вещи, принесъ газеты, подставилъ грѣлку подъ ноги и наконецъ занялъ мѣсто для себя противъ нея.

— Гдѣ же остальные? — спросила м-ссъ Бради.—Поѣздъ черезъ пять минутъ двинется.—А, вотъ Адель. А гдѣ Зара?

— Вотъ она идетъ съ Жоржемъ, — сказалъ Варендеръ.— Какая она хорошенькая въ своемъ бѣломъ мѣховомъ воротникѣ!

Взглядъ м-ссъ Бради выражалъ нѣкоторую тревогу, когда она высунулась изъ окна и сдѣлала знакъ быстро приближавшимся фигурамъ.

Всѣ путешественники наконецъ были въ сборѣ и заняли свои мѣста въ вагонѣ. Послѣднимъ явился лордъ Криссъ. Когда дверцы захлопнулись, Адель вскрикнула съ легкимъ испугомъ:

— А Оскаръ? Никто не видалъ Оскара? Тротти телеграфировала мнѣ вчера, прося привезти его въ качествѣ аккомпаніатора. Я дала ему знать и указала точно, съ какимъ поѣздомъ мы ѣдемъ. Надѣюсь, что онъ не опоздалъ.

— Для него здѣсь даже мѣста нѣтъ, —сказалъ лордъ Криссъ, усаживаясь поудобнѣе на своемъ мѣстѣ. — Ему придется ѣхать одному. Но вотъ и онъ — кондукторъ втолкнулъ его во второй вагонъ. Поѣздъ сейчасъ двинется.

— Во второй вагонъ! — воскликнула м-ссъ Бради. — Тамъ прислуга.

— Кондукторъ принялъ его вѣроятно за лакея,—тихо сказалъ Жоржъ, которому поддѣльный Позеревичъ очень не понравился на концертѣ.

Онъ усадилъ Зару у окна, и самъ сѣлъ противъ нея. Она взглянула на него, услышавъ его слова.

— Бѣдный Оскаръ!—сказала она.—Какъ жаль, что онъ не съ нами!

— Если хотите, я предложу ему свое мѣсто при первой остановкѣ,—холодно сказалъ Жоржъ.

— Вы очень добры, — но зачѣмъ же вамъ лишать себя мѣста?

— Чтобы доставить вамъ удовольствіе,—нѣжно отвѣтилъ ей Жоржъ.—Я готовъ и на большее для васъ, хотя при данныхъ

обстоятельствахъ и это было бы очень большимъ самопожертвованіемъ съ моей стороны. Но вотъ и свистокъ.

Всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ. М-ссъ Бради, припоминая разные намеки Эжени, почувствовала жалость къ бѣдному піанисту, попавшему въ общество преслѣдовавшей его своими насмѣшками камеристки. Правда, въ вагонѣ для прислуги находился и лакей лорда Крисса; онъ везъ двадцать-четыре пары ботинокъ, чистку которыхъ его баринъ ни за что не поручилъ бы никому другому; онъ даже потребовалъ отдѣльную комнату для своего лакея. Но этотъ лакей былъ очень важнымъ господиномъ, и Оскаръ вѣроятно будетъ чувствовать себя очень неловко въ его обществѣ. Теперь уже нельзя было помочь ему. Поѣздъ двинулся.

Лордъ Криссъ началъ разговоръ о грѣлкахъ; онъ возмущался отсталостью желѣзнодорожныхъ порядковъ въ Англіи. Почему не берутъ примѣра съ Америки, единственной страны, гдѣ можно путешествовать съ нѣкоторымъ комфортомъ?

— И безъ всякаго риска, — иронически прибавилъ Базиль Варендеръ,—кромѣ случайныхъ катастрофъ, вызванныхъ шальной быстротой поѣздовъ.

— Этому риску и мы подвергаемся, а комфорта у насъ нѣтъ никакого,—ворчливо сказалъ лордъ Криссъ, спуская ноги въ великолѣпно вычищенныхъ ботинкахъ съ отвратительной грѣлки, оскорблявшей его эстетическое чувство.

— Грѣлки эти или слишкомъ горячи, или совсѣмъ холодны,—сказалъ онъ. — Вотъ ужъ именно одно изъ самыхъ безполезныхъ изобрѣтеній невѣжества.

— Развѣ невѣжество можетъ что-нибудь изобрѣсти? — спросила м-ссъ Бради. — Я полагаю, что для этого нужно хоть какое-нибудь знаніе.

— Напротивъ того,—отвѣтилъ лордъ Криссъ.—Все изобрѣтается по вдохновенію, которое можетъ одинаково осѣнить и умныхъ, и глупыхъ.

— Надѣюсь, что вы разскажете намъ что-нибудь интересное, лордъ Криссъ,—сказала м-ссъ Гидеонъ Ли. — Намъ предстоитъ такое длинное путешествіе, и было бы ужасно, если бы мы пріѣхали, уже успѣвъ всѣ наскучить другъ другу. Бѣдная Тротти ожидаетъ такъ много удовольствія отъ этой недѣли.

— Никогда не слѣдуетъ возлагать слишкомъ много надеждъ на что бы то ни было. Непремѣнно наступитъ разочарованіе. Кромѣ того, мы всѣ никогда не идемъ дальше намѣреній.

М-ссъ Бради подумала о всѣхъ событіяхъ, происшедшихъ

со времени ея знакомства съ этими людьми, и должна была сознаться, что лордъ Криссъ правъ.

Концертъ Зары предполагался не публичнымъ, а слухи о немъ проникли въ печать. Благотворительный вечеръ разстроился, хотя о немъ такъ много говорили заранѣе и готовились къ нему; цѣлый рядъ другихъ плановъ тоже разстроился,—между прочимъ и планъ поѣздки въ Каиръ. Весь этотъ сезонъ состоялъ изъ начинаній, которыя ни къ чему не привели. Можетъ быть, и эта недѣля въ деревнѣ, на которую возлагается такъ много надеждъ, обманетъ тоже всѣ ожиданія?

Вокругъ нея всѣ оживленно разговаривали. Лордъ Криссъ спрашивалъ, знаетъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ что-либо о Корнваллисѣ.

— Эта страна рудниковъ и еще чего-то, я справлялась въ энциклопедическомъ словарѣ,—сказала м-ссъ Гидеонъ Ли.

— Мы проѣдемъ мимо горы св. Михаила,—сказалъ Базиль Варендеръ. — Я разъ тамъ былъ лѣтомъ. Это—очаровательное мѣсто, такое же, какъ Mont St. Michel на бретанскомъ берегу. Удивительно собственно, что всѣ мы гораздо меньше знаемъ свою собственную страну, чѣмъ то, что̀ находится за тысячи миль.

— Собственная страна никогда не уйдетъ отъ насъ,—сказалъ лордъ Криссъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ. Ему становилось скучно, и онъ жалѣлъ, что не сѣлъ въ отдѣленіе для курящихъ. Ему не улыбалась перспектива провести цѣлыхъ семь часовъ въ обществѣ дамъ. Онъ сталъ почти раскаиваться въ томъ, что принялъ приглашеніе Тротти. Правда, что рождественская недѣля въ Лондонѣ нестерпима съ ея праздничными традиціями, со счетами отъ поставщиковъ, поздравленіями и т. д. Но онъ всегда уѣзжалъ на это время подальше—въ Парижъ, Монте Карло или Каиръ. Ѣхать въ глубь Англіи на праздники казалось ему ужасно буржуазнымъ.

Вдругъ взглядъ его остановился на очаровательномъ личикѣ Зары. „Какая она хорошенькая въ своемъ бѣломъ мѣховомъ воротникѣ и голубой бархатной шапочкѣ! Но какъ это Тротти позволяетъ ей носить такой бросающійся въ глаза костюмъ“? Онъ закрылъ глаза—его артистическое чутье было оскорблено. Адель одѣта достаточно просто, м-ссъ Бради тоже...

Онъ снова открылъ глаза и увидѣлъ, что м-ссъ Бради пристально смотритъ на него. Ему это стало непріятно. Что̀ эта женщина представляетъ изъ себя и почему допускаютъ ее въ ихъ интимный дружескій кружокъ? „Она, очевидно,—избранница

Адель, ей „родственная душа“. Но я не понимаю, почему она принимаетъ меня въ серьёзъ. Это внушаетъ мнѣ постоянное желаніе еще болѣе дурачиться въ ея присутствіи. Она, кажется, имѣетъ вліяніе на Жоржа, и это объясняетъ нѣкоторыя черты его характера, которыя мнѣ никакъ не удается измѣнить“.

Онъ вдругъ поднялся съ мѣста.

— Мнѣ ужасно хочется курить, господа,—сказалъ онъ.— Если кто-нибудь противъ этого, прошу заявить мнѣ, и я уйду въ отдѣленіе для курящихъ, какъ мнѣ ни непріятно лишиться пріятнаго общества.

Адель засмѣялась. — Мы всѣ раздѣляемъ ваше желаніе, и намъ гораздо пріятнѣе было бы присоединиться къ вамъ, чѣмъ изгнать васъ.

Всѣ стали курить, въ томъ числѣ и Зара, и Жоржъ нашелъ, что это ей очень къ лицу. Одна только м-ссъ Бради не курила,—и лордъ Криссъ сталъ слегка дразнить ее, говоря, что она совершенна, какъ героиня сентиментальнаго романа. Тони Шевени обѣщалъ описать ее въ своемъ новомъ романѣ, который онъ собирался писать по заказу одного журнала. Этотъ заказъ очень льстилъ его самолюбію, — но никто не подозрѣвалъ, что журналъ, предлагавшій ему, по его словамъ, „блестящія условія“, былъ — „Оса“. Разговоръ въ вагонѣ оживился, лордъ Криссъ забавлялъ присутствующихъ своими парадоксами,—и время прошло незамѣтно до завтрака.

Съ англ. З. В.

НОВѢЙШІЕ ПРОТИВНИКИ ОБЩИНЫ

— *А. Е. Воскресенскій*. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб., 1903.
— *А. А. Риттихъ*. Зависимость крестьянъ отъ общины и міра. Спб., 1903.

Въ послѣдніе годы все чаще повторяются попытки объяснить экономическій упадокъ крестьянства старыми народными грѣхами—косностью и невѣжествомъ. Конечно, косность и невѣжество—по крайней мѣрѣ въ хозяйственномъ отношеніи—одинаково свойственны и тѣмъ классамъ нашего общества, которые процвѣтаютъ подъ вліяніемъ современной экономической политики; съ другой стороны, народная масса всего менѣе отвѣтственна за отсутствіе или недостаточность доступныхъ ей образовательныхъ средствъ, могущихъ содѣйствовать распространенію полезныхъ знаній въ народѣ. Крестьянству спеціально ставятъ въ вину упорное сохраненіе общиннаго поземельнаго строя, поддерживаемаго, будто бы, только по чувству рутины и образующаго главную преграду на пути сельскохозяйственнаго прогресса. Такъ какъ общинное землевладѣніе имѣетъ многихъ убѣжденныхъ защитниковъ среди передовой части нашего образованнаго общества, то связывать вопросъ объ общинѣ съ вопросомъ о косности и невѣжествѣ было бы довольно рискованно, и потому новѣйшіе противники общины ограничиваются указа-

ніемъ ея практическихъ неудобствъ и недостатковъ съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства.

Общинный порядокъ владѣнія и пользованія землею предполагаетъ періодическіе уравнительные передѣлы между участниками, соотвѣтственно перемѣнамъ въ составѣ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ; естественное размноженіе населенія приводитъ къ тому, что на долю каждаго двора достается все меньшее количество земли; отсюда, будто бы, слѣдуетъ, что всеобщее малоземелье есть неизбѣжное логическое послѣдствіе общиннаго землевладѣнія. А малоземелье, въ свою очередь, является самымъ существеннымъ препятствіемъ къ правильному веденію сельскаго хозяйства и служитъ главнѣйшей причиною крестьянскаго обнищанія; поэтому необходимо уничтожить общину и установить новые порядки, при которыхъ могъ бы свободно развиваться зажиточный классъ многоземельнаго крестьянства. Такова основная мысль книги г. А. Воскресенскаго. „Устраненіе массоваго крестьянскаго малоземелья,—говоритъ названный авторъ,—было бы радикальнымъ средствомъ для поднятія всего русскаго народнаго хозяйства. А для устраненія массоваго крестьянскаго малоземелья радикальнымъ средствомъ можетъ быть только аграрная крестьянская реформа. Въ ней заключается тотъ Архимедовъ рычагъ, которымъ можно повернуть Россію съ пути, ведущаго ее къ экономической и политической слабости, на путь экономическаго и политическаго преуспѣянія".

Впрочемъ, г. Воскресенскій не отрицаетъ, что при подворномъ частномъ землевладѣніи, вслѣдствіе чрезмѣрнаго дробленія земли, малоземелье и безземелье могутъ возникнуть несравненно скорѣе, чѣмъ при общинѣ; но преимущество полной частной собственности, по его словамъ, состоитъ въ томъ, что при ней „возможно не только уменьшеніе подворныхъ поземельныхъ участковъ, но и увеличеніе ихъ, не только дробленіе земли, но и сосредоточеніе ея, и притомъ въ неограниченномъ размѣрѣ". Одни будутъ спускать свою землю по неспособности, пьянству и т. п.; другіе, болѣе старательные и предпріимчивые, могутъ расширять свое землевладѣніе, насколько у нихъ хватитъ силъ. Малоземелье поэтому никогда не сдѣлается общимъ; „всегда найдутся люди настолько хозяйственно-способные, что съумѣютъ сосредоточить въ своихъ рукахъ необходимое для правильнаго веденія хозяйства количество земли. Что же касается сельскохозяйственной площади, то при полной частной собственности на землю большая часть ея всегда находится въ крупномъ или среднемъ землевладѣніи. Въ рукахъ малоземельныхъ владѣльцевъ, клочковыхъ

собственниковъ, всегда остается незначительная часть общей сельскохозяйственной площади". Авторъ вполнѣ откровенно признаетъ нормальнымъ и желательнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ большая часть крестьянскихъ земель сосредоточится въ рукахъ крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ, а масса сельскаго населенія останется безъ земли. Малоземелье не будетъ тогда общимъ удѣломъ крестьянства по той простой причинѣ, что послѣднее въ значительной своей части перестанетъ быть землевладѣльческимъ классомъ вообще; малоимущіе крестьяне перейдутъ уже въ разрядъ безземельныхъ. Общинное землевладѣніе съ періодическими передѣлами обезпечиваетъ крестьянъ отъ обезземеленія, но за то приводитъ къ общему малоземелью. Массовое малоземелье, говоритъ г. Воскресенскій, можетъ быть избѣгнуто только при томъ условіи, если не все населеніе будетъ получать участіе во владѣніи землей, т.-е. если часть населенія будетъ обезземеливаться. „Или обезземеленіе части земледѣльческаго населенія, или массовое малоземелье; такова аграрная альтернатива. Всѣ существующіе у западно-европейскихъ народовъ способы поземельнаго устройства предпочли первый изъ двухъ возможныхъ исходовъ: пусть будетъ обезземеленіе, пусть будетъ даже безземельный пролетаріатъ, но никакъ не массовое малоземелье. Для нашихъ общинниковъ безземельный пролетаріатъ казался слишкомъ страшнымъ зломъ, и они отстояли общинное землевладѣніе, обезпечивающее крестьянъ отъ обезземеленія. Этимъ самымъ наше крестьянское населеніе было обречено на второй исходъ аграрной альтернативы—массовое малоземелье".

Если даже допустить, что малоземелье есть худшее зло, чѣмъ полное безземелье, то на чемъ основано предположеніе, что крестьяне-общинники станутъ умышленно дробить землю частыми передѣлами, подвергая себя всѣмъ бѣдствіямъ малоземелья? Производство общихъ передѣловъ зависитъ отъ доброй воли самихъ участниковъ общиннаго землевладѣнія, и ничто не мѣшаетъ крестьянамъ совершенно отказаться отъ передѣловъ, съ сохраненіемъ основныхъ принциповъ земельной общины. Г. Воскресенскій соглашается и съ этимъ взглядомъ, который съ наибольшею убѣдительностью высказывался въ нашей литературѣ К. Д. Кавелинымъ. Общинное землевладѣніе „дѣйствительно не перестаетъ быть общиннымъ и по прекращеніи передѣловъ"; существуетъ „множество крестьянскихъ обществъ, которыя не передѣляли своей земли со времени полученія ея въ надѣлъ и до сихъ поръ владѣютъ ею по ревизскимъ душамъ". Значитъ,

массовое малоземелье вовсе не составляетъ непремѣннаго послѣдствія или обязательной принадлежности общиннаго землевладѣнія; слѣдовательно, нѣтъ надобности уничтожать общину для устраненія малоземелья. Остается только одна характерная черта общины—неотчуждаемость земли для отдѣльныхъ ея владѣльцевъ; но, по мнѣнію г. Воскресенскаго, стѣсненіе въ правѣ распоряжаться надѣломъ имѣетъ свою невыгодную сторону: оно мѣшаетъ крестьянамъ пріобрѣтать нужные имъ участки земли путемъ покупки. „При отчуждаемости земли крестьянинъ могъ бы спасти свое потомство отъ малоземелья“ посредствомъ прикупки земли къ своему подворному участку; „съ установленіемъ неотчуждаемости земли это средство борьбы противъ малоземелья отнимается“. Другими словами, нѣтъ другихъ земель для покупки, кромѣ крестьянскихъ надѣловъ, и если надѣлы не продаются, то крестьяне лишены возможности увеличивать свое землевладѣніе; такъ по крайней мѣрѣ предполагаетъ г. Воскресенскій, чтобы имѣть лишній доводъ противъ общины. Разумѣется, автору очень хорошо извѣстно, что крестьяне постоянно расширяютъ свое землевладѣніе на счетъ частныхъ земель, продаваемыхъ лицами другихъ сословій, и даже пользуются при этомъ содѣйствіемъ государственнаго крестьянскаго банка; такимъ образомъ, и опасеніе г. Воскресенскаго, что при общинномъ землевладѣніи крестьянамъ закрыта дорога къ пріобрѣтенію новыхъ земель или къ увеличенію своихъ надѣльныхъ участковъ, отпадаетъ само собою.

Другая опасность, которую предвидитъ авторъ, заключается въ постепенномъ дробленіи земли вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, при отсутствіи или ограниченіи уравнительныхъ общихъ передѣловъ; эта дробимость земли въ связи съ ея неотчуждаемостью также приводитъ рано или поздно къ общему малоземелью. „При отсутствіи передѣловъ, отдѣльные дворы скорѣе могутъ раздробить свою землю и впасть въ малоземелье; но за то другіе дворы имѣютъ болѣе возможности сохраниться отъ малоземелья. При отсутствіи передѣловъ болѣе обезпеченные землей домохозяева не подвергаются сокращенію размѣровъ своего землепользованія вслѣдствіе того, что нѣкоторые дворы слишкомъ размножились и впали въ малоземелье; болѣе обезпеченные землею дворы, если и дойдутъ впослѣдствіи до малоземелья, то вслѣдствіе размноженія своего, а не чужого потомства“: частное малоземелье наступитъ тогда скорѣе, но общее малоземелье—позднѣе, нежели при сохраненіи передѣловъ. Однако,—продолжаетъ г. Воскресенскій,—„общее малоземелье неизбѣжно должно наступить и въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ передѣлы земли прекрати-

лись. Коренной недостатокъ общинно-безпередѣльной формы землевладѣнія состоитъ въ томъ, что при ней почти не существуетъ способовъ для расширенія землепользованія (на счетъ общинныхъ земель), и открытъ только путь для раздробленія земли. Прикупить земли нельзя (?). Получить прибавку земли по общему передѣлу нельзя... Если подворный поземельный участокъ сохранился отъ раздробленія въ одномъ поколѣніи, то не сохранится въ другомъ,—если сохранится въ другомъ, то не сохранится въ третьемъ, четвертомъ или пятомъ поколѣніи, потому что невозможно, чтобы и отецъ, и сынъ, и внукъ, и правнукъ, и праправнукъ имѣли только по одному потомку". Въ видѣ противовѣса неограниченному дробленію земли авторъ рекомендуетъ ввести въ аграрный строй начало отчуждаемости, обезпечивающее возможность увеличенія слишкомъ мелкихъ участковъ посредствомъ прикупки. Ограничить или запретить дробленіе земли невозможно и нежелательно по разнымъ причинамъ, такъ какъ нужно имѣть въ виду „приспособленіе размѣровъ подворныхъ поземельныхъ участковъ къ силамъ и хозяйственнымъ способностямъ производителей"; но если допустить дробимость земли, то необходимо отказаться отъ принципа неотчуждаемости. „Самою же лучшею формою мелкаго землевладѣнія была бы та, въ которой были бы допущены отчуждаемость земли и дробимость ея, но послѣдняя только до извѣстнаго предѣла. Ограниченіе дробимости земли предупредило бы возникновеніе слишкомъ мелкихъ поземельныхъ участковъ, а отчуждаемость земли препятствовала бы измельчанію всѣхъ поземельныхъ участковъ до установленнаго закономъ минимальнаго размѣра". Г. Воскресенскій предлагаетъ намъ послѣдовать примѣру западно-европейскихъ народовъ, которые, усвоивъ систему свободной частной собственности на землю, „проявили соціально-экономическое благоразуміе"; мы же, удержавъ общинное землевладѣніе, показали недостатокъ предусмотрительности. „Еслибы крестьянская земля могла отчуждаться, то многіе крестьяне стали бы продавать свою землю; тогда крестьянское населеніе могло бы не только прибывать вслѣдствіе естественнаго роста, но и убывать вслѣдствіе отчужденія земли"; число безземельныхъ непрерывно возростало бы, но тѣмъ, которые сохраняли бы свои участки, не угрожало бы малоземелье. „Уничтожьте право на землю, вытекающее изъ принадлежности къ общинѣ,—поучаетъ публику г. Воскресенскій,—отмѣните общіе и частные передѣлы земли, и вы увидите, что крестьянское населеніе будетъ медленнѣе увеличиваться въ своей численности. Тогда слишкомъ быстро размножившіяся

и дошедшія до малоземелья семьи, не имѣя возможности прокормиться отъ своей земли, поневолѣ будутъ искать другихъ промысловъ, въ которыхъ часть малоземельнаго населенія и будетъ устраиваться... Отмѣните неотчуждаемость крестьянской земли, разрѣшите ее покупать и продавать... Надѣльная земля, нынѣ раздробленная, изломанная и искалѣченная въ смыслѣ орудія производства, будетъ собираться въ подворные участки, удобные по своимъ размѣрамъ для веденія сельскаго хозяйства. Но васъ пугаетъ призракъ Индіи, въ которой 80% крестьянскаго населенія потеряли землю; такую опасность предупредить очень просто: установите, что крестьянская земля можетъ покупаться только крестьянами, и крестьянское сословіе не потеряетъ ни одной десятины земли. Или вы боитесь, что кулаки скупятъ всю надѣльную землю и обезземелятъ громадное большинство крестьянскаго населенія? И эту опасность устранить легко... Опредѣлите максимальный размѣръ крестьянскихъ подворныхъ участковъ, въ однихъ районахъ въ 30 десятинъ, въ другихъ—въ 40 дес., въ третьихъ—въ 50 дес., и запретите прикупку земли на всѣхъ подворныхъ участкахъ, достигшихъ этого размѣра; тогда кулаки и не скупятъ надѣльную землю".

Приведенныя выписки достаточно ясно характеризуютъ то направленіе мыслей и интересовъ, которое выразилось въ книгѣ г. Воскресенскаго. Уничтожить, отмѣнить, запретить—обычныя формулы нашихъ реформаторовъ, когда дѣло идетъ о простомъ народѣ. Самые сложные вопросы разрѣшаются очень просто и легко, путемъ отвлеченныхъ канцелярскихъ предположеній и предписаній, не справляясь съ дѣйствительными нуждами и взглядами заинтересованныхъ классовъ населенія. Безъ принудительной опеки крестьянинъ впадаетъ въ разныя бѣдствія; не имѣя скота, онъ самовольно отказываетъ себѣ въ молокѣ и мясѣ, и постепенно доходитъ до того, что у него не хватаетъ даже растительной пищи; онъ становится неисправнымъ плательщикомъ податей, „съ нимъ постоянно приходится няньчиться по отсрочкѣ недоборовъ, по разсрочкѣ и сложенію недоимокъ, по пониженію платежей; при всякомъ недородѣ ему угрожаетъ голодъ, и его приходится продовольствовать на казенный и общественный счетъ" (стр. 65). Избаловавшійся мужикъ часто не хочетъ или не можетъ платить налоги, превышающіе всю сумму его доходовъ, и съ нимъ нужно „няньчиться" по этому поводу,—тогда какъ лица другихъ сословій не чувствуютъ тяжести лежащихъ на нихъ платежей и даже съ удовольствіемъ несутъ это легкое бремя, не доводя себя до голода. Еслибъ съ крестьянъ взималась въ казну та-

кая же доля ихъ чистаго дохода, какъ и съ другихъ сословій, то не пришлось бы, конечно, возиться съ отсрочкою крестьянскихъ недоимокъ и даже заботиться о продовольствіи плательщиковъ податей. Реформаторы, подобные г. Воскресенскому, не понимаютъ или не видятъ этой принципіальной разницы въ положеніи крестьянства и другихъ общественныхъ классовъ;—иначе нельзя было бы употреблять такое выраженіе, какъ „няньчиться", по поводу непомѣрныхъ крестьянскихъ платежей. Коренное непониманіе лежитъ въ основѣ всѣхъ разсужденій г. Воскресенскаго о крестьянскомъ землевладѣніи. Поземельная собственность повсюду въ Европѣ находится въ состояніи хроническаго кризиса, благодаря превращенію земли въ товаръ, въ предметъ свободной купли-продажи; мелкое землевладѣніе постепенно теряетъ почву и дѣлается жертвою денежныхъ хищниковъ; средніе и крупные владѣльцы все болѣе попадаютъ въ зависимость отъ капиталистовъ, становятся какъ бы исполнительными агентами земельныхъ банковъ и арендаторами своихъ собственныхъ помѣстій, причемъ интересы сельскаго хозяйства рѣшительно отступаютъ на задній планъ. Новая денежная аристократія, скупая обширныя и богатыя нѣкогда имѣнія, создаетъ въ нихъ нѣкоторое подобіе старыхъ владѣльческихъ замковъ, устраиваетъ охотничьи парки, разводитъ лѣса и, большею частью, прекращаетъ обработку земли и производство хлѣбныхъ продуктовъ; мѣстные поселяне, арендаторы и сельскіе рабочіе удаляются за ненадобностью, непрерывно пополняя собою ряды бездомнаго городского пролетаріата. Аграрный вопросъ, тѣсно связанный съ судьбою рабочаго класса, считается жгучимъ на Западѣ и издавна разработывается въ литературѣ не только экономистами-теоретиками, но и практиками, сельскими хозяевами и публицистами; ежегодно появляется масса статистическихъ изслѣдованій, научныхъ книгъ и брошюръ о землевладѣльческомъ кризисѣ въ западной Европѣ, а г. Воскресенскій думаетъ, что никакого поземельнаго кризиса и вопроса за границей не существуетъ, что западно-европейскіе народы благополучно разрѣшили у себя аграрную проблему и что намъ остается лишь дѣйствовать по ихъ образцу. Чѣмъ объяснить это странное извращеніе общеизвѣстныхъ фактовъ? Мелкая крестьянская собственность роковымъ образомъ клонится къ упадку и рано или поздно исчезаетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ она входитъ въ общій промышленный круговоротъ, въ качествѣ имущества, подлежащаго свободному отчужденію и дробленію; тщетно придумываются искусственныя мѣры для охраны крестьянскаго землевладѣнія въ его современныхъ западно-евро-

пейскихъ формахъ, и единственнымъ спасительнымъ средствомъ признается созданіе сельскихъ владѣльческо-хозяйственныхъ ассоціацій, связывающихъ отдѣльные крестьянскіе участки даннаго района въ одно цѣлое, подобно нашей поземельной общинѣ. Тамъ, гдѣ исчезла община, люди мечтаютъ о возстановленіи ея подобія, ради защиты и спасенія остатковъ самостоятельности крестьянства, а гдѣ община сохранилась, какъ у насъ, тамъ выступаютъ реформаторы съ проектами ея упраздненія. Старая, но вѣчно новая исторія! Мысль объ упраздненіи того, что перестало существовать у другихъ культурныхъ націй, является невольнымъ продуктомъ подражанія, и вполнѣ естественно, что экономическій и культурный прогрессъ западной Европы ставится въ причинную связь съ фактами, имѣющими не положительное, а отрицательное значеніе [1]).

Наши противники общины, разбирая ея слабыя стороны, не даютъ себѣ труда подвергнуть соотвѣтственной критикѣ систему участковой поземельной собственности, хотя нѣтъ недостатка въ матеріалахъ для такой критической оцѣнки. Г. Воскресенскій, напримѣръ, принимаетъ за аксіому превосходство хозяйства и значительную доходность частно-владѣльческихъ земель и болѣе крупныхъ подворныхъ крестьянскихъ участковъ; и по его мнѣнію, нашъ національный доходъ увеличился бы на милліарды рублей, еслибы всѣ крестьянскія земли перешли въ руки отдѣльныхъ частныхъ собственниковъ. Авторъ забываетъ только сказать, куда дѣвались бы десятки милліоновъ крестьянъ, освобожденные отъ земли или уступившіе ее новымъ хозяевамъ; онъ постоянно говоритъ объ устраненіи малоземелья путемъ перехода земель къ болѣе зажиточнымъ владѣльцамъ, какъ будто дѣло идетъ о простой технической перемѣнѣ, не касающейся вовсе судьбы огромной массы населенія. Что же будетъ дѣлать нынѣшняя земледѣльческая масса, если она изъ малоземельной превратится въ безземельную? Только ничтожная часть ея найдетъ себѣ мѣсто среди промышленныхъ рабочихъ и сельскихъ наемныхъ батраковъ, ибо никакая фабрично-заводская промышленность и никакія владѣльческія хозяйства не дадутъ работы десяткамъ милліоновъ человѣкъ, питающихся теперь кое-какъ съ своего малоземелья. Неужели же участь многомилліонной массы—предметъ столь пустяшный, что объ этомъ не стоило и упоминать при обсужденіи условій сельско-хозяйственнаго прогресса?

[1]) См. наши статьи о поземельномъ вопросѣ, крестьянскомъ и общинномъ землевладѣніи, въ „Вѣстникѣ Европы", 1890, сентябрь—декабрь; 1892, августъ; 1893, мартъ; 1894, мартъ, августъ—сентябрь, и др.

Г. Воскресенскій полагаетъ, что общинныя земли, не дающія избытковъ производства сверхъ необходимаго для прокормленія владѣльцевъ-крестьянъ, пропадаютъ безъ пользы для государства, оставаясь безплодными для промышленности, торговли и всѣхъ неземледѣльческихъ промысловъ. По увѣренію автора, „вся наша промышленность, торговля, кредитъ, транспортъ, государственный бюджетъ, держатся, какъ на послѣднемъ своемъ основаніи, на частномъ землевладѣніи, крупномъ, среднемъ и мелкомъ достаточномъ, на эксплуатируемыхъ государственныхъ земляхъ и на той части крестьянскихъ земель, которыя даютъ избытки производства". Можно напомнить по этому поводу, что выкупные платежи, ежегодная цифра которыхъ превышаетъ 85 милліоновъ рублей, вносятся и малоземельными крестьянами; послѣдніе участвуютъ также, наравнѣ съ остальными, въ доставленіи казнѣ доходовъ по винной монополіи и въ уплатѣ косвенныхъ налоговъ, составляющихъ основу нашего государственнаго бюджета (около 420 милліоновъ рублей въ годъ). Еслибы вся наша промышленность, кредитъ, транспортъ, государственный бюджетъ дѣйствительно основывались только на частномъ землевладѣніи и на болѣе крупныхъ участковыхъ хозяйствахъ крестьянъ, то наша экономическая жизнь давно бы привела къ банкротству. Частное землевладѣніе, среднее и крупное, не только не обогащаетъ государства избытками своихъ доходовъ, но еще само нуждается въ поддержкѣ и кредитѣ изъ средствъ государственнаго казначейства, для чего и существуютъ особые правительственные банки—дворянскій и крестьянскій. Г. Воскресенскому представляется, что крестьянскій банкъ способствуетъ превращенію земель изъ доходныхъ въ бездоходныя посредствомъ передачи малоземельнымъ крестьянамъ такихъ имѣній, которыя въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ давали „избытокъ сельскохозяйственнаго производства". Зачѣмъ же, спрашивается, стали бы владѣльцы продавать при содѣйствіи крестьянскаго банка благоустроенныя имѣнія, дающія избытокъ сельскохозяйственнаго производства? Обыкновенно продаются такимъ путемъ уже запущенныя владѣльческія земли, все производство которыхъ часто заключается во взиманіи преувеличенныхъ арендныхъ доходовъ съ окрестныхъ крестьянъ, страдающихъ отъ земельной тѣсноты. Крестьянскій банкъ прежде всего оказываетъ сильную помощь землевладѣльцамъ, желающимъ сбыть свои имѣнія; онъ непосредственно вліяетъ на денежную цѣнность земли и избавляетъ продавцовъ отъ хищниковъ, стремящихся завладѣть крупными имѣніями за безцѣнокъ при помощи разныхъ ростовщическихъ

продѣлокъ. Развѣ лучше было бы предоставить скупку помѣщичьихъ земель однимъ лишь кулакамъ-капиталистамъ, для которыхъ важнѣйшею статьею дохода служитъ безпощадная эксплоатація мѣстнаго сельскаго населенія, нуждающагося въ землѣ? Такъ и рѣшаетъ г. Воскресенскій, что лучше,—что надо предоставить свободу дѣйствій скупщикамъ и избавить ихъ отъ вредной конкурренціи крестьянскаго банка. Тогда только и прекратится крестьянское малоземелье, „когда земля сдѣлается вольнымъ товаромъ, когда пріобрѣтеніе ея будетъ доступно для всѣхъ сословій", — говоритъ названный авторъ. — „Въ рукахъ одного крестьянскаго сословія размѣры землевладѣнія уменьшаются потому, что крестьяне болѣе способны къ размноженію, нежели къ накопленію капиталовъ, и слишкомъ тяготѣютъ къ землѣ. Для того, чтобы усилить процессъ сосредоточенія земли, и нужно открыть доступъ къ пріобрѣтенію земли для тѣхъ классовъ населенія, которые болѣе, нежели крестьяне, способны сдерживать инстинктъ размноженія, болѣе имѣютъ возможности къ накопленію капиталовъ и менѣе тяготѣютъ къ землѣ, т.-е. менѣе стремятся устроить при землѣ все свое потомство. При свободномъ обращеніи земли между всѣми классами населенія процессъ сосредоточенія земли дѣйствительно можетъ уравновѣситься съ процессомъ дробленія земли, и размѣры землевладѣнія могутъ поддерживаться на желательномъ уровнѣ" (стр. 144—145).

Авторъ хотѣлъ бы, чтобы крестьянская земля была у насъ „вольнымъ товаромъ", т.-е. чтобы у насъ осуществилось то, противъ чего протестуетъ вся исторія поземельнаго вопроса, вся теорія и практика народнаго земледѣлія;—страна, будто бы, выиграетъ отъ того, что земля будетъ переходить изъ рукъ въ руки, доставаясь людямъ, не могущимъ вовсе привязаться къ землѣ и не имѣющимъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ. „Только ничѣмъ не стѣсненная экономическая сила однихъ,—разсуждаетъ г. Воскресенскій,—предотвратитъ вредныя послѣдствія для народнаго хозяйства экономическаго безсилія другихъ и поддержитъ размѣры землевладѣнія въ среднемъ на желательномъ уровнѣ. Особенно нежелательны ограниченія для скупки крестьянскихъ земель въ Россіи. У насъ и безъ того дано слишкомъ много мѣста мелкому крестьянскому землевладѣнію... И еслибы, благодаря свободной мобилизаціи земли, площадь мелкаго крестьянскаго землевладѣнія сократилась, а площадь крупнаго и средняго землевладѣнія увеличилась, то съ экономической точки зрѣнія это былъ бы вполнѣ желательный результатъ" (стр. 148—149). Крестьяне потеряли бы землю, но „потерять землю—еще

не значитъ сдѣлаться пролетаріемъ: можно не имѣть земли, но имѣть хорошій заработокъ и не быть пролетаріемъ",—подобно тому какъ и нынѣ десятки тысячъ крестьянъ, отправляющихся на отхожіе промыслы, нерѣдко находятъ временный „хорошій заработокъ" и потому не могутъ быть причислены къ пролетаріямъ; къ этимъ искателямъ работы присоединятся милліоны и даже десятки милліоновъ крестьянъ, когда исполнится проектъ аграрной реформы г. Воскресенскаго,—но зато народъ будетъ свободенъ отъ ужасовъ общаго малоземелья. Еслибы послѣднее наступило, то „исчезла бы у насъ промышленность, торговля и другіе неземледѣльческіе промыслы, погибла бы наша гражданственность, наша наука, наше искусство, и мы впали бы въ первобытное варварство, но безъ первобытнаго простора... Общее малоземелье означаетъ гибель всей современной культуры и цивилизаціи, уничтоженіе промышленности, торговли и всѣхъ неземледѣльческихъ промысловъ, упраздненіе настоящаго государственнаго и общественнаго строя, смерть науки и искусства, извращеніе религіи, всеобщій голодъ и нищету" (стр. 163). И всѣ эти страшныя катастрофы надвигаются на насъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, который систематически стѣсняетъ скупку частно-владѣльческихъ земель отдѣльными ростовщиками и міроѣдами, поощряя расширеніе земельныхъ владѣній цѣлыхъ сельскихъ обществъ, готовыхъ дробить землю безъ конца. Авторъ твердо убѣжденъ въ той истинѣ, что мы живемъ и пользуемся благами культуры только благодаря существованію старыхъ и новыхъ помѣщиковъ, хотя бы и принадлежащихъ къ разряду Разуваевыхъ и Колупаевыхъ. „Излишекъ земли у землевладѣльцевъ,—говоритъ онъ,—это краеугольный камень всего современнаго экономическаго строя и всей современной цивилизаціи" (стр. 165). Такого рода наивныя экономическія идеи не заслуживаютъ разбора.

Было время, когда высказывать такія идеи въ печати считалось совершенно невозможнымъ и даже неудобнымъ; а теперь довольно свѣдущій и начитанный авторъ нисколько не стѣсняется предлагать пожертвовать крестьянскимъ землевладѣніемъ для пользы и процвѣтанія личныхъ собственниковъ, какъ единственныхъ, будто бы, столповъ государства, промышленности и культуры.

Болѣе спокойный и дѣловой характеръ имѣетъ трудъ А. А. Риттиха, направленный также противъ общины въ современномъ ея видѣ. Авторъ не берется проповѣдывать коренную аграрную

реформу и даже прямо высказывается противъ принудительной ломки существующаго поземельнаго строя; онъ ограничивается только предложеніемъ особыхъ законодательныхъ мѣръ съ цѣлью ослабить зависимость крестьянъ отъ сельскаго міра и облегчить выходъ отдѣльныхъ домохозяевъ изъ общины. Противъ такой постановки нельзя ничего возразить по существу; все дѣло только въ способахъ ликвидаціи отношеній между общиною и выходящими изъ нея крестьянами.

Проектъ, составленный г. Риттихомъ, грѣшитъ чрезмѣрнымъ бюрократическимъ формализмомъ и едва ли окажется пригоднымъ на практикѣ; онъ возлагаетъ слишкомъ щекотливыя новыя обязанности на чиновниковъ крестьянскихъ учрежденій и на земскихъ начальниковъ, которымъ вообще приписывается часто способность всевѣдѣнія, непогрѣшимости и одновременнаго присутствія въ разныхъ мѣстахъ. Недоумѣніе вызывается также предположеннымъ участіемъ казны въ устройствѣ крестьянъ, отдѣляющихся отъ міра,—какъ будто казна есть неизсякаемый самостоятельный источникъ матеріальныхъ благъ не только для чиновничества и для поощряемой отечественной промышленности, но и для всѣхъ обывателей, желающихъ выгодно устроить свои личныя дѣла. Общія правила, формулируемыя авторомъ, кажутся довольно ясными и простыми; подробная мотивировка ихъ отличается фактическою полнотою, осторожностью заключеній и умѣренностью тона; но въ практическихъ выводахъ и деталяхъ выступаетъ наружу элементъ бюрократической неопредѣленности, составляющій обычную отличительную черту канцелярскихъ законопроектовъ. Въ основѣ этой неопредѣленности лежитъ, съ одной стороны, желаніе дать возможно большій просторъ усмотрѣнію должностныхъ лицъ, а съ другой—несокрушимая вѣра въ мудрость, безпристрастіе и справедливость исполнителей.

По общему правилу, каждый крестьянинъ можетъ выдѣлиться съ своимъ надѣломъ изъ общиннаго землепользованія, помимо согласія общества; для этого нужно только внести причитающійся за надѣлъ остатокъ выкупного долга. Выкупленная земля „составляетъ личную собственность выкупившаго, и общество не имѣетъ права измѣнять размѣръ ея или мѣстоположеніе, хотя бы она и не была выдѣлена изъ общиннаго надѣла“. Затрудненія начинаются съ того момента, когда выкупившій пожелаетъ осуществить свое право на дѣйствительный выдѣлъ: „При желаніи выкупившаго надѣлъ выдѣлить причитающуюся ему часть изъ отдѣльныхъ угодій общиннаго пользованія или уменьшить чрезполосность своей пахотной земли,—общество обязывается не

позже какъ при первомъ общемъ передѣлѣ или общей переверсткѣ, произвести требуемый отводъ въ возможно меньшемъ числѣ отдѣльныхъ участковъ, по соглашенію о семъ съ выкупившимъ, причемъ послѣдній сохраняетъ право участія въ общинномъ пользованіи тѣми угодьями, изъ коихъ выдѣла ему не произведено, если только отказъ отъ этого права не будетъ возмѣщенъ обществомъ за счетъ другихъ угодій". Выраженія, какъ: „обязывается", „въ возможно меньшемъ числѣ", „сохраняетъ право, если и т. д.",—заранѣе опредѣляютъ судьбу этой запутанной формулы, придуманной какъ бы нарочно для того, чтобы плодить безконечные споры и кляузы; и въ предвидѣніи этого результата пускается въ ходъ авторитетъ начальства, причемъ создается новый источникъ неудовольствій и недоразумѣній среди массы крестьянства. „На обязанность крестьянскихъ учрежденій возлагается содѣйствіе выкупившимъ свою землю крестьянамъ къ полюбовному ея выдѣлу изъ состава общиннаго надѣла и *разрѣшеніе по существу всѣхъ споровъ и недоразумѣній* объ условіяхъ выдѣла". Если выдѣлъ все-таки не состоится по невозможности соглашенія, то выкупившій можетъ сдать свою землю или часть ея въ общество, которое въ такомъ случаѣ „обязано возмѣстить стоимость таковой по оцѣнкѣ, опредѣляемой крестьянскими учрежденіями соотвѣтственно дѣйствительной (а не выкупной) стоимости земли". Устанавливать для общества обязанность платить по какой-то фантастической „дѣйствительной стоимости" за надѣлъ, составлявшій до выкупа общественную собственность,—не было бы, очевидно, ни малѣйшаго основанія, ни нравственнаго, ни юридическаго. Если отдѣльный крестьянинъ уплатилъ за свой надѣлъ опредѣленную выкупную сумму, то онъ можетъ только требовать возврата этой суммы при передачѣ своего надѣла сельскому обществу, въ случаѣ согласія послѣдняго на такую сдѣлку; но по какому праву можно *заставить* общество пріобрѣсть этотъ надѣлъ по особой оцѣнкѣ, сверхъ возмѣщенія уплаты выкупного долга, если само общество вовсе не желаетъ дѣлать такое пріобрѣтеніе? Никто не можетъ быть принуждаемъ къ заключенію гражданской сдѣлки только потому, что она выгодна и желательна для предлагающаго ее лица; никому не придетъ въ голову требовать съ кого-либо покупную плату при отсутствіи согласія на покупку и притомъ по оцѣнкѣ, произведенной посторонними людьми,—но по отношенію къ крестьянамъ не считается какъ будто обязательнымъ соблюдать даже элементарныя правила обычнаго гражданскаго оборота.

Предположимъ, что каждый изъ выкупившихся крестьянъ по-

желалъ бы получить съ общества денежную цѣну своего надѣла по „дѣйствительной его стоимости“, опредѣленной чиновниками; откуда общество достало бы средства на расплату съ этими произвольно навязанными ему кредиторами, если оно само не покупало своихъ надѣловъ по вольной цѣнѣ и не можетъ ни продавать ихъ, ни закладывать за деньги? Наконецъ, оцѣнка „дѣйствительной стоимости“ надѣльныхъ участковъ давала бы просторъ чистѣйшему произволу, такъ какъ небольшія полосы земли, разбросанныя въ разныхъ поляхъ, и установленныя доли участія въ разныхъ угодьяхъ имѣютъ цѣнность только для фактическихъ членовъ сельскаго общества и могли бы вовсе не найти покупателей при предложеніи этихъ надѣловъ къ продажѣ. „Дѣйствительная стоимость“ земли опредѣляется по ея доходности, а можетъ ли быть рѣчь о чистомъ доходѣ съ отдѣльныхъ крестьянскихъ надѣловъ? По проекту г. Риттиха, общество не имѣетъ даже права возражать противъ продажи ему выкупленныхъ надѣловъ и противъ назначенной за нихъ цѣны; оно обязано платить безпрекословно: „опредѣленная крестьянскими учрежденіями сумма вознагражденія за передаваемый въ общество выкупленный надѣлъ взыскивается въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ ея присужденія (?), порядкомъ, установленнымъ для взиманія окладныхъ сборовъ, послѣ чего она выдается по принадлежности, а надѣлъ переходитъ въ распоряженіе общества“ (стр. 118). Авторъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, сколько неуваженія къ гражданскимъ и человѣческимъ правамъ крестьянъ заключается въ этомъ оригинальномъ „правилѣ“, предполагающемъ принудительное взысканіе, наравнѣ съ налогами, произвольно назначенныхъ суммъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ.

Далѣе проектированное г. Риттихомъ вмѣшательство въ поземельныя и денежныя дѣла сельскихъ обществъ принимаетъ все болѣе рискованный характеръ, открывая возможность опасныхъ недоразумѣній и неудовольствій въ крестьянской массѣ. „Если одна четверть пользующихся общинной полевой землей крестьянъ, а въ большихъ обществахъ не менѣе двадцати-пяти крестьянъ, заявитъ послѣ выкупа своихъ надѣловъ желаніе выдѣлиться въ односелья и обяжется сдать въ общество свою усадебную землю“, то производится обязательное разверстаніе угодій, съ отводомъ каждому крестьянину всего надѣла въ одномъ обрубномъ участкѣ, „и если въ межу его не можетъ быть включено какое-либо изъ угодій, то потеря таковаго возмѣщается за счетъ качества или пространства другого“; при этомъ дѣлается авторомъ странная и едва ли осуществимая оговорка, что „сохраненіе за выдѣляю-

щимися какихъ бы то ни было правъ на общинныя угодья не допускается". Почему надо мѣшать крестьянамъ при выдѣлѣ удерживать общинное пользованіе пастбищами и лѣсомъ—неизвѣстно. „Обязательному разверстанію въ судебно-межевомъ порядкѣ подчиняются и тѣ выкупившіе землю крестьяне, которые не присоединились къ указанному выше числу домохозяевъ, желающихъ выдѣла въ односелья"; затѣмъ идетъ неожиданное обѣщаніе казенныхъ щедротъ: „каждый домохозяинъ, выдѣлившій свой надѣлъ въ односелье, съ перенесеніемъ на него усадебной осѣдлости, имѣетъ право на полученіе ссуды изъ средствъ казны; часть этой ссуды выдается вслѣдъ за выдѣломъ, а другая часть—при окончательномъ водвореніи на выдѣленномъ участкѣ и по сдачѣ прежней усадебной земли". Такое разверстаніе надѣловъ можетъ относиться къ милліонамъ крестьянъ, и всѣ, конечно, пожелаютъ получить ссуду, если только будетъ пущена въ оборотъ соблазнительная мысль о раздачѣ казенныхъ денегъ; но казна не располагаетъ даровыми милліонами, и замѣна общиннаго крестьянскаго владѣнія участковымъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ настоятельныхъ государственныхъ дѣлъ, которыя нужно было бы устроивать на казенный счетъ, вопреки доброй волѣ заинтересованнаго населенія.

Искусственно передѣлывать поземельный бытъ крестьянства—предпріятіе слишкомъ смѣлое и непосильное для бюрократіи, поставленной въ чисто-формальныя, внѣшнія, поверхностныя отношенія къ народной массѣ; однако нѣтъ такой задачи, за которую не брались бы наши канцелярскіе прожектёры. Даже такой серьезный изслѣдователь, какъ г. Риттихъ, возлагаетъ на законъ и его исполнителей обязанность насильно исправлять семейные нравы крестьянъ; между прочимъ, онъ придумываетъ средства для поддержанія „престижа отцовской власти", который, будто бы, крайне расшатанъ въ крестьянской средѣ. Ради этого престижа предлагается установить полную хозяйственную зависимость взрослыхъ сыновей и ихъ семействъ отъ отца-домохозяина, каковы бы ни были слабости и недостатки послѣдняго. По проекту автора, „подворная земля, состоящая въ пользованіи домохозяина и родныхъ его дѣтей съ ихъ семьями, составляетъ личную собственность домохозяина, имѣющаго всѣ права распоряженія этой землей, независимо отъ согласія семьи" (стр. 157). „При всякомъ порядкѣ землепользованія, общинномъ или подворномъ, имущественный выдѣлъ несамостоятельныхъ членовъ семьи и условія сего выдѣла зависятъ всецѣло отъ воли отца, а при неимѣніи его—матери; если же несамостоятельный (хотя и совершеннолѣтній) членъ семьи

выйдетъ изъ нея, помимо желанія своихъ родителей, то онъ утрачиваетъ право на участіе въ общинномъ землепользованіи, и таковое переходитъ къ родителямъ на все время разверстки, по истеченіи коего онъ можетъ получить это право не иначе, какъ съ согласія общества; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теряетъ право наслѣдованія подворной, усадебной и движимой собственности родителей, если только послѣдніе не пожелаютъ вновь принять его въ свою семью или предоставить ему право на эту собственность по духовному завѣщанію" (стр. 161). Столь суровыя мѣры противъ взрослыхъ сыновей не устраняются даже въ случаяхъ снохачества или явнаго самодурства, и этимъ полновластіемъ стариковъ должна поддерживаться патріархальная крѣпость семейнаго союза; въ дѣйствительности, разумѣется, подобный порядокъ вещей вызывалъ бы крайне тяжелыя, обостренныя отношенія между членами крестьянскихъ семействъ и давалъ бы обильный матеріалъ для уголовной хроники. Всѣ надежды, по обыкновенію, возлагаются на заботливую опекунскую власть всевѣдущихъ и вездѣсущихъ земскихъ начальниковъ; имъ поручаются также новыя сложныя обязанности по охранѣ, регулированію и закрѣпленію поземельныхъ правъ крестьянъ, равно какъ и совершеніе актовъ о переходѣ этихъ правъ, причемъ предоставляется руководствоваться „имѣющимися у крестьянъ неформальными доказательствами". Новыя широкія и неопредѣленныя полномочія земскихъ начальниковъ, по мнѣнію г. Риттиха, внесутъ устойчивость въ крестьянское землевладѣніе, дадутъ „правовое основаніе" интересамъ отдѣльныхъ крестьянъ и оградятъ ихъ отъ „произвола міра", ибо самая власть земскихъ начальниковъ основана, какъ извѣстно, на твердомъ принципѣ законности и не заключаетъ въ себѣ элементовъ произвольнаго личнаго усмотрѣнія. „Быть можетъ,—скромно заключаетъ авторъ,—дарованіе сельскому люду устойчивыхъ правъ на обрабатываемую землю быстро повыситъ ея производительность и удержитъ на землѣ гораздо болѣе населенія, чѣмъ это достигается мѣрами стѣснительнаго характера", и эта благодѣтельная реформа осуществилась бы съ желаннымъ успѣхомъ, еслибы только преподаны были соотвѣтственныя предписанія и инструкціи мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ и земскимъ начальникамъ. Г. Риттихъ заботится о томъ, чтобы устойчивость крестьянскаго землевладѣнія на началахъ личной собственности существенно отличалась всетаки отъ прочности имущественныхъ правъ другихъ сословій. Напримѣръ, никто не можетъ пріобрѣсть болѣе двадцати-пяти десятинъ земли изъ надѣла одного сельскаго общества; если же

у кого останется излишекъ, пріобрѣтенный покупкою, то „всякія сдѣлки по переходу правъ признаются недѣйствительными въ отношеніи всего пространства земли сверхъ указанной нормы", и по общему правилу, существующему для такого рода случаевъ, возстановлялось бы положеніе, бывшее до этихъ сдѣлокъ, т.-е. участокъ возвращался бы прежнимъ владѣльцамъ, съ обратною отдачею покупной суммы; но для крестьянъ можно, не стѣсняясь, предложить нѣчто совсѣмъ другое: „излишекъ этотъ передается безвозмездно въ распоряженіе сельскаго общества, причемъ исковыхъ правъ о возмѣщеніи стоимости этой земли не возникаетъ" (?). Покупатель наказывается тутъ конфискаціею, съ лишеніемъ права получить обратно свои деньги,—и дѣлается это просто потому, что безправіе признается какъ бы нормальнымъ состояніемъ крестьянъ; а между тѣмъ тотъ же авторъ, заодно со многими другими, сѣтуетъ на недостатокъ твердаго правового сознанія въ сельскомъ населеніи. Вѣковая атмосфера мѣстнаго произвола и безправія не служитъ благопріятною почвою для развитія и укрѣпленія идей права и законности, и винить въ этомъ самихъ крестьянъ было бы несправедливо.

Мы настолько свыклись съ особыми условіями, въ какихъ находится крестьянство, что не замѣчаемъ въ этомъ отношеніи самыхъ странныхъ аномалій; въ видѣ примѣра можно сослаться на слѣдующее правило, проектируемое г. Риттихомъ для облегченія крестьянамъ выхода изъ сельскихъ обществъ: „Желающій выйти изъ общества обязанъ представить земскому начальнику, или соотвѣтствующему должностному лицу, удостовѣреніе о пріобрѣтеніи участка земли въ томъ обществѣ, куда желаетъ перейти, или же пріемный приговоръ общества" (стр. 206). Выйти изъ сельскаго общества безъ перехода въ другое — крестьянинъ не можетъ; онъ обязанъ непремѣнно принадлежать къ какому-нибудь сельскому обществу, имѣть въ его составѣ участокъ земли или заручиться согласіемъ міра на причисленіе безъ земли, хотя бы онъ фактически занимался не земледѣліемъ, а разными городскими промыслами. Автору кажется, что онъ значительно смягчаетъ существующую зависимость крестьянъ отъ общества и міра; но эта робкая попытка смягченія лучше всего характеризуетъ общее положеніе такъ называемыхъ свободныхъ сельскихъ обывателей и традиціонные бюрократическіе взгляды на весь крестьянскій вопросъ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1904.

Именной Высочайшій указъ 8-го января и очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру постановленій о крестьянахъ. — Кодификація, проектируемая редакціонною коммиссіей.—Возможность другого исхода.—Отзывы печати о составѣ губернскихъ совѣщаній. — Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.

8-го января состоялся Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату, слѣдующаго содержанія:

„Въ сознаніи, что Положенія 19 февраля 1861 года, даровавшія крестьянскому сословію личную свободу и обезпечившія его поземельное устройство, оставили нѣкоторыя стороны обновленнаго сельскаго быта безъ законодательнаго опредѣленія, Мы повелѣли пересмотрѣть дѣйствующее законодательство о крестьянахъ.

„Пересмотръ сей Мы признали за благо произвести на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года, положивъ въ основу упомянутаго пересмотра, — какъ сказано Нами въ манифестѣ 26 февраля 1903 года,—неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при условіяхъ облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины. Въ развитіе сихъ предначертаній, признали Мы необходимымъ, наряду съ этимъ, сохранить крестьянамъ сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель.

„Во исполненіе сего, нынѣ окончены въ первоначальномъ изложеніи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проекты новыхъ законоположеній о крестьянахъ, каковые, согласно предуказаніямъ того же Нашего манифеста, подлежатъ передачѣ на мѣста въ губернскія совѣщанія, для дальнѣйшей разработки и согласованія съ мѣстными особенностями.

„Вслѣдствіе сего повелѣваемъ:

„1) Губернскія совѣщанія образовать для пересмотра законодательства о крестьянахъ въ губерніяхъ, въ коихъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, а также въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской.

„2) Губернское совѣщаніе образуется подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, изъ начальниковъ мѣстныхъ управленій гражданскаго вѣдомства, изъ предсѣдателя окружнаго суда, находящагося въ губернскомъ городѣ, изъ непремѣннаго члена губернскаго присутствія или члена отъ правительства губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по принадлежности, изъ предсѣдателя губернской земской управы, изъ представителей дворянства и земства, изъ земскихъ начальниковъ, не менѣе четырехъ, а также изъ лицъ, которыя своимъ опытомъ или познаніями могутъ содѣйствовать успѣху возложенной на совѣщаніе задачи.

„3) Члены отъ дворянства приглашаются губернаторомъ по указаніямъ собранія предводителей и депутатовъ дворянства не менѣе одного члена на уѣздъ. Въ губерніяхъ, не имѣющихъ дворянскаго представительства, члены отъ дворянства приглашаются губернаторами по соглашенію съ губернскими предводителями дворянства, гдѣ таковые имѣются.

„4) Члены отъ земства приглашаются губернаторомъ изъ состава уѣздныхъ земскихъ гласныхъ въ числѣ одного на уѣздъ.

„5) Порядокъ обсужденія губернскими совѣщаніями возложеннаго на нихъ дѣла, а также дѣлопроизводства въ нихъ опредѣляется инструкціею министра внутреннихъ дѣлъ".

Одновременно съ обнародованіемъ этого указа, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появился „Очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ", подробно знакомящій съ тѣми проектами, къ разсмотрѣнію которыхъ призваны губернскія совѣщанія. Справедливо находя, что Положенія 1861-го года не составляли вполнѣ законченнаго цѣлаго, коммиссія не жалѣетъ о томъ, что къ довершенію труда приступлено только теперь, по прошествіи почти полувѣка. Изданіе законодательнаго акта, опредѣляющаго всѣ стороны крестьянской общественной и гражданской правовой жизни, мыслимо „лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ этою жизнью, проникновеніи въ ея внутреннюю сущность". Такого знакомства ни во время реформы 1861-го года, ни даже значительно позднѣе, не было ни у русскихъ образованныхъ людей, ни у самого правительства. „Единственнымъ надежнымъ способомъ изученія крестьянскихъ распорядковъ является практика органовъ, ближайшимъ образомъ соприкасающихся со всѣми внутренними явленіями народной жизни. Такихъ органовъ до 1889-го года въ имперіи не существовало. Крестьянская жизнь была почти всецѣло предоставлена своему собственному теченію, оставалась внѣ всякаго надзора правительства, которое даже и не вѣдало многаго, что въ ней творилось". При такомъ положеніи дѣла пересмотръ крестьянскаго законодательства былъ возможенъ „исключительно на почвѣ умозрительныхъ началъ отвлеченной теоріи, а отнюдь не въ соотвѣтствіи съ требова-

ніями жизни". Этими соображеніями коммиссія объясняетъ какъ неудачу отдѣльныхъ нововведеній въ области крестьянскаго быта, ознаменовавшихъ начало восьмидесятыхъ годовъ, такъ и медленное движеніе общей преобразовательной работы, предпринятой въ 1893 г., вскорѣ пріостановившейся и возобновленной лишь въ 1901-мъ году.

Въ этомъ краткомъ историческомъ обзорѣ не все кажется намъ одинаково безспорнымъ. Конечно, Положенія 19-го февраля не исчерпывали всѣхъ сторонъ народной жизни; но разгадкой этому служитъ *временной* характеръ постановленій, регулировавшихъ личныя и имущественныя права крестьянъ, крестьянскій судъ и крестьянское управленіе. Предполагалось, очевидно, что особый порядокъ, созданный 19-го февраля, долженъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, уступить мѣсто общему строю, объединяющему всѣ части населенія. Свобода, только-что дарованная крестьянамъ, представлялась растеніемъ нѣжнымъ, требующимъ спеціальной охраны; перегородкамъ между сословіями придавалось значеніе защиты болѣе слабыхъ отъ болѣе сильныхъ. Другими словами, довершеніе дѣла, начатаго въ 1861 г., откладывалось до тѣхъ поръ, когда перестанутъ быть опасными привычки и взгляды, завѣщанные крѣпостной эпохой. „Крестьянская общественная и гражданская жизнь" и въ самый моментъ освобожденія крестьянъ не была книгой за семью печатями. Такіе наблюдатели, какъ Ю. Самаринъ, Н. Милютинъ, Я. Соловьевъ, кн. Черкасскій, прочли въ ней многое, хотя она и казалась наглухо закрытой. Все болѣе и болѣе яркимъ свѣтомъ ея страницы стали озаряться тогда, когда, вслѣдъ за паденіемъ крѣпостного права, раздвинулись рамки русской литературы и русской науки. Увеличивалось съ большою быстротою и число русскихъ образованныхъ людей, заглядывавшихъ въ глубину народнаго быта, и число явленій этого быта, доступныхъ для изслѣдованія и изученія. Сильно придвинула общество къ народу совмѣстная дѣятельность сословій въ земскихъ учрежденіяхъ. Крестьянскій вопросъ опять былъ поставленъ на очередь, сначала (въ семидесятыхъ годахъ) вопреки мнѣнію правительства, затѣмъ (въ 1880-мъ году) съ его согласія и отчасти по его иниціативѣ. И это вполнѣ понятно: помимо указаній земства и печати—указаній, во многихъ случаяхъ весьма „надежныхъ" и всегда допускавшихъ широкую повѣрку,—правительство было освѣдомляемо и своими собственными органами. Такими органами были сначала (и остались, кое-гдѣ, до настоящаго времени) мировые посредники, къ началу семидесятыхъ годовъ оскудѣвшіе, правда, численно и понизившіеся качественно, но до конца сохранявшіе и обязанность, и возможность слѣдить за тѣмъ, что̀ дѣлается въ деревнѣ. Реформа 1874-го года, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, не уничтожила правительственнаго надзора за кре-

стьянами, едва ли даже ограничила его область или его интенсивность. Непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій, избираемые земствомъ, но утверждаемые администраціей, могли служить—и во многихъ случаяхъ дѣйствительно служили—посредниками между центральною властью и массой населенія. Во главѣ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій стояли уѣздные предводители дворянства, постоянно и неизмѣнно пользовавшіеся довѣріемъ правительства—и участіе ихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ далеко не вездѣ и не всегда было только номинальнымъ. Намъ кажется, поэтому, что вполнѣ осуществимымъ пересмотръ положеній о крестьянахъ былъ уже четверть вѣка тому назадъ. Ему мѣшали сначала перемѣны въ господствующихъ теченіяхъ, потомъ—неопредѣленность настроенія, характеризовать которое можно было бы извѣстной формулой: „quieta non movere“ (не двигать того, что находится въ покоѣ). Сравнительно широкіе планы гр. Лорисъ-Меликова и Кахановской коммиссіи уступили мѣсто судебно-административному преобразованію 1889-го года; затѣмъ начался періодъ частныхъ мѣръ, мало располагавшій къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Если даже стать на точку зрѣнія редакціонной коммиссіи и признать, вмѣстѣ съ нею, что практика административныхъ органовъ —„единственный надежный способъ изученія крестьянскихъ распорядковъ“, то и въ такомъ случаѣ едва ли можно отрицать, что матеріалы для пересмотра положеній о крестьянахъ имѣлись на лицо по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ тому назадъ.

Задачей работы, предпринятой въ 1901-мъ году, поставлено измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861-го года и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе. Такими основными началами редакціонная коммиссія признаетъ „обособленность крестьянскаго сословія и установленные въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ коренного, велѣніемъ закона, измѣненія“. Относительно сословной обособленности коммиссія „приняла во вниманіе, что со временъ незапамятныхъ и досселѣ земля и земледѣльческій промыселъ составляли и составляютъ для русскаго крестьянина почти исключительный и во всякомъ случаѣ важнѣйшій предметъ его жизненной дѣятельности, сосредоточеніе всѣхъ его заботъ и попеченій, основу его матеріальнаго достатка. Постоянная близость къ землѣ, въ связи съ особенностями сельскохозяйственнаго

труда и быта, наложили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразились на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создали весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ. Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій... Сельское населеніе является сословнымъ цѣлымъ не по имени, не по буквѣ закона, но по своей внутренней крѣпости и сплоченности". Въ сословныхъ рамкахъ крестьянство было оставлено и Положеніями 1861-го года, составители которыхъ были убѣждены, что внесеніе въ крестьянскую среду нормъ общаго гражданскаго права, разсчитанныхъ на опредѣленіе совершенно иныхъ правоотношеній, не могло отвѣчать правовымъ нуждамъ деревни. Пока источникъ самобытнаго крестьянскаго права,—т.-е. народный обычай,—„не уступитъ безслѣдно мѣста какимъ-либо опредѣленнымъ общегосударственнымъ нормамъ права писаннаго, до тѣхъ поръ немыслимо отпаденіе сословныхъ граней крестьянства". Право государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, имѣетъ, въ глазахъ коммиссіи, еще другое основаніе: оно является логическимъ послѣдствіемъ весьма серьезныхъ жертвъ, понесенныхъ государствомъ для обезпеченія крестьянскаго быта. „Ни законъ, ни правительство, не могутъ имѣть въ виду стѣснять предпріимчивость отдѣльныхъ крестьянъ сдерживать ихъ пріобрѣтательную способность; но тотъ же законъ и то же правительство могутъ и обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы эти предпріимчивость и способность не развивались за счетъ такого источника, который имѣетъ особое, болѣе обширное, общегосударственное значеніе—служить основой существованія народныхъ массъ... Наконецъ, государство и до сихъ поръ не перестаетъ принимать особыя мѣры къ обоснованію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго люда (доступъ крестьянъ къ казеннымъ землямъ, снабженіе особымъ кредитомъ для пріумноженія ихъ земельнаго фонда и т. п.)—а тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимися его попечительными заботами". „Простымъ изданіемъ закона"—читаемъ мы дальше—„нѣтъ возможности сгладить тѣ органическія особенности, которыя

рѣзко различаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія. Болѣе чѣмъ ошибочно полагать, что, распространяя однообразные пріемы управленія, примѣняя однообразныя мѣропріятія къ различнымъ по своему духовному и нравственному облику группамъ населенія, возможно эти группы духовно сблизить и матеріально объединить. Это было бы равносильно примѣненію тѣхъ же способовъ обработки, насажденія тѣхъ же растеній на различныхъ, по ихъ химическому составу и физическому строенію, почвахъ. Очевидно, что лишь приведя эти почвы къ одной формулѣ, возможно ихъ однообразно использовать и ожидать отъ того одинаковыхъ послѣдствій. Словомъ, по мнѣнію коммиссіи, до полнаго внутренняго объединенія крестьянства со всѣми остальными сословными группами имперіи, необходимо сохранить особые пріемы въ порядкѣ его общественнаго управленія, суда и правительственнаго надзора. Такой образъ дѣйствій отнюдь не заключаетъ въ себѣ стремленія искусственно задерживать въ средѣ крестьянскаго сословія всѣхъ отдѣльныхъ, составляющихъ его личностей. Наоборотъ, законъ долженъ предоставить возможность всѣмъ индивидуально-сильнымъ, умственно-переросшимъ крестьянскій міръ отдѣльнымъ крестьянамъ найти примѣненіе своимъ способностямъ, расправить свои крылья, но съ тѣмъ, чтобы ихъ ростъ происходилъ не за счетъ всего крестьянства, а шелъ самостоятельнымъ путемъ. Предполагать, что всякій крестьянинъ обязательно долженъ посвятить всю свою жизнь земледѣлію, очевидно, нѣтъ основаній. Въ отдѣльныхъ представителяхъ нашего сельскаго населенія несомнѣнно созрѣваютъ весьма разнообразныя силы и способности, свободное проявленіе и развитіе коихъ, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ многоразличнымъ задачамъ народнаго хозяйства. Сословный строй крестьянства этому отнюдь не препятствуетъ. Каждому крестьянину и при немъ можетъ быть предоставлена возможность посвятить себя другимъ, неземледѣльческимъ занятіямъ, перейти въ ряды другихъ сословій. Тѣмъ самымъ онъ выйдетъ изъ сферы попеченія о немъ государства, а сословный крестьянскій строй останется непоколебимымъ".

Итакъ, обособленность крестьянства коренится, съ точки зрѣнія редакціонной коммиссіи, отчасти въ стихійныхъ и историческихъ условіяхъ сельскаго быта, отчасти въ услугахъ, оказанныхъ и оказываемыхъ государствомъ сельскому населенію. Безспорно, въ прошедшемъ крестьянство было крѣпко землѣ—крѣпко какъ въ силу искусственной связи, установленной закономъ, такъ и въ силу естественно сложившихся обстоятельствъ; но съ паденіемъ первой, а отчасти и раньше, начинаютъ измѣняться и послѣднія. Земля перестаетъ быть единственной кормилицей крестьянина. Все больше и больше развивается въ крестьянской средѣ уходъ въ города или на фабрики. Масса крестьянъ, не разрывая съ

деревней, періодически туда возвращаясь, привыкаетъ къ другимъ, не-земледѣльческимъ занятіямъ, къ другому, менѣе патріархальному складу жизни. Новизна со всѣхъ сторонъ вторгается даже въ сравнительно глухіе деревенскіе уголки [1]. Еще недавно однородная, безразличная масса расчленяется на мало сходныя между собою части. Юридическому соединенію уже не соотвѣтствуетъ фактическое. Однажды начавшись, дифференціація не останавливаетси передъ сословными перегородками. Не предупреждаютъ онѣ и противоположнаго движенія—наплыва постороннихъ деревнѣ элементовъ и сліянія ихъ съ коренными сельскими жителями. Уступая необходимости, наше законодательство еще въ 1889 г. приравняло къ крестьянамъ, въ области суда и управленія, живущихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ ремесленниковъ и мѣщанъ, что не мѣшаетъ имъ оставаться членами другого сословія. Параллельно съ бытомъ, хотя и не такъ быстро, трансформируется и настроеніе. Кто много видѣлъ, многое узналъ, тотъ не можетъ во всемъ думать и чувствовать по прежнему. Традиція, накоплявшаяся вѣками, сохраняетъ, въ той или другой степени, свое значеніе, но рядомъ съ нею оказывается мѣсто и для взглядовъ, выработанныхъ личнымъ опытомъ, личною мыслью. Безконечно разнообразныя комбинаціи стараго и новаго обусловливаются не рамками, данными извнѣ, а взаимодѣйствіемъ вліяній, неуловимыхъ и, слѣдовательно, неустранимыхъ.

Услугами государства пользуется постоянно *все* населеніе, въ свою очередь дающее государству и свои средства, и свой трудъ, а иногда и свою жизнь. Нельзя, поэтому, выводить изъ самаго факта услугъ право государства на выдѣленіе той или другой группы въ особое сословіе, подчиненное особому „попечительному надзору". И прежде, и въ послѣднее время, государство много дѣлало для дворянства— но правительственному надзору дворяне подлежали и подлежатъ не въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ другіе классы общества. *Забота*, въ государственной жизни, не имѣетъ характера *жертвы*, потому что всегда предполагается *общеполезной*, всегда мотивируется интересами цѣлаго. Конечно, предположенію можетъ не соотвѣтствовать дѣйствительность, за мотивами, выдвинутыми впередъ, могутъ скрываться другіе, болѣе или менѣе частнаго свойства; но силу правила не колеблютъ отступленія отъ него, все равно, сознательныя или безсознательныя. Отмѣна крѣпостного права, измѣнившая къ лучшему положеніе крестьянъ, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, актомъ высокой государственной мудрости; непосредственно касаясь одного сословія, она имѣла въ виду благо

---

[1] Это признаетъ, въ другой части своей работы, и редакціонная коммиссія, говоря, что „экономическая жизнь крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ усложнилась и видоизмѣнилась до неузнаваемости".

всего народа. То же самое слѣдуетъ сказать и о позднѣйшихъ мѣрахъ, продолжавшихъ или дополнявшихъ дѣло 19-го февраля. Земельный фондъ, созданный въ 1861-мъ году, оказывался недостаточнымъ для быстро увеличивавшагося населенія; отсюда учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, отсюда облегченіе для крестьянъ арендованія казенныхъ земель. Руководящая мысль остается прежняя: *въ интересахъ государства* необходимо возможно бо̀льшее земельное обезпеченіе народной массы. Нельзя, въ силу тѣхъ же соображеній, считать *жертвой* и продовольственную помощь крестьянамъ въ неурожайные годы. Обнищаніе и обезсиленіе многомилліоннаго населенія грозило такими *общими* послѣдствіями, къ предупрежденію которыхъ не могли не быть направлены усилія государства... Между попечительными мѣрами и особымъ надзоромъ причинная связь существуетъ лишь на столько, на сколько послѣдній прямо необходимъ для осуществленія первыхъ. Понятно, напримѣръ, требованіе, чтобы суммы, отпущенныя на сельско-хозяйственныя меліораціи, были употреблены именно на этотъ предметъ; понятно и наблюденіе, вытекающее изъ этого требованія, если оно остается въ естественныхъ своихъ границахъ, ни въ чемъ другомъ не стѣсняя свободы дѣйствій хозяина. Изъ исторіи выкупной операціи можно, пожалуй, вывести принципъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель—но отнюдь не обособленность сословія, владѣющаго этими землями.

Что „простымъ изданіемъ закона нельзя сгладить органическія особенности“ той или другой общественной группы—это несомнѣнно; но не такой результатъ имѣется въ виду, когда идетъ рѣчь о сближеніи сословій. Достижимымъ и желательнымъ признается лишь устраненіе искусственныхъ различій, поддерживаемыхъ извнѣ и существующихъ только благодаря этой поддержкѣ. Картинное сравненіе, иллюстрирующее мысль редакціонной коммиссіи, легко можетъ быть обращено противъ нея. Нельзя—говорятъ намъ—примѣнять одни и тѣ же пріемы обработки, насаждать одни и тѣ же растенія, на почвахъ, существенно различныхъ по строенію и составу. Но развѣ въ Россіи не сѣютъ рожь и на черноземѣ, и на пескѣ, и на суглинкѣ? Развѣ для ея культуры и тамъ, и тутъ, и здѣсь не пускаются въ ходъ одинаковыя орудія, одинаковые способы поднять урожайность поля? Есть, конечно, различія въ глубинѣ и времени вспашки, въ густотѣ посѣва, въ количествѣ удобренія, какъ и въ результатахъ жатвы—но эти различія не исключаютъ сходства въ существенномъ и главномъ. То же самое можно сказать и о культурѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. На хорошо подготовленной нивѣ сѣмена взойдутъ быстрѣе и обильнѣе—но не напрасно они будутъ брошены и въ другихъ мѣстахъ, да и самая почва можетъ оказаться способной къ улучшенію. Ожи-

дать, для сближенія сословій, *безслѣднаго* исчезновенія мѣстныхъ обычаевъ—значило бы замкнуться въ волшебный кругъ, изъ котораго нѣтъ исхода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ исчезнуть то, что ставится подъ спеціальную охрану власти? Не ясно ли, что совершенно сойти со сцены обычай можетъ лишь послѣ того, какъ прекратится его *принудительная* сила? Съ другой стороны, сохранить, по крайней мѣрѣ на время, все то, что цѣнно и жизненно въ обычаѣ, возможно, какъ мы увидимъ ниже, и при дѣйствіи общаго для всѣхъ закона.

Признавая, что сословныя грани не должны связывать предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ, редакціонная коммиссія находитъ, что всѣмъ индивидуально-сильнымъ, умственно переросшимъ свою среду крестьянамъ слѣдуетъ предоставить возможность перехода къ другимъ (неземледѣльческимъ) занятіямъ, въ ряды другихъ сословій. А что, если „расправить крылья“ крестьянинъ можетъ и хочетъ именно въ родномъ селѣ, въ кругу земледѣльческихъ занятій? Справедливо ли обусловливать движеніе впередъ отреченіемъ отъ привычной обстановки, отъ излюбленной работы? Цѣлесообразно ли отнимать у деревни лучшія ея силы, для которыхъ въ городѣ можетъ и не найтись подходящаго примѣненія? Всѣ ли „индивидуально-сильные“ крестьяне обладаютъ, притомъ, матеріальными средствами, безъ которыхъ трудно или даже невозможно вступленіе на новую дорогу? Почему, наконецъ, процессъ „расправленія крыльевъ“, если онъ перестаетъ быть исключеніемъ изъ общаго правила, долженъ считаться совершающимся „за счетъ всего крестьянства“? Какимъ образомъ „все крестьянство“ можетъ пострадать отъ того, что выгодно для каждаго отдѣльнаго его члена? Нѣчто въ родѣ вреда для массы можно было бы усмотрѣть только въ уменьшеніи крестьянскаго земельнаго фонда, т.-е. въ безпрепятственной, ничѣмъ не ограниченной продажѣ надѣльной земли; но мы уже имѣли случай замѣтить, что между неотчуждаемостью надѣловъ и сословною обособленностью крестьянъ вовсе нѣтъ неразрывной связи. Первая можетъ остаться въ силѣ, хотя бы и была отмѣнена или уменьшена послѣдняя.

Послѣ общихъ соображеній, мотивирующихъ обособленность крестьянъ, въ очеркѣ работъ редакціонной коммиссіи всего больше выдается тотъ отдѣлъ, который посвященъ общественному крестьянскому устройству. Исходная мысль коммиссіи заключается въ томъ, что „нынѣшніе основные устои сельскаго управленія и суда въ своихъ коренныхъ началахъ соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ русской деревни и органически слились съ сельскою жизнью“, вслѣдствіе чего коммиссіи „надлежитъ руководствоваться не какою-нибудь

отвлеченной теоріей, а исключительно указаніями практики". Изъ такихъ указаній коммиссія выводитъ, прежде всего, необходимость различать союзы, объединенные общностью землепользованія, и союзы, объединенные совмѣстною жизнью въ ближайшемъ другъ отъ друга сосѣдствѣ. Это различіе, какъ извѣстно, признается и въ настоящее время: *селенные* сходы уже давно разсматриваются какъ нѣчто отдѣльное и независимое отъ *сельскихъ*. Вопросъ о составѣ сходовъ (т.-е. о замѣнѣ такъ называемыхъ *полныхъ* сходовъ сходами *выборныхъ*) коммиссія только ставитъ, не высказываясь за разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ. Выходъ изъ состава сельскаго общества коммиссія предполагаетъ значительно облегчить и рядомъ съ выходомъ добровольнымъ поставить *обязательный* (по отношенію къ лицамъ, фактически порвавшимъ всякую связь съ обществомъ). Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ намѣреніе коммиссіи обратить особое вниманіе на положеніе внѣбрачныхъ дѣтей, а также усыновленныхъ и принятыхъ въ составъ семьи (пріймаковъ). Признавая обременительность мірскихъ сборовъ, коммиссія стоитъ за расширеніе круга плательщиковъ, но съ тѣмъ, чтобы необходимымъ условіемъ привлеченія къ платежу былъ образъ жизни, однородный съ крестьянскимъ. Другими словами, коммиссія заранѣе отклоняетъ мысль о всесословной волости, участниками которой должны являться всѣ сельскіе жители и всѣ владѣльцы внѣгородскихъ недвижимыхъ имѣній. Менѣе ясно отношеніе коммиссіи къ вопросу о личномъ составѣ крестьянскаго общественнаго управленія. Настоящую его неудовлетворительность она объясняетъ крайнею многосложностью его функцій и полною его подчиненностью рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи. Обѣ причины, по мнѣнію коммиссіи, устранимы лишь мало-по-малу; въ настоящее время возможны только „нѣкоторыя частичныя улучшенія", сущность которыхъ въ очеркѣ работъ коммиссіи не опредѣлена.

Особенною обширностью и детальностью отличаются соображенія коммиссіи о преобразованіи волостного суда, которое она признаетъ дѣломъ болѣе сложнымъ и труднымъ, чѣмъ усовершенствованіе сельскаго общественнаго управленія. Сопоставивъ широкую компетенцію волостного суда, „вѣдающаго громадное большинство какъ проступковъ, такъ и имущественныхъ споровъ по крайней мѣрѣ 80 % всего населенія имперіи", съ крайнею недостаточностью постановленій, регулирующихъ его дѣятельность, коммиссія признаетъ необходимымъ „преподать ему въ руководство во всѣхъ подробностяхъ разработанныя правила процессуальнаго и матеріальнаго права, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго". Съ предстоящимъ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ миро-

выми судьями, утратитъ силу дѣйствующаго закона; съ тѣмъ вмѣстѣ лишатся значенія ссылки, сдѣланныя на него въ временныхъ правилахъ 12-го іюля 1889-го года. Дла устраненія возникающихъ отсюда затрудненій возможны три способа: или распространить на дѣянія, подсудныя волостному суду, постановленія уголовнаго уложенія—или ограничиться новымъ изданіемъ временныхъ правилъ, сохранивъ ихъ существо,—или, наконецъ, выработать новый уголовный кодексъ для мелкихъ правонарушеній, приспособленный къ кругу дѣйствій волостного суда. Первый способъ коммиссія отвергаетъ какъ потому, что система уложенія, опредѣляющая преступленія крупными, общими чертами, дѣлаетъ его недоступнымъ для крестьянскаго суда, такъ и потому, что слишкомъ высоки максимальныя нормы установляемыхъ уложеніемъ наказаній: „крестьянамъ былъ бы непонятенъ законъ, въ силу коего за уличную перебранку двухъ бабъ можетъ быть назначено наказаніе, доходящее до 6 мѣсяцевъ ареста иіи 500 руб. пени, между тѣмъ какъ нынѣ высшее возможное взысканіе за такой проступокъ ограничивается штрафомъ въ 30 рублей или двухнедѣльнымъ арестомъ". Второй способъ коммиссія считаетъ непримѣнимымъ въ виду глубокаго различія между системами устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и новаго уголовнаго уложенія, а также между карательными мѣрами, установляемыми тѣмъ и другимъ. Остается, затѣмъ, только составленіе особаго волостного устава о наказаніяхъ. Эту работу коммиссія и исполнила, принявъ въ руководство слѣдующія три главныя положенія: 1) охватывая приблизительно ту же область проступковъ, какъ и временныя правила 12-го іюля 1889 г., уставъ, при опредѣленіи состава и отличительныхъ свойствъ преступныхъ дѣяній, долженъ опираться на постановленія новаго уголовнаго уложенія, лишь пріурочивая ихъ къ особымъ условіямъ и видамъ сельской преступности; 2) по внѣшней формѣ изложенія, уставъ долженъ отличаться ясностью и наглядностью, поясняя устанавливаемыя имъ общія положенія подходящими примѣрами, и 3) по степени наказуемости предусматриваемыхъ проступковъ уставъ долженъ приближаться къ новому уголовному уложенію, отступая отъ него лишь въ случаяхъ безусловной необходимости.

Въ области гражданскаго права дѣятельность современнаго волостного суда представляется, по справедливому замѣчанію коммиссіи, весьма отличной отъ дѣятельности дореформенныхъ, вѣдавшихъ лишь маловажныя дѣла волостныхъ и сельскихъ расправъ. Тѣмъ не менѣе волостной судъ, по отсутствію обязательныхъ для него нормъ матеріальнаго гражданскаго права, находится и теперь въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились расправы, т.-е. рѣшаетъ дѣла по совѣсти, руководствуясь мѣстными обычаями. Между тѣмъ, „процессъ

образованія государства изъ различныхъ по ихъ этнографическому составу племенъ и народностей лишилъ народное творчество въ Россіи возможности выразиться въ ясныхъ, безспорныхъ общихъ обычаяхъ, тождественныхъ и ясно сознаваемыхъ населеніемъ на пространствѣ всего государства. Исключенія изъ этого положенія если и существуютъ, то они сравнительно малочисленны, причемъ относятся лишь къ нѣкоторымъ вопросамъ права (преимущественно—семейнаго и наслѣдственнаго, всего меньше — обязательственнаго). Экономическая жизнь крестьянства во многихъ мѣстностяхъ со времени освобожденія крестьянъ усложнилась и видоизмѣнилась до неузнаваемости. Кромѣ несложныхъ земледѣльческихъ интересовъ, возникли интересы и сдѣлки характера торговаго; но вслѣдствіе недавности ихъ происхожденія, обычаевъ, предусматривающихъ способъ разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ на почвѣ этихъ новыхъ гражданскихъ правоотношеній, не существуетъ вовсе. Вообще подъ современнымъ обычнымъ правомъ должно понимать существованіе у крестьянъ множества, часто весьма интересныхъ и разумныхъ, но исключительно мѣстныхъ, практическихъ пріемовъ и правилъ въ разрѣшеніи спорныхъ правовыхъ вопросовъ, — правилъ, не только несогласованныхъ съ обычаями иныхъ, иногда даже сосѣднихъ мѣстностей, но подчасъ даже имъ противоположныхъ. Въ большинствѣ случаевъ имѣются не обычаи, разумѣя подъ этимъ терминомъ вполнѣ опредѣлившееся правосознаніе, а простое обыкновеніе, не обладающее свойствомъ непреложнаго въ народномъ представленіи указанія и въ виду этого соблюдаемое лишь постольку, поскольку оно не нарушаетъ чьихъ-либо существенныхъ интересовъ".

Дальше коммиссія констатируетъ еще другія два обстоятельства, идущія въ разрѣзъ съ примѣненіемъ обычаевъ: вліяніе волостныхъ писарей, часто даже не принадлежащихъ къ мѣстному населенію, и подчиненіе волостныхъ судовъ уѣздному съѣзду, членамъ котораго мѣстные обычаи могутъ быть вовсе неизвѣстны. Отсюда „одновременное существованіе двухъ соперничающихъ между собою правовыхъ нормъ: шаткаго, неопредѣленнаго обычая и бѣднаго положительными правилами X-го тома. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія является полное незнаніе крестьянами ни своего, ни чужого права, ни своихъ, ни чужихъ обязанностей". Обращаясь къ средствамъ устраненія зла, коммиссія высказывается противъ сокращенія круга вѣдомства волостныхъ судовъ до его прежнихъ, ничтожныхъ размѣровъ. Число гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ въ сельскомъ быту, уже теперь громадно и не перестаетъ расти, а помѣстный классъ, изъ среды котораго можно было бы замѣщать мѣстныя судейскія должности, постоянно уменьшается; во многихъ мѣстахъ нелегко даже найти въ немъ до-

статочное число кандидатовъ на званіе земскаго начальника. Недопустимо, далѣе, возложеніе обязанностей волостного суда на земскаго начальника: это извратило бы характеръ должности, сдѣлавъ ее, фактически, чисто судебною. Столь же недопустимо „предоставленіе повседневныхъ крестьянскихъ дѣлъ на судъ пришлыхъ коронныхъ судей, незнакомыхъ съ бытовыми сторонами сельской жизни". Остается, слѣдовательно, только одно: „снабдить волостной судъ твердыми правилами писаннаго закона". Какого же закона? „Гражданскій правооборотъ у крестьянъ образовался на основахъ порядка семейнаго и общиннаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и на принципѣ проведенія во многихъ гражданскихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ, въ ущербъ началамъ индивидуальности и капитализма. Между тѣмъ, именно на послѣднихъ началахъ построено все содержаніе общаго гражданскаго права, въ томъ числѣ и дѣйствующаго X-го тома свода законовъ, постановленія котораго сложились на почвѣ правовыхъ понятій и имущественнаго оборота высшихъ и среднихъ классовъ — дворянства, духовенства и купечества". Составляется, правда, новое гражданское уложеніе: но какъ бы успѣшно ни была выполнена эта работа, едва ли въ ближайшемъ будущемъ возможно будетъ распространить дѣйствіе уложенія на все сельское населеніе. Всякій кодексъ общаго права разсчитанъ на сложные и значительные гражданскіе интересы отдѣльныхъ лицъ и корпорацій средняго и высшаго классовъ населенія. Проектируемое гражданское уложеніе не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; оно разсчитано, притомъ—какъ видно изъ принятаго имъ способа изложенія—на примѣненіе его людьми свѣдущими въ правѣ, умѣющими разбираться въ отвлеченныхъ положеніяхъ и примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ. Все это приводитъ редакціонную коммиссію къ заключенію, что „единственнымъ цѣлесообразнымъ способомъ поставленной задачи слѣдуетъ признать изданіе особаго сельскаго гражданскаго устава, въ основу коего были бы положены тѣ же начала, коими проникнуты наши общіе законы гражданскіе". Сознавая *безмѣрную трудность* этого дѣла, коммиссія успокоиваетъ себя мыслью, что сельскій уставъ, каковы бы ни были его недостатки, все-же составитъ болѣе надежное руководство для волостныхъ судовъ, чѣмъ нынѣшній обычай, а судебная практика не преминетъ пополнить его и исправить, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни. Въ составъ устава должны войти правила объ обязательствахъ по договорамъ и нормы наслѣдственнаго права (права отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ на надѣльныя имущества должны составить предметъ особаго законодательнаго акта, а права крестьянъ личныя, семейственныя и вотчинныя на ненадѣльное имущество уже со времени изданія По-

ложеній 19-го февраля регулируются общими законами, въ томъ числѣ и первою частью X-го тома). Рядомъ съ сельскимъ уставомъ должны сохранить свое дѣйствіе и народные обычаи, въ вопросахъ наслѣдственнаго права—какъ главный, въ вопросахъ права обязательственнаго—какъ вспомогательный источникъ.

Порядокъ производства дѣлъ въ волостныхъ судахъ коммиссія считаетъ нужнымъ опредѣлить путемъ изданія краткаго по объему, но достаточно полнаго по содержанію процессуальнаго кодекса. Этотъ порядокъ долженъ быть, въ главныхъ чертахъ, одинъ и тотъ же для дѣлъ уголовныхъ и для дѣлъ гражданскихъ; достаточно установить для послѣднихъ три особенности—право истца окончить дѣло примиреніемъ, невмѣненіе суду въ обязанность разыскивать судебный матеріалъ и неприсужденіе судомъ бо́льшаго, чѣмъ ищетъ сторона. „Крайнюю форму состязательности"—лишеніе суда права дополнять, по собственному почину, доказательства, представленныя сторонами,—коммиссія считаетъ несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ, особенно въ дѣлахъ крестьянскихъ, ограниченіемъ судейскихъ полномочій: въ видѣ примѣра приводится отсутствіе у суда права указывать на истеченіе давности, если на нее не ссылается отвѣтчикъ. Рѣшенія по дѣламъ наименѣе сложнымъ и важнымъ коммиссія, въ видахъ охраненія *обаянія* волостного суда, признаетъ подлежащими немедленному исполненію, независимо отъ обжалованія ихъ или необжалованія. Съ цѣлью уменьшенія числа неосновательныхъ кассаціонныхъ жалобъ предполагается требовать отъ жалобщиковъ невысокаго денежнаго залога, подлежащаго возвращенію лишь въ случаѣ признанія жалобы основательною.

Итакъ, особый уголовный кодексъ, особое, по нѣкоторымъ отдѣламъ права, гражданское уложеніе, особый порядокъ судопроизводства—вотъ къ чему сводятся нововведенія, проектируемыя коммиссіею въ области сельскаго суда. Это цѣлая стѣна, воздвигаемая между крестьянствомъ и другими сословіями—или, вѣрнѣе, между народной массой и привилегированными общественными классами (такъ какъ волостному суду подвѣдомственны, наравнѣ съ крестьянами, всѣ живущіе внѣ городовъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые). Воздвигается эта стѣна какъ разъ въ то время, когда утверждено новое уголовное уложеніе, законченъ, въ первоначальной редакціи, проектъ новаго гражданскаго уложенія и близится къ концу пересмотръ судебныхъ уставовъ. Разобщеніе предполагается усилить именно тогда, когда, повидимому, открывалась бы возможность сближенія. Невольно возникаетъ вопросъ, стоило ли затрачивать столько труда на составленіе кодексовъ, которымъ надолго суждено остаться достояніемъ незначительнаго меньшинства? Вездѣ замѣтно стремленіе къ созданію

законодательныхъ нормъ общихъ для всего государства, для всѣхъ гражданъ; вездѣ оно разсматривается какъ одно изъ главныхъ условій политическаго единства, какъ въ высокой степени важная гарантія свободнаго, широкаго общественнаго развитія. Почему же у насъ намѣчается обратное движеніе, почему признается необходимымъ не только сохраненіе, но обостреніе существующихъ различій? Когда, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вступило въ силу уложеніе о наказаніяхъ 1845-го года, громадное большинство населенія стояло, de facto, внѣ закона: государственные крестьяне находились въ зависимости отъ своего начальства, ремесленники и мѣщане—отъ полиціи, крѣпостные—отъ помѣщиковъ. Никого не смущалъ и не удивлялъ тотъ фактъ, что къ „низшему роду людей" постановленія уложенія примѣнялись лишь въ случаяхъ особенно тяжкихъ, во всемъ остальномъ уступая мѣсто различнымъ видамъ полицейско-домашней расправы. Существовалъ, правда, сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ; но на самомъ дѣлѣ административный произволъ ограничивался имъ весьма слабо. Когда, съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ, повсемѣстно открылись волостные суды, карательная ихъ власть была невелика [1]), кругъ дѣйствій—узкій; немногимъ отличались отъ нихъ, въ этомъ отношеніи, и мировые посредники. Судебными уставами 1864-го года значительная часть дѣлъ, возникающихъ въ средѣ сельскаго населенія, была отнесена къ вѣдомству мировыхъ судей; оставалось сдѣлать сравнительно немногое, чтобы ввести крестьянскій судъ въ систему общихъ судебныхъ учрежденій и установить правосудіе на основахъ, одинаковыхъ для всѣхъ сословій. Судебно-административная реформа 1889-го года пошла путемъ противоположнымъ; но, расширяя кругъ вѣдомства и степень власти волостного суда, она все-таки дала ему въ руководство *общій* законъ—уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Теперь проектируется порвать и эту связь, составивъ для волостныхъ судовъ особый уголовный уставъ. Ненормальность одновременнаго существованія двухъ различныхъ кодексовъ [2]) была бы тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ сильнѣе, что одно и то же лицо подлежало бы дѣйствію то одного изъ нихъ, то другого, смотря по мѣсту учиненія проступка. Сегодня крестьянинъ совершилъ кражу въ деревнѣ—онъ наказывается на основаніи спеціальнаго устава; завтра онъ совершитъ кражу въ городѣ—

[1]) Въ первые годы послѣ отмѣны крѣпостного права включеніе тѣлеснаго наказанія въ число каръ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, не казалось еще вопіющей аномаліей.

[2]) Два кодекса существовали бы рядомъ и въ томъ случаѣ, еслибы при дѣйствіи новаго уложенія волостные суды руководились пересмотрѣнными и переизданными правилами 1889-го года.

и понесетъ кару на основаніи общаго уложенія. Передвиженіе крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей изъ деревни въ городъ, изъ города въ деревню усиливается съ каждымъ годомъ, охватываетъ все бо̀льшія массы, становится, можно сказать, фактомъ повседневнымъ; вмѣстѣ съ этимъ растутъ—и будутъ расти—неудобства, сопряженныя съ безпрестаннымъ измѣненіемъ вида и степени отвѣтственности.

Посмотримъ теперь, что же мѣшаетъ, по мнѣнію коммиссіи, распространенію уложенія на дѣла, подсудныя волостному суду. Уложеніе, говорятъ намъ, трудно доступно для пониманія, потому что опредѣляетъ преступленія крупными, общими чертами. Въ нашихъ глазахъ это преимущество уложенія остается преимуществомъ, какъ бы мало свѣдущи ни были судьи, его примѣняющіе. Неужели, напримѣръ, легче справиться съ понятіями объ обидѣ словомъ и обидѣ дѣйствіемъ, чѣмъ съ ст. 530-й уложенія, обобщающей ихъ подъ названіемъ умышленной личной обиды? Что̀ мудренаго представляетъ собою статья 581-я, предусматривающая похищеніе, явное или открытое, чужого движимаго имущества (дальше, въ той же статьѣ, называемое болѣе привычнымъ для народнаго слуха словомъ *воровство*)?.. Указываютъ, дальше, на несоразмѣрную, при условіяхъ нашего сельскаго быта, тяжесть наказаній, назначаемыхъ уложеніемъ: но вѣдь карательная власть волостного суда во всякомъ случаѣ оставалась бы ограниченною извѣстными предѣлами, дальше которыхъ ему нельзя было бы идти и тогда, когда ихъ превышаетъ максимальная норма, назначенная соотвѣтствующею статьею уложенія. „Уличная перебранка двухъ бабъ“, приводимая коммиссіей въ видѣ примѣра, и при дѣйствіи уложенія не могла бы, слѣдовательно, повлечь за собою продолжительнаго ареста или высокаго денежнаго штрафа, не говоря уже о томъ, что ничто не мѣшало бы оставить ее вовсе безъ взысканія, въ виду взаимности обидъ (улож. ст. 536). Конечно, для не-юристовъ, въ особенности если они лишены и всякаго общаго образованія, не можетъ быть легко ни установленіе признаковъ преступленія, ни подведеніе его подъ ту или другую карательную норму: но этого затрудненія не устранитъ и самая упрощенная редакція закона, потому что оно коренится въ природѣ самихъ судей. Для успѣшной борьбы съ нимъ существуютъ только два средства: или ограниченіе круга дѣйствій волостного суда самыми легкими, самыми заурядными проступками, или введеніе въ его составъ элементовъ, способныхъ значительно поднять его умственный уровень. Которое изъ нихъ болѣе цѣлесообразно въ настоящую минуту—къ этому вопросу мы еще возвратимся, когда разсмотримъ мнѣніе коммиссіи о другихъ спеціальныхъ уставахъ, потребныхъ для волостного суда.

Признавая, вмѣстѣ съ коммиссіей, недостаточность и ненадежность

мѣстныхъ обычаевъ, какъ основанія для дѣятельности волостного суда, мы не думаемъ, чтобы этимъ оправдывалось хоть сколько-нибудь изданіе особаго сельскаго устава о договорахъ и наслѣдованіи. Неудобства двухъ одновременно дѣйствующихъ кодексовъ были бы здѣсь столь же, если не болѣе, велики, какъ и въ области уголовнаго права. Заключая дововоръ въ городѣ, крестьянинъ подчинялся бы однимъ правиламъ, заключая договоръ въ деревнѣ—другимъ; возможное и законное въ одномъ мѣстѣ оказывалось бы невозможнымъ и незаконнымъ въ другомъ, что, конечно, не могло бы способствовать укрѣпленію юридическихъ понятій въ крестьянской средѣ. Какія гарантіи, дальше, имѣются въ томъ, что въ особый сельскій уставъ, составленный въ настоящее время, будетъ внесено все лучшее, все здравое и прочное изъ сокровищницы обычнаго народнаго права? Закончены ли— скажемъ болѣе, предприняты ли въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ—необходимыя предварительныя работы: собраніе матеріала, его группировка, его критическій разборъ, его научное изученіе? Не требуетъ ли самая простая осторожность повѣрки заключеній, къ которымъ приведутъ такія работы, путемъ обсужденія ихъ съ одной стороны—въ земскихъ собраніяхъ или представителями земства, съ другой—коллегіей выдающихся цивилистовъ, какою могла бы явиться редакціонная коммиссія, составившая проектъ гражданскаго уложенія? Только ихъ соединенными силами можно было бы достигнуть результата, одинаково удовлетворительнаго и со стороны содержанія, и со стороны формы. Все имѣющее общую цѣнность могло бы быть внесено въ текстъ узаконеній, одинаково обязательныхъ для всѣхъ и каждаго; все спеціально приспособленное къ нуждамъ и взглядамъ земледѣльческой массы могло бы сохранить силу въ видѣ исключеній, съ ясно ограниченною сферою дѣйствій. Гражданское уложеніе получилось бы, такимъ образомъ, *одно*, но безъ крайностей единообразія, безъ уничтоженія особенностей, еще не потерявшихъ права на существованіе. Ничего подобнаго не даетъ система, рекомендуемая редакціонною коммиссіею. Еслибы составленный ею уставъ могъ оказаться единственной, самодовлѣющей основой дѣятельности волостныхъ судовъ (въ сферѣ гражданскаго права), за него говорили бы, по крайней мѣрѣ, кое-какія соображенія практическаго удобства. Но это не такъ: коммиссія сохраняетъ за волостнымъ судомъ право руководствоваться мѣстными обычаями, т.-е. оставляетъ въ силѣ существенно-важный недостатокъ нынѣшняго порядка—неопредѣленность правовыхъ нормъ, во второй инстанціи, притомъ, повѣряемыхъ или устанавливаемыхъ чуждыми крестьянскому быту должностными лицами. Волостнымъ судьямъ будетъ предстоять задача согласованія устава, обязательнаго повсемѣстно и безусловно, съ разнообразными и измѣнчи-

выми обычаями. Трудная сама по себѣ, эта задача въ огромномъ большинствѣ случаевъ окажется совершенно непосильной для крестьянъ, взятыхъ въ судъ прямо отъ сохи. Скорѣе усилится, поэтому, чѣмъ ослабѣетъ вмѣшательство и вліяніе волостного писаря; теперь его попыткамъ построить рѣшеніе на десятомъ томѣ (истолкованномъ, конечно, вкривь и вкось) волостные судьи все-таки могутъ противопоставить ссылку на обычай—а тогда писарь будетъ формально правъ, настаивая на рѣшеніи дѣла главнымъ образомъ *по уставу*. Замѣтимъ, притомъ, что этотъ уставъ коммиссія предполагаетъ построить на тѣхъ же началахъ, какими проникнуты наши общіе законы гражданскіе. Отсюда неизбѣжность противорѣчій между уставомъ и обычаемъ—противорѣчій, среди которыхъ едва ли съумѣетъ оріентироваться волостной судъ.

Меньше возраженій, чѣмъ составленіе особыхъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго права, возбуждаетъ мысль о преподаніи волостнымъ судамъ особаго процессуальнаго кодекса — меньше, конечно, не потому, чтобы такой кодексъ былъ необходимъ, а потому, что въ вопросахъ формы обособленность не такъ опасна, какъ въ вопросахъ содержанія. Всего правильнѣе было бы, думается намъ, установить и здѣсь лишь рядъ исключеній, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ судебныхъ уставахъ императора Александра II-го по отношенію къ производству дѣлъ у мировыхъ судей. Число подобныхъ исключеній могло бы быть невелико, еслибы при предстоящемъ пересмотрѣ устава гражданскаго судопроизводства общимъ судебнымъ мѣстамъ была предоставлена бо́льшая свобода въ выборѣ доказательствъ (напр. смягчены правила, ограничивающія допущеніе свидѣтельскихъ показаній). Очень нежелательнымъ представляется, во всякомъ случаѣ, расширеніе права волостныхъ судовъ на собираніе справокъ: именно здѣсь, вдали отъ гласности и правильнаго контроля, это могло бы сдѣлаться источникомъ волокиты и злоупотребленій. Коммиссіи кажется несправедливымъ непризнаніе за судомъ права подсказывать отвѣтчику ссылку на истеченіе давности; мы думаемъ, наоборотъ, что этого требуетъ самый характеръ давности, какъ института, установленнаго въ силу необходимости, но вовсе не вытекающаго изъ высшихъ задачъ правосудія. Давность—средство обороны внѣшнее, формальное, одинаково дѣйствительное по отношенію къ самымъ правымъ искамъ и къ самымъ неправымъ. Если такимъ средствомъ не пользуется отвѣтчикъ, тѣмъ лучше: это позволяетъ суду разсмотрѣть дѣло по существу и рѣшить его въ пользу того, на чьей сторонѣ правда. Отъ волостного суда всего меньше, притомъ, можно было бы ожидать осторожности и безпристрастія въ преподаніи тяжущимся юридическихъ совѣтовъ или наставленій... При другомъ составѣ, другой постановкѣ

волостного суда можно было бы, конечно, признать окончательную силу за рѣшеніями его по дѣламъ наименѣе важнымъ; но при порядкахъ, намѣчаемыхъ коммиссіею, это едва-ли способствовало бы водворенію правосудія въ деревнѣ. Объ *обаяніи* волостного суда—обаяніи, охраненіемъ или созданіемъ котораго озабочена коммиссія, — нельзя говорить серьезно, пока волостные судьи не обладаютъ ни знаніями, ни самостоятельностью [1]... Требованіе залога, какъ условія принятія кассаціонной жалобы, оказалось бы непосильнымъ для большинства тяжущихся. Наконецъ, раздробленіе кассаціонныхъ функцій между множествомъ учрежденій, въ которыхъ административный элементъ рѣшительно преобладаетъ надъ судебнымъ, исключаетъ возможность скораго и успѣшнаго, путемъ практики, пополненія и исправленія уставовъ, предназначенныхъ спеціально для волостныхъ судовъ.

Возвратимся теперь къ поставленному нами вопросу о двухъ путяхъ, дѣлающихъ излишнимъ изданіе подобныхъ уставовъ. Всего правильнѣе была бы, конечно, такая постановка низшей судебной инстанціи, которая ввела бы ее въ общую іерархію судебныхъ учрежденій, подчинила бы ея членовъ всѣмъ или, по меньшей мѣрѣ, главнѣйшимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ судьѣ, и обезпечила бы за ними независимость отъ постороннихъ велѣній и вліяній. Для такого суда примѣненіе общихъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, кое въ чемъ, сообразно съ особенностями народнаго быта, дополненныхъ или видоизмѣненныхъ, не представило бы серьезныхъ затрудненій; съумѣлъ бы онъ прибѣгнуть, въ случаѣ надобности и въ установленныхъ закономъ предѣлахъ, и къ обычаю, какъ прибѣгаютъ, напримѣръ, къ торговымъ обычаямъ коммерческіе суды. Нашлись бы для него и подходящія лица, еслибы къ избранію его членовъ было призвано все мѣстное населеніе. Пока не наступили условія, благопріятныя для такой реформы, дѣятельность волостныхъ судовъ слѣдовало бы ввести въ возможно тѣсные предѣлы, предоставивъ имъ только разборъ самыхъ маловажныхъ проступковъ (чѣмъ упразднилось бы само собою примѣненіе волостнымъ судомъ тѣлеснаго наказанія) и самыхъ малоцѣнныхъ гражданскихъ исковъ. При

[1]) О проектируемомъ коммиссіею новомъ устройствѣ апелляціонной инстанціи надъ волостными судами мы говорили въ предъидущемъ нашемъ обозрѣніи (стр. 358—359), стараясь показать, что перемѣны къ лучшему оно не составляетъ. Изъ очерка работъ коммиссіи видно, что въ ея средѣ вопросъ о составѣ апелляціонной инстанціи вызвалъ разногласіе: меньшинство полагало сохранить значеніе такой инстанціи за уѣзднымъ съѣздомъ, съ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ предсѣдателей волостныхъ судовъ. Этотъ способъ разрѣшенія вопроса представляется менѣе неудобнымъ, такъ какъ въ составѣ апелляціонной инстанціи остаются чисто-судебные элементы; но достаточной гарантіей правосудія и онъ не служитъ, такъ какъ не-судебнымъ элементамъ принадлежитъ большинство въ уѣздномъ съѣздѣ.

рѣшеніи послѣднихъ волостной судъ могъ бы по прежнему руководствоваться обычаемъ, а при рѣшеніи первыхъ—заранѣе указанными статьями уголовнаго уложенія, безъ права выходить за предѣлы невысокой карательной нормы. Свободной оставалась бы, такимъ образомъ, дорога къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ; не было бы возведено тѣхъ стѣнъ, о которыхъ мы говорили выше.

Намъ могутъ возразить, что обособленность крестьянскаго суда, а слѣдовательно и вытекающая изъ него обособленность законодательства, гражданскаго и уголовнаго, предрѣшена Высочайшимъ указомъ 8-го января, въ силу котораго крестьянамъ долженъ быть сохраненъ *сословный строй*. Чтобы убѣдиться въ неосновательности этого возраженія, стоитъ только припомнить, что сословный строй дворянства, духовенства, купечества, живущаго въ городахъ мѣщанства, нисколько не исключаетъ подчиненія ихъ однимъ и тѣмъ же законамъ, одному и тому же суду. Сословность—вовсе не синонимъ той юридической обособленности, за которую стоитъ редакціонная коммиссія.

Составъ губернскихъ совѣщаній опредѣленъ Высочайшимъ указомъ 8-го января иначе, чѣмъ предполагалось сначала; выборныхъ членовъ въ совѣщаніяхъ не будетъ. Не повторяя сказаннаго нами по этому вопросу въ предъидущемъ обозрѣніи, ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ газетныхъ отзывовъ, особенно характерныхъ. „Съ отраднымъ чувствомъ“— говоритъ „Новое Время“—„мы должны отмѣтить порядокъ приглашенія земскихъ людей, напоминающій собой исконный русскій обычай. Приглашеніемъ въ совѣщанія распоряжаются губернаторы, но приглашаются ими всѣ лица по указанію самихъ обществъ. Такъ члены отъ дворянства указываются собраніями предводителей и дворянскихъ депутатовъ, члены же отъ земства приглашаются губернаторомъ изъ состава гласныхъ уѣздныхъ собраній“. Большой натяжкой является уже увѣреніе, что указаніе собранія предводителей и депутатовъ равносильно указанію дворянскаго *общества*; еще меньше основаній видѣть что-либо похожее на указапіе въ званіи, носимомъ въ каждомъ уѣздѣ нѣсколькими десятками гласныхъ. Способъ приглашенія въ совѣщаніе напоминаетъ, какъ намъ кажется, не „исконный обычай“, а современную административную практику. „Громадное право, данное губернаторамъ“,—читаемъ мы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, — „право приглашать общественныхъ дѣятелей къ разсмотрѣнію жизненно-важныхъ реформъ, возлагаетъ на нихъ и громадную нравственную отвѣтственность выбора именно тѣхъ лицъ, которыя, по взглядамъ своимъ, явились бы дѣйствительно истинными представителями общественнаго мнѣнія и носителями народныхъ идеаловъ и всеобщихъ чаяній. Мы

твердо вѣримъ, что патріотизмъ и служебный тактъ удержатъ ихъ отъ соблазнительнаго удобства приглашенія безгласныхъ угодниковъ и своекорыстныхъ защитниковъ сословныхъ интересовъ"... Это оптимистическое ожиданіе толкуется „Московскими Вѣдомостями" какъ надежда на призывъ губернаторами „представителей земскаго либеральнаго большинства". „Едва ли, однако"—восклицаетъ газета г. Грингмута,—„найдется много начальниковъ губерній, которые пожелали бы *извратить смыслъ Высочайшаго указа*". И на этотъ разъ, такимъ образомъ, реакціонная печать осталась вѣрна своимъ обычнымъ пріемамъ заподозриванія и устрашенія.

16-го января опубликовано слѣдующее Высочайшее повелѣніе, объявленное правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ:

„Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ полагалъ: 1) Предоставить ему, министру, назначить на текущее трехлѣтіе предсѣдателей и членовъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ, безъ производства предусматриваемыхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вторичныхъ на эти должности выборовъ, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающіяся чрезвычайныя тверское губернское и новоторжское уѣздное земскія собранія. 2) Сохранить на 1904 годъ дѣйствіе тверской губернской земской смѣты и раскладки предшествовавшаго года, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія оныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ испрашивалось Высочайшее на сіе соизволеніе въ порядкѣ, установленномъ 94-й статьей положенія о земскихъ учрежденіяхъ. 3) Подлежащія разсмотрѣнію чрезвычайныхъ тверскаго губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земскихъ собраній текущія дѣла разрѣшить въ порядкѣ, указанномъ въ 95-й статьѣ того же положенія. 4) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать пребываніе въ предѣлахъ тверской губерніи или отдѣльныхъ ея мѣстностей лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія. 5) Предоставить тверскому губернатору устранять отъ службы по земству вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія лицъ, состоящихъ на оной по приглашенію или назначенію земскихъ управъ и ихъ предсѣдателей".

На всеподданнѣйшемъ докладѣ семъ Его Императорскому Величеству, 8-го января 1904 года, благоугодно было собственноручно начертать: „*Согласенъ*".

Того же 16-го января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось нижеслѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Дѣятельность земскихъ учрежденій тверской губерніи давно уже

обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ государственнаго порядка. Объ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ проявленіяхъ этого направленія неоднократно доводимо было до Высочайшаго свѣдѣнія, и къ устраненію ихъ, по особымъ Монаршимъ указаніямъ, принимались необходимыя мѣры. Внося временное отрезвленіе въ среду земскихъ дѣятелей, эти мѣры не могли, однако, направить земство на правильный путь. За послѣдніе годы вредное настроеніе тверскаго губернскаго земства еще болѣе усугубилось, выражаясь, между прочимъ, въ неумѣстныхъ сужденіяхъ на земскихъ собраніяхъ, безплодно волновавшихъ умы, и въ постоянномъ стремленіи, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для дѣла, идти наперекоръ мѣстной власти.

„Наряду съ симъ въ тверской губерніи обнаружились отступленія отъ закона и въ самомъ устройствѣ земскихъ учрежденій. Въ составѣ ихъ постепенно возникли не предусмотрѣнныя закономъ самостоятельныя исполнительныя учрежденія, въ видѣ особыхъ коммиссій и совѣтовъ, состоящихъ въ значительной части изъ лицъ, служащихъ по вольному найму. Такіе коммиссіи и совѣты учреждались какъ бы въ помощь земскимъ управамъ, но съ теченіемъ времени въ ихъ рукахъ сосредоточилось непосредственное завѣдываніе отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и, такимъ образомъ, дѣйствительная власть въ направленіи земскихъ дѣлъ мало-по-малу перешла къ лицамъ, служащимъ въ земствѣ по найму и ничѣмъ съ данной мѣстностью не связаннымъ. Въ то же время среди этихъ лицъ обнаружилось стремленіе сплотиться въ своего рода сообщество и допускать въ него, по собственному выбору и указанію, лишь людей, съ ними единомышленныхъ.

„Отмѣченное явленіе и связанныя съ нимъ нежелательныя послѣдствія сказались съ особою силою въ дѣятельности земства по народному образованію. Учебное вѣдомство неоднократно сообщало министру внутреннихъ дѣлъ, что въ земствахъ тверской губерніи возникли при управахъ особые совѣты съ участіемъ въ нихъ народныхъ учителей и учительницъ, затрудняющіе правительственный въ этой области надзоръ учебнаго начальства. Такъ, при новоторжской уѣздной земской управѣ, согласно желанію собранія учителей народныхъ училищъ, образованъ въ 1903 году съ участіемъ ихъ комитетъ, дѣятельность коего началась немедленно же мѣрами, направленными къ устраненію учителей, неугодныхъ большинству комитета.

„Заявленія учебнаго начальства о неправильномъ отношеніи новоторжскаго уѣзднаго земства къ дѣлу народнаго образованія въ полной мѣрѣ подтвердились обозрѣніемъ дѣятельности земскихъ учрежденій тверской губерніи, по Высочайшему повелѣнію произведеннымъ гофмейстеромъ Штюрмеромъ въ концѣ прошлаго года, а также свѣдѣніями, поступавшими въ департаментъ полиціи.

„При этомъ выяснилось, что перемѣщеніе исполнительной, а отчасти и распорядительной власти изъ вѣдѣнія управъ въ вѣдѣніе установленій, состоящихъ изъ наемныхъ лицъ, и возрастающее ихъ вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ и въ частности на замѣщеніе должностей привели къ проникновенію въ среду земскихъ служащихъ тверской губерніи значительнаго количества лицъ, неблагонадежныхъ

въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ составъ народныхъ учителей, несмотря на то, что инспекторомъ народныхъ училищъ не были допущены къ назначенію до 40% предположенныхъ состоящимъ при управѣ комитетомъ кандидатовъ на должности учителей земскихъ школъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого преобладанія подобныхъ лицъ въ названномъ уѣздѣ явилось стремленіе обратить школьное преподаваніе въ орудіе пропаганды не только противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя, но и противъ религіи. При чтеніяхъ по естествовѣдѣнію развивалась мысль, что нѣтъ Божества и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, на квартирѣ одного изъ народныхъ учителей новоторжскаго уѣзда найденъ складъ революціонныхъ изданій, причемъ выяснено, что эти изданія распространялись народными учителями среди учениковъ и черезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослаго населенія. Обнаружено, что учителя читали ученикамъ литературныя произведенія, разсчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и церкви, а чтеніе произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождалось объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противогосударственныхъ воззрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; напримѣръ, чтеніе „Капитанской дочки" Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежной чернью, и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподаванія—видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніи прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны возмутительныя и дерзко-кощунственныя сужденія о церкви и духовенствѣ.

„При такомъ положеніи школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тверской губерніи знаменательнымъ представляется постановленіе губернскаго земскаго собранія минувшаго года по школьному вопросу въ тверскомъ уѣздѣ. Войдя безъ особыхъ къ тому основаній въ обсужденіе ходатайства тверскаго уѣзднаго земства о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству, губернское земское собраніе постановило принять по отношенію къ названному земству цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, а именно закрыть уѣзду, со времени передачи школъ духовенству, кредитъ на медикаменты и учебныя пособія, потребовать немедленнаго возврата всѣхъ ссудъ, выданныхъ ему изъ школьно-строительнаго капитала и т. д., при чемъ, какъ значится въ утвержденномъ собраніемъ докладѣ, земское собраніе вполнѣ сознавало, насколько тяжело отразятся предложенныя мѣры на населеніи тверскаго уѣзда.

„Все изложенное, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь избранный на трехлѣтіе 1904—1906 гг. составъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ не даетъ основанія ожидать устраненія указанныхъ выше печальныхъ явленій, и что послѣднее тверское очередное губернское собраніе, найдя время для весьма подробнаго обсужденія упомянутаго ходатайства тверскаго уѣзднаго земства, разошлось ранѣе срока, положеннаго для его занятій, не приступивъ къ разсмотрѣнію земской смѣты на 1904 годъ, поставило ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ въ необходимость представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ о принятіи особыхъ мѣръ къ упорядоченію дѣятельности земскихъ учрежденій тверской губерніи. Высочайшее по сему докладу повелѣніе состоялось 8-го сего января. Устраняя главнѣйшія изъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному теченію земскаго дѣла въ тверской губерніи, указанныя Высочайшимъ повелѣніемъ мѣры могутъ облегчить возможность благонамѣреннымъ лицамъ въ составѣ земскихъ учрежденій водворить въ нихъ порядокъ и придать ихъ дѣятельности согласное съ закономъ и дѣйствительными потребностями населенія направленіе".

ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ ВНѢБРАЧНЫХЪ ДѢТЕЙ И СИРОТЪ *).

Въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи имѣется населенія болѣе 94-хъ милліоновъ. Ежегодно здѣсь появляется на свѣтъ болѣе 4-хъ милліоновъ дѣтей, изъ которыхъ на долю внѣбрачныхъ рожденій приходится около 112 тысячъ. До 1898 года призрѣніе внѣбрачныхъ дѣтей составляло привилегію столичныхъ воспитательныхъ домовъ, петербургскаго и московскаго, такъ какъ еще въ 1828 году изданъ былъ законъ, запрещавшій открывать воспитательные дома въ провинціи, а отмѣна его послѣдовала только въ 1898 году; однако, и до сего времени не отмѣнена, но сохраняетъ свою силу статья 192, по которой на общественное воспитаніе могутъ поступать только подкидыши. Для подкинутыхъ дѣтей въ нѣкоторыхъ земствахъ устроены пріюты; имѣется также пріютъ въ Кіевѣ, содержимый приказомъ общественнаго призрѣнія. Въ московскій воспитательный домъ ежегодно поступаетъ дѣтей 12—14 тысячъ, а въ петербургскій—7—8 тысячъ, да около 5 тысячъ подкидышей поступаютъ въ земскіе пріюты. Такимъ образомъ только до 27-ми тысячъ внѣбрачныхъ и подкинутыхъ дѣтей изъ 112-ти тысячъ находятъ себѣ пристанище въ правительственныхъ и земскихъ убѣжищахъ, а о призрѣніи и положеніи главной массы дѣтей, въ количествѣ 90 тысячъ ежегодно, можно сказать, не имѣется никакихъ свѣдѣній. Уже этотъ одинъ фактъ указываетъ, что къ внѣбрачнымъ дѣтямъ прилагается недостаточно вниманія.

Призрѣніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ и земскихъ пріютахъ, какъ объ этомъ сообщалось еще прошлому VIII-му съѣзду, поставлено неудовлетворительно: дѣти во множествѣ умираютъ въ самомъ домѣ, а затѣмъ вымираніе ихъ продолжается въ округахъ, въ деревняхъ, куда они вскорѣ по рожденіи отправляются. Къ 20-лѣтнему возрасту въ живыхъ остается менѣе 15%. Питомческій промыслъ ведетъ къ усиленію смертности дѣтей коренного населенія и содѣйствуетъ распространенію сифилиса въ селеніяхъ. Такимъ образомъ, опытъ воспитательныхъ домовъ и земскихъ пріютовъ богатъ только

*) Настоящая статья составлена на основаніи трудовъ Пироговской коммиссіи по вопросамъ призрѣнія покинутыхъ дѣтей. Труды эти помѣщены въ журналѣ „Пироговскаго Общества" за 1903 годъ; она была доложена въ секціи общественной медицины IX-го Пироговскаго съѣзда врачей, въ январѣ 1904 г.

отрицательными фактами. Очевидно, практикуемая система призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей невѣрна въ своей основѣ.

Задача воспитательныхъ домовъ, при ихъ устройствѣ, была двоякая: 1) оберечь женскій стыдъ, сохранивъ тайну рожденія внѣбрачныхъ дѣтей, и 2) сохранить жизнь малютокъ, рожденныхъ внѣ брака. Первая задача выполнялась тѣмъ, что при пріемѣ ребенка въ воспитательный домъ не требовалось никакихъ доказательствъ, т.-е. практиковался тайный пріемъ дѣтей. Второй задачи воспитательный домъ старался достигнуть тѣмъ, что нанималъ для дѣтей кормилицъ, а затѣмъ отправлялъ дѣтей въ деревни, гдѣ они воспитывались за плату. Чрезмѣрное переполненіе воспитательныхъ домовъ заставило отказаться отъ тайнаго пріема, и съ 1891 года вышли новыя правила, устанавливающія явный пріемъ, т.-е. такой, при которомъ требуется представленіе метрики о рожденіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекается мать къ кормленію своего ребенка на 6 недѣль. Установивъ эти правила, воспитательные дома отказались отъ обѣихъ задачъ, которыя ставились при ихъ устройствѣ: и тайна рожденія не сохраняется, и мать привлекается къ участію въ вскармливаніи ребенка, т.-е. воспитательный домъ отказался отъ несвойственной ему роли замѣнить для дѣтей мать. Тѣмъ не менѣе и при новыхъ правилахъ наблюдается переполненіе воспитательныхъ домовъ, которые продолжаютъ стонать подъ тяжестью непосильной задачи и требуютъ децентрализаціи, т.-е. отказываются отъ своей привилегіи быть исключительными воспитателями внѣбрачныхъ дѣтей, и желаютъ передать ихъ призрѣніе въ руки земскихъ учрежденій, а свою дѣятельность ограничить предѣлами столицъ и столичныхъ губерній.

Самое важное въ дѣятельности воспитательныхъ домовъ заключается въ установленіи факта, что никакое вскармливаніе не можетъ сравняться съ кормленіемъ дѣтей молокомъ своей матери; даже кормиличное вскармливаніе даетъ почти въ два съ половиною раза худшіе результаты. Такимъ образомъ, въ интересахъ сохраненія жизни ребенка требуется установить новый принципъ, чтобы ребенокъ вскармливался непремѣнно молокомъ своей матери. И наша коммиссія, проектируя организацію общественнаго воспитанія внѣбрачныхъ дѣтей, въ основу поставила этотъ принципъ. Достиженіе этого принципа возможно только при условіи, если будутъ устранены причины, заставляющія мать разстаться съ своимъ ребенкомъ. Причины эти двоякаго рода: моральныя и экономическія. Моральныя заключаются въ той печати позора, которая накладывается на мать и ребенка, рожденнаго внѣ брака. Это позорное положеніе распространяется на всѣхъ дѣтей и ихъ матерей и сильнѣе чувствуется въ деревенскомъ населеніи. Экономическія причины, наоборотъ, болѣе проявляются въ

городскомъ населеніи, ибо присутствіе ребенка препятствуетъ матери поступить въ прислуги или сохранить за собою мѣсто на фабрикѣ. На эти причины коммиссія указывала еще прошлому VIII-му Пироговскому съѣзду и тогда же проектировала рядъ улучшеній въ нашемъ законодательствѣ въ смыслѣ доставленія гражданскихъ и имущественныхъ правъ внѣбрачному ребенку, лучшаго соціальнаго положенія его матери и привлеченія отца къ доставленію алиментовъ ребенку и матери. Достиженіе всѣхъ этихъ улучшеній проектировалось на почвѣ гражданскаго (а не уголовнаго) права (см. положенія доклада коммиссіи VIII-му Пироговскому съѣзду, пунктъ 3). 3-го іюня 1902 года, какъ бы въ отвѣтъ на высказанныя коммиссіею пожеланія, вышелъ новый законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, значительно улучшающій правовое положеніе внѣбрачнаго ребенка, улучшающій положеніе его матери и привлекающій отца къ участію въ доставленіи алиментовъ, причемъ всѣ дѣла о внѣбрачныхъ связяхъ и объ обязанностяхъ отца къ внѣбрачному ребенку поставлены всецѣло на почву гражданскаго права.

Несмотря на несомнѣнныя улучшенія въ положеніи внѣбрачныхъ дѣтей, достигнутыя новымъ закономъ 3-го іюня 1902 года, законъ этотъ имѣетъ значительные пробѣлы и недомолвки, какъ въ смыслѣ правовомъ по отношенію къ ребенку и матери, такъ и въ смыслѣ недостаточности огражденія для нихъ правъ на алименты. Такъ, приписка ребенка къ роду матери ставится въ зависимость отъ согласія матери или ея отца; признаніе ребенка въ законѣ вовсе отсутствуетъ; отыскиваніе материнства затрудняется требованіемъ письменныхъ доказательствъ; умалены личныя права ребенка тѣмъ, что онъ долженъ принадлежать къ податному сословію, такъ что внѣбрачный ребенокъ даже не приравненъ къ *усыновляемымъ* дѣтямъ; не распространено право на алименты по отношенію къ родственникамъ матери и отца. Требованіе алиментовъ отъ отца обусловлено невозможностью матери платить изъ своихъ средствъ; отсутствуетъ право матери требовать алименты безъ ограниченій, что должно бы быть ей предоставлено, такъ какъ наличность у нея ребенка мѣшаетъ ей вступить въ бракъ; плохо обставлены иски объ алиментахъ въ процессуальномъ отношеніи, такъ какъ они могутъ вестись по праву бѣдности только на общемъ основаніи, не идутъ сокращеннымъ порядкомъ, и нѣтъ обязанности суда обращать рѣшенія по этимъ дѣламъ къ предварительному исполненію, что крайне затягиваетъ полученіе денегъ для матери, и даже выигрышъ дѣла можетъ окончиться ничѣмъ. Необходимо устранить эти недостатки новаго закона, и наша коммиссія проектировала цѣлый рядъ положеній въ развитіе и дополненіе новаго закона, направленныхъ на улучшеніе правового положенія ребенка и матери,

на расширеніе ихъ правъ на алименты и на улучшеніе въ процессуальномъ отношеніи веденія исковъ при нарушеніи этихъ правъ. Вотъ эти положенія:

1) Желательно полное присоединеніе внѣбрачнаго ребенка къ матери и ея роду. Для этого прежде всего присвоеніе ребенку фамиліи матери не должно зависѣть отъ согласія матери, ея отца или ея родственниковъ (измѣненіе ст. 132^3 т. X).

2) Для облегченія установленія юридической связи между внѣбрачнымъ ребенкомъ и его родителями необходимо ввести порядокъ добровольнаго признанія ребенка какъ отцомъ его, такъ и матерью, если она не указана въ метрическихъ записяхъ путемъ особаго нотаріальнаго акта, заявленія мировому или городскому судьѣ, либо земскому начальнику, а также заявленія, выраженнаго въ духовномъ завѣщаніи.

3) Въ искахъ, предусмотрѣнныхъ 132^{15} ст. т. X, и въ другихъ случаяхъ отысканія материнства, необходимо отмѣнить существующія ограниченія доказательствъ материнства „письменными удостовѣреніями", предоставивъ суду убѣждаться въ дѣйствительности происхожденія ребенка отъ данныхъ родителей всѣми доступными суду способами, въ томъ числѣ и показаніями свидѣтелей (измѣненіе ст. 132^{15} т. X).

4) Относительно личныхъ правъ внѣбрачныхъ дѣтей желательно предоставленіе имъ правъ законныхъ дѣтей матери внѣбрачнаго ребенка.

5) Обязанность содержать внѣбрачнаго ребенка должна быть распространена и на наслѣдниковъ какъ его естественнаго отца, такъ и матери (дополненіе ст. 132^4 т. X).

6) Обязанность отца содержать своего внѣбрачнаго ребенка не должна стоять въ зависимости отъ недостаточности средствъ матери и должна быть возложена на него безусловно (измѣненіе ст. 132^4 т. X).

7) При опредѣленіи размѣра слѣдуемаго съ отца содержанія внѣбрачнаго ребенка судъ обязанъ сообразоваться не только съ общественнымъ положеніемъ матери ребенка, но и самого отца (измѣненіе ст. 132^4).

8) Обязанность содержать мать внѣбрачнаго ребенка до вступленія ея въ бракъ лежитъ на отцѣ этого ребенка безусловно, внѣ зависимости отъ того, лишаетъ ли уходъ за ребенкомъ мать возможности снискивать себѣ средства къ жизни (измѣненіе ст. 132^6 и 132^7 т. X).

9) Право искать съ отца внѣбрачнаго ребенка содержаніе за истекшее время должно быть предоставлено, кромѣ матери ребенка и

его опекуна, также и всякому третьему лицу, физическому или юридическому, которое приняло участіе въ содержаніи ребенка.

10) Матери внѣбрачнаго ребенка или его опекуну должно быть предоставлено право еще до рожденія ребенка обратиться къ его отцу съ требованіемъ уплаты тотчасъ послѣ рожденія суммы, необходимой для содержанія ребенка въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ жизни его и расходовъ по беременности и разрѣшенію отъ бремени матери.

11) За внѣбрачными дѣтьми и ихъ нисходящими должно быть признано право наслѣдованія также и въ родовомъ имуществѣ матери, и въ правахъ наслѣдованія вообще они должны быть сравнены съ законными дѣтьми матери (измѣненіе ст. 132^{12} т. X).

12) Всѣ иски о содержаніи, вытекающіе изъ факта внѣбрачнаго рожденія ребенка, должны вестись по праву бѣдности (дополненіе ст. 200^{7} и 880 Уст. гражд. Суд.).

13) Ко всѣмъ искамъ этого рода долженъ быть примѣненъ сокращенный порядокъ судопроизводства (дополненіе ст. 349 Уст. Гражд. Суд.).

14) Рѣшенія по дѣламъ этого рода должны подлежать предварительному исполненію (дополненіе ст. 138 и 737 Уст. Гражд. Суд.).

15) По всѣмъ такимъ искамъ должны быть допущены не только обезпеченіе самыхъ исковъ до ихъ рѣшенія по существу изложеніемъ запрещенія или ареста на имущество отвѣтчика въ суммѣ ежегодныхъ платежей, капитализированной изъ обычныхъ процентовъ, но и обезпеченіе исполненія рѣшеній тѣмъ же способомъ и въ томъ же размѣрѣ.

16) Въ каждомъ случаѣ внѣбрачнаго рожденія ребенка, тотчасъ по его рожденіи, а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ п. 10 настоящихъ положеній, по ходатайству матери, и до его рожденія,—подлежащее опекунское учрежденіе обязано назначить опекуна для огражденія интересовъ ребенка.

17) Существующія опекунскія учрежденія должны быть преобразованы на началахъ всесословности и участія въ опекунской коллегіи общественнаго элемента на началѣ избранія.

18) Въ частности, назначеніе опекуновъ и надзоръ за ними въ сельскихъ округахъ должны быть изъяты изъ компетенціи сельскихъ сходовъ и возложены на выборныя, на началахъ всесословности, и пріуроченныя къ территоріи волости опекунскія коллегіи съ правомъ апелляціоннаго обжалованія ихъ постановленій въ съѣзды мировыхъ судей, или замѣняющія ихъ установленія, и кассаціоннаго обжалованія въ сенатъ.

19) Надзоръ за опекунами и охраненіе интересовъ ребенка должны быть поставлены внѣ зависимости отъ сословныхъ правъ и мѣстожи-

тельства матери ребенка и должны быть возложены на то опекунское учрежденіе, въ предѣлахъ территоріальной компетенціи котораго имѣетъ постоянное жительство мать ребенка, рожденнаго внѣ брака.

20) Въ интересахъ упроченія юридическаго положенія внѣбрачныхъ дѣтей желательна также передача дѣла о разводѣ въ вѣдѣніе общихъ судовъ съ примѣненіемъ обычныхъ доказательствъ и съ увеличеніемъ числа причинъ, дающихъ супругамъ основаніе требовать развода.

Три пункта этихъ положеній, 17, 18 и 19-ый, касаются реорганизаціи опекунскихъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что новый законъ награждаетъ внѣбрачныхъ дѣтей значительными правами. Права эти заключаются въ томъ, что ребенокъ сравнивается съ законными дѣтьми матери въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннаго ея имущества и имѣетъ право на полученіе алиментовъ отъ отца и матери. Эти свои права, въ случаѣ ихъ нарушенія, онъ можетъ возстановить судомъ, конечно, при помощи опекунскихъ учрежденій. Между тѣмъ наши опекунскія учрежденія чрезвычайно устарѣли. Проникнутыя сословнымъ характеромъ, они отличаются архаическими формами и бюрократическими пріемами. Это можно сказать какъ по отношенію къ дворянской опекѣ, такъ и къ сиротскимъ судамъ. Хуже всего опека поставлена въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, гдѣ главную роль имѣютъ сельскіе сходы, а затѣмъ дѣла объ опекѣ подлежатъ земскимъ начальникамъ, губернскимъ присутствіямъ, губернаторамъ и волостнымъ правленіямъ. Эта множественность опекунскихъ инстанцій, несогласованность ихъ взглядовъ на дѣло, расчлененіе функцій и множественный, но фиктивный надзоръ—все это приводитъ къ медленному движенію дѣлъ во вредъ какъ опекаемымъ, такъ и крестьянскому хозяйству. Въ этой области широко проектируются обходы закона, самовластіе и прочія злоупотребленія, обыкновенно остающіяся необнаруженными. Сиротское имущество, несмотря на учрежденіе опеки, не гарантировано отъ хищеній вслѣдствіе плохого состава опекуновъ и положительнаго отсутствія попеченія и контроля со стороны опекунскихъ учрежденій—сельскихъ сходовъ, волостныхъ правленій и земскихъ начальниковъ. Личности сиротъ во многихъ случаяхъ опекунами изъ родственниковъ и постороннихъ по возможности эксплоатируются въ свою пользу, для чего стараются оставить ихъ невѣжественными, безъ всякаго образованія. Эксплоатація заключается въ возможномъ использованіи личнаго труда сиротъ въ семьѣ и отдачѣ ихъ постороннимъ лицамъ въ наймы, въ разныя услуги за плату или изъ одного содержанія; въ то же время по отчетамъ показывается въ расходъ на содержаніе ихъ извѣстная сумма, которая всецѣло поступаетъ въ карманъ опекуна. Такимъ образомъ, крестьянскія опекунскія

учрежденія назначенію своему рѣшительно не отвѣчаютъ, пользы не приносятъ, а напротивъ, причиняютъ много вреда.

Въ такихъ-то рукахъ находится попеченіе о внѣбрачныхъ дѣтяхъ сельскаго населенія. Между тѣмъ наибольшій контингентъ внѣ ихъ находится, именно, въ сельскомъ населеніи, несмотря на то, что внѣбрачныя рожденія въ городахъ происходятъ значительно чаще, составляя 11% всѣхъ рожденій, нежели въ сельскихъ округахъ, гдѣ ихъ всего 1,8%. Дѣло въ томъ, что городского населенія у насъ значительно меньше, нежели сельскаго. По переписи 1897 года городское населеніе 50-ти губерній Европейской Россіи равно 12.027.038, а сельское—82.188.377 человѣкъ. Изъ всѣхъ 111.958 ежегодныхъ внѣбрачныхъ рожденій въ городахъ мы имѣемъ 42.332, а въ селеніяхъ—69.626 внѣбрачныхъ рожденій, т.-е. первыхъ 37,5%, а вторыхъ 62,5%. Мы видимъ отсюда, что почти ²/₃ всѣхъ внѣбрачныхъ дѣтей приходится на сельскіе округа. Всѣ они нуждаются въ участливомъ къ себѣ отношеніи на мѣстѣ. Такое отношеніе должно проявиться при появленіи ребенка на свѣтъ и при дальнѣйшемъ его воспитаніи. Въ первомъ случаѣ необходимо поставить мать въ такія условія, при которыхъ она можетъ совершить актъ родовъ безъ вреда для здоровья своего и ребенка. Это вполнѣ достигается земскими родильными пріютами, устроиваемыми при земскихъ лечебницахъ. Здѣсь мать внѣбрачнаго ребенка найдетъ себѣ и ему хорошій уходъ; здѣсь она получитъ указанія относительно правильности кормленія ребенка; здѣсь же могутъ быть ей даны свѣдѣнія о той помощи, на которую она имѣетъ право разсчитывать для воспитанія ребенка. Помощь эта должна выражаться главнымъ образомъ въ привлеченіи отца къ выдачѣ алиментовъ, согласно новому закону. Конечно, сама мать въ большинствѣ будетъ не въ состояніи возстановить свои права и права ребенка по отношенію къ отцу ребенка; тутъ необходимо участіе опекуна. Очевидно, въ цѣляхъ охраны материнства необходимо приложить наивозможныя старанія къ лучшей организаціи крестьянской опеки, чего мыслимо достигнуть лишь при общей крестьянской реформѣ, на основахъ всесословной волости. Въ настоящее время крестьянскія управленія являются не чѣмъ инымъ какъ только низшими органами администраціи, обязанными безпрекословно повиноваться общимъ чинамъ ея и большинство дѣлъ которыхъ носитъ полицейскій и фискальный характеръ. На органы эти взвалена масса дѣлъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ крестьянскому хозяйству. Такая спеціальная задача, какъ назначеніе опекуновъ и надзоръ за ними, въ сельскихъ округахъ должна быть изъята изъ компетенціи сельскихъ сходовъ и волостныхъ правленій и возложена на выборныя опекунскія коллегіи, находящіяся въ связи съ земскими учрежденіями. Лучше всего этого

можно достигнуть организацiей мелкой земской единицы или всесословной волости, въ рукахъ которой должны сосредоточиваться заботы обо всѣхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ. Эти мелкiя организацiи должны находиться въ органической связи съ уѣздными земскими собранiями. Онѣ-то и должны озаботиться избранiемъ опекунскихъ коллегiй, которыя вѣдали бы дѣла о внѣбрачныхъ дѣтяхъ и сиротахъ въ предѣлахъ своей территорiи, безъ всякой зависимости отъ сословныхъ правъ и мѣста приписки матери ребенка.

На такихъ началахъ слѣдуетъ реформировать опекунскiя учрежденiя. Пока этого нѣтъ, будетъ слишкомъ ослаблено благодѣтельное значенiе новаго закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Въ значительной мѣрѣ можетъ помочь въ этомъ отношенiи учрежденiе земствомъ доступной юридической помощи. Еще въ 1885 году, т.-е. почти 20 лѣтъ назадъ, извѣстный криминалистъ проф. И. Я. Фойницкiй въ своей статьѣ—„Защита въ уголовномъ процессѣ какъ служенiе общественное"—проводилъ мысль о необходимости учрежденiя земскихъ юристовъ, подобно тому, какъ имѣются земскiе врачи (см. „Журн. Гражд. и Угол. Права", 1885, № 4). Эту мысль особенно любилъ развивать покойный московскiй профессоръ и земскiй дѣятель М. В. Духовской. Многiя земства уже давно пытались учредить у себя доступную юридическую помощь; однако, на вопросы земствъ, выражавшихъ желанiе устроить такую помощь, сенатомъ было разъяснено, что законъ не включилъ удовлетворенiя этой мѣстной потребности въ кругъ функцiй земскихъ учрежденiй. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время стали учреждаться особыя юридическiя консультацiи въ разныхъ мѣстахъ Россiи по почину разныхъ учрежденiй—въ городахъ, земствахъ, при обществахъ народной трезвости и по частной инициативѣ. Такое явленiе вполнѣ понятно, ибо насажденiе и проведенiе въ жизнь и сознанiе народа правъ и законности и устраненiе знахарства въ этой области немыслимо безъ организацiи доступной народу юридической помощи. А что же, какъ не знахарство, представляютъ деревенскiе „аблакаты", широко эксплоатирующiе деревенскую невѣжественность въ юридическихъ вопросахъ? Приходится только пожалѣть, что до сего времени, какъ указываетъ журналъ „Право", юридическихъ консультацiй по всей Россiи имѣется не болѣе 45. Между тѣмъ доступная юридическая помощь, широко организованная общественными учрежденiями, могла бы избавить населенiе отъ огромной потери народныхъ средствъ, выражающейся десятками миллiоновъ рублей, выплачиваемыхъ ежегодно населенiемъ, какъ дань за свое юридическое невѣжество; она дала бы возможность внѣбрачному ребенку и его матери возстановить свои права на полученiе алиментовъ отъ отца ребенка. Необходимо только, чтобы доступная юридическая помощь,

равно какъ и опекунское учрежденіе, находились какъ можно ближе къ родильницѣ-матери, подобно тому, какъ была близка земская лечебница, пріютившая ее на время родовъ. Достигнуть такой близости возможно только организаціей мелкой земской единицы или всесословной волости. Организація мелкой земской единицы сослужитъ громадную службу въ дѣлѣ правильной постановки общественнаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ сельскаго населенія и болѣе всего будетъ способна содѣйствовать сохраненію материнства, т.-е. доставленію ребенку возможности вскармливанія молокомъ своей матери. Нужно еще принять во вниманіе и то обстоятельство, что привлеченіе отца къ доставленію алиментовъ ребенку и матери въ сельскомъ населеніи будетъ значительно содѣйствовать къ заключенію между родителями законнаго супружества, чрезъ что внѣбрачный ребенокъ получаетъ всѣ права законныхъ дѣтей.

Конечно, общественнымъ учрежденіямъ придется нести матеріальныя затраты въ сельскихъ округахъ, какъ на помощь матерямъ для вскармливанія внѣбрачныхъ дѣтей, такъ и на устройство пріютовъ, для неимѣющихъ матерей (въ случаѣ смерти матери), а также для подкидышей; но такія затраты, при реорганизаціи крестьянскихъ учрежденій на началахъ всесословности, при реформированіи опеки и при организаціи доступной юридической помощи, будутъ вполнѣ для нихъ посильны, особенно если законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ получитъ дальнѣйшее развитіе, тѣмъ болѣе, что расходы будутъ нести всѣ общественныя организаціи, начиная съ мелкой земской единицы. Послѣдняя должна черпать средства на удовлетвореніе своихъ пользъ и нуждъ изъ мѣстныхъ средствъ. О степени значительности этихъ средствъ мы можемъ получить понятіе, если обратимъ вниманіе на мірскіе доходы и расходы. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эти расходы въ два раза превышаютъ земскій бюджетъ и составляютъ $^1/_5$ часть всѣхъ прямыхъ налоговъ. А въ будущей мелкой земской единицѣ плательщиками будутъ не одни крестьяне, но все населеніе данной территоріи. Приведемъ общія интересныя данныя о мірскихъ расходахъ въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета (1894 г.):

Въ 1892 г. мірскихъ расходовъ было . .	54.394.446
„ 1893 „ „ „ „ . .	57.932.159
„ 1894 „ „ „ „ . .	64.603.953

Въ общемъ по всей Россіи мірскіе расходы ежегодно увеличиваются на 6,3%—6,5%. Изъ общаго количества всѣхъ мірскихъ расходовъ въ 1894 году израсходовано волостныхъ суммъ 40,9%, сельскихъ – 59,1%. На одну волость въ среднемъ приходится 5.819 руб., на одно сельское общество—552 руб. При такой значительной суммѣ

мірскихъ расходовъ устраняется предположеніе о финансовой несостоятельности будущей мелкой земской единицы, если съ нея будутъ сняты обязанности нести расходы на административныя и общегосударственныя цѣли.

Если, при сказанныхъ условіяхъ, будетъ сравнительно легко справиться съ задачею общественнаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей въ сельскихъ округахъ, то эта задача для городского населенія представляетъ значительныя трудности. Какъ мы указывали выше, въ городахъ появляется внѣбрачныхъ рожденій въ $6^1/_2$ разъ больше, нежели въ селеніяхъ; притомъ, въ большинствѣ, это—дѣти прислуги или фабричныхъ работницъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ. Въ городъ ихъ загнала нужда. Сносно жизнь свою онѣ могутъ устроить здѣсь только когда здоровы и могутъ работать. Уже во время беременности, особенно въ послѣдній мѣсяцъ, жизнь для работницы становится чрезвычайно тяжелою; съ появленіемъ же на свѣтъ ребенка, женщина зачастую лишается заработка и выбрасывается на улицу. Такая безвыходность положенія, зависящая отъ экономической необезпеченности, болѣе всего заставляетъ мать разстаться съ своимъ ребенкомъ, и она помѣщаетъ его въ пріютъ или воспитательный домъ, а иногда подкидываетъ. Очевидно, необходимо придти на помощь къ такимъ матерямъ, чтобы дать имъ возможность самимъ вскормить своихъ дѣтей. Благодѣтельное значеніе новаго закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ и здѣсь дастъ возможность значительно ослабить являющееся бѣдствіе; но сверхъ того на помощь должно придти улучшеніе фабричнаго законодательства въ цѣляхъ охраны материнства.

Съ улучшеніемъ техники производства, мускульная сила постепенно вытѣсняется изъ фабрично-заводской промышленности и замѣняется машинами. Фабриканты для ухода за машинами стали усиленно примѣнять женскій и дѣтскій трудъ, какъ болѣе дешевый, что повело къ значительному ихъ обогащенію. Однако, часто трудъ на фабрикахъ бываетъ не по силамъ для женщинъ и почти всегда очень изнурителенъ, такъ какъ уходъ за машинами требуетъ напряженнаго вниманія и примѣненія изощренныхъ способностей, что, при продолжительности рабочаго дня, ведетъ къ чрезмѣрной затратѣ нервной энергіи, а работа въ стоячемъ положеніи вызываетъ венозные застои и неправильности въ женской половой сферѣ. Особенно вреденъ фабричный трудъ для беременныхъ женщинъ, а также послѣ родовъ; въ этихъ случаяхъ онъ вреденъ не только для матери, но и для ребенка. Наконецъ, условія жизни и работы на фабрикѣ весьма вредно отражаются на здоровьи и жизни какъ самихъ матерей, такъ и особенно ихъ дѣтей. Многочисленныя земскія санитарно-статистическія изслѣдованія ясно указываютъ, что фабричные районы всюду отли-

чаются отъ своихъ сосѣдей, не-фабричныхъ, повышенной дѣтской и общей смертностью, причемъ такое повышеніе не всегда восполняется въ достаточной мѣрѣ обычно высокой здѣсь рождаемостью. Кромѣ того, въ фабричныхъ районахъ замѣчается еще недоразвитіе школьниковъ, меньшій ихъ ростъ сравнительно съ сверстниками другихъ мѣстностей и болѣе слабое развитіе призываемыхъ къ исполненію воинской повинности. Всѣ спеціальныя изслѣдованія какъ иностранной, такъ и русской литературы указываютъ, что работа беременныхъ женщинъ на фабрикахъ вызываетъ преждевременные и ненормальные роды, иногда стоющіе родильницѣ жизни, рожденія мертвыхъ, уродливыхъ или хилыхъ дѣтей, массами умирающихъ въ раннемъ возрастѣ, болѣзни, часто дѣлающія женщину калѣкой на всю жизнь. Фабричный трудъ женщинъ и самъ по себѣ вредно отражается на дѣтяхъ; вреденъ онъ еще для дѣтей и потому, что отвлекаетъ мать отъ правильнаго кормленія и ухода за ребенкомъ. Немудрено, что на фабрикахъ, кромѣ значительнаго количества выкидышей и мертворожденій, наблюдаются огромная смертность дѣтей вскорѣ послѣ родовъ и въ первые годы жизни, недоразвитыя дѣти, хилыя и слабыя, ревматизмъ и золотуха, какъ постоянные спутники дѣтей, ростущихъ на фабрикѣ, недоразвитіе дѣтей школьнаго возраста, живущихъ на фабрикѣ, и, наконецъ, множество изъ лицъ, возросшихъ на фабрикѣ и оказавшихся негодными для исполненія воинской повинности. Эти грозные факты, находящіеся въ зависимости отъ работы женщинъ на фабрикѣ и указывающіе ихъ вырожденіе, невольно должны приковать къ себѣ вниманіе общества и государства. И если невозможно вовсе воспретить работу женщинъ на фабрикахъ, то является безусловная необходимость законодательнымъ путемъ поставить ее въ сравнительно благопріятныя условія для здоровья женщинъ и ихъ дѣтей. Наше законодательство отмѣнило только ночную работу женщинъ въ текстильныхъ производствахъ и вовсе запретило работу въ шахтахъ; въ остальномъ женскій трудъ на фабрикахъ сравненъ съ мужскимъ даже и тамъ, гдѣ требуется примѣненіе мускульной силы, какъ, напр., при переноскѣ значительныхъ тяжестей. Коммиссія проектировала регулировать женскій трудъ на фабрикахъ введеніемъ въ уставъ о промышленности слѣдующихъ положеній:

1) Ночная работа для женщинъ должна быть запрещена. Исключенія изъ этого положенія могутъ быть допущены только по постановленію фабричныхъ присутствій.

2) Подземная работа женщинъ должна быть безусловно запрещена.

3) Переноска тяжестей свыше одного пуда, а также вращеніе ручныхъ двигателей женщинами должны быть ограничены фабричными присутствіями для каждаго рода производства.

4) Фабриканты обязаны для рабочихъ женщинъ устроивать сидѣнья. Фабричнымъ присутствіямъ предоставляется дѣлать исключенія, при непремѣнномъ участіи врача.

5) Необходимо запретить женскій трудъ въ производствахъ, признаваемыхъ особенно вредными, хотя бы примѣнительно къ ст. 111 Уст. о промышл., ограничивающей работу малолѣтнихъ по химически вреднымъ производствамъ.

6) Рабочій день для фабричныхъ женщинъ не долженъ превышать 9-ти часовъ.

7) Въ субботу и подъ праздники рабочій день на фабрикахъ для женщинъ, имѣющихъ дѣтей и ведущихъ хозяйство, долженъ оканчиваться не позднѣе 3-хъ часовъ пополудни, а въ воскресные и праздничные дни женщины должны быть вовсе освобождены отъ работы на фабрикахъ.

8) Безусловно должна быть запрещена ночная работа беременнымъ женщинамъ, начиная со второй половины беременности, и кормящимъ грудью женщинамъ до семи-мѣсячнаго возраста ребенка.

9) На фабрикахъ, имѣющихъ до 200 и болѣе рабочихъ женщинъ, должны быть устроены родильные пріюты.

10) Кормящимъ женщинамъ должно быть предоставлено право на получасовой перерывъ послѣ трехъ часовъ работы для кормленія ребенка.

11) Слѣдуетъ предоставить беременнымъ право покидать работу во всякое время до наступленія срока—при наймѣ на опредѣленный срокъ, а при наймѣ на срокъ неопредѣленный—безъ предупрежденія за двѣ недѣли (Уст. о пром., ст. 94—95).

12) Необходимо освобождать женщинъ отъ работы въ послѣднія двѣ недѣли беременности и въ теченіе 6-ти недѣль послѣ родовъ.

13) Необходимо обезпечить женщинамъ, освобожденнымъ отъ работы во время беременности и по случаю родовъ, сохраненіе заработной платы на основаніи закона о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни.

14) На всѣхъ фабрикахъ, имѣющихъ до 200 и болѣе работницъ, необходимо устроивать ясли для дневного пребыванія дѣтей перваго (до 2-хъ лѣтъ) возраста. Фабрики съ мéньшимъ количествомъ женскаго труда, вмѣсто яслей, могутъ выдавать денежное вспомоществованіе матерямъ - работницамъ на уходъ за дѣтьми въ размѣрѣ средней стоимости содержанія ребенка въ ясляхъ.

15) Необходимо, чтобы въ составъ фабричныхъ присутствій входилъ врачъ, какъ ихъ членъ.

Перечисленныя положенія касаются всѣхъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ. Въ интересахъ охраны жизни внѣбрачныхъ дѣтей

особенно необходимы пункты 8—14, изъ которыхъ преимущественную важность имѣютъ пунктъ 14, обязывающій фабриканта устроивать ясли для дневного пребыванія въ нихъ дѣтей, и пунктъ 13, по которому признается необходимымъ обезпечить женщинамъ сохраненіе заработной платы на все время освобожденія отъ работы во время беременности и по случаю родовъ. Такое сохраненіе заработной платы, по мнѣнію коммиссіи, возможно только при условіи введенія общаго обязательнаго страхованія рабочихъ. Уже и замужнія женщины очень часто вынуждены оставаться на фабрикѣ все время, прерывая только свою работу на нѣсколько дней, необходимыхъ для родовъ и поправленія послѣ родовъ; что же касается дѣвицъ, то роды для нихъ представляютъ настоящее несчастіе, и онѣ спѣшатъ какъ можно скорѣе вовсе избавиться отъ ребенка и поступить на фабрику. Какъ для замужнихъ женщинъ, которыхъ нужда заставляетъ быть прикованными къ фабричной работѣ, такъ и для дѣвицъ-матерей необходимо обезпечить сохраненіе заработной платы, безъ чего такая мать очутится на улицѣ съ ребенкомъ на рукахъ и безъ гроша въ карманѣ. Мы знаемъ, что низко оплачиваемый женскій трудъ не дастъ возможности скопить сбереженій, и женщина-мать принуждена будетъ хвататься за первую попавшуюся работу, чтобы не умереть съ голода. При такихъ условіяхъ совершенно утратитъ свое благодѣтельное значеніе законъ, заставляющій женщину прекратить работу на 2 мѣсяца по случаю беременности и родовъ; наоборотъ, онъ можетъ вызвать съ ея стороны только проклятіе. Невозможно возложить и на фабриканта обязанность выплачивать заработную плату за эти 2 мѣсяца освобожденія отъ работы, ибо въ этомъ случаѣ можно заранѣе быть увѣреннымъ, что работница будетъ уволена съ фабрики значительно ранѣе наступленія родовъ. Вотъ почему единственный выходъ изъ такого положенія можно найти только въ обязательномъ страхованіи рабочихъ, которое дастъ возможность женщинѣ-матери получить пособіе изъ страховой кассы за всѣ два мѣсяца въ размѣрѣ ея заработной платы. Надобно только пожелать, чтобы обязательный при этомъ ежемѣсячный вычетъ былъ какъ можно меньше, и чтобы онъ въ большей своей части ложился на фабриканта, ибо послѣдній введеніемъ женскаго труда на своей фабрикѣ получаетъ очень значительную выгоду. Вотъ тѣ основанія, которыя побудили коммиссію обусловить осуществленіе § 13-го положеній необходимостью установленія закона объ обязательномъ государственномъ страхованіи рабочихъ, безъ введенія котораго невозможно достигнуть охраны материнства. Такая охрана материнства на фабрикахъ со стороны закона значительно облегчитъ дѣятельность общественныхъ учрежденій въ ихъ заботахъ о призрѣніи внѣбрачныхъ дѣтей въ городахъ и фабричныхъ

центрахъ. Здѣсь слѣдуетъ только высказать пожеланіе, чтобы въ мѣстныхъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіяхъ принимали участіе представители земства, и чтобы земству было предоставлено участіе въ надзорѣ за фабриками и заводами. Забота о народномъ здравіи лежитъ на обязанности земскихъ учрежденій, и было бы непослѣдовательно изъять изъ ихъ надзора фабричное населеніе, ибо всѣ мѣропріятія, направленныя къ здравоохраненію, должны быть цѣлесообразны, планомѣрны и проникнуты общностью дѣйствій.

Если мы допустимъ, что только $^1/_3$ внѣбрачныхъ рожденій въ городахъ падаетъ на фабричныхъ женщинъ, то изъ 42.332 дѣтей, ежегодно появляющихся на свѣтъ въ городахъ внѣ брака, останется около 30 тысячъ, которыя будутъ безусловно нуждаться въ общественномъ призрѣніи. Однако, коммиссія находитъ, что и въ этомъ случаѣ усилія общественныхъ учрежденій должны быть направлены къ тому, чтобы доставить возможность матери самой вскормить своего ребенка. Для этого должна быть организована широкая помощь матерямъ, какъ въ видѣ ежемѣсячныхъ денежныхъ субсидій, такъ и въ юридической помощи по привлеченію отцовъ къ выдачѣ алиментовъ. Здѣсь является широкое поле дѣятельности и для частной благотворительности, которая можетъ выразиться въ разнообразной помощи матерямъ и дѣтямъ въ цѣляхъ сохраненія жизни послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна частная благотворительность въ Парижѣ въ лицѣ различныхъ благотворительныхъ обществъ. Одни изъ этихъ обществъ, какъ, напр., „Société protectrice de l'enfance du premier âge", „Société de charité maternellé" и проч., стремятся содѣйствовать материнскому кормленію дѣтей разнообразными способами; другія общества ограничили свои задачи строго опредѣленными рамками: устройствомъ яслей, снабженіемъ матерей колыбелями и дѣтской одеждой, предоставленіемъ хорошаго молока и т. д.; таковы общества—„Société de crèches", „Gouttes du lait", „Société d'allaitement maternel" и т. д. Необходимо только пожелать, чтобы всѣ подобныя общества не дѣйствовали вразбродъ, но были связаны между собою общностью дѣйствій и находились бы въ органической связи съ дѣятельностью общественныхъ учрежденій,—чего, впрочемъ, въ Парижѣ не имѣется.

Примѣръ Франціи по призрѣнію покинутыхъ и нуждающихся дѣтей вообще очень поучителенъ, и имъ необходимо воспользоваться при проектированіи общественнаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ. Воспитательный домъ уже давно утратилъ тамъ свое самостоятельное существованіе и поступилъ въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія. И другіе воспитательные дома, о насажденіи которыхъ особенно заботился императоръ Наполеонъ I, съ теченіемъ вре-

мени перешли на бюджетъ департаментовъ. Каждый департаментъ во Франціи призрѣваетъ своихъ дѣтей независимо одинъ отъ другого, и во всѣхъ департаментахъ организація призрѣнія дѣтей одна и та же. Наибольшее число (до 1/3) всѣхъ призрѣваемыхъ дѣтей падаетъ на департаментъ Сены, въ которомъ находится столица Франціи, Парижъ. Въ Парижѣ всѣ дѣла по призрѣнію дѣтей находятся въ вѣдѣніи главнаго управленія по общественной благотворительной помощи и общественному призрѣнію (Administration générale de l'assistance publique). Все общественное призрѣніе дѣтей распадается на два вида—закрытое и открытое. Закрытымъ призрѣніе называется тогда, когда дѣти всецѣло поступаютъ на попеченіе департамента. Эти дѣти дѣлятся на enfants assistés, т.-е. призрѣваемыхъ, и moralement abandonnés, т.-е. такихъ, родители которыхъ приговоромъ суда лишены родительскихъ правъ надъ своими дѣтьми. Дѣти первой группы, или assistés, дѣлятся еще на подкидышей (trouvés), покинутыхъ (abandonnés) и сиротъ (orphelins). Центральнымъ сборнымъ пунктомъ для призрѣваемыхъ дѣтей служитъ воспитательный домъ въ Парижѣ, Hospice Dépositaire. Въ немъ дѣти находятъ себѣ пребываніе только отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ дней, а затѣмъ отдаются кормилицамъ-воспитательницамъ, которыя увозятъ ихъ съ собою въ деревни. Благодаря тому, что за годъ поступаетъ дѣтей въ грудномъ возрастѣ только до 3-хъ тысячъ, недостатка въ хорошихъ кормилицахъ не бываетъ. Дѣти въ деревняхъ находятся подъ вѣдѣніемъ директора агентства, который является представителемъ „Assistance publique“. Такихъ агентствъ по разнымъ департаментамъ Франціи разсѣяно до 45. Призрѣваемыя на попеченіи департамента находятся отъ рожденія до 21 года, хотя плата за призрѣніе выдается до 14-ти лѣтъ. Къ 1-му января 1901 года число всѣхъ воспитанниковъ въ департаментѣ Сены отъ 1 дня до 21 года было 48.063 человѣка, а всѣхъ поступленій за 1900 годъ во всѣхъ возрастахъ было 5.090. Израсходовано на это закрытое призрѣніе всѣхъ дѣтей въ 1900 году болѣе 10 милліоновъ франковъ, такъ что каждый воспитанникъ до 14 лѣтъ, за котораго выдавалась плата (élèves à la pension, которыхъ было 30.769) обошелся въ 320 франковъ, или около 130 руб.

Гораздо бо̀льшею симпатіею пользуется въ Парижѣ открытое призрѣніе дѣтей, состоящее въ томъ, что нуждающимся матерямъ оказываютъ матеріальную помощь для воспитанія дѣтей. Эта предупредительная дѣятельность въ интересахъ охраны материнства для дѣтей перваго возраста составляетъ одну изъ важныхъ функцій главнаго управленія по общественному призрѣнію въ Парижѣ и развита очень широко. Въ 1901 году, вслѣдствіе заявленныхъ просьбъ, было произведено 36.424 разслѣдованія, и предупредительная помощь оказана

17.368 дѣтямъ. Помощь эта выражалась въ выдачѣ единовременныхъ или ежемѣсячныхъ пособій матерямъ для воспитанія ихъ малолѣтнихъ дѣтей, причемъ особенно усиленно поощряется кормленіе дѣтей самими матерями, въ содѣйствіи въ исключительныхъ случаяхъ (болѣзнь матери) къ помѣщенію ребенка къ кормилицѣ, въ оплатѣ расходовъ по переѣзду матери съ ребенкомъ изъ одного мѣста въ другое, въ доставленіи дѣтямъ молока и медицинской помощи, въ предоставленіи матерямъ для дѣтей колыбели, пеленокъ и другихъ принадлежностей дѣтскаго обихода и т. д. На такое открытое призрѣніе дѣтей въ Парижѣ ежегодно затрачивается около $1^1/_2$ милліона франковъ (въ 1901 году, изъ 11.991.658 фр. 76 сант. общаго расхода на всѣ виды дѣтскаго призрѣнія, на открытое призрѣніе было израсходовано парижскимъ „Assistance publique"—1.425.953 фр. 11 сант., т.-е. 12%). Хотя эта цифра велика, но она представляется весьма умѣренною по сравненію съ расходами на закрытое призрѣніе, потребовавшее въ годъ болѣе 10 милліоновъ франковъ; между тѣмъ оно оказало помощь значительно бо̀льшему числу дѣтей грудного возраста и содѣйствовало сохраненію для нихъ материнскаго кормленія, при которомъ достигаются наилучшіе результаты для сохраненія жизни дѣтей.

И у насъ въ Россіи общественнымъ учрежденіямъ необходимо обратить преимущественное вниманіе на организацію открытаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей, причемъ въ немъ должны принять участіе всѣ общественныя организаціи, начиная съ мелкой земской единицы. Для послѣдней только и возможно своевременно придти на помощь въ сельскихъ округахъ; въ городахъ же общественнымъ управленіямъ окажутъ большую услугу городскія попечительства. Какъ мы видѣли выше, большинство внѣбрачныхъ дѣтей до сего времени ускользаетъ отъ общественнаго контроля и вниманія; между тѣмъ, свѣдѣнія о положеніи ихъ какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, крайне необходимы, такъ какъ безъ нихъ невозможно съ достаточною полнотою составить представленіе о всѣхъ сторонахъ общественнаго призрѣнія дѣтей. Московское губернское земство уже въ наступившемъ году предполагаетъ собрать статистическія данныя обо всѣхъ нуждающихся въ общественномъ призрѣніи лицахъ по обширной программѣ, куда входятъ свѣдѣнія обо всѣхъ нуждающихся дѣтяхъ. Подобныя свѣдѣнія, если собираніе ихъ будетъ предпринято и въ другихъ губерніяхъ, были бы способны освѣтить съ достаточной ясностью этотъ темный вопросъ; быть можетъ, они дадутъ цѣнныя данныя о степени распространенія частнаго питомческаго промысла.

Организаціей открытаго призрѣнія дѣтей заботы общественныхъ учрежденій не могутъ ограничиться, ибо всегда будетъ имѣться налицо достаточное число дѣтей, которыя всецѣло должны поступить

на общественное попеченіе. Сюда слѣдуетъ отнести внѣбрачныхъ дѣтей, у которыхъ умерла мать или которыхъ она не можетъ кормить по болѣзни, дѣти-сироты, дѣти лицъ, лишенныхъ по суду родительскихъ правъ, находящихся въ тюрьмахъ. Многія изъ нихъ нуждаются въ общественномъ попеченіи только временно, а потомъ перейдутъ къ своимъ родителямъ. Всѣхъ такихъ дѣтей грудного возраста придется опредѣлить, преимущественно, на кормиличное вскармливаніе, такъ какъ опыты съ искусственнымъ вскармливаніемъ, если оно примѣняется въ массѣ, пока даютъ неутѣшительные результаты. Конечно, кормилицами должны быть тѣ только женщины, у которыхъ или умеръ ребенокъ, или достигъ уже семи-мѣсячнаго возраста, какъ того требуетъ во Франціи законъ Русселя. Къ счастью, у насъ, благодаря новому закону 3-го іюня 1902 года,—особенно если послѣдуетъ его развитіе и дополненіе послѣдующимъ законодательствомъ,—число дѣтей, которыя всецѣло подлежатъ общественному попеченію, должно быть значительно ниже, нежели во Франціи, такъ какъ у насъ теперь отецъ привлекается къ участію въ алиментахъ. Много также будетъ содѣйствовать уменьшенію числа дѣтей, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, улучшеніе фабричнаго законодательства. Въ сельскихъ округахъ и уѣздныхъ городахъ, не имѣющихъ промышленнаго характера, нуждающихся въ полномъ переходѣ на общественное попеченіе дѣтей будетъ немного; всѣ они, вѣроятно, могутъ быть помѣщены на время грудного вскармливанія въ небольшіе пріюты, которыхъ надо будетъ имѣть не болѣе 2-хъ или 3-хъ на уѣздъ. Расходы по содержанію этихъ пріютовъ будетъ нести уѣздное земство съ участіемъ мелкихъ земскихъ единицъ. Эти мелкіе пріюты, по возможности, будутъ находиться при земскихъ лечебницахъ, гдѣ имѣются и родильные пріюты. Въ болѣе крупныхъ городахъ, равно какъ и въ губернскихъ, гдѣ число грудныхъ дѣтей, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, можетъ быть болѣе значительно, вѣроятно, придется отдавать дѣтей въ деревни на кормиличное вскармливаніе, какъ это практикуется въ Парижѣ. Надзоръ за такими дѣтьми долженъ лечь всецѣло на земство, которое для того имѣетъ прочную врачебно-санитарную организацію; расходы же должны лечь какъ на губернское земство, такъ и на городское управленіе. Подробный планъ дѣятельности въ этомъ направленіи долженъ быть выработанъ на губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, сообразно съ мѣстными особенностями каждой губерніи. Конечно, на городскихъ управленіяхъ Москвы и Петербурга, несмотря на существующіе въ столицахъ воспитательные дома, также должна лежать обязанность призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ, равно какъ и на земствахъ столичныхъ губерній. Въ этихъ городахъ городское управленіе должно еще болѣе энергично

взяться за дѣло призрѣнія нуждающихся дѣтей, такъ какъ столицы въ бóльшей мѣрѣ обладаютъ умственными силами и матеріальными средствами; притомъ же и нужда въ призрѣніи дѣтей тамъ выражена въ бóльшей степени, такъ какъ въ столицахъ происходитъ наибольшій процентъ внѣбрачныхъ рожденій и слишкомъ много живетъ бѣдноты, почти не имѣющей возможности заботиться о своихъ дѣтяхъ. На этихъ основаніяхъ мы считаемъ, что городскія управленія Москвы и Петербурга должны взять на себя организацію призрѣнія дѣтей и сиротъ столичнаго населенія и привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ всю сѣть организованныхъ ими попечительствъ. Что касается населенія столичныхъ губерній, то тамъ безъ дѣятельнаго участія земствъ невозможно достигнуть какихъ-нибудь результатовъ въ дѣлѣ призрѣнія и воспитанія дѣтей, ибо только оно одно обладаетъ необходимыми для того учрежденіями и организаціей.

Удовлетворительная и правильная постановка призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ представляетъ вопросъ государственной важности. Если въ дѣлѣ открытаго призрѣнія дѣтей общественныя учрежденія могутъ справиться съ своими средствами, то при организаціи закрытаго призрѣнія, вѣроятно, невозможно будетъ обойтись безъ правительственной субсидіи. Настойчивый призывъ земскихъ учрежденій со стороны казенныхъ воспитательныхъ домовъ принять на себя заботу о призрѣніи внѣбрачныхъ дѣтей заставляетъ предполагать, что правительство готово оказать земству значительную денежную помощь, лишь бы дѣло было поставлено правильно и достигало хорошихъ результатовъ. Общественнымъ управленіемъ Парижа въ 1900 году на всѣ виды дѣтскаго призрѣнія было израсходовано 11.652.184 фр. 09 сант., а въ 1901 году—11.991.658 фр. 76 сант. Почти половина этой суммы покрывается субсидіей отъ государства, субсидіями отъ коммунъ и доходами отъ движимаго и недвижимаго имущества, предназначенными въ пользу призрѣваемыхъ дѣтей; вторая половина расходовъ покрывается изъ средствъ департамента и города Парижа. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія дѣтей во Франціи несутъ расходы и правительство, и общественныя учрежденія, и сельскія коммуны. Принимая во вниманіе всю государственную важность этого дѣла, а также весьма значительныя траты, съ которыми сопряжено закрытое призрѣніе дѣтей, необходимо пожелать, чтобы и наше правительство приходило на помощь земству значительными денежными пособіями изъ государственнаго казначейства. Земство и безъ того сильно стѣснено въ денежныхъ средствахъ, увеличенію которыхъ значительно мѣшаетъ фиксація земскаго обложенія. По даннымъ профессора Н. П. Яснопольскаго, приводимымъ въ его книгѣ—

„Географическое распредѣленіе расходовъ“, оказывается, что Россія по распредѣленію доходовъ между государствомъ и мѣстными учрежденіями занимаетъ послѣднее мѣсто среди другихъ государствъ западной Европы, ибо у насъ изъ общаго числа доходовъ на долю мѣстныхъ учрежденій приходится всего только 15,5%, а на долю государственныхъ—84,5%; поэтому тѣмъ болѣе желательно, чтобы въ помощь земствамъ на это государственное дѣло было ассигновано правительствомъ возможно больше средствъ.

Смертность грудныхъ дѣтей и связанные съ нею вопросы о кормиличномъ промыслѣ и искусственномъ вскармливаніи волнуютъ умы всего міра. И на настоящемъ IX-мъ Пироговскомъ съѣздѣ вопросы эти обсуждались на нѣсколькихъ секціяхъ. Особенно много этимъ вопросамъ удѣляется вниманія во Франціи, гдѣ правительство и общество сильно встревожены статистическими данными, свидѣтельствующими объ убыли коренного французскаго населенія. Въ охранѣ материнства, т.-е. въ материнскомъ вскармливаніи дѣтей, всѣ видятъ наилучшій способъ борьбы съ этимъ общественнымъ бѣдствіемъ, а потому во Франціи проявилось усиленное движеніе на помощь матерямъ для вскармливанія своихъ грудныхъ дѣтей. Важное значеніе вскармливанія дѣтей молокомъ ихъ матерей признается конгрессами, обществами, учрежденіями, писателями и общественными дѣятелями. Для распространенія и популяризаціи этого принципа создаются спеціальныя общества и лиги. Въ самое послѣднее время въ Парижѣ образовалась „Лига борьбы съ дѣтской смертностью“, первое засѣданіе которой произошло 15 марта 1902 года въ Сорбоннѣ, подъ предсѣдательствомъ Вальдека Руссо. И у насъ въ Россіи отъ „Уральскаго медицинскаго общества“ раздался голосъ, призывающій образовать союзъ для борьбы съ дѣтскою смертностью, обращенный ко всѣмъ медицинскимъ обществамъ. Этотъ призывъ „Уральскаго общества“ также подвергся обсужденію на IX-мъ съѣздѣ, а до того онъ уже вызвалъ къ себѣ большое сочувствіе въ общей прессѣ. Но если общая смертность дѣтей въ Россіи признается чрезмѣрною, то смертность внѣбрачныхъ дѣтей по справедливости должна быть признана чудовищною; поэтому общество и государство должны напрячь всѣ усилія на борьбу съ этимъ ужасающимъ бѣдствіемъ. Пусть общее законодательство сниметъ печать позора съ внѣбрачнаго ребенка и его матери и возьметъ ихъ подъ свое покровительство и защиту; пусть фабричное законодательство направитъ свою работу на сохраненіе материнства; пусть общественныя учрежденія приложатъ старанія къ организаціи такого призрѣнія, при которомъ бы мать не разставалась съ своимъ ребенкомъ; пусть усилія частной благотворительности будутъ направлены къ сохраненію для дѣтей материнскаго вскармливанія; пусть

правительство придетъ на помощь общественнымъ учрежденіямъ значительными денежными средствами! При такой дружной работѣ, нѣтъ сомнѣнія, удастся справиться съ этимъ общественнымъ бѣдствіемъ и поставить на правильную дорогу и должную высоту общественное призрѣніе внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ.

Въ заключеніе представимъ основанія, на которыхъ, по нашему мнѣнію, должно быть построено общественное призрѣніе внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ, въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Въ основу всей дѣятельности общественныхъ учрежденій по призрѣнію внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ долженъ быть поставленъ принципъ вскармливанія ребенка молокомъ своей матери.

2) Причины, мѣшающія достиженію этого принципа, заключаются въ недостаткахъ нашего законодательства, охраняющаго права внѣбрачнаго ребенка и его матери, недостаткахъ фабричнаго законодательства, регулирующаго женскій трудъ на фабрикахъ и заводахъ, и въ несовершенствѣ опекунскихъ учрежденій въ зависимости отъ общаго неустройства крестьянскихъ учрежденій.

3) Устраненіе этихъ причинъ желательно какъ улучшеніемъ законодательства, такъ и реорганизаціей крестьянской опеки и волости на почвѣ мелкой земской единицы.

4) Для болѣе точнаго выясненія размѣровъ нужды внѣбрачныхъ дѣтей и лучшей организаціи попеченія о нихъ крайне необходимо имѣть свѣдѣнія о числѣ подкидышей, о способѣ ихъ призрѣнія и т. д.

5) Дѣятельность общественныхъ учрежденій по призрѣнію дѣтей должна быть децентрализована и выражаться въ открытомъ и закрытомъ ихъ призрѣніи.

6) Въ веденіи дѣла того и другого призрѣнія и въ несеніи на него расходовъ должны принимать участіе всѣ общественныя учрежденія, начиная съ мелкой земской единицы.

7) При настоящихъ размѣрахъ земскихъ и назначеніи мірскихъ сборовъ нѣтъ возможности въ должной мѣрѣ выполнить расходъ на призрѣніе безпріютныхъ дѣтей, вслѣдствіе ограниченія предметовъ земскаго обложенія и отчасти фиксаціи, а также вслѣдствіе отягощенія мірскихъ бюджетовъ расходами на административныя и общегосударственныя цѣли; а потому значительную долю участія въ расходахъ на общественное призрѣніе дѣтей должно принимать правительство, ассигнуя въ помощь общественнымъ учрежденіямъ достаточныя суммы изъ государственнаго казначейства.

Д. Орловъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1904.

Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. — Односторонность газетныхъ свѣдѣній и телеграммъ.—Особенности русско-японскаго кризиса.—Политическія дѣла въ Германіи. Прусское офицерство и возстаніе противъ нѣмцевъ въ южной Африкѣ.— Успѣхи Чемберлена въ Англіи.—Гербертъ Спенсеръ и Японія.

Вопросъ о войнѣ или мирѣ на Дальнемъ Востокѣ по прежнему волнуетъ умы не только въ Россіи и западной Европѣ, но и во всемъ культурномъ мірѣ, и по прежнему мы не имѣемъ никакихъ точныхъ оффиціальныхъ извѣстій о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Въ газетахъ ежедневно печатаются подробныя телеграммы о намѣреніяхъ и требованіяхъ Японіи, о совѣщаніяхъ ея министровъ и о предположеніяхъ ея дипломатовъ; намъ аккуратно сообщаютъ тревожныя свѣдѣнія и предсказанія воинственныхъ органовъ англійской и американской печати, и—что страннѣе всего—эти враждебныя намъ сообщенія составляютъ единственный матеріалъ, которымъ изо дня въ день снабжаетъ русскую публику такъ называемое „Россійское телеграфное агентство". Оказывается, что это послѣднее, вопреки своему громкому названію, служитъ только передаточною инстанціею для телеграммъ главныхъ иностранныхъ агентствъ, и всѣ наши газеты, не исключая и „Правительственнаго Вѣстника", довольствуются этимъ одностороннимъ заграничнымъ матеріаломъ, безъ малѣйшей попытки противопоставить ему какія-либо свѣдѣнія, исходящія изъ русскаго источника. О томъ, что дѣлаетъ и заявляетъ Россія по спорнымъ дипломатическимъ вопросамъ, мы узнаемъ лишь изъ Лондона, Вашингтона или Токіо; даже важное миролюбивое заявленіе, сдѣланное въ Петербургѣ въ день Новаго года, дошло до насъ по телеграфу изъ Нью-Іорка. Въ русско-японскомъ конфликтѣ раздается по всему свѣту голосъ только одной стороны: другая упорно молчитъ, предоставляя говорить за нее противникамъ. Это обстоятельство ставитъ Россію въ крайне невыгодное положеніе, какъ бы лишая ее равноправности съ другими великими державами и причиняя огромный вредъ ея международному кредиту. Дипломатія сохраняетъ у насъ чисто-кабинетный характеръ, который она давно утратила за границею; она не имѣетъ способовъ публично выражать свои взгляды и пользоваться указаніями общественнаго мнѣнія, какъ это практикуется въ другихъ государствахъ, и оттого вся наша внѣшняя политика остается для

публики только предметомъ гадательныхъ предположеній, неясныхъ и противорѣчивыхъ слуховъ. На этой почвѣ получаютъ широкій просторъ непріязненные намъ толки иностранныхъ газетъ, соотвѣтствующіе общему настроенію передовыхъ культурныхъ націй относительно современной Россіи.

Что настроеніе Европы и Америки рѣзко измѣнилось по отношенію къ Россіи за послѣдніе годы,—это, кажется, безспорный фактъ, противъ котораго тщетно протестуютъ наши газетные патріоты. Объяснять происшедшую перемѣну какими-либо отдѣльными событіями или инцидентами было бы едва ли справедливо; тутъ дѣйствовала цѣлая совокупность условій, вызывающихъ по разнымъ причинамъ постоянный и живой интересъ за границею. Англичане всегда относились къ намъ враждебно не только вслѣдствіе соперничества и антагонизма во внѣшнихъ дѣлахъ, но и подъ вліяніемъ непонятныхъ имъ особенностей въ ходѣ нашихъ внутреннихъ дѣлъ; въ данномъ случаѣ, по поводу кризиса на Дальнемъ Востокѣ, они могли свободно отдаться своимъ старымъ антипатіямъ, такъ какъ британскіе интересы безусловно совпадаютъ съ настойчивыми требованіями Японіи, касающимися Манчжуріи и Кореи. Единодушіе лондонской печати въ ея вызывающемъ воинственномъ тонѣ относительно Россіи производитъ на этотъ разъ серьезное впечатлѣніе, благодаря поведенію самаго авторитетнаго органа британскаго дѣлового міра—„Times“'а, считающагося вообще умѣреннымъ и осторожнымъ въ международной политикѣ. „Times“ систематически нападаетъ на Россію и горячо высказывается въ пользу энергическаго участія Японіи въ рѣшеніи манчжурскаго вопроса, а если „Times“ косвенно или прямо стоитъ за войну, то война представляется, очевидно, желательною наиболѣе вліятельной части средняго британскаго общества. Нѣкоторые полагаютъ, что „Times“ дѣйствуетъ столь злобно противъ Россіи въ силу спеціальныхъ мотивовъ, имѣющихъ связь съ прошлогоднею высылкою его корреспондента Брагама изъ русскихъ предѣловъ; но подобные частные мотивы не могли бы быть достаточны для сознательнаго поощренія такого международнаго предпріятія, которое весьма чувствительно отразилось бы на самой Англіи и вовлекло бы ее въ крупныя военно-политическія осложненія. Въ дѣйствительности, англичане увѣрены, что русско-японская война можетъ принести имъ только однѣ выгоды и не связана ни съ какимъ рискомъ; такой же точки зрѣнія держатся, повидимому, и японцы. Японія во всякомъ случаѣ будетъ нападающею стороною и успѣетъ причинить значительный вредъ прибрежнымъ русскимъ владѣніямъ; русскій флотъ долженъ былъ бы поневолѣ ограничиться защитою побережья съ Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ, и о какой-либо экспедиціи въ японскія воды не могло бы быть

и рѣчи. Японцы, даже при полной неудачѣ, оставались бы неприкосновенными и неуязвимыми для Россіи, тогда какъ послѣдняя вынуждена была бы напрягать всѣ свои усилія для сохраненія занятой позиціи у Тихаго океана; наше положеніе въ тѣхъ краяхъ значительно ухудшилось бы и сдѣлалось бы источникомъ великихъ опасностей на будущее время, хотя бы исходъ войны былъ для насъ безусловно благопріятенъ. Кромѣ потерь, мы ничего не могли бы извлечь изъ столкновенія съ Японіею, хотя бы и вполнѣ побѣдоноснаго, а наши потери на Дальнемъ Востокѣ равносильны побѣдамъ и успѣхамъ Англіи, имѣющей тамъ обширные торговые интересы, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Образъ дѣйствій англійской печати, съ „Times"'омъ во главѣ, является поэтому вполнѣ естественнымъ, и только рѣзкость тона можетъ отчасти объясняться тѣми политическими чувствами, о которыхъ мы упоминали выше. Столь же непріятное намъ настроеніе господствуетъ и въ американской печати, гдѣ мотивы внутренней политики играютъ уже болѣе замѣтную и опредѣленную роль. Американцы соперничаютъ съ англичанами въ завоеваніи восточно-азіатскихъ рынковъ, и занятіе нами части китайской территоріи составляетъ для нихъ прямой убытокъ, стѣсняя ихъ въ пользованіи торговыми преимуществами, предоставленными иностранцамъ въ Китаѣ согласно существующимъ договорамъ; но раздраженіе противъ Россіи вызывается въ Соединенныхъ-Штатахъ не столько оккупаціею Манчжуріи, сколько посторонними обстоятельствами, дающими обильный матеріалъ для ядовитой обличительной критики. Въ американскихъ газетахъ ведется дѣятельная антирусская агитація подъ вліяніемъ того предположенія, что въ Россіи совершаются, будто бы, всякія беззаконія и насилія, съ вѣдома и согласія властей, и это предположеніе выдается за фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію; Россія выставляется какъ оплотъ варварства, и къ ней стараются возбудить такую же антипатію, какая существуетъ противъ Турціи. Быть можетъ, эта агитація имѣетъ лишь временныя и случайныя причины, но тѣмъ не менѣе она возстановила противъ насъ общественное мнѣніе Соединенныхъ-Штатовъ и сдѣлала возможнымъ сближеніе вашингтонскаго кабинета съ лондонскимъ для совмѣстнаго противодѣйствія Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Многіе разсуждаютъ о русско-японскомъ конфликтѣ въ такомъ духѣ, какъ будто мы имѣемъ противъ себя только одну Японію, съ которой и придется расправиться рано или поздно; говорятъ, что лучше теперь же положить предѣлъ японскимъ притязаніямъ, чѣмъ откладывать это на будущее время, — ибо притязанія будутъ все болѣе возростать, дѣлаясь все болѣе настойчивыми по мѣрѣ военнаго и политическаго усиленія Японіи. Но не надо забывать, что за спиной Японіи

стоитъ Англія, что за-одно съ Англіею готовы дѣйствовать Соединенные Штаты, и что противъ насъ можетъ со временемъ выступить и Китай, чувствующій свою солидарность съ Японіею въ манчжурскомъ вопросѣ; японцы сами по себѣ, безъ друзей и союзниковъ, никогда не позволили бы себѣ такъ рѣшительно выступать противъ Россіи, и, по всей вѣроятности, они искали бы съ нами скорѣе соглашенія, чѣмъ конфликта. Оскорбляться японскими требованіями, относиться къ нимъ съ презрительнымъ высокомѣріемъ, какъ совѣтуютъ нѣкоторые патріоты,—было бы слишкомъ наивно; это значило бы прямо попасть въ ловушку, устроенную для насъ англичанами. Мы должны отдавать себѣ ясный отчетъ въ реальномъ положеніи дѣлъ; противъ насъ—не Японія, а цѣлая группа державъ, для которыхъ она служитъ пока только удобнымъ активнымъ орудіемъ. Во время послѣдняго кризиса и въ самые острые его періоды британское правительство считало своимъ долгомъ заявлять публично, что въ случаѣ возникновенія войны оно добросовѣстно исполнитъ свои союзныя обязательства по отношенію къ Японіи; англійскіе министры и дипломаты постоянно подтверждали свою солидарность съ японскою политикою противъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывали надежду на сохраненіе мира,—и эта надежда откровенно связывалась лишь съ нашею уступчивостью, такъ какъ со стороны Японіи заранѣе отвергалась возможность серьезныхъ политическихъ уступокъ. Почти вся англійская пресса и значительная часть американской именно такъ ставитъ вопросъ: Японія не можетъ и не должна уступать; она должна настаивать на своемъ правѣ, и если Россія желаетъ избѣгнуть войны, то она должна подчиниться японскимъ требованіямъ. Подобная постановка вопроса не имѣетъ, конечно, реальнаго основанія, и русская дипломатія можетъ свободно продолжать переговоры въ миролюбивомъ духѣ, не смущаясь скрытыми угрозами противниковъ или ихъ закулисныхъ вдохновителей. Собственные интересы Россіи, какъ мы имѣли уже случай указывать неоднократно, настоятельно требуютъ постепеннаго очищенія Манчжуріи, съ обезпеченіемъ участи русско-китайской желѣзной дороги посредствомъ мирнаго соглашенія съ Китаемъ и съ другими заинтересованными державами; если же нельзя намъ выбраться теперь изъ Манчжуріи, то по крайней мѣрѣ мы обязаны рѣшительно устранить всѣ поводы къ стѣсненіямъ и неудовольствіямъ иностранцевъ, имѣющихъ тамъ торговые и промышленные интересы. Быть можетъ, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ развитія и упроченія мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ Китаемъ, мы сами придемъ къ выводу, что намъ несравненно выгоднѣе отказаться отъ Манчжуріи, чѣмъ тратить свои силы и средства на поддержаніе порядка въ этой китайской области и на постоянную защиту безопасности нашихъ восточно-азіатскихъ

приморскихъ владѣній отъ возможныхъ посягательствъ Японіи и ея союзниковъ.

Въ Германіи господствующія консервативныя партіи относятся вообще дружелюбно къ Россіи, и только передовыя радикальныя и соціально-демократическія группы нерѣдко занимаютъ публику или парламентъ жестокими изобличеніями русскихъ національныхъ особенностей. Между прочимъ, въ засѣданіи имперскаго сейма, 19 января (нов. ст.), соціалистъ Гаазе обратился къ правительству съ запросомъ по поводу чрезмѣрной, будто бы, свободы дѣйствій русскихъ полицейскихъ агентовъ въ предѣлахъ Германіи; эти агенты слѣдятъ за проживающими въ странѣ соотечественниками, особенно изъ учащейся молодежи, и въ случаѣ надобности требуютъ ихъ выдачи для препровожденія на родину. Депутатъ Гаазе находилъ, что въ этихъ случаяхъ германскія власти выказываютъ избытокъ услужливости по отношенію къ иностранной державѣ. Статсъ-секретарь баронъ Рихтгофенъ объяснилъ отъ имени канцлера, что интересы имперіи требуютъ дѣятельнаго надзора за иностранными анархистами въ Германіи, и что этотъ надзоръ можетъ быть всецѣло предоставленъ агентамъ ихъ отечественной страны, насколько онъ осуществляется безъ примѣненія принудительныхъ средствъ законной власти. По словамъ Рихтгофена, такіе же иностранные полицейскіе агенты существуютъ въ Парижѣ, съ вѣдома французскаго правительства; въ Лондонѣ имѣетъ постоянное пребываніе чиновникъ итальянской полиціи съ своими агентами, и т. д. Послѣ этихъ успокоительныхъ разъясненій выступилъ съ громовою рѣчью самъ предводитель соціаль-демократовъ, Бебель; онъ указалъ на то, что русскіе, подвергаемые контролю и преслѣдованію въ предѣлахъ Германіи, не имѣютъ ничего общаго съ анархистами и должны скорѣе считаться лишь умѣренными либералами. По мнѣнію Бебеля, самъ глава консервативной партіи въ палатѣ, графъ Лимбургъ-Штирумъ, попалъ бы въ категорію этихъ „анархистовъ“, еслибы принадлежалъ къ числу русскихъ подданныхъ. Въ дополненіе къ аргументамъ Бебеля прогрессистъ Шрадеръ представилъ картину иноземныхъ административныхъ порядковъ, которые, будто бы, исключаютъ возможность выдачи или высылки на родину преслѣдуемыхъ лицъ, не совершившихъ уголовнаго преступленія. Представитель клерикальнаго центра, депутатъ Шпанъ, высказалъ, что правительство въ данное время можетъ, конечно, высылать русскихъ по своему усмотрѣнію, но въ будущемъ такой способъ дѣйствій послужитъ источникомъ непріятныхъ осложненій. Консервативный ораторъ, фонъ-Норманъ, предлагалъ удовлетвориться заявленіями правительства и

совѣтовалъ послѣднему „поступать по прежнему",—чѣмъ и закончились пренія по этому щекотливому вопросу.

Пренія такого рода не возбуждаютъ большого интереса въ нѣмецкой публикѣ, которая вообще не любитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и раздражать могущественныхъ сосѣдей; прочная дружба съ Россіею есть политическій догматъ вѣры для огромнаго большинства нѣмецкаго народа, и этотъ принципъ внѣшней политики, унаслѣдованный отъ Бисмарка, не можетъ быть поколебленъ никакими посторонними соображеніями. Германія должна неустанно сохранять и поддерживать традиціонныя дружественныя связи съ Россіею,—въ этомъ нѣмцы твердо убѣждены, вопреки всѣмъ доводамъ соціаль-демократовъ. Притомъ оппозиціонные ораторы всегда имѣютъ такъ много предметовъ для критики въ предѣлахъ отечества, что искать еще матеріала за границею не приходится; критика въ области внутреннихъ домашнихъ дѣлъ можетъ еще принести желательные практическіе результаты, тогда какъ критика чужихъ дѣлъ остается по существу безплодною и можетъ еще вдобавокъ испортить внѣшнія отношенія. Въ Германіи сохранилось немало учрежденій и порядковъ, требующихъ коренной реформы; въ имперскомъ сеймѣ не разъ обсуждались, напримѣръ, странныя аномаліи въ строѣ и бытѣ офицерства, особенно прусскаго,—аномаліи, вредно отражающіяся и на интересахъ военной службы.

Нѣмецкіе офицеры, принадлежащіе въ огромномъ большинствѣ къ дворянскимъ фамиліямъ, образуютъ какъ бы спеціальный привилегированный классъ и привыкаютъ смотрѣть свысока на все окружающее общество; они рѣзко отдѣляютъ себя отъ мирной буржуазіи и относятся къ остальному населенію, какъ къ людямъ низшей расы. Отсюда неправильныя, иногда уродливыя отношенія офицеровъ къ подчиненнымъ имъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ; жестокія злоупотребленія военною дисциплиною стали весьма распространеннымъ явленіемъ въ германской арміи, и многіе вопіющіе факты доходили до суда или оглашались въ печати, причемъ наибольшую настойчивость въ подобныхъ разоблаченіяхъ обнаруживали соціально-демократическіе органы. Надменные, надутые прусскіе офицеры, при малѣйшихъ недоразумѣніяхъ или столкновеніяхъ съ обыкновенными смертными, прибѣгаютъ къ оружію для защиты чести мундира, и этотъ мундирный культъ принимаетъ отчасти форму болѣзненной маніи, доводящей до безсмысленныхъ убійствъ; такъ напр., въ прошломъ году разбиралось дѣло одного офицера, который сознательно изрубилъ своего бывшаго школьнаго товарища за непочтительное отношеніе къ его офицерскому званію. Какое-то холодное безсердечіе вырабатывается въ этихъ привилегированныхъ представителяхъ арміи по отношенію къ простымъ солда-

тамъ и особенно новобранцамъ; практикуются утонченныя формы расправы и наказанія для неумѣлыхъ или неопытныхъ рекрутъ, обучаемыхъ военнымъ пріемамъ и упражненіямъ, и множество злоупотребленій этого рода ускользаетъ отъ контроля, въ виду обычной строгости военной дисциплины. Стѣсняемые все-таки существованіемъ общихъ законовъ и практикою гласности, нѣмецкіе офицеры могутъ давать волю своимъ истиннымъ чувствамъ и понятіямъ только внѣ своего отечества, въ отдаленныхъ колоніяхъ; и можно себѣ представить, какъ они дѣйствуютъ противъ подвластныхъ людей, принадлежащихъ дѣйствительно къ низшей и чуждой расѣ.

Культурные европейцы вообще легко поддаются инстинктамъ грубаго насилія и произвола, когда попадаютъ въ дикую страну, населенную жалкимъ рабскимъ племенемъ; достаточно вспомнить извѣстнаго путешественника Петерса, который даже судился потомъ за убійство своихъ туземныхъ наложницъ при малѣйшей ихъ провинности. Нѣмецкіе офицеры, посылаемые въ германскія южно-африканскія владѣнія, всего менѣе годятся, конечно, для роли устроителей новаго края; а между тѣмъ, въ силу традиціи, забота о престижѣ власти въ далекихъ колоніяхъ возлагается прежде всего на офицеровъ, какъ представителей арміи, и послѣдніе дѣлаютъ съ своей стороны все отъ нихъ зависящее, чтобы внушить спасительный страхъ мѣстнымъ жителямъ. Послѣдствія этой офицерской политики давали себя чувствовать центральному управленію колоній и вызывали часто непріятныя замѣшательства и волненія на мѣстѣ; но установившійся обычай соблюдался крѣпко, и вѣра въ высшее административное призваніе офицеровъ нисколько не слабѣла: на мѣсто одного майора или капитана посылался другой, и важные интересы нѣмецкихъ колоній по прежнему довѣрялись людямъ, способнымъ лишь безтолково запугивать туземцевъ и возбуждать ихъ ненависть къ новымъ властителямъ. Туземцы, однако, владѣютъ оружіемъ, и огромное превосходство численности позволяетъ имъ легко устроить возстаніе, противъ котораго ничего не могутъ сдѣлать маленькіе отряды европейскихъ солдатъ съ ихъ надменными офицерами; въ такомъ именно положеніи очутились теперь нѣмецкія поселенія въ юго-западной Африкѣ. Одно изъ готтентотскихъ племенъ возмутилось въ южной части колоніи; противъ нихъ отправленъ былъ небольшой нѣмецкій отрядъ; а тѣмъ временемъ, на сѣверѣ, въ густо населенной колонистами центральной области вспыхнуло гораздо болѣе опасное возстаніе многочисленнаго племени герреро. Волненія начались съ того, что нѣмецкій офицеръ пригласилъ къ себѣ для какихъ-то переговоровъ старшину сосѣдняго туземнаго племени и безъ всякихъ церемоній избилъ его, съ цѣлью внушить надлежащее уваженіе къ своей власти; туземцы не вытер-

пѣли и взялись за оружіе. Возстаніе охватило самую культурную часть колоніальной территоріи; за неудачныхъ правителей-офицеровъ расплачиваются теперь ни въ чемъ неповинные мирные поселенцы. Почти всѣ постройки и сооруженія на отдѣльныхъ фермахъ разрушены, скотъ угнанъ, имущество забрано или уничтожено, колонисты бѣжали въ болѣе значительные пункты, гдѣ имѣются хоть маленькіе гарнизоны; всѣ эти пункты осаждались возставшими, и жителямъ ихъ грозила неминуемая гибель. Главное изъ этихъ мѣстечекъ, Виндгунъ, находится на разстояніи 230 миль отъ берега по желѣзной дорогѣ; другія станціи и поселенія расположены въ томъ же районѣ, занимающемъ пространство до ста миль въ окружности. Подкрѣпленія, разумѣется, были немедленно посланы изъ Германіи, но ихъ едва ли дождутся злосчастные колонисты, на которыхъ туземные дикари вымещаютъ теперь свою накопившуюся злобу противъ суровыхъ нѣмецкихъ офицеровъ. По всей вѣроятности, и этотъ тяжелый урокъ пройдетъ безслѣдно для высшей колоніальной администраціи: нѣмцы увѣрены, что туземцы возстали только вслѣдствіе своей неспособности и нежеланія подчиниться мирному законному управленію и понимать блага европейской культуры; предполагается также, что въ дѣло замѣшаны англійскія интриги, безъ которыхъ не обходятся, будто бы, нѣмецкія неудачи въ колоніяхъ. Директоръ колоніальнаго департамента заявилъ въ имперскомъ сеймѣ, что племя герреро всегда извѣстно было, какъ враждебное порядку и недоступное культурному воздѣйствію со стороны мѣстной нѣмецкой администраціи. Ораторы оппозиціи пытались обратить вниманіе на оборотную сторону медали, но ихъ рѣчи показались имперскому сейму несвоевременными и непатріотичными. Необходимыя денежныя средства на подавленіе возстанія были ассигнованы палатою, и этимъ пока ограничились нѣмецкіе патріоты, озабоченные судьбою южно-африканскихъ колоній. Нѣмцы успокоятся, когда колоніи будутъ охраняться достаточно крупными военными силами и когда можно будетъ во всякое время бомбардировать непокорныя туземныя селенія и разстрѣливать ихъ жителей; но принципъ террора имѣетъ обоюдоострую силу и не можетъ служить прочною основою порядка и спокойствія, какъ убѣдились въ этомъ опытнѣйшіе въ мірѣ колонизаторы—англичане. Только тѣ британскія колоніи устроились основательно и достигли процвѣтанія, гдѣ туземцамъ предоставлена извѣстная доля автономіи и гдѣ ихъ права и интересы пользуются законною защитою и охраною;—и вмѣсто того, чтобы ссылаться на британскія интриги, нѣмцамъ и вообще иностранцамъ полезно было бы въ этомъ отношеніи слѣдовать примѣру англичанъ въ колоніальной политикѣ.

Въ Англіи продолжаетъ быть героемъ дня и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ національной политики Чемберленъ, неутомимый ораторъ, каждая рѣчь котораго горячо обсуждается всѣми газетами и возводится ими на степень событія. Авторитетъ и популярность бывшаго министра колоній значительно возросли со времени его отставки, вопреки обычной практикѣ другихъ государствъ. Чемберленъ открыто выступаетъ, какъ глава и руководитель новаго правительственнаго и національнаго теченія, имѣющаго всѣ шансы получить господство въ странѣ и парламентѣ; англійское общество и печать признаютъ его единственно возможнымъ премьеромъ будущаго министерства, и любопытнѣе всего, что такъ смотрятъ на него сами члены нынѣшняго кабинета, начиная съ Бальфура. Чемберленъ дѣятельно занялся пропагандою своихъ идей о протекціонизмѣ и колоніально-имперскомъ таможенномъ союзѣ; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ неустанно развиваетъ передъ публикою свою смѣлую имперіалистскую програму и находитъ все болѣе сочувствія въ массѣ промышленнаго населенія. Многолюдные митинги въ главнѣйшихъ центрахъ страны завершились 19 января грандіознымъ торжественнымъ собраніемъ въ самомъ Лондонѣ, въ традиціонномъ Гильдголлѣ, подъ предсѣдательствомъ лондонскаго лордъ-мэра, сэра Ритчи, въ присутствіи представителей многихъ изъ главнѣйшихъ британскихъ фирмъ и предпріятій, въ томъ числѣ и директоровъ Англійскаго банка. Этотъ митингъ былъ двойной: кромѣ блестящаго собранія внутри зданія, въ парадныхъ залахъ ратуши,—собралась еще громадная толпа народа снаружи, на площади, и терпѣливо выжидала подъ дождемъ, чтобы устроить овацію Чемберлену. Когда внутренній митингъ окончился, начался наружный, и послѣ продолжительной рѣчи, выслушанной въ Гильдголлѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, Чемберленъ съ балкона, уже въ пальто, безъ шляпы, подъ непрекращавшимся дождемъ, произнесъ вторую большую рѣчь къ публикѣ, стоявшей густыми массами на улицѣ. Редакція одной газеты условилась заранѣе съ электрофонной компаніею, чтобы устроены были приспособленія для передачи всего текста рѣчи въ нѣкоторыя народныя залы, гдѣ рѣчь была тотчасъ повторена электрофономъ и вызвала энтузіазмъ толпы. Среди этихъ непрерывныхъ самовольныхъ нарушеній общественной тишины и спокойствія проходитъ вся истинная національная жизнь Англіи, и безопасность государства не испытываетъ при этомъ ни малѣйшаго колебанія. Чемберленъ не только агитируетъ въ пользу тѣхъ взглядовъ, которые онъ считаетъ полезными для страны, но принимаетъ и практическія мѣры для подготовленія желательной перемѣны въ правительственной политикѣ. Онъ предложилъ цѣлому ряду выдающихся промышленныхъ дѣятелей, экономистовъ и статистиковъ войти въ составъ особой тарифной ком-

миссіи для собранія матеріаловъ и обсужденія фактическихъ данныхъ по вопросу о пересмотрѣ принциповъ британской свободы торговли. Насколько можно судить по свѣдѣніямъ и отзывамъ англійскихъ газетъ, успѣхъ Чемберлена и его дѣла долженъ считаться обезпеченнымъ.

Недавняя смерть знаменитаго Герберта Спенсера (ум. 8 декабря нов. ст.) подала поводъ къ любопытнымъ газетнымъ замѣчаніямъ объ его почитателяхъ въ Японіи. Въ „Times“ отъ 22-го января помѣщено чрезвычайно интересное сообщеніе изъ Токіо, заключающее въ себѣ, между прочимъ, письмо Спенсера о желательной будущей политикѣ японской націи. „Въ Японіи, какъ и въ Россіи, — говорится въ передовой статьѣ того же „Times“,—какъ и вездѣ, гдѣ интеллигентная молодежь внезапно приводится въ соприкосновеніе съ западною цивилизаціею, доктрины Конта, Милля, Дарвина и Спенсера усвоиваются съ жадностью, благодаря своей ясности и доступности, а также своей видимой свободѣ отъ всякихъ элементовъ суевѣрія и предразсудка“. Съ половины прошлаго вѣка интеллигенція новой Японіи находилась всецѣло подъ владычествомъ Джона Стюарта Милля, Чарльза Дарвина и Герберта Спенсера. Сочиненія Дарвина и Милля были вскорѣ переведены на японскій языкъ; книги Спенсера появились на этомъ языкѣ позднѣе. Изъ его „Синтетической философіи“ существуютъ въ японскомъ переводѣ только два тома; но тысячи молодыхъ японцевъ изучали эти книги въ оригиналѣ, и хотя культъ Спенсера потерялъ многихъ послѣдователей со времени распространенія и обильнаго привоза продуктовъ нѣмецкой учености, тѣмъ не менѣе Спенсеръ, Дарвинъ и Милль остаются умственными руководителями для большинства выдающихся дѣятелей Японіи. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ учениковъ Спенсера былъ баронъ Кентаро Канеко, получившій образованіе въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ Гарвардскомъ университетѣ, и принимавшій затѣмъ близкое участіе въ работахъ по организаціи обѣихъ палатъ японскаго парламента. Въ 1892 году, находясь проѣздомъ въ Англіи, онъ сдѣлалъ попытку видѣть Герберта Спенсера, труды котораго способствовали развитію и укрѣпленію всего его научнаго міросозерцанія. Сверхъ ожиданія, Спенсеръ отвѣтилъ на его письмо приглашеніемъ къ себѣ на квартиру въ назначенный день; баронъ Канеко пробылъ у него два часа, отвѣчая на разные вопросы, касающіеся исторіи, религіи и быта Японіи. Философъ заранѣе приготовилъ матеріалы для этихъ вопросовъ и былъ очень доволенъ фактическими разъясненіями собесѣдника; съ тѣхъ поръ завязались между ними частыя сношенія, письменныя и личныя, причемъ Спенсеръ высказывалъ общіе взгляды, сильно огорчавшіе японскаго

барона. Спенсеръ рѣшительно осуждалъ стремленіе Японіи къ усвоенію европейской цивилизаціи и совѣтовалъ, напротивъ, дорожить своею замкнутостью, избѣгать связей съ иностранцами, не допускать смѣшанныхъ браковъ, сохранять чистоту расы, и эти странныя идеи онъ, по желанію Канеко, изложилъ въ обстоятельномъ письмѣ, которое онъ просилъ сохранить въ тайнѣ при его жизни, потому что онъ „не хотѣлъ возбудить неудовольствіе своихъ согражданъ". Онъ дозволилъ только сообщить текстъ этого письма извѣстному государственному дѣятелю Японіи, графу Ито, выразивъ притомъ надежду, что, быть можетъ, совѣты его будутъ приняты во вниманіе. Японскіе прогрессисты не послушались Спенсера, и, какъ заключаетъ корреспондентъ „Times" изъ Токіо, они поступили правильно, ибо, слѣдуя программѣ Спенсера, Японія никогда не достигла бы заключенія союза съ Англіею и не заняла бы того независимаго и выдающагося положенія, какое она занимаетъ нынѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1904.

I.

— Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая: томы I-й, II-й и III-й. Біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Книга вторая: томы IV-й, V-й и VI. Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ („Литературнаго фонда"). Спб. 1903.

Современное состояніе нашей литературы вызываетъ, какъ извѣстно, не мало сожалѣній объ ея упадкѣ, нареканій на забвеніе литературнаго преданія, передъ которымъ однако остаются ничтожными притязанія новѣйшаго „чистаго искусства" и т. д. Сожалѣнія и нареканія и дѣйствительно не лишены основанія; уровень художественныхъ произведеній—за единственнымъ исключеніемъ, оставшимся именно только отъ старыхъ временъ,—несомнѣнно понизился, какъ понизился и общественный элементъ, нѣкогда одушевлявшій лучшихъ дѣятелей литературы; „забытыя слова", которыя повидимому хотѣлъ напомнить Салтыковъ въ послѣднія минуты жизни, дѣйствительно забываются въ литературной толпѣ... Но въ одной области нашей литературы совершается движеніе, которое можетъ, кажется, до значительной степени вознаградить за упомянутый упадокъ; это—оживленная дѣятельность въ развитіи нашего историческаго изслѣдованія. Понятно, что это послѣднее не составляетъ самой „литературы"; оно принадлежитъ къ кругу строгой, холодной, безучастной и къ „злобамъ", и къ идеаламъ дня, „науки"; это изслѣдованіе, посвященное прошлому, не можетъ замѣнить художественнаго воспроизведенія живой дѣйствительности, не можетъ питать поэтическаго идеализма,—наука никогда не можетъ замѣнить искусства; но, въ общемъ счетѣ литературнаго содержанія, научное движеніе вообще, и въ частности историческое знаніе, можетъ быть,

и бываетъ, важнымъ факторомъ въ развитіи общественнаго самосознанія, что̀ можетъ имѣть вліяніе и на складъ самаго художества. Не случайна была связь Пушкина съ Карамзинымъ, и связь общественныхъ настроеній тридцатыхъ годовъ съ Гоголемъ, сороковыхъ годовъ—съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Салтыковымъ...

При всѣхъ внѣшнихъ трудностяхъ, съ какими въ условіяхъ нашей литературы соединено было изслѣдованіе недавняго прошлаго, детальное, отрывочное собираніе, какимъ долго ограничивалось изученіе нашей новѣйшей исторіи, завершилось монументальными трудами Н. К. Шильдера, значеніе которыхъ выходитъ за предѣлы одной спеціальной исторіографіи.

По отношенію къ исторической любознательности общества можно съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтить „Собраніе сочиненій“ Костомарова, ставшее теперь собственностью „Литературнаго фонда“. Въ старыхъ изданіяхъ, теперь вѣроятно уже истощенныхъ, сочиненія Костомарова были мало доступны для массы читателей также и по крайней своей дороговизнѣ; новое изданіе сдѣлаетъ ихъ общедоступными, а сочиненія Костомарова несомнѣнно заслуживаютъ того, чтобы стать популярнымъ чтеніемъ. Историческое изслѣдованіе идетъ, конечно, впередъ, ставитъ новыя задачи и точки зрѣнія, собираетъ новые факты,—но крупный историкъ можетъ, тѣмъ не менѣе, сохранять значеніе своими особыми достоинствами и долго можетъ быть поучителенъ. И Костомаровъ былъ историкъ крупный, въ извѣстномъ отношеніи почти единственный въ нашей литературѣ: это—замѣчательный повѣствователь. Съ огромной начитанностью, которую хранила его сильная память, онъ владѣлъ еще тѣмъ даромъ оживлять лица и событія, который былъ родственъ художественному творчеству. Его не однажды влекло къ исторической повѣсти, и разъ даже прямо къ исторической драмѣ (хотя не изъ русской исторіи). Такимъ образомъ, его разсказъ становится исторической реставраціей, въ которой до сихъ поръ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ него, ему не нашлось равнаго.

II.

— Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, профессоръ Имп. Юрьевскаго университета. Томъ I. 1693—1700. Юрьевъ. 1903. (Заглавіе и предисловія также по-французски).

Г-нъ Шмурло не такъ давно избранъ былъ историко-филологическимъ Отдѣленіемъ Академіи наукъ „ученымъ корреспондентомъ“ въ

Римѣ, для изученія документовъ, главнымъ образомъ, Ватиканскаго архива, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи,—когда Ватиканъ, прежде доступный лишь немногимъ, былъ открытъ для ученыхъ изыскателей. Г-нъ Шмурло еще раньше этого назначенія началъ свои поиски въ римскихъ и другихъ европейскихъ архивахъ, собирая матеріалъ для исторіи Петра Великаго. Теперь, въ *первомъ* томѣ его „Сборника" (болѣе 700 стр. плотной печати, мал. 4°) собрана уже большая масса, 840 нумеровъ, документовъ, относящихся только къ семи изъ начальныхъ годовъ царствованія Петра; продолженіе обѣщаетъ такимъ образомъ громадное приращеніе историческихъ документовъ о томъ времени, и изъ нихъ только немногіе были до сихъ поръ извѣстны. „До сихъ поръ, — говоритъ г. Шмурло въ предисловіи, — сношенія Петра съ Западной Европой изучались преимущественно, если можно такъ выразиться, въ направленіи сѣверо-западномъ, что и понятно, такъ какъ международная жизнь Россіи начала XVIII столѣтія,—одинаково въ войнахъ и дипломатіи, въ промышленности и въ торговлѣ, въ учрежденіяхъ и въ школѣ,—сильнѣе всего проявлялась въ ея сношеніяхъ съ протестантскими государствами,—съ Швеціей, Пруссіей, Голландіей, Англіей. Однако, отнюдь не ничтожны были тогда и сношенія съ Германіей, съ Венеціей, съ Римомъ, хотя бы въ силу уже одного того, что эти государства постоянно и близко разными сторонами соприкасались съ Польшей, а съ Польшей, какъ извѣстно, Россію связывали самые насущные и неотложные вопросы жизни". Такимъ образомъ, требуютъ изученія не только германо-протестантскія, но и романо-католическія отношенія Россіи. И преобладающее мѣсто въ настоящемъ сборникѣ принадлежитъ Риму и Венеціи.

„Исходнымъ пунктомъ нами взятъ 1695-й годъ,—говоритъ г. Шмурло,—когда первымъ своимъ походомъ подъ Азовъ царь Петръ вступилъ на путь международныхъ отношеній какъ самостоятельный и сознательный участникъ ихъ, и въ дѣло, намѣченное и начатое его предшественниками, впервые внесъ индивидуальныя черты и субъективную окраску".

Источниками, въ которыхъ почерпнуты матеріалы настоящаго тома, были на первомъ планѣ архивы Ватиканскій della Santa Sede и папскій „церемоніальный" (dei Cerimonieri), и нѣсколько знаменитыхъ римскихъ библіотекъ (Корсини, Барберини, Національная библіотека); Венеціанскій государственный архивъ; Парижскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и проч. Главную массу матеріала составили донесенія папскихъ нунціевъ съ отвѣтами и распоряженіями папскаго государственнаго секретаря, и много другихъ дипломатическихъ свѣдѣній, стекавшихся при римскомъ дворѣ по русскимъ дѣламъ; далѣе, обширный отдѣлъ матеріаловъ составляютъ донесенія

представителей венеціанской республики при дворахъ варшавскомъ, вѣнскомъ и римскомъ. Для историческихъ объясненій введены, наконецъ, различные документы Вѣнскаго архива и нашего архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

По содержанію издаваемые матеріалы касаются такихъ международныхъ отношеній и столкновеній, какъ азовскіе походы Петра и вообще борьба съ Турціей, дѣла Россіи съ Польшей, нѣмецкой имперіей, Венеціей, дѣла съ Римомъ по вопросу объ уніи и т. п., русское великое посольство 1697 и 1698 годовъ, пребываніе за границей самого Петра и русскихъ „волонтеровъ", въ частности Б. П. Шереметева.

Такъ широко разростается документальный матеріалъ, котораго разработка предлежитъ будущему русскому историку. Событія раскрываются для насъ все съ новыхъ сторонъ и въ новыхъ подробностяхъ. Рядомъ съ источниками домашними, которые размножаются чуть не въ геометрической прогрессіи, въ изданіяхъ Р. Историческаго Общества теперь уже собранъ громадный матеріалъ по иностраннымъ сношеніямъ Россіи, особливо въ XVIII вѣкѣ, и для русской исторіографіи открывается, какъ никогда прежде, обильный матеріалъ наблюденій и выводовъ.

Трудъ г. Шмурло по изданію настоящаго тома,—какъ легко судить даже по первому взгляду,—былъ трудъ очень сложный: выборъ матеріала, точная перепись и печатаніе, однѣ требовали усиленнаго вниманія; обширныя примѣчанія доставляютъ много важныхъ объясненій и сопоставленій съ прежней исторической литературой.

III.

— Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томъ седьмой—томъ десятый. Предисловіе и примѣчанія В. А. Бильбасова. Спб. 1903.

Въ свое время мы упоминали о началѣ этого важнаго изданія. Въ частныхъ архивахъ заключается несомнѣнно богатѣйшій историческій матеріалъ; лишь въ недавнее время предпринято въ этомъ направленіи нѣсколько изданій, — такъ, прежде всего начато было изданіе архива кн. Воронцова; идетъ, затѣмъ, разработка архивнаго матеріала въ книгѣ: „Родъ Шереметевыхъ"; издается архивъ кн. Куракина; массу любопытнѣйшаго матеріала доставилъ архивъ гр. Строгановыхъ и кн. Голицыныхъ для труда великаго князя Николая Михаиловича о гр. Павлѣ Ал. Строгановѣ. Съ X-мъ томомъ „Архива графовъ Мордвиновыхъ" закончены матеріалы, отно-

сящіеся къ политической и общественной дѣятельности гр. Н. С. Мордвинова (ум. въ 1845), этого замѣчательнаго свидѣтеля и дѣятеля четырехъ царствованій. Давно, еще при его жизни и послѣ его смерти, пользовались великой славой его „мнѣнія", представлявшіяся въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ ходили по рукамъ, возбуждая живѣйшій интересъ въ средѣ просвѣщенныхъ людей, волновавшихся государственными и общественными вопросами; нѣчто попадало въ печать, какъ историческій матеріалъ. Наконецъ, теперь, въ „Архивѣ", эти „мнѣнія", т.-е. цѣлыя дѣловыя записки по предметамъ нерѣдко первостепенной важности въ жизни государства и общества, эти записки, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, стали достояніемъ печати, т.-е. достояніемъ исторической науки и источникомъ общественнаго поученія. Послѣдніе четыре тома изданія заключаютъ въ себѣ документы послѣднихъ двадцати лѣтъ жизни Мордвинова и первыхъ двадцати лѣтъ царствованія имп. Николая I,—причемъ въ томѣ X-мъ помѣщено, въ видѣ приложеній, 59 статей, которыя сохранились въ архивѣ Н. С. Мордвинова, но составлены были не имъ. Во введеніяхъ къ VII-му и X-му томамъ г. Бильбасовъ сообщаетъ важныя біографическія замѣчанія о Мордвиновѣ, между прочимъ, объ отношеніи къ нему имп. Николая, который вообще его не любилъ; наконецъ, г. Бильбасовъ даетъ и общія опредѣленія этого замѣчательнаго ума и характера: читатель найдетъ здѣсь любопытнѣйшія черты времени и людей. Между прочимъ, авторъ приводитъ изъ дневника барона, потомъ графа, М. А. Корфа, его отзывъ о Мордвиновѣ, когда тотъ умеръ, отзывъ очень характеристичный для писавшаго.

Трудъ надъ изданіемъ этихъ десяти томовъ составляетъ новую большую заслугу г. Бильбасова для русской исторіографіи.

IV.

— Исторія Кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Составилъ С. Панчулидзевъ. Томъ второй. Томъ третій. Спб. 1901. 1903. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

Немного лѣтъ назадъ мы отмѣтили въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы" (1900, февраль) первый томъ настоящаго изданія. Съ тѣхъ поръ вышли еще второй и третій томы изданія С. А. Панчулидзева, которое явится опять въ высокой степени замѣчательнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. „Исторія" г. Панчулидзева выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ полковыхъ исторій: какъ

самый Кавалергардскій полкъ со времени своего перваго учрежденія занялъ особое положеніе, такъ и исторія его въ изложеніи автора поставлена въ связь не только съ общими судьбами военныхъ учрежденій и военныхъ событій, но и особенно съ событіями въ жизни двора. Эта послѣдняя сторона нашей исторіи XVIII и XIX вѣка вообще мало затронута въ нашей исторической литературѣ; въ нѣкоторыхъ эпизодахъ была даже совсѣмъ недоступна,—когда имѣла однако великій интересъ и для общей исторіи государственной власти, и для исторіи общественныхъ настроеній и нравовъ. Лишь въ послѣднее время эта внутренняя политическая и бытовая исторія двора начинаетъ раскрываться въ трудахъ нашихъ историковъ (назовемъ Шильдера, В. А. Бильбасова, Д. Ѳ. Кобеко, г. Шумигорскаго); теперь множество любопытнаго сообщено въ книгѣ г. Панчулидзева. Уже въ первомъ томѣ его труда были приведены свѣдѣнія о начальныхъ годахъ военнаго учрежденія, образовавшаго впослѣдствіи „Кавалергардскій полкъ"; впервые съ точностью разсказана исторія „лейбъ-компаніи", существовавшей въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Во второмъ томѣ, по связи предметовъ, дано довольно подробное изложеніе исторіи царствованія Петра III вплоть до его смерти; затѣмъ исторія полка при имп. Екатеринѣ II и Павлѣ, съ разсказомъ о заговорѣ противъ имп. Павла и о его кончинѣ. Третій томъ наполненъ военной исторіей времени имп. Александра I до вступленія имп. Александра и русскихъ войскъ въ Парижъ.

Въ сложной исторіи особливо XVIII вѣка авторъ исполнилъ свою задачу съ большимъ искусствомъ, съ большимъ историческимъ безпристрастіемъ, любовью къ исторической истинѣ и тактомъ. Онъ внимательно изучилъ литературу предмета, въ нѣкоторыхъ эпизодахъ особенно литературу иностранныхъ мемуаровъ; архивные документы русскіе, и частію также иностранные; матеріалы обще-военныхъ и полковыхъ архивовъ,—и всю массу собранныхъ деталей объединилъ въ живомъ, наглядномъ разсказѣ, свидѣтельствующемъ вмѣстѣ о немалой исторической наблюдательности. Если принять во вниманіе, что авторъ могъ воспользоваться многими трудно доступными матеріалами, это еще возвышаетъ цѣнность его историческаго изложенія.

Внѣшняя сторона изданія, исполненнаго во всемъ его составѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, отличается рѣдкимъ великолѣпіемъ и изяществомъ: прекрасно отпечатанный текстъ сопровождается множествомъ фототипическихъ иллюстрацій; это — портреты, снимки съ батальныхъ картинъ, и т. п.—А. П.

V.

— Боцяновскій, В. Ѳ. Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1903.
— Князь Урусовъ, Н. Д. Безсильные люди въ изображеніи Леонида Андреева. Спб. 1903.
— Ст. Сухановъ. Символизмъ и Леонидъ Андреевъ, какъ его представитель. Кіевъ. 1903.

Въ критической литературѣ послѣдняго десятилѣтія установились пріемы, которые трудно охарактеризовать иначе, какъ опредѣляя ихъ терминомъ слащаваго смакованья и взмыливанья. Едва на литературномъ поприщѣ появится какой-либо молодой и талантливый писатель, еще неопытный и въ себѣ неувѣренный, какъ критика наперерывъ спѣшитъ произвести его сразу въ высокіе чины, объявить его замѣчательнымъ и великимъ, но, главное, настолько объяснить и разжевать его произведенія, чтобы публикѣ не стоило ни малѣйшаго труда проглотить ихъ безъ всякой самостоятельной умственной работы. Въ однихъ случаяхъ за такой готовностью кроется простое равнодушіе къ достоинству русской литературы, въ другихъ—стремленіе выиграть въ популярности на счетъ писателя, въ третьихъ—чтобы заслужить репутацію чуткаго и передового художественнаго цѣнителя, или, наконецъ, чтобы скрыть въ потокахъ лирическихъ изліяній убожество и безсиліе критической мысли... оттѣнки и комбинаціи варьируются до безконечности. Однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній современныхъ критиковъ является возможность открытія такихъ глубинъ и высотъ въ творчествѣ начинающаго писателя, которыя и не снились самому писателю, которыхъ нельзя было бы передать иначе, какъ съ помощью кавычекъ передъ чудовищными выписками, многознаменательныхъ восклицаній, умолчаній и многоточій, имѣющихъ символическій смыслъ.

По нѣкоторымъ признакамъ могло бы казаться, что книжечка г. Боцяновскаго относится къ одной изъ упомянутыхъ категорій: въ ней, какъ увидимъ ниже, есть явныя преувеличенія, излишнія подробности. Но, съ другой стороны, въ ней есть элементъ, который сдѣлалъ бы такое отнесеніе крайне ошибочнымъ: это—искренность увлеченія. Г. Боцяновскій—вдумчивый и благожелательный истолкователь художественныхъ произведеній, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ равнодушіи къ вопросамъ литературнаго развитія. Каждое явленіе, на которомъ лежитъ хотя слабый признакъ таланта, онъ готовъ привѣтствовать, защищать, пропагандировать, но при этомъ, къ сожалѣнію, благожелательность его нерѣдко выходитъ изъ границъ необходимаго критическаго такта и, вмѣсто объективнаго сужденія, по-

лучается восторженное увлеченіе, при которомъ размѣръ писательскаго таланта измѣняется до неузнаваемости. Обратите вниманіе, какимъ чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ открывается его книжечка, вышедшая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. „Атмосфера литературныхъ кружковъ въ данный моментъ,—пишетъ г. Боцяновскій,—*безъ преувеличенія*, насыщена Леонидомъ Андреевымъ. Уже первые шаги этого писателя были встрѣчены восторженно журналами *всѣхъ (?) партій и фракцій*“... Указавъ на статьи гг. Ясинскаго и Буренина объ Андреевѣ, гдѣ послѣдній характеризовался, какъ безспорно крупный и талантливый художникъ, г. Боцяновскій продолжаетъ: „Рядъ другихъ статей, сопровождавшихъ первый сборникъ разсказовъ Андреева въ толстыхъ и тонкихъ журналахъ, говорилъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ“.

Это утвержденіе грѣшитъ большой неточностью: среди толстыхъ и тонкихъ журналовъ слѣдовало отмѣтить такіе, которые не говорили о г. Андреевѣ ни слова, или относились къ нему отрицательно. Больше всего говорили объ этомъ писателѣ газеты, въ особенности послѣ извѣстнаго письма гр. С. А. Толстой, по поводу пресловутаго разсказа „Въ туманѣ“. Но быстрый успѣхъ, газетная шумиха—это только обстановка, внѣшняя сторона появленія литературнаго произведенія передъ публикой, и вмѣшивать ихъ въ безпристрастное сужденіе о художественномъ и идейномъ достоинствѣ писателя—значитъ создавать препятствіе и самому себѣ загораживать дорогу. Г. Боцяновскій, къ сожалѣнію, вводитъ въ свою характеристику этотъ ненужный элементъ и тѣмъ придаетъ своей работѣ нѣсколько фельетонный оттѣнокъ. Этотъ оттѣнокъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Боцяновскій слишкомъ считается съ газетными толками и прозвищами, которыя выпадали на долю Л. Андреева въ газетахъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать попытку полнѣе охватить творчество этого писателя и высказать о немъ безпристрастное мнѣніе, не подсказываемое ни пламеннымъ увлеченіемъ, ни полемическимъ задоромъ.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, этюдъ г. Боцяновскаго читается съ большимъ интересомъ, и этотъ интересъ переносится на писателя, которому посвящена работа. Написанная легко и живо, книжечка г. Боцяновскаго даетъ отчетливое понятіе о тѣхъ вопросахъ, которые составляютъ основное идейное содержаніе творчества Андреева, и заставляетъ согласиться съ авторомъ, что „г. Андреевъ, какъ писатель, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе“. Вотъ только сопоставленіе Л. Андреева съ Бокаччіо можетъ показаться нѣсколько загадочнымъ...

Признаетъ талантъ Л. Андреева и кн. Н. Д. Урусовъ, посвятившій характеристикѣ этого таланта дѣльную и обстоятельную работу, въ

которой, не ограничиваясь однимъ идейнымъ содержаніемъ, останавливается и на художественной сторонѣ. По поводу разсказа „Въ туманѣ" авторъ задается вопросомъ: для кого писалъ г. Андреевъ свой разсказъ? „Вѣдь авторъ долженъ же понимать,—говоритъ кн. Урусовъ,—что имѣетъ громадную аудиторію слушателей, что ему вѣритъ читатель и любитъ его.

„Грустно, больно опредѣлять, что цѣль автора была — дать лишній эффектный разсказецъ, впустить въ него нѣсколько дѣйствительно художественныхъ строкъ, и шумомъ, произведеннымъ этимъ грубымъ эффектомъ, увеличить свою и безъ того большую популярность. Иной цѣли у г. Андреева быть не могло, и чтобы ее достигнуть, онъ не пожалѣлъ первоначальной красивой конструкціи разсказа".

Авторъ приходитъ къ тому общему выводу, что Л. Андреевъ безусловно талантливый художникъ, владѣющій сильнымъ и образнымъ стилемъ, но неглубокій мыслитель. Что же касается того, что на г. Андреева привыкли смотрѣть какъ на провозвѣстника какихъ-то новыхъ путей въ искусствѣ, то кн. Урусовъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее, по нашему мнѣнію, справедливое замѣчаніе: „въ разсказахъ г. Андреева мы не находимъ ничего новаго, что̀ бы должно было всколыхнуть нашу литературу, ничего такого, что̀ вѣщаетъ о лучшемъ будущемъ человѣчества, ничего такого, что можно было счесть за сильный протестъ талантливаго беллетриста противъ современнаго положенія общества".

Но,—Боже мой,—чего только ни налепеталъ о Л. Андреевѣ г. Сухановъ! Вотъ образчики его разсужденій: „Художникъ долженъ, по нашему (т.-е. г. Суханова) мнѣнію, обязательно (!) наблюдать жизнь, искать въ ней что-то, комбинировать явленія жизни и такимъ только образомъ творить"... Только *такимъ образомъ*, а не какъ-либо иначе... „Мы склонны видѣть въ художникѣ,—продолжаетъ свои откровенія г. Сухановъ,—холоднаго изслѣдователя, напоминающаго какого-либо ботаника или зоолога. Такому взгляду на художника мы обязаны традиціямъ реализма и болѣе всего шестидесятымъ годамъ, сведшимъ художника на ступень проповѣдника-утилитариста, а самое искусство— на ступень прикладныхъ знаній"...

Въ заключеніе же своего похвальнаго слова „яркому представителю символизма" г. Сухановъ заявляетъ: „Вообще же къ міросозерцанію Андреева нельзя приложить обычной мѣрки".

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ, особенно если придать художнику зоологическое представленіе о жизни...

VI.

— В. П. Батуринскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Т. I. Изданіе Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1904.

Книга г. Батуринскаго производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Если разсматривать ее какъ изслѣдованіе, то ей недостаетъ полноты, фактической обоснованности и критическаго отношенія къ разбираемымъ явленіямъ; если же видѣть въ ней только „матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи“, то теряютъ всякое значеніе разсужденія автора, устанавливающія связь (чисто внѣшнюю) между приводимыми документами. Въ первомъ очеркѣ, озаглавленномъ „Въ началѣ сороковыхъ годовъ“ и посвященномъ (по мысли автора) характеристикѣ М. А. Бакунина, г. Батуринскій, точно нарочно, останавливается на фактахъ давнымъ-давно извѣстныхъ и малозначительныхъ, подкрѣпляя ихъ цитатами изъ сочиненій Герцена и Бѣлинскаго, и почти совершенно обходитъ тѣ черты, изъ которыхъ складывался умственный и нравственный обликъ этого дѣятеля. Довольствуясь, напримѣръ, выдержкой изъ Герцена для біографіи и исторіи развитія Бакунина, авторъ останавливается на вопросѣ о ссорѣ Каткова съ Бакунинымъ и выражаетъ сожалѣніе, что эта ссора до сихъ поръ не выяснена, хотя автору, повидимому, извѣстно, что въ основѣ ссоры лежалъ не принципіальный разладъ, а простая сплетня. Для автора—берлинскій періодъ жизни Бакунина и его друзей ярко отразился въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Тургенева, особенно въ „Фаустѣ“ и „Рудинѣ“; авторъ вполнѣ довольствуется этимъ указаніемъ, иллюстрируя его извѣстными и переизвѣстными воспоминаніями Невѣрова, цитатами изъ Герцена и Тургенева. На выясненіе значенія общественной дѣятельности Бакунина нѣтъ и намека.

Второй очеркъ посвященъ перепечаткѣ изъ „Колокола“ статей Герцена (некрологовъ и воспоминаній) объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ, не вошедшихъ въ собраніе сочиненій Герцена второй половины семидесятыхъ годовъ. Интереснѣе предыдущихъ третій очеркъ—„Герценъ и Тургеневъ“,—хотя и здѣсь сказывается недостаточность фактическихъ и біографическихъ разъясненій, поражающая крайне непріятно читателя при чтеніи довольно случайнаго матеріала. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что письма представляютъ собой матеріалъ, которымъ нужно пользоваться очень осторожно и умѣло, не упуская изъ вида личныхъ свойствъ корреспондентовъ и обстоятельствъ, которыми сопровождалась ихъ переписка. Г. Батуринскій же относится къ печатному матеріалу съ наивной довѣрчивостью, мало вникая въ

его содержаніе и не освѣщая его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость освѣщенія вызывается не только запросами историко-литературной критики, но даже элементарными нравственными требованіями. Печатаетъ, напримѣръ, г. Батуринскій переписку Некрасова съ Герценомъ, по поводу прискорбнаго недоразумѣнія съ деньгами Огарева, и, ни словомъ не оговорившись о томъ, насколько обвиненія противъ Некрасова въ этомъ дѣлѣ, касающемся чести поэта, по существу оставались недоказанными, г. Батуринскій тутъ же помѣщаетъ письмо Тургенева Герцену съ непровѣреннымъ, опять-таки, сообщеніемъ о неблаговидномъ участіи Некрасова въ перепродажѣ второго изданія „Записокъ Охотника". Дальше г. Батуринскій, уже отъ себя лично, ставитъ, какъ говорится, точку надъ і: „Мы уже привели выше переписку Герцена съ Некрасовымъ и указали на существовавшія между ними непріязненныя отношенія, которыя со стороны Герцена мотивировались якобы небрежнымъ отношеніемъ Некрасова къ денежнымъ вопросамъ и участіемъ его въ некрасивомъ дѣлѣ вымогательства денегъ у Н. П. Огарева при посредствѣ его первой жены". Но вотъ что̀ писалъ Некрасовъ Тургеневу: „Правду сказать, въ числѣ причинъ, по которымъ мнѣ хотѣлось поѣхать, главная была увидѣть Герцена, но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ, чѣмъ—не знаю, подозрѣваю, что̀ извѣстной исторіей Огаревскаго дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде нужно было знать. имѣлъ ли я его—особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мнѣ просто больно, что человѣкъ, котораго я столько уважаю, который кромѣ того когда-то оказалъ мнѣ личную помощь, который былъ первый послѣ Бѣлинскаго, привѣтствовавшій добрымъ словомъ мои стихи (я его записочку ко мнѣ, по выходѣ „Петерб. Сборника", до сей поры берегу), что этотъ человѣкъ не хорошо обо мнѣ думаетъ" [1]). Конечно, письмо это не могло быть извѣстно г. Батуринскому, книга котораго появилась, кажется, раньше его опубликованія. Но, стало быть, до появленія этого письма въ печати вопросъ представлялся еще менѣе яснымъ и, слѣдовательно, дѣло могло обстоять вовсе не такъ, какъ представлялось г. Батуринскому на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ источниковъ неясныхъ и фактически не провѣренныхъ,—и сужденіе его о Некрасовѣ должно быть признано по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ. На разрывъ Тургенева съ „Современникомъ" г. Батуринскій смотритъ, какъ на явленіе, исключительно объясняемое личной ссорой Тургенева съ Некрасовымъ.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", декабрь 1903 г., стр. 623.

До чего наивны представленія г. Батуринскаго объ эпохѣ конца пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ его „вступительнаго слова“ къ выдержкамъ изъ статьи Герцена „Very dangerous“. „Герценъ, въ свою очередь, отрицательно относился не только къ самому Некрасову, но и къ нѣкоторымъ крайностямъ литературныхъ мнѣній „Современника“. Особенное недовольство его вызывалъ „Свистокъ“, которому онъ даже посвятилъ особую статью“. Удивительно просто...

Понятно, что составленная такимъ образомъ хрестоматія г. Батуринскаго не удовлетворитъ спеціалистовъ случайнымъ подборомъ матеріала, а въ широкихъ кругахъ читающей публики способна поселить невѣрное и сбивчивое понятіе о трактуемыхъ лицахъ и событіяхъ.

Къ книгѣ приложены два портрета Герцена, портретъ Огарева и снимокъ съ памятника Герцену въ Ниццѣ.

VII.

— Карскій, Е. Ѳ. Бѣлоруссы. Т. I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Варшава. 1903.

Обширный трудъ Е. Ѳ. Карскаго представляетъ явленіе чрезвычайно цѣнное во многихъ отношеніяхъ. Изученіе бѣлорусскаго нарѣчія и словесности привлекло къ себѣ значительное число работниковъ, которые внесли въ науку много памятниковъ народно-поэтическаго творчества и дали рядъ детальныхъ и помѣстныхъ изслѣдованій. Но среди этихъ работъ очень мало такихъ, въ которыхъ изслѣдователи ставили передъ собой общіе вопросы изученія, основанные на объединеніи всего извѣстнаго матеріала. Трудъ г. Карскаго является первымъ строго научнымъ и систематическимъ опытомъ въ этомъ направленіи. Настоящій томъ служитъ только введеніемъ къ задуманному авторомъ труду по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія въ широкомъ смыслѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, задается цѣлью дать указатель матеріаловъ для словарей по бѣлорусскому нарѣчію, дѣйствительно крайне необходимыхъ. Но—что особенно важно—прежде, чѣмъ приступить къ составленію такихъ словарей, изслѣдователь счелъ нужнымъ точно уяснить себѣ этнографическій типъ бѣлорусскаго племени, намѣтить основные элементы, вошедшіе въ составъ языка, привести въ извѣстность и сдѣлать критическую оцѣнку уже имѣющимся лингвистическимъ матеріаламъ: эта предварительная работа и выполнена авторомъ настоящей книги. Уже изъ

одного перечня главъ можно видѣть, насколько подобнаго рода введеніе можетъ оказаться полезнымъ при изученіи Бѣлоруссіи въ этнографическомъ отношеніи: I. Территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ. Границы и общій характеръ страны. II. Древнѣйшіе обитатели бѣлорусской территоріи въ доисторическое время и при началѣ русскаго государства. III. Языкъ русскихъ племенъ, населявшихъ бѣлорусскую территорію въ древнѣйшее время. Зарожденіе бѣлорусскихъ особенностей. Старѣйшія словарныя заимствованія у финновъ и иранцевъ. IV. Объединеніе всѣхъ бѣлорусскихъ племенъ подъ властью Литвы и окончательная выработка „бѣлорусской народности" и „бѣлорусскаго языка". Заимствованія изъ литовскаго и латышскаго языковъ. V. Бѣлоруссы вмѣстѣ съ литовцами подъ властью Польши. Наплывъ разныхъ иностранныхъ словъ въ бѣлорусское нарѣчіе. VI. Возсоединеніе Бѣлоруссіи съ общерусской жизнью. Количество бѣлоруссовъ въ настоящее время и ихъ народные говоры. VII. Очеркъ изученія живого бѣлорусскаго языка и народной поэзіи. VIII. Очеркъ постепеннаго ознакомленія ученыхъ съ памятниками стараго западнорусскаго языка. Изученіе самого языка. IX. Ненародныя произведенія на современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи.

О возможности изученія Бѣлоруссіи авторъ справедливо говоритъ: „Бытъ бѣлорусса, при всей его несложности, представляетъ массу пережитковъ глубокой старины не только общерусской, но и общеславянской. И историкъ народной жизни и юристъ найдетъ здѣсь для себя много цѣнныхъ и интересныхъ особенностей. Знакомясь съ ними, иногда невольно забываешь, что дѣло происходитъ въ XX вѣкѣ: передъ вами выступаетъ жизнь доисторическихъ обитателей верхняго Днѣпра, Зап. Двины и Нѣмана. Однако, чтобы подчасъ не приписывать себѣ неожиданныхъ открытій, а иногда и завѣдомо чтобы не пользоваться чужими трудами (какъ это нерѣдко бывало въ доброе старое время), необходимо знать, что̀ въ этой области уже сдѣлано предшественниками русскими и поляками; сдѣлать указанія въ этомъ родѣ также входило въ задачи автора настоящей книги".

Въ указателѣ этнографическіе матеріалы распредѣлены по мѣстностямъ (губерніямъ, уѣздамъ, селамъ), что̀ значительно облегчаетъ пользованіе книгой. Указаніе границъ иллюстрируется этнографической картой бѣлорусскаго племени и говоровъ.

VIII.

— Иллюстровъ, І. И. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904.

Настоящій сборникъ—результатъ многолѣтняго труда и ревностной любви изслѣдователя къ сокровищамъ русской рѣчи. Начало его относится къ 1884 г., когда появились въ печати, сначала въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", а потомъ и отдѣльною книжкою—„Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа". Литература о пословицахъ и поговоркахъ довольно обширна, но работъ по изслѣдованію ихъ сравнительно немного, если не считать попытки систематизировать пословицы въ томъ или иномъ направленіи. Такова была первая часть труда г. Иллюстрова, посвященная подбору исключительно юридическихъ пословицъ; такова недавно вышедшая книга г. Ермолова—„Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ"; изъ недавнихъ, новѣйшихъ же трудовъ отмѣтимъ глубоко интересный сборникъ г. Симони „Старинные сборники пословицъ и поговорокъ (вып. 1)".

Основное значеніе настоящаго труда г. Иллюстрова заключается, во-первыхъ, въ объединеніи и группировкѣ многочисленной литературы о пословицахъ и поговоркахъ, и, во-вторыхъ, въ систематизаціи по новымъ категоріямъ огромнѣйшаго матеріала. Предпосылая сборнику пословицъ и поговорокъ въ собственномъ смыслѣ теоретическое введеніе, г. Иллюстровъ высказываетъ въ немъ общія соображенія о пословицахъ и поговоркахъ въ связи съ воззрѣніями народными и взглядами различныхъ писателей, касается вопроса о спеціальной литературѣ и приводитъ перечень источниковъ и пособій, откуда заимствовались имъ для настоящаго сборника пословицы и поговорки: великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія и инородческія,—здѣсь особенно важны указанія на матеріалы, помѣщавшіеся въ повременныхъ изданіяхъ.

Авторъ дѣлаетъ такое различіе между пословицей и поговоркой: „*пословица*, по его опредѣленію, *есть краткое въ складной формѣ иносказательное народное изреченіе, заключающее въ себѣ какую-либо истину*; напр., „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ"; „подойдетъ доходъ калашной—брюхо набивай; отойдетъ доходъ калашной—брюхо поднимай"; „подпись судейская, а совѣсть лакейская"; „по Сенькѣ и шапка, по горшку и крышка". Итакъ, пословица есть изреченіе *краткое*,—въ пословицѣ нѣтъ лишнихъ словъ, мысль выражена настолько сгущенно и сжато, что изъ пословицы, какъ изъ пѣсни, слова не выкинешь,—изреченіе *въ складной формѣ*,—пословица большею частью состоитъ

изъ двухъ частей, отвѣчающихъ другъ другу риѳмой, складомъ;—въ этомъ отношеніи пословица носитъ на себѣ характеръ и поэтическаго произведенія;—изреченіе *иносказательное*, т.-е. пословицу можно понимать двояко: и въ прямомъ смыслѣ и въ смыслѣ переносномъ..." Поговорка очень близка къ пословицѣ, но имѣетъ и свои собственныя существенныя отличія: „поговорка—такъ опредѣляетъ ее г. Иллюстровъ—есть краткое въ простой формѣ народное изреченіе, выражающее истину: напр., „береги денежку на черный день"; „вѣкъ живи, вѣкъ учись"; „какъ снѣгъ на голову". Поговорка сходна съ пословицею въ томъ, что выражаетъ мысль сжато, кратко, иногда образно, но отличается отъ пословицы тѣмъ, что выражаетъ истину прямо, просто, такъ что поговорку трудно отличить отъ пословицы, когда у послѣдней вторая часть опущена. Подъ поговорками разумѣютъ и слова, часто употребляемыя въ разговорахъ безъ нужды, по одной привычкѣ; напр., „изволите видѣть" и т. п."

Что касается порядка размѣщенія пословицъ, то, вѣроятно, не всѣ согласятся съ почтеннымъ собирателемъ по вопросу объ ихъ распредѣленіи. Весь матеріалъ разбитъ г. Иллюстровымъ на слѣдующія группы: „о царѣ; о служилыхъ людяхъ; о сословіяхъ; о бракѣ, семьѣ и роднѣ; о правѣ собственности; о договорахъ; о благосостояніи и бѣдности; о преступленіяхъ и наказаніяхъ; о судѣ". Здѣсь принятъ, такимъ образомъ, *частный, юридическій* принципъ классификаціи, который естественно оказывается несоотвѣтственно-узкимъ для вмѣщенія въ себѣ всего многообразія понятій, выражающаго въ пословицахъ, такъ сказать, кристаллизованное народное самосознаніе. Схема народовыхъ опредѣленій по отношенію къ видамъ, какъ платье карлика на богатырѣ, не выдерживаетъ и трещитъ по всѣмъ швамъ. Вслѣдствіе этого въ рубрику „о царѣ" попали, напримѣръ, такія пословицы: „на что и законы писать, если ихъ не исполнять"; „что сторона, то и новизна"; „законъ назадъ не пишется"; „всякій молодецъ—на свой образецъ"; „чей хлѣбъ ѣшь, того и обычай тѣшь". Въ группѣ „о служилыхъ людяхъ": „сила законъ ломитъ"; „вѣдь воля царю—дать ино и псарю"; „бой красенъ мужествомъ, а пріятель дружествомъ". Мы взяли первые попавшіеся примѣры, чтобы показать, насколько искусственно подобное дѣленіе, разсѣивающее по разнымъ группамъ пословицы однородныя, но не имѣющія никакого отношенія къ идеямъ права даже въ широкомъ смыслѣ. Дѣленіе это неудобно еще и въ томъ отношеніи, что оно стираетъ тонкіе оттѣнки народной мысли, сказывающіеся при переходѣ значенія; въ книгѣ г. Иллюстрова подобнаго рода пословицы размѣщались по его усмотрѣнію, въ зависимости отъ принятыхъ группъ. Намъ кажется, что при наличности столь богатаго матеріала слѣдовало бы при классификаціи пословицъ взять

болѣе крупныя рамки, которыя охватывали бы по возможности всѣ стороны матеріальнаго и духовнаго быта. Къ пословицамъ отнесено не мало выраженій искусственныхъ, книжныхъ, даже четверостишій весьма неопредѣленнаго происхожденія; конечно, пословицы образуются и книжнымъ путемъ, но признаніе ихъ таковыми можетъ совершаться не прежде, чѣмъ онѣ войдутъ во всеобщее употребленіе. Въ этомъ отношеніи вообще слѣдовало бы поставить извѣстныя границы.

Указанные недостатки не мѣшаютъ видѣть въ большомъ трудѣ г. Иллюстрова явленіе въ высшей степени цѣнное и полезное. До извѣстной степени недостатокъ этотъ искупается обстоятельной обработкой въ видѣ четырехъ алфавитныхъ указателей: именного, этнографическаго, географическаго и предметнаго. За этими алфавитными указателями помѣщенъ указатель источниковъ, откуда пословицы и поговорки были заимствованы „Указанія эти,—по справедливому замѣчанію автора,—свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ существованіи той или другой пословицы и поговорки и даютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность опредѣлить, когда, гдѣ и кѣмъ записана изъ устной народной рѣчи та или другая пословица и поговорка".

IX.

— Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ 3-хъ частяхъ. Изданіе автора. Спб. 1904.

Русская исторія, представляющая столь много своеобразнаго пытливому взору художника и психолога, заключающая въ себѣ такое огромное количество самыхъ разнообразныхъ и смѣлыхъ противоположностей, еще очень мало подвергалась такого рода обработкѣ, въ которой воображеніе являлось бы послушнымъ орудіемъ строго аналитической мысли. Не говоря о классическихъ произведеніяхъ нашей художественной литературы, въ основу которыхъ полагались историческія темы, мы лишь въ сочиненіяхъ покойнаго Костомарова имѣемъ удачныя попытки представить прошлое въ живыхъ и яркихъ образахъ, въ которыхъ пылкій полетъ фантазіи не поглощалъ содержанія исторической правды.

Этотъ родъ творчества, безспорно, не изъ легкихъ. Писателю приходится много поработать надъ тѣмъ, чтобы проникнуться характеромъ и настроеніями отжившей эпохи и остаться на почвѣ объективнаго безпристрастія. Творческая изобрѣтательность должна быть постоянно сдерживаема критическимъ тактомъ,—и потому, можетъ быть, этотъ жанръ такъ сравнительно мало привлекаетъ къ себѣ художниковъ,

что, требуя очень много усиленной работы, онъ не кажется имъ въ достаточной степени благодарнымъ. Тѣмъ больше сочувствія вызываетъ къ себѣ попытка г. Льва Жданова представить въ „исторической хроникѣ“ одну изъ интереснѣйшихъ личностей не только русской, но и всемірной исторіи, которую тщетно пытались объяснить и историки, и психологи, и художники, и даже врачи.

Не пытается объяснить Грознаго и г. Ждановъ, но рисуетъ его такъ, какъ этотъ царь изображается историческими памятниками—противорѣчивымъ и загадочнымъ: „Въ повѣсти моей,—говоритъ авторъ,—я попытался собрать все, что по древнимъ лѣтописямъ достовѣрно извѣстно объ этомъ государѣ,—и пересказалъ въ цѣльномъ видѣ, ни убавляя, ни прибавляя ничего существенно важнаго. Лишь кой-гдѣ, стараясь выяснить связь между событіями,—возсоздавалъ и рисовалъ я не существующія въ древнихъ лѣтописяхъ звенья и картины, какъ самъ ихъ видѣлъ въ своемъ воображеніи“.

Живое изложеніе, умѣлый діалогъ, множество выраженій, взятыхъ изъ старинныхъ памятниковъ,—все это дѣлаетъ хронику г. Жданова произведеніемъ занимательнымъ и полнымъ историческаго интереса.—Евг. Л.

X.

— Мелкая земская единица въ 1902—1903 г.г. Сборникъ статей, вып. II. Спб. 1903.

Когда появился первый выпускъ этого „Сборника“, мы дали ему уже тогда оцѣнку, указавъ на общественное значеніе какъ книги, такъ и вопроса, въ ней трактуемаго. Мы подчеркивали то обстоятельство, что вопросъ о мелкой земской единицѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ наиболѣе общими проблемами русской дѣйствительности, и что обсужденіе, повидимому, спеціальнаго земскаго вопроса должно оказаться крайне плодотворнымъ для постановки кардинальныхъ вопросовъ управленія, такъ сильно занимающихъ общественное мнѣніе [1]). Повидимому, публика такъ и поняла значеніе этого сборника. Изданіе разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ, потребовалось второе, одновременно съ которымъ вышелъ и второй выпускъ „Сборника“. Если первый выпускъ представляетъ больше всего матеріала для теоретическаго обоснованія вопроса и для ознакомленія съ однороднымъ типомъ общественной организаціи на Западѣ, то второй выпускъ носитъ болѣе спеціальный практическій характеръ. Общая часть второго выпуска ограничивается только статьею Гр. Шрейдера: „Мелкая земская единица

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1903 г., январь, „Литературное Обозрѣніе“.

въ условіяхъ русской жизни" [1]). Авторъ подробно обосновываетъ главныя черты проектируемой организаціи и, между прочимъ, выясняетъ политическо-воспитательное значеніе новаго органа самоуправленія. Исходя изъ положенія покойнаго А. Д. Градовскаго, что „понятіе самоуправленія есть понятіе прежде всего политическое и что оно является средствомъ не только лучшаго разрѣшенія извѣстныхъ задачъ управленія, но и преображенія общаго типа государства сообразно новымъ потребностямъ", авторъ считаетъ крайне важнымъ внесеніе принципа всесословнаго самоуправленія въ видѣ земской единицы въ деревню, „рискующую въ противномъ случаѣ окончательно задохнуться въ непроглядной тьмѣ своего сословно-бюрократическаго строя"... „Съ введеніемъ мелкой земской единицы привлеченный къ тѣсному общенію съ другими классами населенія, получивъ возможность самодѣятельности въ сферѣ заботъ о мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ и интересахъ, поставленный неизбѣжнымъ ходомъ вещей въ необходимость вести борьбу за эти интересы, которая по самому существу можетъ облекаться только въ форму спора или борьбы за право, вынужденный, благодаря этому, задумываться надъ вопросомъ о тѣхъ болѣе широкихъ и общихъ условіяхъ, которыя бы гарантировали ему побѣду права, слѣдовательно, смотрѣть гораздо дальше непосредственныхъ интересовъ своей колокольни,—нашъ сельскій обыватель быстро выростетъ въ гражданина... Его печальное правовое положеніе этому не помѣшаетъ и помѣшать не можетъ. Наоборотъ, мы рѣшаемся думать, что именно мелкая земская единица неотвратимо, такъ сказать, роковымъ образомъ приведетъ къ скорѣйшему и лучшему удовлетворенію правовыхъ нуждъ деревни". Это произойдетъ, по мнѣнію автора, въ силу сознанія массами того нагляднаго конкретнаго противорѣчія, которое неизбѣжно получится между полноправнымъ участіемъ крестьянства въ мелкой земской единицѣ, съ одной стороны, и полнѣйшимъ безправіемъ его съ другой.

Большую часть второго выпуска занимаетъ статья С. Блеклова: „Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земскихъ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности и общественныхъ собраніяхъ за 1902 г. и начало 1903 г.". Работа г. Блеклова составляетъ какъ бы продолженіе статьи Бажаева, помѣщенной въ первомъ выпускѣ, и содержитъ весьма обильный матеріалъ, систематически разработанный и весьма удобный для ознакомленія съ положеніемъ вопроса въ земской средѣ. Собранныя г. Блекловымъ данныя касаются 200 земствъ (27 губернскихъ и 173 уѣздныхъ) и 150 комитетовъ

---

[1]) Статья эта въ первомъ изданіи „Сборника" была напечатана въ значительно сокращенномъ видѣ.

(25 губернскихъ и 125 уѣздныхъ) и представляютъ сводъ мнѣній дѣятелей и органовъ самоуправленія по вопросу о новой организаціи, имѣющій большую практическую цѣнность. Въ первыхъ главахъ своего изслѣдованія г. Блекловъ дѣлаетъ общій обзоръ дѣятельности въ этомъ вопросѣ земствъ и комитетовъ. Большинство изъ нихъ высказывалось весьма сочувственно къ общимъ положеніямъ, установленнымъ московскимъ агрономическимъ съѣздомъ, и продолжало разработку ихъ въ томъ же направленіи. Подробные проекты выработали немногія земства (суджанское, щигровское и др.), и они легли въ основаніе подробнаго своднаго проекта организаціи мелкой земской единицы, составленнаго для сборника І. В. Гессеномъ и могущаго служить образцомъ при чисто практическихъ работахъ органовъ самоуправленія. Въ сборникѣ имѣется еще статья М. Ипполитова, содержащая въ себѣ сводъ мнѣній, высказанныхъ о мелкой земской единицѣ за разсматриваемый періодъ въ литературѣ. Здѣсь дана характеристика общихъ направленій, причемъ наиболѣе подробно представлены тѣ теченія, которыя слабо отражались въ земской средѣ. Таковы проекты и предположенія реакціонной печати по вопросу о приходѣ, какъ первой ячейкѣ мѣстнаго управленія. Ко второму выпуску „Сборника" приложенъ указъ сената о предѣлахъ компетенціи земства въ обсужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ. Сенатъ, какъ извѣстно, рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, но для этого потребовался срокъ почти въ три года. Рязанскій губернаторъ пріостановилъ постановленіе губернскаго земства, поручавшее управѣ выработать соотвѣтствующее ходатайство объ устройствѣ мелкой единицы въ 1899 г.; тогда же была принесена жалоба въ сенатъ, указъ котораго въ смыслѣ благопріятномъ для земства послѣдовалъ въ августѣ 1903 года.

Считаемъ нужнымъ здѣсь же отмѣтить и появленіе второго изданія перваго выпуска, дополненнаго статьями Вл. Гессена о мелкой земской единицѣ въ Кахановской коммиссіи и проф. Сольнердаля объ устройствѣ низшихъ органовъ самоуправленія въ Норвегіи.—М. Г-анъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Апраксинъ, А. Д.—Тернистый путь. Ром. въ 2 ч. Посвящается братьямъ-писателямъ. Спб. 904. Ц. 2 р.

——— Кто успѣваетъ. Романъ. Посвящается современнымъ успѣвателямъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Барышниковъ, Н.—Нѣсколько цифръ о дѣятельности олонецкаго губернскаго земства за истекшее 30-лѣтіе (1867—1902 г.г.). Петрозав. 903.

Березовскій, В. В.—Дни и Ночи. Разсказы.

Берендтсъ, Э. Н., проф.—Лекціи по административному праву В. Кн. Финляндскаго, читан. въ Спб. Унив. въ 1901—902 учебн. году. Т. I и II. Главные органы въ Финляндіи. Спб. 903. Ц. 5 р. за два тома.

Бодри де Сонье, Л.—Автомобиль. Принципы его дѣйствія. Правила ухода и ремонта. Перев. и дополн. инж.-техн. Л. Идельсонъ. Спб. 904.

Бретъ-Гартъ.—Степной найденышъ. Перев. Б. Н. М. 902. Ц. 60 к.

Булыгинъ, П.—Повѣсти и очерки. Т. II. Ц. 1 р.

Бургеръ, А., вр.—Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Спб. 904. Ц. 30 к.

Бялоблоцкій, И.—Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренб. 903.

Бѣловъ, В. Д.—А. К. Алчевскій (1835—1901). Съ предислов. Л. Снегирева. М. 904.

Васильевскій, Н. П.—Санитарное положеніе г. Одессы и дѣятельность одесской врачебно-санитарной организаціи въ 1902 году. Од. 903.

Веберъ, В.—Шемахинское землетрясеніе 31 января 1902 г. Съ 2 табл. и картой. Спб. 903.

Воейкова, В. Н.—Воспоминанія. Спб. 903.

Волынскій, А. Л.—„Книга великаго гнѣва". Критическія статьи.—Замѣтки.—Полемика. Спб. 904. Ц. 3 р.

Волконскій, кн., Н. С.—Дѣятельность Д. Д. Дашкова по народному образованію въ рязанскомъ земствѣ и его Докладъ Рязан. Губ. Зем. Собранію за 1869—1876 г.г., съ приложеніемъ статьи Дашкова: „Дворянство и народъ". Ряз. 903.

Вольфсонъ, Д.—Сибирскія воскресныя школы. Томскъ. 903. Ц. 1 р.

Галина, Г.—Сказки. Спб. 904. Ц. 2 р. 25 к.

Гатлихъ, Ал. — Начатки геометріи. Составл. по Кэру (Kehr). М. 903. Ц. 75 к.

Герье, В.—Введеніе въ исторію революціи 1789 года. Идея народовластія и французская революція 1789 года. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Голиковъ, Влад.—Разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

Данько, Николай.—Типы студентовъ. Этюды. Вып. I. Спб. 904. Ц. 25 к.

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристика Брайса. Спб. 904. Ц. 60 к.

——— Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX в. Характеристика Брайса: Лордъ Биконфильдъ. — Гладстонъ.—Парнель.—Грипъ.—Фримонъ.—Лордъ Актонъ. Спб. 904. Ц. 60 к.

Дигамма.—Зло всей прессы. Газетное ростовщичество, обираніе трудящейся бѣдноты и скрытое взяточничество. Спб. 904. Ц. 20 к.

Диль, Ш., проф. Сорбонны.—Очерки изъ культурной исторіи Византіи. Перев. и предисл. Г. Васькова. Харьк. 903.

Доленга, А.—Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли. М. 903. Ц. 4 р.

Дондуковъ-Корсаковъ, кн. А. М.—Изъ воспоминаній. Спб. 903.

Елистратовъ, А. И., и *Завадскій*, А. В.—Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній (опыты А. Бинэ и В. Штерна). Каз. 903.

Залѣсскій, В. Ф.—Исторія преподаванія философіи права въ Казан. университетѣ въ связи съ важнѣйшими данными внѣшней исторіи юридич. факультета. Каз. 903. Ц. 3 р.

Ивановъ, П.—Студенты въ Москвѣ. Бытъ—Нравы—Типы. Очерки. Изд. 2-е, доп. М. 903. Ц. 1 р.

Игумновъ, С. К.—Школы Верейскаго уѣзда Московской губерніи въ санитарномъ отношеніи въ 1901 г. М. 902.

——— Школы Звенигородскаго уѣзда Москов. губ., въ санитарномъ отношеніи въ 1901—1903 г.г. Гжатскъ. 903.

Карцовъ, А. С.—Промышленное огородничество на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа. Съ 10 рис. Спб. 904. Ц. 30 к.

Клеменцъ, Н.—Грусть и Смѣхъ. Стихотворенія лирич., юмористич. и пр. 1901—1903. М. 904. Ц. 1 р. 20 к.

Ковалевскій, М. М.—Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. III. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И.—Собраніе сочиненій: Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. вторая: т.т. IV, V и VI. Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII ст. Изд. Литературнаго фонда. Спб. 904. Стр. 672. Цѣна 4 р.

Крижъ, В. О.—Церковно-славянская азбука. Матеріалъ для чтенія и заучиванія наизусть. М. 902. Ц. 8 к.

——— Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ. М. 904. Ц. 10 к.

——— Азбука для сельскихъ школъ, русская и ц.-славянская. М. 904. Цѣна 25 к.

Кузнецовъ, Н. И.—Систематическій сводъ указовъ Правит. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. II: 1899—1903 г.г. Ворон. 903.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Спб. 904. Ц. 40 к.

Лейкинъ, Н. А.—Апраксинцы. Сцены и очерки изъ быта и нравовъ петербургскихъ рыночныхъ торговцевъ и ихъ приказчиковъ полвѣка тому назадъ. Изд. 4-ое. Спб. 904. Ц. 60 к.

Лемке, Мих.—Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX-го столѣтія. Съ 19 портр. и 81 каррикатурой. Спб. 904. Ц. 3 р.

Луговой, А.—Безумная. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Львовъ, Вл.—Русская Лапландія и русскіе лопари. Географ. и этнограф. очеркъ. М. 903. Ц. 25 к.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Описаніе листа К—8. Спб. 903.

Мижуевъ, П. Г.—Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. Спб. 903. Цѣна 25 к.

Мокржецкій, С. А.—Отчетъ о дѣятельности губернскаго земства за 1903 годъ. Симф. 903.

Морозевичъ, І.—О нѣкоторыхъ жильныхъ породахъ Таганрогскаго округа. Спб. 903.

Метерлинкъ, М.—Жуазель. Пьеса въ 5 д. Съ франц. М. Марикъ и В. Попова. М. 904. Ц. 60 к.

Озеровъ, И. Х., проф.—Изъ жизни труда. Сборникъ статей. Вып. 1: Статьи по рабочему вопросу. М. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Ончуковъ, Н. Е.—Новыя былины изъ записей на Печорѣ. Спб. 903.

Оппенгеймъ, А. Н.—О ежедневномъ вывозѣ кухонныхъ отбросовъ посредствомъ герметически закрывающихся баковъ, или въ особо устроенныхъ желѣзныхъ герметическихъ фургонахъ. Спб. 903.

——— Краткій очеркъ современнаго состоянія городского санитарнаго дѣла въ С.-Петербургѣ. Спб. 903.

Рапопортъ, С.—Дѣловая Англія. М. 903. Ц. 1 р.

Рабо, Ш.—Огненная земля. По Отто Норденшильду. Съ франц. Н. Н. Южакова, п. р. Д. А. Коропчевскаго. Съ 18 рис. и картою. Спб. 904.

Рёскинъ, Дж.—Законъ Фіезоло. Полный переводъ, п. р. Л. П. Никифорова. М. 904.

——— Орлиное гнѣздо. 10 лекцій объ отношеніи естествознанія къ искусству. Перев. Л. П. Никифорова. М. 904.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ 5 нѣм. изд. Б. Юргенсона, п. р. Ю. Энгеля. Вып. XV. М. 904. Подп. ц. 6 р.

Розеггеръ, П.—Когда я былъ еще пастушкомъ. Съ нѣм. А. С. Фридеманъ, п. р. О. Н. Поповой. Спб. 904. Ц. 60 к.

Повалишинъ, А.—Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губерніи въ XIX столѣтіи. Изд. п. р. С. Яхонтова. Ряз. 903.

Погорѣлко, А. К.—Городское благоустройство. Докладъ Харьковской Городской Думѣ Городского Головы А. К. Погорѣлко, по поводу выставки въ Дрезденѣ. Вып. 1-й. Харьк. 903.

Пругавинъ, А. С.—Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Вып. 1-й и 2-й. Спб. 904. Ц. 1 р.

Пуанкаре, Анри.—Наука и Гипотеза. Перев. съ франц. А. Бачинскаго, Н. Соловьева и Р. Соловьева. Съ портр. и предислов. проф. Н. Умова. М. 904.

Пѣшехоновъ, А. В.—На очередныя тэмы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Сенитовъ, Николай. — Новыя усовершенствованія въ области элементовъ Эвклида. Необходимыя присовокупленія ко всѣмъ учебникамъ начальной геометріи. Вып. I. М. 904. Ц. 35 к.

Сикорскій, И. А.—Опытъ объективнаго изслѣдованія состояній чувства. Съ 19-ью табл. Кіевъ. 903. Ц. 75 к.

Скворцовъ, Ир. — Первый Египетскій Медицинскій Конгрессъ и международныя санитарныя мѣры. Древній и новый Египетъ. Спб. 903.

Скальковскій, К.—Новая книга. Публицистика. Экономическіе вопросы. Путевыя впечатлѣнія. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Соболевъ, М. Н.—Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики и географіи Россіи, сравнительно съ иностранными государствами. 3-ье изд. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Соколовъ, Н. М.—Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 903. Цѣна 2 р.

——— Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 904. Ц. 2 р.

——— Русскіе святые и русская интеллигенція. Опытъ сравнительной характеристики. Спб. 904. Ц. 50 к.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. — Собраніе сочиненій въ 8 томахъ. Т. VII: 1894—1897 г.г. Т. VIII: 1897—1900 г.г. Спб. 904. Ц. 12 руб., безъ пер.

Страховскій, Ив.—Крестьянскія права и учрежденія. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Струговщиковъ, М. А.—Фаустъ. Фантастическая трагедія Вольфганга Гёте, приноровленная для сцены. Въ 5 актахъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Стрѣльцовъ, П.—О высшемъ учебномъ заведеніи въ С.-Западномъ краѣ. Очеркъ. Витебскъ. 903. Ц. 30 к.

Сѣверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).—Трудящіеся—Повѣсти. Спб. 903. Ц. 1 р.

——— Онѣ. Новеллы. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Тарле, Е. В.—Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Съ портретами. Спб. 903. Ц. 2 р.

Тезяковъ, Н. И., д-ръ. — Лечебно-продовольственные пункты на рынкахъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губерніи. Сарат. 903.

Толстой, Л. Н., гр. — Смерть Ивана Ильича. Съ 10 отдѣльн. рис. акад. Бурова. М. 904. Ц. 80 к.

Треплевъ. — Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ. М. 904. Ц. 30 к.

——— Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко. М. 904. Ц. 40 к.

Трубецкой, кн., Евг. — Философія Ницше. М. 904. Ц. 1 р. 20 к.

Турцевичъ, Ив. — Orbis in Urbe. Центры и общества земляковъ и иновѣрцевъ въ императорскомъ Римѣ I—III вѣковъ. Нѣж. 902.

Ульянинскій, Д. В. — Среди книгъ и ихъ друзей. Ч. I. Изъ воспоминаній и замѣтокъ Библіофила. Русскія книжныя росписи XVIII вѣка. М. 903.

Ф. Г. — Отбываніе евреями воинской повинности. Спб. 903.

Хомяковъ, М. М. — Къ вопросу о психологіи свидѣтеля. Каз. 903.

Худекова, Н. А. — Разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

Чулковъ, Г. — Кремнистый путь. М. 904. Ц. 1 р.

Шульце, Э., д-ръ. — Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни. Съ нѣм. Самуйленко, п. р. Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго. М. 903. Ц. 2 р.

Якимовъ, Вас. — Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Янжулъ, И. И. — Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

——— Екат. — Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. 2-е измѣн. и дополн. изданіе. Спб. 904. Ц. 2 р.

Эберсъ, Георгъ. — Человѣкъ бо есть, романъ. Съ нѣм. Д. И. Катлеръ. Спб. 904. Ц. 60 к.

Kostyleff, Nicolas. — Esquisse d'une évolution dans l'histoire de la Philosophie. Par. 903. 2 fr. 50 cent.

— Борьба съ жилищной нуждой. Спб. 903.

— Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Амер. Соедин. Штатахъ. Т. I: Предисловіе проф. Ю. Гамбарова; Австрія, П. Звѣздича; Англія, Д. Сатурина; Бельгія, Ю. Стоклова. П. р. Г. Смирнова. 16 портретовъ и 4 рис. Спб. 904. Въ 4-хъ том., по подп. 6 р. 50 к. съ дост.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. Директора Института А. Позднѣева. Т. V, VI и VII. 1902—03 академическій годъ. Владив. 903.

— Литературно-художественный сборникъ. Стихотворенія студентовъ Имп. Спб. университета подъ ред. Б. В. Никольскаго, и рисунки академистовъ Имп. Академіи художествъ, подъ ред. И. Е. Рѣпина. Спб. 903. Стр. XXI+268. Цѣна 2 р.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898 — 1900 г.г. Т. I: Поселенныя таблицы. Вып. I. М. 903.

— Отчетъ и программы городскихъ профессіональныхъ школъ и рукодѣльныхъ классовъ. М. 903.

— Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по составленію коллекціи тѣневыхъ картинъ за 1902 г. М. 903.

— Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

— Разъясненіе Харьковской Думѣ городского головы, по поводу нарека-

ній на городское управленіе, высказанныхъ въ Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Харьк. 903.

— Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ, съ 9 рис. Для школъ и домашняго чтенія. Спб. 904. Ц. 50 к.

— Серія сочиненій по всемірной географіи, проф. В. Сиверса. Африка, проф. Ф. Гана. Перев. съ 2-го изд. Д. А. Коропчевскаго. 200 иллюстр., 11 картъ и 21 хромолитографія, геліогравюры и черныя картины. 15 выпусковъ по 50 коп. Спб. 902—903.

— Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 1902 годъ. Ор. 903.

— Страховой Сборникъ Новгородскаго губернскаго земства. Новг. 904.

— Юбилейный Сборникъ врачей Имп. Кіев. Университета Св. Владиміра, выпуска 1878 года (1878—1903). Составл. п. р. Ѳ. Рындевскаго и И. Троицкаго. Кіевъ, 903.

ЗАМѢТКА.

По поводу выставки „Дѣтскій міръ".

Задолго до открытія выставки „Дѣтскій міръ" много уже говорили о ней. Вопросъ о воспитаніи и образованіи у насъ модный, или правильнѣе—наболѣвшій. Матери и отцы, учителя и наставники въ эту переходную эпоху, когда идетъ разработка и переработка самыхъ коренныхъ жизненныхъ основъ воспитанія и образованія будущаго поколѣнія человѣчества, съ нетерпѣніемъ ждали компетентнаго слова науки, которая должна была принести свои результаты съ разныхъ концовъ цивилизованнаго міра. Поэтому вполнѣ понятно то нетерпѣніе, съ которымъ кинулась масса публики въ залитыя электричествомъ залы Таврическаго дворца. Выставка по программѣ своей обѣщала дать много интереснаго, новаго, такъ называемыхъ „послѣднихъ словъ" гигіены, школьнаго дѣла, наблюденій надъ соціальнымъ положеніемъ дѣтей и тому подобныхъ цѣнныхъ и интересныхъ нитей для созданія болѣе гармоничнаго существа, облеченнаго въ человѣческій образъ. Въ виду всего этого интересно взглянуть, какъ устроители такого серьезнаго дѣла, какъ выставка „Дѣтскій міръ", выполнили свою задачу. Начнемъ съ помѣщенія. Не построенный для выставокъ, Таврическій дворецъ на своемъ вѣку видалъ лучшіе дни; несмотря на это, три главные зала и рядъ боковыхъ комнатъ уже не въ первый разъ прекрасно справились съ своей задачей и вмѣстили— хотя и не весь—громадный выставочный матеріалъ. Правда, мѣста на этотъ разъ не хватило для такихъ отдѣловъ, которые должны были быть представлены прежде всего и лучше всего на выставкѣ, носящей названіе „Дѣтскій міръ". Такъ, петербургскія школы размѣстились въ холодной дощатой пристройкѣ, сооруженной въ видѣ временнаго балагана. Виновато въ этомъ управленіе г. Петербурга, медлившее со своимъ рѣшеніемъ до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣста были проданы торговымъ фирмамъ и розданы различнымъ учрежденіямъ. Администрація выставки, преслѣдовавшая коммерческія цѣли (чистый сборъ поступитъ на благотворительныя учрежденія), была поставлена въ необходимость скорѣе распродать мѣста по высокой цѣнѣ; поэтому лучшія мѣста на выставкѣ,—напр., главный залъ—заняты не наукой, а отданы торговымъ фирмамъ. Въ результатѣ первое впечатлѣніе отъ

выставки—впечатлѣніе суматохи и базара. Изъ разныхъ концовъ главнаго зала несутся страстные романсы, издаваемые шипящимъ граммофономъ, шаблонные звуки піаноло и всевозможные другіе звуки, подходящіе для ярмарочно настроенной толпы. Было бы, впрочемъ, ошибочно судить о выставкѣ по первой, главной комнатѣ, занятой русскими экспонатами. Здѣсь не встрѣтите ни науки, ни искусства, а только Гостиный дворъ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Другой конецъ этого главнаго помѣщенія занятъ дѣтскимъ театромъ, хотя не всѣ развлеченія можно назвать дѣтскими. Дѣтская труппа справляется съ своей задачей хорошо, но безусловно непріятное впечатлѣніе производятъ исполняемые ею „характерные“ танцы: характеръ ихъ далеко не дѣтскій. Любимый дѣтьми „Петрушка“ не облагородился въ залахъ Таврическаго дворца. Исполненіе парижскаго гастролера, правда, хорошо, но сюжеты не далеко ушли отъ разыгрываемыхъ на Пасхѣ въ любомъ изъ нашихъ захолустныхъ городковъ на Мясныхъ, Щепныхъ или т. п. площадяхъ. Комнаты по бокамъ главнаго зала заняты съ одной стороны гигіеническимъ отдѣломъ, экспонируемымъ И. Военно-Медицинской Академіей (завѣдуетъ отдѣломъ проф. Гундобинъ), съ другой—историческимъ, книгоиздательскимъ (преимущественно дѣтскими книгами) и, наконецъ, учебнымъ. Гигіеническій отдѣлъ, въ которомъ помѣстились также и разныя лечебныя и лечебно-воспитательныя заведенія, поставленъ научно и производитъ хорошее впечатлѣніе, — однако, полноты и здѣсь не видно. Образцовыя грѣлки для недоносковъ, вакцинація, образцы люлекъ, зыбокъ, куколъ и дѣтскаго платья у разныхъ народовъ (этнографическая коллекція Военно-Медицинской Академіи), работы дѣтей изъ различныхъ санаторій для слабоумныхъ и т. п. дѣтей, парты, кроватки и другіе предметы, важные въ жизни всякаго ребенка, разставленные не въ строгомъ порядкѣ, производятъ пестрое впечатлѣніе. Добавимъ, что этнографическая коллекція, попавшая въ этотъ отдѣлъ повидимому случайно, могла бы съ бо́льшимъ правомъ помѣститься въ общемъ этнографическомъ отдѣлѣ, имѣющемся на выставкѣ.

Интересны въ гигіеническомъ отдѣлѣ данныя о смертности дѣтей въ Россійской Имперіи. Въ зависимости отъ неполноты и запоздалости свѣдѣній переписи 1897 года—цифры смертности въ губерніяхъ Европейской Россіи очень гадательны. Общее число дѣтей принято условно въ $^1/_3$ всего населенія. Слишкомъ также общи указанія относительно причинъ этой смертности. Недоѣданіе и болѣзни—главныя указанныя причины; болѣе же глубокая причина—невѣжество массъ — не указана. При взглядѣ даже и на поверхностно-составленную карту становится очевиднымъ, что смертность понижается съ повышеніемъ культурнаго уровня населенія. Стоитъ сравнить смертность въ гу-

берніяхъ царства Польскаго со смертностью въ центральныхъ или, еще лучше, въ плодородныхъ приволжскихъ губерніяхъ (Самарской и Саратовской съ ихъ смертностью—за періодъ 1893—1896—почти въ 60%), чтобы почувствовать всю глубину и значеніе этихъ поучительнымъ цифръ. Еще назидательнѣе сравненіе сосѣднихъ губерній Эстляндской съ столичной Петербургской. Въ первой смертность немного превышаетъ 1/3 рождаемости, во второй она больше 40%. Этотъ факторъ, т.-е. народное невѣжество, слѣдовало подчеркнуть сильнѣе. Относительно смертности дѣтей въ крупныхъ центрахъ далъ свѣдѣнія только Петербургъ въ наскоро составленной таблицѣ. Такіе крупные центры, какъ Москва, Одесса, Варшава, не сообщили ничего, между тѣмъ какъ это могло бы пролить свѣтъ на общую постановку дѣла статистики, гигіены и т. п. въ нашихъ передовыхъ центрахъ культуры. Несмотря на это, отдѣлъ Военно-Медицинской Академіи, особенно гипсовые слѣпки и остеологическіе препараты искривленныхъ позвоночника и конечностей, поучителенъ и интересенъ для всякой матери.

Очень слабъ историческій отдѣлъ. Кромѣ портретовъ императоровъ и великихъ князей въ дѣтствѣ, вы найдете здѣсь нѣсколько куколъ, игрушекъ, относящихся ко второй половинѣ XIX ст., салазки, повозочки и т. п., выпускныя работы кадетъ, отъ которыхъ раньше требовалось изготовленіе изящныхъ бездѣлушекъ, развитіе кадетской формы, серебряныя бездѣлушки и питательные рожки совсѣмъ недавняго прошлаго. Этотъ отдѣлъ, несмотря на большой вкусъ и изящество въ расположеніи экспонатовъ, лишенъ всякой научности и по справедливости можетъ считаться наиболѣе слабымъ; „гвоздемъ“ его слѣдуетъ признать игрушки Петра Великаго и деревяннаго коня Павла I. За историческимъ отдѣломъ тѣснится отдѣлъ книгоиздательскій. Снова торговля. Вездѣ вывѣски крупныхъ фирмъ: Марксъ, „Просвѣщеніе“, „Книжное дѣло“, Клюкинъ, „Просвѣщеніе“ и т. д. Реклама царитъ. Подборъ книгъ интересенъ, но книги, приспособленной и написанной спеціально для выставки, къ сожалѣнію, здѣсь не имѣется. Для желающихъ пріобрѣсти здѣсь дѣтскія книги послѣднее недоступно. Это—большой недостатокъ въ организаціи отдѣла. На ваше желаніе купить ребенку книгу—отвѣчаютъ, что книги будутъ продаваться по закрытіи выставки. Сравнивая подобныя выставки съ заграничными, невольно вспомнишь, что тамъ всегда можно купить книги на выставкѣ, и въ короткое время, не выходя изъ помѣщенія выставки, составить себѣ на мѣстѣ превосходную библіотеку. На желаніе пріобрѣсти тотчасъ или хоть подписаться на новый атласъ Петри и Шокальскаго мы получили отвѣтъ, что необходимо итти на Морскую, въ контору „Нивы“.

Несмотря на общеизвѣстную неприглядность нашего школьнаго дѣла всѣхъ вѣдомствъ, министерствъ и учрежденій, учебный отдѣлъ носитъ очень интересный характеръ. Учрежденія министерства народнаго просвѣщенія (профессіональныя школы), вѣдомство учрежденій императрицы Маріи (школы для глухонѣмыхъ и др.), церковно-приходскія школы—заполнили два помѣстительныхъ зала. Преподаваніе географіи и естествознанія, образцовая сельская библіотека отъ 1 до 100 рублей—съ симпатичнымъ, но неполнымъ подборомъ книгъ для учащаго и учащихся, и другіе экспонаты—дополняютъ картину этого отдѣла. Неумѣстно помѣстилась въ этомъ отдѣлѣ чешская фирма Фрича, изъ Праги, торгующая учебными пособіями по зоологіи. Въ этомъ же помѣщеніи выставлены и наглядныя таблицы по ботаникѣ, географическія карты и т. п.,—все экспонаты Швеціи. Американскій отдѣлъ—или вѣрнѣе рядъ несвязныхъ фотографій—не представляетъ вовсе интереса. Рядомъ съ учебнымъ отдѣломъ расположены рамки съ діапозитивами для волшебнаго фонаря. Работа и сюжеты шаблонны и не отличаются высокой техникой и тщательнымъ выборомъ. Хороши иллюстраціи къ сказкѣ „Золотая рыбка".—Остальные отдѣлы, предназначенные нарисовать картину жизни русскаго ребенка, еще менѣе удачны. Всѣ они помѣстились въ вышеупомянутой пристройкѣ. Издѣлія кустарей, работающихъ въ земскихъ школахъ московской губерніи, въ посадской школѣ при Троице-Сергіевой лаврѣ (игрушки и рѣзьба по дереву) помѣстились у входа.—Интереснѣе отдѣлы школъ г. Петербурга, хотя они и затиснуты въ такіе темные и тѣсные углы, что стоитъ большого труда, чтобы разобраться и оріентироваться въ этомъ хаосѣ. Почему-то въ этомъ отдѣлѣ счелъ долгомъ помѣститься какой-то портной съ офицерскимъ пальто. Отдавая должное швальному искусству 16-ти-лѣтняго ученика, сшившаго пальто на четвертомъ году своего обученія, мы считаемъ, что пальто этому не мѣсто въ отдѣлѣ школъ г. Петербурга.

Не далеко ушелъ отъ русскаго отдѣла по сбродности матеріала и французскій отдѣлъ. Неизмѣнные шоколадъ, духи—на первомъ мѣстѣ, и только въ слѣдующихъ витринахъ видишь дѣйствительно дѣтскія игрушки, дѣтскую мебель, дѣтскіе книги и учебники, и наконецъ,—фотографіи и таблицы, рисующія постановку больничнаго и воспитательнаго дѣла у нашихъ союзниковъ. Въ общемъ же этотъ отдѣлъ очень слабъ и бѣденъ и не даетъ должнаго понятія о странѣ съ такой высокой культурой, какъ Франція.—Къ нему тѣсно примыкаетъ голландскій, помѣщающійся въ оригинальной комнатѣ XVII ст. Обстановка комнаты очень богатая; выставлено все съ большимъ вкусомъ и производитъ пріятное, но слишкомъ изысканное впечатлѣніе. Болѣе интересенъ бельгійскій отдѣлъ, помѣстившійся въ совершенно незамѣт-

номъ углу. Несмотря на слабое освѣщеніе, произведенія школъ, таблицы пособія и т. д. даютъ хорошее понятіе о постановкѣ школьнаго дѣла въ Бельгіи. При выходѣ изъ этого отдѣла вы съ изумленіемъ останавливаетесь передъ какимъ-то господиномъ, который особенными шпильками дѣлаетъ папильотки на стеклянномъ болванѣ. Изъ разспросовъ узнаете, что это парикмахеръ изъ Берлина, который былъ уже и на костюмной выставкѣ, и которому очень понравилось въ Россіи, — поэтому онъ пріѣхалъ на „дѣтскую" выставку дѣлать дамскія прически. Поблагодаривъ обязательнаго господина за его любезныя разъясненія, вы направляетесь въ самый интересный отдѣлъ выставки—австрійскій.

Правительство Австріи не пожалѣло денегъ и силъ, и отдѣлъ ея — самый полный, цѣльный и художественный во всѣхъ отношеніяхъ. Начиная съ обстановки, которая сама по себѣ образецъ изящества и тонкаго вкуса, съ ея богатыми аллегорическими и жанровыми панὸ, альбомами, картинами и фотографіями, и кончая экспонатами, — здѣсь все заслуживаетъ вниманія и изученія. Постановка больничнаго дѣла (въ таблицахъ, фотографіяхъ, стереоскопахъ, моделяхъ, слѣпкахъ, въ инструментахъ для оспопрививанія и хирургическихъ цѣлей), воспитательное и школьное дѣло для всѣхъ возрастовъ, разныхъ соціальныхъ группъ, и природныхъ способностей ребенка на разныхъ ступеняхъ, начиная съ слабоумныхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и кончая нормальнымъ ребенкомъ—являются главными основными чертами этого отдѣла. Вѣнскія учебныя пособія (зоологія, минералогія, физика, ботаника и т. п.), книги для разныхъ возрастовъ на всѣхъ главныхъ языкахъ многоязычной австрійской монархіи, атласы, рельефы суши, карты, знакомящія насъ съ тѣмъ, какъ въ Австріи понимаютъ такъ много нашумѣвшее у насъ „отечествовѣдѣніе", фотографіи для волшебнаго фонаря, сами фонари, фотографіи школъ и ихъ устройства, — все это выставлено интересно, научно и систематично. Дѣтскіе сады и пріюты дополняютъ общую пріятную картину. И въ этомъ отдѣлѣ есть промышленная часть: выставлены игрушки, наряды, рояли и другіе предметы. Интересна витрина историко-этнографическаго характера. Нельзя не отдать справедливости устроителямъ этого отдѣла,—они составили его очень полно, научно и интересно.

Зная, однако, Австрію, не хочется вѣрить, что все это носитъ и на мѣстѣ такой же блестящій характеръ. Этотъ блескъ можетъ быть справедливъ по отношенію къ Вѣнѣ, но не къ остальной Австріи, раздираемой невѣжествомъ и національной враждою. Невольно при этомъ вспоминается случай дѣтоубійства два года тому назадъ въ

Галиціи. Родители, главнымъ образомъ мать, убили и съѣли, чтобы скрыть слѣды преступленія, свою семи-восьмилѣтнюю дочь!

Симпатичный и простой характеръ носитъ германскій отдѣлъ однако, въ сравненіи съ блестящимъ и полнымъ австрійскимъ, онъ очень бѣденъ, слишкомъ бѣденъ, если вспомнить ту громадную работу, которую совершаетъ нѣмецкая школа для своего народа. Нѣмцы на этотъ разъ поскупились. Въ отдѣлѣ есть превосходныя и поучительныя пособія, ученическія работы (керамическія, рисунки, игрушки) и т. п. Но гдѣ же, спросите вы, книжная Германія, разсылающая по всему земному шару милліоны дѣтскихъ книгъ; неужели это „Уранія", о которой такъ много можетъ сказать всякій, побывавшій въ Берлинѣ? Неужели эта группа добраго аиста и пара восковыхъ фигурокъ—изъ всего берлинскаго Kastan-Panopticum'а съ его тысячами фигуръ? Несмотря на серьезный характеръ всего выставленнаго, оно и здѣсь носитъ отпечатокъ случайности, но смотрится отдѣлъ все-таки съ интересомъ. Германскимъ отдѣломъ заканчиваются иностранныя государства. Направляясь къ выходу, вы проходите черезъ такъ называемый круглый залъ, въ центрѣ котораго возвышается массивная „образцовая комната". Послѣдняя состоитъ изъ четыреугольнаго дома, разбитаго перекрещивающимися перегородками на четыре комнаты. Въ первой представлена образцовая классная, освѣщенная разсѣяннымъ свѣтомъ, посылаемымъ 300 свѣчей. Свѣтъ пріятный, но расположеніе партъ не удобно, такъ какъ тѣнь отъ пера руки все время мѣшаетъ пишущему. Образцовая дѣтская и больница очень хороши, дѣтскій садъ Фребелевскаго общества интересенъ, хотя мы и не относимъ себя къ поклонникамъ этой воспитательной системы.

Противъ этого отдѣла по стѣнамъ размѣстился художественный отдѣлъ. Онъ состоитъ изъ дѣтскихъ портретовъ, головокъ и картинъ нашихъ художниковъ, съ сюжетами изъ дѣтской жизни. Мѣсто этого отдѣла, конечно, не здѣсь, да и вдобавокъ онъ очень мало типиченъ и плохо подобранъ. Этнографическій отдѣлъ очень невеликъ и притомъ разбросанъ. Онъ разбитъ по четыремъ угламъ, что сильно портитъ цѣльность впечатлѣнія. Распадается онъ на двѣ части. Первый—ближе къ главному залу—въ 12-ти панò и 16-ти дѣтскихъ фигурахъ изображаетъ рядъ основныхъ моментовъ дѣтской жизни. Различныя стадіи его, начиная съ кормленія матери и кончая вступленіемъ ребенка въ члены общества взрослыхъ, представлены у различныхъ народовъ. Тутъ же въ витринахъ выставлены игрушки и амулеты сѣверныхъ и экваторіальныхъ народовъ (сѣверно-сибирскихъ инородцевъ и центр.-африканскихъ племенъ). У самаго выхода стоятъ двѣ запыленныя витрины, въ которыхъ расположилась остальная часть этнографическихъ коллекцій—самыя примитивныя, затѣмъ болѣе сложныя механическія

игрушки и игры первобытныхъ и культурныхъ народовъ всѣхъ частей свѣта.

Модели и оригиналы люлекъ, носилокъ, стоянокъ, ходунокъ, дѣтское платье и другіе предметы дѣтскаго обихода заполняютъ остальныя части витрины; уголъ витрины занятъ моделями головъ, изуродованныхъ повязками и бинтами у разныхъ народовъ. Далѣе слѣдуетъ манекенъ, представляющій явленіе лопоухости у кавказскихъ племенъ, являющейся послѣдствіемъ ношенія тяжелой папахи. Въ этомъ же отдѣлѣ выставлены рожки, соски, жовки и трубочки для спусканія мочи изъ люлекъ. Другая витрина отведена для Россіи и славянскихъ племенъ Австріи (игры, игрушки, платья, люльки и т. п.). Вдоль боковъ витринъ и надъ ними стоятъ оригиналы люлекъ, ходунокъ и стоянокъ изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, изъ Китая, Германіи, отъ сибирскихъ инородцевъ и изъ другихъ мѣстъ. Обозрѣніемъ этого отдѣла оканчивается осмотръ выставки.

Выставка больше обѣщала, чѣмъ дала. Тѣмъ не менѣе, громадное число посѣтителей, несмотря на нелестные отзывы нѣкоторой части печати, показываетъ, какъ велика въ обществѣ потребность поучиться и узнать, какъ учить и воспитывать ребенка. Родители и воспитатели жаждутъ указаній,—а ихъ на выставкѣ слишкомъ мало. Австрійскій и германскій отдѣлы даютъ, правда, много цѣнныхъ указаній, но русскій отдѣлъ очень бѣденъ ими, между тѣмъ какъ ему-то и слѣдовало стоять во главѣ, имѣя въ виду, что первой и главной цѣлью этой симпатичной затѣи было—служить дѣлу просвѣщенія и лучшей постановки нашей науки о ребенкѣ, затрогивающей области медицины и отдѣлы соціологіи и другихъ научныхъ дисциплинъ. Для достиженія подобнаго успѣха нужно было совершенно отказаться отъ промышленныхъ цѣлей, которыя, какъ всегда, стоятъ здѣсь на первомъ планѣ. Этотъ характеръ повредилъ и сильно уменьшилъ значеніе и цѣнность научнаго матеріала, разбросаннаго и не систематизированнаго. Самъ промышленный отдѣлъ, несмотря на изящество, также страдаетъ безъидейностью. Крайняя роскошь, доступная только очень достаточному городскому населенію, обращаетъ этотъ отдѣлъ въ какой-то великосвѣтскій базаръ. Проходя между его блестящими витринами, можно подумать, что на землѣ нѣтъ бѣдности, голода и холода, а одно только богатство, роскошь и вредный избытокъ всякихъ ненужныхъ вещей. Желая поучать, устроители должны были бы дать въ этомъ направленіи что-нибудь доступное и бѣдному ребенку. Слабо возвысилъ голосъ въ этомъ смыслѣ этнографическій отдѣлъ съ его тряпичными куклами, глиняными свистульками и разными забавами, дорогими маленькому сердечку бѣднаго ребенка нашей деревни,—но этотъ голосъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Показывая разныя „послѣд-

нія“ слова техники, науки, искусства и т. д., слѣдовало также показать и отрицательныя стороны, необходимо было выяснить, почему одно хорошо, а другое плохо. Этими контрастами устроители достигли бы бо́льшаго впечатлѣнія. Прибавимъ, что одинъ изъ такихъ контрастовъ, имѣющійся въ комнатѣ, гдѣ рядомъ съ таблицами дѣтской смертности поставлены образцовыя кроватки и т. п., уже оказалъ свое дѣйствіе. Таблица испугала зрителей.

Закончимъ пожеланіемъ, чтобы устроители будущей выставки „Дѣтскій міръ“, научившись у нашихъ западныхъ сосѣдей, дали полную картину наблюденій надъ жизнью нашего русскаго ребенка.— Б. Ѳ. Адлеръ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Frank Wedekind. „Erdgeist". Drama (Leipzig, A. Langen Verlag).

Молодой нѣмецкій драматургъ, Франкъ Ведекиндъ, превосходитъ писателей натуралистической школы рѣзкостью своихъ изображеній мрачныхъ сторонъ жизни. Но при этомъ онъ не пессимистъ по своему міросозерцанію. Напротивъ того, онъ побѣждаетъ пессимизмъ исканіемъ высшихъ проявленій жизни—въ области чувствъ, инстинктовъ, мыслей и влеченій. Показать жизнь въ такихъ средоточіяхъ борющихся стихійныхъ силъ, чтобы зрѣлище ея вызвало содроганіе своимъ трагизмомъ, а разрушающій всѣ святыни хохотъ—своимъ цинизмомъ,—такова цѣль Ведекинда. Чтобы передать это своё впечатлѣніе отъ жизни, Ведекиндъ изображаетъ разрушительную силу инстинктовъ и страстей, извлекая изъ дѣйствительности все, что въ ней есть дикаго и чудовищнаго—также какъ прекраснаго и безнадежно печальнаго. Животность и героизмъ, торжествующая дерзость и обреченная на жертву чистота, жгучая боль обиды, которую наноситъ жизнь довѣрившимся ей чистымъ натурамъ,—все это представлено Ведекиндомъ въ образахъ, разбивающихъ предѣлы реальной жизненной правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющихъ ничего общаго ни съ романтической идеализаціей страстей, ни съ Ницшеанскимъ сверхчеловѣчествомъ, прославляющимъ побѣдителей жизни. Свою правду, правду „юмориста, возносящагося надъ жизнью", какъ онъ самъ себя называетъ въ одной изъ своихъ пьесъ, Ведекиндъ воплощаетъ въ комедіяхъ и драмахъ, поражающихъ своей новизной. Все въ нихъ неожиданно—и фабула, и характеры дѣйствующихъ лицъ, и напряженность дѣйствія, и особенности діалога.

Ведекиндъ рисуетъ жизнь людей, живущихъ внѣ нормы, попирающихъ законы во имя яркаго проявленія всѣхъ силъ, таящихся въ человѣкѣ. Все это—„люди наслажденія" (Genussmenschen); но, разрушая все на своемъ пути, они видятъ зло во всей его обнаженности,—и кара ихъ—въ ихъ силѣ. Они не гибнутъ отъ надвигающагося на нихъ ужаса, а освобождаются отъ него хохотомъ и возвращаются къ жизни послѣ катастрофъ. Ведекиндъ вѣритъ въ торжествующую силу жизни, сказывающуюся и въ паденіяхъ, и въ примиреніи со зломъ.

Герои Ведекинда—люди съ темнымъ или трагическимъ прошлымъ, которые покоряютъ своей власти всѣхъ, кто къ нимъ приближается.

Ведекиндъ знаетъ жизнь со стороны неожиданностей и возможностей, которыя она представляетъ для людей съ обостренной жизненной силой, предпріимчивыхъ и презирающихъ все условное. Онъ еще молодъ; въ литературѣ онъ выступилъ всего лѣтъ пять-шесть тому назадъ, но жизнь его съ внѣшней стороны была очень пестрой. Онъ—уроженецъ нѣмецкой Швейцаріи, юность провелъ въ Америкѣ, потомъ, вернувшись въ Германію, въ Мюнхенъ, былъ актеромъ, выступалъ на сценѣ и въ такъ называемыхъ „Ueber-Brettl", причемъ тонкая иронія его пѣсенъ была совершенно недоступна публикѣ, и успѣха онъ не имѣлъ. Онъ разсказывалъ въ своихъ пѣсняхъ трагическія событія или, вѣрнѣе, завершенныя драмы жизни безпечнымъ тономъ ребенка, который видитъ во всемъ только интересное зрѣлище, и не вникаетъ въ трагическій смыслъ происходящаго на его глазахъ. Но онъ такъ искусно бралъ этотъ тонъ, соотвѣтствующій трагическому юмору всѣхъ его произведеній, что слушатели усматривали въ его стихахъ только желаніе произвести комическій эффектъ. Это непониманіе скрытаго трагизма, который часто кажется людямъ только смѣшнымъ, послужило Ведекинду мотивомъ для одной изъ его мучительныхъ трагикомедій—„Такова жизнь". Своимъ юморомъ Ведекиндъ пользуется не только въ литературѣ, но и въ жизни, находчиво выпутываясь изъ разныхъ трудностей и опасностей. Такъ, напримѣръ, будучи обвиненъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ „оскорбленіи величества", онъ очень ловко спасся отъ преслѣдованія. Его пришли арестовать въ театръ, во время представленія, въ которомъ онъ участвовалъ. Онъ попросилъ позволенія доиграть свою роль, и это ему разрѣшили, причемъ полиція заняла всѣ выходы. Но, послѣ окончанія спектакля, Ведекиндъ прошелъ въ уборную, загримировался директоромъ и спокойно вышелъ изъ театра на глазахъ у полиціи. Онъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ въ Швейцарію, гдѣ жилъ, пока не былъ помилованъ. Этотъ и подобные случаи характерны для Ведекинда, который и въ герояхъ своихъ драмъ рисуетъ людей, умѣющихъ обращать въ свою пользу всѣ обстоятельства жизни.

Герои и героини Ведекинда становятся для окружающихъ стихійной, разрушительной силой и вызываютъ къ жизни все, что въ душахъ есть наиболѣе страстнаго, наиболѣе порочнаго, а также беззавѣтно нѣжнаго и героическаго; ихъ значеніе—въ томъ, что они поднимаютъ тонъ жизни, нарушаютъ сѣрую безмятежность. Подъ ихъ вліяніемъ всѣ проявляютъ свою природу—рычатъ по звѣриному, если они звѣри, безропотно и нѣжно страдаютъ и умираютъ, если души ихъ прекрасны. Сами эти люди, будящіе жизнь вокругъ себя, представлены у Ведекинда выходящими изъ рамокъ дѣйствительности, символичными въ напряженности свѣтлыхъ и темныхъ силъ. Въ нихъ

неизвѣстно, гдѣ кончается ангелъ и гдѣ начинается дьяволъ,—какъ сказано въ одной изъ драмъ про героиню. Въ нихъ доведено до крайнихъ предѣловъ то, чѣмъ въ большей или меньшей мѣрѣ надѣлены всѣ люди. Типъ стихійнаго человѣка, созданія на границѣ между ангельскимъ и дьявольскимъ, быть можетъ жаждущаго добра, но несомнѣнно творящаго зло, стоитъ въ центрѣ лучшихъ произведеній Ведекинда. Онъ даетъ три воплощенія его—въ образѣ порочной женщины, манящей всѣхъ своей способностью безконечно мѣняться въ угоду тѣмъ, кого она завлекаетъ въ свои губительныя сѣти (драма „Духъ земли"); затѣмъ — въ образѣ авантюриста, проповѣдующаго „культъ наслажденія" на погибель и чистымъ, и падшимъ душамъ (драма „Маркизъ фонъ-Кейтъ"), и, наконецъ, въ трагическомъ образѣ юноши шестнадцати лѣтъ съ высоко настроенной душой и проснувшейся жаждой земныхъ радостей („Пробужденіе весны"—дѣтская трагедія).

Наиболѣе близка къ землѣ героиня первой изъ трехъ драмъ—Лулу. По внѣшнему облику это—обыкновенная порочная женщина, которая остается тѣмъ, чѣмъ она была въ юности,—„продавщицей цвѣтовъ и любви" на бульварахъ,—и во время всѣхъ дальнѣйшихъ метаморфозъ ея жизни. Но этотъ типъ углубленъ авторомъ. Лулу—стихія порочности, засасывающая сила, которая влечетъ въ бездну всѣхъ, кто къ ней приближается. У нея нѣтъ ясно выраженной индивидуальности; она такова, какой ее хотятъ видѣть ея обладатели—они же и ея жертвы. Никто не знаетъ, что̀ она такое, и всякій перевоплощаетъ ее въ новый образъ, даже даетъ ей новое имя. Она покорна каждому новому повелителю, исполняетъ то, что̀ отъ нея требуютъ, потому что ей все равно, чѣмъ бы ни казаться,—ея сила равна себѣ подъ всѣми масками, и тѣмъ болѣе разрушительна, чѣмъ неожиданнѣе она проявляется. Ее знаетъ и понимаетъ только одинъ человѣкъ—тотъ, который подобралъ ее на улицѣ и захотѣлъ побѣдить таящуюся въ ней чувственность и жестокость, дать восторжествовать свѣтлой силѣ, потому что онъ знаетъ, что въ ней сплетается „ангельское съ дьявольскимъ". Но именно противъ этого спасителя и врага ополчается „духъ земли", составляющій силу Лулу. Пригрѣтая журналистомъ Шеномъ, помѣщенная имъ въ упорядоченную нормальную обстановку, Лулу сразу вступаетъ въ борьбу съ нимъ. Ей кажется, что она любитъ уже очень немолодого Шена, отца подростающаго сына,—на самомъ же дѣлѣ въ ней возстаетъ темная сила противъ чужой воли, влекущей ее къ свѣту. Шенъ сначала поддается соблазнамъ Лулу. Овдовѣвъ, онъ не женится на Лулу и, чтобы оборвать мучительную для него связь съ нею, выдаетъ ее замужъ за богатаго старика-профессора. Это—первая метаморфоза Лулу изъ уличной продав-

щицы въ даму изъ общества. Для своего мужа она становится тѣмъ, что онъ хочетъ видѣть въ ней. Ея настоящее имя забыто. Она—безотвѣтная Нелли, исполняющая капризы своего стараго мужа. Онъ держитъ ее взаперти, заставляетъ ее танцовать для своего развлеченія и не отпускаетъ ее отъ себя никуда. Она его боится, потому что онъ ее бьетъ, но слушается его, мстя ему тайными измѣнами; связь ея съ Шеномъ продолжается, хотя онъ всячески старается освободиться отъ своего влеченія къ Лулу и собирается жениться на любящей его чистой дѣвушкѣ. Старикъ-мужъ—жертва своей страсти къ прекрасному „духу земли". Онъ приводитъ Нелли къ художнику, которому заказалъ ея портретъ, присутствуетъ всегда на сеансахъ; но разъ онъ отлучается на короткое время, чтобы пойти на репетицію балета—танцы и танцовщицы—единственное развлеченіе старика—и, возвращаясь, застаетъ свою жену въ объятіяхъ художника, который казался ему чудакомъ, равнодушнымъ къ радостямъ жизни. Старикъ не выдерживаетъ охватившаго его бѣшенства и умираетъ отъ удара тутъ же, въ мастерской. Лулу чувствуетъ только физическій страхъ передъ мертвецомъ, боится закрыть ему сама глаза, и заставляетъ художника сдѣлать это за нее. Затѣмъ она продолжаетъ завлекать художника въ свои сѣти, и въ слѣдующемъ актѣ она уже жена художника Шварца. Онъ видитъ въ ней нѣчто совершенно другое, чѣмъ порочный старикъ. Она для него—чистая Ева, еще никогда не любившая до того, какъ онъ ее встрѣтилъ, и онъ считаетъ, что отнынѣ задача его жизни—заботиться о счастіи истрадавшейся въ своемъ печальномъ первомъ бракѣ молодой, еще не жившей женщины. Ему она принесла счастье. Изъ никому невѣдомаго голодающаго художника онъ становится знаменитостью, заваленъ заказами, живетъ въ роскоши, благодаря огромному наслѣдству Лулу отъ перваго мужа, и главное, счастливъ любовью своей Евы, въ чистоту которой онъ безгранично вѣритъ. Она покорна и второму мужу,—„откликается", какъ сама говоритъ, разсказывая о своей жизни, на имя Евы, рада, что ей уже не нужно танцовать, какъ при жизни старика-профессора; теперь ея сытая, праздная и посвященная только чувственности жизнь стала, по ея же выраженію, жизнью животнаго—„очень красиваго", какъ прибавляетъ ея собесѣдникъ. Но жить въ атмосферѣ этого „прекраснаго животнаго"—пагубно, и второй мужъ Лулу становится ея жертвой, какъ и первый. Жизнь его загорѣлась и обострилась на минуту съ тѣмъ, чтобы оборваться уродливымъ кошмаромъ. Лулу окружила своего второго мужа сѣтью обмана. Ея связь съ Шеномъ продолжается, и всѣ ея старанія направлены на то, чтобы заставить его отказаться отъ своей невѣсты. Чтобы оградить себя отъ Лулу, Шенъ раскрываетъ глаза ея мужу, говоритъ ему о прошломъ Лулу, о которомъ

тотъ не имѣлъ понятія, совѣтуетъ ему охранять свое семейное счастье и слѣдить за женой, чтобы предупредить дальнѣйшую грязь. Художникъ узнаетъ изъ его словъ, что все, въ чемъ его увѣряла Ева—ложь,—узнаетъ о связи съ Шеномъ, и его совершенно не можетъ утѣшить сознаніе, что онъ все-таки испыталъ счастье, пока былъ въ невѣдѣніи. Онъ убѣгаетъ къ себѣ въ мастерскую, запирается тамъ, и когда встревоженные Лулу и Шенъ взламываютъ дверь, они видятъ трупъ художника, который перерѣзалъ себѣ горло бритвой.

Гибель своей второй жертвы Лулу принимаетъ такъ же невозмутимо, какъ и смерть перваго мужа. Она занята только стремленіемъ покорить Шена, который привлекаетъ ее своей нравственной силой. Лулу становится танцовщицей, и участвуетъ въ балетѣ, написанномъ сыномъ Шена. Она имѣетъ огромный успѣхъ, но ей становится дурно на сценѣ, потому что она видитъ въ одной изъ ложъ Шена, рядомъ съ его невѣстой. Онъ приходитъ къ ней въ уборную, и тутъ завершается ея побѣда надъ нимъ. Лулу убѣждаетъ Шена, что онъ не въ силахъ разстаться съ нею,—и онъ пишетъ подъ ея диктовку письмо невѣстѣ, отказываясь отъ нея. Въ послѣднемъ актѣ Лулу — или Миньона, какъ ее называетъ Шенъ—уже его жена. Но, достигнувъ своей цѣли, она обманываетъ и Шена, превращая его домъ въ притонъ невообразимаго разгула. Пользуясь его дѣловыми отлучками, она окружаетъ себя обществомъ проходимцевъ. Ее влечетъ къ грязи, къ темнымъ людямъ, къ разгулу. Своимъ паденіемъ она мститъ Шену за власть, которую онъ имѣлъ надъ нею, и, чтобы еще циничнѣе надругаться надъ нимъ, завлекаетъ его сына. Шенъ возвращается домой ранѣе чѣмъ его ожидали, и видитъ во-очію весь ужасъ разнузданности Лулу. Онъ присутствуетъ при томъ, какъ она соблазняетъ его сына, и видитъ цѣлый рядъ другихъ людей, спрятанныхъ за портьерами и дверьми. Онъ прогоняетъ друзей Лулу выстрѣломъ изъ револьвера и, оставшись съ нею наединѣ, полонъ только желанія отомстить за свой позоръ. Онъ цѣлится въ нее, говоря, что нужно очистить міръ отъ ея козней. Но Лулу выхватываетъ у мужа револьверъ и сама застрѣливаетъ его. Драма заканчивается на томъ, какъ Лулу умоляетъ сына Шена не выдавать ее правосудію, и обѣщаетъ ему за это вѣрно любить его.

Накопленіе ужасовъ и грязи вокругъ Лулу представлено въ чрезвычайно смѣлыхъ раккурсахъ. Порокъ, паденія, обманъ и смертоносное жало измѣны представлены въ захватывающемъ, страстномъ тонѣ. Натуралисты обличили мелкую игру человѣческихъ инстинктовъ и аппетитовъ—отчасти съ цѣлью воздѣйствовать на нравы. Ведекиндъ же возсоздаетъ ужасъ животности въ смѣлыхъ обобщающихъ карти-

нахъ, которыя напоминаютъ синтетическіе пейзажи Бёклина, то чудовищные, то отвлеченно прекрасные, но всегда передающіе вѣчную правду природы, скрытую за мѣняющимися, преходящими формами. Ужасъ „торжествующаго духа земли“ проникаетъ всю драму Ведекинда, выражаясь въ его хохотѣ надъ всѣми жертвами Лулу — надъ ученымъ профессоромъ съ его страстью къ танцовщицамъ; надъ чистымъ художникомъ, который наивно, стихійно отдается власти порока и погибаетъ жертвой обмана и уродства; надъ Шеномъ, который знаетъ, что́ такое Лулу, борется противъ нея и все-таки сознательно поддается уродству, губящему его,—надъ всѣми другими жертвами и товарищами Лулу, то наивными, то родственными ей по натурѣ. Всѣ жертвы Лулу гибнутъ, а она одна, ведущая всѣхъ въ бездну, „неистребима“ (unverwürstlich); какъ духъ зла, она пользуется всѣми лазейками, самыми позорными и низменными, чтобы спасти себя и свое вліяніе въ грядущемъ,—ибо ничего слишкомъ низменнаго нѣтъ для трагическаго торжества животности.

Драма „Духъ земли“ отличается новизной и смѣлостью сценическихъ пріемовъ. Ведекиндъ отлично знаетъ сцену и умѣетъ держать слушателей въ постоянномъ напряженіи. Сцена—искусство раккурсовъ, и психологическій анализъ замѣняется на ней характерностью отдѣльныхъ моментовъ дѣйствія. Этимъ искусствомъ Ведекиндъ владѣетъ, какъ очень немногіе изъ современныхъ драматурговъ. Драма „Духъ земли“ состоитъ почти сплошь изъ катастрофъ; дѣйствующія лица появляются лишь на короткое время передъ зрителемъ, но въ одной, двухъ сценахъ такъ полно выражаютъ себя, что ихъ судьба и ихъ гибель выясняются и освѣщаютъ основную мысль драмы съ неопровержимой убѣдительностью. Это достигается Ведекиндомъ, помимо смѣлой композиціи, особенностью діалога драмы. Въ ней нѣтъ репликъ, такъ часто тормазящихъ и обезцвѣчивающихъ дѣйствіе. Каждый говоритъ свое, какъ это бываетъ въ жизни, почти не отвѣчая на обращенныя къ нему слова, и это усиливаетъ выразительность и напряженность происходящаго на сценѣ. Вотъ, напримѣръ, интересный образчикъ діалога Ведекинда въ сценѣ, гдѣ Шенъ убѣждаетъ художника Шварца слѣдить за поведеніемъ жены и охранять свое семейное счастье: „*Шенъ.*—Сосчитай по пальцамъ все, чѣмъ ты ей обязанъ, и тогда... *Шварцъ.*—Что она дѣлаетъ, говори! *Шенъ.*—И тогда припиши себѣ самому отвѣтственность за свои ошибки—себѣ, и никому другому. *Шварцъ.*—Съ кѣмъ, съ кѣмъ? *Шенъ.*—Если ты хочешь, чтобы мы стрѣлялись... *Шварцъ.*—Съ которыхъ поръ? *Шенъ.*—Я пришелъ къ тебѣ не для того, чтобы учинить скандалъ; я хочу тебя спасти отъ скандала“.

Такимъ нервнымъ сжатымъ діалогомъ написана вся драма, на-

строеніе которой наростаетъ съ каждымъ актомъ, соединяя паѳосъ съ цинизмомъ. Благодаря силѣ раккурсовъ и своей оригинальной импрессіонистской манерѣ, Ведекиндъ съумѣлъ изобразить въ четырехъ актахъ драмы судьбу множества людей, появляющихся на минуту, чтобы проявить свою сущность и какъ бы провалиться въ адъ на глазахъ у зрителя. Онъ изобразилъ кошмарность жизни, управляемой животной силой въ видѣ фантасмагоріи, въ которой, однако, все послѣдовательно и правдиво.

Въ центрѣ второй драмы, „Маркизъ фонъ-Кейтъ", стоитъ тоже „неистребимый" соблазнитель; къ нему всѣ льнутъ, и онъ будитъ во всѣхъ жажду наслажденій, заставляя этимъ каждаго проявить всѣ свои стихійныя силы, добрыя и злыя, и познать всю остроту жизни. Онъ авантюристъ темнаго происхожденія, жилъ долго въ Южной Америкѣ, гдѣ его чуть не сдѣлали президентомъ какой-то республики, и чуть не убили,—и вернулся въ Европу, въ Мюнхенъ, гдѣ живетъ подъ именемъ маркиза фонъ-Кейта и вноситъ въ жизнь города, въ среду художниковъ, учащейся молодежи, а затѣмъ и мирныхъ буржуа, духъ предпріимчивости и безшабашности; онъ создаетъ вокругъ себя вакхическую атмосферу, въ которой гибнетъ всякое сознаніе отвѣтственности за поступки, въ которой жизнь всякаго горитъ ярче и быстрѣе, завершаясь сообразно его стихійности—или трагически, или торжествомъ, или мелкимъ компромиссомъ, но во всякомъ случаѣ такъ, чтобы чувствовалась вся полнота жизни.

„Если бы я умеръ, не живя, я бы бродилъ тѣнью на землѣ послѣ смерти", говоритъ Кейтъ, — или въ другомъ мѣстѣ: „если я случайно родился нищимъ, то это не можетъ помѣшать мнѣ считать высочайшее наслажденіе жизнью своимъ законнымъ наслѣдіемъ". Борьба за это наслѣдіе руководитъ всѣми дѣйствіями Кейта. Онъ считаетъ себя духовно свободнымъ, и тѣмъ самымъ готовымъ къ наслажденію жизнью. Онъ не стѣсняется обязательствами относительно другихъ, губитъ людей, привязанныхъ къ нему, съ единственной цѣлью разбить рамки будничности и чувствовать остроту жизни. „Мое дарованіе ограничивается только тѣмъ, что я не могу дышать въ атмосферѣ буржуазности", говоритъ онъ. Его называютъ чудовищно-безсовѣстнымъ человѣкомъ, потому что онъ пренебрегаетъ зломъ, которое причиняетъ людямъ; но его оправданіе—въ томъ, что онъ беззавѣтно вѣритъ въ жизнь, вѣритъ, что всѣ усилія и жертвы вознаграждаются на землѣ, что счастіе и несчастіе одинаково поднимаютъ инстинктъ жизни: „Несчастіе можетъ случиться и съ осломъ: все дѣло въ томъ, чтобы умѣть использовать его", говоритъ онъ. Духовно свободный, ничѣмъ не стѣсненный, онъ идетъ своимъ путемъ для достиженія своей цѣли. Ему нужна только матеріальная свобода, и поэтому онъ

пользуется людьми и своимъ обаяніемъ на нихъ для своихъ широкихъ практическихъ цѣлей: „Мнѣ нуженъ домъ съ безконечно высокими покоями, съ паркомъ и широкой лѣстницей, и необходимо также, чтобы были нищіе, толпящіеся у порога", — этими словами онъ образно характеризуетъ свой идеалъ жизни. Онъ задумываетъ широкое предпріятіе, всегда надѣясь на успѣхъ и въ то же время готовый къ пораженію, потому что, въ сущности, нѣтъ и не можетъ быть завершеній, и не въ успокоеніи дается то острое наслажденіе жизнью, которое онъ проповѣдуетъ, а въ самой борьбѣ, напрягающей всѣ силы. Маркизъ фонъ-Кейтъ улавливаетъ въ свои сѣти множество людей, обманываетъ другихъ—и не выходитъ побѣдителемъ. „Тупые буржуа", которыхъ онъ хотѣлъ провести, на самомъ дѣлѣ его же эксплоатируютъ и, пользуясь его идеей, устраняютъ его отъ созданнаго имъ предпріятія. Въ концѣ драмы онъ снова нищій, лишенный всякой опоры, утратившій любимую женщину отщепенецъ, — но онъ неистребимъ. Въ первую минуту отчаянія онъ хочетъ застрѣлиться, затѣмъ бросаетъ револьверъ, беретъ деньги, которыя ему даютъ, съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда уѣхалъ изъ Мюнхена, — и снова готовъ жить, бороться и проповѣдывать культъ наслажденія. И этотъ мелкій компромиссъ съ обстоятельствами тоже знаменуетъ власть инстинкта жизни.

Сила маркиза Кейта—то возбуждающее вліяніе, которое онъ оказываетъ на всѣхъ. „Я даю людямъ случай проявить свои силы. Кто не въ состояніи оправдать себя въ жизни, пусть гибнетъ",—говоритъ онъ, отказывая въ сочувствіи одному изъ разочаровавшихъ его „молодыхъ талантовъ". Вокругъ него жизнеспособные торжествуютъ, благородные проявляютъ до конца высоту своего духа, трагическія натуры совершаютъ свое назначеніе,—и онъ также содѣйствуетъ ихъ гибели, какъ и торжеству практичныхъ и сильныхъ людей. Женщина, которую онъ любитъ, и которую онъ возвышаетъ изъ грязи, блестяще устроиваетъ свою судьбу, и, болѣе сильная, чѣмъ онъ, цѣльностью своей стихійной низменной натуры, покидаетъ его, когда счастье измѣняетъ ему; вѣрная его ученію, она думаетъ только о томъ, чтобы устроить свою жизнь. Другая женщина, которая любитъ его, тоже полностью проявляетъ подъ его вліяніемъ трагизмъ своей натуры и кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Человѣкъ, котораго онъ хотѣлъ излечить отъ чувства долга, враждебнаго инстинкту жизни, поддается его вліянію, узнаетъ радость духовной свободы, забываетъ о своихъ душевныхъ мукахъ въ вакхической атмосферѣ вокругъ маркиза Кейта, —но только для того, чтобы тѣмъ сильнѣе отразить правду своей души и покончить разсчеты съ жизнью спокойно и сильно. Все дѣло въ томъ, чтобы каждый ощутилъ до дна полноту жизни, потому что

только тогда онъ будетъ вѣренъ себѣ и, не подчиняясь общимъ принципамъ добра и справедливости, исполнитъ высшій законъ индивидуальной правды. Драма „Маркизъ фонъ-Кейтъ“ болѣе трагична, чѣмъ „Духъ земли“. Въ ней обличено мнимое благородство, которое часто сводится къ пошлой и трусливой буржуазности, и есть также пониманіе истинной высоты духа, проявляющейся тогда, когда душа наиболѣе сильно чувствуетъ себя связанной съ землей и ея радостями.

Очень смѣло задумана еще одна драма Ведекинда—его „дѣтская трагедія“—„Пробужденіе весны“. Это—злая сатира на современное воспитаніе дѣтей въ Германіи. Въ драмѣ выведены родители добрые и злые, а также педагоги, которые омрачаютъ „весну жизни“ во имя отвлеченнаго долга, передъ которымъ не можетъ смириться молодая душа, искажаютъ естественное развитіе жизненныхъ силъ, физическихъ и духовныхъ, мертвящими педагогическими принципами и пріемами. Дѣйствующія лица драмы — подростки, мальчики и дѣвочки, которыхъ условія домашняго и школьнаго воспитанія лишаютъ „весны чувствъ“. Мальчики поглощены школьными работами, экзаменами, соревнованіемъ—между тѣмъ какъ ихъ тянетъ къ природѣ и волнуютъ мысли о невѣдомыхъ, запретныхъ откровеніяхъ жизни. Всѣ эти полу-дѣти, полу-взрослые, ждутъ чего-то, что разрѣшило бы охватившую ихъ тревогу—и мучительное состояніе ихъ душъ ведетъ къ трагическому исходу, вслѣдствіе искусственности ихъ жизненной обстановки. Въ центрѣ „дѣтской трагедіи“ стоитъ, какъ и въ двухъ прежнихъ драмахъ, „сильнѣйшій“, т.-е. человѣкъ, который выясняетъ все скрытое и несознанное въ другихъ, который своимъ вліяніемъ доводитъ до конечнаго напряженія всѣ чувства и влеченія. Эту роль играетъ въ „Пробужденіи весны“ юноша Мельхіоръ. Онъ сильнѣе и выше всѣхъ своихъ сверстниковъ, и они льнутъ къ нему, ожидая отъ него отвѣтовъ на свои мучительныя недоумѣнія. Онъ же, желая имъ помочь, становится виновникомъ трагическихъ событій. Онъ виновенъ въ паденіи и смерти своей маленькой четырнадцатилѣтней подруги, онъ обострилъ душевную борьбу своего товарища, который лишаетъ себя жизни. Онъ самъ сознаетъ свою вину передъ дѣвочкой, очутившись неожиданно передъ ея могилой, и хочетъ лишить себя жизни,—но онъ „неистребимъ“, какъ всѣ соблазнители въ драмахъ Ведекинда, и идетъ на компромиссъ съ жизнью. Онъ долженъ жить, несмотря на количество своихъ жертвъ: онъ — стихійная сила, возбуждающая и обостряющая инстинктъ жизни, хотя бы это вело къ величайшимъ мукамъ. Страданія и радости одинаково знаменуютъ полноту жизни, и кто остро воспринимаетъ жизнь и повинуется своей стихіи, а не условнымъ человѣческимъ законамъ, тотъ дѣйствительно живетъ — а „живыхъ не должно жалѣть“, какъ дважды

повторяетъ въ заключительной сценѣ драмы призракъ юноши-самоубійцы.

Сильный своей вѣрой въ инстинктъ жизни, Ведекиндъ въ очень мрачныхъ краскахъ рисуетъ дѣйствительность, показываетъ результаты неправильнаго воспитанія, изображаетъ гибель дѣтей, очень чуткихъ, но сбитыхъ съ толку внушаемыми ими условными принципами морали. Одинъ изъ сверстниковъ Мельхіора, Морицъ, погибаетъ жертвой своего сыновняго долга. Несмотря на всѣ свои старанія, онъ не переведенъ въ высшій классъ, и такъ какъ родители ему сказали, что не переживутъ его провала, то онъ самъ лишаетъ себя жизни—изъ любви къ нимъ. Ему жаль жизни, которую онъ знаетъ только по словамъ просвѣтившаго его Мельхіора. Но онъ исполняетъ то, что считаетъ своимъ долгомъ, а на его могилѣ пасторъ говоритъ только о грѣхѣ, имъ совершенномъ; всѣ жалѣютъ родителей, съ которыми сынъ ихъ такъ „безсовѣстно" поступилъ, — и никто не думаетъ о страданіяхъ, которыя долженъ былъ испытать мальчикъ, рѣшившись на самоубійство.

И все-таки, рисуя ужасы и уродство жизни, Ведекиндъ не впадаетъ въ пессимизмъ. Въ заключительной символической сценѣ „Пробужденія весны" Мельхіоръ видитъ передъ собой на кладбищѣ, у могилы своей маленькой подруги, духъ своего погибшаго друга Морица. Морицъ веселъ; онъ можетъ теперь смѣяться надъ всѣмъ, что мучитъ при жизни непримиримыми контрастами. Онъ зоветъ Мельхіора за собой, чтобы онъ могъ насладиться свободой и радостью „возносящагося надъ жизнью юмориста". Мельхіоръ готовъ уже поддаться соблазну, когда появляется какой-то замаскированный человѣкъ (der vermummte Herr) и, цинично разбивая всѣ доводы Морица, всѣ его слова о морали, о долгѣ, весь его возвышенный идеализмъ, всѣ его иллюзіи о томъ, какъ жизнь должна была бы быть прекрасна, доказываетъ, что жизнь груба, цинична, но что она сильна. „Ты голоденъ",—говоритъ онъ Мельхіору,—„и потому не можешь разсуждать. Я накормлю тебя хорошимъ ужиномъ, и тогда исчезнетъ этотъ обманчивый призракъ возвышенныхъ чувствъ". Замаскированный господинъ, олицетворяющій побѣдный духъ земли, увлекаетъ за собой Мельхіора, который нѣжно прощается съ своимъ умершимъ другомъ, говоря, что никогда не забудетъ его. Это значитъ, что онъ будетъ жить, все принимая отъ жизни, но и сомнѣваясь во всемъ. А побѣжденный жизнью идеалистъ Морицъ остается покинутымъ на своемъ кладбищѣ: „Я вернусь теперь на свое мѣсто",—говоритъ онъ въ заключеніе,—„укрѣплю снова мой крестъ, опрокинутый сумасброднымъ Мельхіоромъ, и когда все будетъ опять въ порядкѣ, лягу на спину и буду улыбаться"...

Дерзкій хохотъ надъ уродствомъ жизни наполняетъ и всѣ другія драмы Ведекинда, въ особенности его драму „Такова жизнь“, гдѣ трагикомическіе контрасты жизни освѣщены очень страстно и сильно. Низвергнутый король становится балаганнымъ шутомъ—и его правдивый разсказъ о своей судьбѣ кажется публикѣ забавнымъ фарсомъ. Онъ становится придворнымъ шутомъ у своего восторжествовавшаго соперника, и никто не подозрѣваетъ въ немъ изгнаннаго, давно умершаго, какъ всѣ увѣрены, короля. Самая злая насмѣшка судьбы надъ нимъ—та, что когда онъ, чувствуя приближеніе смерти, открываетъ свою тайну, никто ему не вѣритъ; всѣ думаютъ, что старикъ помѣшался, принявъ въ серьёзъ свою роль балаганнаго властелина. Подъ маской шута никто въ жизни не видитъ трагизма павшаго величія—„такова жизнь“.

Въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ—драмахъ, комедіяхъ, фарсахъ, пантомимахъ и разсказахъ („Liebestrank“, „Die junge Welt“, „Der Kammersänger“ и др.)—Ведекиндъ съ такой же дерзновенностью развѣнчиваетъ буржуазность во имя безудержнаго побѣднаго инстинкта жизни—и во всемъ, что онъ пишетъ, особенно цѣнно то, что, превосходя всѣхъ натуралистовъ своими обличеніями пошлости, онъ не пессимистъ; напротивъ того, онъ находитъ оправданіе жизни на днѣ величайшихъ паденій. Эта нота—новая въ литературѣ, и она очень сильно звучитъ въ интересномъ также новизной и яркостью художественныхъ пріемовъ творчествѣ Ведекинда.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1904.

Первыя засѣданія новой с.-петербургской городской думы.—Организація группъ, выразившаяся въ выборахъ. — Увеличеніе содержанія городскимъ должностнымъ лицамъ.—Вопросъ о партійной дисциплинѣ. — „Харьковскія Губернскія Вѣдомости" и харьковская городская дума.—Инцидентъ въ Севастополѣ.—Изъ міра печати.

Первыя засѣданія обновленной с.-петербургской городской думы подтвердили предположеніе, высказанное нами въ предъидущей хроникѣ: съ самаго начала сдѣлалось очевиднымъ существованіе двухъ организованныхъ группъ, совпадающихъ, въ главныхъ чертахъ, съ тѣми, которыя обрисовались во время предвыборной агитаціи [1]. Составъ каждой группы остается, пока, почти неизмѣннымъ; это видно изъ числа голосовъ, подаваемыхъ при выборахъ. Группа, сложившаяся преимущественно изъ прежнихъ, старыхъ гласныхъ и соединяющая въ своихъ рядахъ всѣхъ или почти всѣхъ избранниковъ перваго разряда, обладаетъ приблизительно 95 голосами; у группы, которую можно назвать *новою* (хотя въ ея ряды входятъ не одни *новички*, а также и тѣ изъ старыхъ, кто желалъ „*обновленія*" управы), ихъ насчитывается около 65. Эти цифры, съ самыми легкими варіаціями, повторялись при выборахъ предсѣдателя думы, его замѣстителя и члена особаго присутствія по дѣламъ города С.-Петербурга. Нѣсколько поколебались онѣ только при первоначальномъ (посредствомъ записокъ) указаніи кандидата на должность городского головы; но и здѣсь значительно бо̀льшее, сравнительно съ другими, число голосовъ получили тѣ два лица, за которыхъ стояло, если можно такъ выразиться, главное ядро большинства или меньшинства. При баллотировкѣ кандидата въ городскіе головы шарами опять появились на сцену знакомыя цифры. Болѣе 90 записокъ получилъ и кандидатъ „старой" партіи на должность товарища городского головы. Такимъ же, приблизительно, большинствомъ принято шедшее изъ рядовъ „старой" партіи предложеніе увеличить оклады содержанія городского головы, его товарища и членовъ городской управы. Весьма характерно, что

---

[1] „Новое Время" (№ 10014) полагаетъ, что со времени выборовъ группа „стародумцевъ" значительно увеличилась за счетъ своихъ противниковъ. Это невѣрно: „новая" группа съ самаго начала совершенно ясно сознавала себя меньшинствомъ; число гласныхъ, посѣщавшихъ ея первыя предварительныя собранія, развѣ немногимъ превышало цифру голосовъ, полученныхъ ея кандидатами въ засѣданіяхъ 7-го, 16-го и 21-го января.

къ многочисленнымъ представителямъ „новой“ группы, говорившимъ противъ увеличенія, не присоединился *ни одинъ* изъ такъ называемыхъ „randomly стародумцевъ“; наоборотъ, одинъ изъ членовъ „новой“ группы открыто высказался за увеличеніе содержанія. На этомъ фактѣ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе, чтобы лучше выяснить затронутый нами, въ прошлый разъ, вопросъ о „партійной дисциплинѣ“.

Каково бы ни было наше мнѣніе о результатѣ выборовъ, произведенныхъ до сихъ поръ городскою думой, мы не можемъ сказать ни слова противъ организаціи, съ помощью которой онъ полученъ. Когда въ общественномъ дѣлѣ принимаютъ участіе люди различныхъ взглядовъ, различныхъ стремленій, каждый изъ нихъ ищетъ сближенія съ своими единомышленниками — а сближеніе, если оно сколько-нибудь продолжительно и свободно, естественно ведетъ къ союзу. Въ средѣ союза столь же неизбѣжно происходитъ распредѣленіе ролей: намѣчаются лица, болѣе другихъ, по мнѣнію своихъ товарищей, способныя къ той или иной роли. Если при этомъ возникаетъ разногласіе, не уступающее переговорамъ, оно устраняется предварительной подачей голосовъ, послѣ которой оставшіеся въ меньшинствѣ считаютъ себя обязанными подчиниться большинству. Въ такомъ подчиненіи нѣтъ ничего ненормальнаго, потому что выразителями убѣжденій партіи признаются *всѣ* выставляемые ею кандидаты, и споръ шелъ только о томъ, который изъ нихъ можетъ служить ей съ наибольшей пользой. Съ другой стороны, сосредоточеніе голосовъ необходимо для побѣды—или для *почетнаго* пораженія,—необходимо именно потому, что той же цѣли, въ своемъ лагерѣ, стараются достигнуть и противники. Совершенно иной характеръ разномысліе имѣетъ тогда, когда его предметъ—не лицо, а дѣло. Поступаться своимъ убѣжденіемъ только потому, что его не раздѣляетъ большинство группы, значило бы жертвовать своимъ достоинствомъ, своей самостоятельностью, обращаться въ орудіе чужой воли. Такія жертвы мыслимы тогда, когда борьба партій, касаясь важнѣйшихъ сторонъ общественной или государственной жизни, доходитъ до своего апогея, не оставляетъ мѣста для среднихъ мнѣній; менѣе законны, но до извѣстной степени понятны онѣ и тогда, когда партіи выдержали пробу времени и, много давая своимъ членамъ (конечно—не въ смыслѣ личныхъ выгодъ), многаго и требуютъ отъ нихъ. Само собою разумѣется, что ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть на почвѣ мѣстнаго самоуправленія, замкнутаго, притомъ—какъ у насъ въ Россіи—въ узкую сферу, окруженнаго ограниченіями и стѣсненіями всякаго рода. Смѣшно было бы утверждать, что гласный думы, примкнувшій къ той или другой группѣ, обязанъ ей повиновеніемъ во всѣхъ вопросахъ городского хозяйства. Возможно большее единодушіе желательно, конечно, и здѣсь, но лишь

подъ условіемъ непринужденнаго внутренняго согласія. Можно сочувствовать цѣлямъ группы—и расходиться съ нею въ выборѣ средствъ. Если въ програму группы входитъ, напримѣръ, недопущеніе концессій, то къ такой группѣ не можетъ, очевидно, принадлежать принципіальный ихъ сторонникъ; но въ выборѣ способовъ веденія предпріятія самимъ городомъ члены группы должны быть вполнѣ свободны. Совершенно правильно, поэтому, поступила „новая" группа, когда, признавъ, значительнымъ большинствомъ, несвоевременность и неумѣстность возвышенія окладовъ содержанія городского головы, его товарища и членовъ управы, не нашла нужнымъ стѣснять свободу дѣйствій тѣхъ участниковъ группы, которые придерживаются противоположнаго мнѣнія. Какую долю самостоятельности предоставляетъ своимъ членамъ „партія центра"—не знаемъ: въ вопросѣ объ увеличеніи содержанія, какъ мы уже видѣли, всѣ ея ораторы оказались согласными между собою. Для пользы дѣла, какъ и для достоинства думы, слѣдуетъ желать, чтобы партійная дисциплина понималась и примѣнялась обѣими партіями по возможности одинаково, въ смыслѣ благопріятномъ для независимости отдѣльныхъ гласныхъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что одна изъ группъ—и притомъ именно та, на сторонѣ которой, въ данную минуту, значительное большинство—будетъ являться въ думу съ готовыми рѣшеніями по всѣмъ дѣламъ. Тѣ изъ среды другой группы, которые несогласны съ этими рѣшеніями, будутъ приводить противъ нихъ доводы всякаго рода—и встрѣчать не мотивированныя возраженія, а короткую формулировку вывода, на которомъ остановилось большинство, или даже просто молчаніе, полное „гордаго довѣрія" къ непобѣдимой численной силѣ. Во что обратятся тогда засѣданія думы? Какимъ образомъ будутъ выясняемы обѣ стороны вопроса? Какую цѣну будутъ имѣть постановленія большинства, дѣйствующаго по командѣ и систематически глухого ко всему идущему не изъ его среды? Не упадетъ ли авторитетъ думы еще ниже, чѣмъ онъ стоялъ въ послѣдніе годы? Неужели намъ суждено увидѣть возвращеніе къ тому времени, когда думскія дѣла вершились, de facto, не на Невскомъ проспектѣ, а на Лиговкѣ? Неужели и теперь они будутъ рѣшаться не на Невскомъ, а на Фонтанкѣ, д. № 62, и притомъ въ присутствіи новаго предсѣдателя думы?! Неужели *предварительное обсужденіе* очередныхъ вопросовъ, столь важное для тщательной ихъ обработки, превратится въ *предрѣшеніе*, дѣлающее излишнимъ всякій обмѣнъ мнѣній? Нужно надѣяться, что этого не будетъ—не будетъ уже потому, что въ концѣ концовъ такой образъ дѣйствій повредилъ бы самому большинству: въ пользу меньшинства, не избѣгающаго преній, уважающаго чужую мысль, желающаго убѣдить и всегда готоваго убѣдиться, образовалась бы, мало-по-малу, презумпція, невыгодная для его про-

тивниковъ... Какъ бы то ни было, „меньшинство“ должно оставаться вѣрнымъ однажды принятой имъ системѣ, заботясь только о томъ, чтобы на его сторонѣ было знаніе и правильное пониманіе городскихъ интересовъ.

Въ нашей январьской хроникѣ, написанной и напечатанной еще до открытія новой думы, мы выразили убѣжденіе, что худшимъ началомъ дѣятельности думы было бы повышеніе содержанія должностнымъ лицамъ городского общественнаго управленія. Къ сожалѣнію, именно эта мѣра послужила предметомъ перваго постановленія думы. Мы продолжаемъ думать, что съ нею по меньшей мѣрѣ слѣдовало бы повременить: прежнимъ гласнымъ—потому что они въ теченіе предъидущаго періода находили возможнымъ сохранять старые оклады, а съ тѣхъ поръ положеніе вопроса существенно не измѣнилось; новымъ гласнымъ—потому что для нихъ еще не можетъ быть яснымъ количество труда, выпадающаго на долю каждаго члена управы. Неизвѣстно, въ добавокъ, будетъ ли признано нужнымъ увеличеніе числа товарищей городского головы и членовъ управы; неизвѣстно и то, какая роль будетъ отведена исполнительнымъ коммиссіямъ и кому будетъ ввѣрено первое въ нихъ мѣсто—исключительно ли членамъ управы, или, рядомъ съ ними, и другимъ лицамъ [1]). Только тогда, когда разрѣшатся всѣ эти вопросы, когда войдетъ въ силу новая инструкція управѣ, когда обнаружится возможность или невозможность сокращенія дѣлопроизводства—только тогда будутъ на лицо всѣ данныя для безошибочнаго опредѣленія величины окладовъ. Правда, однажды установленные размѣры содержанія должны оставаться въ силѣ до слѣдующихъ выборовъ; но если и считать ихъ закрѣпленными для всей управы на шесть лѣтъ [2]), то отсюда еще не слѣдуетъ, что дума имѣла основаніе поспѣшить съ ихъ увеличеніемъ. Торопливость была бы понятна лишь въ такомъ случаѣ, еслибы оклады были несомнѣнно и явно недостаточны. Что это не такъ, доказательствомъ тому служитъ приведенное во время преній сравненіе прежнихъ городскихъ окладовъ съ одной стороны—съ содержаніемъ членовъ с.-петербургской губернской земской управы, съ другой—съ членами бер-

[1]) За силою ст. 84-ой положенія 8-го іюня 1903-го года исполнительныя коммиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ управы, но, по предложенію городского головы, дума можетъ выбрать въ предсѣдатели коммиссіи особое лицо.

[2]) На основаніи ст. 114-ой новаго положенія полномочія половины членовъ городской управы истекаютъ черезъ три года. Отсюда необходимость новыхъ выборовъ, передъ производствомъ которыхъ ничто не мѣшало бы, за силою ст. 113-ой, поставить вопросъ объ увеличеніи содержанія имѣющихъ быть избранными членовъ управы. Если бы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно, неизбѣжнымъ оказалось бы такое же повышеніе оклада и для остальныхъ членовъ управы.

линскаго городового магистрата (соотвѣтствующаго нашей городской управѣ). Предсѣдатель с.-петербургской губ. земской управы получаетъ 6.000 руб., т.-е. столько же, сколько получалъ до сихъ поръ товарищъ городского головы; члены губ. земской управы получаютъ 4.200 руб., т.-е. столько же, сколько получали члены городской управы. Окладъ членовъ берлинскаго магистрата—9.000 марокъ, т.-е., по курсу 4.185 рублей, и притомъ, берлинская годовая роспись сводится при 117 милл. марокъ, т.-е. 60 милл. рублей, что вдвое больше нашей росписи въ 30 милл.; кромѣ того, въ Берлинѣ въ городскіе головы, товарищи его и члены управы могутъ быть избираемы только лица съ университетскимъ образованіемъ, а у насъ для того достаточно кончить курсъ въ 4-хъ-классномъ училищѣ — да и то съ грѣхомъ пополамъ. Не было, слѣдовательно, никакого „periculum in mora“, не было вопіющей несправедливости въ продленіи, хотя бы на шесть лѣтъ, положенія дѣлъ, безъ особыхъ неудобствъ существовавшаго многіе годы. Между тѣмъ, рѣшеніе думы, состоявшееся послѣ утвержденія прежнею думой смѣты на 1904-й годъ, влечетъ за собою необходимость покрытія прибавокъ къ содержанію (составляющихъ всего 20.400 руб.) изъ остатковъ, настоящее назначеніе которыхъ — какъ справедливо замѣтилъ гласный П. А. Потѣхинъ—облегченіе нужды обывателей, могущей наступить послѣ непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія. Все это вмѣстѣ взятое позволяетъ намъ повторить: да, было бы лучше, если бы первый шагъ новой думы былъ вызванъ чѣмъ-нибудь другимъ, а не заботой о лучшемъ обезпеченіи ея избранниковъ. Стародумская партія, какъ мы видѣли выше, знала всегда впередъ, кто будетъ выбранъ въ городскія должности, а слѣд., не могла не знать также и того, кому она увеличиваетъ жалованье. Такимъ образомъ, законъ, предписывающій назначать жалованье до выборовъ, съ тѣмъ, чтобы размѣръ жалованья не имѣлъ отношенія къ личностямъ—этотъ законъ едва ли нашелъ себѣ, нынѣшній разъ, полное осуществленіе.

Столичное хозяйство обширно и многосложно, на всестороннее его изученіе нужно положить немало труда и времени; отсюда возможность фактическихъ ошибокъ, особенно со стороны новыхъ гласныхъ. Но гораздо легче ознакомленіе съ городовымъ положеніемъ и законами, его дополняющими: его можно ожидать и требовать отъ всякаго, берущагося судить о городскихъ дѣлахъ, и, тѣмъ болѣе, отъ всякаго, принимающаго въ нихъ непосредственное участіе. Странно было, поэтому, встрѣтить въ „Гражданинѣ“ разсужденіе о томъ, что, въ силу созданнаго новымъ городовымъ положеніемъ равенства правъ между платящими городскія повинности (т.-е домовладѣльцами и купцами) и не платящими ни копѣйки (т.е. квартиронанимателями), стоитъ только послѣднимъ сговориться—и дома могутъ быть обложены въ 50% вало-

вого дохода, промышленныя предпріятія—въ 50% съ оборотнаго капитала. Для Петербурга—таково было заключеніе газеты—„понадобится законъ о предѣльномъ обложеніи на подобіе того, который созданъ для земскихъ учрежденій". Простая справка съ закономъ (ст. 117 положенія 8-го іюня 1903 г. и соотвѣтствующія статьи положенія 1892-го года) показала бы автору этихъ словъ, что для обложенія городами домовъ и промышленныхъ предпріятій предѣлъ установленъ уже давно (для домовъ, напримѣръ, 10% съ чистаго дохода или 1% со стоимости) и что возвышеніе его до фантастическихъ цифръ всецѣло относится къ области фантазіи редактора газеты. Не менѣе ясно и то, что увеличеніе сбора съ домовладѣльцевъ неизбѣжно влечетъ за собою увеличеніе квартирной платы и, слѣдовательно, отражается на квартиронанимателяхъ сильнѣе, чѣмъ на домовладѣльцахъ... Желательно для гласныхъ, далѣе, хотя бы элементарное знакомство съ важнѣйшими изъ юридическихъ понятій, регулирующихъ общественную дѣятельность. Если бы оно было болѣе распространено, намъ не пришлось бы услышать въ думѣ (при обсужденіи вопроса о томъ, можетъ ли замѣститель предсѣдателя думы занимать какую-либо должность по городскому общественному управленію), будто дума не въ правѣ *толковать* законъ, а должна встрѣченныя ею сомнѣнія въ его пониманіи представлять на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. *Толкованіе* закона неразрывно связано съ его *примѣненіемъ*, а для предупрежденія *неправильныхъ* толкованій существуютъ указанныя въ законѣ средства (см. ст. 74 и 75 положенія 8-го іюня 1903-го года).

Небывалое, въ своемъ родѣ, явленіе представляетъ походъ, предпринятый оффиціальной газетой („Харьковскими Губернскими Вѣдомостями") противъ мѣстной городской думы, а заодно—и противъ самоуправленія вообще. Исходной точкой похода служитъ *повсемѣстность* жалобъ на городское общественное управленіе. Тѣмъ, кто съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркиваетъ этотъ фактъ (далеко, впрочемъ, не доказанный во всемъ его объемѣ), не мѣшало бы вспомнить, что для подобныхъ жалобъ не существуетъ никакихъ ограниченій, никакихъ преградъ—чего отнюдь нельзя сказать о многихъ другихъ сторонахъ нашей современной жизни. Городскія управленія дѣйствуютъ открыто, на виду у всѣхъ, и подлежатъ самымъ разнообразнымъ видамъ контроля; отрицательное отношеніе къ ихъ работѣ не только допускается, но иногда прямо поощряется. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ велика, съ этой точки зрѣнія, разница между органами управленія и самоуправленія, сдѣлаемъ небольшую выписку изъ доклада ревизіонной коммиссіи, повѣрявшей отчетъ с.-петербургской городской управы за

1902-ой годъ [1]). Рѣчь идетъ о пожарной командѣ, завѣдываніе которою въ хозяйственномъ отношеніи перешло, незадолго передъ тѣмъ, отъ градоначальника къ городскому общественному управленію. До этого перехода — читаемъ мы въ докладѣ—„штатные служители команды командировались для работъ въ кузницѣ, швальнѣ и депо, а продовольствіе въ части подвозилось на пожарныхъ лошадяхъ. Это положеніе дѣла, невѣдомое ни думѣ, ни обществу, градоначальникъ считалъ нормальнымъ, но тотчасъ же послѣ перехода оно было признано со стороны градоначальника неправильнымъ, и городу пришлось немедленно установить иную практику, вызвавшую увеличеніе расходовъ. Прежде кузница пожарной команды принимала частные заказы, приносившіе ей до 6.000 рублей въ годъ чистаго дохода; съ передачей пожарной части въ завѣдываніе города градоначальникъ немедленно призналъ указанную практику незаконною, и кузница лишилась поступленій отъ частныхъ заказовъ. Помѣщенія пожарныхъ частей, въ теченіе многихъ лѣтъ не подвергаясь ремонту, дошли до полной ветхости и неустройства; *жалобъ*, однако, *на градоначальство не раздавалось. Лишь* только дѣло перешло къ городу, *явилась гласность, посыпались жалобы*“... Такова, безъ сомнѣнія, и во многихъ другихъ случаяхъ разгадка жалобъ, обиліе которыхъ въ области городского общественнаго управленія злорадно констатируютъ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“. Какъ составляются иногда эти жалобы, съ какимъ безпристрастіемъ, съ какимъ уваженіемъ къ истинѣ—это мы сейчасъ увидимъ, сопоставивъ нападенія харьковской газеты съ „Разъясненіемъ“ харьковскаго городского головы, даннымъ харьковской думѣ и напечатаннымъ во всеобщее свѣдѣніе.

Съ 1897-го по 1902-ой годъ—увѣряютъ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“—расходы на содержаніе личнаго состава харьковскаго городского общественнаго управленія возрасли съ 82 тыс. до 122 тыс. руб., т.-е. на 48%. На самомъ дѣлѣ послѣдняя цифра обнимаетъ собою расходы на пенсіи и пособія (почти 18 тыс. руб.) и на наемъ и содержаніе помѣщеній для городского управленія (почти 8 тыс. руб.), которые существовали и въ 1897 г., сверхъ приведенной газетою суммы 82 тыс. руб.). Содержаніе личнаго состава городской управы (19 тыс. руб.) осталось безъ измѣненій; содержаніе ея канцеляріи увеличилось на 4.400 руб., между тѣмъ какъ общая цифра городскихъ расходовъ (а соотвѣтственно ей и размѣръ дѣлопроизводства) возрасла съ 1.667 тыс. до 2.566 тыс. рублей.

Быстрому росту расходовъ на содержаніе городского общественнаго управленія „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ противопоста-

[1]) См. „Извѣстія Спб. Городской Думы“ за 1903 г., № 39, стр. 1717.

ляютъ сравнительную неподвижность расходовъ на санитарныя мѣропріятія. Чтобы придти къ такому выводу, газета беретъ только одинъ отдѣлъ смѣты по медико-санитарной части, между тѣмъ какъ общая ея сумма возрасла за пять лѣтъ (1897—1902) въ $4^1/_2$ раза (съ 62 до 296 тыс. руб.).

Смѣшивая сумму непоступившихъ еще въ городскую кассу, за неокончаніемъ финансоваго года, городскихъ доходовъ, съ суммою недоимокъ, „Губернскія Вѣдомости“ опредѣляютъ послѣднюю въ 595 тыс. рублей. На самомъ дѣлѣ она не составляетъ и 20 тысячъ. На устройство электрическаго освѣщенія израсходовано городомъ, по словамъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, *милліонъ триста тысячъ* рублей, тогда какъ въ дѣйствительности весь расходъ едва превысилъ *семьдесятъ пять тыс.* рублей!!

Излагая содержаніе доклада г.г. Лащенко и Зильбера объ устройствѣ городского склада аптекарскихъ товаровъ, „Губернскія Вѣдомости“ утверждаютъ, что раньше *рѣшительно никто* не обращалъ вниманія на качество употребляемыхъ въ городскихъ больницахъ медикаментовъ; между тѣмъ, изъ текста доклада видно, что онъ составленъ по мысли городского головы, который, сознавая всю важность упорядоченія городского аптечнаго хозяйства, командировалъ одного изъ докладчиковъ въ Москву, для ознакомленія съ функціями тамошняго городского склада аптекарскихъ товаровъ.

„Губернскія Вѣдомости“ приписываютъ учрежденію городской бойни непомѣрное возвышеніе цѣнъ на мясо; между тѣмъ, рядомъ съ городской бойней существуетъ множество частныхъ, въ виду чего не можетъ быть и рѣчи о преобладающемъ вліяніи города. Стоимость убоя на городской бойнѣ все время остается та же. Повышеніе цѣнъ распространяется и на другіе съѣстные припасы и зависитъ, слѣдовательно, отъ причинъ общаго характера.

По мнѣнію „Губернскихъ Вѣдомостей“, рѣшеніе харьковской думы о выкупѣ водопровода состоялось безъ всякихъ серьезныхъ къ тому основаній, по выслушаніи только словеснаго доклада городского головы. На самомъ дѣлѣ выкупу водопровода были посвящены два печатныхъ доклада городской управы, да и раньше, по поводу процесса между городомъ и водопроводнымъ обществомъ, объ этомъ вопросѣ печатались цѣлые томы.

Приведенныхъ нами примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о качествѣ полемическихъ пріемовъ „Губернскихъ Вѣдомостей“. Что касается до цѣли, преслѣдуемой газетою, то она выразилась всего яснѣе въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ по поводу выкупа водопровода: „самое желательное—*минимизація* дѣятельности городского управленія“. Не нужно ни городскихъ рынковъ, ни город-

скихъ боенъ, ни городскихъ водопроводовъ, ни городскихъ трамваевъ; не нужно „такъ называемыхъ соціализацій, огосударствленій, обобществленій, обмірщеній, муниципализацій и коммунализацій“. Съ помощью „страшныхъ словъ“, отчасти старыхъ, отчасти вновь изобрѣтенныхъ, проводится старая, очень старая мысль о превосходствѣ концессіонной системы, ограничиваемой только „тщательнымъ правительственнымъ контролемъ“.

Въ Харьковѣ борьба противъ самоуправленія ведется, пока, только путемъ печати, хотя въ рукахъ послѣдней оказываются иногда заключенія должностныхъ лицъ, управѣ и думѣ остающіяся неизвѣстными [1]. Въ Севастополѣ городскому общественному управленію нанесенъ фактическій ударъ, при обстоятельствахъ, лишь отчасти выясненныхъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“ (№ 21). Произошла, „помимо участія органовъ городского самоуправленія“, перемѣна въ личномъ составѣ мѣстной городской больницы: старшимъ врачомъ, вмѣсто г. Никонова, назначенъ г. Мертваго. Прежнему врачу вмѣняется въ вину... „чрезмѣрно большое удовлетвореніе потребности городского населенія въ медицинской помощи“! С. А. Никоновъ, по словамъ его преемника, слишкомъ развилъ амбулаторный пріемъ больницы, бѣднѣйшимъ даромъ отпускалъ лекарства, установилъ дежурства врачей, пригласилъ врачей-спеціалистовъ, много производилъ операцій, устроилъ курсы для акушерокъ. Все это—преступленія совсѣмъ особеннаго свойства, едва ли не впервые ставшія предметомъ обвинительнаго акта. Правда, рѣчь идетъ также о слабости контроля, выразившейся въ недостаткахъ отчетности; но и въ этомъ г. Никоновъ, по единогласному отзыву управы, медико-санитарной коммиссіи, думы, оказывается невиновнымъ. Зная г. Мертваго по его прежней службѣ въ городской больницѣ, дума единогласно постановила обязать его сохранить заведенные г. Никоновымъ больничные порядки. „Прямо въ трагическое положеніе“—говоритъ авторъ статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“—„поставлено севастопольское городское самоуправленіе. На немъ лежитъ отвѣтственность за постановку медицинскаго дѣла въ городѣ; къ этому обязываетъ его не только законъ, но и нравственный долгъ. Теперь завѣдываніе больницей попало въ руки д-ра Мертваго, на взглядъ и коммиссіи, и думы, и упрекаемой въ этомъ выборѣ управы, не вполнѣ отвѣчающаго своему назначенію. И ни дума, ни управа, несмотря на это, повидимому, не могутъ удовлетворить справедливыхъ требованій всего взбудораженнаго городского населенія, требующаго за свои деньги, поступающія въ город-

[1]) См. „Разъясненіе харьковскаго городского головы“, стр. 25.

скую кассу, чтобы больницы широко подавали медицинскую помощь. Вѣдь севастопольцамъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до стремленій старшаго врача завести въ больницѣ какой-то порядокъ и только порядокъ. Имъ нужна больница, удовлетворяющая ихъ потребности, хорошо поставленная, которая въ больныхъ видѣла бы не враговъ и назойливыхъ людей, а людей, нуждающихся въ леченіи, совѣтѣ и въ даровомъ лекарствѣ. Неизвѣстно, конечно, долго ли продлится это ненормальное положеніе, въ которомъ очутилось мѣстное городское самоуправленіе: что оно не нормально и что необходимо какъ можно скорѣе измѣнить его—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія". Нельзя не пожелать, чтобы были выяснены, а затѣмъ и устранены причины „трагическаго положенія", въ которое поставлено севастопольское городское общественное управленіе.

По поводу мѣръ, принятыхъ по отношенію къ тверскому земству [1]), „Русскія Вѣдомости" (№ 20) напоминаютъ объ аналогичныхъ распоряженіяхъ прошлаго времени. Въ 1867 г. были закрыты земскія учрежденія с.-петербургской губерніи (вновь призванныя къ дѣятельности въ 1868 г.); въ 1888 г. была пріостановлена на три года дѣятельность череповецкаго (новгородской губерніи) уѣзднаго земства. Въ обоихъ случаяхъ дѣло не обошлось и безъ мѣропріятій противъ отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей: въ первомъ случаѣ былъ высланъ въ Оренбургъ предсѣдатель губернской земской управы, покойный Н. Ѳ. Крузе [2]), во второмъ—министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой распорядился высылкою изъ предѣловъ новгородской губерніи четырехъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей череповецкаго земства.

Сколько намъ помнится, въ 1867 г. участь, постигшая петербургское земство, не вызвала никакихъ комментаріевъ въ нашей печати. Двадцать лѣтъ спустя, закрытіе череповецкаго земства было использовано газетными врагами земскихъ учрежденій; но, если мы не ошибаемся, личныхъ вопросовъ они при этомъ не возбуждали, ограничиваясь общими разсужденіями на тему о возможности обойтись безъ органовъ самоуправленія. Не то мы видимъ въ настоящее время. „Московскія Вѣдомости" (№ 18) въ передовой статьѣ, озаглавленной: „Справедливая кара", пріурочиваютъ дѣятельность новоторжскаго уѣзднаго и тверского губернскаго земства къ одному, прямо называемому ими лицу и разсказываютъ по своему исторію тверской губер-

---

[1]) См. выше, „Внутреннее Обозрѣніе", стр. 773.

[2]) Высылка Н. Ѳ. Крузе въ Оренбургъ не состоялась; онъ былъ только удаленъ въ свое имѣніе. Вынужденъ былъ въ то же время выѣхать за границу предсѣдатель собранія, гр. А. П. Шуваловъ.

ніи за послѣдніе годы, далеко выходя за предѣлы оффиціально оглашенныхъ фактовъ. Заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей" слѣдующими словами: „да послужитъ же грозная, но справедливая расправа (?) съ тверскими смутьянами предвѣстникомъ такихъ же строгихъ и справедливыхъ мѣръ во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни, гдѣ за послѣднее время такъ задорно подняли голову явные и тайные агенты нашей внутренней крамолы"... Чтобы оцѣнить по достоинству эти слова, достаточно замѣтить, что ни о какой „расправѣ" съ отдѣльными лицами въ правительственномъ сообщеніи не говорится: извѣстны полномочія, данныя министру и губернатору, но неизвѣстно ихъ дѣйствительное примѣненіе... Впрочемъ, безцеремонное обращеніе съ именами успѣло уже войти въ привычки нашей реакціонной печати; типичные его образцы можно найти въ „Дневникахъ" кн. Мещерскаго (напр. въ №№ 98 и 99 „Гражданина" за минувшій годъ).

Иначе отнеслись къ тверскому дѣлу „С.-Петербургскія Вѣдомости" (№ 18), выразившія желаніе „получить болѣе полное знакомство съ обстоятельствами, предшествовавшими и сопровождавшими многолѣтнюю борьбу администраціи съ дѣятелями тверского земства". „Если общество—читаемъ мы въ статьѣ г. А. С—на,—„напряженно слѣдитъ за мелочными подробностями судебныхъ преній объ отдѣльныхъ личностяхъ, чѣмъ-нибудь себя громко проявившихъ въ смыслѣ общественнаго интереса, то поскольку же этотъ интересъ и эта напряженность усиливаются, когда дѣло касается не отдѣльнаго лица, а цѣлаго учрежденія, вызвавшаго нарушеніе обычнаго хода государственной жизни. Рядъ подобныхъ побужденій заставляетъ предполагать большую пользу, даже въ смыслѣ общественнаго спокойствія, въ обнародованіи возможно полнаго, исчерпывающаго изложенія исторіи тверской смуты, съ переименованіемъ виновныхъ лицъ, и еще большую пользу въ послѣдующемъ, если возможно, преданіи виновныхъ суду. Подобная мѣра могла бы способствовать наибыстрѣйшему снятію вины съ учрежденія и перенесенію тяжести наказанія на тѣхъ, которые эту тяжесть наиболѣе заслужили"... Въ этихъ послѣднихъ словахъ не совсѣмъ осторожно предположеніе объ уголовной виновности лицъ, противъ которыхъ, сколько извѣстно, вовсе не возбуждено судебное преслѣдованіе. Совершенно основательно, за то, указаніе газеты на необходимость гласности—гласности, конечно, возможно полной, принимающей въ разсчетъ формулу: audiatur et altera pars.

Въ какой степени велика спутанность понятій даже у тѣхъ органовъ печати, которые не принадлежатъ къ реакціонному лагерю—

объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Студентъ Андреевъ, за оскорбленіе генерала, подвергнутъ, въ административномъ порядкѣ, заключенію въ тюрьмѣ на два года и затѣмъ высылкѣ на такой же срокъ въ Якутскую область. Признавая эту кару *легкой* и предполагая, что по закону проступки въ родѣ совершеннаго Андреевымъ влекутъ за собою болѣе тяжкое наказаніе, „С.-Петербургскія Вѣдомости", устами г. А. С—на, выразили сожалѣніе о томъ, что противъ произвола выдвигается произволъ, и усомнились въ цѣлесообразности административныхъ каръ, „способныхъ вносить путаницу въ нашу слабую гражданственность". Что такой взглядъ встрѣтилъ суровый отпоръ со стороны „Московскихъ Вѣдомостей"—это совершенно естественно; но менѣе понятно отступленіе, поспѣшно предпринятое „С.-Петербургскими Вѣдомостями". Поводомъ къ нему послужила напечатанная въ той же газетѣ замѣтка, авторъ которой („Военный юристъ") изъ свойства поступка Андреева и изъ незначительности наказанія, грозившаго Андрееву по закону, сдѣлалъ выводъ о *необходимости* разрѣшенія дѣла не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ. Высказавъ г. военному юристу признательность за „компетентное разъясненіе вопроса", г. А. С—нъ призналъ, что было бы неумѣстно судить обвиняемаго по закону, не предусмотрѣвшему его проступка. И г. А. С—нъ, и—что еще болѣе странно—г. „военный юристъ" упустили, такимъ образомъ, изъ виду, что единственнымъ правомѣрнымъ основаніемъ уголовной кары служитъ дѣйствующій, въ моментъ совершенія проступка, уголовный законъ, недостаточность или неполнота котораго можетъ быть устранена только въ законодательномъ порядкѣ.

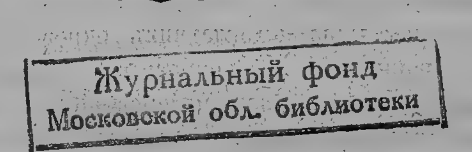

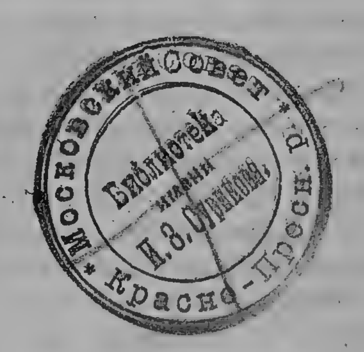
Мы говорили недавно о постыдномъ восторгѣ, съ которымъ нѣкоторые органы нашей печати встрѣтили вѣсть о предстоящемъ возстановленіи въ Даніи тѣлеснаго наказанія и о слабомъ, будто бы, противодѣйствіи, встрѣчаемомъ этой мѣрой со стороны датскаго общественнаго мнѣнія. Послѣднее увѣреніе, какъ и слѣдовало ожидать, оказывается совершенно неосновательнымъ. По словамъ знатока скандинавскаго міра, г. П. Ганзена [1]), и въ самой Даніи, и въ Швеціи и Норвегіи законопроектъ датскаго министра встрѣтилъ столь мало сочувствія, что утвержденіе его далеко не обезпечено. Въ скандинавской и особенно въ датской печати поднялась буря; почти всѣ газеты, безъ различія лагерей, высказались противъ законопроекта. Различные кружки и союзы созывали экстренныя засѣданія, гдѣ вопросъ подвергался всестороннему разсмотрѣнію. Особенно интересно было за-

[1]) См. № 12 „Русскихъ Вѣдомостей".

сѣданіе Общества датскихъ криминалистовъ, гдѣ докладчикомъ выступилъ инспекторъ полиціи Галль. Докладчикъ остановился на вопросѣ: есть ли основаніе полагать, что уличные безобразники, которыхъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду законопроектъ, могутъ исправиться отъ палокъ настолько, что перестанутъ давать волю рукамъ? При разрѣшеніи этого вопроса докладчикъ сослался на личный опытъ, вынесенный изъ прежней его службы при копенгагенской полиціи. Ему пришлось за это время распорядиться приведеніемъ въ исполненіе около 2.000 приговоровъ къ тѣлесному наказанію малолѣтнихъ безобразниковъ и мелкихъ воришекъ. Но даже и въ отношеніи къ этимъ совсѣмъ юнымъ, сбившимся съ пути членамъ общества тѣлесное наказаніе оказалось самымъ безполезнымъ изъ всѣхъ родовъ наказаній. Никакая другая категорія не давала столь высокаго процента рецидивистовъ, какъ именно категорія высѣченныхъ. Категорія юнцовъ, подвергавшихся тѣлесному наказанію, дала свыше 55% рецидивовъ преступности, въ то время какъ категоріи подвергавшихся иного рода наказаніямъ давали 27—35%. Есть ли какое-нибудь основаніе ожидать отъ тѣлеснаго наказанія лучшаго воздѣйствія на взрослыхъ, нежели на малолѣтнихъ? Если это безжалостное средство устрашенія не въ состояніи оставить прочнаго впечатлѣнія въ болѣе мягкой и воспріимчивой душѣ малолѣтняго, какимъ же образомъ можно ожидать отъ него воздѣйствія на огрубѣвшую натуру взрослаго хулигана?.. Далѣе докладчикъ опровергъ еще одинъ изъ аргументовъ сторонниковъ законопроекта, ссылавшихся на то, что подобной мѣрѣ Англія обязана искорененіемъ шайки гарротеровъ, наводившихъ въ 60-хъ годахъ настоящую панику на лондонцевъ. Гарротеры нападали по ночамъ, въ безлюдныхъ улицахъ, на одинокихъ прохожихъ, сдавливали имъ горло и грабили ихъ до-чиста. Но шайка прекратила свое существованіе еще въ концѣ 1862 г., послѣ того какъ полиціи удалось задержать 27 членовъ ея, изъ которыхъ 21 сознались и были осуждены. Въ январѣ 1863 г. было констатировано полное прекращеніе въ Лондонѣ гарротерства, а только въ іюлѣ того же года внесенъ былъ билль о тѣлесномъ наказаніи гарротеровъ. Итакъ, преступленія, вызвавшія упомянутый законъ, прекратилъ вовсе не онъ. Въ 1875 г. правительство предложило-было нижней палатѣ расширить примѣненіе тѣлеснаго наказанія, но предложеніе это встрѣтило такой отпоръ, что было взято обратно безъ голосованія. Въ возраженіяхъ на него было между прочимъ подчеркнуто, что гарротеры успѣли исчезнуть *до* введенія закона 1863 г., а послѣ введенія этого закона преступленія, которыя могли быть подводимы подъ него, какъ разъ увеличились въ числѣ, между тѣмъ какъ другіе роды преступленій уменьшились. По мнѣнію докладчика, за буйство и безо-

бразія, хулиганскія нападенія на мирныхъ обывателей и другія насилія этого рода слѣдуетъ карать заключеніемъ въ рабочемъ домѣ на срокъ не меньше мѣсяца, а за повтореніе значительно увеличивать сроки, до двухъ-трехъ лѣтъ. Достаточно, по мнѣнію докладчика, долгосрочнаго строгаго тюремнаго заключенія (одиночнаго) и за насилія надъ женщинами, и за преступленія противъ нравственности; прибавлять къ этому тѣлесное наказаніе излишне. Само собою разумѣется, что однѣми карательными мѣрами искоренить зло нельзя: надо усилить попеченіе о заброшенныхъ и заблудшихъ дѣтяхъ и кромѣ того выработать болѣе цѣлесообразный и болѣе строгій законъ противъ бродяжничества взрослыхъ. Закончилъ докладчикъ свою рѣчь слѣдующими словами: „тѣлесное наказаніе — такая мѣра, которую не подобаетъ обсуждать въ странѣ съ такою высокою культурой и съ достигшимъ такой высокой ступени развитія правомъ, какъ Данія". До датской культуры намъ еще далеко — но приблизиться къ ней мы можемъ, конечно, не поворотомъ назадъ, не возвращеніемъ къ первобытнымъ, грубѣйшимъ формамъ расправы.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей.

Врачебно-Педагогическій Институтъ имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность Института направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности Врачебно-Педагогическаго Института положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ—для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами—для дѣтей, лишенныхъ возможности совершенствоваться интеллектуально и одаренныхъ частичными способностями; 4) занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству, игры, гимнастика и т. п.; 5) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; 6) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду—для запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей.

Согласно съ своей задачей, Врачебно-Педагогическій Институтъ организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими (Вас. Остр., 4-я лин., д. 45).

Дѣти, поступающія въ Институтъ, подраздѣляются—въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ; дѣти, безусловно не поддающіяся развитію, не принимаются.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь. — Февраль. 1904.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая. — Февраль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга вторая: томы IV, V и VI-ой. Изд. Общ. для пособія нуждающ. литераторамъ и ученымъ (Литературный фондъ). Спб. 904. Ц. 4 р.

Вторая книга, только-что появившаяся, заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ три тома первоначальнаго изданія и содержитъ въ себѣ одинъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ покойнаго историка, а именно: смутное время Московскаго государства, въ самомъ началѣ XVII-го вѣка, между прекращеніемъ дома Рюрика и воцареніемъ дома Романовыхъ въ 1612 году. Исторія этого времени впервые появилась въ нашемъ журналѣ въ первый годъ его существованія, 38 лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ не утратила своего научнаго значенія. Какъ извѣстно, Н. И. Костомаровъ, отрицая всѣ имѣвшіяся предположенія относительно личности Димитрія Самозванца, пришелъ къ такому заключенію: „Всего подобнѣе — говоритъ онъ — предположить, что тотъ, кто назвался именемъ Димитрія, былъ по происхожденію изъ сыновей одного изъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ значительномъ количествѣ убѣгали, въ царствованіе Іоанна Грознаго, во владѣнія Рѣчи-Посполитой и получали тамъ помѣстья“.

Ив. Страховскій.—Крестьянскія права и учрежденія. Спб. 904.

Въ виду того интереса, который за послѣднее время пріобрѣлъ вопросъ о крестьянской реформѣ, книга г. Страховскаго пріобрѣтаетъ особое значеніе. Она составлена изъ статей, печатавшихся въ послѣдніе годы въ „Правѣ“ и „Вѣстникѣ Права“ и содержитъ въ себѣ двѣ части: въ первой изъ нихъ изложена исторія возникновенія волости и общества, представлено современное ихъ положеніе и даны руководящіе принципы для реформы крестьянскихъ учрежденій. Вторая—касается гражданскаго состоянія крестьянъ, причемъ дается весьма интересный анализъ остатковъ крестьянскаго права въ области отношеній семейныхъ, права передвиженія и права промысловъ; засимъ излагается существо крестьянской обособленности, а также—тѣ требованія равноправности крестьянъ, которыя должны быть введены въ управленіи, судѣ и землевладѣніи крестьянъ. Къ книгѣ г. Страховскаго мы еще возвратимся, а пока можемъ ее рекомендовать вниманію всѣхъ интересующихся стоящими на очереди преобразованіями крестьянской жизни.

Карлъ Каутскій. Торговые договоры и торговая политика. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. С. Залшупина. Изд. газеты „Промышленный міръ“. Спб. 904.

Вопросъ о возобновленіи торговыхъ договоровъ, которымъ истекаетъ срокъ въ 1903 году, сильно занимаетъ въ настоящее время общественное мнѣніе Германіи и представляетъ также большой интересъ для Россіи, затрогивая основы ея таможенной политики. Извѣстный марксистъ Каутскій въ написаной имъ популярной книжкѣ разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія нѣмецкаго рабочаго класса и приводитъ много фактическихъ данныхъ и доводовъ, поучительныхъ и для русскаго читателя,—почему появленіе книжки въ русскомъ переводѣ должно быть признано далеко не лишнимъ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Подъ редакціей М. И. Писарева. Спб. 903. Т. I. Стр. 502. Ц. за 10 томовъ 16 р.

Новое, одинадцатое по счету, изданіе сочиненій А. Н. Островскаго, предпринятое книгоиздательской фирмой „Просвѣщеніе“, редактируется извѣстнымъ артистомъ Императорскихъ театровъ, М. И. Писаревымъ, который съ начала восьмидесятыхъ годовъ неоднократно исполнялъ главныя роли въ пьесахъ Островскаго. Г. Писаревъ отнесся къ своей задачѣ съ большимъ стараніемъ; онъ „тщательно сличилъ и исправилъ текстъ по рукописямъ и журнальнымъ оттискамъ“, просмотрѣннымъ въ свое время самимъ авторомъ, причемъ нѣкоторыя пьесы, имѣющія двѣ редакціи, печатаются въ обѣихъ, а отдѣльные варіанты приводятся въ примѣчаніяхъ. Въ изданіе включены только оригинальныя произведенія А. Н. Островскаго, съ устраненіемъ пьесъ, написанныхъ въ сотрудничествѣ съ другими лицами. Въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ помѣщены: „Семейная картина“, „Свои люди—сочтемся“, „Утро молодого человѣка“, „Неожиданный случай“, „Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани не садись“, „Записки замоскворѣцкаго жителя“.

И. Н. Потапенко. Сочиненія. Спб. 903. Изд. А. Ф. Маркса. Т. I. Стр. 542. Т. II. Стр. 549. Ц. по 1 р. 50 к.

Собраніе сочиненій нашего плодовитаго беллетриста и драматурга выходитъ уже третьимъ изданіемъ, что свидѣтельствуетъ объ ихъ успѣхѣ и популярности среди читающей публики. Въ первый томъ вошли слѣдующія произведенія: романъ „Счастье поневолѣ“, повѣсти и разсказы—„Пѣшкомъ за славой“; „До и послѣ“, „Остроумно“, „Небывалое дѣло“; второй томъ заключаетъ въ себѣ повѣсти и разсказы изъ духовнаго быта: „На дѣйствительной службѣ“, „Деревенскій романъ“, „Шестеро“, „Исполнительный органъ“, „Октава“, „Жены“, „Блудный сынъ“ и др.

Генрихъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій: Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Т. V. Изд. С. Скирмунта. Москва. 903. Стр. 434. Ц. 1 р. 20 к.

Произведенія знаменитыхъ скандинавскихъ писателей обыкновенно предлагались русскимъ читателямъ въ переводахъ съ нѣмецкаго, причемъ подлинный смыслъ текста подвергался часто неожиданнымъ и понятнымъ искаженіямъ. Въ настоящемъ изданіи дѣйствительный „переводъ съ датскаго“ исполненъ извѣстнымъ знатокомъ датской литературы, П. Г. Ганзеномъ и г-жею А. В. Ганзенъ, составившей себѣ имя талантливыми переводами скандинавскихъ авторовъ въ стихахъ и прозѣ. Въ напечатанномъ нынѣ томѣ помѣщены: „Столпы общества“, „Кукольный домъ“, „Привидѣнія“ и „Врагъ народа“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1904 г.

(Тридцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“ Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

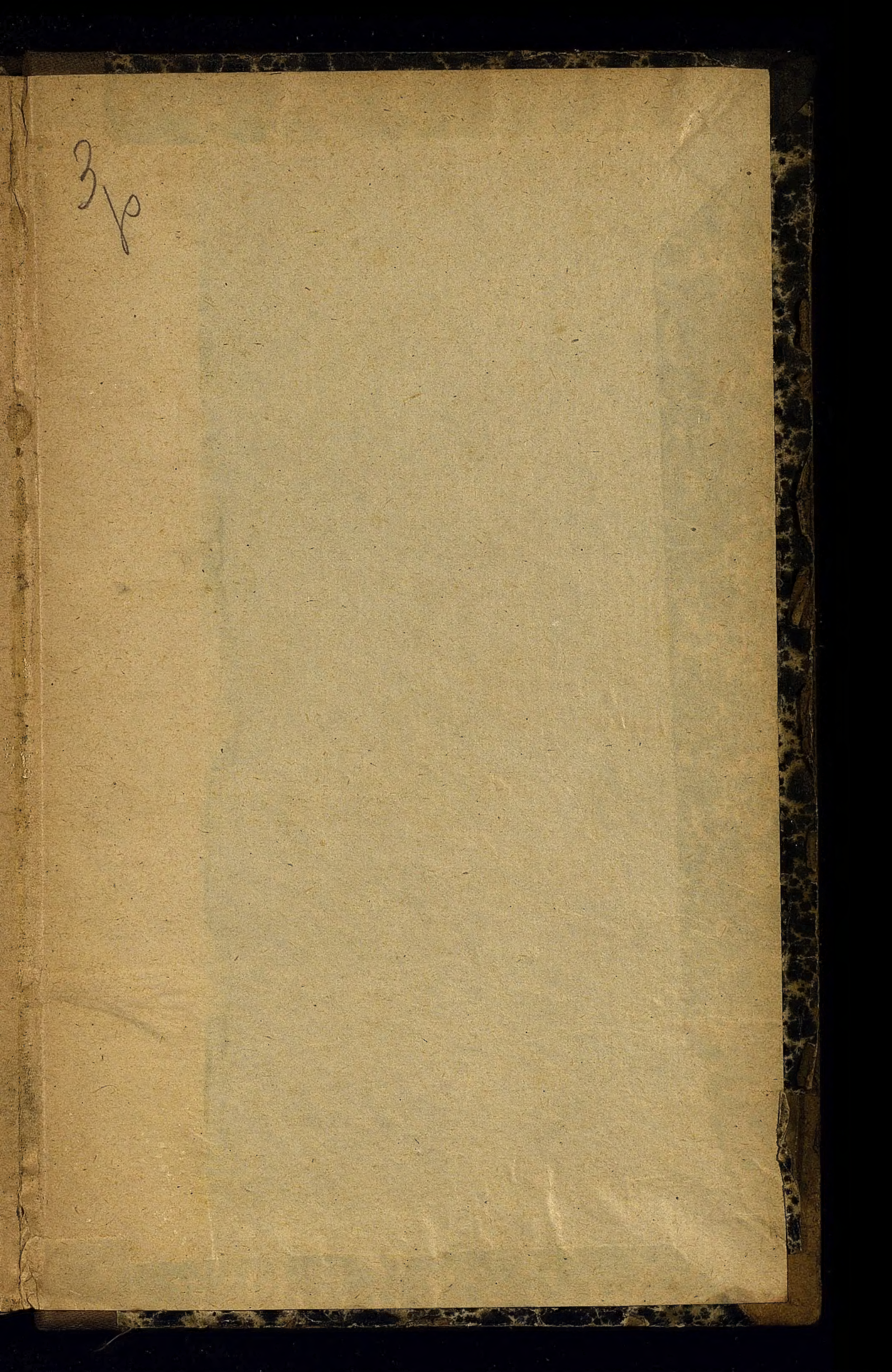

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

3р

